

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет»

На правах рукописи

Борисова Татьяна Станиславовна

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПО ДАННЫМ
ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПЕРЕВОДНЫХ ПАМЯТНИКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ТРИОДНОГО ЦИКЛА)

Специальность: 10.02.01 – Русский язык

Диссертация на соискание ученой степени доктора
филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук
профессор Панин Л. Г.

Новосибирск – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ЧАСТЬ I. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ГИМНОГРАФИИ ИЗ	
ПОСЛЕДОВАНИЯ ТРИОДИ	20
ГЛАВА 1.1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТРИОДИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И	
ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ	20
ГЛАВА 1.2. ТЕКСТОЛОГИЯ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА	
АКАФИСТА БОГОМАТЕРИ ПО СПИСКАМ ТРИОДИ ПОСТНОЙ XII – XV	
ВЕКОВ	41
1.2.1. Акафист Богоматери и основные проблемы его изучения	41
1.2.2. Акростишная (Шафариковская) редакция церковнославянского	
перевода Акафиста Богоматери.....	50
1.2.3. Гимовская редакция Акафиста Богоматери	62
1.2.4. Акафист Богоматери Битольской триоди	66
1.2.5. Хлудовская (Орбельская) редакция Акафиста Богоматери	69
1.2.6. Акафист Богоматери в Загребской триоди – редакция или компиляция?	76
1.2.7. Акафист Богоматери по сербским триодям <i>НБС 644</i> и <i>НБС 645</i>	81
1.2.8. Афонская редакция Акафиста Богоматери	94
1.2.9. Редакция Акафиста Богоматери списка <i>F.n.I.55</i>	102
1.2.10. Русская редакция Акафиста Богоматери.....	107
1.2.11. Выводы.....	114
ГЛАВА 1.3. ВЕЛИКИЙ ПОКАЯННЫЙ КАНОН АНДРЕЯ КРИТСКОГО В	
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ IX – XV ВЕКОВ.....	120
1.3.1. Великий покаянный канон и проблемы его изучения.....	120

1.3.2. Церковнославянский перевод Великого покаянного канона по ранним (до XIV века) славянским спискам. Порядок тропарей в каждой песни как основной параметр первичной классификации списков.....	127
1.3.3. Восточнославянские списки Великого канона	139
1.3.4. Гимовская редакция в сопоставлении с редакцией А и Хлудовской	142
1.3.5. Великий канон по списку Шафариковской триоди	149
1.3.6. Фрагмент Великого канона триоди Моисея Киянина	151
1.3.7. Великий канон в Битольской и Загребской триодах	153
1.3.8. Компиляционный тип текста Великого канона по сербским спискам <i>НБС 644</i> и <i>НБС 645</i>	157
1.3.9. Афонская редакция Великого покаянного канона Андрея Критского	163
1.3.10. Великий канон в редакции <i>F.n.I.55</i>	174
1.3.11. Великий канон триодами <i>Хил. 262</i> и <i>F.I.125</i>	179
1.3.12. Редакция Великого канона списка <i>РГБ 25</i>	181
1.3.13. Выводы.....	191
ГЛАВА 1.4. АЛФАВИТНЫЕ СТИХИРЫ СЛУЖБЫ ВЕЛИКОГО ПОКАЯННОГО КАНОНА АНДРЕЯ КРИТСКОГО В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ IX – XV ВЕКОВ	197
1.4.1. Алфавитные стихиры службы Великого покаянного канона Андрея Критского и основные проблемы их изучения.....	197
1.4.2. Акrostишная группа стихир службы Великого канона – измененный порядок стихир как основной параметр классификации.	205
1.4.3. Группа списков с порядком стихир, повторяющим порядок греческого оригинала. Битольская, Гимовская и Хлудовская редакции стихир.....	211

1.4.4.Компилятивные традиции и их роль на начальных этапах рукописной истории алфавитных стихир (по спискам <i>Шафар.</i> , <i>Загреб.</i> , <i>Киян.</i> , <i>НБС 644</i> , <i>F.n.I. 92</i>)	217
1.4.5. Стихиры Великого канона в традициях, появившихся после Афонской редакции. Списки <i>F.n. I. 55</i> и <i>РГБ 25</i>	226
1.4.6. Выводы.....	236
ГЛАВА 1.5. АНТИФОНЫ ВЕЛИКОЙ ПЯТНИЦЫ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ IX – XV ВЕКОВ	241
1.5.1. Антифоны Великой Пятницы и основные проблемы их изучения	241
1.5.2. Состав тропарей каждого антифона как основной параметр первичной классификации церковнославянских списков	247
1.5.3. Крестобогородичные тропари в составе Антифонов Великой Пятницы в славянских списках	272
1.5.4. Восточнославянские списки с регулярным употреблением крестобогородичных (Русская традиция, Синод. 138 и РГБ 409)	283
1.5.5. Сербские списки Антифонов Великой Пятницы (<i>Серб.</i> , <i>НБС 645</i> , <i>F.n.I.92</i>)	289
1.5.6. Антифоны Великой Пятницы Шафариковской триоди	296
1.5.7. Компиляционные болгарские и восточнославянские списки Антифонов Великой Пятницы (<i>Киян.</i> , <i>Загреб.</i> , <i>Хлуд. 133</i> , <i>Орбел.</i>)	303
1.5.8. Афонская редакция Антифонов Великой Пятницы – южнославянские списки	310
1.5.9. Афонская редакция Антифонов Великой Пятницы – восточно-славянские списки	313
1.5.10. Редакция Антифонов Великой Пятницы по списку <i>Пог. 40</i>	318
1.5.11. Выводы.....	323

ЧАСТЬ II. ЯЗЫК ПЕРЕВОДНЫХ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ПО СПИСКАМ XII – XV ВЕКОВ	329
ГЛАВА 2.1. ЗАДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКИМ МЕТОДОМ	329
ГЛАВА 2.2. ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ.....	343
2.2.1. Лексическое заимствование или славянское соответствие: лингвотекстологический анализ особенностей использования в принимающем языке лексем исходного языка	343
2.2.2. Лексический аспект переноса в церковнославянский язык абстрактных понятийных категорий византийской православной культуры: лингвотекстологический анализ особенностей перевода на церковнославянский язык лексем тематического поля «красота» (на материале списков Великого покаянного канона Андрея Критского).....	359
2.2.3. Лингвотекстологический анализ влияния греческого языка на формирование системных связей лексики церковнославянского языка (на материале лексического варьирования в лексико-семантических группах глаголов с семантикой зрения и с семантикой речи в редакциях Акафиста Богоматери)	372
2.2.4. Выводы.....	385
ГЛАВА 2.3. ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ.....	389
2.3.1. Об особенностях перевода греческих сложных слов на начальных этапах церковнославянской книжности: опыт лингвотекстологической реконструкции ранних переводов composita византийских гимнов	389

2.3.2. История словообразовательного калькирования при переводе греческих композитов: опыт диахронного лингвотекстологического анализа по спискам XI – XV веков	403
2.3.3. К вопросу об эволюции церковнославянской префиксальной деривации: опыт лингвотекстологического анализа славянских переводов греческих слов с приставкой συν-	416
2.3.4. Выводы.....	434
ГЛАВА 2.4. ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗНОЧТЕНИЙ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ	439
2.4.1. Лингвотекстологический метод и историческая стилистика.....	439
2.4.2. К вопросу о восприятии алфавитного акростиха на начальных этапах славянской книжности: лингвотекстологическое исследование акростишных переводов Акафиста Богородицы и Стихир Великого покаянного канона.	440
2.4.3. Лингвотекстологическое изучение особенностей воспроизведения первичных и вторичных звуковых повторов в церковнославянских редакциях Акафиста Богородицы и Стихир Великого покаянного канона	450
2.4.4. Лингвотекстологическое изучение особенностей воспроизведения поэтических средств греческого оригинала в церковнославянском переводе Антифонов Великой Пятницы.....	463
2.4.5. Выводы.....	470
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	474
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	485
ПРИЛОЖЕНИЕ	537

ВВЕДЕНИЕ

Восстановление ранних этапов переводной церковнославянской письменности остается одной из важнейших задач современной палеославистики. Скудость и неоднозначность истолкования дошедших до нас исторических и житийных источников, посвященных начальным переводам и последующим редактированиям греческих церковных книг в славянском мире в IX – XIV веках, создает ситуацию, когда единственным достоверным и неоспоримым свидетелем этих процессов становится сам текст. Данный текст, как правило, доходит до нас в списках, отстоящих на несколько веков от времени его предположительного создания, и, следовательно, в значительно измененном виде. Восстановление его исходной формы на основе текстологического анализа славянских списков в сопоставлении с греческим оригиналом, а также анализ особенностей и причин произошедших в нем позднее изменений – это единственный возможный на сегодняшний день путь воссоздания картины переводной славянской письменности раннего периода.

Гимнографическим текстам по праву отводится особое место в корпусе византийской церковной книжности, адаптированной на славянской почве. Поэтическая природа этих текстов, а также особая роль, которую они играли в богослужебной практике, связанная с этим популярность и повышенное внимание к дословной точности передачи оригинального греческого текста и, как следствие, почти постоянное редактирование на основе греческого оригинала, делает их неоценимым материалом для анализа важнейших процессов и составляющих как книжной деятельности древних славян, так и истории их языка. Именно на основе сопоставления разновременных редакций данных текстов можно проследить за процессом формирования церковнославянского и русского литературного языков, а также за той ролью, которую греческий язык как язык передающей культуры играл в данных процессах. Отметим, что особая роль греческого языка в истории русского неоднократно отмечалась как

исследователями, так и выдающимися представителями русской культуры. Показательным в данной связи является высказывание А.С.Пушкина: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность» [Пушкин, 1964, т. 7, с. 27]. Вместе с тем, как размеры, так и механизм греческого влияния на русский язык еще не были должным образом изучены на конкретном текстовом материале.

Очевидно, что на ранних этапах славянской книжности гимнография переводилась и существовала, главным образом, в составе сборников, необходимых для осуществления богослужения. Одним из основных сборников такого типа является Триодь – литургический сборник, содержащий песнопения годового подвижного богослужебного круга – то есть праздников, не имеющих фиксированной даты по солнечному календарю, но ежегодно рассчитываемых в зависимости от Пасхи. Несмотря на наличие в отечественной и зарубежной филологической традиции как фундаментальных работ, посвященных типологии славянской триоди [Карабинов, 1910; Славева, 1972; Попов, 1978, 1982, 1985; Момина, 1976, 1982, 1983b, 2004, 2010], так и исследований и изданий отдельных переводных гимнов триодного цикла [Момина, 1983a, 1985; Христова-Шомова, 2015; Амфилохий, 1879; Bugge, 1960; Filonov Gove, 1988; Dostal, Rothe, 1979; Кенанов, 2015; Кириллин, 1998; Правдолюбов, 1987; Александрова, 2014; Якобсон, 1957], на сегодняшний день можно констатировать, что не только триодные, но и целом переводные гимнографические тексты практически не привлекались в качестве источника по истории русского литературного языка: число как лингвотекстологических исследований, выполненных на материале

гимнографии [Афанасьева, 2000, 2004, 2015; Кривко, 2016], так и синхронных описаний языка отдельных списков гимнографических сборников [Црвенковска, 1999, 2002, 2006; Макаријоска, Црвенковска, 2012] чрезвычайно ограничено.

Диссертация посвящена изучению истории языка переводов четырех византийских гимнографических текстов триодного цикла: Акафиста Богоматери, Великого покаянного канона Андрея Критского, Алфавитных стихир из последования Великого покаянного канона и Антифонов Великой Пятницы – в церковнославянской книжности IX – XV вв. на основе лингвотекстологического анализа их разновременных редакций. Лингвистические и текстологические вопросы переноса и рецепции византийской гимнографии славянской культурой рассматриваются в тесной связи с византийской традицией и текстологией византийских оригиналов, с историей русского литературного и церковнославянского языка во всех его региональных и временных проявлениях, а также церковнославянской книжности в целом.

Объектом исследования является русский литературный язык в своем историческом развитии в период с IX до XV века, зафиксированный в разновременных редакциях и списках четырех переводных гимнографических текстов триодного цикла.

Предметом исследования являются выявляемые лингвотекстологическим методом исторические изменения русского литературного языка, происходящие под влиянием греческого языка – языка оригинала изучаемых текстов.

Целью исследования является описание истории языка четырех византийских гимнов триодного цикла в славянской книжности на ранних (с IX до XV века) этапах истории переводов, а также разработка методологических принципов использования переводных церковнославянских текстов в качестве источника по истории русского литературного языка. На основе полученных результатов мы делаем несколько общих выводов относительно истории русского литературного языка означенного периода, истории всего сборника триоди

постной и цветной, а также общей картины церковнославянской письменности в первые семь веков ее существования.

Для достижения данной цели был поставлен ряд **конкретных задач**:

1. Определить репрезентативный корпус церковнославянских рукописных списков XI – XV вв., содержащих анализируемые гимнографические произведения и представляющих различные изводы и периоды истории церковнославянского языка.

2. Сформулировать основные критерии типологической и текстологической группировки данных списков для каждого из данных произведений.

3. На основе сопоставительного анализа типологических признаков и текстологических различий разделить списки на редакции, охарактеризовать каждую из редакций, выявить отношения между редакциями для каждого из анализируемых текстов, определить и охарактеризовать смешанные (компилированные) типы, построить стеммы, графически представляющие отношения между изученными списками.

4. Сопоставить результаты текстологического анализа каждого из изученных текстов, выявить на основе данного сопоставления общие закономерности развития Триоди в церковнославянской письменности, а также различия в текстологической истории разных триодных гимнов.

5. Опираясь на выявленную текстологическую классификацию, проанализировать язык рассматриваемых текстов в лингвотекстологическом аспекте, продемонстрировать перспективность лингвотекстологического анализа переводного гимнографического материала как важного источника для истории русского литературного языка.

6. Провести лингвотекстологический анализ лексических и лексико-словообразовательных различий между редакциями анализируемых текстов,

выявить основные закономерности рецепции лексико-семантических и словообразовательных структур греческого языка в принимающем языке.

7. На основе сопоставительного анализа славянских списков акростишной редакции проследить дальнейшую судьбу акростиха в ранней церковнославянской переводной гимнографии.

8. На основе анализа разночтений, выявленных между редакциями, охарактеризовать особенности переноса и адаптации других поэтических средств византийской гимнографии в церковнославянской языковой среде.

В диссертационном исследовании выдвигается **гипотеза** о системном влиянии греческого языка на церковнославянский и русский литературный, осуществляемого в процессе перевода текстов и их последующего редактирования путем переноса языковых структур разных уровней (словообразовательных, лексических, синтаксических, поэтических) из передающего языка в принимающий, а также последующей адаптации данных структур в системе принимающего языка.

На защиту выносятся **следующие положения**:

1. Церковнославянская триодь, разделенная позднее на две части – постную и цветную, была переведена на старославянский (церковнославянский) язык не единовременно, но составлена из гимнографических произведений, переведенных в разное время и разными людьми. Компилятивный характер своего состава, проявившийся в том, что в один сборник входили тексты различных редакций и традиций, триодь сохраняет в южнославянской письменности вплоть до Афонской книжной справы, а в восточнославянской – до конца рассматриваемого периода (XV век). Таким образом, текстологическая история каждого конкретного триодного гимна не может быть сведена к истории всего сборника и должна исследоваться и описываться отдельно, а использование как всего сборника, так и его конкретных текстов в качестве источника по

истории языка должно предваряться описанием текстологической истории конкретного триодного текста.

2. Древнейший корпус триодных текстов был переведен на церковнославянский язык на рубеже IX и X веков на основе принципов свободного перевода-парафраза. Имеются основания полагать, что существовало два независимых перевода в глаголической и кириллической традициях. Последующая рукописная история славянских переводов анализируемых византийских гимнов определялась двумя процессами: редактированием – последовательным исправлением текста на основе греческого оригинала, и компилированием – непоследовательным совмещением в пределах одного текста элементов различных славянских редакций и традиций. Последним явлением, необходимым условием которого является сосуществование на одной территории в один исторический период, по крайней мере, двух редакций, не маркированных на основе оппозиции нового и «правильного» с устаревшим и «неправильным», объясняется многообразие южнославянских традиций XII – XIII веков, а также восточнославянских традиций XV века. С начала XIV века, то есть, начиная с Афонской книжной sprawy, южнославянская книжность начинает развиваться на основе другого принципа: новые редакции в ней противопоставляются старым и маркируются как правильные. В восточнославянской книжности в течение всего анализируемого периода новые редакции сосуществуют и компилируются со старыми без явной маркировки.

3. Процессы редактирования анализируемых текстов с X по XIII век (до Афонской книжной sprawy) были ограничены исключительно на болгарской территории, в сербский и восточнославянский ареалы в этот период попадали, переписывались и компилировались уже готовые редакции. Единственной редакцией, предположительно созданной на русской территории в рассматриваемый период, стала относительно поздняя редакция Акафиста Богоматери, названная нами Русской и отмеченная исключительно в восточнославянских списках XV века. Прочие проанализированные тексты в

восточнославянском ареале либо не редактировались вообще, либо данные редакции не получили распространения в книжности.

4. По мере развития церковнославянского языка в славянской книжности изменяется подход к переводу гимнографического текста: от «вольного» описательного перевода-парафраза первых редакций, к пословно точным, но значительно обедненным в лексическом и поэтическом плане среднеболгарским переводам, и в дальнейшем к достигающим и буквальной, и поэтической точности за счет значительно обогащенной лексики церковнославянского языка переводам афонских монахов и их последователей. Обогащение языка рассматриваемых текстов происходит путем перенесения в них языковых структур греческого языка, заимствованных из оригиналов.

5. Гимнографический материал обладает огромным потенциалом в качестве источника для историко-лингвистического исследования, на основе диахронного лингвотекстологического анализа различных редакций и традиций анализируемых произведений были получены результаты, важные для исторической лексикологии, исторического словообразования и исторической стилистики.

6. Сопоставительный анализ разночтений между славянскими редакциями анализируемых текстов показал, что развитие церковнославянского языка на протяжении всего анализируемого периода шло под непосредственным влиянием греческого языка, осуществляемого не путем механического заимствования, но калькирования с использованием собственных ресурсов. Перенос языковых структур из исходного языка в принимающий и их адаптация в новой языковой системе приводит к обогащению языка на лексическом, словообразовательном и морфологическом уровнях, к переосмыслению и творческой переработке иноязычного языкового и культурного наследия.

7. Изучение рецепции поэтических структур византийской гимнографии при помощи лингвотекстологического метода показало, что наиболее воспринятыми из всего арсенала византийских поэтических средств в церковнославянском языке оказались не формальные, но формально-семантические повторы, то есть

различные виды паронимии. Перенос алфавитного акростиха на славянскую почву, предпринятый в первых переводах акростишных греческих гимнов, не был воспринят принимающей культурой.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена:

1) важностью привлечения новых текстов в качестве источников по истории русского литературного языка, а также разработки методологических принципов систематизации получаемого на основе их анализа материала,

2) отсутствием в палеославистике работ, анализирующих переводную церковнославянскую гимнографию триодного цикла как в классическом текстологическом, так и в лингвотекстологическом аспекте на основе комплексного сопоставительного анализа списков XI – XV веков, представляющих различные региональные традиции, в сравнении с греческими оригиналами;

3) необходимостью реконструкции ранних периодов церковнославянской книжности на основе текстологической истории произведений, переведенных на самых начальных ее этапах, неоднократно редактировавшихся впоследствии и входивших в узус средневекового человека;

4) важностью рассмотрения греко-славянских языковых и литературных связей в широком сравнительно-лингвистическом и историко-культурологическом контексте.

Научная новизна предлагаемого подхода состоит в объединении принципов исторического языкознания, текстологии, лингвотекстологии, теории перевода с целью реконструкции лингвистической истории группы текстов, входивших в состав одного сборника, на широком временном и территориальном срезе. Такое комплексное изучение восточнославянских и южнославянских традиций по спискам XI – XV вв. позволит нам воссоздать общую картину переводной гимнографической книжности *Slavia Orthodoxa* параллельно с ее

византийскими прототипами, а также получить новые данные по истории русского литературного языка в период с IX по XV век.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней, во-первых, предлагаются методологические основания и текстологические параметры для классификации списков и редакций церковнославянских произведений, входящих в состав одного богослужебного сборника, а также разрабатывается терминологический аппарат типологического и текстологического исследования переводного текста. Во-вторых, реконструируется текстологическая история данных текстов в период с IX по XV век, что является существенным вкладом в восстановление картины ранних этапов церковнославянской письменности в целом. В-третьих, обосновывается правомерность и перспективность изучения гимнографического материала в лингвотекстологическом аспекте. Результаты, полученные на основе сопоставительного анализа славянских переводов и их византийских прототипов, представляют интерес для истории русского литературного языка, русской исторической лексикологии и лексикографии, исторической поэтики, истории церковнославянской и древнерусской книжности и византийской филологии. Разработанные в работе методы сравнительного текстологического и лингвотекстологического анализа могут быть применены к изучению других произведений и групп текстов в составе славянской переводной книжности.

Практическая значимость работы состоит в текстологическом описании церковнославянской рукописной истории четырех переводных гимнографических текстов. Результаты исследования могут быть использованы в научных изданиях славянских переводов византийской гимнографии, при описании церковнославянских рукописей, для реконструкции аутентичного текста византийских гимнов и описания его рукописной истории, в исторической лексикографии русского литературного и церковнославянского языков, в историко-литературных и сопоставительно-лингвистических исследованиях.

Основными методологическими принципами диссертационного исследования являются принципы системности и историзма. Основным **методом исследования** является метод филологического анализа текста, включающий в себя методологию сравнительного типологического и текстологического исследования произведения по рукописным спискам, разработанную в медиевистике, а также успешно применяемый в современной палеославистике лингвотекстологический метод [Жуковская, 1963, 1964, 1976, 1983; Молдован, 1994, 1997, 2000; Панин, 1988, 1995; Алексеев, 1980; Пичхадзе, 1991; Верещагин, 2001; Пентковская, 2006, 2008, 2009а; Злыгостьева (Щеглова), 1995; Щеглова, 2011, 2013; Афанасьева, 2000, 2004, 2015]. Для решения поставленных задач использовались также элементы методов контекстуального, сопоставительного, лингвокультуроведческого и статистического анализа.

Исследование **выполнено на материале** более 70 церковнославянских (древнерусских, древнесербских и среднеболгарских) рукописных источников XI—XV вв., большую часть из которых составляют списки триоди постной и цветной, сохранившиеся полностью либо во фрагментах. Помимо этого, анализируемые триодные гимны: Акафист Богоматери, Великий покаянный канон Андрея Критского, Алфавитные стихирьы из последования Великого покаянного канона и Антифоны Великой Пятницы — рассматривались и в составе других сборников: кондакарей, стихирарей, псалтирей с воследованием. Наряду с рукописным славянским материалом для исследования привлекался материал опубликованных памятников церковнославянской письменности, научных и церковных изданий и рукописных источников по византийской гимнографии, исторических словарей и грамматик греческого, церковнославянского и древнерусского языков.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры источниковедения, литературы и древних языков федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования

«Новосибирский национальный исследовательский государственный университет».

Основные идеи работы были изложены автором в докладах, прочитанных и обсужденных на следующих международных конференциях и симпозиумах: «Языки, культуры и книжности Великого княжества Литовского» (Вильнюс, 2008), «Эллинизм: культура, традиции и язык в российской государственности и в социуме Сибири» (Томск, 2009), «Славяне и греческий мир» (Афины, 2012), Третий международный конгресс по болгаристике (София, 2013), «Кирилл и Мефодий: Византия и славянский мир» (Фессалоники, 2013), Вторая международная конференция, посвященная 1000-летию присутствия русских на Святой Горе «Афон и славянский мир» (София, 2014), Второй симпозиум греческих славистов (Фессалоники, 2015), Третья международная конференция, посвященная 1000-летию присутствия русских на Святой Горе «Афон и славянский мир» (Киев, 2015), Международная конференция, посвященная 600-летию избрания Григория Цамблака митрополитом Киевским и Литовским «Цамблаковские чтения» (Велико Тырново, 2015), Четвертые международные славянские чтения (Москва, 2015), Одиннадцатые Загребинские чтения «Византия – Балканы – Русь: перекрестки культурных путей» (Санкт-Петербург, 2016), «Влияние эллинизма на науку, культуру и образование современной эпохи» (Томск, 2016), «Греческо-русские связи в новый и новейший периоды (XVIII – XX вв.)» (Афины, 2016), «Язык как средство общения и межкультурных связей» (Афины, 2016), «Миссионерский, филологический и культурный вклад Кирилла и Мефодия в просвещение славянских народов и его значение в контексте дальнейшего углубления связей Греции и России» (Ираклион, 2016), «Русистика сегодня: традиции и перспективы» (София, 2016), «Климент Охридский в культуре Европы» (София, 2016), «Язык и культура: межкультурная антропология» (Ростов-на-Дону, 2017), «Русский язык и культура в зеркале перевода» (Афины, 2017), Шестая всероссийская научная конференция «Язык как система и деятельность» (Ростов-на-Дону, 2017), «Русская литература и ее связи с

другими национальными литературами Европы» (Афины, 2018), Третий симпозиум греческих славистов (Фессалоники, 2017), Четвертая международная конференция «Россия и Греция: диалог культур» (Петрозаводск, 2018), Пятая международная конференция «Россия и Греция: диалог культур» (Петрозаводск, 2019).

По теме диссертации опубликовано 48 работ, в том числе две монографии, среди которых одна авторская и одна коллективная, и 46 статей, 16 из которых включены в перечень ВАК. Собранный материал нашел применение в курсах «Историческая грамматика русского языка», «История русского литературного языка», «Введение в церковнославянскую филологию», прочитанных для бакалавров факультета русской филологии и славяноведения Афинского национального университета им. И. Каподистрии (Афины, 2010 – 2019).

Логика решения исследовательских задач отражена в структуре диссертации. Работа состоит из Введения, двух частей, Заключения, библиографического списка, списка использованных рукописных источников и принятых сокращений. Первая часть, посвященная текстологической истории анализируемых переводных гимнографических текстов, состоит из пяти глав, в том числе из первой вводно-методологической главы, в которой дается краткий обзор истории изучения славянской триоди в текстологическом и лингвистическом аспектах, и четырех последующих глав, посвященных каждому из анализируемых произведений. В каждой из этих глав описываются исследуемые рукописные источники, содержатся текст славянского перевода конкретного произведения, определяются критерии построения их типологической и текстологической классификации, на основе которых славянские списки группируются в редакции и традиции, определяются отношения между данными редакциями и основные различия между ними. Завершается каждая из глав стеммой рукописной истории славянского текста по проанализированным спискам.

Данное текстологическое исследование является необходимой предпосылкой лингвотекстологического изучения языка анализируемых текстов, предпринятого во второй части. Здесь разделение на главы проведено по другому принципу: наряду с вводно-методологической главой, посвященной истории и основным принципам лингвотекстологического метода, в нее включены три главы, посвященные анализу собственно лексических, лексико-словообразовательных и стилистических различий соответственно во всех анализируемых текстах. Диахронное изучение изменений в языке анализируемых текстов от редакции к редакции и последовательное применение лингвотекстологического метода позволило нам получить принципиально новые результаты в области исторической лексикологии, словообразования и стилистики, более точно воссоздать картину истории русского литературного языка в рассматриваемых аспектах и определить размеры и механизмы влияния, оказанного греческим языком на его развитие. В Заключении подводятся итоги работы и намечаются перспективы дальнейших исследований.

ЧАСТЬ I
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ГИМНОГРАФИИ ИЗ
ПОСЛЕДОВАНИЯ ТРИОДИ

ГЛАВА 1.1.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТРИОДИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ
ФИЛОЛОГИИ

Поскольку гимнография выполняла, прежде всего, богослужебную функцию, неудивительно, что в письменной форме она существовала, главным образом, в составе богослужебных сборников. Изучаемые нами произведения (Акафист Богородицы, Великий покаянный канон Андрея Критского, Стихиры Великого канона, Антифоны Великой Пятницы) входили в состав различных богослужебных сборников: кондакарей, стихирарей, псалтирей с воследованием, каноников, акафистников и т. д. Однако основным сборником, определившим их историю как в византийской, так и славянской письменной культуре, несомненно, была триодь – литургический сборник, содержащий песнопения годового подвижного богослужебного круга – то есть праздников, не имеющих фиксированной даты по солнечному календарю, но ежегодно рассчитываемых в зависимости от Пасхи. Славянское название сборника происходит от греческого Τριώδιον, восходящему к названию особых песнопений – трехпесенных канонов или трипеснцев, церковное исполнение которых связано с будними днями святой сорокадесятицы (первых 6 недель Великого Поста). Древняя триодь, объединявшая все песнопения подвижного богослужебного круга (от первой из четырех подготовительных к Великому Посту Недели о мытаре и фарисее до Недели Всех Святых – следующего воскресения после Пятидесятницы) позднее – начиная с X века – была разделена на две части: триодь постную и триодь цветную (или пентикостарий от греческого Πεντηκοστήριον) [Карабинов, 1910, с. III]. Граница между частями была подвижной – если в современной литургической практике триодь постная завершается службами Великой

Субботы, а триодь цветная начинается с Недели Пасхи, то в интересующую нас эпоху (вплоть до Никоновской реформы) вторая часть триоди начиналась уже с Лазаревой субботы (точнее, с вечерней службы пятницы накануне Лазаревой субботы) [Карабинов, 1910, с. 234; Момина, 1976, с. 392]. Основную часть песнопений триоди составляют каноны, в субботние и воскресные дни состоящие из 8 – 9 песен, а в будние – из трех (отсюда и название – трипеснец, от которого происходит и название всего сборника). Наряду с ними в состав триоди входят и другие гимнографические тексты: подобны и самогласны стихирь (на «Господи воззвах» – в составе вечерней службы, на «хвалитех» и на «стиховне» – в составе утренней), прокимены, седальны, икосы и каноны и т. д. [Момина, 1976, с. 394 – 395]. Основной корпус песнопений триоди составляют произведения византийских авторов VII – IX веков: Андрея Критского, Иоанна Дамаскина, Космы Маюмского, патриархов иерусалимских Софрония и Илии III, патриархов константинопольских Германа и Тарасия, Иосифа Песнопевца и Феодора Студита, Кассии и др. Встречаются и гимны более ранних авторов, в частности, Романа Сладкопевца [Црвенковска, 2006, с. 11; Момина, 1976, с. 345; Момина, 1983, с. 25].

Важность триоди как одного из основных богослужебных сборников вызвала необходимость ее перевода уже на начальных этапах церковнославянской письменности. Единственным свидетельством источников, которым мы располагаем относительно этого процесса, является упоминание, содержащееся в Житии Климента Охридского, составленном Феофилактом Болгарским, о том, что Климент перед своей кончиной в 916 году перевел недостающую на тот момент часть славянской триоди, конкретно, песнопения от Фоминой Недели до Пятидесятницы [Флоря, 2000а, с. 207]. Это позволяет предположить, что оставшейся частью сборника славяне к тому моменту уже располагали, и, таким образом, датировать первый славянский перевод триоди концом IX – самым началом X в. Однако информации о том, когда точно и кем был начат перевод триоди, в исторических и житийных источниках не содержится.

Триодь как один из основных богослужебных сборников неизменно находилась в центре внимания исследователей византийской и церковнославянской письменности. Среди многочисленных посвященных ей научных изысканий хотелось бы отметить несколько основополагающих работ, закладывающих теоретические и методологические основы для дальнейшего изучения данного сборника.

Научный интерес к славянской триоди возник в начале XX века, тогда же появились и первые работы, посвященные палеографическим, текстологическим и языковым особенностям отдельных древнейших славянских списков [Ильинский, 1906; Туницкий, 1928]. Первым систематическим исследованием постной триоди стала опубликованная в 1910 году одноименная монография И. Карабинова [Карабинов, 1910]. Широкий научный кругозор, систематичность исследовательской мысли, активное привлечение и сопоставление как греческих, так и славянских источников – все это позволило данной работе стать не просто исторической вехой в изучении сборника, но и сохранить свою актуальность и по сей день.

Основываясь на справедливом утверждении о том, что «трудно и даже невозможно говорить о редакциях постной триоди, потому что каждая рукопись непременно имеет какие-либо особенности: правильнее будет вести речь о типах постной триоди, т. е. о совокупности известных преобладающих черт, свойственных той или иной группе рукописей» [Карабинов, 1910, с. 208], автор предлагает первую не только в отечественной, но и в мировой науке типологическую классификацию греческой и славянской триоди. К основным достижениям исследования, непосредственно связанным с настоящей работой и не потерявшим научной актуальности, относятся следующие:

- 1) анализ происхождения основных гимнографических жанров, а также процесса образования состава постной триоди, разделенного автором на три основных периода: «Первый из них простирается до св. Феодора Студита (759–826) и соответствует первой эпохе византийской церковной поэзии. Второй период должен обнять собою деятельность св. Феодора,

подражателей и продолжателей его труда и других песнописцев IX в. Этот период соответствует первым временам константинопольской эпохи византийской церковной поэзии, когда в ней хотя и замечается уже упадок, но все-таки продолжает появляться немало хороших песнопений. Наконец, третий период будет продолжаться с X-го до XV-го вв.» [Карабинов, 1910, с. 77]. Подробно разбирается вклад в триодь выдающихся палестинских и константинопольских гимнографов, а также история происхождения отдельных песнопений или служб триодного цикла, в частности, Акафиста Богородицы [Карабинов, 1910, с. 35 – 50], службы Святых Страстей и Часов Великой Пятницы [Карабинов, 1910, с. 87 – 97], Великого канона Андрея Критского [Карабинов, 1910, с. 34 – 35, 103 – 106], на чем мы остановимся ниже при анализе соответствующих произведений.

- 2) описание генезиса постной триоди как разножанрового сборника из сборников однородных песнопений (кондакарей, стихирарей и т.д.) и тропологиев [Карабинов, 1910, с. 206 – 208].
- 3) типологическая классификация греческой триоди на основе 55 списков восточного и западного происхождения, датируемых X – XVI веками, в сопоставлении с другими ранними сборниками: стихирарями, ирмологиями, богослужебными уставами, паримийниками [Карабинов, 1910, с. IV – V], позволившая выделить следующие шесть хронологически последовательных типов византийской триоди постной:
 - гипотетически восстанавливаемый тип авторской триоди свв. Иосифа Песнописца, Феодора Студита и Климента, к данной гипотезе автор приходит на основании последовательного расположения песнопений разных авторов в некоторых древнейших списках сводной триоди (в частности, Ватиканской Триоди № 771) [Карабинов, 1910, с. 208];
 - сводный тип триоди, дошедший до нас в западных списках до XII в. (Ватиканская Триодь № 771, Синайские триоди № 734 – 735 и т.д.), но имеющий архаичное восточное происхождение и отличающийся

значительными колебаниями объема и состава, а также нефункциональным расположением песнопений [Карабинов, 1910, с. 209 – 212];

- второй сводный тип триоди, зафиксированный, главным образом, в ранних восточных рукописях (Синайские триоди № 733 и 736) и являющийся «сокращением наиболее упорядоченной триоди первого сводного типа» [Карабинов, 1910, с. 212];
 - третий сводный тип триоди, появившийся, видимо, практически одновременно со вторым, практически не отличающийся от него по составу, однако характеризующийся более удобным расположением песнопений (в частности, самогласных и подобных стихир); именно с данного типа начинается деление триоди на две части: постную и цветную [Карабинов, 1910, с. 213 – 214];
 - четвертый тип сводной триоди, зафиксированный исключительно в восточных рукописях и сложившийся в XII веке под влиянием Иерусалимского устава, с упорядоченным расположением песнопений согласно порядку их богослужебного употребления; именно этот тип был положен в основу первых печатных триодей [Карабинов, 1910, с. 214 – 215];
 - пятый тип сводной триоди, являющийся упрощенной модификацией четвертого типа, датируемый XIII – XIV вв [Карабинов, 1910, с. 215 – 216].
- 4) типологическая классификация славянской триоди, история которой «является отображением истории греческой восточной триоди» [Карабинов, 1910, с. 216], однако со значительным отставанием, вызванным как периферийным положением, так и необходимостью перевода. В целом, в истории славянской триоди выделяется три основных этапа: «во-первых, появление первого славянского перевода, затем, исправление её при болгарском патриархе Евфимии и, наконец, исправление на Руси, в Киеве и в Москве, в XVII в.» [Карабинов, 1910, с. 216 – 217]. На основании вышеприведенного житийного свидетельства И. Карабинов датирует появление первого славянского перевода Триоди периодом до 916 г. и атрибутирует его либо ученикам Мефодия, либо Клименту Охридскому [Карабинов, 1910, с. 217]. Отметим, что описывая

первый этап славянской триоди, И. Карабинов опирается на сравнительно небольшой в сопоставлении с греческим рукописный материал (всего 6 списков) [Карабинов, 1910, с. VI], что делает менее доказательными его основные выводы, которые для данного этапа можно свести к следующему:

- первый славянский перевод неоднократно редактировался по греческому оригиналу, наиболее древняя его версия представлена в Шафариковской триоди, однако и в ней уже видны следы позднейших наслоений, в частности отдельные самогласны даны в двух редакциях: старой и новой. Наблюдения над компиляционным характером Шафариковской триоди очень важны, поскольку ставят под сомнение атрибуцию каждого конкретного языкового факта из данного списка переводческой деятельности первых славянских книжников («В каком отношении она (Шафариковская триодь) стоит по редакционной стороне к первой славянской триоди, сказать ничего нельзя» [Карабинов, 1910, с. 218]). Отмечается автором и наличие в данной триоди неатрибутированных трипеснцев на месте аналогичных гимнов Феодора, отсутствующих в греческой традиции. Оригиналом данной триоди, по мнению автора, послужила греческая триодь третьего сводного типа. Констатируется архаичность и «примитивность» языка, наличие многочисленных неправильных чтений, восходящих к греческому оригиналу, перевод, «переходящий в перифраз» [Карабинов, 1910, с. 218 – 220].
- вторым по древности после Шафариковской триоди списком автор считает Триодь Моисея Киянина, (в авторских обозначениях Типографскую триодь), по составу и расположению песнопений соответствующую второму греческому типу. Автор не дает окончательного ответа на вопрос об отношении данной версии славянского текста к предыдущей: «В её составе... всего меньше сохранилось подлинных седальнов и стихир свв. Иосифа и Феодора и всего больше песнопений этого рода, представляющих собою подражание произведениям последнего. Таким образом, её по плану и по составу следует считать древнее даже и Шафариковской. Но текст её

самогласнов пересмотрен и правлен по греческому оригиналу» [Карабинов, 1910, с. 222].

- следующую редакцию славянского текста, в которой славянский текст приводится в соответствие с триодями четвертого сводного греческого типа, автор находит в Орбельской и Погодинской триодах. С текстологической точки зрения констатируется наличие нескольких «слоев перевода»: ряд песнопений сохраняют архаический перевод, другие же исправлены в сравнении с предыдущими двумя типами. Наконец, с точки зрения состава «в Орбельской триоди немало уже и новых песнопений: так, здесь увеличилось количество подлинных стихир и седальнов свв. Феодора и Иосифа, прибавлены многие песнопения в службах страстной седмицы и т. д.» [Карабинов, 1910, с. 223].
 - наконец, последний тип первого этапа славянской триоди был обнаружен автором в древнерусских списках – этот тип соответствует ранним версиям греческого третьего типа. И состав, и текст большинства песнопений подвергся справе в сравнении с предыдущим типом. Давая высокую оценку данному переводу («По точности, тщательности и по правильности славянской речи указанные переводы – самые лучшие в древнеславянской триоди, хотя, конечно, и они не свободны от неточностей и ошибок» [Карабинов, 1910, с. 227]), автор выдвигает гипотезу его восточнославянского происхождения («Если среди южнославянских памятников не найдется триодей с характерными особенностями рассматриваемой категории триодей, то известную часть выполненной в них работы по пересмотру и исправлению текста, по-видимому, можно отнести на долю русских» [Карабинов, 1910, с. 228]).
- 5) новый – второй – этап истории славянской триоди начинается с систематической справы всех литургических книг по греческому оригиналу, которая, по мнению И. Карабинова, произошла в XIV веке (с 1365 г.) в Болгарии книжниками из круга патриарха Евфимия Тырновского [Карабинов, 1910, с. 229]. Основой для справы триоди постной, осуществленной

неизвестным книжником, послужил последний пятый тип греческой триоди. Наряду с констатацией качественного улучшения славянского текста («Евфимиевское исправление триоди для тогдашнего времени сделано было довольно тщательно. Справщики её, несомненно, знали греческий язык превосходно. Они старались как можно ближе держаться греческого текста. Грубые ошибки старого перевода ими изглажены почти все» [Карабинов, 1910, с. 231]), делаются интересные лингвистические наблюдения о «буквальном переводе» (то есть калькировании) греческих слов [Карабинов, 1910, с. 231]. По мнению И. Карабинова, созданный на основе данной sprawy тип триоди вытеснил более ранние типы как на южнославянских, так и на восточнославянских территориях, был зафиксирован в краковских и московских печатных изданиях и повсеместно употреблялся вплоть до XVI века, то есть до третьего и последнего этапа истории славянской триоди, начало которому положили Киевская и Никоновская sprawy [Карабинов, 1910, с. 232 – 234]. Наблюдения автора над этим этапом, однако, выходят за хронологические рамки нашего исследования.

В целом, необходимо отметить, что выводы и классификации, предложенные И. Карабиновым, заложили основы дальнейшего исследования триоди постной не только в славистике, но и в византистике. Исследователем точно были отмечены сложности текстологического исследования славянской триоди на ранних этапах, связанные с отсутствием четкой корреляции между составом триоди и текстологической историей составляющих ее гимнов (так, в архаичные по составу триоди могли входить относительно поздние редакции отдельных гимнов и наоборот), наличием разных редакций для разных песнопений в составе одного сборника и т.д. Однако ограниченный славянский рукописный материал, привлеченный исследователем для анализа, что было связано с общим низким уровнем описания славянских рукописных источников в то время, не позволил ему получить полную картину истории данного сборника на славянской почве и стал причиной отдельных неточных положений, в дальнейшем исправленных текстологической наукой. Все последующие

исследователи, опираясь на классификацию И. Карабинова, дополняли, расширяли и исправляли ее, привлекая для исследования новые рукописные источники.

Первой значительной работой в данном ряду стала статья Лидии Славевой «За старословенскиот Триод» [Славева, 1972]. Опираясь на основные положения работ И. Карабинова, исследовательница вводит в источниковую базу исследования рукописи южнославянского происхождения из болгарских, македонских и сербских хранилищ, оказавшиеся вне поля зрения И. Карабинова, что позволило ей дополнить и скорректировать его выводы. В числе таких рукописей на первом месте стоит Загребская триодь, относимая Л. Славевой к наиболее архаичному типу. Относительно времени и авторства первого славянского перевода триоди исследовательница, в целом, соглашается с точкой зрения И. Карабинова, о том, что данный перевод был завершён Климентом Охридским до 916 г., однако полагает, что начало славянской триоди было заложено уже во время Моравской миссии Кириллом и Мефодием [Славева, 1972, с. 99 – 101]. К числу несомненных достоинств работы относится отмеченная исследовательницей зависимость процесса редактирования триоди от смены богослужебных уставов [Славева, 1972, с. 98]. Выбрав в качестве основного классификационного параметра состав службы, Л. Славева предлагает свою классификацию южнославянских списков триоди, состоящую из следующих четырех типов [Славева, 1972, с. 112 – 116]:

- 1) наиболее архаичный тип, вероятно, восходящий к редакции Климента Охридского, представленный двумя списками: Шафариковской и Загребской триодями – и характеризующийся самым простым составом воскресной службы минейного типа, без полиелея, великого славословия и без текста паримий;
- 2) второй тип, представленный Орбельской, Копитаровой и Хлудовской триодями, имеющий в составе служб великое славословие, в связи с чем утренние стихиры на стиховне переносятся в другие части службы;

- 3) третий тип (Белградская триодь 1328 г.), содержащий указания устава о полиелейном чине и повечерие с канонам;
- 4) наконец, последний четвертый тип, представленный в многочисленных болгарских, сербских и молдаво-валашских рукописях XIV – XV вв.; появление данного типа также связывается исследовательницей с деятельностью патриарха Евфимия Тырновского, в структурном плане отличается всеобщими бдениями с вариантами с малой и великой вечерней, литиями на вечерне (что вызвало новую перегруппировку стихир) и синаксарными чтениями после шестой песни канона [Славева, 1972, с. 114].

Недостатком как исследования в целом, так и предлагаемой классификации, является тот факт, что в ней совершенно не учтены рукописи восточнославянского происхождения. Анализ южнославянской традиции в отрыве от восточнославянской не позволил исследовательнице получить полную картину истории славянской триоды.

Следующим важным шагом в истории изучения славянской триоды стали работы болгарского ученого Георгия Попова, предложившего свою классификацию постной триоды в монографии «Триодни произведения на Константин Преславски» [Попов, 1985] в рамках исследования, кардинально изменившего наши представления не только о триоди, но и о ранней церковнославянской книжности в целом. Речь идет об открытии сначала в триоди постной, а затем и в других славянских богослужебных сборниках оригинальной славянской части, содержащей текстовые и алфавитные акростихи. На основании текстовых акростихов с именем автора оригинальные гимны триоды постной – трипеснцы – были атрибутированы исследователем Константину Преславскому [Попов, 1982; Попов, 2003]. Наличие или отсутствие оригинальной части было выбрано Г. Поповым в качестве основного параметра при классификации ранних списков триоды. На основании этого выделяется четыре древнейших (до справки XIV в.) типа:

- Тип А представлен всего двумя рукописями: Битольской и Жеравнинской триодями. В триодях этого типа присутствуют как трипеснцы, так и четверопеснцы (в субботные дни) Константина Преславского, следующие за соответствующими им Климента или Феодора Студита.
- Тип Б представлен рядом рукописей южнославянского (болгарского, сербского и македонского) происхождения, в том числе: Шафариковская триодь, Сербская триодь (Ф. п. I. 68), Загребская триодь, две сербские триоди XIV в. из собрания Национальной библиотеки Сербии: НБС 644, НБС 645, а также два листа из Щукинской триоди (Щук. 338) из собрания Государственного исторического музея г. Москвы. В триодях этого типа в первую неделю Великого Поста помещены трипеснцы Иосифа Песнописца и Константина Преславского.
- Тип В также представлен исключительно южнославянскими рукописями, наиболее известными из которых являются Орбельская триодь, Пловдивская триодь и триоди из собрания Хлудова (№ 133, № 138, № 139). В этой группе акростишные трепеснцы Константина Преславского отсутствуют, однако, сохранилась часть его четверопеснцев. В среду и четверг первой недели Великого Поста помещены трипеснцы Климента Студита, в прочие же дни – трипеснцы Иосифа Песнописца и Феодора Студита.
- Наконец, тип Г представлен исключительно восточнославянскими триодями: Синод. 319, Ф. I. 680, Пог. 41, Соф. 84 и некоторыми другими. В них отсутствуют оригинальные славянские трипеснцы и четверопеснцы. В будние дни помещены трипеснцы Иосифа Песнописца и Феодора Студита, в субботные – четверопеснцы Феодора Студита [Попов, 1985, с. 71 – 73].

Помимо описанных выше, исследователем были сделаны и другие важные открытия в истории славянской триоди. В частности, им была найдена и

опубликована приписка, содержащаяся в списке Триоди XIV века, находящемся ныне в собрании Синайского монастыря (Slav. 23) [Попов, 2004, с. 174 – 175], где, в частности, сообщается:

Сіа книга глѣмаа тріѡдѣ въ стѣи горѣ аѡннстѣи въ домѣ стго великомчника
гевргіа глѣмаго зѡграфа мноѡ грѣшнѡимъ и недостоинѡимъ гавріиломъ
монахѡмъ сіи изводъ изведе старецъ стѣи глемѡи іѡсіфъ изъ стѣ лаврѣ изъ
грѣчьскаго ѡзѡика въ нашъ влѣгарьскѡи и ещѣ и глаголемѡи захѣи фїлософъ
и тѣ изведе дрѡгѡи изводъ изъ црїграда въ немже са вѡбрѣтохохѣ събранїа
еже дрѣжѣт ѡ фдрїсеа до вѣсѣхъ стѣихъ...

Это свидетельство, наряду с текстологическими данными, позволило скорректировать гипотезу И. Карабинова о времени и месте появления так называемой «Евфимиевской» триоди, а также установить авторство ее перевода. Согласно новым данным, систематическая справа, легшая в ее основу, была осуществлена еще до начала книжно-реформаторской деятельности патриарха Евфимия во второй половине XIII века на Афоне старцем Иосифом – монахом Афонской Великой Лавры [Йовчева, Тасеева, 2008, с. 508 – 519; Спасова, 2007, с. 211 – 230; Спасова, 2015, с. 420 – 445].

Исследование оригинальной славянской составляющей ранних церковнославянских литургических книг было продолжено Г. Поповым на материале триоди цветной, где исследователем был обнаружен канон на Пятидесятницу со славянским текстовым акростихом, а также ряд канонов, трипеснцев и четверопеснцев в период с Антипасхи до Недели Всех Святых без греческих соответствий, которые он склонен также считать творениями первых славянских книжников [Попов, 2006, 2008]. На основании полученных данных исследователь приходит к выводу, что «создание славянских литургических книг не было делом одного или другого книжника, но коллективным творческим начинанием, предварительно согласованным и последовательно осуществляемым по плану» [Попов, 2008, с. 5]. Другой важный вывод Г. Попова касается выделяемых им на основе текстологических данных двух этапов работы славянских книжников над данным сборником: на начальном этапе были

переведены и дополнены оригинальными гимнами только воскресные и праздничные службы, на втором были добавлены повседневные службы. Именно второй этап исследователь связывает с последними годами жизни Климента Охридского, описанными в его житии [Попов, 2008, с. 52 – 54].

Следующим важным этапом в исследовании славянской Триоди стал комплекс работ М. Моминой, занимавшейся текстологией как сборника полностью, так и одного конкретного текста из его состава – Акафиста Богоматери [Момина, 1976; Момина, 1982; Момина, 1983а; Момина, 1983b; Момина, 1985; Момина, 1992]. На основании многолетнего изучения триоди постной М. Момина создала свою классификацию списков, в основе которых лежит как наблюдение над общими структурными особенностями сборника (состав гимнографии на определенные дни, порядок следования песнопений, наличие или отсутствие деления на цветную и постную триодь), так и текстологический анализ разночтений, восходящих к вариантам греческих источников. Последний проводился, прежде всего, на основе одного гимнографического текста - Акафиста Богоматери. В наиболее полном виде данная классификация представлена в предисловии к многотомному изданию Триоди Постной, осуществляемому исследовательницей [Момина, 2004]. В соответствии с данной классификацией всего было выделено 11 типов Триоди, из них 9 относятся к исследуемому нами периоду. Это:

1. Киянинский тип, представленный одним списком – триодью Моисея Киянина.
2. Шафариковский тип, представленный двумя полными списками: Шафариковской и Сербской триодями – и несколькими фрагментами.
3. Загребский тип, сохранившийся только в одном списке – Загребской триоди.
4. Битольский тип – также один уникальный список Битольской триоди.
5. Гимовский тип – восточнославянские списки, в частности, Синод. 319, Ф. I. 680, Пог. 41, Соф. 84 – совпадающий с типом Г классификации Попова.
6. Жеравинский тип – представлен Жеравинской триодью и несколькими фрагментами.

7. Орбельский тип, примерно совпадающий с типом В классификации Г.Попова и представленный рядом южнославянских списков, в том числе и Орбельской триодью.
8. Евергетидский тип, отмеченный исключительно в сербских рукописях и связанный с введением в Сербии в XIII веке Евергетидского устава, представленный, в частности, списком F.n.I.92 из собрания РНБ.
9. Афонский тип, явившийся результатом проведенной на Афоне книжной справки в начале XIV века [Момина, 2004, с. 131 – 133].

Необходимо отметить, что выделяя данные типы триоди постной, М. Момина не предлагает датировку их создания и лишь приблизительно может восстановить хронологическую последовательность их возникновения [Момина, 1985, с. 153]. В частности, по мнению исследовательницы, древнейшим славянским типом триоди постной была триодь Моисея Киянина, текст которой положен в основу осуществляемого ею издания. К данному выводу, противоречащему точке зрения И. Карабинова, М. Момина приходит на основе изучения состава песнопений списка, соответствующего наиболее архаичному греческому оригиналу. Данный перевод предположительно датируется концом IX – началом X вв. Гипотетично утверждается также, что приблизительно одновременно с Киянинским типом возник и Битольский тип, однако положенный в его основу греческий оригинал был более позднего происхождения. Третий древнейший тип – Шафариковский – возник позднее Битольского и Киянинского. Остальные типы славянской триоди представляют собой результат развития (то есть правки на основе греческих оригиналов) трех вышеназванных древнейших типов, а именно: Жеравинский тип появляется на основе Битольского, Гимовский на основе Киянинского, Шафариковский тип лег в основу Загребского, Еваргетидского и Орбельского типов, на основе последнего затем возникает Афонский тип. Возникновение триодей Гимовского типа подробнее разбирается исследовательницей в более ранней работе [Момина, 1992], их создание связывается с гипотетической «правкой обширного круга богослужебных книг (триодей, миней, октоихов), а также, возможно, созданием

новых книг (кондакарей, стихирарей, ирмологиев)» [Момина, 1992, с. 218], вызванной введением на Руси ктиторовского Алексеевского устава, заимствованного напрямую из Византии, без болгарского посредничества [Момина, 1992, с. 208; Пентковский, 1988, с. 40-41; Улуханова, 2000, с. 86 – 91; Пентковский, 2001, с. 155 – 170]. Таким образом возникла необходимость не только в переводе устава, что, по мнению М. Моминой, было сделано на Руси, но и в приведении в соответствии с ним полученного из Болгарии корпуса богослужебных книг. Таким образом, на Руси в XI в. триодь была отредактирована по полученным из Византии греческим рукописям так, что входившие в нее песнопения «переводились не заново, а использовались уже существующие переводы из болгарских триодей..., которые правились по греческому тексту.... и располагались в том порядке, в каком были в этих книгах» [Момина, 1992, с. 216].

Классификация М. Моминой послужила основой для всех последующих научных разысканий в данной области, активно продолжающихся вплоть до настоящего времени. Терминология, предложенная исследовательницей, прочно вошла в научный обиход. Вместе с тем, аналитичность подхода М. Моминой имеет и свою оборотную сторону. Так, 9 ранних южнославянских списков и несколько одно-двухлистных фрагментов разделены на 5 редакций-типов: Шафариковский, Загребский, Битольский, Жеравинский, Евергетидский, причем два из них – Загребский и Битольский – представлены одним уникальным списком [Момина, 2004, с. 131 – 133]. Та же судьба постигла и восточнославянскую триодь Моисея Киянина – список, для которого исследовательнице пришлось создать особую редакцию. Функциональность подобной классификации, не объединяющей, но «разъединяющей» списки, становится проблематичной. Кроме того, непонятно, что было причиной столь явного многообразия редакций триоди в южнославянском регионе на ранних этапах славянской письменности, в противоположность, в частности, восточнославянской книжности, либо немного более позднему Орбельскому типу. Если вслед за М. Моминой принять за причину появления нового типа триоди

правку славянского списка по отличному от его прототипа греческому списку [Момина, 1983, с. 28; Момина, Шварц, 1984, с. 190], то мы приходим к парадоксальному заключению: в Болгарии и Сербии в первые века славянской письменности богослужебные сборники практически непрерывно редактировались по греческим спискам. Если же мы учтем низкую степень сохранности болгарских и сербских списков того времени, то необходимо признать, что редакций на самом деле существовало значительно больше. Все это находится в несомненном противоречии с полученной на основе как исторических источников, так и анализа других сборников и произведений общей картиной славянской письменности того периода. Разобраться в причинах данного многообразия, а также в целом в том, что представляла собой славянская книжность на ранних этапах, можно лишь более внимательно сопоставив результаты текстологического анализа различных входивших в триодь текстов. Необходимость такого исследования признает и сама М. Момина. Говоря о соотношении между выделенными ею типами, исследовательница отмечает «мозаичность» текста триоди, состоящего из «песнопений, которые переведены не одновременно и не в одном месте» [Момина, 1983, с. 28]. Таким образом, в составе каждого конкретного сборника могли находиться тексты разного происхождения: от архаичных до более поздних, отредактированных по греческому списку или нет. Следовательно, типологическая классификация триоди должна дополняться и уточняться текстологическим и лингвистическим исследованием отдельных входивших в ее состав произведений или списков.

Типологическое исследование триоди постной и издание ее текста, начатое М. Моминой, выявило важность данного богослужебного сборника как лингвистического источника, содержащего «лингвистический материал, исключительно важный для изучения деятельности переводчиков, языковой узус которых обнаруживает преемственную связь с языком учеников Кирилла и Мефодия» [Пичхадзе 2010, с. 552]. Лингвистическое исследование ряда древнейших триодных списков западно-болгарского происхождения было осуществлено Э. Црвенковской. Исследовательнице принадлежат две

значительные монографии, посвященные лингвистическому и стилистическому анализу отдельных триодных списков, а именно:

- «Язык и стиль триоди» - монография, в которой описывается Орбельская триодь в сопоставлении с Загребской, Шафариковской и Хлудовской и подробно анализируются фонетические, морфологические, лексические, словообразовательные, синтаксические и стилистические особенности данного списка [Црвенковска, 2006]. Особенно интересен анализ лексических и лексико-словообразовательных вариантов между сопоставляемыми списками, позволивший выделить несколько слоев лексики сборника, а именно моравизмы, архаичную старославянскую лексику и сравнительно новый лексический слой, связанный с Преславской книжной школой [Црвенковска, 2006, с. 74 – 79]. Таким образом, исследовательница приходит к выводу о том, что перевод триоди был начат в Моравии, завершен Климентом Охридским в Болгарии (указаны стилистические особенности перевода, характерные для оригинальных произведений Климента [Црвенковска, 2006, с. 171 – 178]) и впоследствии отредактирован в Преславе. Все рассмотренные списки, по мнению, Э. Црвенковской, были созданы в рамках деятельности Охридской книжной школы, при этом на лингвистическом материале подтверждаются выводы М. Моминой о более архаичном характере Шафариковской и Загребской триодей в сравнении с Орбельской и Хлудовской, составляющими единую редакцию [Црвенковска, 2006, с. 182].
- «Шафариковская триодь. Лингвистический анализ» (в соавторстве с Л. Макаријоска) [Макаријоска, Црвенковска, 2012]. В данной монографии, на основе методологии, использованной ранее для анализа Орбельской триоди, исследуется более архаичный памятник – Шафариковская триодь. Дается аналитическая характеристика палеографических, фонетико-орфографических, морфологических, словообразовательных и лексических особенностей списка. На основании последних делается вывод о «пограничном» положении Шафариковской триоди в западной южнославянской традиции, поскольку данный список, с одной стороны, сохраняет архаичные черты Битольской и

Загребской триодей, а с другой, по ряду лексических признаков сближается с более поздними Орбельской и Хлудовской триодями [Макаријоска, Црвенковска, 2012, с. 112]. Вторую часть книги составляет словник лексики по вышеуказанным проанализированным пяти рукописям [Макаријоска, Црвенковска, 2012, с. 127 – 216] – ценнейший инструмент для дальнейшего лингвистического изучения триоди. Недостатком обеих монографий является рассмотрение южнославянской традиции в отрыве от восточнославянской, что приводит к неполноте и одностороннему характеру многих выводов.

Помимо данных двух монографий, исследовательнице принадлежат и внесшие существенный вклад в палеославику издания Загребской [Црвенковска, 1999] и Орбельской (совместно с Л. Макаријоска) [Црвенковска, Макаријоска, 2010] триодей, сопровождаемые подробными палеографическими и лингвистическими описаниями и словниками, а также ряд статей по различным лингвистическим аспектам славянской триоди [Црвенковска, 2002; Црвенковска, Макаријоска, 2005; Црвенковска, 2010b]. Язык западноболгарских триодных списков рассматривался и в других работах представителей скопской палеославики школы [Макаријоска, 2010; Макаријоска, 2012b; Цубалевска, Макаријоска, 2011; Макаријоска 2017].

Новый герменевтический подход к сравнительно-историческому анализу лингвистического и стилистического материала цветной триоди по разновременным редакциям был предложен О.В. Чевела [Чевела 2001, 2005а, 2005б, 2008, 2009, 2010а, 2010б]. Поскольку исследовательница стремилась охватить всю восточнославянскую историю данного сборника, начиная с Триоди Моисея Киянина и до современного церковнославянского перевода [Чевела 2010а, с. 4 – 6], за границами проанализированного материала остались службы Страстной недели, после Никоновской sprawy перешедшие в постную триодь. Успешно примененный автором для диахронного изучения межъязыковой интерпретации сакрального греческого текста лингвотекстологический метод позволил получить новые интересные результаты, важные не только для теории перевода и исторической герменевтики, но и для истории церковнославянского и

русского языка. К сожалению, в работах исследовательницы не достаточно учитываются данные южнославянских списков и редакций, что приводит к неоправданной – в особенности для начальных этапов славянской книжности – изоляции восточнославянской традиции.

История и типология славянской триоды рассматривалась и во многих общих работах, посвященных становлению и ранним этапам славянской гимнографии [Турилов, 2000b; Турилов, Флоря, 2002; Кожухаров, 2004; Станчев, 2003, 2012; Йовчева, 2002, 2003, 2009; Кривко, 2004, 2011]. Среди данных исследований особо хотелось бы отметить работы С.Ю. Темчина, посвященные начальным этапам истории славянской гимнографии в связи со становлением и развитием славянской богослужебной практики. По мнению исследователя, до повсеместного распространения на славянских землях Иерусалимского устава (XIII – XIV вв.) каждая славянская территория характеризовалась особым типом богослужения: монастырским, соборно-приходским или миссионерским – и напрямую связанным с ним типом литургических книг [Темчин, 1999b, с. 211]. Миссионерскому богослужению в данной системе соответствует триодь цветная праздничная (воскресная). Обобщая как свои наблюдения над процессом становления славянской гимнографии, так и текстологические исследования других палеославистов, ученый предлагает следующую гипотетическую последовательность формирования литургических книг триодного цикла:

- триодь цветная праздничная (воскресная) была переведена Мефодием в Кирилло-Мефодиевский (моравский) период и вместе с Шестодневом служебным входила в первый славянский богослужебный сборник универсального содержания [Темчин, 2004а, с. 35];
- цветная триодь полного состава возникла в рамках болгарской литургической реформы в период с 886 по 893 гг. в Охриде в результате индивидуальной деятельности Климента Охридского, дополнившего песнопениями на будние дни праздничную цветную триодь; упоминаемое ранее житийное свидетельство о более позднем переводе цветной триоды

Климентом (перед 916 г.) считается недостоверным [Темчин, 2004а, с. 42 – 44];

- триодь постная была переведена и дополнена оригинальными произведениями индивидуальными усилиями Константина Преславского также в период с 886 по 893 гг. в Плиске, однако уже после дополнения цветной триоди [Темчин, 2004а, с. 42 – 48];
- полные триодь постная и цветная, созданные с 886 по 893 гг., были отредактированы в рамках восточно-болгарской правки богослужебных книг соборно-приходского типа в 927 – 970 гг. Отражением данной sprawy, по мнению исследователя, является триодь Моисея Киянина [Темчин, 2004b, с. 65 – 66];
- триодь постная и цветная были еще раз отредактированы в рамках восточнославянской литургической реформы (ок. 1062 – ок. 1097 гг.), связанной с введением на Руси богослужения монастырского типа на основе Студийско-Алексеевского устава [Темчин, 2004b, с. 71 – 76, 81].

Исследование славянской триоди активно продолжается и в настоящее время. В отечественной научной литературе последних десятилетий существует немало палеографических, лингвотекстологических и музыковедческих исследований, посвященных как отдельным спискам, так и службам или песнопениям триодного цикла [Кириллин, 1999; Тутолмина, 2004; Тутолмина, 2007; Полякова, 2015]. Конкретная библиография по исследованным нами произведениям будет дана ниже в соответствующих разделах.

Выводы:

1. Результатом активно проводившегося на протяжении XX – начала XXI вв. типологического исследования славянской триоди стало появление нескольких классификаций сборника, предложенных представителями разных палеославистических школ на основе описания церковнославянского рукописного материала. В основе данных классификаций лежат различные

принципы (состав служб, наличие оригинальных славянских песнопений, языковые особенности, разночтения, восходящие к вариантам греческих списков в конкретных триодных текстах). Интересно, что данные классификации во многом противоречат друг другу и дают различную картину группировки и хронологической последовательности списков и редакций. Данные противоречия свидетельствуют о невозможности восстановления единой текстологической истории славянской триоды, составленной из текстов различного происхождения, каждый из которых имеет собственную рукописную традицию. Таким образом, лингвотектологическое исследование истории языка триодных текстов не может быть основано на данных типологических классификаций всего сборника в целом, и должно обязательно предваряться типологическим и текстологическим исследованием конкретного гимнографического текста, входящего в состав данного сборника.

2. История изучения церковнославянской триоды показала важность комплексного исследования византийской, южнославянской и восточнославянской традиций, имеющую особое значение на начальных этапах славянской письменности, когда одни и те же редакции достаточно свободно перемещались по всему ареалу *Slavia Orthodoxa*. Ограничение объекта исследования одной из данных местных традиций неминуемо приводит к неточным результатам не только относительно типологической и текстологической истории составляющих триоды текстов, но и при описании их языка, в частности, для выяснения происхождения и дальнейшей истории определенных лингвистических явлений и закономерностей. Отсутствие исследований, основанных на данном комплексном подходе, не позволяет в полной мере использовать церковнославянскую триодь как источник по истории русского литературного языка. Попытка такого комплексного изучения текстологии и языка отдельных триодных гимнографических текстов будет предпринята в настоящей работе.

ГЛАВА 1.2.

ТЕКСТОЛОГИЯ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА АКАФИСТА БОГОМАТЕРИ ПО СПИСКАМ ТРИОДИ ПОСТНОЙ XII – XV ВЕКОВ

1.2.1. Акафист Богородице и основные проблемы его изучения

Акафист Богородице, вершина и признанный шедевр византийской гимнографии, неизменно звучит уже более 14 веков под сводами православных храмов всего мира. Этот относительно короткий церковный гимн по праву считается образцом византийской поэзии, гармонично сочетая в себе разнообразие многочисленных поэтических средств, выражающих глубокое религиозное чувство. Современный греческий исследователь профессор Т. Доторакис назвал Акафист «подлинной поэмой, в которой сосуществуют все составляющие великого искусства: выразительная сила, смелость в уподоблениях, совершенная ритмическая гармония и, прежде всего, редкое поэтическое вдохновение» [Δετοράκης, 1993, с. 11 – 12].

С формальной точки зрения Акафист - это *кондак*, состоящий из 24 строф – *икосов* с алфавитным акростихом (недаром число строф соответствует числу букв греческого алфавита) и двух зачинов - *кукулиев*. На сегодняшний день большинство исследователей [Krypiakiewicz, 1909, с. 361 – 363; Карабинов, 1910, с. 39 – 40; Meersseman, 1958b, с. 14 – 15; Μητσακης, 1986, с. 483] сходятся во мнении, что наиболее известный из кукулиев (Τῆ ὑπερμάχῳ στρατηγῶ), сохраненный в составе гимна в современном богослужении, был приписан к тексту позднее. Часть исследователей [Trypanis, 1968, с. 21; Wellesz, 1956, с. 152; Аверинцев, 1977, с. 238] склонна считать подлинным второй кукулий (Τὸ προσταχθὲν μυστικῶς λαβῶν ἐν γνώσει), обладающий, в отличие от первого, тематическим единством с текстом остального гимна, однако в большинстве работ последних лет высказывается гипотеза о том, что у Акафиста исконно совсем не было кукулия [Grosdidier de Matons, 1977, с. 34 – 35; Toniolo, 2000, с. 3

– 24; Maisano, 2002, с. 581; Παλαγιάννης, 2006, с. 31 – 40]. Если это действительно так, то перед нами существенное отличие Акафиста от других кондаков (и прежде всего, от произведений классика жанра Романа Сладкопевца). Это отличие наряду со многими другими, не менее важными, а именно: 2 типа строф – краткие и длинные, 2 различных чередующихся рефрена, отсутствие тематической общности, сочетание христологических и мариологических тем – ставит Акафист особняком среди других произведений жанра.

Необходимо также отметить, что место Акафиста в православном богослужении и, следовательно, месте его текста в соответствующих литургических сборниках претерпело исторические изменения. В современной богослужебной практике служба Акафисту приходится на утреню субботы пятой недели Великого поста. Таким образом, текст гимна включается в службу на этот день триоди постной. Именно в этом месте мы находим его во всех дошедших до нас славянских триодях, за исключением триоди Моисея Киянина. Однако греческие источники свидетельствуют о том, что вплоть до X века Акафист исполнялся в день Благовещения 25 марта [Trypanis, 1968, с. 36]. Именно под этой датой текст Акафиста располагается в древнейших греческих кондакарях и служебных минеях. Точная причина переноса службы Акафиста неизвестна. Возможно, впрочем, что она имела чисто практический характер: праздник Благовещения по церковному календарю может выпадать и на Страстную неделю, и на праздник Пасхи, и особые службы этих дней трудно было совместить с исполнением Акафиста, поэтому для него нашли более «удобное» место. Кроме того, существует и еще одна, правда, не подтвержденная источниками точка зрения о том, что и на Благовещение празднование Акафиста было перенесено позднее. Ряд исследователей [Wellesz, 1957; Trypanis, 1968, с. 37] склонны видеть причину отмеченной выше двойственности тематического характера гимна в том, что первоначально он предназначался для особого церковного торжества, существовавшего в начале правления императора Юстиниана и совмещавшего в себе праздники Рождества и Благовещения. Данный праздник, по всей видимости, отмечался 25 – 26 декабря, и во второй его день прославлялась Богоматерь за ту

великую роль, которую она играла в спасении. Именно поэтому основной темой Акафиста также является не Благовещение, но Рождество Христово. Согласно данной точке зрения, Акафист, написанный до 550 г., после разделения праздников Рождества и Благовещения в конце правления императора Юстиниана, вышел из регулярного церковного употребления и был временно забыт, получив «второе рождение» после победы над аварами в 626 году, когда к нему был добавлен кукулий Τῆ ὑπερμάχῳ στρατηγῶ. Вместе с новым кукулием гимн приобрел и новое звучание – благодарственной песни Богоматери-защитнице, дарующей победу как над врагами во плоти, так и над духовными врагами.

Уникальность Акафиста в сочетании с его выдающимися художественными достоинствами, а также отсутствие каких бы то ни было указаний на авторство и время создания гимна сделало это произведение одним из самых «таинственных» гимнографических текстов и, следовательно, излюбленным объектом исследования ученых-византистов. За последнее столетие число работ, посвященных Акафисту, исчисляется десятками, библиография исследований текста огромна [Szooverffy, 1978, с. 118 – 129; Μητσακῆς, 1986, с. 11 – 31; Peltomaa, 2001, с. 219 – 230; Δετοράκης, 2003, с. 375 – 376; Παπαγιάννης, 2006, с. 171 – 254], и вместе с тем ни одна из загадок гимна не получила удовлетворительного ответа. Достаточно сказать, что время создания гимна, по разным оценкам, «колеблется» в интервале с V по VIII века н. э., а среди возможных его создателей называются имена патриарха Сергия [Christ, Paranikas, 1871, с. 140; Pitra, 1876, с. 250; Χριστοφιλοπούλου, 1967, с. 65 – 67], Германа Константинопольского [Тоμαδάκης, 1964, с. 160 – 162; Тоμαδάκης, 1971, с. 13], Георгия Писиды [Филарет (Гумилевский), 1995, с. 120], патриарха Фотия [Παπαδοπούλου – Κεραμέως, 1903], Романа Сладкопевца [Krupiakiewicz, 1909, с. 372 – 375; Wellesz, 1956, с. 152 – 156; Trypanis, 1968, с. 23 – 25; Μητσακῆς, 1986, с. 499 – 505], Козьмы Маюмского [Δετοράκης, 1979, с. 232 – 244; Δετοράκης, 1993, с. 36 – 41], Иоанна Дамаскина [Δετοράκης, 2003, с. 373 – 374] и

других. Ни одна из этих гипотез не может считаться доказанной, в то же время большинство из них не могут быть и окончательно отвергнуты.

Другая встающая перед исследователями Акафиста проблема, решение которой должно предварять научный анализ данного произведения, – это проблема аутентичности имеющегося в нашем распоряжении текста гимна. Греческий текст Акафиста сохранился в многочисленных списках, древнейшие из которых относятся к X веку. Editio princeps (типограф Aldus Manutius) датируется 1501 г. [Manutius, 1501]. Первое научное издание было опубликовано кардиналом Питра в 1876 г. [Pitra, 1876, с. 250 – 262], за ним последовали и другие издания [Christ, Paranikas, 1871, с. 140 – 147; Migne, 1860, т. 92, с. 1338 – 1372; Wellesz, 1957]. Современные исследования в основном опираются на издание гимна, выпущенное С. Трипанисом в 1968 г. на основе 11 списков [Трупанис, 1968, с. 17 – 39]. Несмотря на то, что оно, несомненно, стало серьезным этапом в реконструкции текста Акафиста, издание подверглось обоснованной критике [Grosdidier de Matons, 1981, с. 30; Δετοράκης, 2003, с. 374; Goltz, Peltomaa, 2004, с. 616] как за многочисленные неточности, так и за то, что базировалось исключительно на одной группе источников, а именно, на *кондакарях*. Акафист, однако, входит в состав и других богослужебных сборников, главным образом, миней и триодей, многие из которых содержат даже более древний, в сравнении с кондакарями, материал. Назрела необходимость нового научного издания гимна, которое примет во внимание не только все его древнейшие византийские списки, но и данные, почерпнутые из анализа старейших переводов Акафиста на другие языки.

Акафист Богоматери быстро перешел границы греческого культурного пространства и, переведенный на другие языки, был воспринят многими христианскими культурами. Самыми древними переводами гимна был латинский, датируемый 802 – 806 гг. и приписываемый венецианскому епископу Христофору [Meersseman, 1958a, с. 49], а также славянский, который, по всей видимости, был сделан несколько позже – во второй половине IX в. Заметим, что оба эти перевода были осуществлены в эпоху, от которой до нас не дошло греческих списков

Акафиста, и поэтому они заслуживают внимательного филологического исследования не только как факты своих культурных систем, но и как ценнейшие свидетельства для реконструкции аутентичного греческого текста гимна. Из более поздних переводов отметим арабский перевод [Peters, 1940, с. 89 – 104], турецкий перевод [Salaville, 1953, с. 484 – 490] и армянский перевод [Drost-Abgarian, Goltz, 2000, с. 193 – 249].

Латинский перевод Акафиста был подробно проанализирован и издан профессором М. Хугло [Huglo, 1953, с. 1 – 614; Maisano, 2002, с. 521]. Церковнославянский перевод до сих пор не был изучен систематически, несмотря на то, что он, несомненно, сыграл более важную роль в истории своей культуры – роль, во многом даже превосходящую ту, которую играет в греческой культуре его оригинал.

Исследования, посвященные славянскому переводу Акафиста, проводились без учета всех древнейших списков гимна, что неизбежно приводило к неточным выводам [Keller, 1977, с. 87–103; Момина, 1983а, с. 126 – 134; Момина, 1985, с. 132–160; Goltz, 1988, с. 773 – 800]. Несколько научных изданий текста гимна [Амфилохий, 1879, с. 106 – 111; Filonov Gove, 1988, с. 225 – 275; Dostal, Rothe, 1979, с. 188 – 227; Goltz, 1988b], предпринятые с конца XIX в. по конец XX в., опираются на списки, относящиеся к одной, и по всей видимости не самой древней редакции перевода. Среди относительно недавних исследований необходимо выделить монографию профессора А. Филоновой-Гове [Filonov Gove, 1988], содержащую скрупулезно выполненный ценный анализ поэтических достоинств перевода. Однако к данному вопросу, несмотря на его очевидную важность, не сводится весь комплекс проблем, стоящих перед современными исследователями церковнославянского перевода гимна.

Текстологическое исследование церковнославянского перевода Акафиста Богоматери по спискам XI – XVIII вв. и по первым изданиям гимна было предпринято М. Моминой. Рукописная история Акафиста и соотношение его редакций интересовали исследовательницу как сами по себе, так и в качестве критерия для выделения типов славянской Триоди [Момина, 1983b, с. 33 – 34;

Момина, 2004, с. 140 – 142], подробно рассмотренных выше. Редакцией Акафиста, как и любого другого переводного с греческого текста, М. Момина предлагает считать «систематическую правку текста, опирающуюся на греческий оригинал» [Момина, Шварц, 1984, с. 190]. Основным критерием для выделения редакций является наличие в славянском тексте вариантов, восходящих к разночтениям греческих списков, описанных в критических изданиях текста [Момина, 1983а, с. 128 – 129; Момина, 1985, с. 140 – 142]. На основании последовательного применения данного критерия в последней обобщающей работе, посвященной данной теме [Момина, 1985], исследовательница выделяет 31 редакцию Акафиста, при этом 6 из них относятся к ранней рукописной истории текста (до афонской справки), когда практически каждой редакции соответствовал и особый тип триоди, 23 редакции выделяются в пределах одного Афонского типа (списки и издания XIV – начала XVII вв.), наконец, по одной редакции приходится на Киевский и Никоновский типы триоди (XVII в. и далее) [Момина, 1985, с. 143 – 148]. Данная классификация, выполненная на обширном рукописном и старопечатном материале, несомненно, представляет большой исследовательский интерес и была взята нами в качестве «отправной точки» при анализе церковнославянских списков. К ее недостаткам можно отнести абсолютизацию фактора влияния оригинала на перевод и непринятие в расчет взаимовлияния различных славянских списков, редакций и традиций, в результате которого в славянских текстах могли возникать варианты, исконно восходящие к разночтениям греческих списков, однако появившихся без непосредственного обращения к последним. Учет последнего достаточно частого явления, названного нами компиляцией (взаимовлияние славянских редакций и традиций без обращения к греческому оригиналу) позволяет существенно упростить текстологическую картину рукописной истории Акафиста и сократить количество редакций, число которых, а следовательно и легших в их основу систематических справ славянского текста по греческому оригиналу, у М. Моминой явно завышено. Действительно, трудно допустить, что Акафист 31 раз исправлялся на основе греческого оригинала и не совсем понятны причины такой интенсивной

редакторской деятельности, не согласующейся с общей картиной церковнославянской книжности в рассматриваемые периоды. К тому же, чрезмерная аналитичность, присущая классификациям М. Моминой, как мы уже указывали выше, делает их малофункциональными для анализа конкретного текстового материала, поскольку не объединяет списки, но «разъединяет» их. В современной палеославистике назрела необходимость в новом описании текстологической истории Акафиста Богоматери, принимающей во внимание возможно широкий охват факторов, определивших его рукописную традицию, а также в новом научном издании текста церковнославянского перевода Акафиста, опирающегося на систематический анализ максимально широкого круга источников. Прогресс в решении всех этих проблем невозможен без собрания и систематизации основных славянских рукописных списков и древнейших изданий Акафиста, без установления связей между ними, а также между славянскими и греческими источниками с целью восстановления исходной формы перевода и выявления основных изменений, произошедших в нем, а также основных этапов истории этого перевода в церковнославянском языке. Особый интерес, на наш взгляд, представляет также задача реконструкции греческого текста, с которого был выполнен славянский перевод, иными словами, текста эпохи (до IX в.), не имеющей письменных свидетельств. Полученные таким образом сведения, несомненно, будут представлять большую ценность как для палеославянской, так и для византийской филологии.

Предлагаемое нами в данной главе исследование во многом может способствовать решению этих задач. Работа проводилась на основе анализа текста Акафиста Богоматери из следующих рукописных списков триоди постной XI – XVI века:

- *Битол.* – сохранился только самый конец гимна – последняя часть икоса 22 и икосы 23 и 24 полностью. (Здесь и далее мы используем нумерацию строф Акафиста Богоматери, принятую в греческой традиции, т.е. сквозную нумерацию всех (и четных, и нечетных) строф, называемых икосами, по

порядку их следования в греческом оригинале от 1 до 24. В современной церковнославянской традиции используется другая нумерация: нечетные (длинные) строфы сохраняют за собой название икоса и нумеруются от 1 до 12, тогда как кукулий и четные (краткие) строфы получают название «кондак» и нумеруются отдельно (от 1 до 13)).

- *Серб.* – страницы с Акафистом сохранились полностью, всего 24 икоса, при этом икосы 2 и 3 повторены дважды, а икосы 12 и 16 отсутствуют. Присутствует сильно измененный в сравнении с греческим оригиналом порядок икосов, что вызвано попыткой переводчика (редактора) воссоздать в переводе алфавитный акростих оригинала. Акростих частично разрушен (см. ниже).
- *Шафар.* - страницы с Акафистом сохранились полностью, состав: все 24 икоса (без повторений) с частично разрушенным славянским акростихом.
- *Щук.* – на дошедших до нас листах сохранилось самое начало текста Акафиста – первые два икоса полностью и значительная часть третьего – в измененной последовательности со славянским алфавитным акростихом.
- *Загреб.* – утерян один лист с серединой текста Акафиста, предположительно, отсутствуют 4 икоса после икоса 10 и начало икоса 17, порядок икосов уникальный в славянской книжности (анализ см. ниже).
- *НБС 644* – текст Акафиста дошел до нас полностью (все 24 икоса), икосы расположены в последовательности греческого оригинала.
- *НБС 645* – сохранились все 24 икоса Акафиста, икосы расположены в последовательности греческого оригинала, рукопись повреждена в верхней части, поэтому фрагменты текста не читаются.

Во всех последующих списках текст Акафиста сохранился полностью, последовательность икосов повторяет последовательность греческого оригинала. Эти списки, согласно классификации М. Моминой [Момина, 2004, с. 131 – 133], входят в состав:

- Гимовского типа: *Пог. 41, F.I.680, Соф.84.*

- Орбельского типа: *Орбел.*, *Хлуд.* 138, *Пловд.*
- Афонского типа: *Син.* 23, *Зогр.* 79, *Зогр.* 77, *Пант.* 29, *Пант.* 24, *Хил.* 255, *Хил.* 256, *Хил.* 259, *Хил.* 261, *Хил.* 262, *БАН* 41, *НБКМ* 204, *НБКМ* 1158, *НБКМ* 582, *НБКМ* 943, *Пог.* 40, *Тит.* 1983, *Ф.п.1.55*, *Ф.1.25*, *Ф.п.1.28*, *РГБ* 1196, *РГБ* 25, *РГБ* 385, *РГБ* 386, *Сол.* 754, *Сол.* 781, *Тит.* 1467.

В пределах Афонского типа исследовательницей выделяются следующие редакции:

- Афонская редакция: *Син.* 23, *БАН* 41, *НБКМ* 1158, *НБКМ* 204,
- 8-я редакция: *НБКМ* 943
- 9-я редакция: *Ф.1.25*
- 10-я редакция: *Сол.* 754, *Ф.п.1.28*
- 14-я редакция: *Ф.п.1.55*
- 16-я редакция: *НБКМ* 582 и т. д. вплоть до 29-й редакции [Момина, 1985, с. 144 – 148].

Вновь исследовательница прибегает к черезчур аналитической классификации, не помогающей в объединении списков и в понимании реальных связей между ними. Поэтому мы попытались объединить многочисленные типы М. Моминой и выделили в Афонском типе три редакции:

- Афонскую редакцию: *Син.* 23, *Зогр.* 79, *Зогр.* 77, *Пант.* 29, *Пант.* 24, *Хил.* 255, *Хил.* 256, *Хил.* 259, *Хил.* 261, *Хил.* 262, *БАН* 41, *НБКМ* 204, *НБКМ* 1158, *НБКМ* 582, *НБКМ* 943, *Пог.* 40, *Тит.* 1983, *Ф.п.1.28* (*икосы* 1 – 17), *РГБ* 25, *Тит.* 1467.
- Редакцию *Ф.п.1.55*: *Ф.п.1.55* и *Ф.1.25* (компиляция с Афонской).
- Русскую редакцию: *РГБ* 1196, *РГБ* 25, *РГБ* 385, *РГБ* 386, *Сол.* 754, *Сол.* 781, *Ф.п.1.28* (*икосы* 18 – 24).

Основания для данного разделения, а также описание каждой из редакций будут подробно рассмотрены ниже.

Кроме того, для сопоставительного анализа был использован текст Акафиста Богоматери западноболгарской Копитаровой триоды середины XIII века (Народная библиотека г. Любляна, шифр 9) [Ильинский, 1906, с. 199 – 215; Filonov-Gove, 1988, с. 3 – 4; Момина, 1983b, с. 32] по изданию А. Филонов-Гове [Filonov-Gove, 1988, с. 223 – 275].

Отдельно отметим, что в исследованном нами восточнославянском списке Триоды Моисея Киянина XII в. (*Киян.*) Акафист Богоматери не включен в состав сборника, что, по мнению М. Моминой, является доказательством наиболее архаичного происхождения данного типа [Момина, 1985, с. 151].

Для сопоставления привлекался греческий оригинал гимна по изданию Трипаниса [Трупанис, 1968, с. 17 – 39]. Рассмотрение славянских редакций перевода Акафиста Богоматери начнем с описания его акростишной редакции по указанным выше спискам *Серб.*, *Шафар.* и *Щук.* [Борисова, 2012, с. 66 – 79].

1.2.2. Акростишная (Шафариковская) редакция церковнославянского перевода Акафиста Богоматери

Несмотря на то, что данная редакция, по мнению, в частности, М. Моминой [Момина, 1985, с. 143, 153], является древнейшей, именно она до сих пор не была ни издана, ни подробно описана в научной литературе. Причина такого исследовательского „предпочтения“ очевидна: *Шафариковская* редакция сохраняется лишь в двух относительно поздних списках (если приведенные выше гипотезы о времени перевода Акафиста на церковнославянский язык верны, эти списки отстоят от времени создания редакции по крайней мере на три века), изобилующих ошибками и, несомненно, не дающих достаточного материала для серьезного анализа, особенно в сравнении с многочисленными списками *Гимовской* редакции. Кроме того, сам текст данных списков столь отличен от греческого оригинала гимна и от позднейших славянских редакций и настолько сложен для прочтения, что большинство исследователей ограничивались констатацией «низкого качества перевода» [Т у н и ц к и й, 1928, с. 395] данной версии. Однако, если перед нами действительно древнейшая версия перевода, ее

изучение, включающее в себя и объяснение причин такого «низкого качества», а также установление отношений данной версии с греческим оригиналом и с позднейшими славянскими редакциями текста, становится первостепенной задачей.

Наиболее интересной особенностью описываемой редакции гимна является азбучный акростих, воспроизводящий акростих греческого оригинала. Отметим, что в ранней славянской гимнографии, как оригинальной, так и переводной, азбучные акростиhi, в отличие от текстовых, не пользовались популярностью и их употребление ограничивалось, главным образом, стихирами [Иванова, 1971, с. 341 – 365]. В ранних славянских канонах акростих либо отсутствовал, либо был текстовым [Попов, 2003, с. 38]. Вплоть до XV в. примеров использования азбучных акростихов в таких гимнах практически не существует. Дело в том, что в отличие от греческого алфавита, состоящего из 24 букв, что делало удобным его использование в 8 одах канона – по 3 буквы на каждую оду – славянский алфавит, содержащий большее количество букв, не вписывался в данную структуру. Использование азбучных акростихов в канонах требовало особых поэтических приемов, которые сформировались намного позже в XVI–XVII вв. прежде всего в восточнославянской традиции [Смирнова, 2005]. Именно по этой причине азбучный акростих практически никогда не воспроизводился в ранних славянских переводах греческих канонов и других гимнов с фиксированным количеством стрóf. Насколько нам известно, единственным славянским текстом, не вписывающимся в эту закономерность, является церковнославянский перевод Акафиста в Шафариковской редакции, где, по крайней мере в ее первой части, был обнаружен азбучный акростих. В частности, М. Момина утверждает, что в данной редакции «строфы Акафиста расположены в алфавитном акростихе. При этом греческий алфавит заменен славянским. Для того, чтобы все 24 строфы расположить по порядку первых букв первых слов, редактор переставляет строфы и добавляет в их начале другие слова... Несмотря на все старания, акростих соблюден далеко не полностью. Так, четыре раза повторяется В..., нет буквы Т и т. д.» [Момина, 1985, с. 153–154].

Вслед за М. Моминой и другие исследователи рассматривали данную редакцию Акафиста как не вполне удавшуюся попытку создания славянского азбучного акростиха, оставшуюся незавершенной, так как переводчик не сумел придать славянскому тексту гармоничность композиции греческого оригинала [Т у р и л о в, 2008b, с. 403–407]. Действительно, дошедшие до нас списки соответствуют описанию М. Моминой и представляют акростих в неполном и поврежденном виде. Однако, как мы уже указывали выше, они относятся к XIII в. и содержащийся в них текст мог существенно отличаться от аутентичного текста перевода. Был ли акростих незавершенным в аутентичной версии перевода, или же эта „незавершенность“ появилась позднее и стала результатом почти трехвековой рукописной истории текста? Вторая гипотеза представляется более логичной, так как мы не знаем другого примера незавершенного акростиха этой эпохи.

Если данное высказанное нами предположение верно, то восстановление аутентичной структуры и аутентичного текста гимна данной редакции должно основываться на реконструкции его акростиха. Итак, допустим, что изначально славянский перевод содержал полный акростих, и попытаемся понять, как он был построен. Отметим, что, как мы уже указывали выше, греческий оригинал Акафиста состоит из 24 строф – икосов – по числу букв греческого алфавита, иллюстрируя тем самым философскую доктрину эквивалентности текста всему миру. Поскольку в славянском алфавите букв было намного больше, перед переводчиком стояла сложная проблема, которую он мог решить двумя способами. Во-первых, он мог сохранить количество строф греческого оригинала и привязать эти 24 строфы к первым 24 буквам славянского алфавита. Второй способ состоял в том, чтобы увеличить количество строф и сделать его равным количеству букв славянского алфавита. В обоих способах были свои недостатки – в первом не достигается философская цель акростиха, тогда как второй ведет к существенным изменениям в структуре самого текста.

Для того чтобы понять, какой из способов был выбран переводчиком, сравним структуру текста трех списков, содержащих данную редакцию. Как мы

уже указывали выше, в *Щук.* сохранились лишь три первых икоса гимна. В *Серб.* и *Шафар.* гимн состоит из 24 строф – равного количества с греческим оригиналом, однако расположенных в различном порядке. Наиболее очевидной причиной изменения порядка икосов является попытка создания азбучного акростиха. Новый порядок икосов данных списков выглядит следующим образом (см. таблицу 2.1., римскими цифрами обозначена новая позиция икоса в славянском тексте, рядом приводится начальная буква икоса, которая должна вписываться в азбучный акростих, арабскими цифрами обозначен исходный порядковый номер икоса в греческом гимне, буквы в скобках не соответствуют акростиху).

Сравнивая порядок икосов рассматриваемых списков, легко заметить, что он совпадает только в первой части текста (до икоса XVIII), и именно в этой части текст сохраняет акростих (только в тех случаях, когда начальные буквы икосов даны в скобках, акростих нарушается, о причинах будет сказано ниже). Во второй части (икосы XIX–XXIV) порядок икосов различен, и в обоих сохранивших данную часть списках акростих отсутствует. Логично предположить, что именно первая часть в большей мере сохраняет аутентичную версию гимна. Необходимо также заметить, что, несмотря на то, что перевод существенно отличается от греческого оригинала по своей структуре, один из принципов построения оригинала – а именно регулярное чередование кратких и длинных икосов – последовательно выдерживается переводчиком.

Итак, начнем с анализа первой части гимна, которая поможет нам представить, каким образом переводчику удалось создать славянский акростих, что, несомненно, потребовало внесения значительных изменений в текст. Данные изменения могут быть разделены на два вида. Прежде всего, переводчик менял порядок икосов без внесения изменений в их тексты. В рассматриваемой части данные перестановки были сделаны четыре раза (см. таблицу 2. 2). Один из икосов Акафиста – икос 1 – остался на том же – первом – месте, так как его первое слово – ангѣль – ἄγγελος – начинается с первой буквы обоих алфавитов.

Таблица 2.1. *Порядок икосов Акафиста в трех южнославянских списках*

Шафар.			Серб.		
I	а	икос 1	I	а	икос 1
II	б	икос 6	II	в	икос 6
III	в	икос 11	III	в	икос 11
IV	(в)	икос 2	IV	г	икос 2
V	д	икос 7	V	д	икос 7
VI	е	икос 4	VI	е	икос 4
VII	ж	икос 13	VII	ж	икос 13
VIII	з	икос 20	VIII	з	икос 20
IX	(р)	икос 3	IX	з	икос 3
X	і	икос 22	X	і	икос 22
XI	и	икос 5	XI	и	икос 5
XII	к	икос 14	XII	к	икос 14
XIII	л	икос 19	XIII	л	икос 19
XIV	м	икос 8	XIV	м	икос 8
XV	н	икос 9	XV	н	икос 9
XVI	ш	икос 10	XVI	ш	икос 10
XVII	п	икос 23	XVII	п	икос 23
XVIII	ш	икос 24	XVIII	ш	икос 24
XIX	в	икос 15	XIX	р	икос 3
XX	с	икос 18	XX	в	икос 2
XXI	р	икос 17	XXI	в	икос 15
XXII	в	икос 16	XXII	с	икос 18
XXIII	с	икос 21	XXIII	р	икос 17
XXIV	х	икос 12	XXIV	с	икос 21

Щук.		
I	а	икос 1
II	б	икос 6
III	в	икос 11

Таблица 2. 2. Измененный порядок икосов первой части Акафиста в двух южнославянских списках (икосы без изменений в текстах)

Номер икоса (в соответствии с греческим оригиналом)	Порядковый номер икоса в переводе	Буква греческого акrostиха – первое слово икоса в оригинале	Буква славянского акrostиха – первое слово икоса в переводе
6	II	Z – ζάλην	Б – воуѣрѣ
11	III	Λ – λάμψας	В – въсия
5	XI	Ε - ἔχουσα	И – имоуѣци
23	XVII	Ψ - ψάλλοντες	П – поюще

Когда вышеназванных изменений было недостаточно для формирования акrostиха, переводчик прибегал к изменениям второго типа, а именно – к добавлению к началу икоса слова, начинающегося на соответствующую букву и более или менее вписывающегося по смыслу в начальную фразу. В таблице 2.3 представлены добавленные слова (ниже мы будем называть их *акrostишными словами*), а также первые строки разбираемых икосов.

Таблица 2. 3. Добавленные для создания акrostиха слова в первой части текста

№ икоса в переводе	Номер икоса (в соответствии с греческим оригиналом)	Буква славянского акrostиха	Добавленное слово / слова	Первая строка греческого оригинала	Первая строка славянского перевода
IV	2	г	госпоже (изменено место первых двух слов)	Βλέπουσα ἡ ἅγια ἑαυτὴν ἐν ἀγνεΐᾳ	гже видѣци себе въ чистотѣ
V	7	д	дивно	Ἦκουσαν οἱ ποιμένες τῶν	дивно слышахоу пастыри англы хвалеце

				ἄγγέλων ὑμνούντων	
VI	4	ε	εю же	Δύναμις τοῦ ὑψίστου ἐπεσκίασε τότε	εю же ѡсѣбни сила вышнѣнаго тогда
VII	13	ж	живоу и	Νέαν ἔδειξε κτίσιν ἐμφανίσας ὁ κτίστης	живоу и новоу ꙗви тварь ꙗвление творьць
VIII	20	s	s'blo (изменена вся первая строка)	Ὑμνος ἅπας ἠτᾶται συνεκτείνεσθ αι σπεύδων	s'blo хвалоу всѣа тварь вьсилаеть ти чловѣци и скоти
IX	3	з	землзныхъ	Γνωσιν ἄγνωστον γνωнаί η παρθένος ζητοῦσα	землзныхъ разоумь неразоумны разоумьти дѣвѣа ицюци
X	22	ї	ї (и -??)	Χάριν δοῦναι θελήσας ὀφλημάτων ἀρχαίων	ї бл҃годѣть подати вьсхотѣвз дльгъ дръвьнихъ
XII	14	κ	къто	Ξένον τόκον ιδόντες ξενωθῶμεν τοῦ κόσμου	къто странно зачетие видѣвз не оустранитьсе мира
XIII	19	λ	людѣмъ вьсѣмъ	Τεῖχος εἶ τῶν παρθένων, θεοτόκε παρθένε	людѣмъ вьсѣмъ сѣбна и дѣвѣмъ вьсѣмъ вцѣ дѣвѣ
XIV	8	μ	мыслзно	Θεοδόμον ἀστέρα θεωρήσαντες μάγοι	мыслзно вжи поуть видѣвзше влзсви
XV	9	н.	на роукоу (изменен только порядок слов)	Ἴδον παῖδες Χαλδαίων ἐν χερσὶ τῆς παρθένου	на роукоу дѣвѣ видѣвзше дѣти хальдѣиски
XVI	10	ο	ω (ο -?)	Κήρυκες θεοφόροι γεγονότες οἱ μάγοι	ω проповѣдници в҃гоносны вьвѣши влзсви

Отметим, что в пяти икосах, а именно в икосах, начинающихся с букв Ж, З, З, Л, М, добавленные слова совпадают с названиями славянских букв и начальными словами строк азбучных молитв – факт, представляющий несомненный интерес для датировки данных названий, возможно, появившихся примерно в ту же эпоху [Иванова, 1971, с. 346].

Следует также отметить, что в данной части акростих лучше сохранился в списке *Серб.* В *Шафар.* в двух икосах, а именно в икосе 2 (IV) и икосе 3 (IX) переписчики пропустили добавленные слова. Данный факт свидетельствует о двух вещах. Во-первых, писцы XII в. если и замечали акростих, не придавали ему большого значения. Во-вторых, текст гимна был исправлен по другому источнику без акростиха.

Теперь перейдем к анализу второй части гимна – от икоса XIX до икоса XXIV в обоих списках. Как мы уже замечали, именно в этой части списки различаются между собой, причем ни один из них не сохраняет акростих. Само наличие разночтений указывает на то, что исходный текст подвергся значительным последующим изменениям. Несмотря на это, внимательно сопоставляя списки, а также анализируя причины различий между ними, попытаемся восстановить исходную структуру славянского перевода.

Из таблицы 2. 1 видно, что на указанных позициях (XIX–XXIV) в *Шафар.* находятся 6 неиспользованных ранее икосов гимна, акростих отсутствует. Никаких изменений первых слов икосов, свидетельствующих о попытке переводчика создать акростих, также не отмечено в данной части. С другой стороны, в *Серб.* на позициях XIX–XX соответственно повторяются икосы 2 и 3, уже использованные ранее в первой части гимна. Отметим, что повторение одного и того же икоса в тексте гимна является уникальным явлением в истории Акафиста и, насколько нам известно, не отмечено ни в одном другом как славянском, так и греческом списке. Сопоставление текстов повторяющихся (на позициях IV и XX, а также IX и XIX) икосов показывает, что они не полностью идентичны, причем основные различия касаются первой строки икосов. Икос 3 на

позиции IX начинается с добавленного слова *земльныхъ* (см. таблицу 2. 2), которое отсутствует в том же икосе на позиции XIX, где первая строка буквально соответствует греческому оригиналу. Необходимо отметить, что на данной позиции икос в своей исходной форме начинается с „правильной“ с точки зрения акrostиха (то есть со следующей в алфавитном порядке) буквы Р: *разумь разумьнь разумьти*.

Икос 2 впервые появляется на позиции IV, где он начинается с переставленного на первое место для формирования акrostиха слова *гже* (см. таблицу 2. 3) – первая строка приобретает вид *гже видеци себе въ чистотѣ*. На позиции XX тот же икос начинается со слов *видеци стѣа себе въ чистотѣ* – точного перевода греческого оригинала. Помимо порядка слов, первые строки икоса на двух позициях отличаются вариантами *гже* - *стѣа*. Появление различий, вероятно, связано с созданием акrostиха. Слово *стѣа*, если поместить его в начале строки, начинается с подходящей с точки зрения акrostиха буквы (следующая буква славянского алфавита – буква *С*).

Учитывая тот факт, что повторяемые икосы вписываются в азбучный акrostих, можно предположить, что повтор данных икосов присутствовал уже в начальном тексте перевода. Вероятно, в исходном тексте имелись и другие повторы икосов, целью которых было увеличение числа икосов гимна до числа букв славянского алфавита.

Далее в *Серб.* в тексте следуют три икоса – икосы 15, 18, 17 – которые в *Шафар.* помещены на позициях XIX – XXI соответственно. Поскольку порядок данных икосов совпадает в обоих списках, можно предположить, что эта их последовательность сохранилась с исходного текста. Если наши гипотезы о структуре текста верны, то эти икосы должны были бы начинаться со следующих

по алфавиту букв Т, Θϣ и Φ. Однако в первых строках икосов нет слов, начинающихся с данных букв, следовательно, добавленные для формирования акростиха слова были в дальнейшем потеряны при переписке текста.

На последней позиции в *Серб.* стоит икос 21, что, несомненно, не соответствует исходной структуре текста, так как впервые нарушается принцип чередования кратких и длинных икосов – два длинных икоса 17 и 21 находятся на соседних позициях. В *Шафар.* на данной позиции мы встречаем икос 12, начинающийся с соответствующей с точки зрения акростиха буквы Χ (χότητιον, σεμειονον, εν, ηρ, δ, ζ, ψ, ζ, εν, κ, υ) – вероятно, именно этот икос стоял на данной позиции в исходном тексте.

Тексты икосов всех трех списков за исключением незначительных различий, скорее всего, появившихся при переписывании текста, а также сознательного удаления в некоторых случаях дополнительных акростишных слов совпадают как в первой, так и во второй части гимна. В таблице 2. 4 мы приводим текст одного произвольно выбранного икоса (икоса 11, стоящего на третьем месте в акростишной последовательности) в сопоставлении с греческим оригиналом по списку *Серб.* Лексические разночтения между списками приведены в третьем столбце. Необходимо подчеркнуть, что даже на материале этого небольшого фрагмента видны основные особенности языка рассматриваемой редакции: перевод-парафраз оригинала в сравнении с пословным переводом последующих редакций, значительная часть пропусков, вероятно, восходящая к протографу, так как они повторяются во всех списках, а также относительная бедность языка, свидетельствующая о ранних стадиях его развития, когда лексические и риторические средства языка, а также техника перевода еще не были разработаны. Отметим, что вышеуказанные характеристики можно считать дополнительным аргументом в пользу гипотезы о том, что описываемая редакция, которую, в связи с несколько видоизмененным ее состоянием в списке *Шафар.*, мы предлагаем

называть не *Шафариковской*, а *Акростишной*, была первым переводом Акафиста на славянский язык.

Таблица 2. 4. Сопоставление текста икоса 11 греческого оригинала и списков Акростишной редакции

Греческий оригинал	<i>Серб.</i>	Разночтения по спискам <i>Шафар.</i> и <i>Щук.</i>
Λάμπας ἐν τῇ Αἰγύπτῳ φωτισμὸν ἀληθείας	вѣснѣвѣи вь егѣптѣ просвѣщениѣ истиньно	
ἐδίωξας τοῦ ψεύδους τὸ σκότος·	прогна ꙗс љжочѣ тѣмѣ	<i>Шафар.</i> и <i>Щук.</i> проганаѣ
τὰ γὰρ εἰδῶλα ταύτης, σωτήρ,	идолзи соущаѣ спсѣ	<i>Шафар.</i> и идолзи <i>Щук.</i> иво идолзи
μὴ ἐνέγκαντά σου τὴν ἰσχὺν πέπτωκεν	ни вь чтоже вѣгити крѣпость ихѣ створи	<i>Шафар.</i> створи ихѣ вѣгити
οἱ τούτων δὲ ῥυσθέντες ἀνεβῶν πρὸς τὴν θεοτόκον·	чѣтоуще же истиньнѣ и въпинахочѣ къ вѣци	<i>Щук.</i> истинниѣ <i>Шафар.</i> къ вѣци въпинахѣ
χαῖρε, ἀνόρθωσις τῶν ἀνθρώπων·	***	
χαῖρε, κατάπτωσις τῶν δαιμόνων·	радѣисѣ прогнание дѣмоньское	
χαῖρε, τῆς ἀπάτης τὴν πλάνην πατήσασα·	радѣисѣ непопернѣѣ љсти поправыши	<i>Щук.</i> прогнавшиѣ
χαῖρε, τῶν εἰδώλων τὸν δόλον ἐλέγξασα·	***	
χαῖρε, θάλασσα ποντίσασα Φαραῶ τὸν νοητόν·	радѣисѣ море потопльшее фараѣна мѣсльнаго	
χαῖρε, πέτρα ἢ ποτίσασα τοὺς διψῶντας τὴν ζωὴν·	радѣисѣ трапезо ¹ напоивѣши жаждоуцихѣ живота	<i>Шафар.</i> напитавшиѣ <i>Щук.</i> питавши
χαῖρε, πύρινε στύλε ὀδηγῶν τοὺς ἐν σκότει·	радѣисѣ стлѣпе ѡгньнѣѣ наставляюци соущихѣ вь тѣмѣ	
χαῖρε, σκέπη τοῦ	радѣисѣ покровѣ вьсемоу	<i>Шафар.</i> мироу вьсемоу и

¹ Расхождение между греческим оригиналом и славянским переводом восходит либо к разночтениям греческих списков (ἢ πέτρα / ἢ τραπέζα), либо к ошибке переводчика.

κόσμου πλατυτέρα νεφέλης·	мироу ширина облакъ	ширши еси
χαῖρε, τροφή τοῦ μάννα διάδοχε·	радъвнсе крьмо манънъи примѣненнне	
χαῖρε, τροφῆς ἁγίας διάκονε·	***	
χαῖρε, πηγὴ [D] τῆς ἐπαγγελίας·	радъвнсе источниче блговѣщенна	<i>Шафар.</i> бл̄госвѣщенна
χαῖρε, ἐξ' ἧς ῥέει γάλα καὶ μέλι· [JM]	радъвнсе из нее же истѣкаетъ млѣко и медъ	<i>Шафар.</i> рѣко изъ неа же
χαῖρε, νύμφη ἀνύμφευτε.	радъвнсе невѣсто безневѣстнаа	

Итак, мы можем утверждать, что исходный текст славянского перевода Акафиста состоял, по крайней мере, из 26 икосов, первые буквы которых составляли славянский азбучный акростих. Не исключено, что в данном тексте, наряду с икосами 2 и 3, были повторены и другие икосы греческого оригинала – таким образом, количество икосов могло быть увеличено до числа букв славянского алфавита (36 или 38, точное число варьируется в различных славянских алфавитах). Для создания славянского акростиха одни и те же икосы могли повторяться с небольшими изменениями в начальной строке.

Интересно также отметить, что в отличие от большинства других известных нам славянских алфавитариев алфавитный акростих Акафиста не включал в себя букву «гервь» [Иванова, 1971; Загребин, 1981, Попов, 2003]. Отсутствие икоса, соответствующего данной букве в начальной, лучше всего сохранившейся, части перевода, а также невозможность его позднейшего исключения из структуры гимна, что нарушило бы чередование длинных и кратких икосов, свидетельствует в пользу кириллического (а не глаголического) протографа данного перевода.

Несмотря на то, что ни один из списков не сохраняет исходную структуру текста перевода, изменения, по-видимому, были сделаны в них независимо друг от друга. Однако основная цель этих изменений была общей – сократить количество икосов до 24, то есть до количества икосов греческого оригинала. В *Шафар.* исходный текст был сохранен вплоть до икоса XVIII – то есть до первого

повтора ранее использованных икосов. Затем редактор-переписчик поместил ранее неиспользованные икосы, не делая никакой попытки сохранить акrostих. В *Серб.* исходный текст сохраняется до икоса XX. На последних четырех позициях второй редактор-переписчик поместил некоторые из ранее неиспользованных икосов, оставшихся в обширном исходном тексте. Поскольку два икоса – икосы 2 и 3 – уже были повторно использованы им, он не мог вместить все икосы в нужную ему 24-строфную структуру и предпочел включить в нее длинные икосы 17 и 21 и исключить краткие 12 и 16.

Сам факт присутствия акrostиха, а также анализ языка и переводческой техники Акrostишного перевода свидетельствует о том, что речь идет о древнейшем тексте славянского перевода Акафиста, выполненном в конце IX – начале X вв. одним из учеников Кирилла и Мефодия, которые широко использовали акrostих в своих как оригинальных, так и переводных гимнографических произведениях. С другой стороны, отмеченное выше отсутствие в акrostихе буквы «гервь» свидетельствует о связи данного алфавитария с кириллической традицией. Для более точного понимания места и роли данной редакции в церковнославянской письменности рассмотрим ее в сопоставлении с другими более поздними.

1.2.3. Гимовская редакция Акафиста Богоматери

В отличие от Акrostишной, Гимовская редакция Акафиста Богоматери неоднократно описывалась и издавалась, правда, преимущественно по кондакарным источникам [Амфилохий, 1879, с. 106 – 111; Filonov Gove, 1988, с. 225 – 275; Dostal, Rothe, 1979, с. 188 – 227]. Поэтому ограничимся здесь кратким описанием ее структурных и языковых особенностей в сопоставлении с греческим оригиналом и вышеописанной более ранней редакцией.

Отличительными особенностями Гимовской редакции являются:

- Присутствие в полном виде исключительно в восточнославянских списках XII – XIV вв. Отметим, что, судя по дошедшим до нас спискам, это была

единственная редакция, представленная в описываемый период на восточнославянской почве, сохранившаяся в относительно большом числе рукописей, из которых нами были исследованы три: *Пог. 41*, *F.I.680*, *Соф.84*. Анализ разночтений данных рукописей в сопоставлении с вышеуказанными изданиями также убедительно показал, что речь в данном случае идет о так называемой «закрытой» традиции, поскольку причинами расхождений между списками были не влияния других редакций либо традиций, но исключительно ошибки переписчиков.

- В отличие от всех прочих ранних редакций Гимовская редакция Акафиста Богоматери содержится не только в триодях, но и в восточнославянских кондакарях, в частности в Типографском кондакаре конца XI века. Наличие архаичных кондакарных списков редакции позволяет предположить, что изначально она была сделана именно при переводе кондакаря, а в триоди была перенесена позднее.
- Порядок икосов Акафиста церковнославянского текста редакции точно повторяет аналогичный греческого оригинала, акростих (либо любые попытки его составления) отсутствует.
- Составитель редакции изменяет рефрен длинных икосов: вместо *радзиса невѣсто безневѣстнаѧ* акростишной редакции он принимает вид, который сохранил и до наших дней: *радзиса невѣсто ненеувѣстнаѧ*.
- Значительные отличия по сравнению с вышеописанной Акростишной редакцией присутствуют не только в структуре Акафиста, но и в самом тексте его икосов. Их количество настолько велико, что можно говорить даже не об особой редакции, а об отдельном переводе гимна, сделанном с греческого источника с существенными отличиями от источника первого перевода. Кроме того, перевод Гимовской редакции был сделан на основе другого – пословного принципа, более точно передает греческий оригинал и демонстрирует более высокую степень развития церковнославянского

языка, переводческой техники и художественно-изобразительных средств. Таким образом, несомненно, что данная редакция была составлена позднее Акrostишной.

Для иллюстрации вышеуказанного положения приведем в таблице 2. 5 тексты трех произвольно выбранных кратких икосов Акrostишной и Гимовской редакций в сопоставлении с греческим оригиналом

Таблица 2. 5. Сопоставление церковнославянского текста Акrostишной (по списку *Шафар.*) и Гимовской редакций (на примере трех произвольно выбранных кратких икосов)

Греческий текст	<i>Шафар.</i>	Гимовская редакция
Икос 8		
<p>Θεοδρόμον ἀστέρα θεωρήσαντες μάγοι τῆ τούτου ἠκολούθησαν αἴγλη· καὶ ὡς λύχνον κρατοῦντες αὐτόν, δί' αὐτοῦ ἠορεύων κραταιὸν ἄνακτα· καὶ φθάσαντες τὸν ἄφθαστον ἐχάρησαν αὐτῷ βοῶντες· ἀλληλουΐα.</p>	<p>мыслѣно бѣи пѣть видѣвъше влзхви звѣздоѣ вслѣдъ еѣ послѣдовавъше ѣако свѣтильника зрѣаши и за нз въпрашахѣ дрзжѣщаго вѣсѣчзскаа и постигше непостижаемаго хвалѣще впиахѣ алли</p>	<p>бготочьноу звѣздоу видѣвъше влзсви по тои вслѣдоваша зари ѣако свѣтильника държѣще ю тою пзитахоу крѣпкаго цесара и постигше непостижимаго радоваша са възпиюще емоу аллюиа</p>
Икос 12		
<p>Μέλλοντες Συμεῶνος τοῦ παρόντος αἰῶνος μεθίστασθαι τοῦ ἀπατεῶνος, ἐπεδόθης ὡς βρέφος αὐτῷ, ἀλλ' ἐγνώσθης τούτῳ καὶ θεὸς τέλειος· διόπερ ἐξεπλάγη σου τὴν ἄρρητον σοφίαν κράζων ἀλληλουΐα.</p>	<p>хотѣащюу семевноу въз грѣдѣщѣ вѣкы прѣвити ѿ советнааго вѣка вдасть емоу сѣа ѣако младѣа и приемз его свръшена тѣмже оудивлзсѣа неизречннѣи мѣдрѣсти въпиаше аллюиа</p>	<p>хотѣащюу симеонюу ѿ советнаго вѣка прѣставити сѣа ѿ вѣременнаго взданз высть ѣако младенць емоу нз позна сѣа емоу бгз свръшенз тѣмже оудиви сѣа твоеи неиздреченнѣи моу дрости въпиа аллюиа</p>
Икос 16		

Πᾶσα φύσις ἀγγέλων κατεπλάγη τὸ μέγα τῆς σῆς ἐνανθρωπήσεως ἔργον· τὸν ἀπρόσιτον γὰρ ὡς θεὸν ἐθεώρει πᾶσα προσιτὸν ἄνθρωπον, ἡμῖν μὲν συνδιάγοντα, ἀκούοντα δὲ παρὰ πάντων· ἀλληλουΐα.	ВЗСѢКО СЖЦЗСТВО АГГЛЗСКОЕ ОУДИВЛѢТЬ СЯ ВЕЛИИ ТВЕМОУ ВЗЧЛЧЕНИУ ДѢЛЖ НЕПРИКОСНОВЕННО ЈАКО БА ВИДИМА ВЗСѢМИ ЧЛКЫ С НАМИ СЧЕТАЖЦАСЯ И СЛЫШЖЦА Ѡ ВСѢХЪ АЛЛИЮИА	ВСІАКО ЕСТЬСТВО АНГЛЪСКО ОУДИВИ СЯ ВЕЛИЮ ТВОЕГО ЧЛВКОЛЮБИНА ДѢЛОУ НЕПРИСТОУПНА БО ЈАКО БГА ВИДЯШЕ ВСѢМЪ ПРИСТОУПНА ЧЛВКА КЪ НАМЪ ЖЕ ПРИБЛИЖАЮЩА СЯ СЛЫШАЩА ЖЕ Ѡ ВСѢХЪ АЛЛИЮИА
--	--	---

Столь существенные различия между редакциями наблюдаются по всему тексту, за исключением кукулия и трех первых икосов (1 – 3), которые, независимо от их места в структуре славянского текста, имеют поразительное сходство между двумя вышеописанными редакциями. Для сопоставления приведем в таблице 2.6 тексты икоса 2 *Серб.* (позиция IV) и *F.I.680*, в которых практически все различия между текстами сводятся к наличию – отсутствию акростишного слова (госпоже).

Таблица 2. 6. Сопоставление текста икоса 2 списков *Серб.* (Акростишная редакция) и *F.I.680* (Гимовская редакция).

Греческий оригинал	Серб.	F.I.680.
Βλέπουσα ἡ Ἁγία, ἑαυτήν ἐν ἀγνεΐα, φησὶ τῷ Γαβριὴλ θαρσαλέως· τὸ παράδοξόν σου τῆς φωνῆς, δυσπαράδεκτόν μου τῇ ψυχῇ φαίνεται· ἀσπόρου γὰρ συλλήψεως, τὴν κύησιν πῶς λέγεις κράζων· ἀλληλουΐα.	гже видеѣци себе въ чистотѣ рече гаврилоу крѣпцѣ прѣславнѣно во твоего гласа неоудѣовьприѣтѣно ми дшоу явлаѣеть бесѣменьнаго во зчетиѣ рождѣство прѣди глѣши ми зовоу аллоуоуѣиа	видѣаци стаѣа себе въ чистотѣ рече гаврилз крѣпци преславноѣ твоѣ гласа неоудѣовьприѣтѣно ми дша явлаѣетса бесѣменьниго зчѣтиѣ ржѣство прѣдзглши зова аллѣѣа

Очевидно, что такое сходство не могло возникнуть случайно и свидетельствует об особой судьбе этого фрагмента текста и о взаимовлиянии между редакциями. Каким образом происходило данное взаимовлияние, на

данном этапе исследования точно установить трудно. Тот факт, что речь идет о фрагменте, соответствующем началу греческого гимна, в акростишной редакции «рассыпанном» по позициям I, IV, IX, говорит в пользу того, что он заимствовался Акростишной редакцией из Гимовской, а не наоборот. Не исключено, что именно этот фрагмент обеими редакциями был заимствован из другого источника – в частности, из мартовских миней, где, по наблюдениям И. Христовой-Шомовой, в составе службы на Благовещение помещалось начало Акафиста Богоматери [Христова-Шомова, 2015, с. 56 – 57].

1.2.4. Акафист Богоматери Битольской триоди

Нарушив хронологическую последовательность, рассмотрим самый древний список триоди с Акафистом Богоматери – Битольскую триодь [Кодов, 1969, с. 62 – 75]. Данный вариант текста не мог быть рассмотрен ранее, так как небольшой сохранившийся отрывок Акафиста Богоматери (конец икоса 22 и икосы 23 – 24 полностью) не дает нам достаточного материала для определения его места в истории славянского перевода Акафиста без соотнесения с другими редакциями [Борисова, 2011b, с. 111 – 117].

Отметим, прежде всего, что даже по сохранившемуся фрагменту можно с уверенностью утверждать, что славянский текст списка не имел акростиха и сохранял последовательность икосов греческого оригинала. Этот факт, а также существенные отличия текста от Акростишной редакции заставляют нас, несмотря на существенные различия в месте написания списков, искать связи данной версии с Гимовской редакцией. Таблица 2. 7 содержит сопоставление двух сохранившихся икосов Битольской триоди с Гимовской редакцией и греческим оригиналом. Основные разночтения подчеркнуты.

Таблица 2. 7. Славянский текст икосов 23 и 24 Акафиста Богоматери Битольской триоди в сопоставлении с Гимовской редакцией (по списку F.I.680) и греческим оригиналом

Греческий оригинал	Битольская триодь	Гимовская редакция
--------------------	-------------------	--------------------

ικος 23		
Ψάλλοντές σου τὸν τόκον εὐφημοῦμεν σε πάντες	ПѢВАЕМЪ ТИ РОЖДѢСТВО ХВАЛИМЪ ТА ВСИИ	ПОЮЩЕ РЖТВО ТВОЕ ХВАЛИМЪ ТА ВСИ
ὡς ἔμψυχον ναόν, θεοτόκε·	ІАКО ДХОВНА ХРАМЪ БЦЕ	ІАКО ДШЕВНЮ ЦРКОВЬ БЦЕ
ἐν τῇ σῇ γὰρ οἰκήσας γαστροῖ	ВЪ ТА БО ВСЕЛИ СА ЖТРОВЖ	ВЪ ТВОЮ БО ВЪСЕЛИСА ОУТРОВОУ
ὁ κατέχων πάντα τῇ χειρὶ κύριος	ИМЖЩИ ВСѢЧЬСКА В РЖКЖ ГЬ	СЪДЕРЖАИ ВСА РОУКОЮ ГДЬ
ἠγίασεν, ἐδόξασεν, ἐδίδαξε βοᾶν σοι πάντας·	УСТИ И ПРОСЛАВИ И НАВЧИ ВСѢХЪ ВЪПИТИ	ОСТИ И ПРОСЛАВИ И НАУЧИ ВПИТИ ТИ ВСѢМ
χαῖρε, σκηνὴ τοῦ θεοῦ καὶ λόγου·	***	РАДЖИСА СѢНИ БА И СЛОВА
χαῖρε, ἁγία ἁγίων μείζων·	***	РАДЖИСА СТАІА СТХЪ БОЛШИ
χαῖρε, κιβωτὲ χρυσωθεῖσα τῷ πνεύματι·	РАДЖИСА КИВОТЕ ПОЗЛАЦЕНА ДХОМЪ	РАДЖИСА КОВЧЕЖЕ ПОЗЛАЦЕНЪ ДХМЪ
χαῖρε, θησαυρὲ τῆς ζωῆς ἀδαπάνητε·	РАДЖИСА СЪКРОВИЩЕ ЖИЗНИ НЕСКОНЪЧАЕМЪИЖ	РАДЖИСА СКРОВИЩЕ ЖИВОТЪ НЕИЗГОТОВАННОЕ
χαῖρε, τίμιον διάδημα βασιλέων εὐσεβῶν·	РАДЖИС- ЧЕСТЪНЪИИ ВѢНЕЦЪ ЦАРЕМЪ БЛГОВѢРНЪИМЪ	РАДЖИСА ЧСТНЪИИ ВѢНЧЕ ЦСРЕМЪ БЛГОВѢРНЪИМЪ
χαῖρε, καύχημα σεβάσμιον ιερέων εὐλαβῶν·	РАДЖИСА ПОХВАЛО СТЛЕМЪ ГОВѢЖЦИМЪ	РАДЖИСА ПОХВАЛО ЧСТНАІА ИЕРѢЕМЪ БЛГОВОІАЖНИВЪИМЪ
χαῖρε, τῆς ἐκκλησίας ὁ ἀσάλευτος πύργος·	РАДЖИСА ЦРКВИ НЕДВИЖИМЪИИ СТЛЬПЪ	РАДЖИСА ЦЕРКОВНЪИИ НЕДВИЖИМЪИИ СТОЛПЕ
χαῖρε, τῆς βασιλείας τὸ ἀπόρθητον τεῖχος·	РАДЖИСА ЦРѢСТВИЮ НЕУВОРИМАІА СТѢНА	РАДЖИСА ЦРѢСТВИЮ НЕДВИЖИМАІА СТѢНА
χαῖρε, δι' ἧς	РАДЖИСА ЕЖ РАДИ	РАДЖИСА ЕЮ ЖЕ ВЪСТАЮТЬ

ἐγείρονται τρόπαια·	ВСТАЖТЬ ПОВЪДЗИИ	ПОВЪДЗИ
χαῖρε, δι' ἧς ἐχθροὶ καταπίπτουσι·	РАДЗИСА <u>ЕЖ</u> РАДИ ВРАЗИ ПАДАЖТЬ	РАДЗИСА <u>ЕЮ</u> ЖЕ ВРАЗИ ПАДАЮТЬ
χαῖρε, φωτὸς τοῦ ἐμοῦ θεραπεία·	РАДЗИСА СВЪТЪ МОЕМОУ <u>ΟΥТЪШЕНИЕ</u>	РАДЗИСА СВЪТЪ МОЕМЪ <u>СЛОУЖИТЕЛЮ</u>
χαῖρε, ψυχῆς τῆς ἐμῆς προστασία / σωτηρία·	РАДЗИСА ДШИ МОЕИ <u>ЗАСТЖПНИЦЕ</u>	РАДЗИСА ДША МОЕИ <u>СПСЕНИЕ</u>
χαῖρε, νύμφη ἀνύμφευτε.	РАДЗИСА НЕВЪСТО <u>БЕЗНЕВЪСТЫНАИ</u>	РАДЗИСА НЕВЪСТО <u>НЕНЕВЪСТНАИ</u>
икос 24		
Ὡ πανύμνητε μήτηρ, ἡ τεκοῦσα τὸν πάντων	Ω ПРЪПЪТАИА МТИ рождѣшина всѣхъ	О ПРЪПЪТАИА МТИ рожши всихъ
ἀγίων ἀγιώτατον λόγον,	СТЪИХЪ ПРЪСТОЕ СЛОВО	СТЪХЪ ПРЪСТОЕ СЛОВО
δεξαμένη τὴν νῦν προσφορᾶν,	ПРИЕМЪШИ ННЪШЬНЕЕ ПРИНЕСЕНИЕ	ПРИИМШИ НЗИНЪШНЕЕ ПРИНОШЕНИЕ
ἀπὸ πάσης ῥῶσαι συμφορᾶς ἅπαντας	Ω ВСЪКОЖ <u>ТАШЪЧИНЪ</u> И ИЗБАВИ ВСѢХЪ	Ω ВСАКОЖ <u>ЗАСТЪПИ</u> <u>НАПАСТИИ</u> ВСѢХЪ
καὶ τῆς μελλούσης λύτρωσαι κολάσεως τοὺς σοὶ βοῶντας ἀλληλούϊα.	И <u>НАСТОЖЩИ</u> МЖКЪИ И ИЗБАВИ ТЕБЪ ВЪПИЖЦЕ АЛЛИЛГИА	И <u>ГРАДЪЦИА</u> ИЗБАВИ МЖКЪИ КЪ ТОБЕ ВОПИЮЩИХЪ АЛЛИЛГИА

Приведенные выше данные показывают существенные различия списков, в некоторых случаях восходящие к разночтениям греческого оригинала (см.: προστασία - застжпнице / σωτηρία – спсение). Присутствие этих и других существенных разночтений свидетельствует о том, что текст Битольской триоди представляет собой самостоятельную редакцию, не сводимую к другим вышеуказанным ранним редакциям. В ряде мест варианты Битольской триоди уникальны и не могли возникнуть иначе как посредством обращения справщика-редактора к греческому оригиналу Акафиста. В сопоставлении с другими ранними редакциями текст Битольской триоди более всего отличается от

Акrostишной редакции, то есть от редакции, наиболее близкой к Битольской по месту создания и датировке списков. Видимо, данные редакции представляют собой две сосуществующие на южнославянской почве относительно независимые традиции. Если выше на основании отсутствия в алфавитном акrostии буквы «гервь» мы высказали гипотезу о кириллическом происхождении Акrostишной редакции, то Акафист Битольской триоди, вероятно, представляет древнюю глаголическую традицию гимна в славянской письменности. На это указывает обилие глаголических вставок в тексте рукописи [Кодов, 1969, с. 62 – 75], свидетельствующих о том, что текст был списан с глаголического протографа.

Несмотря на отмеченные выше различия текст Битольской триоди наиболее близок Гимовской редакции. Несомненно, что данные редакции не могли возникнуть независимо и восходят к одному протографу. При этом, судя по языковым особенностям, редакция Битольской триоди появилась ранее Гимовской. Вполне вероятно, что перед нами сохранившийся в уникальном списке вариант архаичной редакции без акrostиха, существовавшей на южнославянской почве параллельно с Акrostишной и взятой за основу при исправлении текста по греческому оригиналу при составлении Гимовской редакции.

1.2.5. Хлудовская (Орбельская) редакция Акафиста Богоматери

В отличие от Гимовской данная редакция была обнаружена только в южнославянских (болгарских) рукописях XIII – XIV веков. В чистом виде редакция выявлена в списке *Хлуд. 138* и в Копитаровой триоди – болгарской триоди середины XIII века, с текстом которой мы познакомились по изданию [Filonov Gove, 1988, с. 225 – 275]. Именно поэтому, во избежание неточностей, мы решили отказаться от предлагаемого М. Моминой термина Орбельской редакции и предложить назвать данную редакцию *Хлудовской* [Момина, 1985, с. 144]. Текстологический анализ показывает, что Хлудовская редакция была

выполнена на основе Гимовской, следовательно, ее создание относится к более позднему периоду. Подобно Гимовской редакции, порядок икосов соответствует порядку греческого гимна. Текст Гимовской редакции последовательно исправляется по греческому списку, содержащему существенные отличия от списка, на основе которого был создан Гимовский перевод. Основные различия славянских редакций, восходящие к разночтениям греческих списков, представлены в таблице 2. 8.

Таблица 2. 8. Разночтения Гимовской и Худовской редакций, восходящие к разночтениям греческих списков (здесь и далее синглы греческих рукописей приводятся согласно изданию Трипаниса, расшифровку см. в приложении 1).

Икос / стих	Греческие разночтения	Гимовская редакция	Худовская редакция
4.3 ²	εὐκαρπον		БЛАГОПЛОДЫНѢ
	ἔγκαρπον [WDMPT]	ПЛОДОВИТОУ	
6.3	πρὸς τὴν ἄγαμόν		НЕВРАЧЫНѢ
	πρῶην ἄγαμόν [WS]	ПРѢЖЕ ДВОЮ	
9.8	παύσασα	преставляющи	
	σβέσασα [CDJMT]		ОУГАСИШИ
9.14	σβέσασα	оугасивъши	
	παύσασα [CAJPT]		СЪСТАВЛЪШИ
11.8	τῆς ἀπάτης τὴν πλάνην		ПРѢЛЬСТЬНИЖ СЪБЛАЗНИ
	τῆς πλάνης τὸ κράτος [WSZMV]	ПРЕЛЬСТЬНОУЮ ДЪРЖАВОУ	
12.2	τοῦ ἀπατεῶνος		Ѡ ПРѢЛЬСТИНАГО ЖИТИА
	πρὸς τοὺς ἀπ' αἰῶνος [WV]	Ѡ ВРѢМЬНАГО	
13.8	ἐκλάμπουσα		ОБЛИСТАѢШТИ
	ἐπέχουσα [M]	СЪАВЛЯЮЩИ	
13.1 4	δικαίου		ПРАВѢДНАГО
	τοῦ πάντων [WV]	ВСѢМЬ	
14.5	ἐλκύσαι πρὸς τὸ ὕψος	ПРИВЕСТИ НА ВЪСОТОУ	
	ἀνθρώπους τοῦ σῶσαι [AT]		ЧЛѢКЪ (ХОТѢ) СПѢТИ
17.1	ἐμωράνθησαν		ОБЛИЧАѢШТИ

² Здесь и далее первое число обозначает порядковый номер икоса, второй – стиха в нем.

Икос / стих	Греческие разночтения	Гимовская редакция	Хлудовская редакция
0	ἐμαράνθησαν [J]	οὐβαδοша	
18.4	καθ' ἡμᾶς ὅμοιος		НАМЪ ПОДОБЕНЬ
	καθ' ἡμᾶς πρόβατον [WSMV]	ΠΟ ΝΑΣЪ ΙΑΚΟ ΟΒΥЧА	
19.1 1	σὺ γὰρ ἀνεγέννησας τοὺς συλληφθέντας αἰσχροῶς		ТЪИ БО УБНОВИЛА ЕСИ ΟΥΚΡΑΔΕΝΙΕ ΤΛῒΝΙΟΥ
	ὅτι ἐνέδυσας τοὺς γυμνωθέντας τῆς ζωῆς [M]	ΙΑΚΟ ΤЪИ ΟΔΥΒΛΑ ЕСИ ЖИВОΤΑ ΟΒΝΑЖЕНЪНА	
20.5	δέδωκας τοῖς σοῖ βοῶσιν	ΔΑΛΖ ЕСИ ΤΕΒῒ ΒΖΠΙΟΥΣΙΜΖ	
	δέδωκας τοῖς βοῶσιν [G]		ДАРОВАЛЪ ЕСИ ΒΖΠΙΩΣΙΜΖ
21.8	καταλάμπουσα		ΟΒΛΙΣΤΑΪΣΤΙ
	καταυγάζουσα [V]	οσιγᾶουσι	
21.1 1	πολύρροτον ... ποταμόν		ΜΝΟΓΟΤΕΚΪΣΤῒΪ ... ΡῒΒΚΪ
	πολύρροτον ... ποτισμόν [WBDMT]	ΜΝΟΓΟΒΟΔΥΝΟΕ... ΝΑΠΟΕΝΙΕ	
23.1 7	προστασία		ΖΑΣΤΪΠΝΙΣΤΑ
	σωτηρία [CMTV]	спсение	

Существенные различия между редакциями, однако, проистекают не только от разночтений греческих списков, но и от различного перевода одних и тех же текстовых фрагментов оригинала. Приведем здесь важнейшие из них.

2Жук. ἐλευθέρωσον – свободи (Гим.) → избави (Хлуд. 138).

5.6 βλαστοῦ ἀμαράντου κλήμα – прозябение неοубадомага гръзна (Гим.) → ѿрасли неввадаѡштаѡ лозо (Хлуд. 138).

5.9 φυτουργόν – насадителя (Гим.) → садителя (Хлуд. 138).

5.10 ἄρουρα – ниво (Гим.) → враздо (Хлуд. 138).

5.12 λειμῶνα – цвѣтъ (Гим.) → рани (Хлуд. 138).

7.14 χαῖρε, στερεόν τῆς πίστεως ἔρεισμα – радвиса твърдоє вѣрѣ оутвържение (Гим.) → радвис- твърдои вѣрѣ основание (Хлуд. 138).

7.15 γνώρισμα – сѣказание (Гим.) → познание (Хлуд. 138).

8.5 καὶ φθάσαντες τὸν ἀφθαστον – и постигъше непостижимаго (Гим.) → и достигнуша непостижнаго (Хлуд. 138).

- 9.11 κύριον – господа (Гим.) → в̄га (Хлуд. 138).
- 9.15 φλογὸς παθῶν ἀπαλλάττουσα – ѿ пламене страсти измѣтаючи (Гим.)
→ пламене страшнаго измѣнаѣшти (Хлуд. 138).
- 11.3 εἰδῶλα – коумири (Гим.) → идоли (Хлуд. 138).
- 11.6 ἀνόρθωσις – възведеиe (Гим.) → въздвигеиe (Хлуд. 138).
- 11.9 δόλον – локавѣство (Гим.) → лѣстѣи (Хлуд. 138).
- 11.10 ποντίσασα – потаплаѣа (Гим.) → погрѣживѣше (Хлуд. 138).
- 11.13 σκέπη – крове (Гим.) → покрове (Хлуд. 138).
- 11.14 τροφή – питательнице (Гим.) → пиште (Хлуд. 138).
- 13.4 ἄφθορον – чиста (Гим.) → нетлѣна (Хлуд. 138).
- 15.1 ἐν τοῖς κάτω – в земльнихъ (Гим.) → въ нижнихъ (Хлуд. 138).
- 15.9 ἀναμφίβολον – неневѣрнаѣа (Гим.) → извѣстнаѣа (Хлуд. 138).
- 15.10 ὄχημα – носило (Гим.) → колесънице (Хлуд. 138).
- 15.17 ἐλπὶς – оупѣвание (Гим.) → наслаждеиe (Хлуд. 138).
- 16.5 ἡμῖν μὲν συνδιάγοντα – кѣ намъ же приближающасѣа (Гим.) → сѣ нами
оубо прѣвѣзвающа (Хлуд. 138).
- 17.3 ἀποροῦσι – недоумѣлатъ (Гим.) → недооумѣлатъ (Хлуд. 138).
- 17.5 θαυμάζοντες – чюдаше сѣа (Гим.) → диваште сѣа (Хлуд. 138).
- 17.6 δοχεῖον – приималице (Гим.) → сѣкровиште (Хлуд. 138).
- 17.7 ταμεῖον – хранило (Гим.) → приѣтилице (Хлуд. 138).
- 17.11 οἱ τῶν μύθων ποιηταί – басньнии творѣци (Гим.) → баснотворѣци (Хлуд. 138).
- 17.16 ἐξέλκουσα – извод-ци (Гим.) → избавляѣѣшти (Хлуд. 138).
- 17.16 ἀγνοίας – невѣжѣствна (Гим.) → невѣднна (Хлуд. 138).
- 19.4 κατασκεύασε – оу Краси (Гим.) → сѣврѣши (Хлуд. 138).
- 19.9 χορηγὲ – податльнице (Гим.) → подателю (Хлуд. 138).
- 19.12 ἢ τὸν φθορέα τῶν φρενῶν καταροῦσα – гоубителѣ оумъмъ разараючи
(Гим.) → гоубител- смисломъ оупразнивѣши (Хлуд. 138).
- 19.14 παστάς – ложънице (Гим.) → чрѣтоже (Хлуд. 138).
- 19.15 ἀρμόζουσα – оуброучаючи (Гим.) → сѣчетавши (Хлуд. 138).
- 20.1 ἠττάται – повиноуѣтѣ сѣа (Гим.) → повѣждает с- (Хлуд. 138).
- 21.4 ὀδηγεῖ – наводитъ (Гим.) → наставляетъ (Хлуд. 138).
- 21.6 νοητοῦ – мѣсльнаго (Гим.) → разумнаго (Хлуд. 138).
- 21.12 ζωγραφοῦσα – проснаючи (Гим.) → прописѣѣшти (Хлуд. 138).

Приведенные выше данные не оставляют сомнений в том, что Хлудовская редакция появилась в результате тщательно и систематично проведенной книжной справки по греческому оригиналу гимна, в результате которой были исправлены многие ошибки и неточности предыдущих версий.

Среди списков, традиционно объединяемых в эту редакцию, особняком стоит список Орбельской триоды. Несмотря на то, что за основу текста здесь была положена «классическая» форма данной редакции, есть и достаточное число разночтений с последней, причем сопоставительный анализ показывает, что большинство из них восходят к архаичным версиям Акростишной редакции. Покажем, как это происходило, на примере хайретизмов икоса 19, сопоставив тексты Копитаровой, Орбельской и Сербской триодей (см. таблицу 2. 9). Нетрудно убедиться, что во всех основных подчеркнутых разночтениях между списками текст *Орбел.* следует за Акростишной редакцией.

Таблица 2. 9. Сопоставление текстов хайретизмов икоса 19 Копитаровой триоды со списками *Орбел.* и *Серб.*

Копитарова Триодь	Орбел.	Серб.
радзиса тѣло дѣвства	радзиса <u>стѣлпе</u> дѣвства	радзисе стѣлпе дѣвства
радзиса дѣбрь сѣпасениа	радзиса дѣри сѣпасениа	радзисе дѣри сѣпасениа
радзиса начальнице мзисльнаго сѣзданья	***	радзисе зачало созданию рода
радзиса подателю бествиниѣ блгодѣти	радзиса подателю бествиниѣ блгостина	радзисе вѣмѣстилище бжие блгѣти
радзиса тѣи бо наказала еси <u>зачатѣихъ</u> сточдо	***	радзисе тѣи бо вѣновила еси истѣлѣвѣшее тѣлею
радзиса тѣи бо вѣновила еси <u>окраденіе оумомъ</u>	радзиса тѣи бо вѣновила еси <u>вѣзносащимъ</u> са на <u>небеса</u>	радзисе тѣи бо наставила еси вѣзносецимъ се на небеса
радзиса <u>гоубителя</u> <u>смыломъ оупразнивши</u>	радзиса <u>тлѣннзимъ</u> <u>разоумъ ѿвергши</u>	радзисе тлѣнннзимъ разоумъ ѿвергши
радзиса сѣятела четотѣ порождѣщи	радзиса сѣятела четотѣ порождѣщи	радзисе вѣсиа тѣла чистотѣ рождѣшиа
радзиса чрьтоже бествѣннаго <u>невѣститела</u>	радзиса чрьтоже бестѣменномъ <u>зачатию</u>	радзисе чрьтоже бестѣменьномуъ <u>зачетию</u>

ра,д,зиса г,д,з вѣрѣнзиѡ сѣчетавши	ра,д,зиса бгви вѣрѣнзиѡ сѣчетавши	ра,д,зисе вѣрѣнзимь га сѣвѣзкоупльши
ра,д,зиса добраѡ млада питательнице дѣвамъ	ра,д,зиса красото и крѣмо дѣвамъ	ра,д,зисе красото и крѣмо дѣвамъ
ра,д,зиса дшамъ чрьтоже свѣтли	ра,д,зиса женихомъ вдѣѡание стое	ра,д,зисе женихомъ вдѣѡание стое

Из вышеприведенного сопоставления очевидно, что различия между списками не являются результатом sprawy текста по греческому оригиналу, но результатом взаимовлияния двух славянских редакций – более архаичной и более новой. При этом более новая редакция, несомненно, является основой для компиляционного текста, определяя и его структуру (порядок икосов в соответствии с греческим оригиналом), и большую часть текста, который, однако, обогащается вариантами из Акростишной редакции. Посмотрим, как проходил данный процесс, на примере еще одного фрагмента текста – краткого икоса б, представленного в таблице 2. 10, где подчеркнутые фрагменты текста двух славянских источников использовались при составлении компиляции.

Таблица 2. 10. Сопоставление текстов икоса б Копитаровой триоды со списками *Орбел.* и *Серб.*

Копитарова триодь	Орбел.	Серб.
взрѣѡ <u>взнотрь имѣѡ</u> помѣшлении невѣрѣнзиѡхъ <u>цѣломѣдрьнзи иосифъ</u> <u>сѣмате са прѣже</u> <u>небрачнѣѡ та видѣвѣѡ</u> и бракоокрадованьнѣѡ помѣшлѣѡѡ прѣчистаѡѡ оувѣдѣвѣѡ же твое зачатіе отъ сватаѡѡго д,сха рече алелѣѡѡѡ	боура <u>внѣтрѣ имѣѡ</u> и мѣсль в себѣ <u>цѣломѣдрьнзи иосифъ</u> сматеса прѣжде небрачнѣѡ та видѣвѣѡ оукрадѣши бракъ рече ѡ прѣчистаѡѡ оувѣдѣвѣѡ же ти <u>зачатіе</u> ѡ д,ха ста сѣѡци и възпи алли..	боуроу въ себѣ имѣе <u>и мѣсли въ себѣ моудрзи</u> иосифъ сѣметаше се безмоужьнзи зре <u>оукрадѣшоуоу бракъ речѣ</u> <u>ѡ</u> <u>прѣчистаѡѡ</u> оувѣдѣвѣѡ же <u>ти</u> <u>зачетіе</u> ѡ д,ха ста <u>соуца и</u> <u>възъпий</u> аллилюоуѡѡѡ

Итак, очевидно, что вариант текста Акафиста, представленный в Орбельской триоды, возник без обращения к греческому оригиналу на основе компиляции двух славянских текстов: текста «чистой» Хлудовской редакции,

взятой за основу нового текста, и Акrostишной редакции, варианты из которой составляют примерно 15 % нового текста. В двух случаях (в икосах 3 и 7) составитель компиляции включает в свой текст и дополнительные акrostишные слова *земьныхъ* и *дивьно*, которые, однако, полностью теряют связь с акrostихом и могут перемещаться с начального места в середину соответствующего стиха: (см. *разочумны земьныхъ развѣсти* (3.1) и *дивьно слышахъ пастырию* (7.1)).

Интересно также, что текст Акrostишной редакции в разной степени повлиял на разные участки текста Хлудовской редакции. За исключением первых трех икосов, в которых, как мы указывали выше, различия между редакциями были минимальными, мы практически не находим вариантов из Акrostишной редакции в икосах 8, 9, 12, 14, 18, 17 и 20 Орбельской триоди, то есть в икосах, находящихся в конце текста Акrostишной редакции.

Менее значительное, однако, вполне ощутимое влияние ранних редакций находим и в списке *Пловд.*, в основе своей относимом к Хлудовскому типу [Момина, 1985, с. 144]. Наиболее заметное из них – это рефрен *радвися невѣсто безневѣстнаѧ* (вместо *неневѣстнаѧ* как в Гимовском и Хлудовском типе), характерное для архаичных редакций (в частности, Акrostишной). Кроме того, в списке отмечено 4 варианта, характерных для Гимовской редакции, а именно: в кукулии *свободи* вместо *избави* (*ἐλευθέρωσον*); в 5.9. *насадителя* вместо *садителя* (*φυτουργόν*); в 11.6 *вззведеиѧ* вместо *взздвиженѧ* (*ἀνόρθωσις*); в 23.17 *спсение* (*σωτηρία*) вместо *застѣпница* (*προστασία*). Незначительное количество данных вариантов свидетельствует о том, что они могли появиться под влиянием различных компиляционных типов. Другой особенностью списка *Пловд.* является большое количество ошибок переписчика, наиболее показательные из которых представлены в таблице 2.11.

Таблица 2. 11. Наиболее значительные ошибки переписчика по списку Пловд.

Икос/ стих	Греческий оригинал	Хлудовская редакция	Пловд.
Кук. 1	τὰ νικητήρια	побѣднаа	побѣднаѧ побѣда
1.4	σωματούμενόν	въплъцаша са	въплъщение
3.8	ῶν θαυμάτων Χριστοῦ τὸ προοίμιον	чюдесемь хсвзимъ начало	чюдеси просаши хво начало
3.10	κλίμαξ ἐπουράνιε	лѣствице нбснаа	лѣствице дшевнаѧ и нбснаѧ
3.11	γέφυρα	мосте	мѣсто
7.7	αὐτὴν λογικῶν προβάτων	дворе словеснъихъ ввещь	дворе словесного стада
10.3	ἐκτελέσαντές σου τὸν χρησμόν	сзкончавше пррчство	скончѣвше црство
11.2-3	ἐδίωξας τοῦ ψεύδους τὸ σκότος	ѡгналъ еси лъжа тъмѧ	лъжѧ ѡгнавъ и тла
11.17	ἐξ ἧς ρέει μέλι καὶ γάλα	изъ неа же течетъ медъ и млѣко	изъ неа же течетъ животь медъ и млѣко
13. 6	τὸ ἄνθος τῆς ἀφθαρσίας	цвѣте нетлѣвниа	цвѣте вѣри и дѣвства
13.7	τὸ στέφος τῆς ἐγκρατείας	веньче въздръжанию	вѣнче вѣри и въздръжаниа
17. 9	τεχνολόγους ἀλόγους ἐλέγχουσα	хѣтрословесникъи бесловесъникъи ѡбличаѣщи	хитрословесники ѧвлѣѣщи

1.2.6. Акафист Богоматери в Загребской триоди – редакция или компиляция?

Текст Акафиста Богоматери Загребской триоди обращает на себя внимание исследователя, прежде всего, своей странной структурой. Уникальный во всей славянской традиции порядок икосов данного списка существенно отличается и от следующего за греческим оригиналом порядка икосов Гимовской редакции, и от отличного от греческого оригинала порядка Акrostишной редакции, достоверно восстанавливаемого, как уже указывалось выше, только для первых 18 икосов, так как во второй части гимна данные списков расходятся (см. таблицу

2. 12). В *Загреб.*, как мы уже упоминали, отсутствует фрагмент текста, предположительно содержащий 4 икоса (после икоса 10) и начало икоса 17.

Таблица 2. 12. Сопоставление порядка икосов Акафиста Богоматери Загребской триоди с двумя ранними редакциями

	Гимовская редакция	Акростишная редакция	Загребская триодь
I	1 – А	1– А	1– А
II	2 – В	6 – Б	6 – Б
III	3 – Р	11 – В	11 – В
IV	4 – С	2 – Г	12 – Х
V	5 – И	7 – Д	5 – И
VI	6 – Б	4 – Е	2 – В
VII	7 – С	13 – Ж	3 – Р
VIII	8 – Б	20 – S	4 – С
IX	9 – В	3 – Z	7 – С
X	10 – П	22 – I	8 – Б
XI	11 – В	5 – И	9 – В
XII	12 – Х	14 – К	10 – П
XIII	13 – N	19 – Л	?
XIV	14 – С	8 – М	?
XV	15 – В	9 – N	?
XVI	16 – В	10 – W	?
XVII	17 – В	23 – П	17 – В
XVIII	18 – С	24 – W	18 – С
XIX	19 – С	?	19 – С
XX	20 – П	?	20 – П
XXI	21 – С	?	21 – С
XXII	22 – Б	?	22 – Б
XXIII	23 – П	?	23 – П
XXIV	24 – O	?	24 – O

Сопоставив порядок икосов данных редакций с порядком икосов Загребской триоди, мы видим, что, в отличие от Шафариковской и Гимовской редакций, порядок икосов Загребской триоди не подчинен единому принципу (ни точному следованию за порядком икосов оригинала, ни славянскому акростиху), но является результатом достаточно механического совмещения фрагментов этих вышеуказанных редакций. Так, первые три икоса Загребской триоди

располагаются в порядке Акростишной редакции, затем следуют икосы, которые были в греческом тексте парными с первыми тремя, а именно: икос 12 (IV) в греческом оригинале составляет пару «длинный – краткий икос» с икосом 11 (III), 5 (V) с 6 (II) и, наконец, 2 (VI) с 1 (I). В оставшейся части текста, насколько можно судить по сохранившемуся фрагменту, икосы следуют порядку греческого оригинала, за исключением пропусков уже использованных в начале икосов. Таким образом, текстовая традиция Акафиста Богоматери Загребской триоди вторична по отношению к Акростишной и Гимовской редакциям и составлена путем их совмещения без привлечения греческого оригинала. Подтверждение этим данным можно получить, сравнив тексты икосов (в качестве примера в таблице 2. 13 помещены тексты икосов 6 и 4 из *Загреб.* в сопоставлении с аналогичными из *Шафар.* и *F.I.680* – о вариантах перевода сложного прилагательного ἀπειρογάμος в славянской письменности см. [Йовчева, 2014, с. 211 – 213]). Лишь в первых трех икосах, расположенных в порядке Акростишной редакции, наблюдается и текстовое сходство с данной редакцией, во всех же остальных икосах Загребская триодь практически дословно повторяет Гимовскую редакцию, отличаясь от других списков, однако, большим количеством ошибок.

Таблица 2. 13. Сопоставление выборочных икосов (икосов 6 и 4) Загребской триоди с Акростишной и Гимовской редакциями.

Греческий оригинал	Ζάλην ἔνδοθεν ἔχων λογισμῶν ἀμφιβόλων, ὁ σώφρων Ἰωσήφ ἐταράχθη· πρὸς τὴν ἀγαμόν σὲ θεωρῶν, καὶ κλειψίγαμον ὑπονοῶν ἄμεμπτε· μαθὼν δέ σου τὴν σύλληψιν, ἐκ πνεύματος ἁγίου, ἔφη· ἀλληλούϊα.
Акростишная редакция (<i>Шафар.</i>)	Бѣрѣ въ себѣ имѣе и мѣсли въ себѣ мѣдрѣи иносифъ сьметѣаше се безмѣжнѣи зре ꙗкрадѣшѣю бракъ рече ѿ прѣчстѣаѣ ѡвѣдѣвъ же ти зачатие ѡ дѣха стѣ сѣщи и възъпии аллилюа
Гимовская редакция (<i>F.I.680</i>)	Божю възноуѣрь имѣа помѣшлении вѣрнѣихъ цѣломоудренѣи носифъ смате са прѣже двою та видѣ о бракообрадованноу помѣшлаа прѣчстѣаѣ оувѣдѣвъ иже твое зачатие ѡ стго дѣха алелѣиа
Загребская триодь	Бѣрѣ помѣшленнѣи имѣа в себѣ цѣломѣдри иносифъ сматеса безмѣжнѣѣ оукрадѣшѣѣ бракъ реч ѿ прчстѣаѣ оувѣдѣвъ же ижи зачатие ѡ стго дѣха сѣщи поѣше аллиѣиа

Греческий оригинал	Δύναμις τοῦ ὑψίστου, ἐπεσκίασε τότε, πρὸς σύλληψιν τῆ ἀπειρογάμῳ· καὶ τὴν εὐκαρπον ταύτης νηδύν, ὡς ἀγρὸν ἀπέδειξεν ἡδὺν ἅπασι, τοῖς θέλουσι θερίζειν σωτηρίαν, ἐν τῷ ψάλλειν οὕτως· ἀλληλούϊα.
Акростишная редакция (Шафар.)	сила възшьнаго тогда въ зачатие бракѣнеискѣсньѣ и выпльщение видѣти ꙗко село показа ннѣ силою въсѣмь спѣ новь пити сице алл..
Гимовская редакция (F.I.680)	сила възшьнаго осѣни тогда зачатие браконеискоуѣсньѣ и плодovitou еѣ оуѣтробоу ꙗко село показа видѣти въсѣмъ хотащимъ жати спсение възнегда пѣти сице алелуѣа
Загребская триодь	сила вишнѣго ѡсѣнить тѣ тогда зачатие бракѣнеискѣсньѣ и плодвита ꙗтробѣ показа всѣмъ хотащимъ жати в ней спсене и пѣти сице аллѣ

Из всего текста Акафиста Загребской триоди лишь в одном икосе ее текст не совпадает с текстом ни одной из двух рассмотренных редакций – а именно в стоящем на первой позиции икосе 1. Напротив, в данном икосе, равно как и в кукулии и в икосах 2 и 3, о чем подробно говорилось выше, Шафариковская и Сербская триоди практически дословно совпадают с Гимовской редакцией (см. таблицу 2. 14).

Таблица 2. 14. Икос 1 Акафиста Богоматери Загребской триоди в сопоставлении с Шафар. и Гимовской редакциями (наиболее значительные отличия подчеркнуты)

<i>Шафар.</i>	Гимовская редакция	<i>Загреб.</i>
англь прѣдстатель сѣ небесе посланъ възить реци бдци радзиса и сѣ бесплзтнимъ гласомъ въплъщшасѣ видѣѣ тѣ ги	англь прѣдстатель сѣ небесѣ посзланъ възить реци бдци радзиса и сѣ бесплзтънимъ гласзмъ въплъщшасѣ вижю тѣ ги	англь прѣдстатель сѣ небеси <u>посласѣ</u> реци бдци радзисе сѣ бесплзтнимъ гласомъ <u>въплъщена</u> тѣ вижда ги
дивлашесѣ и стоѣше въпиѣ к ней таковаѣѣ радзиса еѣ же радость въсинаеть	дивлаашесѣ и стоѣше въпиѣ кѣ ней таковаѣѣ радзиса ею же радость въсинаеть	диввиже сѣ и стоѣше въпиѣ к ней <u>сице</u> радзисе ꙗже радость въсинаеть
радзиса еѣ же клатва ищезнетъ	радзиса ею же клатва ищезнетъ	радзисе еѣ же клатва ищезе
радзиса падъшаго аѣама въстание	радзиса падъшѣаго аѣама възстание	радзисе падъшаго аѣама <u>въскрѣшение</u>
радзиса слъзъ евжинъ	радзиса слъзъ евжинъ	радзисе слъзи ивъзѣ избавление

<p>ИЗБАВЛЕНИЕ ра,Д,внса в'зисото Д,ВОВЪХО,ДНАА ЧЛЧСКОМЪ ПОМЪІСЛОМЪ ра,Д,внса глѣбнн Д,ВОВИ,ДИМАѦ И АНГЛЪСКІМА УЧИМА ра,Д,внса іако еси црево сѣ,ДАЛИЦЕ ра,Д,внсае іако носиши НОСАЩАГО ВЪСЪЧЪСКАѦ ра,Д,внса з'вѣздо іавлаюци СЛНЦЕ ра,Д,внса ж'троба БЖСТВЕНАГО ВЪПЪЩЕНИѦ ра,Д,внса еѣ же вѣрнзймъ УБНАВЛАЕТСА ТВАРЬ ра,Д,внса еѣ же ПОКЛАНАЕМЪ СА ТВОРЦѦ ра,Д,внса НЕВѢСТО БЕЗНЕВѢСТНАѦ</p>	<p>ИЗБАВЛЕНИЕ ра,Д,внса в'зисото Д,ЪВОВЪСЪХО,ДНАѦ ЧЛЧСКЪІИМЪ ПОМЪІСЛЪМЪ ра,Д,внса глѣбнн Д,ЪВОВИ,ДИМАѦ И АНГЛЪСКЪІМА УЧИМА ра,Д,внса іако еси цесарево сѣ,ДАЛИЦЕ ра,Д,внса іако носиши НОСАЩААГО ВЪСАЧЪСКАѦ ра,Д,внса з'вѣздо іавлаюци СЪЛЪНЦЕ ра,Д,внса оутроба БОЖЕСТВЕНААГО ВЪПЪЩЕНИѦ ра,Д,внса ею же УБНАВЛАЕТСА ТВАРЬ ра,Д,внса ею же ПОКЛАНАЕМЪ СА ТВОРЦЮ ра,Д,внса НЕВѢСТО НЕНЕВѢСТНАѦ</p>	<p>ра,Д,внсе висото Д,ВОВЪХО,ДНАА ЧЛКОМЪ МІСЛЪНАѦ ра,Д,внсе глѣбнн Д,ВОВИ,ДИНАА ДГЛОМЪ РАУЖМНАѦ ра,Д,внсе црськое сѣ,ДАЛИЦЕ ра,Д,внсе носацина носациаго ВЪСЪЧЪСКАѦ ра,Д,внсе з'вѣздо ПРОСИНАЩЦИНА СЛНЦЕ ра,Д,внсе ЧРѢВО БЖІѦ ВЪПЪЩЕНИѢ ра,Д,внсе прѣкланѣннемъ ТВОИМ ра,Д,внсе НЕВѢСТО БЕЗНЕВѢСТНА</p>
--	--	---

Принимая во внимание все вышеизложенное, а также наличие разночтений въскрѣшеніе – възстаніе, описанных Т. Славовой и соотносимых исследовательницей с Охридской и Преславской редакциями соответственно [Славова 1989, с. 41], можно предположить, что в данном икосе именно Загреб. сохраняет наиболее архаичный вариант текста, другие же триоди используют более поздний вариант, возможно, заимствованный обеими традициями из другого (не триодного) источника. К сожалению, икосы 2 и 3 находятся в другой – не испытавшей влияния Акростишной редакции – части гимна, и поэтому текст их совпадает с чтениями описанных выше редакций и не может помочь нам подтвердить или опровергнуть данную гипотезу.

1.2.7. Акафист Богоматери по сербским триодям *НБС 644* и *НБС 645*

Рассмотрение истории Акафиста Богоматери в церковнославянской письменности продолжим описанием особого варианта текста, обнаруженного в двух сербских триодях XIV века из собрания Народной библиотеки Сербии: *НБС 644* и *НБС 645*. Несмотря на то, что конкретные рукописи не были охвачены классификацией М. Моминой, время и место их создания, а также ряд других структурных признаков позволяет с уверенностью отнести их к выделенному исследовательницей Евергетидскому типу, появление которого было связано с введением в Сербию в XIII веке Евергетидского устава [Момина, 2004, с. 132 – 133]. Рассматриваемый устав, впервые изданный и описанный А. Дмитриевским по Афинской греческой рукописи Athen.gr. 778 начала XII в. [Дмитриевский, 1890, с. XXXIII–LIII, 256–655], предположительно был написан во второй половине XI в. в монастыре Пресвятой Богородицы Евергетиды, или Благодетельницы, близ Константинополя [Пентковский, 2001, с. 69–80; Пентковский, 2006, с. 76–88]. Происхождение устава, в особенности его синаксаря, определявшего последовательность богослужений, связано с литургической традицией Малой Азии, совмещавшей в себе черты Палестинской и Константинопольской традиций [Пентковский, 2001, с. 75]. Отличительной особенностью Евергетидского синаксаря было «особое окончание праздничной и воскресной утрени, в котором утренние стихиры на *стиховне* присоединялись к стихирам на хвалите, а после сугубой ектении сразу же следовала просительная ектения» [Пентковский, 2001, с. 74]. Введение данного устава на славянской почве связано с именем святого Саввы, епископа Сербского, лично переведшего пролог к Типикону и написавшему на его основе уставы Хиландарского монастыря на Афоне и Студеницкого монастыря в Сербии. Таким образом, данный устав вводится в богослужение Сербской Церкви в XIII в. и продолжает существовать в ней параллельно с Иерусалимским уставом на протяжении XIV в.

Сопоставление рукописей показало их значительную близость между собой. Различия между текстами Акафиста сводятся к незначительным ошибкам

переписчиков. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что тексты восходят к единому протографу и составляют закрытую традицию. Для дальнейшего анализа мы используем, прежде всего, текст списка *НБС 644* по причине лучшей сохранности рукописи.

Отметим, прежде всего, что порядок икосов списков соответствует греческому оригиналу. Таким образом, учитывая время и южнославянский регион создания их протографа, логично было бы предположить, что за основу текста здесь будет взята болгарская Хлудовская редакция. Сопоставительный анализ, однако, показал несостоятельность данной гипотезы. Напротив, наибольшее сходство тексты означенных списков имеют с сохранившейся в восточнославянских списках Гимовской редакцией. Покажем это на примере икоса 5 (таблица 2.15), где различия между Хлудовской и Гимовской редакциями особенно заметны.

Таблица 2. 15. Сопоставление текста икоса 5 Хлудовской и Гимовской редакций с *НБС 644*

Гимовская редакция	Хлудовская редакция	<i>НБС 644</i>
имѣши бл҃гопрѣатна ложесна двѣце тече кѣ елисаветѣ младенѣца же оноѣ двѣ познавъ тоѣ цѣлованиѣ радовашес и играниемъ ѣако пѣнии въпина кѣ бѣи радѣис прозвѣниѣ неувѣ- домаѣ розьга радѣис плоде бесмртнаго стжаниѣ радѣис дѣлател дѣлающи члвкбче радѣис насадител животѣ нашемѣ възрастающи радѣис ниво прозѣбающиѣ гобьзобаниѣ щедротъ радѣис трапезо носци	имѣши бл҃гопрѣатна ложесна двѣце тече кѣ елисаветѣ младенѣца оноѣ двѣ познавъ ꙗ цѣлованиемъ радовашес и играниемъ пѣми въпина бѣи радѣис ѿрасли невѣдажшт- ѣа лозо радѣис плоде бесмртнаго стжаниѣ радѣис дѣлател дѣлающи члвкбче радѣис садител животѣ нашемѣ породьши радѣис браздо проз- бающиѣ гобьзно щедротъ радѣис трапезо носци обилиѣ ѿчищение	имѣши бл҃гопрѣетие двѣце въ оутробѣ тече кѣ елисаветѣ младенѣць же оноѣ двѣ разумѣ иже въ неи цѣлованиемъ върадовасе и играниемъ ѣако въ пѣни въпинаше кѣ бѣи радѣисе прозвѣниѣ неувѣдаемаѣ лозо радѣисе плоде бесмртнаго стжаниѣ радѣисе дѣло живота нашего соущество радѣисе насадителѣ живота нашего възротивъши радѣисе ниво прозѣвшиѣ гобьзобаниѣ щедротъ радѣисе трапезо носциѣ обилиѣ ѿщѣщение

обилинѧ вчищение рад,зис <u>яко цвѣтъ</u> <u>пищнзи</u> растиши рад,зис <u>яко тишинѧ</u> <u>дшь</u> готовиши рад,зис <u>приатноѧ</u> <u>млтвзи</u> кандило рад,зис всего мира вцѣщение рад,зис <u>бне кз мртвзимз</u> благоволение рад,зис <u>мртвзимз кз бс</u> дерзновение рад,зис <u>невѣсто</u> <u>неневѣстнаѧ</u>	рад,зис <u>върастивьша</u> <u>раи</u> <u>пищнзи</u> рад,зис <u>прозвѣши</u> <u>живота</u> <u>нашего</u> <u>дрѣво</u> рад,зис <u>млтвзи</u> <u>кандило</u> рад,зис всего мира вцѣщение рад,зис <u>бне кз мртвзимз</u> благоволение рад,зис <u>мртвзимз кз бс</u> дерзновение рад,зис <u>невѣсто</u> <u>неневѣстнаѧ</u>	рад,зисе <u>яко цвѣтъ</u> <u>пищнзи</u> <u>растиши</u> рад,зисе <u>яко тишинѧ</u> <u>дшьмь</u> <u>готовиши</u> рад,зисе <u>приетниѧ</u> <u>млтви</u> <u>кандило</u> рад,зисе всего мира вцѣщение рад,зисе <u>яко цвѣтъ</u> <u>пищнзи</u> <u>растиши</u> рад,зисе <u>оуспшимь</u> <u>нетлѣниѧ</u> рад,зисе <u>кззикоь</u> <u>кз бс</u> дерзновение рад,зис <u>невѣсто</u> <u>неневѣстнаѧ</u>
---	---	--

Нетрудно заметить, что при наличии разночтений между редакциями список *НБС 644* всегда следует за версией Гимовской редакции. Однако между ним и последней также присутствуют значительные разночтения. Часть из них составляют ошибки переписчика (в частности, повтор стиха рад,зисе яко цвѣтъ пищнзи растиши, что увеличивает число хайретизмов с 12 до 13). Большая же часть разночтений к ошибкам переписчика не сводится и свидетельствует об открытой традиции, то есть о влиянии греческого оригинала либо другой славянской редакции. Для выявления источника данных влияний посмотрим (таблица 2.16) на основные разночтения списка *НБС 644* с Гимовской редакцией по всему тексту гимна и попытаемся понять причины их появления.

Таблица 2. 16. Основные разночтения списка НБС 644 с Гимовской редакцией (Акр. – акростишная редакция; Гим. – Гимовская редакция)

Икос / стих	Греческий оригинал	Гимовская редакция	НБС 644	Причина появления разночтения
1/ 1	Ἄγγελος πρωτοστάτης	аγγε̄лз прѣдзстатель	мри гль гавриилз	Ошибка переписчика (см. НБС 645)
1/ 11	βάθος δυσθεώρητος	глогубино дзвовидимага	глогубино едзавидимага	??
2/ 1	ἡ ἅγια	с̄вта	чстага	Вероятно, ошибка под влиянием последующего вь чистотѣ
3/ 1	ἄγνωστον	неразоумнь	разоумнь	Ошибка переписчика
4/ 4-5	ὑπέδειξεν ἡδὺν ἅπασι, τοῖς θέλουσι θερίζειν σωτηρίαν	показа видѣти всѣмз хотѣщимз жати спсение вьнегда пѣти сице	показа видѣти нига силою всѣмъ спно вьпити сице	Ср. Акр. показа ниѣ силою всемъ спез новъ пѣти
5/ 1	Ἴχουσα θεοδόχον, ἡ Παρθένος τὴν μήτραν	имѣщи блгоприятна ложесна двце	имѣщи блгопринетие двце вь оутробѣ	Ср. Акр. имѣщи блгопринетие два вь оутробѣ
5/ 4	ἐπιγνόν, τὸν ταύτης ἀσπασμὸν ἔχαιρε	познавз тога цѣлование радовашес	разоумѣ иже вь ней цѣлованиемъ взрадовасе	Ср. Акр. разоумѣ еже вь вь ней цѣлованиемъ вьзрадовасе
5/ 6	κλῆμα	розьга	лозо	Ср. Акр. лозы
5/ 8	γεωργὸν γεωργοῦσα φιλόανθρωπον	дѣлател дѣлаючи члвкбче	дѣло живота нашего соущество	Ср. Акр. дѣло живота нашего соущество
5/ 16	Θεοῦ πρὸς θνητοὺς εὐδοκία	бие кз мртвзимз блговоление	оусьпшимъ нетлѣбниие	Ср. Акр. оусьпшимъ нетлѣбниие

5/ 17	θνητῶν πρὸς Θεὸν παροησία	мртвѣимъ кѣ бѣ Дерзновение	ѣззѣкомъ кѣ бѣ Дръзновение	Ср. Акр. ѣззѣкомъ кѣ бѣ дръзновение
6/ 1	λογισμῶν ἀμφιβόλω ν	помѣшлении вѣрнѣихъ	помѣшление и мѣсле въ себѣ моудрѣи	Ср. Акр. и мѣсли въ себѣ моудрѣи
6/ 2	ἐταράχθη	смтес	смоуцааше се	Ошибка (редактура) переписчика
6/ 4	καὶ κλεψίγαμ ον ὑπονοῶν ἄμεμπτε	бракообрадован оу помѣшла прѣстага	бракоуневкрасдова нноу помѣшлаге прѣстага и безмоужьноу зре оукрадьшоу бракъ	Ср. Акр. безмоужьнѣи зре оукрадьшоу бракъ реч ω прѣстага
7/ 1	ὑμνούντω ν	поюща	хвалеце	Ср. Акр. хвалеце
7/ 5	ἐν γαστρὶ τῆς Μαρίας βοσκηθέν τα	въ чревѣ мариинѣ пасома иже поюще рѣща	въ оутровѣ мариинѣ въспитѣна и хвалеце въпинахоу	Ср. Акр. въ оутровѣ мариинѣ въспитѣна и хвалеце въпинахоу
7/ 10	ὅτι τὰ οὐράνια συναγάλλ εται τῇ γῇ	ѣко небснага радоуютъ съ земльнѣими	ѣко тобою радоуете небеснѣи сѣ земльнѣими	Ошибка переписчика
7/ 11	ὅτι τὰ ἐπίγεια συγχορεύ ει οὐρανοῖς	ѣко земльнии ликуютъ сѣ вѣрнѣими	ѣко земльнага сликствуютъ въ твое праздньство сѣ вѣроу	Ср. Акр. ѣко земльнага сликствуютъ вѣрно
7/ 14	ἔρεισμα	оутврѣжение	основание	???
8/ 2	ἠκολούθη σαν	вѣслѣдоваша	послѣдоваша	Ср. Акр. послѣдоваше
8/ 4	δι' αὐτοῦ ἠρεύνων κραταῖον ἄνακτα	тоу пѣтахоу крѣпѣкаго цесар	тоу питающее и скадхоу крѣпка цсрга	Ошибка переписчика
9/ 4	μοοφήν ἔλαβεν	прѣта зракъ	прѣта ωбразъ	Ср. Акр. ωбразъ
9/ 7	αὐγὴ μυστικῆς ἡμέρας	заре тайнаго дъне	заре незаходимаго дъне	Ошибка переписчика под влиянием предшествующего

				хайретизма
9/ 8	τῆς ἀπάτης τὴν κάμινον σβέσασα	прельстьноују печь престава- юци	прѣльстнѣи пице поставляюще	Ошибка переписчика
9/ 9	τῆς Τριάδος τοῦς μύστας	троицъ оученикѣ	творца оученикѣ	Ошибка переписчика
9/ 10	ἀπάνθρωπον	немилоствива	нечестиваго	???
9/ 15	φλογὸς παθῶν ἀπαλλάττουσα	Ɀ пламене страсти изметаюци	пламене страсти измѣняюци	Ошибка переписчика
9/ 17	πασῶν γενεῶν εὐφροσύνη	всѣхъ родѣ веселие	рождѣши всехъ веселие	Ошибка переписчика
10/ 1	Κήρυκες θεοφόροι, γεγονότες	прповѣдѣници бггосиви взвѣше	проповѣдѣници бзвѣшее	Ошибка переписчика
10/ 3	τὸν χρησμόν	пророчество	твое изволение	Ср. Акр. изволение твое
10/ 4	τὸν Χριστὸν ἅπασιν	хрста всѣмъ	спса всахъскимъ	Ср. Акр. ха всахъскимъ
10/ 5	ὡς ληρώδη, μὴ εἰδότα ψάλλειν	яко блдѣва не вѣдоуца пѣти	безоумна и пороуѓана не вѣдати ни глади	Ср. Акр. яко порѣѓана не видѣти ни глади
11/ 4	μὴ ἐνέγκαντ ἅ σου τὴν ἰσχὺν πέπτωκεν	не трѣпце твое крѣпости подаша	не трѣпцее твою крѣпость падшоују	Ошибка переписчика
11/ 11	πέτρα ἢ ποτίσασα	камени напоивѣ	море и каменю напаѓае	Ошибка переписчика под влиянием предыдущей строки
11/ 11	τοῦς διψῶντας	жажюцага живота	водѣ животнѣ жеждоущее	Ошибка (редактура) переписчика

	τὴν ζωὴν			
11/ 15	διάκονε	служителю	служительнице	Редактура переписчика
12/ 1	τοῦ παρόντος αἰῶνος	ѿ сѡщѡго вѣка	ѿ сѡщѡтнаго вѣка	Ср. Акρ. ѿ сѡщѡтнаго вѣка
12/ 4	ἀλλ' ἐγνώσθης τούτω καὶ Θεὸς τέλειος	иъ позна сѡ емоу бгъ сѡвршенъ	и приемъ его позна ꙗко бга свршена	Редактура на основе соединения данного варианта с Акρ. и приемъ его свршена
13/ 2	τοῖς ὑπ' αὐτοῦ γενομένοι ς	ѿ него бзѡбшимъ	тѣмъ бзѡбшимъ	Ср. Акρ. тѣмъ бзѡбшимъ
13/ 3	ἐξ ἀσπόρου βλαστήσα ς γαστροῦς	иъ бесѣменьна прозвъ оутрѡбѡ	иъ бесѣменьнѣи оутрѡбѡ възрасти плодъ	Ср. Акρ. иъ бесѣменьнѣе възрасте плодъ
13/ 9	τῶν ἀγγέλων τὸν βίον ἐμφαίνου σα	англьское житие ѡвлюци	англьское житие ѡкрѡвѡюще	Ошибка переписчика
13/ 11	εὐσκιόφυ λλον	блгосѣньнолиств ное	многосѣнно и листвное	Ошибка (редактура) переписчика
13/ 12	αἰχμαλώτ οις	плѣннимъ	плѣнникомъ	Ср. Акρ. плѣнникомъ
13/ 13	κυφοροῦ σα	плодъ носциѡ	родъши плодъносци	Редактура на основе соединения вариантов Гим. и Акρ: рѡждъшиѡ
13/ 14	δυσώπησι ς	оумоление	оумолительнице	Ср. Акρ. молительнице
13/ 17	στοργή πάντα πόθον νικῶσα	любѡи все желание припѡрающе	любѡи хотѣние прѣвѡшдѡша	Ср. Акρ. любѡви хотѣниѡ прѣвѡшѡдѡша
15/ 5	ἀκουούση ς ταῦτα	слъшѡщиѡ сѡѡ	и вси же вѣрнии слъшеце сѡѡ въпиемъ	Ошибка (редактура) переписчика
15/ 8	τῶν ἀπίστων ἀμφίβολο ν	невѣрнимъ вѣрное слъшание	вѣрнимъ изредное слъшание	Ср. Акρ. вѣрнимъ изредное слъшание

	ἄκουσμα			
15/ 9	τῶν πιστῶν ἀναμφίβο λον καύχημα	вѣрньиихъ неневѣрнага похвало	вѣрнихъ извѣстнага похвало	Ошибка переписчика – влияние предыдущей строки
15/ 10	ὄχημα πανάγιον τοῦ ἐπὶ τῶν Χερουβεί μ	носило прѣстое соуцаго на херовимѣ	носило прѣстое соуцаго на хероувимѣхъ и на серафимѣхъ	Ошибка – соединение с последующей строкой
15/ 11	οἴκημα πανάριστ ον τοῦ ἐπὶ τῶν Σεραφείμ	селение прѣславное соуцаго на серафимѣ	селение прѣславное соуцаго ба всѣхъ	Ошибка и редаKTура переписчика
15/ 14 – 15	δι' ἧς	ею же	еюже ради	???
15/ 17	ἐλπίς ἀγαθῶν αἰώνιων	оупъвание блгъ вѣчньиихъ	оупование вѣрнихъ блговѣрнихъ	Ошибка переписчика
16/ 1	κατεπλάγ η τὸ μέγα	оудиви с велию	вбновлаетса велими	Ошибка переписчика
16/ 3	τὸν ἀπόσιτο ν γὰρ ὡς Θεόν	непристоупна бо ꙗко бга	неприкосновенна ꙗко бга всѣхъ	Ср. Акp. неприкосновенно ꙗко бга
17/ 1	Ῥήτορας πολυφθό γγους	вѣтна многогласньи	риторомъ великое вѣщание	Ср. Акp. риторомъ великовещание
17/ 3	ἀποροῦσι γὰρ λέγειν	недомзислѣть бо с глголати	не могутъ бо изреци како	Ср. Акp. не могутъ бо изреци како
17/ 5	θαυμάζον τες, πιστῶς βοῶμεν	чюдще с вѣрно въпиемъ	дивещесе възоупиемъ сице	Ср. Акp. дивещесе въпиемъ сице
17/ 7	ταμεῖον	хранило	хранилице	Ошибка (редаKTура) переписчика
17/ 8	ἀσόφους	немоудръзна	моудръзна	Ошибка переписчика
17/ 9	ἄλόγους ἐλέγχουσ	бесловесньици обличаюци	бесловесньици ꙗвляюци	Ср. Акp. оучению слово ꙗвльше

	α			
17/ 10	ἐμωράνθησαν	оуѡдоша	оуѡеноуши тобою	Ошибка переписчика
17/ 11	ὅτι ἐμαράνθησαν οἱ τῶν μύθων ποιηταί	ѡко оѡоуиша с басньнии творьци	ѡко ѡѡзоуροди басньние творьце	Ошибка переписчика
17/ 12	τῶν Ἀθηναίων τὰς πλοκάς διασπῶσα	ѡфинѡискъѡа пленница расбрьзавъше	потръбвише идолската тръбица	Ср. Акр. потаивъшаѡа идольската тръбица
17/ 13	τῶν ἀλιέων τὰς σαγήνας πληροῦσα	ръѡварьскъѡа мръжа исплънѡи юци	ловцемъ сѡти исплънѡи юци	Ср. Акр. ловцемъ сѡти сконъчавъши
17/ 16	ὄλκας	кораблю	надѡжде	Ср. Акр. надежде
17/ 17	λιμὴν	тишино	пристанице	Ср. Акр. пристанице
18/ 1	ὁ τῶν ὄλων κοσμήτωρ	всѡхъ оуѡраситель	всѡмъ сѡи творецъ	Ср. Акр. всѡмъ еси творецъ
18/ 2	αὐτεπάγγελτος ἦλθε	самооѡѡцанъно приде	блговѡстивъѡи приде	Ср. Акр. блговѡсти въс приде
18/ 4	δι' ἡμᾶς ἐφάνη καθ' ἡμᾶς ἄνθρωπος / πρόβατον	насъ ради ѡви с по насъ ѡко овъча	ѡви се ѡко члвкъ подоѡьнь намъ	Ср. Акр. ѡвисе нас ради ѡко члвкъ
18/ 5	ὡς Θεὸς ἀκούει	да възпиемъ	слъшащее се да въспоемъ	Ср. Акр. слъшати
19/ 1	Τεῖχος εἶ τῶν παρθένων	стѡна еси двамъ	людемъ всѡмъ стена еси и двамъ	Ср. Акр. людемъ всѡмъ стена и двамъ всѡмъ
19/ 5	σοι προσφωνεῖν	наоучивъѡи пригълашати сице	наоучи въпити сице	Ср. Акр. и сѡтвори въпити теѡѡ

	διδάξας			
19/ 6	ἡ στήλη	тѣло	стлпе	Ср. Акр. стлзпе
19/ 13	ἡ τὸν σπορέα τῆς ἀγνείας τεκοῦσα	сѣиател чистотѣи рожьши	сѣиателѣа чистотѣи породѣше	Ср. Акр. възсиателѣ
19/ 16	καλὴ κουροτρόφε παρθένω	добраѣа младопитательнице двамѣ	красото и крьмо двамѣ	Ср. Акр. красото и крьмо двамѣ
19/ 17	ψυχῶν νυμφοστόλε ἀγίων	дшамѣ чртоже стѣи	чрьтоже спсе веи стѣи дшамѣ	Ошибка (редактура) переписчика
20/ 1	τῶ πλήθει	множество	прѣмножество	Ошибка (редактура) переписчика
20/ 5	οὐδὲν τελοῦμεν ἄξιον ὧν δέδωκας ἡμῖν	ничтоже творце достойно ихѣ же далѣ еси	ничтоже творце иже кѣ похвалению достойно	Ошибка (редактура) переписчика
21/ 1	τοῖς ἐν σκότει φανεῖσαν	соущимѣ вѣ тѣмѣ явлѣшю с	в тѣмѣ видимѣ явлѣшюу се	Ошибка (редактура) переписчика
21/ 4	ὀδηγεῖ	наводитѣ	наставлѣаетѣ	Ср. Акр. наставлѣаетѣ
21/ 5	κοαυγῆ δὲ τιμωμένη ταῦτα	зѣваниемѣ же чѣстимюу симѣ	въсклицаниемѣ почитаѣющимѣ симѣ	Ср. Акр. възсклицаниемѣ почитаѣющее еѣ
21/ 11	ὅτι τὸν πολύρονον ἀναβλύζεις ποταμόν	мноводѣное истачаеши напоение	многое истачаеши водное	Ошибка (редактура) переписчика
21/ 13	χαῖοε, τῆς ἀμαοτίας ἀναιροῦσα τὸν ρύπον	радѣи с грѣха ѡмѣзѣающѣи сквѣрноу	радѣисе ѣако грѣховноу ю ѡмѣзѣаеши сквѣрноу радѣисе покрове мироу шириши небѣ	Добавление лишнего хайретизма в результате соединения правильного варианта Гим. и ошибочного Акр: радѣисе покрове мироу ширишиа веблѣкѣ
22/ 3-4	ἐπεδήμησε δι΄	приде собою кѣ ошьдѣшимѣ	въсхотѣвѣз приити кѣ	Ср. Акр. въсхотѣвѣз приити кѣ

	ἑαυτοῦ, πρὸς τοὺς ἀποδήμου ς τῆς αὐτοῦ χάριτος	своею БЛАГОДѢТІЮ	ЗАБЛОУЖДЪШИМЪ и своею БЛАГДТІЮ	ЗАБЛОУЖДЪШИМЪ своею БЛАГДТІЮ
22/ 5	τὸ χειρόγρα φον, ἀκούει	рукописание СЛЪШАВЪ	рукописание ГРѢХОВНОЕ ДА СЛЪШИТЬ	Ср. Акр. рукописание ГРѢХОВНОЕ СЛЪШИТИ
23/ 1	ἄνυμνοῦμ έν	хвалимъ	всехвалимъ	Ср. Акр. всехвалѣимъ
23/ 3	γαστροί	оуτροβοу	чрѣво	Ср. Акр. чрѣво
23/ 6	σκηνη̅̅̅ του̅̅̅ θεοῦ και̅̅̅ λόγου	сѣни ба и слова	сѣни вжию словоу	Ср. Акр. сѣни вжиѣ слова
23/ 7	ἀγία ἀγίων μείζων	стага стъихъ болши	прѣстага стъихъ болши и взиши	Ср. Акр. (соединение с Гим.) едина стъихъ взиши
23/ 9	ἀδαπάνητ ε	неизготованое	невскоудное	Ср. Акр. невскоудѣмое
23/ 10	εὐσεβῶν	блговѣрнъимъ	всеблговѣрнъимъ	Ошибка (редактура) переписчика
23/ 12	τῆς ἐκκλησία ς ὁ ἀσάλευτο ς πύργος	црквамъ недвижимзи стълпе	неподвижимзи цркви стълпе	Ошибка переписчика
23/ 13	τὸ ἀπόροητο ν τεῖχος	неразоримага стѣна	неразоримзи граде	Ср. Акр. непоколѣблемзи граде и неразоримага стѣно
23/ 16	χωτὸς του̅̅̅ ἐμοῦ θεραπεία	свѣтоу моемоу служителю	свѣтоу моемоу служителнице и спсение	Ошибка переписчика (влияние след. хайретизма)
24/ 1	πανύμνη τε Μη̅̅̅τερ	прѣпѣтага мти	всепѣтага прстага Дво мти	Ср. Акр. всепѣтага мти
24/ 5	τοὺς σοὶ βοῶντας	къ тебѣ въпнющихъ	къ тебѣ с любовью въпнющихъ	Ошибка (ментализация) переписчика

Анализ таблицы 2.16 показывает, что из 96 выделенных основных разночтений причины лишь двух (1.11 и 9.10) не могут быть установлены и

могли бы быть теоретически объяснены влиянием греческого оригинала гимна. С другой стороны, 36 разночтений восходит к ошибкам или редакции (сознательным изменениям или переосмыслениям славянского протографа) переписчика. Характерным примером редакции может служить изменение рода существительных (с мужского на женский), характеризующих Богоматерь: в 11.15 и 23.16 вместо *служителю* (διάκονε) – *служителнице*. Хотелось бы отметить, что ошибки не всегда можно легко отделить от сознательных изменений. В ряде случаев они происходят последовательно: ошибка писца влечет за собой редактуру последующего писца, осознающего неправильность дошедшего до него текста и пытающегося в меру своих сил и знаний восстановить правильный протограф. Так, в 15 икосе окончания двух соседних хайретизмов: *χαῖρε, ὄχημα πανάγιον τοῦ ἐπὶ τῶν χειρουβεῖμ, χαῖρε, οἴκημα πανάριστον τοῦ ἐπὶ τῶν σεραφεῖμ* объединяются в одном хайретизме *радвнсе носило пр̄стое соуцаго на хероувимѣхъ и на серафимѣхъ*. Это привело и к необходимой редакции следующего хайретизма, который теперь звучит так: *радвнсе селение пр̄славное соуцаго б̄а всѣхъ*.

Отметим, что обилие ошибочных или переосмысленных переписчиком чтений, существенно расходящихся с греческим оригиналом Акафиста, доказывает, что данный оригинал не был использован при составлении текста Акафиста триодей Евергетидского типа. Большинство расхождений между списками Евергетидских и Гимовских триодей восходят к влиянию другого источника, а именно текста Акафиста архаичной Акростишной редакции. Варианты Акростишной редакции вставляются в текст достаточно равномерно, за исключением первых трех икосов, где вышеназванные редакции в дошедших до нас списках, как мы указывали выше, совпадали. Соединение источников происходит без обращения к греческому оригиналу произведения. В случае присутствия существенных расхождений между текстами редакций редактор-компилятор, не имея другого критерия правильности текста, либо выбирает

между ними, полагаясь на свой собственный художественный вкус, либо пытается объединить оба варианта, в результате чего возникает третий компилятивный вариант. Примером такой работы редактора может быть хайретизм из икоса 23: χαῖρε, ἀγία ἀγίων μεῖζων. Совмещая варианты Акrostишной редакции ραδνιc εдина cт̄з̄иχ̄з вз̄иши и Гимовской редакции ραδνιc cт̄αα cт̄з̄иχ̄з волши, автор протографа *НБС 644* создает особое чтение ραδνιcε πρ̄c̄cτ̄αα cт̄з̄иχ̄з волши и вз̄иши. При этом совмещение вариантов двух редакций происходит не механически, но свидетельствует о работе славянского редактора-компилятора, пытавшегося «восстановить» истинный облик гимна и создать понятный «правильный» славянский текст. Посмотрим на то, как это происходит, сопоставив тексты редакций – источников и получившийся в результате их компиляции текст на примере одного произвольно выбранного икоса (икоса 18).

Таблица 2. 17. Сопоставление текста икоса 18 Акrostишной и Гимовской редакций с *НБС 644*

Акrostишная редакция	<i>НБС 644</i>	Гимовская редакция
сп̄сти хот̄е мира <u>вс̄ѣм̄з̄ еси</u> тв̄ор̄ец̄ и к̄ъ нем̄оу бл̄аг̄ов̄ѣсти вс̄ прӣде и паст̄ыр̄ь с̄зи <u>искони</u> б̄г̄ъ ѡви с нас̄ъ рад̄и ѡко чл̄вк̄ъ под̄об̄нь нам̄ъ <u>приз̄ыва</u> прӣде <u>сл̄з̄ишати</u> аллюиа	сп̄сти хот̄е мир̄ь <u>вс̄ѣм̄з̄ с̄зи</u> тв̄ор̄ц̄ь к̄ъ нем̄оу <u>сам̄ь</u> <u>в̄ѣщ̄анно</u> бл̄аг̄ов̄ѣст̄ив̄зи прӣде паст̄ыр̄ь с̄зи <u>искони</u> <u>ѡко</u> б̄г̄ъ ѡви се ѡко чл̄вк̄ъ <u>под̄об̄нь</u> нам̄ъ <u>под̄об̄ньзи</u> прӣз̄ывае <u>сл̄з̄ишеце</u> сие <u>дд</u> <u>в̄с̄ьпо̄ем̄з̄</u> аллюиа	сп̄сти хот̄ мира вс̄ѣх̄ъ оӯкрас̄итель к̄ъ сем̄оу <u>сам̄ооб̄щ̄анно</u> прӣде и паст̄оӯх̄ъ с̄зи <u>ѡко</u> б̄г̄ъ нас̄ъ рад̄и ѡви с по нас̄ъ ѡко ов̄ьча под̄об̄ньоӯоум̄оу <u>под̄об̄ньное</u> <u>приз̄ыва</u> <u>дд</u> <u>в̄з̄пӣем̄з̄</u> аллюиа

Из таблицы 2.17 видно, что компиляция вариантов из двух редакций приводит к созданию значительно более объемного текста с существенными расхождениями с греческим оригиналом. В некоторых случаях редактор не останавливается даже перед внесением значительных структурных изменений в текст гимна; в частности, он может увеличить число хайретизмов с 12 до 13 с тем, чтобы включить оба варианта из редакций-источников, в том случае, если

расхождение между ними принципиальное и не может быть сведено к единому варианту. Так, в икосе 21 вместо хайретизма χαῖρε, τῆς ἁμαρτίας ἀναίρουσα τὸν ρύπον (достаточно точный перевод Гим. радѣи са грѣха ѿмываючи скврноу) Акростишная редакция содержит ошибочное либо восходящее к другому греческому протографу чтение радѣиса покрове мироу ширьшиѣ ѡблакъ. Не имея возможности ни выбрать между данными вариантами, ни объединить их в один хайретизм, компилятор просто приводит их один за другим, добавляя лишний хайретизм в текст икоса: радѣисе ѣако грѣховноу ѡмываеши скврноу радѣисе покрове мироу ширши нѣсь. Итак, редактор-компилятор сербских триодей обращается с текстом достаточно свободно, не чувствуя себя связанным даже такими формальными показателями, как число хайретизмов в икосе. Эта «свобода» – еще одно свидетельство того, что греческий оригинал гимна при составлении данной версии не использовался.

Хотя за основу компиляции, и прежде всего ее структуры, была положена Гимовская редакция без акростиха, в двух случаях в икосе 17 (риторомь великое вѣщаниѣ) и в икосе 19 (людѣмь вѣсьмь стѣна ѣси и дѣамь) из Акростишной редакции заимствуются и дополнительные слова, вставленные для создания акростиха. Эти реликты древнейшего славянского акростиха теряют всякую связь с самим акростихом и не несут в тексте теперь никакой функции. Данное заимствование можно считать еще одним косвенным свидетельством того, что к периоду составления компиляции (начало XIII в.) акростих уже окончательно вышел из арсенала риторических средств, используемых и воспринимаемых славянскими книжниками.

1.2.8. Афонская редакция Акафиста Богоматери

Итак, как нам удалось установить на основе вышеприведенного анализа списков триоди постной XII – XIV веков, к XIII веку на славянских территориях сосуществовали, по крайней мере, 3 различные редакции Акафиста Богоматери (Акrostишная, Гимовская и Хлудовская), а также многочисленные смешанные типы. На фоне этого многообразия в начале XIV в. на Афоне в рамках систематической правки основных богослужебных книг, связанной с переходом на новый Иерусалимский богослужебный устав, старец Иосиф, монах Великой Лавры, исправляет и триодь постную, о чем явствует из приведенной выше и опубликованной Г. Поповым [Попов, Г. 2004. С. 174 – 175] приписки к рукописной триоди *Син. 23*. Приняв данный список за исходный (или близкий к исходному) вариант Афонской редакции Акафиста Богоматери, попытаемся описать ее. Характеристика редакции, возникшей в результате систематической книжной справки, как это было в случае с Афонской редакцией, должна включать в себя славянский список или группу списков, которые были исправлены, группу греческих списков, на основе которых производилась справка, и наконец, тип и характер произведенных изменений.

Вопрос о том, какая из вышеперечисленных славянских редакций была положена за основу Афонской справки, был решен текстологически, то есть путем сопоставления разночтений восточнославянских и южнославянских редакции с вариантами Афонской редакции (см. таблицу 2. 18). В данном случае по понятным причинам мы ограничились славянскими разночтениями, не связанными с различиями между греческими списками.

Таблица 2. 18. Сопоставление разночтений между церковнославянскими редакциями XI – XIII вв. с вариантами Афонской редакции (по *Син. 23*)

Икос, стих	Греческий оригинал	Вариант Гимовской редакции	Вариант Хлудовской редакции	Вариант Афонской редакции (<i>Син. 23</i>)
3.13	πολυθρήνητον	многoплачьнѣи	многoплачевѣни	многoплачевнѣи
3.14	γεννήσασα	рожьши	порождѣши	рождѣши
3.15	διδάξασα	наоучьши	наоучивѣши	наоучивши

Икос, стих	Греческий оригинал	Вариант Гимовской редакции	Вариант Хлудовской редакции	Вариант Афонской редакции (Син. 23)
5.5	ἐβόα	ВЪПИНА	ВЪПИНАШЕ	ВЪПИНАШЕ
5.6	βλαστοῦ ἀμαοάντου κλῆμα	ПРОЗАБЕНИЕ НЕΟΥВАДОМАГО ГРЪЗНА	ЪРАСЛИ НЕΟΥВАДАЖЦАМА ЛОΖΟ	ЪРАСЛИ НЕΟΥВАДАЕМЪА ЛОΖΟ
5.9	φυτουρογόν	НАСАДИТЕЛА	САДИТЕЛА	САДИТЕЛЪ
5.10	ἄρουρα	НИВО	БРАЗДО	БРАЗДО
7.14	ἔρεισμα	ОУТВЪРЖЕНИЕ	ОСНОВАНИЕ	ОСНОВАНИЕ
7.15	γνώρισμα	СЪКАЗАНИЕ	ПОЗНАНИЕ	ПОЗНАНИЕ
8.1	θεοδρομόν	БГОТЕЧНОЮ	БГОТОЧНЪ	БГОТОЧНЪ
8.2	ἠκολούθησαν	ВЪСЛѢДОВАША	ПОСЛѢДОВАВЪШИ	ПОСЛѢДОВАВЪШИ
8.5	φθάσαντες	ПОСТИГЪШЕ	ДОСТИГЪШЕ	ПОСТИГЪШЕ
9.6	ἀδύτου	НЕЗАХОДИМЪА	НЕЗАХОДАЖШТЕИ	НЕЗАХОДАЦАА
9.11	κύριον	ГОСПОДА	БГА	ГСДА
9.15	φλογὸς παθῶν ἀπαλλάτουσα	Ъ ПЛАМЕНЕ СТРАСТИ ИЗМѢТАЮЩИ	ПЛАМЕНЕ СТРАШНАГО ИЗМѢНЪАШТИ	ПЛАМЕНЕ СТРАСТЕИ ИЗМѢНЪЩИ
10.1	θεοφόροι	БГОНОСИВИ	БГОНОСЬНИ	БГОНОСНИ
11.3	εἶδωλα	КОУМИРИ	ИДОЛИ	ИДОЛИ
11.6	ἀνόρθωσις	ВЪЗВЕДЕНИЕ	ВЪЗДВИЖЕНИЕ	ИСПРАВЛЕНИЕ
11.9	δόλον	ЛОУКАВЪСТВО	ЛЬСТЪИ	ПРѢЛЬСТЬ
11.10	ποντίσασα	ПОТАПЛАА	ПОГРЪЖИВЪШЕ	ПОГРЪЖИВЪШЕ
11.13	σκέπη	КРОВЕ	ПОКРОВЕ	ПОКРОВЕ
11. 14	τροφή	ПИТАТЕЛЬНИЦЕ	ПИШТЕ	ПИЦЕ
11.17	ἐξ ἧς ῥέει	Ъ НЕΙΔ ЖЕ ТЕЧЕТЬ	ИЗ НЕΙΔ ЖЕ ТЕЧЕТЬ	ИЗ НЕ- же течеть
13.3	ἐξ... γαστρος	ИЗ... ОУТРОВЪИ	Ъ.. ЖТРОВЪИ	Ъ.. ЖТРОВЪИ
13.4	ἄφθορον	ЧИСТА	НЕГЛѢНА	НЕГЛѢННА
13.17	πάντα	ВСЕ	ВСѢКО	ВЪСѢКО
15.1	ἐν τοῖς κάτω	В ЗЕМЛЪНИХЪ	ВЪ НИЖНИХЪ	ВЪ НИЖНИХЪ
15.3	θεικῆ	БЖИЕ	ВЕСТЖВЪНОЕ	БЖЕТВЕНО
15.9	ἀναμφίβολον	НЕНЕВѢРНАГА	ИЗВѢСТНАА	ИЗВѢСТНА
15.10	ὄχημα	НОСИЛО	КОЛЕСЬНИЦЕ	КОЛЕСНИЦЕ
15.14	ἐλύθη	РАЗДРОУШИ СА	РАЗРЪШИ СА	РАЗДРЪШИ СА
15.17	ἐλπῖς	ОУПЪВАНИЕ	НАСЛАЖДЕНИЕ	НАДЕЖДЕ
16.1	τὸ μέγα	ВЕЛИЮ	ВЕЛИКОМЪ	ВЕЛИКОМЪ
16.3	ἀπόσιτον	НЕПРИСТОУПНА	НЕПРИСТЖПНАГО	НЕПРИСТЖПНАГО
16.5	ἡμῖν μὲν συνδιάγοντα	КЪ НАМЪ ЖЕ ПРИВЛИЖАЮЩАСА	СЪ НАМИ ЯВО ПРѢВЪИВАЖШТА	СЪ НАМИ ОУВО ПРѢВЪИВАЖЩА
17.3	ἀποροῦσι	НЕДОМЪСАТЬ	НЕДОЗМѢАТЬ	НЕДОУМЖТЬ
17.5	θαυμάζοντες	ЧЮДАШЕ СА	ДИВАШТЕ СА	ДИВАШЕ СА
17.6	δοχεῖον	ПРИИМАЛИЦЕ	ПРИЖАТИЛИЦЕ	ПРИАТИЛИЦЕ

Икос, стих	Греческий оригинал	Вариант Гимовской редакции	Вариант Хлудовской редакции	Вариант Афонской редакции (<i>Син.</i> 23)
17.7	ταμείον	хранило	сѣкровице	скровице
17.11	οἱ τῶν μύθων ποιηταί	басньнии творьци	баснотворьци	баснотворци
17.16	ἀγνοίας	невѣжства	невѣднѣ	невѣднѣ
17.16	ἐξέλκουσα	изводаци	избавляѣшта	извлачаци
18.5	ὁμοίω γὰρ τὸ ὅμοιον	подобноумоу подобное	подобникъ подобно	подобимъ подобное
19.4	κατασκεύασε	оукраси	сѣврши	оустрой
19.4	ἄχραντε	чистаѣ	прѣчистаа	прѣчистаа
19.9	χορηγὲ θεϊκῆς ἀγαθότητος	подательнице бжиа блгдѣти	подателю бестѣвиниѣ блгдѣти	дателю бжѣствнѣ блгостѣна
19.12	ἢ τὸν φθορέα τῶν φρενῶν καταργοῦσα	гоубителя оумъмъ разрающи	гоубителя смысле оупразнивъши	губительѣ смысломе оупразнивши
19.13	τεκοῦσα	рожъши	порождѣшти	рождъши
19.14	παστὰς	ложнице	чрьтоже	чрьтоже
19.15	ἀρομόζουσα	оброучающи	счетавши	счетавши
19.17	ἀγίων	сѣти	свѣтли	сѣтихъ
20.1	ἠττᾶται	повиноуетъ са	повѣждаетъ са	повѣждаетъ са
20.1	συνεκτείνεσθαι	распрострети	прострѣти	прострѣти
20.5	δέδωκας	далъ еси	даровалъ еси	далъ еси
21.4	ὀδηγεῖ	наводитъ	наставляетъ	наставлѣть
21.6	νοητοῦ	мыслѣнаго	разумнаго	мыслѣнаго
21.12	ζωγραφοῦσα	просиающи	прописаѣшти	живописѣщи

Анализ таблицы показывает, что из 56 рассмотренных разночтений лишь в 5 случаях текст *Син. 23* следует за разночтениями Гимовской редакции, в 9 случаях предлагается новый вариант, не совпадающий ни с одним из вариантов старых редакций, во всех же остальных случаях текст *Син. 23* совпадает с вариантами южнославянской Хлудовской редакции.

Итак, за основу правки был положен славянский текст Хлудовской редакции из южнославянской традиции. Сопоставляя основные славянские разночтения между Хлудовской и Афонской редакциями (см. таблицу 2. 19), восходящие к разночтениям греческих рукописей, приходим к выводу, что справщик использовал в своей работе греческий список, относящийся к иной

традиции, более распространенной в списках Великой Лавры. Хотелось бы отметить, что именно эта традиция, по мнению византистов, в большей степени отражает аутентичный текст Акафиста³.

Таблица 2. 19. Основные разночтения Хлудовской и Афонской редакций, восходящие к разночтениям греческих списков

Икос, стих	Вариант Хлудовской редакции	Греческое соответствие	Вариант Афонской редакции	Греческое соответствие
1.8.	възстаниѣ	ἡ ἀνάστασις	възваніе	ἡ ἀνάκλησις
3.5.	преже	πρὶν	вѣдѣче	πλὴν
5.7.	всѣзмьртнаго	ἀθανάτου	нетлѣннаго	ἀκηράτου
9.9.	сѣхраньши	φυλάττουσα	просвѣщаѣщи	φωτίζουσα
9.16.	персомъ	Περσῶν	вѣрнзимъ	πιστῶν
13.13.	плодъ носѣщи	καρποφοροῦσα	рождьшиа	ἀπογεννώσα
17.15.	просвѣщаѣщи	φωτίζουσα	вбогащьши	πλουτίζουσα
21.7.	свѣтильнице	λαμπτήρ	сиганіе	βολίς

Отметим, что и первый, и второй факт вполне соответствует той информации об Афонской справе, которую мы получили на основе цитированной выше приписки.

Исправления, внесенные в славянский список афонскими справщиками, охарактеризуем на примере одного произвольно выбранного отрывка текста - стихов 1 - 11 первого икоса (см. таблицу 2. 20).

Таблица 2. 20. Сопоставление стихов 1 – 11 икоса 1 списков Хлудовской и Афонской редакций (разночтения подчеркнуты).

Греческий оригинал	Хлудовская редакция (Копитарова триодъ)	Афонская редакция (Син. 23)
Ἄγγελος πρωτοστάτης, οὐρανόθεν ἐπέμφθη, εἶπεῖν τῇ Θεοτόκῳ τὸ χαῖρε· καὶ σὺν τῇ ἀσωμάτῳ φωνῇ, σωματούμενόν σε θεωρῶν, Κύριε,	англь прѣдстатель с нвсѣ посланъ взіеть реци вѣци радзиса и сѣ бесплзтнзимъ гласомъ вплзщьшаса <u>виждѣ</u> та ги <u>дивлѣшеса</u> и стоаше	англь прѣвостодатель с нвсѣ посланъ взіеть реци вѣци радзиса и сѣ бесплзтнзимъ гласомъ вплзщьшаса <u>зрѣ</u> ги <u>оужасадшеса</u> и стоаше <u>зовѣ</u> кѣ неи таковаа

³ Искренне благодарим профессора Ф. Деторакиса за ценные консультации по вопросам рукописной истории греческого оригинала Акафиста.

ἐξίστατο καὶ ἴστατο, κραυγάζων πρὸς αὐτὴν τοιαῦτα· χαῖρε, δι' ἧς ἡ χαρὰ ἐκλάμψει, χαῖρε, δι' ἧς ἡ ἀρὰ ἐκλείψει· χαῖρε, τοῦ πεσόντος Ἀδάμ ἡ ἀνάκλησις (ἡ ἀνάστασις)· χαῖρε, τῶν δακρῶν τῆς Εὐας ἡ λύτρωσις· χαῖρε, ὑψος δυσανάβατον ἄθροπίοις λογισμοῖς· χαῖρε, βάθος δυσθεώρητον καὶ ἀγγέλων ὀφθαλμοῖς·	ВЪПНА К НЕИ ТАКОВАА РАДЫСА <u>ЕЖ</u> ЖЕ РАДОСТЬ ВЪСНАЕТЪ РАДЫСА <u>ЕЖ</u> ЖЕ КЛАТВА ИСЧЕЗНЕТЪ РАДЫСА ПАДШАГО АДАМА ВЪСТАНИЕ РАДЫСА СЛЪЗЫ ЕВЖИВЪХЪ ИЗБАВЛЕНИЕ РАДЫСА ВЪСОТО <u>ДЪВОВЪСХОДНАА</u> ЧЛЧСКЪИМЪ ПОМЪСЛОМЪ РАДЫСА ГЛЪБИНО <u>ДЪВОВЕДИМАА</u> И АГЛЪСКЪИМА ВЧИМА	РАДЫСА <u>ЕЖ</u> ЖЕ РАДИ РАДОСТЬ ВЪСІАЕТЪ РАДЫСА <u>ЕЖ</u> ЖЕ РАДИ КЛАТВА ИСЧЕЗНЕТЪ РАДЫСА ПАДШАГО АДАМА <u>ВЪЗВАНІЕ</u> РАДЫСА СЛЪЗЪ ЕВВИНЪ ИЗБАВЛЕНІЕ РАДЫСА ВЪСОТО <u>НЕВДОБЪВЪСХΩΔΙΜΑ</u> ЧЛВЧЪКЪИМЪ ПОМЪСΛΩΜЪ РАДЫСА ГЛЪБИНО <u>НЕВДОБЪΖΙΜΑ</u> ΑΓΓΛΥΣΚЪΙΜЪ ΟΧΙΜΑ
--	--	--

Из отрывка, приведенного в таблице 2. 20, мы видим, что среди подчеркнутых различий между редакциями, наряду с отражением разночтений греческих списков ἡ ἀνάστασις– взстание – ἡ ἀνάκλησις – възваніе, можно выделить:

1. Исправление явных ошибок старых редакций – греческая приставка δυσ- со значением «трудно» в ранних редакциях переводится ошибочно дъво, так как смешивается с близкой ей δις- со значением «два». Отметим, что ошибочный перевод данной приставки – явление нередкое в ранней церковнославянской письменности [Чернышева, 2012а, с. 135 – 136].
2. Новая интерпретация многозначных по значению слов и синтаксических конструкций. В частности, перевод греческого глагола ἐξίστατο – дивлааше са заменяется на οὐχασαаше са. Также несколько по-иному интерпретируются конструкции δι' ἧς ἡ χαρὰ ἐκλάμψει/ χαῖρε, δι' ἧς ἡ ἀρὰ ἐκλείψει: вместо еж же радость възснаеть/ клатва исчезнетъ дается еж же ради радость възснаеть/ клатва исчезнетъ. Отметим, что в русской

традиции после справки, проведенной по инициативе патриарха Никона в XVII в., вернулись к старому варианту.

3. Замена двух глаголов на синонимичные с целью сохранения единообразия в переводе синонимичных глаголов по всему тексту. Новая редакция систематически «разделяет» следующие пары синонимичных глаголов: κράζω (κραυγάζω) – звать и βοάω – вопить, а также θεωρέω – зреть и βλέπω – видеть.
4. Наконец, достижение буквальной точности перевода даже на морфологическом уровне путем создания славянской кальки-неологизма *пръвостотатель*, повторяющей морфологическую структуру греческого *πρωτοστάτης* (вместо *прѣдстатель*).

Сопоставление рукописных данных позволяет предположить, что в вышеописанной редакции старца Иосифа примерно в то же время – в начале XIV в. – были сделаны и некоторые другие менее значительные и одиночные исправления. Местом внесения этих исправлений также был Афон, и производились они с привлечением другого греческого списка. Наиболее наглядный пример находим во втором кукулии *възбранной воеводѣ*, где вариант *градѣ* изменен на *равѣ* (см. таблицу 2. 21). Данный вариант встречается в абсолютном большинстве списков данной редакции, в частности, в *Пант. 29* [Тахиаос, 2012, с. 80 – 81; Турилов, Мошкова, 1999, с. 397 – 398; Ермолай (Чежия), 2013, с. 36]. Отметим, что соответствующий греческий вариант *δοῦλος* вместо *πόλης* достаточно редко встречается в греческих рукописях⁴, и выбор именно его в качестве преобладающего для славянской традиции, начиная с XIV в., по всей видимости, объясняется желанием придать гимну всеобщее звучание.

⁴ В частности, вариант *δοῦλος* отмечен в греческой Триоди XII в. GR 230 из собрания Государственной национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Таблица 2. 21. Кукулий възбранной воеводѣ по двум спискам Афонской редакции

<i>Син. 23</i>	<i>Пант. 29</i>
<p>ВЪЗБРАННОЙ ВОЕВОДѢ ПОБѢДИТЕЛНАА ІАКО ИЗБАВЛЪСѢ- Ѡ БѢДЪ БЛГОДРѢСТЬВНАА ВЪСПИСОУЕТЪ ТИ ГРАДЪ ТВОИ БЦЕ НѢ ІАКО ИМАЦИ ДРЪЖАВѢ НЕПОБѢДИМѢА Ѡ ВЪСѢКЪІХ МА БѢДЪ СВОБОДИ ДА ЗОВѢ ТИ РАДЪІСА НЕВѢСТО НЕНЕВѢСТНАА</p>	<p>ВЪЗБРАННОЙ ВОЕВОДѢ ПОБѢДИТЕЛНАА ІАКО ИЗБАВЛЪСЕ Ѡ БѢДЪ БЛГОДРѢСТЬВНАА ВЪСПИСОУЮ ТИ РАВЪ ТВОИ БЦЕ НѢ ІАКО ИМАЦИ ДРЪЖАВѢ НЕПОБѢДИМѢЮ Ѡ ВСАКЪІХ МЕ БѢДЪ СВОБОДИ ДА ЗОВѢ ТИ РАДЪІСА НЕВѢСТО НЕНЕВѢСТНАА</p>

Новая редакция в своем исправленном варианте быстро распространяется по Святой Горе. Триоди XIV века, содержащие эту редакцию без каких-либо значительных изменений, мы находим в собраниях Зографского, Пантелеимонова и Хиландарского монастырей, в частности в сербской Триоди постной XV – XVI вв. и болгарской триоди постной XV в. из Зографского монастыря (*Зогр. 79* и *Зогр. 77* соответственно), в триодях постных из собрания Хиландарского монастыря конца XIV в. сербских *Хил. 255* и *Хил. 256* и болгарской *Хил. 259*, а также сербских триодях XV в. *Хил. 261* и *Хил. 262*, в сербской Триоди первой четверти XVII в. из собрания Свято-Пантелеимонова монастыря под номером 24 (*Пант. 24*) [Ермолай (Чежия), 2013, с. 35]. За краткое время Афонская редакция распространяется в Болгарии и Сербии (см., в частности, болгарские и сербские списки *Пог. 40*, *Тит. 1983*, *НБКМ 1158* *БАН 41*, *НБКМ 204*, *НБКМ 582*, *НБКМ 943*), практически полностью заменяя старшие редакции и характеризуясь переписчиками как правъ изводъ [Попов, 2004, с. 174]. Сопоставление афонских и болгарских списков не выявило значительных изменений в последних. Текстологические наблюдения показали, что изменения, вносимые в текст Акафиста непосредственно на славянской территории, были незначительными, не носили систематического характера и сводились к возвращению в единичных случаях к вариантам старших редакций. Таким образом, они не могут быть охарактеризованы как особая редакция, и мы можем констатировать, что Афонская редакция с XIV и до XVII веков

преобладает не только на Афоне, но и на всех южнославянских территориях [Попов, 2004, с. 179 – 180; Борисова, 2006, с. 153 – 177]. Интересным фактом является также использование текста Акафиста Богоматери Афонской редакции в других – помимо триоди постной – сборниках, предназначенных, как правило, для келейного чтения. Особенно отметим, что текст именно этой редакции был включен в составленный на Афоне в начале XIV века болгарским книжником Иоанном Богородичником. Текст Акафиста Богоматери из этого сборника был описан и издан Д. Кенановым по списку болгарской рукописи первой четверти XIV века из собрания Российской национальной библиотеки г. Санкт-Петербурга (шифр *Q.n. 1.22*) [Кенанов, 2015, с. 40 – 63].

Наконец, с конца XIV в. Афонская редакция появляется и на восточнославянских территориях. Однако там ее судьба была несколько иной, о чем речь пойдет ниже.

Итак, Афонская редакция ознаменовала собой качественно новый этап в истории церковнославянского перевода Акафиста Богоматери. Славянский текст под пером афонских монахов-справщиков зазвучал по-иному: гармонично, многогранно, точно и поэтично, прекрасно передавая красоту и глубину богословской и поэтической мысли его великого оригинала. С помощью афонских справщиков славянский текст обрел тот стройный и величественный вид, который, естественно, после ряда исправлений последующих редакторов трогает сердца слушателей и по сей день.

1.2.9. Редакция Акафиста Богоматери списка *F.n.I.55*

В отличие от предыдущей, рассматриваемая нами в данной части исследования редакция выделена в полном виде в уникальном списке болгарской триоди постной XV века *F.n.I.55*, а также в компиляции с Афонской редакцией еще в одном списке триоди постной 1466 г. *F.I.125*. На наличие в данных списках особой редакции в рамках Афонского типа указывала М. Момина. В ранней работе эта редакция получает от исследовательницы

название *Болгарской* [Момина, 1983а, с. 127], поскольку она представлена исключительно в болгарских списках. Говоря о структурных особенностях редакции, исследовательница отмечает, что в ней в 4-ю неделю Великого поста имеется канон 5-го гласа о «впадшем в разбойники» [Момина, 1983б, с. 32], впоследствии использованный киевскими и никоновскими справщиками, включившими данный канон в новую восточнославянскую триодь. Относительно языка списка М. Момина отмечает, что он «сохранил любопытную правку в сторону большей грецизации» [Момина, 1983б, с. 32].

Поскольку источники не сохранили какой-либо информации о месте и времени составления данной редакции, попытаемся решить данный вопрос текстологически. Прежде всего, необходимо определить славянскую редакцию, на основе которой проводилась правка. Учитывая южнославянское происхождение списков, это могла быть либо Хлудовская, либо Афонская редакция. В таблице ниже (таблица 2. 22) сопоставляются первые строки первого икоса Акафиста Богоматери Хлудовской и Афонской редакций с вариантами списка *F.n.I.55*. Нетрудно убедиться, что текст списка *F.n.I.55* следует за Афонской редакцией.

Таблица 2. 22. Сопоставление стихов 1 – 11 икоса 1 списков Хлудовской и Афонской редакций (разночтения подчеркнуты) со списком *F.n.I.55*

Хлудовская редакция (Копитарова триодь)	Афонская редакция (Син. 23)	<i>F.n.I.55</i>
аггль прѣдстатель с нвсь послань възить реци бци радзиса и съ бесплзтънзимъ гласомъ въплзщъшас- <u>виждѣ</u> т- ги дывлѣшеса и стоаше въпи к ней таковаа радзис- <u>ѣже</u> радость въсиаеть радзис- <u>ѣже</u> катва исчезнетъ	аггль прѣвостатель с нвсе посланъ възить реци бци радзис- и съ бесплзтънзимъ гласомъ въплзщъс- <u>зра</u> ги <u>оужасаашес</u> ли стоаше зовѣ къ ней таковаа радзис <u>ѣже</u> ради радость възіаетъ радзиса <u>ѣже</u> ради клатва исчезнетъ радзис па,дшаго а,дама	аггль прѣвостатель с нвсе посланъ възить реци бци <u>еже</u> радзис- и съ вестѣлеснзимъ гласомъ оутѣлесѣема та <u>зра</u> ги <u>оужасаашес-</u> и стоаше въпиѣ къ ней таковаа радзис- ради <u>ѣже</u> радость възіаетъ радзиса ради <u>ѣже</u> клатва исчезнетъ радзиса па,дшаго а,дама

<p>РАДЪВІСА ПАДШАГО АДАМА ВЪСТАНИЕ РАДЪВІСА СЛЪЗЪ ЕВЖИНЪХЪ ИЗБАВЛЕНИЕ РАДЪВІСА ВЪСОТО ДЪВОВЪСХОДНАА ЧЛЧСКЪІМЪ ПОМЪІСЛОМЪ РАДЪВІСА ГЛЪБИНО ДЪВОВЕДИМАА И АГЛЪСКЪІМА МЧИМА</p>	<p>ВЪЗВАНІЕ РАДЪВІСА СЛЪЗЪ ЕВЖИНЪ ИЗБАВЛЕНІЕ РАДЪВІСА ВЪСОТО НЕЗДОБЪВЪСХОДИМА ЧЛВЧЪКЪІМЪ ПОМЪІСЛОМЪ РАДЪВІСА ГЛЪБИНО НЕЗДОБЪЗІМА АГГЛЪСКЪІМЪ ОЧИМА</p>	<p>ВЪЗВАНІЕ РАДЪВІСА СЛЪЗАМЪ ЕВЖИНЕМЪ ИЗБАВЛЕНІЕ РАДЪВІСА ВЪСОТО НЕЗДОБЪВЪСХОДИМАА ЧЛВЧЪКЪІМЪ ПОМЪІСЛОМЪ РАДЪВІСА ГЛЪБИНО НЕЗДОБЪЗІМАА АГГЛЪСКЪІМИ МЧИМА</p>
--	--	--

Итак, несомненное использование списка Афонской редакции в качестве исходного текста справки, приведшей к появлению рассматриваемой редакции, позволяет нам определить *terminus post quem* для времени ее появления. Это было начало XIV века – время составления Афонской редакции. С другой стороны, *terminus ante quem* – это 1466 год, которым датируется список составленной на основе данной редакции компиляции *F.I.125*. Принимая во внимание время, которое необходимо редакции для того, чтобы отразиться в смешанных компиляционных типах, логично предположить, что редакция *F.n. I. 55* была составлена не позднее самого начала XV века.

Более внимательное текстологическое сопоставление текста данной редакции с разночтениями более ранних редакций показало, что хотя за основу правки был взят церковнославянский текст Афонской редакции, в отдельных случаях, общее число которых для текста Акафиста Богоматери достигает двенадцати, что исключает возможность случайных совпадений, используются и варианты из существовавшей в восточнославянском регионе Гимовской редакции. Наиболее показательные из таких разночтений представлены в таблице 2.23.

Таблица 2.23. Варианты Акафиста Богоматери Гимовской редакции, использованные в редакции списка *F.n. I. 55*

Икос, стих	Греческий оригинал	Гимовская редакция	Афонская редакция	<i>F.n. I. 55</i>
7.14.	ἔρεισμα	оутврѣжденіе	основаніе	оутврѣжденіе
11.13.	σκεπη	крове	покрове	крове
11.14.	τροφή	питателю	пице	питателю
19.6.	στήλη	тѣло	стлѣпе	тѣло

22.4.	τῆς αὐτοῦ χάριτος	своеѣ БЛГОДѢТИѢ	ТОГО БЛГОДѢТИ	своеѣ БЛГОДѢТИѢ
24.4.	συμφορᾶς	НАПАСТИ	СКРЪБИ	НАПАСТИ

Отметим также, что исправление славянского текста проводилось по греческому списку, обладавшему существенными отличиями от греческого оригинала Афонской справы. В частности, в тексте Акафиста мы находим следующие основные славянские различия, восходящие к различиям греческого оригинала (таблица 2.24).

Таблица 2. 24. Основные разночтения Афонской редакций со списком *F.n.I.55*, восходящие к разночтениям греческих списков

Икос/ стих	Варианты греческого оригинала	Славянские соответствия Афонской редакции (по списку <i>Син. 23</i>)	Варианты греческого оригинала	Славянские соответствия <i>F.n.I.55</i>
5.7	ἀκηράτου	НЕТЛѢННАГО	ἀθανάτου	ВЕСМЪРТНАГО
7.11.	οὐρανοῖς	НЕБЕСЪИМИ	πιστοῖς	ВѢРНЪИМИ
9.9.	φωτίζουσα	ПРОСВѢЩАЮЩИ	φυλάττουσα	ХРАНАЩИ
9. 16.	πιστῶν	ВѢРНЪИМЪ	Περσῶν	ПЕРСОМЪ
13.13.	ἀπογεννώσα	ПОРОЖДЪШИИ	καρποφοροῦσα	ПЛОДОНОСАЩИИ
17.15.	πλουτίζουσα	УБОГАЦЪШИ	φωτίζουσα	ПРОСВѢЩАЮЩИ
21.3.	ἄπτουσα πῦρ	ВЪЖЕГШИ ОГНЬ	ἄπτουσα φῶς	ИМЪЩИ СВѢТЪ
23.17.	σωτηρία	СПАСЕНІЕ	προοστασία	ПРѢДСТАТЕЛНИЦЕ

Отмеченное выше использование для сверки списков разных редакций, и прежде всего Гимовской редакции, наводит нас на мысль об Афоне как о возможном месте составления редакции списка *F.n. I. 55*, поскольку именно там бытовали и «взаимодействовали» между собой списки разного происхождения.

Аргументом в пользу афонского происхождения редакции *F.n. I. 55* может быть и вариант кукулия стадо на месте вышеописанных градъ и рабъ ранних и Афонской редакции соответственно. Данный вариант, восходящий к

греческому ἡ ποίμνη, отмеченному в афонских греческих списках⁵, предполагает наличие большой монастырской общины.

Итак, на настоящий момент наиболее вероятным представляется афонское происхождение рассматриваемой редакции. Остаются неясными причины, вызвавшие данную справу, последовавшую практически непосредственно за авторитетнейшей Афонской справой. Систематическая правка целого богослужебного сборника – процесс долгий и трудоемкий, как правило, вызываемый чисто практическими причинами, прежде всего, переходом на другой устав. В данном случае таких оснований, очевидно, не было. Отметим, что к выводу о существовании двух последовательных афонских справ богослужебных книг на основании исторических данных, анализа текста приписок и сопоставительной текстологии приходит и М. Спасова [Спасова, 2015, с. 445], однако исследовательница относит их к более раннему периоду (первая афонская редакция – вторая половина XIII в., вторая афонская редакция – вторая четверть XIV в.). Отсутствие сопоставительного материала не позволяет нам в настоящий момент доказать и уточнить данную гипотезу.

С другой стороны, указанные выше хронологические рамки позволяют связать составление редакции с книжной справой, проведенной Евфимием Тырновским после избрания его патриархом (то есть после 1375 г.), о которой сообщается в похвальном слове Евфимию Григория Цамблака [Русев и др., 1971, с. 168; Спасова, 2015, с. 443]. Отметим, что стилистические и лексические особенности данной редакции, в частности, «грецизация» языка, частое использование калькирования, использование местоимений τῆς, τῆς, τοῦ (13.4), перенос послелого ραδι в препозицию (1.6 и далее) [Афанасьева, 2004, с. 117], а также некоторые лексические варианты, такие как использование вместо

⁵ Данный вариант отмечен, в частности, в греческой Триоди постной XIII в. из собрания Национальной библиотеки Греции (шифр 642).

прилагательного *кръпкъи* других редакций варианта *дръжавнъи* (8.4) [Афанасьева, 2000, с. 17–18, 21] близки стилю самого Евфимия Тырновского и косвенно свидетельствуют о принадлежности редактора его кругу [Иванова-Мирчева, 1971, с. 197 – 210; Афанасьева, 2004, с. 116 – 117]. Сходной представляется и рукописная история рассматриваемой редакции триоди постной с достоверно атрибутируемой патриарху Евфимию редакцией Литургии преждеосвященных даров, которая, согласно текстологическому исследованию Т. Афанасьевой [Афанасьева, 2004, с. 44 – 46], также сохранилась в полном виде только в двух болгарских списках XV века. Интересно, что несмотря на высокий авторитет болгарского патриарха, данная редакция по сути оказалась не востребовавшей в славянской письменности: чрезвычайно низкая представленность ее в списках для триоди постной в рассматриваемый период нетипична.

Вопрос о возможном влиянии данной редакции, несмотря на ее низкую распространенность, на последующую славянскую традицию, мы попытаемся решить ниже.

1.2.10. Русская редакция Акафиста Богоматери

Восточнославянская рукописная традиция Акафиста Богоматери на протяжении XIV – XV вв. существенно отличается от южнославянской. Если в последней практически безраздельно господствовала Афонская редакция, в восточнославянской книжности в рассматриваемый период она в полном виде представлена только двумя списками (*РГБ 25* и *Тит. 1467*). Напротив, с начала XV века в русской традиции наибольшее распространение получает редакция, в отличие от всех рассмотренных ранее, совершенно неизвестная как на южнославянских территориях, так и среди афонских рукописей. Данный факт позволяет предположить, что справа, легшая в ее основу, также была осуществлена в восточнославянском ареале. К сожалению, мы вновь не

располагаем данными источников относительно происхождения и авторства этой редакции, поэтому попытаемся решить эти вопросы текстологически.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что данная редакция, сосуществовавшая на восточнославянских территориях с Афонской, ни в одном из рассматриваемых списков не представлена в чистом виде, но в разной степени контаминируется вариантами Афонской редакции. С другой стороны, и в двух вышеуказанных русских списках Афонской редакции присутствует незначительное число (от двух до четырех) вариантов Русской редакции. Интересен список *F.n.I.28*, где первая половина гимна (икосы 1 – 16) следует Афонской редакции, конец же (икосы 17 – 24) заимствован из Русской. Процесс взаимовлияния двух сосуществовавших в одно время на одной территории редакций – это естественный процесс, однако он затрудняет текстологическую классификацию списков, а также выявление признаков конкретной редакции. Поэтому, прежде чем перейти непосредственно к описанию Русской редакции, покажем на примере небольшого отрывка текста (второго кукулия *възбранной воеводѣ*) методику, используемую нами для описания Русской редакции.

В третьем стихе кукулия на месте греческого $\acute{\omicron} \delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ большинство славянских рукописей Афонской редакции содержат вариант $\rho\acute{a}v\zeta$ (см. таблицу 2.21). В ряде восточнославянских рукописей в данном месте содержится множественное число той же лексемы: $\rho\acute{a}v\iota$. Данный вариант выявлен исключительно в восточнославянской традиции, таким образом, логично связать его возникновение именно с Русской редакцией. Отсутствие соответствий в описанной греческой традиции свидетельствует либо о наличии неизвестного нам на настоящее время греческого разночтения, либо о творческой работе редактора, стремящего придать гимну соборное звучание и с этой целью отдавшего предпочтение множественному числу. Изменение числа существительного-субъекта предполагает и изменение числа синтаксически

связанных с ним глаголов и местоимения (ἀναγράφω (3), με (5), κράζω (6)). Очевидно, что составитель русской редакции произвел и эти необходимые замены единственного числа на множественное (въсписоуемъ, нзи/насъ, зовемъ), однако, в большинстве списков (за исключением *Сол. 781*) они представлены непоследовательно (см. таблицу 2.25). С другой стороны, в трех списках (*РГБ 25*, *Тит. 1467* и *F.n.I.28*) нет ни одного варианта, соответствующего множественному числу.

Таблица 2.25. Разночтения кукулия възбранной воеводѣ по русским спискам XV века

	РГБ25	Тип. 1467	Ф. п. I. 28	Сол. 754	Сол. 781	РГБ 385	РГБ 386
рѧвѣ (ὁ δοῦλος)	+	+	+	+			
рѧви (*οἱ δοῦλοι)					+	+	+
въсписоуѣю (ἀναγράφω)	+	+	+	+			
въсписоуемъ (*ἀναγράφομεν)					+	+	+
мѧ (με)	+	+	+	+			
нзи/ насъ (*ἡμᾶς)					+	+	+
зѡвоуѣ (κράζω)	+	+	+	+		+	+
зѡвемъ (*κράζομεν)					+		

Итак, на основании анализа кукулия можно сделать следующие предварительные выводы:

1) варианты рѧви на месте греческого ὁ δοῦλος, въсписоуемъ на месте греческого ἀναγράφω, нзи (насъ) на месте греческого με, зовемъ (греческое κράζω) характеризуют Русскую редакцию;

2) в чистом виде данная редакция представлена только в списке *Сол. 781*, в списках *Сол. 754*, *РГБ 385* и *РГБ 386* варианты данной редакции присутствуют наряду с вариантами Афонской редакции;

3) списки РГБ 25, *Тит. 1467* и *F.n.I.28* представляют чистый вариант Афонской редакции.

В дальнейшем эти выводы корректировались на основании анализа других частей Акафиста. В целом, было выявлено значительное число (32) вариантов, характерных исключительно для Русской редакции и не присутствующих в Афонской редакции и редакции *F.n.I.55*, которые мы опишем ниже (Аф. – Афонская редакция, Рус. – Русская редакция, 55 - *F.n. I. 55*):

- 2Жук.3 *взписоу̅ю ти рабъ твои (Аф.) / взписоуетъ ти стадо твое (55) → взписоуемъ ти раби твои (Рус.).*
- 2Жук.5 *με - ма (Аф./ 55) → нзи/насъ (Рус.).*
- 2Жук. 6. *κράζω - зовѣ (Аф./ 55) → зовемъ (Рус.) (см. таблицу 2.25).*
- 2.4 *μου τῆ ψυχῆ - дш̅и моеи (Аф./ 55) → ми дш̅и (Рус.).*
- 3.15 *τὸ «πῶς» μηδένα διδάξασα - еже како ни единого наоучивши (Аф./ 55) → еже како ни единого же наоучивши (Рус.).*
- 3.17 *γνώσιν - сзм̅ыслъ (Аф.) / моуд̅роуан̅иа (55) → сзм̅ысл̅и (Рус.).*
- 4.3 *εὐκαρπον - бл̅гоплодоуита̅а (Аф.) / плодоуита̅а (55) → бл̅гоплодна̅а (Рус.).*
- 5.9 *φύουσα - рожд̅ыши (Аф./ 55) → порожд̅ыши (Рус.).*
- 5.16 *θνητός - мр̅тв̅з̅ии (Аф./ 55) → см̅р̅т̅н̅з̅ии (Рус.).*
- 7.4 *τοῦτον - его (Аф./ 55) → того (Рус.).*
- 8.5 *φθάσαντες τὸν ἄφθαστον - достигше непостижимаго (Аф./ 55) → достигше недостижнаго (Рус.).*
- 9.10 *ἀπάνθρωπον - без̅чл̅в̅ѣч̅на (Аф./ 55) → немил̅з̅стив̅а (Рус.).*
- 9.10 *ἐκβαλοῦσα - изгон̅-ци (Аф.) / измет̅н̅ѣвши (55) → изм̅ѣт̅а̅ѣци (Рус.).*
- 9.15 *παθῶν - страстеи (Аф./ 55) → страстьнаго (Рус.).*
- 11.11 *τὴν ζωὴν - ж̅из̅ни (Аф./ 55) → живота (Рус.).*
- 13.8 *ἐκλάμπουσα - вз̅с̅л̅ав̅ши (Аф./ 55) → в̅б̅л̅ист̅а̅ю̅ци (Рус.).*
- 13.10 *ἀγλαόκαρπον - бл̅гоплодно̅е (Аф.) / св̅ѣт̅лоплодоуито̅е (55) → бл̅гоплодоуито̅е (Рус.).*
- 14.5 *αὐτῶ - томоу (Аф./ 55) → емоу (Рус.).*
- 15.4 *οὐ μετὰβασις δὲ τοπικὴ γέγονε - не пр̅ѣлож̅ен̅іе / пр̅ехожд̅ен̅іе во м̅ѣст̅но вз̅іеть (Аф./ 55) → не м̅ѣст̅но вз̅іеть пр̅ехожд̅ен̅іе (Рус.).*
- 18.4 *ἐφάνη καθ' ἡμᾶς πρόβατον - яви с- по насъ в̅вч- (Аф.) / ἐφάνη καθ' ἡμᾶς ὅμοιος - яви с- по насъ под̅обен̅ъ (55) → ἐφάνη καθ' ἡμᾶς ἄνθρωπος - яви с- по насъ чл̅в̅к̅ъ (Рус.).*

- 19.8 νοητῆς - разоумнаго (Аф.)/ оумнаго (55) → мзисленого (Рус.).
- 19.9 χορηγέ - дателью (Аф./ 55) → поддательнице (Рус.).
- 19.13 τεκοῦσα - рождыши (Аф./ 55) → порождыши (Рус.).
- 19.17 νυμφοστόλε - чрьтоже (Аф.)/ невѣстокрасителю (55) → чрьтожнице (Рус.).
- 20.3 ἰσαρίθμους γὰρ ψαλμοὺς καὶ ᾠδὰς - равночислѣнзи же псалмзи и пѣсни (Аф./ 55) → ἰσαρίθμους γὰρ τῆ ψάμμω ᾠδὰς - равночислинзи во пѣска ψалмзи и пѣсни (Рус.).
- 21.1 τοῖς ἐν σκοτει - сѣщимз въз тмѣ (Аф./ 55) → въз тмѣ сѣщимз (Рус.).
- 21.6 ἀκτὶς νοητοῦ ἡλίου - заре мзисельного сѣнца (Аф.)/ лочче оумнаго сѣнца (55) → лочче разоумнаго сѣнца (Рус.).
- 21.13 τῆς ἁμαρτίας - грѣха (Аф./ 55) → грѣховноу (Рус.).
- 21.17 ζωῆς μυστικῆς εὐωχία - жизни таинзга блгое наслаждение (Аф.)/ живота таиннаго гоценіе (55) → ζωὴ μυστικῆς εὐωχίας – животе таиннаго веселіа (Рус.).
- 23.1 εὐφημοῦμεν - възхваляемз (Аф./ 55) → хвалимз (Рус.).
- 23.11 ἱερέων - сѣенникомз (Аф./ 55) → іерѣвомз (Рус.).
- 23.16 φωτὸς τοῦ ἐμοῦ θεραπεία - свѣта моего слоужителю (Аф./ 55) → χρωτὸς τοῦ ἐμοῦ θεραπεία - тѣла моего врачеваніе (Рус.).

Среди рассмотренных восточнославянских рукописей больше всего вариантов Русской редакции содержит *Сол. 781* (30 из 32 вариантов). Рукописи *РГБ 385* и *РГБ 386* содержат по 27 вариантов, а *Сол. 754* – 22 варианта. Наконец, рукописи *РГБ 25* и *Тит. 1467* содержат только 3 и 4 варианта соответственно, что подтверждает гипотетически утверждаемую выше их принадлежность к Афонской редакции, однако, подвергшейся незначительному влиянию Русской. Интересно, что в 21.13 *РГБ 25* исконный вариант грѣха Афонской редакции был позднее исправлен на грѣховноу Русской, что свидетельствует о последующем взаимовлиянии редакций на славянской почве. Наконец, в рукописи *F.n.I.28* отмечено 9 вариантов Русской редакции, однако, 7 из них приходятся на икосы 18 – 24, что свидетельствует о механическом характере сделанной компиляции.

Приняв за наиболее полный вариант русской редакции список *Сол. 781*, попытаемся полнять, какая из предшествующих редакций: Афонская или

F.n.I.55 –была взята за основу справщиком Русской редакции. Для этого сравним, прежде всего, как отразились в данном списке разночтения между редакциями, не связанные с различиями между греческими списками (таблица 2.26).

Таблица 2.26. Сопоставление разночтений, не связанных с различиями между греческими списками, между Афонской редакцией и *F. n. I.55* с вариантами Русской редакции

Икос/ стих	Греческое соответствие	Афонская редакция	<i>F. n. I.55</i>	<i>Сол. 781</i>
2.2.	τῶν δεινῶν	бѣдѣ	злѣихѣ	злѣихѣ
1.4.	σωματούμενον	взпощаше са	взпощаема	взпощаема
1.5	κραυγάζων	звѣи	взпиа	звѣи
3.9.	δογμάτων	повелѣниемъ	велѣниемъ	велѣниемъ
5.15	ἐξίλασμα	ощѣщение	измоление	измоление
5.17.	θνητῶν	мртвѣихѣ	смртнѣихѣ	смртнѣихѣ
6.5.	σου τὴν σύλληψιν	твое зачатие	ти зачатие	ти зачатие
7.2.	ἔνσαρκον	ижи вз плзти	плзтьское	плзтьское
8.5.	ἐχάρησαν	радовахѣ са	порадоваша са	порадоваша са
9.2.	χειρὶ	рѣкою	рѣкама	рѣкама
9.4.	ἔλαβε	приатъ	вззатъ	вззатъ
9.5.	βοῆσαι	взпити	вззпити	вззпити
9.6.	ἀδύτου	незаходѣща	незаходимѣа	незаходимѣа
9.11.	ἐπιδείξασα	приемши	показавши	показавши
9.12.	θρησκείας	славениа	славѣи	славѣи
10.4.	ἄπασιν	взсѣхѣ	взсѣмъ	взсѣмъ
11.1.	ἀληθείας	влгочьстиа	истиннѣ	истиннѣ
11.7.	κατάπτωσις	падѣние	низпадѣние	низпадѣние
12.5.	σοφίαν	мѣдрости	прѣмѣдрости	прѣмѣдрости
13.1.	ὁ κτίστης	творецъ	снждитель	снждитель
13.5.	ὑμνήσωμεν	поемъ	взспоемъ	взспоемъ
15.2.	ἀπτῆν	не ѿстѣплѣ	не бѣше	не ѿстѣплѣ
15.4.	μετάβασις	прѣложение	прѣхождение	прѣхождение
15.6.	χώρα	село	взмѣстилище	взмѣстилище
16.5.	συνδιάγοντα	прѣбзиваѣща	сзпрѣбзиваѣща	сзпрѣбзиваѣща
17.8.	φιλοσόφους	философѣи	любопрѣмомѣдрѣихѣ	любомомѣдрѣа
17.13.	ἀλιέων	рзбварьскѣа	рзбваремъ	рзбваремъ
18.2.	αὐτεπάγγελτος	самомѣщанно	самзвомѣтованъ	самзвомѣтованъ
19.12.	φθορέα... καταργοῦσα	гѣбитела.. оупразнивши	тлитела.. оупражнаѣщи	тлитела.. оупражнаѣщи
19.14.	νυμφεύσεως	невѣститела	оуневѣщениа	оуневѣщениа

21.2.	ὄρωμεν	ВИДИМЪ	ЗРИМЪ	ЗРИМЪ
21.6.	ἀκτίς	ЗАРЕ	ЛОУЧЕ	ЛОУЧЕ
21.8.	καταλάμπουσα	ПРОСВѢЩАЖЦА	УСВѢЩАЖЦА	УСВѢЩАЖЦА
21.16.	ὄσμη	ВОНЕ	УВОНАНИЕ	ВОНЕ
22.2.	χρεωλύτης	ДЛЪГОВЪ РЪЗДРЪШИТЕЛЬ	ДЛЪГОВЪ РЪШИТЕЛЬ	ДЛЪГОВЪ РЪШИТЕЛЬ
22.4.	ἀποδήμους	ЎШЕДШИМЪ	ЎШЕЛНИКОМЪ	ЎШЕЛНИКОМЪ
23.2.	ναόν	ЦРКВЬ	ХРАМЪ	ХРАМЪ
23.14.	ἐγείρονται	ВЪСТАЖТЬ	ВЪЗДВИЖАТСА	ВЪЗДВИЖАТСА
23.15	καταπίπτουσι	ПАДАЖТЬ	НИЗЪПАДАЖТЬ	НИЗЪПАДАЖТЬ
24.4.	συφορᾶς	СКРЪБИ	НАПАСТИ	НАПАСТИ
24.5.	μελλούσης	БЖДОУЩАА	ГРАДЖЦАА	БЖДОУЩАА

Тот факт, что из 41 разночтения только в трех текст *Сол. 781* совпадает с Афонской редакцией, в остальных же случаях следует редакции *F. n. I.55*, неопровержимо доказывает, что именно последняя, несмотря на ее низкую представленность и предположительный болгарский ареал распространения, была взята за основу справки. Попытаемся подтвердить эти данные, анализируя разночтения славянских редакций, восходящих к вариантным чтениям греческих списков (таблица 2. 27).

Таблица 2. 27. Сопоставление разночтений, восходящих к вариантам греческих списков, между Афонской редакцией и *F. n. I.55* с вариантами Русской редакции

Икос, стих	Греческий оригинал	Афонская редакция	<i>F. n. I.55</i>	<i>Сол. 781</i>
5.7.	ἀκηράτου	НЕГЛЪВНАГО		
	ἀθανάτου		ВЕСМЪРТНАГО	ВЕСМЪРТНАГО
6.3.	πρὸς τὴν ἄγαμόν	КЪ НЕБРАЧЪНЕИ		
	πρώην ἄγαμόν		ПРЕЖДЕ НЕБРАЧЪНЖ	ПРЕЖДЕ НЕБРАЧЪНЖ
7.11	οὐρανοῖς	СЪ НЕВЕСНЪМИ		СЪ НЕВЕСНЪМИ
	πιστοῖς		ВЪРНЪИМЪ	
9.9.	φωτίζουσα	ПРОВСѢЩАЖЦИ		
	φυλάττουσα		ХРАНАЦИ	ХРАНАЦИ
9.16	πιστῶν	ВЕРНЪИМЪ		ВЕРНЪИМЪ
	Περσῶν		ПЕРСОМЪ	
11.5.	ῥυσθέντες νυν	ИЗЪДАВЛЪШЕ СА ННЪ		

	ῥυσθέντες		ИЗБАВЛЫШЕ СЯ	ИЗБАВЛЫШЕ СЯ
13.12.	ἀπογεννώσα	рождѣшїа		рождѣшїа
	καρποφοροῦσα		ПЛОДОНОСАЩІА	
17.15.	πλουτίζουσα	ωбогащѣши		
	φωτίζουσα		просвѣщающѣи	просвѣщающѣи
18.3.	ὡς θεὸς	ѣко бгъ		
	καὶ θεὸς		и бгъ	и бгъ
21.7.	βολίς	сиганіе		
	λαμπτήρ		свѣтило	свѣтило
23.17.	σωτηρία	спсєніе		
	προστασία		прѣдстательнице	прѣдстательнице

И в данном случае из 11 вариантов только 3 совпадают с чтениями Афонской редакции. Отметим также, что в 7.11 вариант вѣрнѣмъ, не отмеченный в *Сол. 781*, присутствует, однако, во многих других списках Русской редакции (*РГБ 386, РГБ 1196, Сол. 754*).

Итак, Русская редакция была составлена на основе редакции *F.n.I.55* с использованием греческого оригинала, близкого греческим спискам, положенным в основу последней. Если мы примем гипотезу об атрибуции редакции *F.n.I.55* патриарху Евфимию Тырновскому или книжнику его круга, то можно предположить, что Русская редакция была составлена книжником из круга митрополита Киприана либо лично митрополитом, поскольку именно при его посредничестве редакция *F.n.I.55* могла быть перенесена на Русь. Данная гипотеза согласуется с наличием атрибутированной митрополиту Киприану редакции Литургии преждеосвященных даров, также составленной на основе Евфимиевской редакции и существовавшей исключительно на восточнославянских территориях [Афанасьева, 2004, с. 46 – 48].

1.2.11. Выводы

1. Рукописная история Акафиста Богоматери, как и рукописная история любого переводного гимнографического текста в церковнославянской книжности, начинаясь с момента составления первого перевода, определяется

двумя основными процессами: редакцией и компиляцией. **Редакцией** текста, вслед за М. Моминой, мы будем называть «систематическую правку текста, опирающуюся на греческий оригинал» [Момина, Шварц, 1984, с. 190], а также получившийся в результате такой правки текст. **Компиляцией** мы называем правку текста одной славянской редакции на основании другой и текст, возникающий в результате взаимовлияния различных славянских редакций [Борисова, 2008а, с. 80 – 99]. Оба данных явления приводят к появлению разных **традиций** текста, под которыми мы будем понимать относительно закрытый от внешних влияний тип текста, представленный в одном или более списках, близких между собой. Как редакция, так и компиляция являются частными случаями традиции. Если в результате редакции славянский текст изменяется под влиянием греческого оригинала, то в результате компиляции возникают новые традиции славянского текста на основе смешения уже имеющихся славянских традиций. Наконец, если для составления редакции необходимо было наличие греческого оригинала текста, а также редактора, владеющего греческим и церковнославянским языком и переводческими техниками, то составление компиляции было более простым процессом, требующим лишь наличия по крайней мере двух списков, относящихся к различным традициям славянского текста, а также соответствующей интенции у писца-компилятора. Можно предположить, что компиляции возникали тогда, когда у книжников не было возможности обратиться к греческому гимну, и потому поиск и «восстановление» аутентичного славянского текста производилось на основании имеющихся в наличии славянских версий. С другой стороны, появление компиляции предполагает сосуществование на одной территории в одно время по крайней мере двух традиций, причем ни одна из них не должна быть маркирована как «правильная».

2. Текстологические данные свидетельствуют о том, что Акафист Богоматери был переведен на церковнославянский язык дважды относительно независимо. В результате одного из этих переводов возникла редакция, названная нами Акростишной. Отличительной особенностью этого перевода

было воспроизведение в нем алфавитного акростиха оригинала. Отсутствие в данном акростихе глаголической буквы «гервь» является указанием на то, что данная редакция связана с древней кириллической славянской традицией. Напротив, второй перевод, дошедший до нас лишь в виде небольшого фрагмента (конца гимна) из Битольской триоды, вероятно, представляет древнюю глаголическую традицию гимна в славянской письменности. В данном переводе, насколько мы можем судить по сохранившемуся отрывку, акростих не воспроизводился, и порядок икосов гимна соответствовал греческому оригиналу.

3. На основе Битольской редакции впоследствии была создана редакция, называемая нами вслед за М. Моминой Гимовской [Момина, 1985, с. 143]. Очевидно, что в ее основе лежала систематическая справа славянского текста по греческому оригиналу. Интересно, что в чистом виде данная редакция сохранилась лишь в восточнославянской традиции, однако ее несомненное использование в качестве источника ряда южнославянских компиляций исключает факт ее создания на восточнославянской почве. Вероятнее всего связать ее появление с Преславльской книжной справой [Славова, 1989, с. 15 – 22; Попов, 1985, с. 108 – 109; Темчин, 2004b, с. 63 – 71], произошедшей в Восточной Болгарии в середине X века в царствование Петра. Исправленный вариант Акафиста попадает на Русь, где функционирует изолированно от других редакций и традиций и потому сохраняется в чистом виде. Вместе с тем тот же вариант в южнославянском регионе существовал совместно с архаичной Акростишной редакцией. Результатом явились следующие смешанные компиляционные традиции:

- Шафариковская, в которой влияние Гимовской редакции ограничивается кукулием и первыми тремя икосами, вероятно, заимствованными из другого нетриодного источника, а также произошедшим независимо в двух списках *Шафар.* и *Серб.* изменением структуры гимна с целью сокращения числа икосов до 24 – числа икосов греческого оригинала. Кроме того, в ряде случаев в этих списках исчезают дополнительные

акростишные слова, что также могло произойти лишь под влиянием редакции без акростиха. Относительно списка *Щук.*, в связи с небольшим объемом дошедшего до нас фрагмента текста, мы можем констатировать лишь наличие изменений в икосо 1.

- Загребская, созданная путем достаточно механического совмещения начала Акростишной редакции (с уникальным в славянской традиции чтением икоса 1) и середины и конца гимна Гимовской редакции. Этот вариант текста, возможно, характерный для западноболгарской традиции, сохранился в одном уникальном списке.
- Евергетидская, характерная для сербских рукописей конца XIII – начала XIV веков, являющаяся компиляционной переработкой Гимовской редакции, равномерно по тексту дополненной вариантами из Акростишной редакции. Рассмотрена по двум сербским спискам *НБС 644* и *НБС 645*.

4. Следующим этапом истории церковнославянского перевода Акафиста стало составление еще одной его редакции, названной нами Хлудовской. Данная редакция появляется в результате систематического исправления текста Гимовской редакции по греческому списку с существенными отличиями от оригинала предыдущих редакций. Местом составления редакции, очевидно, была Болгария, поскольку данный вариант текста отразился исключительно в болгарских списках. Относительно времени составления редакции можно строить лишь гипотезы. Несомненно, что редакция появилась позднее Гимовской. Отсутствие каких бы то ни было ее следов в восточнославянской и сербской традициях косвенно свидетельствует о ее относительно позднем происхождении. Таким образом, наиболее вероятным временем появления редакции является XI - XII век.

Одновременно с новой Хлудовской редакцией в Болгарии в это время продолжает существовать архаичная Акростишная. Смешение этих двух

вариантов текста, в котором Хлудовский вариант принимается за основу, приводит к появлению компиляции Орбельской триоди.

5. Принципиально важным этапом рукописной истории церковнославянского перевода Акафиста Богоматери становится систематическая справа триоди постной, осуществленная на Афоне монахом Иосифом в начале XIV века в связи с переходом на Иерусалимский устав, и появившаяся в результате этой справа Афонская редакция. Данная редакция, в отличие от всех предыдущих, маркируется как *правъ изводъ*, то есть считается книжниками единственно правильной. Это приводит к тому, что в течение XIV века она заменяет сосуществовавшие к тому времени в той или иной форме в славянской книжности старые редакции, по крайней мере, на всей южнославянской территории, с конца XIV века появляется и в восточнославянском ареале.

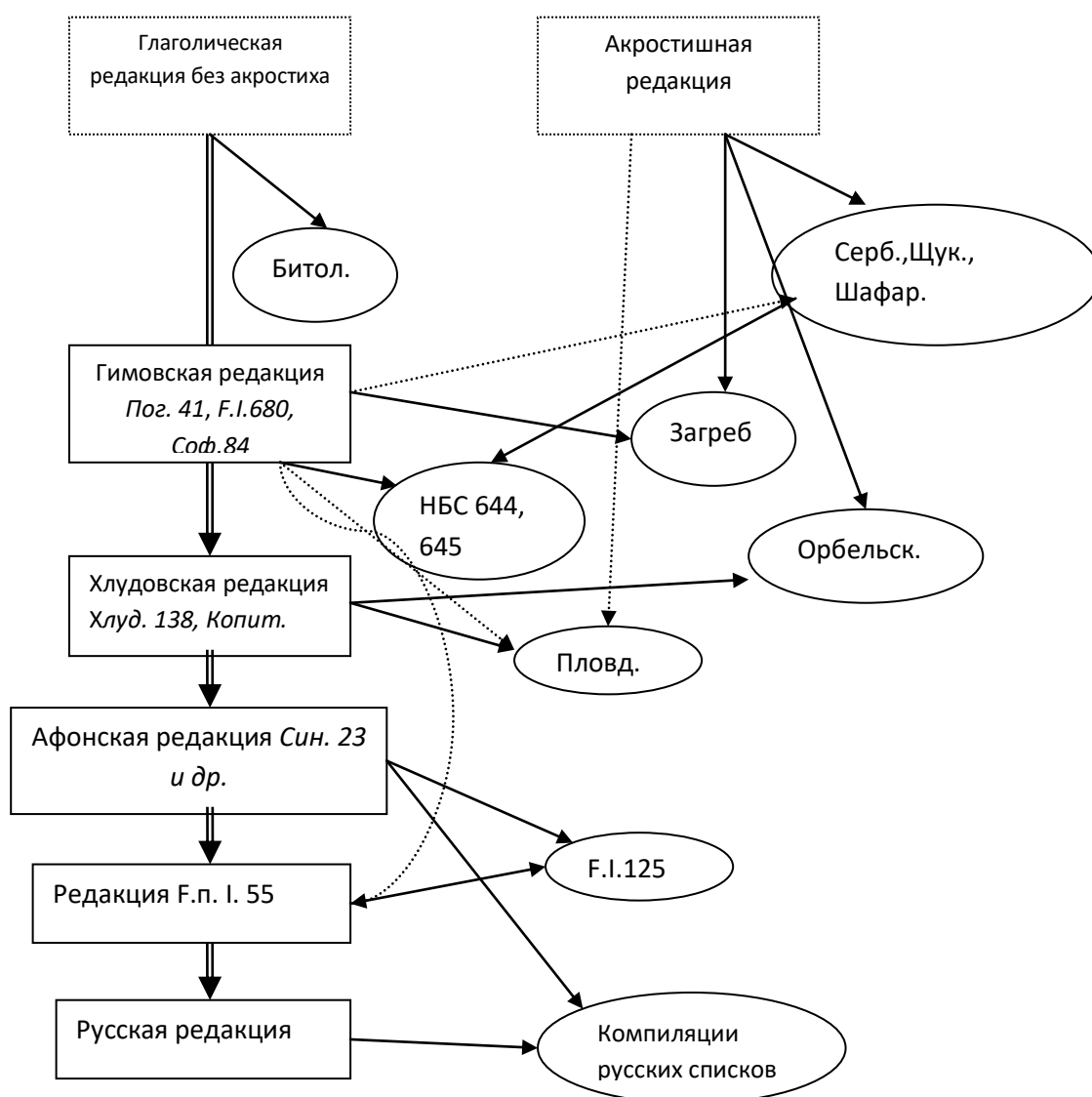
6. В течение столетия после появления Афонской редакции Акафист Богоматери исправляется по греческому оригиналу еще раз, в противоположность Афонской данная редакция не получает широкого распространения и сохраняется в полном виде только в одном болгарском списке XV в. *F.n. I. 55*. Основой справа стала Афонская редакция, предположительным местом ее составления также Афон, по языковым и стилистическим особенностям текст редакции близок переводам Евфимия Тырновского. Помимо вышеуказанного списка, редакция отразилась в болгарской компиляции списка *F.I.125*.

7. В XV в. в восточнославянском ареале наряду с вышеописанной Афонской редакцией присутствует и другая, отмеченная исключительно на восточнославянской почве и получившая название Русской. Редакция представлена в значительном числе русских списков, однако практически постоянно в разных видах и разных степенях компиляции с сосуществующей с ней Афонской. Несмотря на это, текстологические данные однозначно указывают на то, что прототипом данной редакции была не распространенная

и авторитетая Афонская, но редкая и зафиксированная исключительно в болгарских списках редакция *F.n. I. 55*. Греческий оригинал, использованный для справки, легшей в основу Русской редакции, также близок оригиналу редакции *F.n. I. 55*.

Рассматриваемые процессы могут быть схематически представлены следующим образом:

Рисунок 1.
Соотношение между ранними списками Акафиста Богоматери в славянской книжности XII – XV веков

ГЛАВА 1.3.

ВЕЛИКИЙ ПОКАЯННЫЙ КАНОН АНДРЕЯ КРИТСКОГО В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ IX – XV ВЕКОВ

1.3.1. Великий покаянный канон и проблемы его изучения

Если Акафист Богоматери входит в число наиболее популярных церковных гимнов среди мирян, то почитание Великого канона в истории Православия связано, прежде всего, с монашескующей частью христианского населения. Это «гимн раскаяния, смирения, душевных мук, и покаяния грешной христианской души» [Δετοράκης, 2003, с. 301]. Перед нами одно из самых значительных и, без сомнения, наиболее популярное произведение крупнейшего византийского ритора и гимнографа сирийского происхождения, жившего на рубеже VII и VIII вв. н. э., Андрея Критского Иерусалимнина (Ανδρέας ὁ Κρήτης, Ἱεροσολυμίτης) – автора, по крайней мере, 42 гомилий, 690 ирмосов, около 100 канонов и многочисленных трипеснцев, четверопеснцев и других гимнов, главным образом, самогласных [Δετοράκης, 2003, с. 294 - 295]. В историю византийской книжности Андрей Критский вошел как один из возможных создателей гимнографического жанра канона, зародившегося на рубеже VII – VIII веков. С. Правдолюбов так охарактеризовал его вклад в формирование данного жанра: «С точки зрения литературной техники – что добавил св. Андрей к тому, что существовало в то время? Он стал писать тропари к каждому стиху библейской песни, подчинив их одному метру и тонике, по образцу ирмоса. Взяв у св. Романа Сладкопевца принцип подчинения многих строф одной строфе-образцу,... используя силлаботоническое стихосложение, заимствованное также у св. Романа, св. Андрей перенес эти принципы на тропари-припевы библейских песен, ограничив их числом 9. Так появился канон» [Правдолюбов, 1987, т.1, с. 156 – 157]. Наряду с Андреем Критским (ок. 660 – 740 гг.) в ряду создателей канона

называют имена Космы Маюмского (664 – ок. 742 гг.) и Иоанна Дамаскина (665 – ок. 749 гг.). Все трое были уроженцами Дамаска и воспитанниками знаменитого Иерусалимского монастыря Святого Саввы Освященного, где, вероятно, и зародилась традиция написания канонов. Для канонов Андрея Критского характерны многие черты зарождающегося, еще только складывающегося жанра, именно поэтому авторитетный греческий исследователь Н. Томадакис считает, что именно Андрей Критский впервые ввел в гимнографию жанр канона [Тоμαδάκης, 1965, с. 59]. Их основными структурными характеристиками является наличие, как правило, отсутствующей в канонах второй песни, постоянное присутствие троичного и богородичного тропарей, отсутствие акростиха, большое число тропарей (не менее четырех) в песнях, возможность использования двух ирмосов в одной песни, построение тропарей по строгим метрическим изосиллабическим и тоническим принципам [Schiro, 1963, с. 113 – 139; Правдолюбов, 1987, т. 1, с. 80 – 81]⁶. Поэзия Андрея Критского в целом носит скорее богословский и дидактический, нежели хвалебный и панигирический характер. Наконец, святой Андрей в византийской церковной книжности по праву считается важнейшим творцом покаянной гимнографии и создателем величайшего гимна покаяния – Великого покаянного канона.

Канон, вероятно, был написан преподобным в зрелом возрасте, в период его архиепископства на острове Крит (712 – 740 гг.). Основная его тема – душевная борьба и покаяние христианской души, исповедующей свои грехи и вызывающей к единственному подлинному источнику милосердия – к Христу. Развивая темы святости, греха, воздаяния и покаяния, гимнограф приводит многочисленные параллели из Ветхого и Нового Завета, предлагая таким образом слушателю как положительные, так и отрицательные примеры христианской жизни и призывая его отречься от тщетных благ мира и обратиться к Богу.

⁶ См. также сходные наблюдения Е. Верещагина над канонами святому Георгию Андрея Критского [Верещагин, 2010, с. 90 – 91].

Первоначально гимн назывался просто Θρήνον – *Плач*. Это название, данное канону его создателем, сохранилось в древнейших списках [Δετοράκης, 2003, с. 301]. Эпитет же *Великий* – Μέγας – был дан канону позднее и отражает, прежде всего, объем текста. Канон состоит из 250 тропарей, разделенных на 9 песней – ᾠδές (включая и вторую песнь, обычно отсутствующую в канонах) с 11 ирмосами (песни 2 и 3 имеют по 2 ирмоса). Великий канон – блестящий образец византийской тонической церковной поэзии – тропари каждой песни повторяют по метрической структуре предваряющий их ирмос, – язык канона чрезвычайно богат разнообразными поэтическими и риторическими средствами [Лукашевич, 2009, с. 453 – 454; Τομαδάκης, 1965, с. 182 – 210; Δετοράκης, 1970, с. 160 – 190; Δετοράκης, 2003; с. 293 – 307].

В исследовательской литературе нет единого мнения относительно того, когда Великий канон вошел в состав великопостных песнопений и служб. Поскольку его тема непосредственно не связана ни с одним из конкретных богослужений поста, считается, что канон первоначально создавался как «покаянная автобиография» [Карабинов, 1910, с. 105] его создателя для внецерковного употребления [Δετοράκης, 2003, с. 301 – 302; Правдолюбов, 1987, т. 2, с. 41]. Литургическое использование канона начинается не позднее, чем с X века (этой эпохой датируются первые литургические сборники, содержащие данный текст). Согласно гипотезе И. Карабинова, первое общенородное исполнение Великого канона произошло во время землетрясения 17 марта 790 г., после этого канон начинает исполняться в память этого события и входит в состав миней [Карабинов, 1910, с. 34 – 35; Правдолюбов, 1987, т. 2, с. 42 – 48], и лишь затем привязывается к пятой неделе Великого Поста «из-за неудобства постоянного “сталкивания” минейной даты со службами триодного цикла» [Правдолюбов, 1987, т. 2, с. 46], переходя, соответственно в постную триодь. По наблюдениям Дмитриевского, введение Великого канона в состав великопостных служб связано со студийской

традицией [Дмитриевский, 1890, с. 235]. Этой же точки зрения придерживается и С. Правдолюбов, считающий, что Великий канон в состав триоди постной был введен Феодором Студитом [Правдолюбов, 1987, т. 2, с. 49 – 55]. В отношении дня славословия Великого канона данные ранних источников имеют значительные различия. В большинстве из них канон изначально славословился в четверг или в среду на вечерне. В некоторых древнейших как греческих, так и славянских рукописях (в частности, *Шафар.* и *Киян.*) пометы на полях указывают на традицию чтения канона частями с понедельника по пятницу, причем не очевидно, относится ли это разделение к первой или пятой неделе поста. Греческая триодь XI века Vat. 771 предписывает петь канон в пятое воскресенье поста [Лукашевич, 2009, с. 453 – 454].

Позднее и в различное время в последование Великого канона, помимо исходного текста, были включены и другие гимнографические произведения малого размера [Правдолюбов, 1987, т. 2, с. 55 – 73]. Это кукулий кондака Романа Сладкопевца «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши», исполняемый после 6-й песни канона, тропари Марии Египетской – по два в конце каждой песни перед троичным и богородичным, по свидетельству Синайского кодекса № 754, «творение Аристовула» [Δετοράκης, 2001, с. 28 – 29], а также помещаемые непосредственно после последних тропари автору канона Андрею Критскому. Другими составляющими службы Великого канона были 16 тропарей блажен с инципитом «Разбоиника Христе рая жителя», исполняемые после 6-й песни, а также 24 алфавитные стихиры, о которых речь пойдет ниже.

Согласно Иерусалимскому уставу, используемому Русской православной церковью в настоящее время, Великий канон поется полностью на утрене четверга (в среду вечером) пятой недели Великого поста и частями в первые четыре дня (с понедельника по четверг) первой недели Великого поста [Лукашевич, 2009, с. 453 – 454].

Таким образом, текст Великого канона, связанный в литургической традиции с триодью постной, именно в составе этого сборника, по всей вероятности, был переведен впервые на старославянский (церковнославянский) язык.

Исследование ранних этапов истории славянского перевода Великого канона в значительной степени осложняется низкой степенью изученности его греческого оригинала. Большинство существующих на настоящий момент работ посвящено различным богословским либо поэтическим аспектам произведения [Πάσχος, 1988, с. 315 – 326; Hennig, 1963, с. 280 – 293; Χρήστος, 1981, с. 231 – 275; Νέλλα, 1979, с. 181 – 222; Πολίτης, 1987, с. 149 – 200; Κούτσα, 1981; Джиджора, 2012, с. 110 – 117]. Наиболее значительным трудом не только в отечественной, но и в мировой исследовательской литературе, посвященной Великому канону, является пятитомное историко-филологическое исследование протоиерея Сергея Правдолюбова. Цель данной работы – «изучение одного произведения гимнографии в довольно широком контексте» [Правдолюбов, 1987, т. 1, с. 12]. В первом томе исследования рассматривается поэтика Великого канона в контексте творчества Андрея Критского и эволюции жанра канона, во втором – богословие Великого канона и его литургическое употребление, в третьем дается сопоставительный анализ церковнославянских и русских переводов канона XIX – XX вв. и приводятся их тексты, в четвертом содержится словник (симфония) современного церковнославянского перевода, наконец, в пятом томе автор предпринял попытку собрать и опубликовать не только по изданиям, но и по рукописным источникам все переведенные на церковнославянский язык гимнографические и гомилетические творения Андрея Критского, сопроводив данное издание переводом с греческого двух житий великого греческого гимнографа [Правдолюбов, 1987]. В работе содержится немало ценных замечаний, касающихся поэтики канона и особенностей ее перенесения на церковнославянскую почву.

Серьезной проблемой текстологического изучения церковнославянского перевода является отсутствие в научной литературе исследования

византийской рукописной традиции, а также отвечающего современным требованиям научного издания текста. Таким образом, реальной картины о разночтениях, имевшихся в греческих списках гимна, мы не имеем. Между тем даже предварительный анализ греческих списков выявил существенные различия между ними, проявляющиеся как в составе и порядке тропарей, так и в лексических разночтениях. Отметим, что различия в порядке тропарей внутри каждой песни нашли отражение даже в изданиях гимна. Очевидно, что эти различия отобразились и в ранних славянских традициях и сопоставительное изучение греческой и славянской традиций способно пролить свет на многие «темные места» ранней истории как славянского перевода, так и греческого оригинала гимна. Наша работа, в которой греческие источники привлекаются далеко не в полном объеме и лишь для сопоставления, может стать первым этапом этого масштабного исследования.

Работа проводилась на материале следующих славянских списков XII – XV веков:

1. Списки, содержащие неполный текст Великого канона:

- *Битол.* – сохранился небольшой фрагмент текста с самым концом (троичным) шестой песни, седьмой песнью полностью и началом восьмой песни.
- *Киян.* – сохранился небольшой фрагмент текста с концом девятой песни.
- *Пловд.* – отсутствует половина листа с частью тропарей шестой песни.
- *Загреб.* – утеряны листы рукописи с концом первой песни и началом второй.
- *Волог.* – помещен сокращенный текст гимна, по 8 тропарей в каждой песни, не считая ирмоса и троичного с богородичным [Кириллин, 1998, с. 87 – 94].
- *Q. I. 99* – помещены ирмосы всех песней, а также тропари всей песней, начиная с середины песни (приблизительно с тропаря 7 –

13), троичны и богородичны только зачалами, тропари Марии Египетской полностью. Вероятно, текст данного сборника писался в дополнение к не дошедшей до нас сокращенной редакции, содержащей только начальные тропари каждой из песней канона, о чем свидетельствуют и отсылки в харатейной книге. Состав, порядок и тексты тропарей точно следуют за Афонской редакцией.

2. Списки, содержащие полный текст Великого канона:

- Болгарские: *Шафар.*, *Орбел.*, *Хлуд. 138*, *Хлуд. 133*, *Пог. 40*.
- Сербские: *Серб.*, *НБС 644*, *НБС 645*.
- Восточнославянские ранние: *Синод. 319*, *Ф. I. 680*, *Пог. 41*, *Соф. 84*.
- Афонской редакции: *Син. 23*, *НБКМ 1158*, *Пант. 29*, *Хил. 255*, *Хил. 256*, *Хил. 259*, *Хил. 261*, *Хил. 262*, *РГБ 385*, *РГБ 386*, *РГБ 1196*, *Пог.42*, *Q.I.1319*, *Q.I.99*, *F.I.125*.
- Редакции F.n.I.55: *F.n.I.55*.
- Редакции РГБ 25: *РГБ 25*.

Во всех рассмотренных списках текст Великого канона помещен в среду или четверг пятой недели Великого Поста. Песни канона нумеруются. В большинстве списков (кроме Волог.) каждая песнь разбивается на части, помеченные на полях соответствующим днем недели – видимо, это день, в который данные тропари читаются на первой неделе Великого Поста. В большинстве списков таких частей 4 (с понедельника по четверг), что соответствует современной литургической практике. В списке *Шафар.*, как уже указывалось выше, каждая песнь канона делится на 5 частей, с понедельника по пятницу соответственно. В русских списках, а также в Орбельской триоди и триодях из Хлудовского собрания тропари канона перемежаются начальными строками «стихов», которые исполнялись в качестве припевов во время чтения канона и являются «цитатами или парафразами из библейских песен»

[Кириллин, 1998, с. 86]. После XIV века эти припевы были заменены постоянным *помилви ма бже, помилви ма*. В списках *Шафар.*, *Серб.* и *Пловд.* начальные строки стихов не приводятся, и нет никаких указаний на то, исполнялись они или нет.

Греческий оригинал Великого канона приводится по изданию Мине [Migne, т. 92, с. 1329 – 1384]. Описание рукописной истории церковнославянского перевода Великого покаянного канона начнем с анализа ранних (до Афонской sprawy) славянских списков и разделения их на редакции (некоторые предварительные результаты нижеследующего исследования были опубликованы нами ранее в [Борисова, 2011а; Борисова, 2014а; Борисова, 2014б]).

1.3.2. Церковнославянский перевод Великого покаянного канона по ранним (до XIV века) славянским спискам. Порядок тропарей в каждой песни как основной параметр первичной классификации списков

Даже первое беглое сопоставление ранних (до Афонской редакции) славянских списков выявляет существенные различия между ними. Причиной появления большинства из них были, несомненно, ошибочные прочтения (так называемые «бессознательные изменения» в терминологии Д. С. Лихачева [Лихачев, 1973, с. 66]). Отметим, что сам сложный поэтический текст византийского гимна способствовал возникновению ошибок, а большинство ветхозаветных персонажей, упоминаемых автором, оказывались совершенно не известными если не переводчикам и редакторам, то уж, во всяком случае, переписчикам. В результате их имена, а также связанные с ними ссылки на библейский текст оказывались измененными до неузнаваемости. В качестве показательного примера рассмотрим судьбу тропаря из третьей песни, в которой упоминаются и символически истолковываются две жены ветхозаветного патриарха Иакова: Лия и Рахиль. В оригинале данный текст выглядит так: *Γυναῖκάς μοι δύο νόει τήν πράξιν τε καὶ γυνῶσιν ἐν θεωρία*

τὴν μὲν Λεὶν, πράξιν, ὡς πολύτεκνον, τὴν Ραχὴλ δὲ γινῶσιν ὡς πολύπονον. Καὶ γὰρ ἄνει πόνων, οὐ θεωρία, ψυχὴ καθορθωθήσεται⁷.

В списках *Орбел.* и *Серб.* жены патриарха «меняются местами», в результате тропарь приобретает следующий вид: женѣ двѣ разумѣи и дѣло же и разумъ и видѣние рахиль же дѣло яко многочадѣна и лию же яко многоразумѣна бес трѣда дѣло не вѣдетъ ни видѣние дѣше не оуправить (Серб.).

В *Шафар.* тропарь подвергается дальнейшим бессознательным изменениям, и из него вообще исчезает имя Лии, вместо лиѣ же здесь встречаем зже – несомненно, результат ошибочного прочтения, свидетельствующего, в частности, о том, что данный библейский персонаж был неизвестен переписчику. В русской традиции сохранился более правильный текст тропаря, в котором за Лией в соответствии с оригиналом устанавливается эпитет многочадѣнаѣ, тогда как в отношении Рахили разные списки приводят различные варианты: *F.I. 680* – многоболезнена разумомъ, *Пог. 41* – многоразумнаѣ, наконец *Соф.* – многоразумнаѣ вѣрою. В *Орбел.* конец тропаря выглядит следующим образом: ибо безъ волѣзни и безъ дѣла и безъ разума же и видѣниѣ дѣша не исправитса. Наконец, даже в более поздних списках, в частности, в относящемся к Афонской редакции *Q.I.1319*, начало тропаря может читаться следующим образом: двѣ женѣ оубо мира разумѣи деланье разроушимъ въ видѣнии.

⁷ Отметим, что даже в целом достаточно точный современный перевод плохо передает философские антитезы (πράξις - γινῶσιν/θεωρία – πόνος) греческого текста: жены ми две разумѣи, деание же и разумъ в зрѣнии, Лию оубо деание, яко многочадѣню, Рахиль же разумъ, яко многотрѣдѣню; ибо кроме трѣдов ни деание, ни зрѣние, дѣше, исправитс- .

Анализируя ошибки, встретившиеся нам в списках, мы можем разделить их на две категории. Первую и самую многочисленную категорию составляют ошибки, появившиеся уже на славянской почве при переписывании текста. Характерной чертой, по которой мы определяем ошибки данной категории, является формальная близость исходного и ошибочного варианта, что и могло послужить причиной неправильного прочтения.

В качестве типичного примера приведем перевод слова ἄρμα из тропаря 8 песни канона - Ὁ διελάτης Ἡλίας... Большинство списков сохраняют правильный перевод слова – колесница, однако в *Орбел.* вместо данного слова встречаем вариант лѣстница: ꙗко лѣстницѣ ѿгньнѣ древе добродѣтельни вышедъ ꙗко илиа на нѣбо ѿ зема... Появление данного варианта – следствие ошибки переписчика, перепутавшего близкие по форме церковнославянские слова, – также свидетельствует о плохом знании славянскими книжниками ветхозаветных сюжетов.

Существенно меньшую по объему группу составляют ошибки, появившиеся при переводе памятника. Их формальный показатель – близость греческих соответствий исходного и ошибочного вариантов. Характерный пример находим в конце второй песни канона в тропаре, начинающемся со слов Ἔβρεξε Κύριος... - одъжди гѣ. Фразу из данного тропаря σὺ δὲ τὸ πῦρ ἐξέκαυσας τὸ τῆς γεέννης мы встречаем в нескольких вариантах. Наиболее правильный относительно греческого текста перевод находим в русских списках: си ти же ѿгнь располши геонъи (*Пог. 41*). Вариант списков *Шафар.* и *Серб.:* тзи же ѿгнь си распали рождѣствънъи – не мог возникнуть путем обработки данного славянского текста – слишком уж велико различие между ними. Он мог появиться лишь во время перевода – переводчик мог спутать близкие по форме греческие слова γέεννα – «Геенна» и γέννα - «род, рождение».

Поскольку в других местах канона то же греческое слово было переведено правильно, не исключено, что причиной ошибки в данном случае было плохое состояние греческого оригинала⁸.

Наличие подобных, пусть даже и единичных вариантов – факт, чрезвычайно важный для исследователя, свидетельствующий о том, что с момента появления перевода он, по крайней мере, один раз исправлялся с привлечением греческого оригинала. Следовательно, над текстом перевода работал справщик – редактор, знающий и греческий, и славянский языки. На основании вышеназванного варианта и нескольких подобных ему мы можем с уверенностью утверждать, что русские списки, с одной стороны, и *Серб.* и *Шафар.*, с другой, относятся к различным редакциям текста.

Рассмотрим теперь вариант той же фразы из *Орбел.*: ти же ѡгнь раждеше гешньскы. В данном отрывке, как мы видим, присутствуют варианты обеих редакций: и «Геенна», и «рождение», ставшее, правда, из эпитета глаголом. Маловероятно, что данный вариант также появился в результате обращения к греческому оригиналу. Скорее всего, перед нами результат компиляции – работы переписчика-компилятора с двумя славянскими списками различных редакций. Замечая различия между ними и не имея по тем или иным причинам (в частности, из-за незнания греческого языка) возможности сопоставить их с оригиналом для определения правильных и ошибочных вариантов, компилятор вынужден комбинировать их на свой вкус, создавая таким образом новый текст.

Отметим, что различие между видами разночтений не всегда бывает столь очевидно, как в приведенных выше примерах. Так, в приведенном выше тропаре о Рахили и Лии ошибочное чтение *Шафар.* вже вместо лиж же других списков, несомненно, появилось уже на славянской почве, относительно же причины появления других разночтений невозможно высказаться столь же

⁸ Отметим, что данная ошибка, видимо, была нередкой в церковнославянских переводах. Сходные варианты в текстах Евангелия были отмечены С. Темчиным [Темчин, 1998, с. 223].

однозначно. Нам представляется, что «путаница» с именами жен патриарха также возникла при переписывании славянского текста, тогда как разночтения *многоболезнена разумомь / многоразумнага* восходят к разночтениям греческих списков, с которых производился перевод или правка текста.

Другой достаточно частой ошибкой, которая могла происходить как на греческой, так и на славянской почве, является объединение, как правило, двух соседних и близких в текстовом отношении тропарей в один. Так, тропари 6 и 7 первой части второй песни канона в *Орбел.* и *Хлуд. 138* читаются следующим образом:

6. очрънихъ х̄е телѣсныѣ ѡдеждѣ (и) ѡцѣсти ма спсе ѡко всеиленъ

7. раздѣрахъ ннѣ ѡдеждѣ прѣвьѣ же истка ми зыждзитель и спрѣва тѣмъ
лежѣ нагъ

Отметим, что перевод тропаря 6 значительно отличается от греческого оригинала и, возможно, также восходит к ошибочному чтению, появившемуся на основе других тропарей данной песни. В *Хлуд. 133* данные тропари объединяются в один (6-7): очрънихъ телѣсныѣ ѡдеждѣ же истка ми зыждзитель и спрѣва тѣмъ же лежѣ нагъ. В данном случае объединение тропарей, очевидно, восходит к ошибке славянского писца. Однако объединение тропарей 14-15 седьмой песни канона (см. ниже таблицу 2.3.), отмеченное в ряде списков различных редакций (*Битол., Серб., Шафар, Загреб.*), вероятно, отражает вариант греческого оригинала.

Итак, попытаемся на основании имеющихся у нас данных сгруппировать ранние списки канона и определить отношения между группами, а также выявить в каждой группе по начальному – «показательному» списку, представляющему текст в лучшем виде и содержащем меньшее количество позднейших изменений, произошедших в процессе переписки. Именно по этим

показательным спискам и будет устанавливаться в дальнейшем связь между группами списков – редакциями.

Как мы уже указывали выше, все каноны Андрея Критского отличались большим количеством тропарей. Эта особенность, в сочетании с отсутствием акростиха, также характерным для творчества гимнографа, приводила к частым перестановкам тропарей в пределах каждой из песен уже в греческой традиции. По этой же причине многие греческие списки имеют сокращенный состав тропарей. Данные различия неминуемо отразились в славянской письменности. Переводы и редакции, сделанные на основе различных греческих списков, имеют существенно отличающийся состав и последовательность тропарей. Именно этот признак, подкрепляемый на следующем этапе наличием разночтений, восходящих к различному переводу греческого оригинала, был положен нами в основу предлагаемой ниже классификации славянских списков Великого канона. Сопоставление порядка тропарей, проведенное нами для всех песен канона, показало различные данные для первой песни и всего остального текста. Это позволяет предположить, что первая песнь по непонятным для нас на данный момент причинам имела отличную судьбу от всего остального текста.

Ниже (таблицы 3.1 – 3.4) для удобства читателя мы приведем результаты сравнительного изучения последовательности тропарей для четырех показательных песен Великого канона: первой песни, для которой, как мы уже указывали выше, были получены отличные от всего другого текста результаты, а также песни 2 и песен 7 – 8 и 9. Последние три песни были выбраны для сопоставления в связи с тем, что исключительно для этих частей текста мы располагаем данными из двух наиболее архаичных источников: сохранившийся фрагмент из *Битол.* с текстом из Великого канона содержит песнь 7 (кроме первых тропарей) и начало песни 8, в списке *Киян.* сохранилась только середина и конец песни 9. При сопоставлении не учитывался список *Волог.* в связи с сокращенным порядком тропарей. В таблицах ниже арабские цифры обозначают порядковый номер тропаря в песни по изданию Мине [Migne, 1860,

с. 1329 – 1384], при нумерации не учитывается ирмос, троичен и богородичен, имеющие фиксированные позиции.

Таблица 3.1. Сопоставление порядка тропарей первой песни Великого канона в ранних южнославянских и восточнославянских списках

Серб.	НБС 644/ НБС 645	Шафар.	Загреб.	Ф. I. 680	Синод.	Пог. 41/ Соф. 84	Орбел.	Пловд.	Пог.40	Хлуд. 133	Хлуд. 138
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
11	11	3	3	3	3	3	3	3	3	3	11
3	3	5	5	5	5	5	4	4	4	4	3
4	5	6	20	6	6	6	5	5	5	5	4
6	4	7	6	7	7	7	6	6	6	6	5
7	6	8	8	8	8	8	7	8	8	8	6
8	9	9	9	9	9	9	8	7	7	7	7
9	8	10	10	10	10	10	9	9	9	9	9
10	10	4	13	4	4	4	14	14	14	14	8
12	12	11	7	11	11		10	10	10		14
20	20	12	4	12	12	12	11	11	11	11	10
13	13	20	11	20	20	20	12	12	12	12	12
21	21	13	12	13	13	13	15	15	15	15	15
14	14	21	21	21	21	21	20	20	20	20	20
15	15	14		14	14	14	13	13	13	13	13
22	16	15		15	15	15	21	21	21	21	21
16	17	16		22	16	22	18	18		18	18
17	22	22		18	17	18	16	16	16	16	16
18	18	18		23	22		22	22			22
19		19		19	18	19	17	17		17	
					19		23	23	23	23	23
							19	19	19	19	19
							17				17

Таблица 3.2. Сопоставление порядка тропарей второй песни (до второго ирмоса) Великого канона в ранних южнославянских и восточнославянских списках

Серб.	НБС 644/ НБС 645	Шафар.	Загреб.	Ф. I. 680	Синод.	Пог. 41/ Соф. 84	Орбел.	Пловд.	Пог.40	Хлуд. 133	Хлуд. 138
1	1	1		1	1	1	1	1	1	1	1

2	2	2		2	2	2	2	2		2	2
3	3	3		3	3	3	4	4	4	4	4
15	15	15		4	4	4	5	5	5	5	5
6	6	6		5	5	5	4				
7	7	7		6		6	5				
9		9		7	15	7	15	15	16	15	15
11	11			8	6	8	6	6	6	6-7	6
10	10	10		9	7	9	7	7	7		7
12	12	12		10	8	10	8	8	8	8	8
13	13	13		12	10	12	9	9	9	9	9
14	14	14		13	12	13	11	11	11	11	11
16	16	16		14	13	14	10	10	10	10	10
17	17	17		15	14		12	12	12	12	12
18	18	18		16	16	16	13	13	13	13	13
	19			17	17	17	14	14	14	14	14
20	20	20	18	18	18	18	16	16	16	16	16
21	21	21	19	19	19	19	17	17	17	17	17
22	22	22	20	20	20	20	18	18	18	18	18
23	23	23	21	11			19	19	19	19	19
24	24	24	25	21	21	21	26	26	26	26	26
25	25	25	26	22	22	22	20	20	20	20	20
26	26	26	27	23	23	23	21	21	21	21	21
27	27	27	28	24	24	24	22	22	22	22	22
4	4	4		25	25	25	23	23	23	23	23
5	5	5		26	26	26	25	25	25	25	25
8	8	8		27	27	27	27	27	27	27	27
28	28	28		28	28	28	28	28	28	28	28

Таблица 3.3. Сопоставление порядка тропарей седьмой и восьмой песни Великого канона в ранних южнославянских и восточнославянских списках

Бит.	Серб.	НБС 644/ НБС 645	Шаф ар.	Загреб.	Ф. I. 680	Пог. 41/ Соф. 84	Синод.	Орбел.	Пловд.	Пог.40	Хлуд. 138.	Хлуд. 133
песнь 7												
	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
4	6	4	6	4	4	4	4	4	4	4	4	4
5	5	6	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
	8	5	8	7	6	6	6					
11	11	8	11	6				7	7	7	7	7

9	9	9	9	8	8	8	8	8	8	8	8	8
10	10	10	10	9	9	9	9	9	9	9	9	9
14-15	14-15	11	14-15	10	10	10	10	10	10	10	10	10
12	12	12	12	11	11	11	11	11	11	11	11	11
16	16	16	16	12	12	12	12	16	16	16	16	16
	13	13	13	13	16	16	16	13	13	13	13	13
4	4		4	15	13	13	18	12	12	12	12	12
15	15	15	15	16	14		13	15	15	15	15	15
20	20	20	20	14-15	15	15	15					
19	19	19	19	19	17	17	17	17	17	17	17	17
17	17	17	17	17	18	18		18	18	18	18	18
18	18	18	18	18	19	19	19	19	19	19	19	19
песнь 8												
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
6	6	6	6	2	2	2	2	2	2	2	2	2
7	7	7	7	4		4	4	4	4	4	4	4
8	8	8	8	5	4-5		5	5	5	5	5	5
9	9	9	9	6				6	6	6	6	
	10	10	10	8	6	6	6	7	7	7	7	7
	11	11	11	9	7	7	7	8	8	8	8	8
	12	12	12	7	8	8	8	9	9	9	9	9
	13	13	13	10	9	9	9	10	10	10	10	10
	14	14	14	11				12	11	11	11	11
	15	15	15	12				13	13	12	12	13
	16	16	16	3	12	12	12	15	12	13	13	12
	17	17	17	13	13	13	13	14	15	15	15	15
	18	18	18	14	14	14	14	16	14	14	14	14
	19	19	19	15	15	15	15	17	16	16	19	16
	20	20	20	18	16	16	16	18	17	17	16	17
	2	2	2	16	17	17	17	19	18	18	20	18
	4	4	4	17				20	19	19	18	19
	3	3	3	19	19	19	19		20	20		
		5			20	20	20					

Таблица 3.4. Сопоставление порядка тропарей девятой песни Великого канона в ранних южнославянских и восточнославянских списках

Киян	Серб	НБ С 644	НБ С 645	Шафар	Загреб	Ф. I. 680	Пог. 41/Соф. 84	Синод	Орбел	Пловдив	Пог. 40	Хлуд . 138.	Хлуд . 133
	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	
	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7
	9	9	9	9	9	8	8	8	9	9	9	9	
	8	8	8	8	8	9	9	9	8	8	8	8	8
	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10	
11	11	11	11	11	11	11	11		11	11	11	11	11
12	12	12	12	12	12	12	12		12	12	12	12	12
13	13	13	13	13	13	13	13		13	13	13	13	
14	14	16	14	14	14	14	14		14	14	14	14	14
15	15	15	15	15	15	15	15		15	15	15	15	15
16	16	14	16	16	16	16	16		16	16	16	16	16
17	17	17	17	17	17	17	17		17	17	17	17	17
18	18	18	18	18	18	18	18		18	18	18	18	18
19	19	19	19	19	19	19	19			19	19	19	19
20	20			20	20	20	20	20					
21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21
22	22	22	22	22	22	22	22	22	22	22	22	8.17	22
23	23			23		23	23	23	25			22	
24	24	24	24			24	24	24	23				
25	25	25	25	25	25	25	25	25	24	25	25	25	
1д	1д	1д	1д	1д					1д				
2д		2д	2д	2д									
3д	3д	3д	3д	3д					3д				

Из проведенного выше сопоставления очевидно, что списки Великого покаянного канона можно сгруппировать в редакции, приблизительно сходные с теми, которые ранее были рассмотрены нами на материале Акафиста Богоматери. Так, очевидно объединяются между собой по всем песням канона списки *F.I.680*, *Пог. 41* и *Соф. 84*. К ним же примыкает и *Синод. 319*, однако в порядке тропарей данного списка во второй песни имеется ряд изменений, ставящих под вопрос факт присутствия закрытой традиции, в девятой же песни пропущены 9 трапарей (с 11 по 19), что, вероятно, связано с лакуной протографа.

С другой стороны, можно сгруппировать между собой списки *Орбел.*, *Пловд.*, *Пог. 40* и *Хлуд. 133*. Список *Орбел.* выделяется в данной группе

большим количеством повторов, которые могли проистекать как от ошибок писцов, так и от взаимовлияний между редакциями. В пользу второй из данных причин свидетельствует наличие в конце девятой песни отсутствующих в других списках данной группы тропарей 23 и 24, а также двух из трех дополнительных тропарей, свойственных ранним редакциям (1д и 3д - см. ниже). С другой стороны, *Хлуд. 133* в девятой песни сохраняет сокращенный вариант текста с пропуском тропарей 5, 9, 10, 13 и 25. К данной группе примыкает список *Хлуд. 138* на всем протяжении текста, кроме начала первой песни, где отличный порядок тропарей свидетельствует о влиянии другой традиции. Кроме того, в составе девятой песни писец повторил и один тропарь из песни 8 (8.17) – уникальный случай перемещения тропаря в другую песнь во всей рукописной истории канона.

Значительное сходство на большинстве отрезков текста прослеживается между списками *Серб.* и *НБС 644 – 645*, а также на сохранившемся участке текста *Киян.* Список *Шафар.* следует за *Серб.* на всем протяжении текста, за исключением первой песни, где очевидны существенные отличия между ними, свидетельствующие о внешнем влиянии. Характерной особенностью всех списков данной группы является присутствие в конце девятой песни трех (или двух в *Серб.*) дополнительных тропарей (1д – 3д), неидентифицированных в греческой традиции, полные тексты которых с разночтениями по спискам мы приводим ниже. При анализе разночтений учитывалась и компиляция *Орбел.*, где, как указывалось выше, данные тропари были заимствованы из ранней редакции. В качестве основного варианта текста был выбран список *Киян.* При описании разночтений не учитывались регулярные графические и фонетические варианты.

1д

шюма пещьнааго полацааго угна скръжътъз зочъомъ тьма кромъшьнааго
 чръвь не оузыпаа страшитъ дѣшю мою тѣмь поцади ма бѣ творьче мои соудии
 съвѣдъзи срдъчънаа

пещьнааго : пещьнаго и Шафар.] полацааго : пзлаюцааго Серб. :
 впалѣжщего Шафар.] скръжѣтъ зѣвомъ : скръжѣта зѣвна Серб. = Орбел. :
 скръжѣта зѣвнаго НБС 644= НБС 645 : и скръжѣта зѣвна Шафар.] тьма : тьми
 Шафар. : Орбел. тьмъ] кромѣшьнааго : кромѣшьна Серб. : кромѣшьныѣ Шафар.
 : кромѣшьнаа Орбел. = НБС 644= НБС 645] чрьвь : чрьви НБС 644 : и чрьвиа
 Шафар.] оузыпаа : оузыпаема Шафар.] страшитъ : оустрашае Серб. = НБС 644:
 оустрашаѣтъ Шафар. = Орбел.] дѣшо мою : дѣше Серб. : ми дѣшъ Шафар. =
 Орбел. : дѣшъ НБС 644= НБС 645] свѣдѣзи срдьчънаа : от. Орбел.

2д

крѣпость моя и хваление тѣзи еси влѣко и надежѣ си къ тебе възлагаю вѣрѣ ми
 недвижимоу съхрани до коньца еже съгрѣшихъ тебѣ прѣже времени сѣда остави яко
 млѣрдъ

хваление : похваление Шафар.= НБС 644 = НБС 645] влѣко : влѣко мои
 Шафар. : от. НБС 644 = НБС 645] тебѣ : къ тебѣ НБС 644 = НБС 645] сѣда : и
 сѣда Шафар. : от. НБС 644 = НБС 645] остави : остави и помлѣуи НБС 644 =
 НБС 645

3д

сзздавзи члѣка и давъ емоу дзиѣание животное и раю сзтвори жителя двѣри
 ми отъврѣзи едемьскъна блаже да дрѣва животноаго възпримъ вѣчно поклоню са
 црѣствию ти

дзиѣание : и от. Орбел.] раю : раю Шафар.= Серб. = НБС 644 = НБС 645 =
 Орбел.] блаже : бже Орбел. : авие же Шафар.] дрѣва животноаго : дрѣво животное
 Серб. = НБС 644 = НБС 645] вѣчно : вѣрно Орбел.] ти : твоемоу НБС 644 = НБС
 645 : ти влѣко Шафар. : ти хѣ спсе Орбел.

Наконец, каждый из списков *Битол.* и *Загреб.* имеет уникальную не
 сводимую к другим традициям последовательность тропарей в сохранившихся
 фрагментах текста. Исключение составляет первая песнь *Загреб.*, где в
 дошедшей до нас части порядок тропарей имеет очевидное сходство со
 списками Гимовского типа (*Синод. 319, F.I.680, Пог. 41 и Соф. 84*).

Попытаемся подтвердить и конкретизировать полученные нами на основе
 сопоставления порядка тропарей данные при помощи сравнительного анализа

текстовых различий. Начнем наш обзор с наиболее очевидно выделяемой группы списков – восточнославянских списков Гимовского типа.

1.3.3. Восточнославянские списки Великого канона

Подробный обзор ранних списков Великого канона начнем с восточнославянских списков Гимовского типа: списков *Синод. 319*, *F.I.680*, *Пог. 41* и *Соф. 84*, которые, как уже указывалось выше, имеют значительное сходство в порядке тропарей, что позволяет говорить о существовании закрытой традиции. Доказав происхождение данных списков от одного протографа без внешних влияний и выявив список, сохранивший данный протограф в лучшем виде, мы получим материал для сопоставления с другими списками с целью выявления взаимовлияний редакций и традиций.

Логично предположить, что к вышеописанной группе из 4 списков может быть отнесен и восточнославянский список *Волог.* Однако в связи с сокращенным составом тропарей данного списка он не может быть классифицирован по порядку тропарей. Поэтому рассмотрим (таблица 3. 5) его текстовые различия с другими списками Гимовского типа, одновременно подтвердив на основе их анализа высказанную ранее нами гипотезу о существовании между ними закрытой традиции.

Таблица 3.5. Различия русских списков Великого канона (1 песнь). (Пустые ячейки означают пропуск тропаря в списке. Приводятся только те тропари, в которых имеются различия)

Начало тропаря	Греческое соответствие	Варианты				
		Соф. 84	Пог. 41	F.I.680	Синод	Волог.
Πόθεν ἄρχομαι/ отъкъдѣ начнѣ	ἐπιθήσω	покажю				скажю
	ἄφεσις	оумилениа				покаганиа
Ἀντὶ Εὐας/ евьгъи мѣсто	καταπόσε ως	питиа		питаниа		

Τῆ τοῦ Ἄβελ / ΔΒΕΛΟΒΨ	Ἄβελ δῶρα σοι δεκτὰ	ΔΒΕΛΕΝΨ	ΔΒΕΛΟΒΨ			
Ὡς ὁ Κάιν / ἱακο ΚΑΙΝΟΒΨ	θυσίαν ψεκτὴν καὶ ἄχρηστον βίον	χῶλῆς и жрътвῶς	и	НЕΒΛΓΟЖИТΨИЕ	и χῶλῆς жрътвῶς и НЕΒΛΓΟЖИТΨИЕ	
Τὸν πλητὸν / ΚΑΛΟΜΨ	σάρκα καὶ ὀστᾶ	ΠΛΟΤΨ СΚΟΤИИ	ΠΛΟΤΨ и ΚΟСΤИ			
Οἴμοι τάλαινα/ ΟΥΒΨΙ ΜΗΨ ΟΥΒΟΓΑΨΑ	τῆ... Εὔα	εὔβΨ	ουΨ	βο ζλΨ		
Ἐξαγγέλλω σοι/ ИСПОВΨΔΑΑ ΤИ	μιαφόνοι λογισμοὶ		ΟΥΒΟΙΝИИМ и ΜΨΙСЛИ	ΟΥΒИИЕННИИ ПОМΨΙСЛ		
Τερεῦς/ ИЕРΨИ	σὺ ἐπιστάς με οἴκτειρον	ΒΑΡΙΒΨ ΤΨΙ МА ОУЩЕДРИ				(пропуск фразы)
Ἐρρίμμένον / ΠΟΒΕΡЖЕНΑ	ἐρρίμμένο ν	ΠΟΒΕΡЖЕНΑ				ΠΟΒΕРЖЕ
	ἐν τῷ γήρει	εταροσΨ	ετρασΨ	εταροσΨ	εταροσΨ	εταροσΨ
	μὴ με ἀπορρίψης εἰς ἄδου	не ѿверзи вЪ ΔΔΨ	ѿверзи МЕНЕ ВЪ ΔΔΨ	не ѿверзи вЪ ΔΔΨ	не ѿверзи МЕНЕ	
Σοὶ προσπίπτω / ТЕΒΨ ΠΡΙΠΑΔΑΨ	εὔσπλαχνός μοι δὸς	млсрд,Ψ ΔΔЖД,Ψ	МЛТИВΨ ΠΟΔΑИ	млсрд,Ψ ΔΔИ	МЛСТИВ Ψ ΔΔЖЬ	
Τὰ ἐκούσια / ΒΟΛΗΨΙΑ	Σῶτερο	спсе	(пропуск слова)	χε спсе	спсе	
	τὰ φανερὰ καὶ κρυπτὰ καὶ γνωστὰ καὶ ἄγνωστα	ΨΒΛΕΝΨΙΑ и ΤΑΙИΨΙΑ ΒΨΔΟΜΑΨΑ и не ΒΨΔΟΜΑΨΑ	ΨΒΛΕΝΨΙΑ ΤΑΙИΨИ ВИДИМΨΙΑ и НЕВИДИМΨИ ΨΑ	ΨΒΛΕΝΨИ ΨΑ ТАИИΨИ ΒΨΔΟМА ΨΑ и не ΒΨΔΟМА ΨΑ	ΨΒΛΕΝΨИ ΨΑ и ТАИИΨИ ΨΑ ΒΨΔΟМА ΨΑ и не ΒΨΔΟМА ΨΑ	

Наряду с указанными в таблице разночтениями, единственные незначительные различия между текстами первой песни русских списков касаются состава тропарей. Так, в *Пог. 41* пропущен тропарь Ἐξαγγέλλω σοι / исповѣдаа ти, а в *Соф. 84* и в *F.I. 608* пропущен тропарь Ὁ λησταῖς / в разбойникы, присутствующий только в *Пог. 41* и *Синод.* О сокращенном числе тропарей *Волог.* уже указывалось выше. Вместе с тем, в сравнении с другими списками, во всех списках русской редакции пропущен тропарь Οἴμοι/ оуѣмнѣ, а также сохраняется единый порядок тропарей.

Единственным фрагментом текста, на котором присутствуют существенные различия в порядке тропарей между рассмотренными списками, является начало второй песни (см. таблицу 3.2). Отличный от других порядок списка *Синод. 319* наводит здесь на мысль о воздействии на него внешних влияний. Однако значительное текстовое сходство тропарей (показанное в таблице 3.6 на примере двух произвольно выбранных из начала данной песни тропарей по двум спискам) делает несостоятельной данную гипотезу. Напротив, логичнее предположить, что присутствие в *Синод. 319* на шестой позиции тропаря 15, отсутствующего в других Гимовских списках, восходит к протографу редакции. Исчезновение его в других списках – результат позднейших изменений, произошедших с текстом во время его бытования на восточнославянской почве.

Таблица 3.6. Сопоставление двух произвольно взятых тропарей (5 и 7) из начала второй песни Великого канона по двум восточнославянским спискам

Синод. 319	Пог. 41
плачю ѡко блочдѣница щедре азъ прѣдъсѣлаю очѣсть с- сѣпаси м- милосѣрднѣмь си	плаканиѡ ѡко блочдѣница щедре азъ прѣдълагаю очѣсть м- спсе милосѣрднѣмь си
раздѣрахъ одежу мою първоу юже истѣка ми зижитель и спрѣва и тѣмь лежу нагъ	раздѣрахъ одежу мою първоу юже истѣка ми зижитель и сперѣва тѣмь лежу нагъ

Все вышесказанное позволяет считать списки *Синод. 319*, *Пог. 41*, *F.I.680*, *Соф. 84* и *Волог.* представителями единой закрытой (то есть, не вступающей в контакт с другими) традиции. Список *Синод. 319*, вероятно, восходит к более раннему протографу в сравнении с другими списками и сохраняет ряд отличий от них. С другой стороны, сопоставление данных списков с греческим оригиналом показало, что начальный текст данной традиции в более правильном виде сохранился в списке *F.I.680*, в других списках по сравнению с этим списком больше ошибок, возникших при переписывании текста.

1.3.4. Гимовская редакция в сопоставлении с редакцией А и Хлудовской

В отличие от Гимовской редакции, которая, как было доказано выше, в чистом виде представлена пятью списками, редакция, вероятно, отражающая первый перевод Великого канона на церковнославянский язык, дошла до нас в чистом виде только в списке *Серб.* и в небольшом фрагменте *Киян.* За неимением лучшего названия (название *Шафариковская*, предложенное М. Моминой, не является удачным, поскольку Шафариковская триодь не дает чистого варианта данной редакции) воспользуемся терминологией Г. Попова и назовем данную редакцию редакцией А.

С другой стороны, Хлудовская редакция в чистом виде представлена списками *Хлуд. 133*, *Пловд.* и *Пог. 40*. В *Орбел.*, как уже указывалось выше, присутствуют немногочисленные варианты из редакции А, равномерно «вкрапляемые» в текст гимна. В *Хлуд. 138* компиляция произведена по другому принципу – самое начало первой песни (тропари на первых четырех позициях) взято в порядке редакции А, тексты же самих тропарей построены на основе компиляции текстов редакции А и Хлудовской, затем текст следует Хлудовской редакции, тропарь 11, употребленный в начале песни, не употребляется повторно в соответствующем месте в середине песни (см. таблицу 3. 1.) Для более подробного рассмотрения компилятивного участка

текста сопоставим тексты первого тропаря первой песни по разбираемым спискам (таблица 3. 7).

Таблица 3.7. Сопоставление текста первого тропаря первой песни Великого канона по спискам *Серб.*, *Хлуд. 133* и *Хлуд. 138*

Греческий оригинал	Πόθεν ἄρομαι θρηνεῖν, τὰς τοῦ ἀθλίου μου βίου πράξεις; ποίαν ἀπαρχήν, ἐπιθήσω Χριστέ, τῇ νῦν θρηνωδία; ἀλλ' ὡς εὐσπλαγχνός μοι δός παραπτωμάτων ἄφεσιν
Серб.	какъ плачь начноу моего злаго житиѧ дѣлз кое начело покажоу хе сего рзиданиѧ нѣ ѧко млсрдѣ слъзи ми даждѣ каѧзнь
Хлуд. 133	Ѡкѣдоу начнѣ плакатиса страстьнаго ми житиѧ дѣлз кое ли начало покажѣ хе сего рзиданиѧ нѣ ѧко млсрдѣ даждѣ ми слъзи оумилениѧ
Хлуд. 138	како начьнѣ плакатиса страстьнаго ми житиѧ дѣлз кое начало покажѣ сего рзиданиѧ нѣ ѧко млсрдѣ даждѣ ми слъзи оумилениѧ

Во всем остальном тексте существенных различий между списками не обнаружилось, в чем можно убедиться на примере сопоставляемых в таблице 3.8. тропарей из трех песен канона. Часть разночтений списков *Орбел.* и *Хлуд. 138* может быть объяснена влиянием редакции А.

Таблица 3.8. Сопоставление выборочных тропарей списков Хлудовской редакции (основные разночтения подчеркнуты)

Песнь - тропарь ⁹	Орбел.	Пловд.	Пог.40	Хлуд. 133	Хлуд. 138
1: 2	грѧди оубогаѧ дше сз плотью к зъждителю всѣхъ исповѣжьса остависа прочее прѣднаго бесловесьѧ принеси слъзи покаѧниемь	грѧди ѡканна дше сз плотью жителю всѣхъ исповѣжьса остависа прочего прѣднаго бесловесьѧ принеси покаѧниемь слъзи кз млрдноу вѣ	грѧди ѡканнаѧ дше сз плотью зъждителю всѣхъ исповѣжьса и останиса прочее прѣднаго бесловесьѧ и принеси кз боу покаѧниемь	грѧди ѡканна дше сз плотью жителю всѣхъ исповѣждьса и останиса всѣхъ прѣднѣго бесловѧ и принеси покаѧнна слъзи	грѣди вбогаѧ дше сз пльтиѣ зѣждителю всѣхъ исповѣждьса и встаниса прочее прѣднѣго бесловесѧ и принеси вгоу покаѧниемь слъзи

⁹ Первая цифра обозначает номер песни, вторая – номер ирмоса (только для песен 2 и 3 с двумя ирмосами), третья – порядковый номер тропаря

			слъзи		
1:21	БАТСТВО ТВОЕ СПСЕ <u>ИЗНЪРИ</u> БЛАДНО И ПЕСТЬ КЕСМЬ ПЛОДЪВЪ БЛГОЧСТВЪИХЪ И ГЛАДЕМЬ <u>ИСТАЕМЬ</u> ЗОВѢ ТЪИ УЧЕ ЦЕДРОТАМЬ ВАРИВЬ <u>ПОМИЛЪИ МА</u>	БАТСТВО СПСЕ <u>ИЗНЪРИВЬ</u> БЛАДНО ПЕСТЪИ КЕСМА ПЛОДЪВЪ БЛГОЧСТВЪИХЪ И ГЛАДЕМЬ <u>МСТИМЬ</u> ЗОВѢ ТЪИ УЧЕ ЦЕДРОТЬ ВАРИВЬ <u>НА</u> <u>ТЪИ МА</u> <u>ОУЩЕДРИЕ СПСЕ</u>	БАТСТВО ТВОЕ СПСЕ <u>ИЗНЪРИВЬ</u> БЛАДНО ПЕСТЬ КЕСМЬ ПЛОДЪВЪ БЛГОЧСТВЪИХЪ И ГЛАДОМЬ <u>ИСТАЕМЬ</u> ЗОВѢ ТЪИ УЧЕ ЦЕДРОТЬ ВАРИВЬ <u>ТЪИ</u> <u>МА ОУЩЕДРИ</u>	БГАТЬСТВО ТВОЕ СПСЕ <u>ИЗНЪРИВЬ</u> БЛАДНО ПОУЕСТЬ КЕСМЬ ПЛОДЬ БЛГОЧСТВЪИХЪ И ГЛАДОМЬ <u>ИСТАЕМЬ</u> ЗОВѢ ТИ УЧЕ ЦЕДРОТЪИ ВАРИВЬ <u>НѢ</u> <u>ТЪИ МА</u> <u>ЩЕДРИ</u>	БГАСТВА ТВОЕ СПСЕ <u>ИЗНОУРИВЬ</u> БЛАДНО ПОУЕСТЬ БЪИХЪ И ГЛАДЕМЬ <u>ИСТАЕМЬ</u> ЗОВѢ ТИ УЧЕ ЦЕДРОТИ ВАРИВЬ <u>НѢ</u> <u>МА ЩЕДРИ</u>
2: 1: 5	СЛЪЗЪИ ЯКО БЛАДЪНИЦИ ПРИМИ ЦЕДРЕ И АЗЪ ПРЪДЛАЖЪ ТИ УЦЪВЕТИ МЕ СПСЕ БЛГОСРДИЕ МОИ И СПСИ МА	СЛЪЗЪИ ЯКО БЛАДЪНИЦИ ПРИМИ ЦЕДРЕЕ И АЗЪ ПРЪДЛАЖЪ ТИ УЦЪВЕТИ МА СПСЕ БЛГОСРДИЕ МОИ	СЛЪЗЪИ ЯКО БЛАДЪНИЦИ ЦЕДРЕ И АЗЪ ПРЪДЛАЖЪ ТИ УЦЪВЕТИ МА СПСЕ <u>БЛГОСРДИЕМ СИ</u>	СЛЪЗЪИ ЖЕ ЯКО АЖЕ БЛАДЪНИЦИ ПРИМИ ЦЕДРЕЕ И АЗЪ ПРЪДЛАЖЪ ТИ УЦЪВЕТИ МА СПСЕ БЛГОСРДИЕМ СИ И ПОМИЛЪИ	СЛЪЗЪИ ЯКО БЛАДНИЦИ ПРИМИ СПСЕ ЦЕДРИИ И АЗЪ ПРИПАДАЖЪ ТИ УЦЪВЕТИ МА СПСЕ БЛГОСРДИЕМ СИ
3: 2: 10	ИЗМАИЛЪ <u>ИЗГНАНА</u> НИ ВИДАЩЕ <u>УКААНИА</u> ДШЕ МОА ЯКО РАВЪИНО <u>ПОРОЖДЕНИЕ</u> БЛЮДИ ДА НЪ КАКО ПОДБНО ТОМЪ ПОСТРАЖДЕШИ ПАДЕНИЕМ	ИЗМАИЛЪ <u>УКААНА</u> ВИДАЩИ ИЗГНАНА ДШЕ МОА ЯКО РАВЪИНО <u>РОЖДЕНИЕ</u> БЛЮДИ ДА НЪ КАКО ПОДБНО ТОМЪ ПОСТРАЖДЕШИ ПАДЕНИЕ <u>ПРИСНО</u>	ИЗМАИЛЪ ВИДАЩИ <u>УКААНАА</u> ДШЕ МОА ЯКО РАВЪИНИНО <u>ПОРОЖДЕНИЕ</u> БЛЮДИ ДА НЕ КАКО ПОДБНО ТОМЪ ПОСТРАЖДЕШИ ПАДЕНИЕМ	ИЗМАИЛЪ <u>УКАААНА</u> ВИДАЩИ ИЗГНАНА ДШЕ МОА ЯКО РАБИ <u>ПОРОЖДЕНИЕ</u> БЛЮДИ ДА НЪ КАКО ПОДОБНО ТОМЪ ПОСТРАЖДЕШИ ПАДЕНИЕМЬ	ИЗМАИЛЪ СЛИША ТИ <u>УКАААНА</u> ДШЕ ИЗГНАНА ЯКО РАБИИНО УНЕПЛОДИЕ БЛЮДИ ДА НЕ ЕГДА КАКО ТОУЖДЕ ПРИИМЕШЕ ЛЪНАШИ СА

Для того, чтобы проследить за тем, как изменялся перевод греческого текста от редакции к редакции, сопоставим тексты нескольких произвольно выбранных тропарей из тех, которые встречаются во всех редакциях, по трем

показательным спискам: *Серб., F.I.680* и *Пловд* (таблица 3. 9). Начнем с первой песни канона.

Таблица 3.9. Сопоставление выборочных тропарей первой песни показательных списков трех редакций с греческим оригиналом

№	Греч. оригинал	Редакция А (Серб.)	Гимовская редакция (F.I.680)	Хлудовская редакция (Пловд.)
1	Πόθεν ἄροξομαι θρηνεῖν, τὰς τοῦ ἀθλίου μου βίου πράξεις; ποῖαν ἀπαρχήν, ἐπιθήσω Χοιστέ, τῇ νῦν θρηνωδία; ἀλλ' ὡς εὐσπλαγχνός μοι δός, παραπτωμάτων ἄφεσιν.	какъ плачь начноу моего злаго житиѧ дѣлз кое начело покажоу хе сего рзиданиѧ нь ѧко млсрдъ слъзи ми даждъ каѧзнь	отъкъдъс начнѧ плакатиса страстнго житиѧ дѣлз кое начало покажоу хсе сего рзиданиѧ нѧ ѧко млсрдъ слеззи ми даждъ оумилениѧ	Ѡкѧѧ начнѧ плакатиса страстьнаго ми житиѧ дѣли кое ли начало покажѧ хе сего рѣданиѧ нѧ ѧко млсрдъ даждъ ми слъзи оумилениѧ
3	Ἐπαξίος τῆς Ἐδέμ προεξερόριφη, ὡς μὴ φυλάξας μίαν σου, Σῶτερ, ἐντολήν, ὁ Ἀδάμ, ἐγὼ δὲ τί πάθω, ἀθετῶν διὰ παντός τὰ ζωηρά σου λόγια;	въ истинѧ изъ раѧ прѣжде извержесе не сохранивъ ниедине ти заповѣди адамъ да чьто сътворю азъ присно вбиде хе словеса ти жизньнаѧ	достоинно изъ раѧ преже изгнанъ бъистъ ѧко не храни единѧ ти спсе заповѣдь адама азъ же что створѧ Ѡмѣтаѧ присно животна твоѧ словеса	достоинно изъ едема изгнанъ въ ѧко не схранивъ ни едина заповѣдь твоѧ адамъ спсе азъ же что сотворѧ Ѡмѣца всегда животна твоѧ словеса
10	Τὸν πηλὸν, ὁ κεραμεὺς, ζωοπλαστήσας, ἐνέθηκάς μοι σάρκα καὶ ὀστᾶ καὶ πνοήν καὶ ζωήν. Ἀλλ' , ὦ Ποιητά μου, καὶ Λυτρωτά μου, καὶ γνωστὰ, μετανοοῦντα δέξαι με	создавзи ми тѣло аки гъньчаръ бръниемъ и дхъ въложи въ плть и въ кости животънзими избавителю свдни кающасе прими ме	каломъ ѧко сквдѣлникъ сздавъ ма вложи в ма плоть и кости и дхъ и животъ но творце мои избавителю мои свдни каѧщеса прими ма	брение творецъ живосздавъ вложи в ми плоть кости дхание жижнзи нѧ творче мои избавителю свди каѧщаса прими ма

14	Ὁ λησταῖς περιπεσὼν ἐγὼ ὑπάρχω, τοῖς λογοσμοῖς μου. Ὅλος ὑπ' αὐτῶν τετραυμάτισμαι νῦν ἐπλήσθην μωλώπων. Ἀλλ' οὗτός μοι ἐπιστάς με οἴκτειρον.	ВЪ ОУБИИЦЕ АЗЪ ВЪПАЛЪ ЕСМЪ ПОМЪСАЛНЪ ЗАЗВЕНЪ ВЪСЪ ТЪМЪ ЕСМЪ СТРЪПЪ ПОСЪЛААНЪ И САМЪ МЕ ПРИШЪДЪ ХЕ ИЦЕЛИ И СПСИ МЕ	В РАЗБОИНИКЪИ ВЪПАДЪ АЗЪ ЕСМЪ ПОМЪСАЛЪИ НОСИМИ ВСЪ Ѡ НИХЪ УЗВИХСА НЪИНЪ ИСПЛЪНЪИХЪСА РАНЪ НО САМЪ МА ПРОШЕДЪ ХЕ СПСЕ ИЦЪЛИ МА	В РАЗБОИНИКЪИ (ВЪПАДЪ) АЗЪ ЕСМЪ ПОМИСЛИ СВОИМИ ВСЪ Ѡ НЪИХЪ ОУАЗВЕНЪ ННЪ ИСПЛЪНЪИХЪСА РАНЪИ НЪ ТЪИ САМЪ ХЕ ВЧИСТИ МА И ПОМЛОУИ МА
21	Τὴν οὐσίαν σου, ψυχὴν, καταναλώσας ταῖς ἀσωτίας, ἔρημος ὑπάρχεις καρπῶν εὐσεβῶν λιμώττουσα κράζον. Ὡ Πατὲρ τῶν οἰκτιρῶν προφθάσας, σύ με οἴκτειρον.	БГАТЬСТВО ТИ ХЕ ИЖИДХЪ ЗЛЪ ВЪ БЛЮЖДЕНИ И ПРАЗДЪНЪ ЕСМЪ ПЛОДА БЛГА ТЪМ ТИ ВПИЮ ЩЕДРОТАМЪ УЧЕ ВАРИВЪ МЕ ПОМЪИ	БАТЬСТВО ТИ ХЕ ИЗНЪРИХЪ ВЪ БЛЪЖЕНИИ ПЪСТЪ БЪИХЪ ПЛОДЪ БЛГЪИ ХВИ ГЛАДЕНЪ ЗОВЪ УЧЕ ЦЕДРОТАМЪ ВАРИВЪ ТЪИ МА ЩЕДРИ	БАТСТВО СПСЕ ИЗНОУРИВЪ БЛЪДНО И ПЪСТЪ ЕСМЪ ПЛОДЪВЪ БЛГОЧСТВЪИХЪ И ГЛАДЕМЪ ИСТАИМЪ ЗОВЪ ТЪИ УЧЕ ЦЕДРОТЬ ВАРИВЪ НЪ ТЪИ МА ОУЩЕДРИ СПСЕ

Анализ данных разночтений между редакциями в каждом случае показывает, что они могли появиться лишь при проведении систематического исправления текста по греческому оригиналу. Итак, редакция А, по крайней мере, дважды систематически редактировалась книжниками. При этом были изменены не только порядок тропарей, – вероятно, при каждой справе они приводились в соответствие с имевшимся на руках у справщика греческим списком – но и их тексты.

Сравнение трех редакций с греческим оригиналом показывает, что перевод *Серб.* неточен и во многих местах непонятен, тогда как Гимовская и Хлудовская редакции в большинстве случаев передает оригинал дословно и более удачно, хотя и здесь присутствуют очевидные ошибки. Впрочем, часть из них вполне могла появиться уже на славянской почве в процессе переписки памятника.

Сопоставление текстовых разночтений между редакциями на материале первой песни показывает, что первая песнь канона подверглась существенным

исправлениям в Гимовской редакции – исправлениям настолько кардинальным, что они позволяют даже говорить об особом переводе. С другой стороны, число разночтений между Гимовской и Хлудовской редакциями относительно невелико. Однако ситуация принципиально меняется при рассмотрении последующих песней канона. Как видно из приведенных ниже (см. таблицу 3.10) произвольно выбранных тропарей из второй и третьей песен, Гимовская редакция теперь в целом следует за редакцией А, число внесенных справщиком изменений относительно невелико. По всей видимости, речь идет о так называемой «угасающей справе» - распространенном в церковнославянском книжности явлении, при котором количество вносимых справщиком в текст исправлений постепенно уменьшается к концу текста. Напротив, в Хлудовской редакции справа проводится последовательно от начала до конца текста. Таким образом, число разночтений между Гимовской и Хлудовской редакциями увеличивается со второй по девятую песнь.

Таблица 3.10. Сопоставление выборочных тропарей второй и третьих песен редакции А, Гимовской и Хлудовской редакций по трём показательным спискам

Песнь №	Греч. оригинал	Редакция А (Серб.)	Гимовская редакция (F.I.608)	Хлудовская редакция (Пловд.)
2: 1: 5	Δάκρυα, ὡς ἢ Πόρνη Οἰκτίμον, προβάλλομαί σοι Χριστέ· Ἰλάσθητί μοι Σωτήρ, τῇ εὐσπλαγχνίᾳ σου.	плаканиѣ аки ¹⁰ бл҃дѣница щедрее н азъ прѣдлагаю ѿцѣсти ме спсе млсрднемъ си	плаканиѣ ѿко бл҃дѣница щедре азъ прѣдлаѣ ѿчисти ма спсе млсрднемъ си	слѣзѣ ѿко бл҃дѣници прими щедре и азъ прѣдлаѣ ти ѿцѣсти ме спсе бл҃госрдие мои и спси ма
2: 1: 8	Ἐνδέδυμαι, διερόηγμένον χιτῶνα, ὃν ἐξυφάνατό μοί, ὁ ὄφις τῇ	одѣхъсе въ ст҃сдѣнсю ризѣ юже истѣка ми змина свѣтомъзи и	ѿдѣхъ са в ст҃сдѣнсю ризѣ ѣже истѣка ми змина свѣтъ и сраменъ бѣхъ	ѿблѣкохъ са в рѣздранѣ ризѣ ѣже изѣтка ми змиѣ и (познахъ са ѿмомъ и

¹⁰ Особо отметим, что даже в ранних редакциях не отмечен вариант ѡбодѣница [Панин, 2011, с. 88].

	συμβουλῆ, καὶ καταισχύνομαι.	срамынь взиχъ		ῥτϥδου лежѣ нагъ и) ¹¹ стиждѣ са
2: 2: 7	Πήρον ἐσοφίσω οἰκοδομησαί, ὧ ψυχῆ, καὶ ὀχύρωμα πῆξαι ταῖς σαῖς ἐπιθυμίαις, εἰ μὴ συνέχεεν ὁ Κτίστης τὰς βουλάς σου, καὶ κατέαξεν εἰς γῆν τὰ μηχανήματῆ σου.	снъ (стлзпъ Shaf.) оумзисли създати ѡ дше и тврѣдо водроужити ти своимъ помзисломъ аще не би съмѣрилъ творьць мзислити и расзилалъ до земле оухищрениа твоа	стлзпъ оумзисли създати дше и тврѣдо водроужити своими помзислении аще не взи съмѣсилъ творьць мзислити и низложилъ на земла оутрениа	стлъпъ оумѣдрила еси създати (и оутврждение вѣдрѣжити Орбел.) своими похотми аще не би творецъ сдержалъ свѣт твои низвергль на землѣ схищрениа твоа
3:2:10	Τὸν Ἰσμαὴλ ἦκουσας, νῆφε ψυχῆ μου ἐκδιωχθέντα, ὡς παιδίσκης ἀποκύημα· βλέπε μήπως, ὁμοίον τι πάθης λαγνεύουσα.	измаила слъша тзи ѡгнана дше грѣшнаа аки рабзинино ѡ плодно блюди да и тзи такожде постраждеши лѣнешись	измаила слъша тзи ѡгнана ни ѣвидаще ѡкаганиа дше моа тако рабзинино плодие блюди да како такоже приимеши лѣнащаса	измаилѣ ѡкана видащи изгнана дше моа тако рабзино рождение блюди да нѣ како подбно томъ постраждеши падение присно

Отметим также, что дополнительные аргументы в пользу архаичного происхождения списка Серб. в сравнении с другими редакциями мы можем найти, анализируя разночтения редакций и, прежде всего, лексические варианты [Панин, 1995, с. 153]. В таблице ниже приведены лексические варианты, совпадающие с вариантами, выявленными Т. Славовой при сопоставлении ранних редакций Евангелия [Славова, 1989, с. 25, 45, 53, 55, 57, 70]. Сравнив наши данные с результатами, полученными исследовательницей, приходим к выводу, что в большинстве случаев (за исключением варианта

¹¹ Вставка – ошибка переписчика – из последующего тропаря 9.

стькльница/ алавастръ) именно в текстах *Серб.* содержатся более древние (относящиеся к периоду до Преславской справы) лексические варианты.

Таблица 3.11. Лексические варианты списков *Серб.* и *Орбел.*, совпадающие с данными Т. Славовой

Номер песни, начальное слово тропаря	Греческое слово	Серб.	Орбел.
2. Κατέχωσα / погребехъ	δραχμή	мѣра	драгъма
3. Πηγὴν/ источникъ	ζωή	жизнь	животъ
3. Τὸν Ἰσαὰκ/ исаака	θυσία	трѣба	жрътва
3. Τὸν Ἱερέα / священника	ἱερέυς	святитель	иерѣи
8. Τὸ τῶν δακρῶν / слъзы же	ἀλάβαστρον	алавастръ	стькльница
9. Χριστὸς / хс воплотися	πόρνη	любодѣица	блѣдница

Доказав более раннее происхождение редакции *Серб.*, мы можем предположить, что она восходит к первому переводу канона на церковнославянский язык, тогда как другие редакции появились в результате позднейшей правки данного перевода по греческому оригиналу.

1.3.5. Великий канон по списку Шафариковской триоди

Шафариковская триодь, согласно считаемая всеми исследователями памятником, запечатлевшим наиболее архаичные традиции церковнославянской книжности, и объединяемая и Г. Поповым, и М. Моминой в одну группу с Сербской триодью, в тексте Великого канона, однако, имеет ряд серьезных отличий от последней. Данные отличия касаются только одного фрагмента текста – его первой песни. Песни 2 – 9 *Шафар.*, как можно легко убедиться на основе сопоставления последовательности тропарей (см. таблицы 3.2 – 3.4), объединяются в одну традицию с *Серб.* Дополнительное подтверждение этому факту можно найти, сопоставив ряд рассмотренных ранее тропарей двух списков.

Таблица 3.12. Сопоставление произвольно выбранных тропарей второй песни Великого канона по спискам *Серб.* и *Шафар.*

Песнь: тропарь	Серб.	Шафар.
5: 1	плаканина аки блвдъница <u>щедрее</u> и азъ прѣдлагаю <u>щѣсти</u> ме спсе млсрдиемъ си	плаканина <u>яко</u> блвдъница <u>щедре</u> азъ прѣдлажъ <u>вчисти</u> ма спсе млсрдиемъ си
8: 1	одѣхъсе въ ствдънню ризъ юже истыка ми змина свѣтомъзи и срамьнь взихъ	одѣхъса въ стовдннѡ ризѡ юже истыка ми змина свѣтомъзи си и срамьнь взихъ
7: 2	снъ оумзисли създати въ дше и тврдо водроузити ти своимъ помзисломъ аще не би съмѣриль творьць мзислити и расылалъ до земе оухищренина твоя	стлзпъ оумзисли създати си дше и тврдо вдржзити своимъ помзисломъ аще не съмѣриль творьць мзислзти и расылалъ до зема оухищренина твоего

Однако сравнительный анализ порядка тропарей (см. таблицу 3.1.) показывает, что первая песнь *Шафар.* заимствуется из другого источника. При этом сопоставление и порядка тропарей этой песни, и их текстов показывает поразительное сходство текста с текстами русской (Гимовской) традиции – сходство, еще более замечательное, что оно находится в явном противоречии со всеми существующими классификациями триодей. В целях экономии места ограничимся здесь сопоставлением лишь двух тропарей (3 и 10) первой песни (таблица 3. 13), однако точно такую же картину мы найдем и во всех остальных ее тропарях.

Таблица 3.13. Сопоставление выборочных тропарей первой песни Гимовской редакции (по показательному списку *F.I. 680*), Серб. и Шафар. (разночтения подчеркнуты)

Серб.	Ф.І. 680	Шафар.
въ истинѣ изъ рая прѣжде извержесе не сохранивъ ниедине ти заповѣди адамъ да что сътворю азъ присно ввиде хе слова ти жизньнаѣ	достоинно изъ рая преже изгнанъ взиеть <u>яко</u> не храни <u>единна</u> ти спсе заповѣдь <u>адама</u> азъ же что створжъ <u>ѡмѣтаѣ</u> присно животна твоя слова	достоинно прѣжде изъ рая изгнанъ взиеть <u>якоже</u> <u>съхранъ</u> ни <u>едине</u> ти спсе заповѣдь <u>адама</u> азъ же что створжъ <u>ѡмѣтаѣ</u> присноживотнаѣ твоя слова
сздавзи ми тѣло аки гньчарь брннемъ и дхъ вложи въ плть и въ кости животъными избавителю сѣдни кающесе прими ме	каломъ <u>яко</u> сксдѣлникъ сздавъ ма <u>вложи</u> въ ма плоть и кости и <u>дхъ</u> и животъ но творце мои избавителю мои сѣдни кажщеса прими ма	каломъ <u>яко</u> сксдѣлникъ сздавъ <u>вложи</u> въ ма <u>плоть</u> и кости <u>дхъ</u> <u>животенъ</u> творче мои <u>избавителю</u> мои сѣдина <u>кажщеса</u> прими ма

Итак, вариант текста Великого канона списка Шафар. представляет собой компиляцию, построенную на основе механического совмещения фрагментов двух славянских источников: первой песни Гимовской редакции и остальных песней редакции А. О причинах, заставивших писца-редактора составить свой текст таким образом, мы можем только догадываться. Отметим, однако, что перед нами чрезвычайно важное свидетельство существования Гимовской редакции на южнославянской территории в начальные периоды славянской письменности. Таким образом, можно исключить возможность появления данной редакции на восточнославянской почве – гипотезы, неоднократно высказываемой в славистике [Кириллин, 1998, с. 84 – 85].

1.3.6. Фрагмент Великого канона триоди Моисея Киянина

Небольшие размеры сохранившегося фрагмента из триоди Моисея Киянина заставляет нас быть чрезвычайно осторожными в любых выводах относительно принадлежности данного списка определенной славянской традиции. С уверенностью можно утверждать лишь, что на данном участке текста триодь Моисея Киянина совпадает с редакцией А. К данному выводу можно прийти как на основе проведенного выше (см. пункт 2 данной главы) анализа порядка тропарей, а также трех дополнительных, не идентифицированных в греческом оригинале тропарей в конце гимна, так и на основе сопоставления текстовых разночтений между списками *Серб.* и *Шафар.* с *Киян.*, приведенных в таблице 3. 14. Анализ разночтений (см. таблицу 3. 14) показывает, что списки происходят от одного протографа, однако в процессе последующей рукописной истории подверглись значительной контаминации. Разночтения не позволяют сгруппировать списки в пределах редакции и свидетельствуют об их равной удаленности друг от друга, и, вероятно, и от протографа, что представляется логичным в условиях бытования древнейшей редакции в трех различных ареалах: болгарском, сербском и русском.

Таблица 3.14. Наиболее значительные разночтения между списками *Серб., Шафар.* и *Киян.* в пределах сохранившегося в *Киян.* фрагмента Великого канона (тропари 11 - 25 песни 9)

№ тропаря	Греч. оригинал	Серб.	Шафар.	Киян.
11	οὐς αὐτὴ οὐκ ἐμιμήσω	иχъ же тѣи не подражаеши	иχъ же тѣи не си подражала	иχъ же подражаеши
12	ἀμίαντος	нескврѣньно	нескврѣньно	непорочѣно
12	δεικνύων	каже	сѣтвори	каже
13	τὴν κλίνην ἄραντα καὶ νεανίσκον θανόντα ἐξήγειρε	от.	и ѡдръ вѣззати повелѣ ню ношѣ вѣскрѣси оумерша	одръ вѣззеша и оуношѣ же оумрѣша вѣскрѣси
14	κρασπέδου	подольцѣ	вѣскрили	подолицѣ
14	κωφούς τε καὶ ἀλάλους καὶ τὴν συγκύπτουσαν χαμαὶ	и прѣклонъшеесе дологъ	глоухѣѣ и нѣмѣѣ грѣбавѣѣ и с лѣкавѣѣ исправлѣѣ	глоухѣѣ и нѣмѣѣ и прѣклонѣѣ дологъ
15	τελώνας	мѣзѣники	мѣитарими	мѣитари
16	ρητά	рѣчи	рѣчи	дарѣи
17	ὁ Σίμων	симонъ	петръ	симонъ
17	ἀφιέναι	оставляющаго	ѡпоуцати	оставлати
18	ἐζήλωσας	подражала	оуподоби са	подражала
19	ἕως Αἶδου	до ада	вѣдастѣ	до ада
20	μὴ χειρῶν	не боуди	не боуди	побоуди
20	ἀναβόησον	вѣскричи	вѣскричи	вѣзѣпи
21	ἐλέησον	млогъи	млогъи	помилогъи
21	ἔση	еси	вѣдѣши	еси
22	κατηγόρει	ѡгласи	ѡгласи	гласи
22	συνεκρέμαντο	повисѣста	повисѣста са	распата
23	συνείχετο	се колѣбаше	крѣнаше са	са крѣнаше
23	ὄρη καὶ πέτραι	горѣи и хлѣмѣи и камене	горѣи и камене	горѣи и камене
23	ἐν ἡμέρᾳ	дѣнию	дѣнию	дланию
23	προσηλωμένο ν σαρκί	пригвождѣна на крѣтъ	на крѣстѣ распинаема	пригвождѣна на крѣстѣ
24	ἀεὶ	вѣиноу	вѣиноу	присно
25	κρίναι	соудиѣти	соудиѣти	си соудитѣ
25	ὄμματι	оузоромѣ	вѣзоромѣ	вѣзоромѣ
25	ἰδῶν	призрѣвѣ	призрѣвѣ	оузрѣвѣ
25	φύσιν	вещи	твари	вещи

1.3.7. Великий канон в Битольской и Загребской триодях

С учетом вышеизложенного анализа основных редакций церковнославянского перевода Великого покаянного канона, рассмотрим теперь еще два списка, в которых текст канона дошел до нас не в полном виде: *Загреб.*, где сохранилась большая часть текста (отсутствует только конец первой песни и примерно две трети второй) и *Битол.*, где до нас дошли листы только с самым концом шестой песни, седьмой песнью полностью и началом восьмой. Начнем с анализа первой песни *Загреб.*, поскольку, как мы уже убедились выше на материале других ранних списков, эта песнь в славянской письменности имела свою собственную традицию, нередко отличную от всего остального текста. Сопоставление порядка тропарей, приведенное в таблице 3.1., показывает, что в этой песни списки группируются несколько иным, в отличие от всего остального текста, образом. Так, в сохранившейся части первой песни списка *Загреб.* очевидно отсутствующее в других участках текста сходство со списками Гимовской группы и *Шафар.* (см. таблицу 3. 1.).

Вышеотмеченное сходство *Загреб.* с *Шафар.* и списками Гимовской редакции легко может быть подтверждено на основе сопоставления текстов тропарей. Сравнивая тексты произвольно выбранных тропарей первой песни, представленных в таблице 3.15., легко убедиться в том, что они относятся к единой текстовой традиции.

Таблица 3.15. Сопоставление произвольно выбранных тропарей первой песни Гимовской редакции (по показательному списку *F.I.680*), *Шафар.* и *Загреб.* (разночтения подчеркнуты)

F.I.680	Шафар.	Загреб.
Достоинно из рана преже изгнанъ бзистъ яко не <u>хран</u> единая ти спсе <u>заповѣдь</u> адама азъ же что створѣ ѡмѣтаѣ <u>присно животна</u> твоѣа словеса	Достоинно прѣжде из рана изгнанъ бзистъ якоже <u>съхранъ</u> ни едине ти спсе <u>заповѣдь</u> адама азъ же что створѣ ѡмѣтаѣ <u>присноживотнаа</u> твоа словеса	Достоинно из рана изгнанъ бзистъ яко не <u>схрани</u> ни едина <u>заповѣдь</u> адама азъ же что створа ѡмѣтаѣ <u>присножизньна</u> словеса твоѣ

кеце сгрѣшихъ спсе но видѣвъз ѿко млсрдѣ еси прѣтиши милостивно и млсрдѣши теплѣ плачюща видѣша и противъ течеша <u>обращаѣа</u> бл҃днаго	аще и сгрѣшилъ спсе нѣ вѣдѣ ѿко <u>млостивъ</u> еси прѣтиши млостивно и млосрдѣоуеши теплѣ плачѣща <u>видиши</u> и противѣ течеша <u>вбращаѣ</u> бл҃днаго	аще и сгрѣшихъ спсе нѣ вѣда ѿко <u>млостивъ</u> еси прѣтиши млостивно и млосрдѣоуеши теплѣ плачѣща <u>вида</u> и противѣ течеша <u>ѡбращаеши</u> бл҃днаго
--	---	---

Итак, первая песнь канона Загреб. так же, как и в Шафар., заимствуется из Гимовской редакции.

Однако начиная со второй песни (точнее, с сохранившегося фрагмента ее конца), Загребская триодь существенно отличается от других известных нам версий текста и по порядку следования тропарей (см. таблицы 3.2. – 3.4.), и по их текстам. В таблице 3.16 приведен для сравнения текст тропаря 20 из сохранившегося фрагмента первой части второй песни с наиболее значительными расхождениями между списками. Отметим, что именно вариант *Загреб.* в данном тропаре имеет больше всего различий с другими списками, несомненно, восходящих к различным редакциям, и, судя по особенностям его языка и переводческой техники, является наиболее архаичным.

Таблица 3.16. Сопоставление текста тропаря 20 первой части второй песни Великого канона списка *Загреб.* с показательными списками основных славянских редакций

Греческий оригинал	<i>Загреб.</i>	Гимовская редакция (F. I. 680)	Редакция А (<i>Шафар.</i>)	Хлудовская редакция (<i>Орбел.</i>)
Μορφώσας μου τὴν τῶν παθῶν ἀμορφίαν, ταῖς φιληδόνοις ὄρμαῖς ἐλυμνήαμην τοῦ νοῦ τὴν ὠραιότητα	добротами страстнаго та недобра вѣс похотми писана и погибает ми оумь красень	оукраси страснѣимъ нелепиемъ страстолюбнѣи ми красотами и поѣши оумнѣѣ красотѣ	вѣвбразивъ страстѣнѣимъ нелепиемъ сластолюбивѣими красотами изискахъ си оумѣ красотѣнѣи видѣ	оукрасивъ стрѣтнюю вѣзѣвбразие сластолюбѣнѣи ми стрѣмлени и погѣвихъ оумѣѣ красотѣ

Особенно интересны сопоставительные данные для седьмой песни канона, поскольку в данной части текста сохранились свидетельства

Битольской триоды (*Битол.*) – несомненно, архаичного источника, списанного с глаголического протографа, о чем свидетельствует глаголическая текстовая вставка в конце одного из тропарей этой песни. Несмотря на существенные различия в порядке следования тропарей, а также на уникальные для всей славянской традиции разночтения, Загребская триодь сближается с Битольской ошибочным окончанием тропаря 14, совпадающим с концом тропаря 15 греческого оригинала (см. таблицу 3.3.). Это объединение, характерное и для некоторых других списков, могло произойти как при переводе текста, так и на этапе его последующего переписывания.

Однако на этом сходство заканчивается. Сопоставив лексические разночтения песни 7 (см. таблицу 3.17) в рассматриваемых списках, приходим к выводу, что текст *Загреб.* восходит к иной – в сравнении с *Битол.* – редакции. Интересно в данной связи, что эта редакция не отразилась на других славянских традициях, которые в большей или меньшей степени следуют за вариантом из *Битол.* Так, очевидно явное сходство – в сравнении с *Загреб.* – разночтений *Битол.* со списками всех остальных редакций. Отметим также, что несомненно в основе уникальной редакции *Загреб.* лежит исправление текста по греческому оригиналу. Характерен вариант *страхъ* на месте, соответствующем греческому *φόνος* (убийство), очевидно, восходящий к ошибке переводчика или переписчика греческого текста (*φόνος* – *φόβος* (страх)). Несомненно, к ошибке греческого оригинала или переводчика восходит и вариант из тропаря 6 *ἀνεστήλωσε* – *отвръжєся*, вероятно, спутанный с глаголом с приставкой *ἀπο-* (например, *ἀπορρίπτω* или *ἀποσείω*).

Таблица 3.17. Лексические разночтения тропарей седьмой песни канона, сохранившихся в *Битол.*, по основным церковнославянским редакциям и спискам

Номер тропаря, начальное слова	Греческий оригинал	Загреб.	Гимовская редакция (F.I.680)	Редакция А (Шафар.)	Битол.	Хлудовская редакция (Орбел.)
4. (Δαυῖδ ποτε ὁ πατρόθεος)	τῆς μοιχείας	прѣлюбодѣаниѣ	дѣиствомъ	люבודѣиства	люבודѣиства	люבודѣианіе
	δόρατι	мечемъ	копиемъ	копиемъ	копиемъ	
5. (Συνῆψε μὲν ὁ Δαυῖδ)	φόνω	страхомъ	оубииствомъ	оубииствомъ	оубииствомъ	оубииства
6. (Δαυῖδ ποτε)	ἀνεστήλωσε	ѡврѣжес	взѡврази	стѣльпъ постави	стѣльпъ бзи поста	стѣльпъ постави
	συγγραψάμενος	совокупивъ	написавъ	написавъ	написавъ	писавъ
10. (Ὁ Σολομῶν ὁ)	θαυμάσιος	дивни	прѣчюудни	прѣчюуднизи	прѣчюуднизи	прѣчюудниъ
11. (Ταῖς ἡδοναῖς)	Ταῖς ἡδοναῖς	похотми	сладтми	страстьми	страстми	сладтми
	ἐξελεκτόμενος	влѣкомъ	прѣдолѣвалъ	прѣдолѣваю	прѣделѣваю	влекомъ
	οἶμοι	ω горе	лютѣ	лютѣ	оухъ	оувзи
	ὁ ἐραστής	оугодникъ	любовникъ	любовникъ	оугодникъ	
20. (Ἐξέλιπον αἱ ἡμέραι μου)	Ἐξέλιπον	ωскоудѣш -	ищезоше		изъчезошю	

Значительные текстовые расхождения между *Загреб.*, с одной стороны, и всеми остальными как южнославянскими, так и восточнославянскими списками, с другой, не позволяют в настоящий момент с уверенностью определить хронологическую последовательность появления данных редакций. Однако нельзя исключать, что, как и в случае с первым икосом Акафиста

Богоматери, перед нами наиболее архаичный, восходящий к древнейшему переводу, вариант славянского текста, замененный во всех остальных списках на более поздний.

С другой стороны, список Битол., несомненно, восходящий к глаголической традиции текста, вероятно, сохранил для нас в древнейшем виде редакцию А. На это указывает и практически идентичный порядок тропарей (см. таблицу 2.3.), и сходство лексических вариантов. Однако присутствуют и различия, исключающие существование закрытой традиции (см. таблицу 3.17). К сожалению, небольшой объем сохранившегося фрагмента канона в *Битол.* не позволяет нам сделать на данном этапе более конкретные выводы об отношении между этими традициями. Несомненно можно лишь утверждать, что редакция А восходит к глаголической славянской книжности.

1.3.8. Компиляционный тип текста Великого канона по сербским спискам *НБС 644* и *НБС 645*

Рассмотрим теперь два сербских списка *НБС 644* и *НБС 645*. Сопоставление порядка тропарей (см. таблицы 3.1. – 3.4.) показывает, что на всем протяжении текста данные списки более всего сходны со списками редакции А. Подтвердим это положение, сопоставив тексты рассмотренных выше тропарей первой песни *Шафар.* (заимствование из Гимовской редакции, см. выше) с сербскими списками *Серб.* и *НБС 644 – НБС 645*. (см. таблицу 3.18).

Таблица 3.18. Сопоставление произвольно выбранных тропарей (тропарей 6 и 12) первой песни *Шафар.*, *Серб.* и *НБС 644 – НБС 645*

Греч. оригинал	Ἐπαξίως τῆς Ἐδὲμ προεξεροίφη ὡς μὴ φυλάξας μίαν σου, σωτήρ, ἐντολήν ὁ Ἀδάμ· ἐγὼ δὲ τί πάθω ἀθετῶν διὰ παντὸς τὰ ζωηρά σου λόγια
Шафар.	достоино прѣжде изъ раѣа изгнанъ бзистъ такоже съхранъ ни едиине ти спсе заповѣдь адама азъ же что створѣ ѿмѣтаѣа присноживотнаа твоа словеса
Серб.	въ истиноу изъ раѣа прѣжде извержесе не съхранивъ ни едиине ти заповѣди адама да чьто сътворию азъ присно ѿбиде хе словеса ти

	ЖИЗНЬНАГА
НБС 644	Достоинно прѣжде изъ раѣа изгнанъ бзистъ не съхранивъ заповѣди твои единое адамъ да чьто сътворию азъ присно Ѡмѣтае хе словеса ти жизньнага
НБС 645	Достоинно прѣжде изъ раѣа изгнанъ бзистъ не съхранивъ заповѣдь твою единое адамъ да чьто створию азъ присно Ѡмѣтае хе словеса ти жизньнага
Греч. оригинал	Εἰ καὶ ἡμαρτον, σωτήρ, ἀλλ' οἶδα ὅτι φιλόανθρωπος εἶ· πλήττεις συμπαθῶς καὶ σπλαγχνίζῃ θεομῶς· δακρύνοντα βλέπεις καὶ προστρέχεις, ὡς πατήρ, ἀνακαλῶν τὸν ἄσωτον
Шафар.	аще и сгрѣшилъ спсе нѣ вѣдѣ яко млостивъ еси прѣтиши млостивно и млосрьдоуеши теплѣ плачуща видиши и противѣ течеши вбращаѣ блѣднаго
Серб.	сгрѣшихъ спсе нь вѣд, твое млсрдие и скороую млсть члвѣколюбивѣ плачуща видиши противоу течеши вбращае на спсение
НБС 644	сгрѣшихъ спсе нь вѣде твое млсрдие и скороую млсть члвѣколюбива плачуща ме видиши и скоро течеши вбращаеи на спсение
НБС 645	сгрѣшихъ спсе нь вѣд, твое млсрдие и скороую млсть члвѣколюбива плачуща ме видиши и скоро течеши вбращаеи на спсение

Анализ таблицы показывает, во-первых, очевидное сходство между собой вариантов текста двух сербских триодей *НБС 644* и *НБС 645* и, во-вторых, компилятивный характер типа текста, представленного в этих двух триодях, составленного на основе *Серб.*, однако, с рядом вариантов, заимствованных из *Шафар.* или триодей Гимовского типа. Более подробно о том, как происходила данная компиляция, мы можем посмотреть на примере другого произвольно взятого тропаря первой песни, сопоставив между собой существовавшие в славянской традиции того времени варианты текста (таблица 3. 19).

Таблица 3.19. Сопоставление текстов тропаря 10 первой песни редакции А, Гимовской и Хлудовской редакций с сербскими списками *НБС 644* - *НБС 645*.

Греческий оригинал	Редакция А (Серб.)	Гимовская редакция (F.I.680)	Хлудовская редакция (Орбел.)	НБС 644 – НБС 645
Τὸν πηλὸν, ὁ κεραμεὺς, ζωοπλαστήσας, ἐνέθηκάς μοι σάρκα καὶ ὀστέα καὶ πνοήν καὶ ζωήν. Ἀλλ' , ὦ Ποιητά μου, καὶ Λυτρωτά μου, καὶ γνωστὰ, μετανοοῦντα δέξαι με	создавѣи ми тѣло аки гъньчарь бръниемь и дхъ вьложи вь плоть и вь кости животънзыми избавителю соудии кающасе прими ме	каломъ јако сквдѣлникъ сзздавъ ма вложи в ма плоть и кости и дхъ и животъ но творце мои избавителю мои сѣдии каѣщеса прими ма	брение творецъ живосъздавъ вложи ми плоть и кость и дхание и жизнь нѣ творче мои избавителю стзы сѣдзи каащаса прими ма	создавѣи ми тѣло јако скоудѣлникъ бръниемь дхъ вьложи вь кости и вь плоть и животъна ме ѣви избавителю соудии кающасе прими ме

На основе сопоставления текстов, представленных в таблице, легко убедиться, что компиляция сербских списков *НБС 644 – НБС 645* составлялась без обращения к греческому оригиналу канона. В тексте данного тропаря не заметно также влияние Хлудовской редакции. В целом, текст следует за вариантом *Серб.* (большинство различий между списками сводятся к ошибкам переписчиков), и лишь в одном случае вставляется вариант *скоудѣлникъ* (вместо *гъньчарь*) из Гимовской редакции. Однако случаи влияния Хлудовской редакции на *НБС 644 – НБС 645* также присутствуют, хоть их количество менее значительно. Приведем для примера текст первого тропаря (таблица 3.20).

Таблица 3.20. Сопоставление текстов тропаря 1 первой песни редакции А, Гимовской и Хлудовской редакций с сербскими списками *НБС 644 - НБС 645*.

Греческий оригинал	Редакция А (Серб.)	Гимовская редакция (F.I.680)	Хлудовская редакция (Орбел.)	НБС 644 – НБС 645
Πόθεν ἄρξομαι θρηνεῖν τὰς τοῦ ἀθλίου μου βίου πράξεις; ποίαν ἀπαρχὴν ἐπιθήσω, Χριστέ, τῇ νῦν θρηνωδία; ἀλλ' ὡς εὐσπλαγχνός μοι δὸς παραπτωμάτων ἄφρεσιν	какъ плачь начноу моего злаго житиѧ дѣлз кое ли начело покажоу хе сего рзиданиѧ нь тако млсрдь слъззи ми даждь каѧзнь	какъ плач начнѧ моего злого житиѧ дѣлз кое начало покажю хе сего рзиданиѧ нѧ такъ милосердз слъззи ми даждь каѧзнь	Ѡкѧдоу начнѧ плакати са страѧнаго ми житиѧ дѣлз кое ли начало покажѧ хе сего рзиданиѧ нѧ такъ милосѣрд, даждь ми слъззи оумилениѧ	отѧкоу доу начноу плакатице злаго житиѧ моего дѣлз кое начало покажоу хе сего рзиданиѧ нь такъ млсрдь подаждь ми слъззи оумилениѧ

Несомненно, что в данном случае перед нами компиляция варианта *Серб.* (редакции А) с Хлудовской редакцией (заимствованные из Хлудовской редакции варианты подчеркнуты). Для более развернутого статистического анализа происхождения различий списков *Серб.* и *НБС 644 – НБС 645* приведем в нижеследующей таблице 3. 21 основные лексические различия между списками первой песни в сопоставлении с Хлудовской и Гимовской редакциями.

Таблица 3.21. Различия первой песни Великого канона списков *Серб.* и *НБС 644 – НБС 645* в сопоставлении с вариантами Гимовской и Хлудовской редакций

Номер тропа	Греческий оригинал	Редакция А (Серб.)	Гимовская редакция	Хлудовская редакция	НБС 644 – НБС 645
1	Πόθεν ἄρξομαι θρηνεῖν	какъ плачь начноу	какъ плачь начноу	Ѡкѧдоу начноу плакатице	Ѡкѧдоу начноу плакатице
	μοι δὸς παραπτωμάτων ἄφρεσιν	слъззи ми даждь каѧзнь	слъззи ми даждь	даждь ми слъззи оумилениѧ	подаждь ми слъззи оумилениѧ (и покаѧниѧ)
3	τροφῆς	пище моихъ	пище моихъ	грехъ	пище

	διὰ τὰς ἁμαρτίας μου	грехъ дельна	ради греховъ	μοιχъ ради	лишень бъивъ моихъ ради грѣховъ
4	εἶδες γὰρ κακῶς καὶ ἐτρόθης πικρῶς	видѣ бо злѣ и оу҃гависе горене	видѣвъ бо зло и оу҃гависа горцѣ	видѣвъ бо злѣ и оу҃гависа горцѣ	видѣ бо исраиѣта и оу҃подовисе и горене
5	γευόμενος ἀεὶ τῆς πικρᾶς καταπόσεως	въкоушае присно питиѣ горькаѣ	въкоушае присно горкаѣ питиѣ	вксшала присногорка го питиѣ	въкоушаюци ѣѣ
6	Ἐπαξίως	въ истиноу	достоино	достоино	достоино
	ἀθετῶν	ѡбиде	ѡмѣтаѣ	ѡмѣца	ѡмѣтае
7	ζώσας τὴν σάρκα καὶ στρατεύσας κατ' αὐτῆς ταῖς πονηραῖς μου πράξεσι	воевавъ неизволением и ѡживлае плать моими злзими дѣлесзи	ѡживихъ плать и воевавши на на скврньними моими дѣлесзи	ѡживихъ плать и воевавши на на лѣкавнзим и моими дѣлеси	воевавъ неизволение мъ скврньними моими дѣлесзи инъ тзи ме спсе ѡживи
8	ἀνεπίλητον	бес порока	непорочна	непорочна	непорочна
10	Τὸν πηλὸν	бръниемъ	каломъ	брение	бръниемъ
	ὁ κεραμεὺς	гньчарь	скс,делнткъ	творецъ	скоуделникъ
	ζωπλαστήσας	создавзи ми тѣло	создавъ ми	живосъзда въ	създавъ ми тѣло
11	ἄς οἱ ἔνδον μαιφόνοι λογισμοὶ	еже въноу҃тръ оу҃бинице помзислми	еже внатръ оу҃биения помзислзи	аже вънѣтрнаѣ оу҃биствън -- помзислзи	еже ютро оу҃бинице оу҃бише помзислми
12	προστρέχεις	противоу течеши	противоу течеши	противоу течеши	скоро течеши
14	Ὁ λησταῖς	въ оу҃бинице	въ развоинникзи	въ развоинник зи	въ развоинникзи
15	προϊδῶν	дрѣвле	прѣже видѣвъ	прѣжде видѣвъ	прѣжде видѣвъ

20	τὰς ἐντολάς	ЗАВѢТЬ	ЗАПОВѢДИ	ЗАПОВѢДИ	ЗАПОВѢДИ
	παρεωσάμην	приѡвѣдѣхъ	Ѡриноуѣхъ	остаѡиѣхъ	Ѡриноуѣхъ
	ὅλον ἐμπαθῶς ἀμελῶν	стрѣтне лѣнесе	всѣстрѣтенъ небрѣга лѣнаса	Ѡнѣбно странно небрѣжение мь	всѣстрѣтнѣ лѣнесе
	Κὰν ἐν τῷ τέλει	но нѣ нзинѣ	по не наконецъ	по нѣ наконецъ	по нѣ наконецъ
21	καταναλώσας ταῖς ἀσωτίαις	иждѣхъ злѣ въ блюждѣни	изноуѣрихъ въ блоуждѣнии	изноуѣрихъ блѣдно	изноуѣрихъ въ блоуждѣнии
	ἔρημος	праздѣнь	поустъ	поустъ	поустъ
	λιμώττων δὲ κροῶζω	тѣм ти впию	гладѣн же зовоу	гладѣмъ истаемъ зовѣ	гладѣн же зовоу

Сопоставление показывает, что из 21 случая различий лишь 2 случая однозначно сводятся к влиянию Хлудовской редакции, причем оба находятся в приведенном выше первом тропаре. Напротив, влияние Гимовской редакции очевидно прослеживается в 14 случаях. 5 случаев различий могут быть объяснены как ошибки переписчиков. Еще раз подчеркнем, что трудность текста, а также неточности и языковые особенности первого славянского перевода способствовали появлению многочисленных ошибок при переписывании текста.

В целом, текст двух сербских списков *НБС 644* и *НБС 645* может быть охарактеризован как компиляция, созданная на основе редакции А с влиянием Гимовской и незначительным влиянием Хлудовской редакций. Компиляционный характер текста сохраняется на всем его протяжении, однако, в связи с меньшим количеством расхождений редакции А и Гимовской редакций на этом участке текста, о чем указывалось выше, проследить каждый конкретный случай компилирования становится более трудно.

Итак, сербская рукописная традиция сохранила уникальные свидетельства, касающиеся первых славянских переводов [Турилов, 1999а, с. 12 – 30]. В частности, первая песнь Великого канона в славянской редакции А

сохранилась исключительно в составе сербских списков: в чистом виде в списке *Серб.* и с незначительными вариантами Хлудовской и Гимовской редакций в списках *НБС 644* и *НБС 645*. Наличие влияний других редакций, однако, свидетельствует об их присутствии и на сербской территории. Взаимовлияние редакций, проявившееся в фактах вкрапления отдельных вариантов из сосуществовавших одновременно традиций без обращения к греческому оригиналу текста, и создало то многообразие чтений, которое характеризует раннюю церковнославянскую (прежде всего, южнославянскую) традицию.

1.3.9. Афонская редакция Великого покаянного канона Андрея Критского

Такова в общих чертах была ситуация с текстом Великого покаянного канона Андрея Критского в церковнославянской книжности вплоть до начала XIV века, когда в связи с переходом на Иерусалимский устав на Афоне монахом Великой Лавры старцем Иосифом была проведена систематическая справа славянских списков Триоди постной по греческому оригиналу, в результате чего появилась новая Афонская редакция, быстро распространившаяся сначала по Святой Горе, а затем и в Болгарии и Сербии, и сменившая ранние редакции. В число наиболее сложных для правки текстов при составлении этого нового «извода», несомненно, входил и Великий покаянный канон Андрея Критского. Отметим, что после Афонской sprawy впервые в церковнославянской письменности в соответствии с Иерусалимским уставом помимо своего традиционного места – в составе службы на утрене в четверг пятой недели Великого поста – текст Великого канона начинает помещаться и частями в первые четыре дня первой недели Великого поста [Момина, 1983b, с. 32.]. Оговоримся, что для дальнейшего анализа мы использовали только текст из последования пятой недели.

В данном исследовании мы рассмотрели Афонскую редакцию на материале 9 списков XIV – XV вв. различного происхождения: *Син. 23* –

Триоди постной из собрания Синайского монастыря (XIV век, болгарская), *Пант. 29* – Постной Триоди 1359 г. из собрания афонского Свято-Пантелеимонова монастыря [Тахиаос, 2012, с. 80–81; Турилов, Мошкова, 1999, с. 397–398; Ермолай, 2013, с. 36]¹², *НБКМ 1158* – сербской Триоди XV в. из собрания Национальной библиотеки свв. Кирилла и Мефодия в Софии, триодей из собрания Хиландарского монастыря: *Хил. 256* – сербской Триоди второй половины XIV в., *Хил. 259* – болгарской триоди середины XIV в. (отсутствуют листы, начиная с конца первой песни и до начала четвертой песни), *Хил. 255* – сербской триоди конца XIV в., *Хил. 261* – сербской триоди начала XV в., а также восточнославянских рукописей XV в.: *Пог.42*, *Q.I.1319*, *Q.I.99*, *РГБ 385*, *РГБ 386* и *РГБ 1196* (текст полностью, однако листы перепутаны). Практически полностью совпадающая последовательность тропарей и близость текста однозначно указывает на закрытость данной традиции, а немногочисленные разночтения сводятся к нескольким случаям пропусков тропарей и немногочисленным ошибкам славянских переписчиков. Так, в *Син.23*, *Q.I.99* и *РГБ 385* в песне 6 вместо лексемы *кладѣнца*, соответствующей греческому *τὰ φρούατα*, находим *младѣнца*. Близость написания церковнославянских слов однозначно указывает на ошибку славянского писца.

Рассмотрим, какая из рассмотренных выше ранних славянских редакций была взята за основу Афонской справки – иными словами, какой славянский текст из существовавших на тот момент правился афонскими монахами. И здесь сопоставление, с одной стороны, порядка следования тропарей, а с другой — их текстов, приводит к различным результатам. Если сравнить порядок тропарей ранних славянских версий и Афонской редакции, то нетрудно заметить — даже на примере показанной в таблице 3.22 первой песни — близость последнего с Гимовской редакцией.

¹² Выражаем искреннюю благодарность отцу Ермолаю (Чежия) – библиотекарю Свято-Пантелеймонова Афонского монастыря за копию рукописи.

Таблица 3. 22. Сопоставление порядка тропарей Афонской редакции с ранними славянскими редакциями

Редакция А	Гимовская редакция	Хлудовская редакция	Афонская редакция
1	1	1	1
2	2	2	2
11	3	3	3
3	5	4	5
4	6	5	6
6	7	6	7
7	8	8	8
8	9	7	9
9	10	9	10
10	4	14	4
12	11	10	11
20	12	11	12
13	20	12	20
21	13	15	13
14	21	20	21
15	14	13	14
22	15	21	15
16	22	18	16
17	18	16	18
18	23	22	22
19	19	17	17
		23	19
		19	

С другой стороны, если сравнить тексты тропарей, очевидно значительно большее сходство текста после Афонской справки с Хлудовской редакцией. В качестве примера приведем в таблице 3. 23 два тропаря из двух первых песен с наибольшими различиями между ранними редакциями.

Таблица 3.23. Сопоставление текста избранных тропарей первой и второй песней Великого канона ранних славянских и Афонской редакции

Греческий оригинал	Τὸν πηλὸν, ὁ κεραμεὺς, ζωπλαστήσας, ἐνέθηκάς μοι σάρκα καὶ ὀστέα καὶ πνοήν καὶ ζωήν. Ἀλλ' , ὦ Ποιητά μου, καὶ Λυτρωτά μου, καὶ γνωστὰ, μετανοοῦντα δέξαι με
Редакция А	создавши ми тѣло аки гънчарь бръниемь и дѣхъ вложи въ

	ПЛѢТЬ И ВЪ КОСТИ ЖИВОТЪНЫМИ ИЗБАВИТЕЛЮ СЪДЪДИ КАЮЩАСЕ ПРИМИ Мѐ
Гимовская редакция	КАЛОМЪ ІАКО СЪСДѢЛНИКЪ СЪЗДАВЪ МА ВЛОЖИ В МА ПЛОТЬ И КОСТИ И ДХЪ И ЖИВОТЪ ПО ТВОРЦЕ МОИ ИЗБАВИТЕЛЮ МОИ СЪДЪДИ КАЩАСА ПРИМИ МА
Хлудовская редакция	БРЕНИЕ ТВОРЕЦЪ ЖИВОСЪЗДАВЪ ВЛОЖИ МИ ПЛОТЬ И КОСТЬ И ДХАНІЕ И ЖИЗНЬ НѢ ТВОРЧЕ МОИ ИЗБАВИТЕЛ СЪДЪДИ СЪДЪДИ КАЩАСА ПРИМИ МА
Афонская редакция	БРЕНІЕ ЗИЖДИТЕЛЬ ЖИВОСЪЗДАВЪ ВЛОЖИЛЪ ЕСИ ПЛОТЬ И КОСТИ И ДХАНІЕ И ЖИЗНЬ НѢ ТВОРЧЕ МОИ ИЗБАВИТЕЛЮ МОИ СЪДЪДИ КАЩАСА ПРИМИ МА
Греческий оригинал	Μορφώσας μου τὴν τῶν παθῶν ἀμορφίαν, ταῖς φιληδόνοις ὀρμαῖς ἐλυμηνάμην τοῦ νοῦ τὴν ὠραιότητα
Редакция А	ВЪВБРАЗИВЪ СТРАСТЪНЫМИ НЕЛЕПИЕМЪ СЛАСТОЛЮБИВЪНЫМИ КРАСОТАМИ ИЗИСКАХЪ СИ ОУМѢ КРАСОТЪНЫ ВИДЪ
Гимовская редакция	ОУКРАСИ СТРАСНЪНЫМИ НЕЛЕПИЕМЪ СТРАСТОЛЮБИВЪНЫМИ КРАСОТАМИ И ПОЖШИ ОУМНѢ КРАСОТѢ
Хлудовская редакция	ОУКРАСИВЪ СТРТНОЕ БЕЗЪВБРАЗІЕ СЛАСТОЛЮБЕЖНЪНЫМИ СТЪМЛЕНИ И ПОГОУБИХЪ ОУМѢ КРАСОТѢ
Афонская редакция	ВЪВБРАЗИВЪ Мѐ СТРЕТНОЕ БЕЗЪВБРАЗІЕ СЛЮВОСЛАСТНЪНЫМИ СТРЕМЛЕНЬМИ ПОГОУБИХЪ ОУМѢ КРАСОТѢ

Вышеуказанное расхождение может иметь только одно логичное объяснение: правился славянский текст Хлудовской редакции, однако на основе греческого текста с порядком тропарей, близким к Гимовской. Соответственно, анализ Афонской редакции невозможен без хотя бы предварительного описания варианта греческого текста, на основе которого был исправлен славянский.

Решение данного вопроса на настоящий момент, как уже указывалось выше, осложняется низкой степенью разработанности текстологических проблем, связанных с рукописной историей греческого текста канона¹³. С другой стороны, в связи с такой низкой разработанностью возрастает роль славянского текста, в частности, Афонской редакции, как свидетеля греческой традиции, способного прояснить многие спорные вопросы византийской филологии. Итак, какие же предварительные выводы на данном этапе

¹³ Искренне благодарим профессора Ф. Деторакиса за ценные консультации по вопросам рукописной истории греческого оригинала Великого Канона.

исследования можно сделать о греческом списке, который держал перед собой правящий текст афонский монах? Прежде всего, список этот был достаточно поздний: в нем содержится полный, окончательно сформировавшийся вариант последования канона, включающий в себя все его гетерогенные составляющие: сам текст канона, кондак Романа Сладкопевца, тропари Марии Египетской (по 2 в конце каждой песни), а также тропари Андрею Критскому и блаженны, исполняемые после шестой песни канона. Такой состав последования встречается в греческих списках не ранее конца XII в. [Δετοράκης, 2001, с. 28–29]. Порядок тропарей, как мы уже указывали, в греческой традиции достаточно сильно варьировался от редакции к редакции. К настоящему моменту нам не удалось найти греческого списка с порядком тропарей, целиком повторяющим Афонскую редакцию; соответствия были обнаружены лишь на определенных участках текста. Два таких участка представлены в таблице 3.24: первая песнь, порядок тропарей которой практически повторяет порядок тропарей греческого текста, зафиксированный в издании так называемой Римской Триоди 1879 г. [Τριώδιον, 1879, с. 457–500], и песнь 7, в которой по данному параметру Афонская редакция ближе к греческому списку Sin. Gr. 754.

Таблица 3.24. Сопоставление порядка тропарей Афонской редакции с наиболее близкими им греческими списками (песни 1 и 7).

Песнь 1		Песнь 7	
Римская триодь	Афонская редакция	Sin. Gr. 754	Афонская редакция
1	1	1	1
2	2	2	2
3	3	3	3
4	5	4	4
5	6	5	5
6	7	7	6
7	8	6	7

8	9	8	8
9	10	9	9
10	4	10	10
11	11	11	11
12	12	12	12
20	20	16	16
13	13	13	13
21	21	15	15
14	14	17	17
15	15	18	18
16	16	19	19
22	18		
23	22		
17	17		
18	19		
19			

Особый интерес представляют два других свидетельства славянского текста Афонской редакции. Одно из них, касающееся замены местоположения в богослужении и состава алфавитных подобных стихир из последования Великого канона, будет подробно рассмотрено ниже в соответствующей главе.

Второй интересный момент касается не найденного пока в греческой традиции, уникального и для славянской и отмеченного лишь в Афонской редакции факта вставок в конце трех песен нескольких тропарей из Канона в неделю о Страшном суде Феодора Студита. Речь идет о двух тропарях в конце первой песни (гряди, приими дъше моя и оужасаеть ма и страшить огнь негасимъи), одном тропаре в конце шестой песни (возми твое, да не оуслъшоу) и двух тропарях в конце восьмой (всако дъухание егда призовеши и всѣхъ соудъи боже мои и господи). Отметим, что Канон на неделю о Страшном Суде создавался под влиянием Великого канона, близок ему и тематически, и мелодически — он

написан на те же ирмосы. Имеются и другие сходства: так, Феодор Студит дословно повторяет последний тропарь первой песни Великого канона Μη εισέλθης μετ' ἐμοῦ ἐν κρίσει (не вниди со мною в соудъ).

В таблице 3.25 сопоставлены повторяющиеся тропари канона Феодора Студита и Великого канона из песней 1 и 8 по списку *Пант. 29*. Наиболее значительные разночтения между текстами подчеркнуты.

Таблица 3.25. Сопоставление текстов тропарей Канона в неделю о Страшном Суде Феодора Студита, повторенных в первой и восьмой песнях Великого канона (по списку *Пант. 29*)

Греческий оригинал	В составе Канона в неделю о Страшном Суде Феодора Студита	В составе Великого покаянного канона Андрея Критского
Песнь 1		
Δεῦρο λάβε μοι ψυχή, αὐτήν τὴν ὥραν καὶ τὴν ἡμέραν, ὅτε ὁ Θεὸς ἐμφανῶς ἐπιστῆ καὶ θρήνησον, κλαῦσον, εὐρεθῆναι καθαρὰ, ἐν ὥρᾳ τῆς ἐτάσεως.	гредзи приими дше моѧ тѣи час и днь егда въ явѣ приидеть и рзидди въпиющи вбрѣсти се чиста въ час испытаниѧ	гредзи приими дше моѧ самзи час и днь егда въ явѣ приидеть и рзидди и плачисе вбрѣсти се чиста въ час испытаниѧ
Ἐξιστᾶ με καὶ φοβεῖ, τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον τῆς γεέννης, σκώληξ ὁ πικρός, τῶν ὀδόντων βρυγμός, ἀλλ' ἄνες μοι ἄφες, καὶ τῇ στάσει με Χριστέ, τῶν ἐκλεκτῶν σου σύνταξον.	оудивляет ме и страшить огнь негасимзи геенскзи чрвь горкзи зѡубомь скръжетъ нь слави ми пощедзи и стоѧнзи ме хе избранныхъ ти считзи	оужасает ме и страшить огнь <u>внъ</u> геенскзи чрвь горкзи скръжетъ зѡубомь нь слави ми пощедзи и стоѧнию ме хе избранныхъ <u>твоихъ</u> причти
Песнь 8		
Πᾶσαν πνοὴν νίκα προσκέκλησαι, τοῦ διακρίναι Χριστέ, ἐπὶ τὸ αὐτό· μέγας ὁ φόβος τότε, μεγάλη ἡ ἀνάγκη, μόνων βοηθούτων, τῶν πράξεων εἰς τοὺς αἰῶνας.	всако дзиѧние егда призовеши разсѡуди ти хе въкоупѣ великъ страхъ тогда велиѧ бѣда <u>единѣмь</u> <u>помогающимъ</u> <u>дѣѧниемъ въ вѣкзи</u>	всако дзиѧние егда призовеши разсѡуди ти хе въкоупѣ велии страхъ тогда велиѧ ноужда <u>всѣмь</u> <u>оужасающимсе</u> <u>непостояннаго</u> <u>соудища твоего</u>
Πάντων Κριτὰ Θεέ μου καὶ	всѣхъ соудѧи бе мои и	всѣхъ соудѧи бе мои и

Κύριε, ἀκούσομαί σου φωνῆς, τότε εὐκτικῆς, ἴδω σου φῶς τὸ μέγα, ἀθρήσω τὰς σκηνάς σου, βλέψω σου τὴν δόξαν, γηθόμενος εἰς τοὺς αἰῶνας.	Г҃И ДА ОУСЛЫШОУ ТВОИ ГЛСЬ ТОГДА КРОТЬКЪИ ДА ВИЖОУ ТВОИ СВѢТЬ ВЕЛИКЪИ ДА ВЪСЕЛЮСЕ ВЪ КРОВЪИ ТВОЕ ДА ПОЮ ТВОЮ СЛАВ РАДОУЕСЕ ВЪ ВѢКЪИ	Г҃И ДА ОУСЛЫШОУ ТВОИ ГЛСЬ ТОГДА БЛАГОСТИШЕНЬ ВИЖОУ ТВОИ СВѢТЬ ВЕЛИКЪИ ОУЗРЮ ВЪЗІТЪЛИ ТВОЕ И СЛАВОУ ТВОЮ РАДОУЕСЕ ВЪ ВѢКЪИ
---	--	---

Приведенное в таблице 3.25 сопоставление показало, прежде всего, наличие значительных разночтений, свидетельствующих о различных переводах греческого текста. Однако если тропари первой песни переводились с одинакового (или очень близкого) греческого текста, то между тропарями восьмой песни мы видим существенные расхождения во второй части тропарей, свидетельствующие о различиях в самом греческом оригинале. Отметим при этом, что в ряде случаев (вариант *поужда* вместо *вѣда* при переводе греческого *ἀνάγκη*, а также перевод последних стихов тропаря Πάντων Κριτὰ...) именно в составе Великого канона передается текст тропарей, сохранившийся в греческой традиции. В целом вопрос о времени и причинах появления тропарей из канона Феодора Студита в Великом каноне и о взаимовлиянии этих двух гимнографических текстов требует дальнейшего исследования на основе греческих источников. Для нашего исследования особенно важно, что отмеченные тропари, а также иной состав алфавитных стихир включаются в текст Великого канона исключительно Афонской редакции и исчезают из него при последующей — хронологически отстоящей совсем недалеко — справы, зафиксированной в болгарской Триоди F.п.I.55. Все это указывает на то, что в основу справы был положен достаточно новый и не очень распространенный за пределами Святой Горы вариант греческого текста — однако, несомненно, известный и авторитетный в монашеских кругах афонских обителей в означенный период.

Славянский текст Афонской редакции позволяет сделать выводы и о других особенностях греческого списка, по которому производилась правка. В частности, ряд разночтений, несомненно, восходит к греческому оригиналу,

хоть и не был найден в проанализированных греческих списках. Отметим лишь некоторые из них. В тропаре 17 первой части второй песни в рассмотренных греческих рукописях и изданиях был отмечен вариант τῆς ἀκτησίας, Σωτήρ, προκρίνας, соответствующий церковнославянскому нестѣжаемь спсе прѣдложивь (Хлудовская редакция). Чтение Афонской редакции невздръжаниа спсе прѣдпочзть, очевидно, восходит к греческому варианту ἀκράτεια (вместо ἀκτησία). В тропаре 6 второй части той же песни исправление варианта сластолюбнзими (Хлудовская редакция) на безсловеснзими (Афонская редакция) может быть объяснено лишь наличием в греческом тексте варианта ταῖς ἀλόγοις ὄρμαῖς вместо ταῖς φιληδόνοις ὄρμαῖς. Наконец, в тропаре 9 второй части второй песни вместо ὄρμαῖς в оригинале видимо содержалось ὄργαῖς, отраженное в славянском варианте гнѣвѣюще.

Дальнейший анализ исправлений, вносимых справщиком в текст, позволил выявить в них ряд последовательно проводимых лексических замен, в целом характерных для переводческой техники старца Иосифа и сходных с рассмотренными нами ранее на материале Акафиста. К таковым, в частности, относятся:

1. Изменение описательных оборотов, использованных для передачи одного греческого слова как простой, так и сложной структуры, на однословные лексические соответствия с морфемной структурой, повторяющей греческую (подробнее см. раздел 2). Несколько показательных примеров таких изменений приведены в таблице 3.26.

Таблица 3.26. Лексические изменения, внесенные справщиками Афонской редакции в церковнославянский текст (перевод греческих слов сложной структуры)

Греческий оригинал	Хлудовская редакция	Афонская редакция
λιώτων	ГЛАДѢМЬ ИСТАЕМЬ	АЛЧЕМЬ
κακουργίας	ЗЛИМИ ДЕЛЕСИ	ЗЛОДЕИСТВО
φιλόυλον καὶ φιλοκτήμονα	ВЩЕ ЛЮБЕЗНО БГАТСТВО ЛЮБАЩЕЕ ЖИТІЕ	ЛЮБОВЕЦНОЕ И ЛЮБОИМЕННОЕ

2. Ряд синонимических замен, в целом характерных для Афонской справки. В частности, последовательно по всему тексту грецизм *ιερεи* для перевода греческого слова *ἱερεύς*, присутствовавший в Хлудовской редакции, заменяется на *священник*. Сходная замена происходит и для церковнославянского слова *жизнь*, соответствующего греческому *ζωή*, которое в Афонской редакции последовательно исправляется на *животъ*.
3. Разделение на лексическом уровне близких, но нетождественных по значению понятий, чрезвычайно важное для общей догматической, нравственно-философской и поэтической структуры произведения. Полностью результаты работы справщика в данной области будут описаны ниже в разделе 2. Ограничимся здесь несколькими показательными примерами. Важное в образной структуре второй песни Великого канона лексическое противопоставление — это противопоставление чистых одежд безгрешной души и «одеяния стыда», которым покрывает свою наготу душа многогрешная. В греческом тексте первое — положительное — понятие обозначается словом *στολή*, для второго же — отрицательного — используются лексемы *χιτῶνας* и *στολισμὸς*. До Афонской редакции эти понятия не различались в церковнославянском тексте на лексическом уровне, обозначаясь одним словом *одежда* (см. таблицу 3.27) (О развитии лексики тематической группы наименований видов одежды в раннеславянской гимнографии см. [Досева, 2010, с. 250 – 268]). Афонский справщик находит для каждой

греческой лексемы свое славянское соответствие. К несомненным удачам переводчика в данном случае можно отнести использование однокоренных славянских слов ѡдѣжда и ѡдѣтаніе для перевода этимологически близких греческих *στολή* и *στολισμός*.

Таблица 3.27. Лексические изменения, внесенные справщиками Афонской редакции в церковнославянский текст (тематическая группа «одежда»)

Греческий оригинал	Хлудовская редакция	Афонская редакция
<i>στολή</i>	ѡдѣжда	ѡдѣжда
<i>χιτώνας</i>	ѡдѣжда	риза
<i>στολισμός</i>	ѡдѣжда	ѡдѣтаніе

В качестве другого примера лексической работы афонского редактора приведем последовательно проводимое исправление неточного перевода греческого *ὄρη* как дѣло (Хлудовская редакция). В разных случаях редактор переводит это греческое слово либо как стремленіе (например, тропарь 6 второй части песни 2), либо как намереніе (например, тропарь 2 той же части). Таким образом, устраняется существовавшее в ранних редакциях совпадение в славянском переводе данной лексемы с переводом греческого *πράξι* (дѣло).

Наконец, систематической лексической правке подвергаются различные используемые автором наименования Бога. Если в Хлудовской редакции греческое *πλαστοργός*, как правило, переводится как зыждитель, а *κτίστης* как творец, то афонский справщик, напротив, последовательно использует лексему зыждитель для передачи греческого *κτίστης*, тогда как для перевода *πλαστοργός* подбирает новое слово — сздѣтель. Отметим, что при данном переводе более четко передана внутренняя форма соответствующих греческих слов. Справщику, однако, не удалось найти отличного от двух предыдущих

славянского соответствия греческому наименованию Бога: κεραμεύς, которое также переводится словом *зъждитель*.

В заключение подчеркнем, что приведенные выше факты еще раз убеждают нас в систематичности, философской глубине, филологической точности и поэтической чуткости афонского справщика, позволивших ему создать текст, с незначительными изменениями легший в основу последующей славянской традиции и во многом обеспечивших особый успех данного произведения в славянском мире. Все это позволило Афонской редакции Великого канона распространиться во всем славянском мире на протяжении по крайней мере двух столетий и получить особую популярность, о чем свидетельствует большое число сохранивших ее южнославянских и восточнославянских списков.

1.3.10. Великий канон в редакции *F.n.I.55*

Продолжим описание редакции, сохранившейся в уникальном болгарском списке XV в. *F.n.I.55* на материале Великого канона Андрея Критского в сопоставлении с послужившей для него основой Афонской редакцией. Сопоставительный анализ показывает, то за основу справки списка *F.n.I.55* был взят греческий оригинал с существенными отличиями от оригинала Афонской редакции как в тексте, так и в последовании Великого канона – с другим составом стихир [Александрова, 2014, с. 43 – 52] и без присутствующих в оригинале Афонской редакции вкраплений отдельных тропарей из Канона в неделю о Страшном Суде Феодора Студита (см. выше). Кроме того, существенно меняется состав и порядок тропарей в большинстве песен канона, что для конкретного текста является одним из основных показателей новой редакции [Борисова, 2014а, с. 53 – 66]. В качестве показательного примера сопоставим порядок тропарей первой песни канона (см. таблицу 3. 28).

Таблица 3. 28. Сопоставление порядка следования тропарей первой песни Великого канона Афонской редакции и редакции списка *F.n.I.55*

Афон.	1	2	3	5	6	7	8	9	10	4	11	12	20	13	21	14	15	16	18	22	17	19
<i>F.n.I.55</i>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	14	10	11	12	15	20	13	21	18	16	22	17	23

Говоря об изменениях, внесенных в текст *F.n.I.55* и не восходящих к разночтениям греческих списков, необходимо отметить, что в отличие от Акафиста, в текст Великого канона они вносятся неоднородно: существуют тропари, оставшиеся в том же виде, как и в Афонской редакции, и тропари, подвергнувшиеся серьезным исправлениям. В качестве примера последних приведем два произвольно взятых тропаря канона (см. таблицу 3.29).

Таблица 3. 29. Сопоставление текстов двух произвольно выбранных тропарей Великого канона в двух рассматриваемых церковнославянских редакциях (разночтения подчеркнуты)

Греческий оригинал (1: 20)	Ἐκ νεότητος, Σῶτερ, τὰς ἐντολάς σου ἐπαρωσάμην· ὅλον ἐμπαθῶς ἀμελῶν, ραθυμῶν, παρηλθὼν τὸν βίον· διὸ κράζω σοι, Σῶτερ· κὰν ἐν τῷ τέλει σῶσόν με
Афонская редакция	<u>Ѡ юности хе заповѣди твоа прѣстѣпихъ вѣсестрастно не брѣгъзи оунизилемъ прѣидохъ житие тем же зовѣ тебѣ спсе понѣ наконецъ спи ма</u>
<i>F.n.I.55</i>	<u>изъ юности хе заповѣди твоа не брѣгохъ вѣсестрастнзи лѣнашаса прѣидохъ житие тем же зовѣ тебѣ спсе понѣ вѣ кончинѣ спи ма</u>
Греческий оригинал (2:1:14)	Ἐστόλισμαι κατεστιγμένον χιτῶνα καὶ ἡμαγμένον αἰσχροῶς τῇ ρύσει τῆς ἐμπαθοῦς καὶ φιληδόνου ζωῆς
Афонская редакция	<u>Ѡдѣхса вѣ срамнѣа ризѣ и окръзавленѣ стѣдно течениемъ страстнаго и любосластнаго живѣта</u>
<i>F.n.I.55</i>	<u>Ѡблѣкохъса вѣ срамнѣа ризѣи и окръзавленѣ гнѣсно течениемъ страстнаго и любосластнаго житѣа</u>

Анализируя причины изменений, внесенных справщиком в текст Великого канона, отметим, что помимо приведения славянского текста в соответствие с используемым для сверки греческим оригиналом, в их число входили и достижение поморфемного соответствия с греческим текстом, о чем

будет подробно рассказано в разделе 2, поиск точных лексических соответствий, а также внимание к поэтической структуре канона.

Впрочем, ряд вариантов свидетельствует о том, что само по себе воспроизведение структуры греческого слова не являлось главной задачей славянского книжника, скорее, он пытается передать в своем переводе внутреннюю форму слова. Наиболее показательный из них касается одного сложного славянского слова *скѣделникотворникъ*, возникающего на месте греческого *ὁ κεραμεὺς* и славянского *зидитель* при переводе тропаря 10 первой песни Великого канона (см. таблицу 3.30).

Таблица 3. 30. Сопоставление текстов тропаря 1:10 Великого канона Афонской редакции и *F.n.I.55*

Греческий оригинал	Τὸν πηλὸν, ὁ κεραμεὺς, ζωπλαστήσας, ἐνέθηκάς μοι σάρκα καὶ ὀστέα καὶ πνοήν καὶ ζώην. Ἄλλ', ὦ Ποιητά μου, καὶ Λυτρωτά μου, καὶ γνωστὰ, μετανοοῦντα δέξαι με
Афонская редакция	Брѣние <i>зидитель</i> живосъздавъ вложилъ еси плоть и кости и дѣхание и жизнь нѣ творче мои избавителю мои <i>скѣднии каѣщася</i> прими ма
<i>F.n.I.55</i>	Брѣние създавъ <i>скѣделникотворникъ</i> жизнь давъ вложилъ мне еси плоть и кости и дѣхание животно нѣ творче мои <i>скѣдзи каѣщася</i> прими ма

Интересно посмотреть на историю перевода данной лексемы в более широкой исторической перспективе. Сопоставив все известные нам варианты по древним и новым славянским редакциям [Борисова, 2011а, с. 52 – 61; Борисова 2014а, с. 53 – 66], мы получили следующую картину (таблица 3. 31):

Таблица 3. 31. Варианты перевода лексемы *ὁ κεραμεὺς* (тропарь 10, песнь I Великого канона) в церковнославянской книжности

Редакция А	гъньчарь
Гимовская редакция	скѣдѣльникъ
Хлудовская редакция	творецъ
Афонская редакция	зидитель
<i>F.n.I.55</i>	скѣделникотворникъ
Современный церковнославянский текст	здатель

Наблюдая за поисками переводчиков и редакторов наилучшего славянского соответствия для греческой лексемы ὁ κεραμεὺς, мы видим, что от буквального перевода первых двух редакций, который в славянском языке не вызывает непосредственных ассоциаций с Богом Создателем, редакторы отказываются в пользу слов, непосредственно указывающих на Бога (творец, зиждитель, здатель), однако «обрубая» ассоциативный ряд и, следовательно, обедняя создаваемый автором художественный образ. В этом смысле, отметим, что варианту рассматриваемой нами редакции при всей его сложности и «труднопроизносимости» удастся сохранить образ во всей его целостности.

Другой пример касается исправления тропаря 17 второй песни Великого канона (см. таблицу 3.32).

Таблица 3.32. Сопоставление текстов тропаря 2:1:17 Великого канона Афонской редакции и *F.n.I.55*

Греческий оригинал	Φιλόυλον καὶ φιλοκτήμονα βίον τῆς ἀκτησίας, Σωτήρ, προκρίνας, νῦν τὸν βαρὺν κλοιὸν περίκειμαι
Афонская редакция	любовецно и <u>любоимѣнноѳ</u> житие <u>невъздържанна</u> спсе прѣдъпочте ннѣ тажкымъ брѣменемъ вблвженъ есмъ
<i>F.n.I.55</i>	любовецно и <u>любостаждаемо</u> житие <u>нестажанна</u> спсе прѣдъпочте ннѣ тажкое брѣма вблвженъ есмъ

С заменой двух лексем в рассматриваемой редакции справщик достигает трех целей: во-первых, перевод становится более точным (см. таблицу 3.26), во-вторых, достигается полное соответствие лексико-морфологических тропов оригинала и перевода, поскольку передается и вторая (наряду с повтором корня фил-/любо-) паронимазия и одновременно антитеза оригинала φιλοκτήμονα/ἀκτησίας родственными словами любостаждаемо/нестажанна (в отличие от этимологически не связанных любоимѣнноѳ/невъздържанна Афонской

редакции), а в-третьих, возникает явная аллитерация по звукам [Т] и [Ж/Ш]

СЛОВ ЛЮБОСТ- ЖДЕМО - НЕСТ- ЖАНИА - Т- ЖКОЕ.

Как уже можно было неоднократно убедиться, справщик редакции *F.n.I.55* активно использует в риторических целях повторы и тропы, построенные на основе повторов однокоренных слов. Приведем еще один показательный пример из Великого канона (см. таблицу 3.33), где, как и во многих рассматриваемых ранее отрывках, поэтическая система перевода усиливается повтором, отсутствующим в оригинале.

Таблица 3.33. Сопоставление текстов тропаря 1: 4 Великого канона Афонской редакции и *F.n.I.55*

Греческий оригинал	Οἱμοι, τάλαινα ψυχή! τί ὠμοιώθης τῇ πρώτῃ Εὐα; εἶδες γὰρ κακῶς καὶ ἐτρόωθης πικρῶς, καὶ ἤψω τοῦ ξύλου, καὶ ἐγεύσω προπετῶς τῆς παραλόγου βρώσεως
Афонская редакция	οὐβзи мзиѣ ѡканна дше что оуподовиса прзвѣии евѣ видѣ бѡ злѣ и оуѣзвѣиса горцѣ и прикоснѣса дрѣвѣ и вѣкѣси <u>дрѣзостнѣ</u> <u>бессловеснѣѣ</u> <u>сзнѣди</u>
<i>F.n.I.55</i>	οὐβзи мзиѣ ѡканна дше что оуподовис- прзвѣии евѣ видѣла бѡ еси злѣ и оуѣзвилас- горцѣ и коснѣс- дрѣвѣ и вѣкѣси <u>βεζουμнѣ</u> <u>ῶ</u> горкаго <u>вѣкѣса</u>

Исправляя текст, редактор вносит в него несуществующий в оригинале троп, построенный на сочетании двух пар родственных слов: горцѣ – горкаго (греческие соответствия πικρῶς – παραλόγου) и вѣкѣси - вѣкѣса (греческие соответствия ἐγεύσω – βρώσεως). Причем, очевидно, что происходит это не от недостатка средств выражения, так как они присутствуют в исходном исправляемом тексте Афонской редакции, буквально более точно передающем смысл оригинала, но сделано исключительно с художественной целью.

1.3.11. Великий канон триодей *Хил. 262* и *F.I.125*

Интересные традиции на основе Афонской редакции находим в сербском списке середины XV в из собрания Хиландарского монастыря (*Хил. 262*) и в болгарском списке 1466 г. *F.I.125*. В *Хил. 262* и текст списка, и порядок тропарей повторяет Афонскую редакцию и сохраняет все включенные в данной редакции в состав Великого канона тропари Феодора Студита, однако с тремя следующими добавками:

- 1) в конце песни 1, после двух тропарей Феодора Студита (см. таблицу 3.26) в текст вставлен тропарь 23 данной песни, отсутствующий во всех прочих списках Афонской редакции, а также неидентифицированный тропарь:

како ти сътрьплю гнѣвъ х̄е мои егда въ соудъ внидеши котораа же словеса
обрѣщюу тамо не съдѣлавъ ни възьмь твою волю сп̄се тѣм же прѣжде конца ослаби
ми

В поисках источника тропаря 23 сопоставим его со списками других редакций, содержащих данный тропарь (см. таблицу 3.34)

Таблица 3.34. Сопоставление тропаря 1: 23 по трем славянским спискам

Греч. оригинал	<i>Хил. 262</i>	<i>Орбел.</i>	<i>F.n. I.55</i>
Μὴ εἰσέλθῃς μετ' ἐμοῦ ἐν κρίσει, φέρων μου τὰ πρακτέα, λόγους ἐκζητῶν, καὶ εὐθύνων ὀρμάς· ἀλλ' ἐν οἰκτιρμοῖς σου παρορῶν μου τὰ δεινά, σῶσόν με, Παντοδύναμε.	да не внидеши съ мною въ соудъ носе ми дѣваніа словеса изыскоуе и винамь стрьмленіа нь щедротами си прѣззирае моа лютаа сп̄си ме въсесилне	не вниде съ мноѡ въ сѡдъ носѡ ми сѡдѣваніѡ словесѡ и сказаѡ нѡ исправлѣи ми пѡти щедротами твоими прѣзрѡ моѡ злаа и спси ма всесилне	да не внидеши съ мноѡ въ соудъ носѡ ми сѡдѣванаа и словесанскѡю исправлѣѡ мленіа нѡ въ щедротахъ твоихъ прѣзираѡ ми лютаа и спси ма въсесилне

Несмотря на то, что текст *Хил. 262*, несомненно, ближе редакции *Ф.п. I.55*, существенные разночтения не позволяют и здесь говорить о закрытой традиции.

- 2) в конце песни 3 (ирмос 2) присутствует тропарь 17, отсутствующий не только в Афонской, но и во всех ранних редакциях. Таким образом, сопоставительный анализ может быть проведен только со списком *Ф.п. I.55* (см. таблицу 3.35):

Таблица 3.35. Сопоставление тропаря 3:2:17 в списках Хил. 262 и Ф.п. I.55

Греч. оригинал	Τὴν δέησιν, Δέσποτα, τῶν σὲ ὑμνούντων μὴ ἀπορρίψης· ἀλλ' οἰκτείρησον, φιλόανθρωπε, καὶ παράσχου πίστει αἰτουμένοις τὴν ἄφεσιν
<i>Хил. 262</i>	моленіе влѣка тебѣ молеціихъ не ѿрини нь оущедри члѣколюбче и подаждь вѣрою молеціимъ се оставленіе
<i>Ф.п. I.55</i>	моленіе влѣко тебе поаціихъ да не ѿринеши нѣ оущедри члѣколюбче и подаждь вѣроѣ просащим оставленіе

И в данном случае трудно говорить о том, что данные тексты восходят к одному славянскому протографу.

- 3) наконец, во второй части песни 7, между тропарями 15 и 17 Афонской редакции вставлен неидентифицированный тропарь, а непосредственно за ним тропарь 20. Отметим, что тропарь 20 отсутствует не только в Афонской, но и в Хлудовской редакции и в *Ф.п. I.55*. Приведем полностью тексты данных тропарей по *Хил. 262*:

Неидентифицированный тропарь (см. 3 Цар. 17: 12 – 16):

їліа ѣко въззалака низвѣже їезавель обрѣте маслынзи чваньц и блсвладше се греть
моукзи дше ееже и тзы да сподобила себи испльняюци топлѣ заповѣдзи бжїе

Тропарь 7:20:

(Ἐξέλιπον αἱ ἡμέραι μου ὡς ἐνύπνιον ἐγχειρομένου· ὅθεν ὡς Ἐζεκίας
δακρῶ ἐπὶ κλίνης μου, προσθεῖναί μοι χρόνους ζωῆς. Ἀλλὰ τίς Ἰσαΐας
παραστήσεται σοι, ψυχῇ, εἰ μὴ ὁ πάντων Θεός;)

изчезоше днѣ мои ꙗко ѿ сына встаню шомзи тѣмь ꙗко езекиа слъззи на водрѣ моемь
приложити ми се врѣме жижзи нь кто їсаію прѣдставит ми аще не вьсѣхъ бѣ

Итак, все три вставки в Великий канон списка Хил. 262 не могут быть объяснены влиянием другой известной нам славянской редакции или традиции. С другой стороны, незначительный объем и ограниченный характер (только вставки тропарей) внесенных писцом изменений не позволяют говорить о справе текста по греческому оригиналу и о появлении особой редакции. Бедность рукописного материала с данной традицией текста не позволяет нам сделать дальнейшие выводы о ее рукописной истории.

С другой стороны, Великий канон болгарского списка *F.I.125* по порядку и составу тропарей полностью совпадает с Афонской редакцией, однако имеет существенные отклонения от последней в текстах тропарей, что свидетельствует о заимствовании из иного - на данный момент неустановленного - источника. О том, что данный источник, скорее всего, была неизвестная нам в данный момент южнославянская редакция, указывает непоследовательность внесения определенных лексических изменений: так, греческое прилагательное εὐσπλαγχνος переводится либо как *благотробенъ* (1:17), либо как *милосърдъ* (2:1:4), аналогично с Афонской редакцией. Все эти факты указывают на то, что перед нами компиляционный тип.

1.3.12. Редакция Великого канона списка *РГБ 25*

Как уже указывалось выше, в большинстве восточнославянских рукописей конца XIV – начала XV в. Великий канон представлен в Афонской редакции. Особняком в данном ряду стоит рукопись *РГБ 25* (Триодь постная,

конец XIV в., русская). Исследователи уже обращали внимание на своеобразие данного списка [Кириллин, 2000, с. 147 – 155], проявившееся в уникальном составе песнопений. Ранее при анализе текста Акафиста Богоматери мы отметили, что в данной триоди Акафист представлен в Афонской редакции практически без влияния Русской редакции (см. главу 2). Логично было бы предположить, что и Великий канон в составе данного списка имеет ту же редакцию. Однако сопоставительный анализ состава тропарей канона, выборочно представленный в таблице 3.36 показывает, что в данном случае мы имеем дело с особой редакцией, не сводимой к другим редакциям и традициям.

Таблица 3. 36. Порядок тропарей РГБ 25 в сопоставлении с Гимовской, Афонской редакциями и F.n.I.55

Песнь 1																												
Афон.	1	2	3	5	6	7	8	9	10	4	11	12	20	13	21	14	15	16	18	22	17	19						
F.n.I.55	1	2	3	4	5	6	7	8	9	14	10	11	12	15	20	13	21	18	16	22	17	23						
Гим.	1	2	3	5	6	7	8	9	10	4	11	12	20	13	21	14	15	22	22	18	23	19						
РГБ 25	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	20	13	21	14	15	16	17	18	19	23						
Песнь 2 (ирмос 1)																												
Афон.	1	2	3	4	5	15	6	7	8	9	11	10	12	13	14	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
F.n.I.55	1	2	3	4	5	15	6	7	8	11	10	9	12	13	14	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
Гим.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	12	13	14	15	16	17	18	19	20	11	21	22	23	24				
РГБ 25		2	3	4	5	15	7	6	8	23	10	9	12	13	14	16	17	18	19	20	21	22	11	24	25	26	27	28
Песнь 7																												
Афон.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	16	13	15	17	18	19										
F.n.I.55	1	2	3	4	7	8	5	9	10	11	12	16	13	15	6	17	18	19										
Гим.	1	2	3	4	5	6	8	9	10	11	12	16	13	14	15	17	18	19										
РГБ 25	1	2	3	4	7	8	5	9	10	11	12	16	13	15	17	6	18	19										
Песнь 8																												
Афон.	1	2	4	5	3	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20								
F.n.I.55	1	2	4	3	5	6	7	8	9	10	11	13	12	14	15	16	17	18	19	20								
Гим.	1	2	4	5	6	7	8	9	12	13	14	15	16	17	19	20												
РГБ 25	1	2	4	3	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20								

Отметим, кроме того, что в списке РГБ 25 нет ни одного из добавочных тропарей Феодора Студита, присутствующих в Афонской редакции.

Попытаемся решить текстологически вопрос о происхождении данной редакции, сопоставив ее с преобладавшей в рассматриваемый период в славянском мире Афонской редакцией, с более ранней, однако господствовавшей на восточнославянских территориях вплоть до середины XIV в. Гимовской редакцией, а также с редакцией F.n.I.55, которая, как мы показали выше, повлияла на позднейшую восточнославянскую традицию Акафиста Богоматери. Наиболее существенные различия между данными

списками на материале первой и седьмой песни канона представлены в таблице 3. 37.

Таблица 3. 37. Разночтения списка РГБ 25 с Афонской редакцией и F.п.I.55 в сопоставлении с Гимовской редакцией в первой и седьмой песнях Великого канона

Тропарь	Греч. оригинал	Афонская редакция	F.п.I.55	РГБ 25	Гимовская редакция
Песнь 1					
1	πράξεις	Д'ЪЛЪЗ	Д'ЪБАНИЕ	Д'ЪБАНИЕ	Д'ЪЛЪЗ
	τῆ νῦν θρηνηδία	НИН'ЪШН'ЪГО РЪИДАНИѦ	НН'ЪШНОМЪ ПЛАЧЮ	СЕГО РЪИДАНИѦ	СЕГО РЪИДАНИѦ
1, 16	εὐσπλαγχνός	МЛ'ЕРДЪЗ	БЛ'ГОЖТРОВЕНЪ	БЛ'ГОСРДЪЗ	МИЛОСЪРЬ ДЪЗ
2	τάλαινα	WKAANNAѦ		OYBOΓAѦ	OYBOΓAѦ
	Κτίστη	ЖИЖДИТЕЛЮ		ТВОРЦЮ	ТВОРЬЦЮ
3	ἔγνω	ΠOZHAX CA		PAZBM'BX CA	PAZBM'BX CA
4	ἦψω	ΠPIKOCNH̄ CA	KOCNH̄ CA	KOCNH CA	KOCNH CA
	προπετῶς	Д'РЪЗCETHE	--	CBPOBO	CBPOBO
	τῆς παραλόγου βρώσεως	BECЛOBECHЪӢ CЪH'ЪДИ	ᾨ̄ ΓOPKAYO BЪKBCA	BEZBMHЪИѦ CH'ЪДИ	BEZBMHЪИ Ѧ CH'ЪДИ
5	ἡ νοητή μοι κατέστη	MЪICЛЪHΔ MЪИ BЪICTЬ	OYMHΔA MI OYCTPOH CA	MЪICЛЪHΔѦ MI BЪICTЬ	MЪICЛЪHΔ Ѧ MI BЪICTЬ
	τὰ ἡδέα	CAATKAA	CAΔ,OCTHΔA	CAΔ,KAIѦ	CAΔ,ЪKѦ Ѧ
	τῆς πικρᾶς καταπόσεως	ΓOPKAYO ΠAΔEHIѦ	ΓOPKAYO ΠITHIѦ	KOHEHAYO OCBЖEHIѦ	ΓOPKAYO ΠITAHИѦ
6	προεξεργίφη	ИЗГ'НАHЪ BЪICTЬ	ПР'ЪДИЗBРЪЖEHЪ	ПРЕЖE ИЗГ'НАHЪ	ПР'ЪЖE ИЗГ'НАHЪ BЪICTЬ
	πάθω	CЪТBOPѦ	ΠOCTPAЖΔ,̄	CД'ЪЛAЮ	CЪТBOPЮ
	διαπαντός	BЪCEΓΔA	BЪИH̄	BOИHЪ	ПPИCHO
7	ὑπελθῶν	ПР'ЪЖДЕ	ΠOPEBNBAXЪ	ПPИШEДЪЗ	ПPOШЪДЪЗ
8	ἐνθέους	ПPИATHѦ	HE ΠPИATHЪИ	OYΓOΔHΔ	HEOYΓOΔЪ

					НЗ
9	ψεκτήν	порочнѣ	коренѣ	χῶλις	χοῦλινο
	ἄχρηστον	непотрѣбно		неβλῆγο	неβлаго
	διὸ	вѣксѣ		οβα	οβα
10	ὁ κεραμεύς	жиждитель	скѣделнотвори кѣ	скѣделникѣ	скѣдели кѣ
	ζωοπλαστήσας	живосоздавѣ	жизнь давѣ	живосоздавѣ	сѣздавѣ
11	εἰργασάμην	сѣделахѣ	сѣтворихѣ	сдѣлахѣ	сѣтворихѣ
	ληστροικῶς	разбойничѣски		разбившее	разбивш е
	ἐναπέθηκαν	вѣзложиша		наложиша	наложиш а
12	πλήττεις	бѣеши		прѣтиши	претиши
	σπλαγχνίζη	милоуеши	оумлѣрдѣваеши	блῆοῦτροβѣс твѣеши	млѣрдѣш и
	δακρῦοντα βλέπεις	слѣзѣца зриши	слѣзѣца видиши	плачѣца видиши	плачѣца видѣша
	προστρέχεις	противоутечеше	притечеши	противоу течеше	противоу течеше
	ἀνακαλῶν	призѣвал	вѣзѣвал	обнимаѣа	обрацаѣа
13	παραπτώματων ἄφεσιν	грѣхопадѣнїемѣ вставленїе		слѣзѣ оумиленїа	прегрѣше ниемѣ ῥῶπῆστι
14	Ὁ λησταίς	иже вѣ разбойникѣ		в разбойникѣ	в разбойник ѣ
	ἐπιστάς	прѣдставѣ		пришедѣ	пришедѣ
15	Ἱερεύς	сценникѣ		иерѣи	иерии
	προϊδών	прѣдзвидѣвѣ		преже видѣ	преже видѣвѣ
	βλέπων	видавѣ		зрѣ	зрѣ
	ὑπερεΐδε γυμνόν	прѣзрѣ нага		обинѣ са обнажена	обинѣ са нага

					и
	ταῖς κατὰ γνώμην ὀρμαῖς	самъχωτηъими стръмленіѣми	πο βολи стръмленіѣмъ	несмъцисанъими похотми	своими похотъми
5	Συνήψε	съвъзкоупи	съвъзкоупи	сочтавъ	съчета
	τὴν μοιχείαν	любоδѣаніа	любодѣиствъ	прелюбодѣист во	прѣлюбо дѣиство
	ἐκίονα	чърпаше	чърпаше	раствараше	раствара ше
	παραδείξας	показа	прѣдпоказетъ	показа	показавъ
6	ἀνεστήλωσε	въωβραзи		столпъ поставилъ	въобрази
	ὡς ἐν εἰκόνι ὕμνον	ѣако въ ωβразѣ пѣніѣ		ѣако въ образѣ закона пѣснь	ѣако въ образѣ пѣснь
	κραυγᾶζων	зовъзи		възивае	въпиа
7	Κιβωτὸς	ковчегъ	ковчегъ	кивотъ	
	τοῦ μύσχου	юницю	юнцъ	телцю	
	ἐπειράθη	искъси са	искъси са	сгорѣша	
	αὐθάδειαν	дръзновеніа	безоумъа	безоумъа	
8	ἔγνωσ	оуѣдѣла	разъмѣла	вѣси	вѣси
	ἐναγεῖς	сквръннаа	поганнаа	нечистаа	нечистаа
	ἐξύβρισε	всквърни	похъли	обрвга	обрюрга
	ἐμιμήσω	оуподовила са	оуподовила са	подража	подражал а еси
	ἐμπαθεῖς καὶ φιληδόνους ὀρμάς	стретнъимъ и чрѣсзестѣствен ъимъ стръмленіѣмъ	стретнъимъ и чрѣсзславенъимъ стръмленіѣмъ	страстьми бессловеснъими скотъскъзи	страстьн зи и скотъскъзи похоти
9	ὑπέταξας	покорила	покорила	поработи	поработи
	ἀξίωμα	санъ	достоіаніѣ	санъ	санъ
	συνῆλθες	послоушала	сънишла	повиноу са	повиноу са
	βουλαῖς	свъѣтъзи	свъѣтамъ	клеветамъ	клеветам ъ

	διεσκέδασεν	расѣпа	расипахъ	распраши	рассѣпа
10	θαυμάσιος	чюднѣи	дивнѣи	чюднѣи	пречюднѣи
	ὁ καὶ χάριτος σοφίας πλήρης	иже бл҃гѣти и прѣмѣдрости исплѣнень	емѣ же бл҃гѣть и мѣдрѣть дасть сѧ	емоу же моудрост и ширѣина дасть сѧ	
	ἐναντίον τοῦ Θεοῦ	прѣдъ бѣмъ		противно бѣу	прѣдъ богъмъ
11	ἐξελεκόμενος	влѣкомъ	изѣлачимъ	прѣдолѣбѣа	прѣдолѣбѣа
	ἐραστής	рачитель		любовник	любѣвьникъ
	πορνῶν γυναικῶν	бл҃дницѣмъ		бл҃дницѣмъ	бл҃дницѣмъ
	ἐμιμήσω κατὰ νοῦν	оуподоби сѧ въ оумѣ		подража вѣ рѣзѣмѣ	подража вѣ оумѣ
	ἡδυπαθείαις αἰσχροῖς	сладострастьми сквѣрннѣими	страстьми срамнѣннѣими	сладъми нечистѣими	сладъми нечистѣими
12, 13	παρεζήλωσας	подражала еси	поревновала еси	взревнова	вздрѣвьнова
12	ἀλογήσαντα	не послѣшавъши	не вѣмѣнивше	оставишю	оставивъши
	πρὶν	древнаго	древнѣишаго	прежнемѣ	от.
	τὴν μίμησιν	подобѣа		подражаныѧ	подражаныѧ
13	τοῖς μιάσμασι	сквѣрнамъ	всквѣрненѣемъ	нечстотами	нечстотамъ
	οἴμοι!	оуѣзи мнѣ		лютѣ	от.
	καταγώγιον	прѣбзѣвалище		гостинница	гостинница
	αἰσχροὸν	сраменъ		злѣхъ	злѣ

	στέναξον	ВЪЗДОΧΗΝΙ		ВЪСТЕНИ	ВЪЗДЪЗНИ
15	κατέλαβέ	ПОСТИЖЕ ТΑ		ПОИСПѢ	ПРИСПѢЛЪ ЕСТЬ
	ἠπειθήσας	НЕ ВѢРОВАЛЪ ЕСИ		ОСЛОУША СΑ	ОСЛОУША СΑ
	λόγοις	СЛОВЕСЕМЪ		РѢЧИ	РѢЧИ
	θρέψον	ПРѢПИТѢВИ		ПИТАѦ	ПИТАИ
16	ἐπεσώρευσας	СЪБРАЛА ЕСИ		СОВОКЪПИЛА ЕСИ	СЪВЪЗКОУП ИЛЪ ЕСИ
	βδελύγματα	МРЪЗОСТИ		КОУМИРА	КОУМИРА
	προσοχθίσματα	НЕГОДОВАΝΙΕ		МЕРЗОСТЬ	МЪРЗОСТИ
17	τὸ ποίημά	ТВОРЕНИЕ	СЪТВОРЕНИЕ	ТВАРЬ	ТВАРЬ
	ἀνακάλεσαί	ПРИЗОВИ		ВЪЗДВИГНИ	ВЪЗДВИГН И
18	παρέφθειρα	ПРѢСТѢПИХЪ		ИСТАИХЪ	ИСТЬЛИХЪ
	ἀπόδος	ἸΠΟΥΣΤΖΙ	ἸΔΑΔΖ	ВЪЗДАЖЪ	ВЪЗДАЖЪ
	τὴν ἀγαλλίασιν	РАДОВАΝΙΕ		РАДОСТЬ	РАДОСТЬ
19	τὰ κεκρομμένα	ДЪБАНІА	СЪДЪБЛАННАА	СКРОВЕНАѦ	СЪКРОВЕНА Ѧ
	τὰ κρύφια	СКВЪРННАА	ЗНАЕШИ СКВЪРНАА	СЪДИИ	СЪКРОВЕНА Ѧ

Из анализа разночтений, представленных в таблице 3.37, видно, что редакция *F.n. I.55* не повлияла на *РГБ 25*, в то время как влияние Афонской и Гимовской редакций явно присутствует. С другой стороны, *РГБ 25* нельзя свести просто к компиляции рассмотренных двух редакций, не только на основании уникального порядка и состава тропарей, но и в связи с присутствием в данном списке особых чтений, которые могли появиться только в результате обращения к греческому оригиналу. Особое место среди последних занимает последовательная замена варианта милосърьдъз Афонской и Гимовской редакций на благосърьдъз (греческое εὐσπλαγχνός),

осуществленная, вероятно, для приведения данной лексемы в соответствие с другими славянскими переводами греческих слов с компонентом εϋ-.

Для лучшего понимания роли Афонской и Гимовской редакций в формировании редакции *РГБ 25* сопоставим тексты трех произвольно взятых тропарей из трех песней канона (песни 1, 2 и 7).

Таблица 3.38. Сопоставление текстов трех произвольно взятых тропарей Гимовской и Афонской редакции со списком *РГБ 25*

1: 10	Τὸν πηλόν, ὁ κεραμεύς, ζωπλαστήσας ἐνέθηκάς μοι, σάρκα καὶ ὀστέα, καὶ πνοήν καὶ ζωήν. Ἄλλ' ὦ Ποιητά μου, Λυτρωτά μου καὶ Κριτά, μετανοοῦντα δέξαι με
<i>РГБ 25</i>	вернемъ ꙗко скѣделникъ живоꙗздавъ вложи въ ма плоть и кости и жизнь и дѣхъ но ꙗко творць мой и избавитель мой и съди и кающа са прими ма
Афон.	вреніе зижитель живоꙗзда вложилъ ми еси плъти и кости и дѣиханіе и жизнь нѣ ѡ творче мой избавителю мой съди кающа са приими ма
Гимовск.	каломъ ꙗко скѣделникъ създавъ вложи въ ма плоть и кости и доухъ животенъ творче мой избавителю мой и соуди и кающа са приими мене
2:1:20	Μορφώσας μου τὴν τῶν παθῶν ἀμορφίαν, ταῖς φιληδόνοις ὄρμαῖς ἐλυμηνάμην τοῦ νοῦ τὴν ὠραιότητα
<i>РГБ 25</i>	оуѣрасивъ страстнѣимъ безъобраземъ и сластолюбивами красотами погасихъ оумнѣю красотѣ
Афон.	взѡбразив ми стрѣтное безъобразіе любосластнѣими стрѣзменми погѡсвихъ ѡмнѣа красотѣ
Гимовск.	оуѣрасивъ страстнѣимъ мѣ нелѣпнемъ сластолюбѣнѣими красотами и погѡсвихъ оумьноуѣю красотѡу
7:11	Ταῖς ἡδοναῖς ἐξελκόμενος τῶν παθῶν αὐτοῦ κατεροϋποῦτο οἶμοι! ὁ ἐραστὴς τῆς σοφίας ἐραστὴς πορνῶν γυναικῶν καὶ ξένος Θεοῦ· ὃν αὐτὴ ἐμιμήσω κατὰ νοῦν, ὦ ψυχὴ, ἡδυπαθείαις αἰσχροῖς
<i>РГБ 25</i>	сластьми преодолѣваѣа страстьми са осквернаше лютѣ любовник мдрѣсти любовник блѣдницам женам и страненъ бѣ и чюжь его же тѣи подража в разоумѣ о дше сластьми нечистѣими
Афон.	сластьми и страстеи своихъ влѣкомъ wskврѣнѣшеса оувѣи мнѣ иже рачитель прѣмѣдрости рачитель блѣдницамъ вѣивъ и страненъ вѣ оумѣ емѣ же и тѣи ѡподоби са ѡ дше сладострастьми скврѣнѣими
Гимовск.	сластьми си преодолѣваѣа ѡ страсти и скврѣнаше са лютѣ любѣвѣнѣикъ мѡудрѣсти любѣвѣнѣикъ блѡудѣницамъ женамъ и странѣнъ боѡу его же тѣи подража вѣ оумѣ дше сластьми нечистѣими

Из анализа таблицы видно, что влияние двух рассмотренных редакций в разной степени проявляется на протяжении текста канона: если в первой песни редактор берет за основу Афонскую редакцию, лишь в некоторых местах вставляя в нее варианты из Гимовской, то, начиная со второй песни и до конца канона, за основу справки берется Гимовская редакция, влияние же Афонской сравнительно невелико.

Итак, список *РГБ 25*, несомненно, является представителем особой редакции Великого канона, созданной предположительно в начале XIV в. на основе Афонской (песнь 1) и Гимовской (прочие песни) редакций с обращением к греческому оригиналу, вероятно, в восточнославянском ареале, где была распространена в то время Гимовская редакция. Бедность сохранившегося рукописного материала не позволяет нам сделать выводов о прочих особенностях данной редакции.

1.3.13. Выводы

1. При описании рукописной истории церковнославянского перевода текста Великого покаянного канона по спискам XI – XIV веков целесообразно пользоваться двумя параметрами для группировки списков, а именно: состав и порядок тропарей внутри каждой песни и лексические разночтения. Для систематизации отношений между списками предлагается применять использованные нами выше на материале Акафиста Богоматери термины *традиция*, *редакция* и *компиляция*. Огромной объем канона и отсутствие акростиха привело к тому, что уже греческие списки имеют значительные вариации в составе и порядке тропарей. На славянской почве состав и порядок тропарей мог изменяться под влиянием как греческих, так и других славянских списков. Основываясь на этих вариациях и подтверждая их сопоставлением текстовых данных, мы систематизировали все многообразие вариантов текста, дошедших до нас в ранних списках.

2. Первые этапы истории текста на славянской почве, от которых до нас дошли лишь фрагментарные и чрезвычайно скудные свидетельства источников, могут быть восстановлены лишь гипотетично. Можно с известной долей гипотетичности утверждать, что на самых ранних стадиях в славянской письменности существовало две архаичные редакции канона, каждая из которых появилась в результате относительно независимого перевода либо sprawy славянского текста по греческому оригиналу. Одна из них дошла во фрагменте (с конца песни 2 до конца текста) в одном списке *Загреб.* (условно назовем ее редакцией З), другая – в небольшом фрагменте (самый конец песни 6 – начало песни 8) также одного списка *Битол.* (эту редакцию назовем редакцией Б). Глаголическая вставка в конце одного тропаря песни 7 *Битол.* позволяет утверждать, что текст был списан с глаголического протографа, а редакция Б восходит к глаголической традиции бытования текста. Сопоставление ее вариантов с вариантами других ранних славянских редакций позволяет предположить, что именно эта редакция (в отличие от редакции З) легла в основу всех остальных редакций и традиций славянской письменности.
3. На основе редакции Б путем редактирования по греческому оригиналу была создана редакция А – первая редакция, относительно которой мы располагаем более или менее значительными текстовыми свидетельствами. В чистом виде данная редакция сохранилась также только в одном списке *Серб.* полностью, а также во фрагменте (конец песни 9) в *Киян.* Шафариковская триодь следует данной редакции в песнях 2 – 9, тогда как в сербских триодях *НБС 644* и *НБС 645* редакция А была взята за основу, однако дополнена вариантами из более поздних редакций. Важным текстовым признаком данной редакции является наличие трех неидентифицированных тропарей в конце песни 9. Наличие архаичных вариантов в редакции А свидетельствует о ее раннем (допреславском) происхождении.

4. Следующим этапом рукописной истории церковнославянского перевода Великого канона стало создание Гимовской редакции в результате исправления редакции А по греческому оригиналу. Вышеуказанное исправление было проведено непоследовательно: если в первой песни не только порядок тропарей, но и сам текст был систематически исправлен по греческому оригиналу с внесением большого количества новых лексических вариантов, то во всем последующем тексте редактор ограничился изменением порядка тропарей и незначительными текстовыми исправлениями («затухающая правка»). Гимовская редакция в чистом виде представлена исключительно в восточнославянских списках (*Синод.*, *Пог. 41*, *F.I.680*, *Соф.84*), где она сохранилась как закрытая традиция. Кроме того, песнь первая Гимовской редакции по неизвестным для нас причинам используется вместо аналогичного фрагмента исходного текста в компиляциях *Шафар.*, механически совмещаясь с другими песнями редакции А, а также в *Загреб.*, где совмещается с песнями 2 – 9 архаичной редакции З. Наличие текстовых фрагментов Гимовской редакции в ранних южнославянских списках исключает возможность ее появления на восточнославянской почве и свидетельствует о ее болгарском происхождении.
5. Последним до Афонской sprawy этапом рукописной истории Великого канона стало создание Хлудовской редакции путем последовательного исправления всего текста канона по греческому оригиналу. Значительные изменения были внесены как в порядок тропарей, так и в их текст. При этом большинство текстовых изменений коснулось песен 2 – 9, ранее, как уже указывалось выше, исправленных непоследовательно. Наличие в тексте редакции вариантов, характерных для Преславской sprawy, позволяет связать факт появления редакции с этим этапом славянской письменности. Хлудовская редакция, совершенно не отразившаяся на восточнославянской письменной традиции, преобладает на болгарской территории, где, однако, параллельно присутствуют ранние редакции и

традиции, и оказывает незначительное влияние на сербскую книжность, где отражается лишь в виде отдельных текстовых вкраплений (в частности, в сербских триодях *НБС 644* и *НБС 645*). С другой стороны, в списках *Орбел.* и *Хлуд. 138* основная Хлудовская редакция дополняется вариантами из ранней редакции А, причем каждая из этих компиляций создавалась независимо. Итак, все многообразие южнославянских традиций перевода Великого канона до Афонской sprawy может быть объяснено одновременным сосуществованием и смешением (компилированием) трех основных редакций: редакции А, Гимовской и Хлудовской, а также остатков более архаичных редакций.

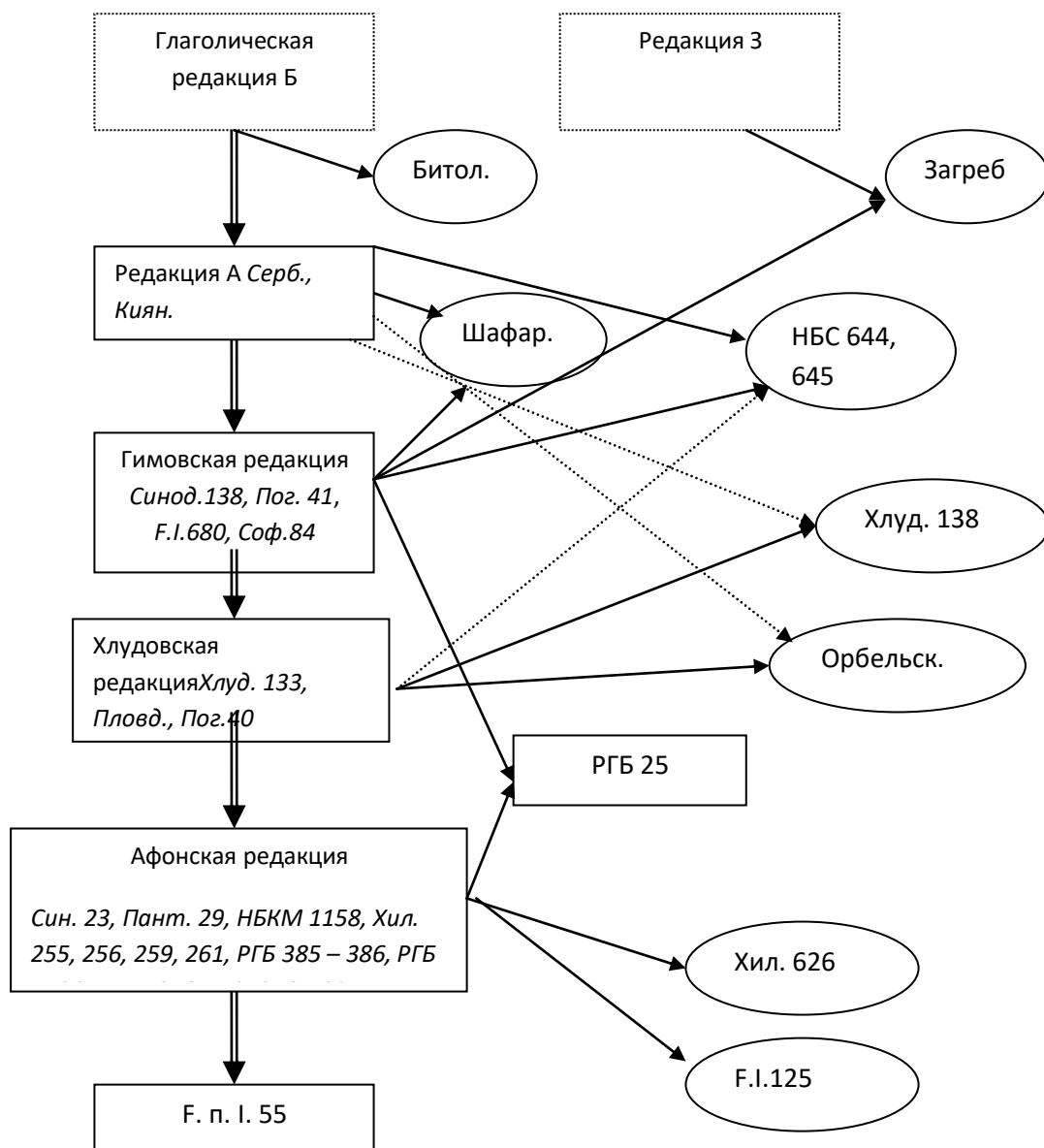
6. Качественно новый этап истории церковнославянского перевода Великого канона начинается с Афонской sprawy начала XIV века. Редакция старца Иосифа, с середины XIV века сменившая все старые редакции на южнославянских территориях, сделала текст не только более точным как с богословской, так и с художественной точки зрения, но и более поэтически стройным и гармоничным. Важным текстовым признаком данной редакции являются вставки тропарей из Канона в неделю о Страшном Суде Феодора Студита: двух в конце первой песни, одного в конце шестой и двух в конце восьмой. Именно текст Афонской редакции с незначительными изменениями лег в основу всей последующей славянской традиции, и именно благодаря этому переводу Великий канон приобрел впоследствии необыкновенную популярность во всем славянском мире. Интересно, что в отличие от Акафиста Богоматери, Афонская редакция Великого канона преобладает и в восточнославянских списках XV века.
7. В предалах Афонской редакции может быть выделены две особые традиции, представленные уникальным списком: *Хил. 262* и *F.I.125* - каждая. Текст списка *Хил. 262* повторяет Афонскую редакцию, но в него сделаны вставки всего пяти тропарей в конце первой, третьей и седьмой песен: как тропарей Великого канона, отсутствующих в Афонской

редакции, так и неидентифицированных тропарей. Отсутствие текстовых параллелей для данных вставок в других славянских редакциях заставляет предположить, что в основе их лежит неизвестный греческий источник.

8. Появление следующей в хронологическом плане редакции Великого канона связано с его исправлением вместе с Акафистом Богоматери, в составе триоди постной типа *F.n.I.55*. Из нового текста канона исключаются добавленные в Афонской редакции тропари Феодора Студита, меняется последовательность тропарей. Прочие изменения, внесенные в текст Великого канона, выполнены в духе изменений Акафиста Богоматери и свидетельствуют о систематической работе редактора по исправлению всей триоди постной.
9. Наконец, в уникальном восточнославянском списке конца XIV века *РГБ* 25 представлена редакция Великого канона, вероятно, составленная на русской почве на основе Афонской (песнь 1) и Гимновской (прочие песни) редакций с использованием греческого оригинала. Причины как составления данной редакции, так и ее низкой распространенности в славянском мире остаются неизвестными.

Схематически представим вышеописанные этапы рукописной истории Великого канона на следующей диаграмме (рисунок 2).

Рисунок 2. Соотношение между ранними списками Великого покаянного канона Андрея Критского в славянской книжности XII – XV веков

ГЛАВА 1.4

АЛФАВИТНЫЕ СТИХИРЫ СЛУЖБЫ ВЕЛИКОГО ПОКАЯННОГО КАНОНА АНДРЕЯ КРИТСКОГО В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ IX – XV ВЕКОВ

1.4.1. Алфавитные стихиры службы Великого покаянного канона Андрея Критского и основные проблемы их изучения

С момента вхождения Великого канона Андрея Критского в состав великопостных служб (как мы уже указывали выше, *terminus ante quem* для этого события был X век) вокруг него начали группироваться и другие гимнографические произведения меньшего размера: кукулий кондака Романа Сладкопевца «Душе моя, душе моя, восстании, что спиши», тропари Марии Египетской и автору канона Андрею Критскому, 16 тропарей блажен с инципитом «Разбоиника Христе рая жителя», а также 24 алфавитные стихиры. Именно эту последнюю составляющую службы Великого канона мы решили рассмотреть особо, посвятив данному гимну настоящую главу. Рассматриваемое произведение представляет собой близкий по структуре кондаку цикл из 24 стихир (инципит Ἄπας ὁ βίος – все житие), с одинаковой метрической структурой и алфавитным акростихом, а также одинаковым рефреном: Κύριε, πρὶν εἰς τέλος ἀπόλωμαι, σῶσόν με (Гди, прежде даже до конца не погибну, спаси ма).

Выбор данного текста для анализа был обусловлен двумя основными причинами. Во-первых, 24 стихиры греческого оригинала содержат алфавитный греческий акростих (от Α до Ω), подобный акростиху рассмотренного ранее Акафиста Богоматери. Наличие алфавитного акростиха и возможность его передачи в церковнославянском переводе – факт сам по себе чрезвычайно интересный, способный прояснить многие спорные моменты, касающиеся столь сложной и малоизученной темы, как поэтика ранней

церковнославянской книжности. Отметим, что в исследованиях последних лет были выявлены немногочисленные случаи перевода, точнее, вольного переложения византийских алфавитных стихир с воспроизведением акростиха оригинала. При этом число стихир могло увеличиваться, достигая 36 (вместо исходных 24) для соответствия количеству букв славянского алфавита [Иванова, 1971, с. 341 – 365; Загребин, 1981, с. 65 – 91; Попов, 2003, с. 35 – 38; Смирнова-Косицкая, 2008, с. 175 – 179]. Однако для нашего исследования наличие либо отсутствие акростиха в переводе интересно не только с поэтической точки зрения. Сосуществование в церковнославянской книжности двух переводов-редакций, основанных на различных принципах – с передачей акростиха и связанными с этим существенными изменениями в структуре текста и без акростиха и, следовательно, буквально более точно повторяющих оригинальный текст – позволяет более наглядно представить отношения, существовавшие между различными редакциями и традициями текста, выявить факты из взаимовлияния. Во-вторых, нам показалось интересным восстановить начальные этапы истории одного из текстов, входящих в последование Великого канона, и сопоставить результаты с полученными ранее при анализе текстологии самого текста Великого канона, изложенными в третьей главе. Таким образом, мы получим возможность убедиться в том, имели ли тексты, входившие в одно последование, сходную рукописную историю, или на них также распространялась вышеотмеченная «мозаичность» [Момина, 1983, с. 28] истории составлявших триодь гимнов.

Греческий оригинал стихир изучен слабо. В греческих рукописях и богослужебных сборниках XIX – XX века стихир, помещаемые либо перед Великим канонам, либо после него в составе как вечерней, так и утренней службы, как правило, или не содержат имени автора, или приписываются Симеону Метафрасту [Τριώδιον, 1867, с. 256; Τριώδιον, 1879, с. 457; Τριώδιον, 1992, с. 292]. Данная атрибуция повторяется и в исследовательской литературе и основывается не только на рукописных свидетельствах, но и на существовании близких текстов, в частности, многочисленных алфавитных

стихир, приписываемых этому плодовитому церковному автору [Emereau, 1925, с. 175; Ευστρατιάδης, 1931, с. 63], Однако, принимая во внимание относительно раннее появление стихир в славянской письменности, принадлежность их Симеону Метафрасту представляется сомнительной. В некоторых древних славянских рукописях в качестве автора стихир упоминаются имена Иоанна Дамаскина или самого Андрея Критского [Александрова, 2014, с. 44] (см. в частности, *Киян. и Пог. 40*). Атрибуция стихир Андрею Критскому встречается и в русской научной литературе [Правдолюбов, 1987, т. 2, с. 70 – 73, 171 – 172; Василик, Желтов, 2008, с. 64 – 65]. Впрочем, и данная атрибуция, скорее всего, ошибочна, поскольку не подтверждается данными ранних греческих рукописей, притом, что перенесение имени создателя канона на сопутствующие ему стихиры легко могла произойти в процессе переписывания памятника. Во многих греческих источниках стихиры приводятся без имени автора и подписываются просто στιχηρὰ κατασκευτὰ либо στιχηρὰ τοῦ μεγάλου κανῶνος [Παλαδοπουλου-Κεραμέως, 1910, с. 507; Александрова, 2014, с. 44]. Итак, скорее всего, перед нами анонимное произведение византийской книжности, написанное другим автором и независимо от Великого канона и позднее соединенное с ним в одно последование на основе общности главной темы обоих произведений – покаяния. И хотя развитие темы греха, возмездия и покаяния в отличие от Великого канона здесь строится без библейских мотивов и символов, главный мотив текста остается неизменным – грешная душа, кающаяся и взывающая к Господу о прощении. В греческих и славянских рукописях и печатных изданиях стихиры, относящиеся к разряду подобных (προσόμοια), как правило, предваряются указанием на 4-й глас (Ἦχος δ') и на наличие алфавитного акростиха: κατ' Ἀλφάβητον – по главамъ азбуковъви (см., например, *Синод.319*) – причем вне зависимости от наличия или отсутствия в славянском переводе акростиха. Иногда в более поздних списках сообщается

количество стихир: стихирѣ $\bar{\kappa}$ д (F.n.I.55 и РГБ 25 (в последнем при этом реальное количество стихир 23, так как стихира 4 пропущена)). Регулярно встречающееся в рукописях указание на то, что стихирѣ подобны стихирѣ 4-го гласа хотѣхъ слѣзми ѡмзѣти, находящейся в Октоихе вечером в неделю 4-го гласа, в историческом плане, вероятно, не является точным: данная стихира была написаны по образцу алфавитных, а не наоборот [Правдолюбов, 1987, т. 2, с. 71; Василик, Желтов, 2008, с. 64 – 65]. Наконец, несмотря на изначальную связь стихир в богослужбной практике со службой Великого канона Андрея Критского, они не раз меняли свое конкретное место в составе этой службы. Текст стихир уже в самых ранних дошедших до нас греческих списках мог помещаться либо перед, либо после текста Великого канона [Александрова, 2014, с. 45]. В ранних славянских рукописях стихирѣ, как правило, помещаются после текста Великого канона в составе утрени на «Хвалитех». В некоторых списках, в частности, в Шафар., хоть сам текст стихир и помещен в составе утрени, ранее, до текста Великого канона, на вечерне среды стоит указание: рцѣ $\bar{\omega}$ великаго канона стихирѣ [Александрова, 2014, с. 46]. По свидетельству А. Пентковского, чтение стихир дважды: на вечерне и на утрени – соответствует Студийскому уставу [Пентковский, 2001, с. 243 – 244]. С другой стороны, сербские рукописи XIII – XIV века запечатлели традицию исполнения стихир частями: первые семь стихир читаются на вечерне на «Господи, воззвах», следовательно, помещаются до текста Великого канона, а остальные – на утрени на «Хвалитех», то есть идут после него. Данная практика соответствует Евергетидскому уставу, распространенному в то время в Сербии [Дмитриевский, 1895, с. 535]. Наконец, начиная с XIV века в славянской литургической практике закрепляется соответствующий Иерусалимскому уставу порядок чтения стихир на вечерне на «Господи, воззвах».

Вместе с изменением места стихир в богослужении меняется и псалом, на который они стихословились. В ранних южнославянских списках между

стихирами помещены строки из 50-го псалма. В восточнославянских списках строки из псалма не приводятся, однако, из помещенных приписок явствует, что стихиры стихословились на тот же псалом. Начиная с XIV века между стихирами исполняются стихи из нескольких псалмов: 141-го, 129-го, 116-го, 122-го [Александрова, 2014, с. 47].

Наконец, у рассматриваемого нами произведения в византийской книжности были и подражания – сходные алфавитные стихиры, в ряде списков используемые на месте аутентичных. М. Момина обнаружила, помимо исходного, еще два набора таких стихир с инципитами ἄνω τὸ ὄμμα и ἄσωτως κατανήλωσα. В последнем наборе имеется акростих ΑΙΝΟΣ ΛΕΟΝΤΟΣ [Δετοράκης, 2015, с. 135 – 137]. Данные вторичные наборы алфавитных стихир, сохраняющие метрическую схему, а иногда и алфавитный акростих и рефрен исходных, значительно реже – в единичных списках – встречаются в греческой традиции. Несмотря на это стихиры с инципитом ἄνω τὸ ὄμμα были использованы вместо исходных при Афонской справе (инципит в славянских списках горѣ очима мзысленыма). Таким образом, Афонская редакция содержит отличный от всех ранних триодей состав данных стихир [Александрова, 2014, с. 50 – 51] и потому не использовалась нами ниже для сопоставления. Однако уже с незначительно отстоящей по времени справы, легшей в основу списка *F.n.I.55*, церковнославянская традиция возвращается к исходному составу стихир.

Полный греческий текст алфавитных стихир исходного типа по обнаруженной им в Петербурге триоди постной X века был опубликован А. Пападопулу-Керамевсом без привлечения, однако, сопоставительного материала других рукописей либо изданий текста [Παπαδοπούλου-Κεραμέως, 1910, с. 507–518]. В настоящем исследовании греческий текст был рассмотрен нами как по вышеуказанному изданию А. Пападопулу-Керамевса, так и по богослужебным изданиям триоди постной [Τριώδιον. 1867. С. 256 – 258].

История алфавитных стихир на славянской почве, по всей видимости, началась уже с начальных этапов перевода триоди постной на церковнославянский язык. Интересен и показателен тот факт, что вышеотмеченные стихирь встречаются даже в самых архаичных, в соответствии и с классификацией М.Моминой и с нашими предыдущими результатами, типах триоди: Киянинском, Шафариковском и Битольском [Момина, 2004, с. 131 – 133]. Другой особенностью ранних стадий рукописной истории стихир было наличие в церковнославянской традиции перевода со славянским акростихом. На наличие акростиха в одной из славянских редакций впервые обратил внимание Г.Попов [Попов, 1985, с. 72]. Описав особенности неполного славянского акростиха данных произведений, связанных с большим числом букв славянского алфавита в сравнении с греческим, исследователь указал на возможную связь акростишного перевода рассматриваемых стихир и Акафиста Богоматери с «первоначальным переводом триоди и с деятельностью первых славянских просвятителей» [Попов, 2003, с. 37 – 38]. Позднее славянский акростих стихир был описан Т.А. Александровой на материале Сербской и Шафариковской Триодей [Александрова, 2014, с. 48 – 49, 51 – 52]. Исследовательница активно привлекает для сопоставления и материал других как ранних, так и более поздних редакций текста, не приходя, однако, к выводу относительно их взаимного соотношения и хронологической последовательности. Необходимо также отметить, что акростишная редакция стихир существовала только в южнославянской – болгарской и сербской традиции – и не присутствует в восточнославянских списках.

Итак, все проанализированные нами славянские списки триоди постной XII – XV вв., содержащие данные стихирь (за исключением списков Афонской редакции, в которой, как уже указывалось выше, рассматриваемые стихирь были заменены на другие аналогичные им) могут быть разделены на два типа: списки с порядком стихир, повторяющим порядок греческого оригинала, и списки с измененным порядком стихир, сделанным с целью воспроизведения

алфавитного акростиха оригинала. К последним относятся списки следующих рукописей:

- *Серб.* – листы со стихирами сохранились полностью, состав достаточно полный: 23 стихир (за исключением стихир 16) с хорошо сохранившимся славянским акростихом.
- *Шафар.* - листы со стихирами сохранились полностью, состав: 22 стихир с частично разрушенным славянским акростихом.
- Два листа из Триоди постной *Щук.* – сохранилось начальная часть из 14 стихир в акростишном порядке (буквы А – Н) с частично разрушенным акростихом.
- *НБС 644* – листы со стихирами сохранились полностью, всего 19 стихир в акростишном порядке в соответствии с Евергедитским уставом разбиты на три части: первая из 7 стихир читается на вечерне до Великого Канона (на «Господи воззвах»), вторая из десяти стихир – на утрени (на «Хвалитех») после текста канона, наконец, еще две стихир вставлены в стихир на стиховне.
- *Ф. н. I. 92* – сохранилась только вторая часть из 10 стихир (см. выше), читаемая на утрени после Великого Канона (буквы Z – П), отсутствует вышеназванная вставка в стихир на стиховне.

Порядок стихир, повторяющий порядок греческого оригинала, был отмечен в следующих южнославянских и восточнославянских рукописях:

- *Битол.* – сохранился только первый лист с 10 первыми стихирами без акростиха (сохранен порядок стихир оригинала), на конце первой страницы в середине стихир 5 одна строка написана глаголицей.
- *Загреб.* – стихир полностью без акростиха, порядок соответствует порядку греческого оригинала.
- *Киян.* – сохранились страницы со стихирами от 1 до 14, отсутствует стихир 13, стихир 6 и 7 помещены после стихир 14.

- *Синод.319* – текст стихир полностью, за исключением стихир 24, от которой сохранены лишь начальные слова, далее она продолжается богородичным.
- *Пог. 41* – пропущены стихир 3 и 4, также отсутствует стихира 24.
- *Орбел.* – пропущена стихира 24.
- *Пог. 40* – пропущена стихира 24.
- *Хлуд. 133* – пропущена стихира 24.
- *Хлуд. 138* – пропущена стихира 24.
- *Хлуд. 139* – пропущена стихира 24.
- *БАН 40* – сохранились листы со стихирами от 1 до середины стихир 16, рукопись по краям повреждена, что значительно затрудняет чтение текста.
- *Ф.п. I.55* – полный состав стихир.
- *РНБ 25* – пропущены стихира 4, стихира 6 переставлена после стихир 8.

Особо отметим, что восточнославянские списки *Синод. 319* и *Пог. 41* в соответствии с классификацией М. Моминой относятся к Гимовскому типу [Полякова, 2015, с. 39 – 53], а *Орбел.*, *БАН 40* и три списка из собрания Хлудова – к Орбельскому типу [Момина, 2004, с. 131 – 133].

Итак, первый параметр, по которому может быть произведена классификация списков, – это порядок стихир. На первом этапе, как мы показали выше, списки можно разделить на две группы: в одной, представленной списками *Битол.*, *Загреб.*, *Киян.*, *Синод. 319*, *Пог. 41*, *Орбел.*, *БАН 40*, *Ф.п. I.55*, *РНБ 25*, а также всеми списками Хлудовского собрания, порядок стихир повторяет порядок греческого оригинала. Среди списков данной группы выделяется Триодь Моисея Киянина с перестановкой стихир 6 и 7 после стихир 14. Кроме того, среди списков, сохранивших конец памятника, только Загребская Триодь, *Ф.п. I.55* и *РНБ 25* полностью сохранили текст стихир 24. В прочих списках эта стихира либо отсутствует полностью, либо совмещена с последующим богородичным, причем от стихир сохранена лишь начальная фраза о неизреченнаго ти милосрдия (*Синод. 319*).

В прочих списках, составляющих вторую группу, порядок стихир изменен для создания акростиха из 24 первых букв церковнославянского алфавита, воспроизводящего греческий алфавитный акростих оригинала. Условно назовем эту группу списков Акростишной группой, восходящей к единому протографу – Акростишной редакции. Восстановление ранних этапов истории славянского перевода стихир начнем с описания Акростишной группы.

1.4.2. Акростишная группа стихир службы Великого канона – измененный порядок стихир как основной параметр классификации.

Как уже указывалось выше, в самом лучшем виде акростих сохранился в списке Серб. Итак, именно по этому списку мы имеем возможность в гипотетическом виде восстановить структуру протографа Акростишной редакции. Начальные буквы 23 стихир списка Серб. соответствуют первым 24 буквам славянского кириллического алфавита (от А до Ц). В славянском акростихе отсутствует только буква В – возможно, в славянском протографе с данной буквы начиналась отсутствующая во всех списках Акростишной редакции стихира 16: Πόρνη τοῖς δάκρυσι καταβρέχει. Для воспроизведения в переводе акростиха оригинала славянский переводчик использует три основных способа, аналогичные способам, описанным нами ранее (см. глава 2) при анализе славянской акростишной редакции Акафиста Богоматери [Борисова, 2016а, с. 70 – 75; Иванова, 1971, с. 341–365; Александрова, 2014, с. 48 – 49].

1. Перестановка стихир без внесения существенных изменений в их тексты. Этот способ используется наиболее часто (13 из 23 случаев). Список данных 13 стихир с начальными буквами и словами в греческом оригинале и славянском переводе приводится в таблице 4. 1.

Таблица 4. 1.

Стихиры Акростишной редакции (по списку *Серб.*), не содержащие дополнительных слов для создания акростиха¹⁴.

Порядковый номер стихир в греческом оригинале	Первая буква/ первое слово стихир в греческом оригинале	Порядковый номер стихир в акростишном переводе	Первая буква/ первое слово стихир в акростишном переводе
3	Γ (Γέγονα)	II	Б (БЗІХЪ)
4	Δ (Δήμιος)	III	О/ W (ОБЛИЧИТЕЛЬ)
5	Ε (Εκών)	XXII	Х (ХОТЕ)
6	Ζ (Ζήσεται)	VI	Ж (ЖИВА)
8	Θ (Θήρής)	VII	С/ Z (ЗВѢРИЕ)
9	Ι (Ίαμα)	XXIII	Ц (ЦѢЛБА)
10	Κ (Κρούψας)	XI	К (КРИТАХЪ)
11	Λ (Λίμνην)	V	Е (ЕЗЕРО)
13	Π (Νεῦσον)	XVI	П (ПОВЕЛИ)
18	Σ (Στήριξον)	XX	Ѣ (СКРѢПИ)
20	Υ (Υἱός)	XVIII	С (СЗИНЪ)
21	Φ (Φθόνω)	VIII	З (ЗАВИСТИЖ)
22	Χ (Χειρά)	XVII	Р (РЖКЖ)

2. Наряду с перестановкой стихир в пределах всего текста производится и перестановка слов в начале стихир с тем, чтобы первое слово начиналось с необходимой для акростиха буквы. Прием используется только один раз для стихир 24 (Ω), начинающейся с фразы ὦ τῆς ἀφάτου σου εὐσπλαγχνίας.

В славянском тексте стихира помещается на XIX месте (Т), начинаясь с фразы твоемоу незадгражденомоу млсрдню.

3. Наконец, в оставшихся 9 случаях в начале стихир добавляются дополнительные слова, более или менее подходящие по смыслу к исходному тексту и начинающиеся с необходимой в соответствии с акростихом буквы. Эти слова, которые мы называем акростишными словами, приводятся в таблице 4.

2.

¹⁴ Здесь и ниже порядковый номер стихир в греческом оригинале обозначается арабскими цифрами, в церковнославянском тексте акростишной редакции – римскими цифрами.

Таблица 4. 2. Стихиры Акrostишной редакции (по списку *Серб.*) с добавленными для создания акrostиха словами

Порядковый номер стихир и буква акrostиха греческого оригинала	Начальные слова греческого оригинала	Порядковый номер стихир и буква акrostиха славянского перевода	Добавочное акrostишное слово	Начальные слова славянского перевода
1 (Α)	Ἄπας ὁ βίος μου μετὰ πορνῶν	Ι (Α)	азъ	азъ житиѣ моеѣ съ блѣдникъѣ
2 (Β)	Βάρει συνέχομαι ἀμελείας	XXI (Φ)	φarisεwвою	
7 (Η)	Ἥμαρτον ἡμαρτον ἀθετήσας	XIII (Μ)	много	много сзгрѣшихъ ѿвергы
12 (Μ)	Μέλλεις καθέζεσθαι ἐπὶ θρόνου	III (Γ)	гди кгда	гди кгда хоцещи сѣсти на прѣстолѣ
14 (Ξ)	Ξίφη ηὔτρεπισεν ὁ Βελίαρ	IX (Ι)	ї оуветри	ї оуветри и оуготови стрѣльць
15 (Ο)	Ὅλος τοῖς πάθεσιν ἐδουλώθην	XIV (Ν)	не.. ли	не вьсь ли стретемъ поработихъ се
17 (Ρ)	Ῥύπον καθάρισον τῆς ψυχῆς μου	XII (Λ)	лютоую	лютоую скврнуу дше моеѣ вчисти
19 (Τ)	Τεῖχος ἀπόρθητον ἡμῖν γενοῦ	IV (Δ)	добраѣ	добраѣ стѣна на помощь намъ боуди
23 (Ψ)	Ψάλλοντα, δέξαι με	X (Ι)	и	и поюца прими ме

Приняв описанный выше список *Серб.* за наиболее близкий из дошедших до нас к протографу редакции, в котором, очевидно, акrostих выдерживался полностью, посмотрим, как изменилась структура текста в других списках с

измененным порядком стихир и в той или иной мере разрушенным акростихом. В таблице 4. 3. приведено сопоставление порядка стихир данных списков, при этом пустые клетки соответствуют стихирам, не сохранившимся в конкретных славянских рукописях. Для анализа степени сохранности акростиха мы также приводим начальные буквы стихир. Акростишные слова при наличии приводятся в скобках.

Таблица 4. 3. Последовательность стихир и степень сохранности акростиха в списках Акростишной группы

Порядок стихир в славянском списке	<i>Серб.</i>	<i>Щук.</i>	<i>Шафар.</i>	<i>НБС 644</i>	<i>F.n.I. 92</i>
I	1 А (азъ)	1 А (азъ)	1 А (азъ)	1 А (азъ)	
II	3 Б	3 Б	3 Б	3 Б	
III	12 Г (гди егда)	12 Г (гди егда)	12 Г (гди егда)	19 Д (добрага)	
IV	19 Д (добрага)	19 Д (добрага)	19 Д (добра)	11 Е	
V	11 Е	11 Е	11 Е	6 Ж	
VI	6 Ж	6 Ж	6 Ж	8 З	
VII	8 С	8 З	8 С	22 Р	
VIII	21 З	21 З	21 З	8 З	8 З
IX	14 І (и оцетри)	14 И (и оцетри)	14 И (иззоцетри)	14 М	14 М
X	23 И (и)	23 П	23 И (и)	10 П (приехъ)	10 П (приехъ)
XI	10 К	10 К	17 Л (лютѣѣ)	17 Л (лютѣѣ)	17 Л (лютоую)
XII	17 Л (лютоую)	17 Л (лютѣѣ)	7 М (много)	7 М (много)	7 М (много)
XIII	7 М (много)	7 М (много)	4 Ѡ	15 Н (не.. ли)	15 Н (не.. ли)
XIV	15 Н (не.. ли)	15 Н (не.. ли)	13 П	4 О	4 О
XV	4 О		22 Р	13 (начало 4 Ѡ)	13 П
XVI	13 П		20 С	23 П	23 П
XVII	22 Р		18 Ѣ	24 О	24 О
XVIII	20 С		2 Т	20 С	

XIX	24 Т		15 N (не.. ли)	21 Z	
XX	18 Ф		24 Т		
XXI	2 Ф (фарисеевою)		5 X		
XXII	5 X		9 Ц		
XXIII	9 Ц				

Из анализа таблицы очевидно, что порядок стихир *Серб.* полностью сохранился лишь в дошедшем до нас отрывке *Шук.* В данном списке наблюдаются некоторые нарушения славянского акростиха, наиболее значительным из которых является утрата акростишного слова – союза И в стихире X (23), которая начинается теперь с нарушающей акростих буквы П. В целом, насколько можно судить на основании сохранившегося фрагмента, как порядок, так и тексты стихир (см. на примере сопоставления текстов двух произвольно выбранных стихир в таблице 4. 4.) данного списка практически полностью – за исключением разночтений, восходящих к ошибкам переписчиков – совпадают с списком *Серб.* и, следовательно, могут быть объединены с ним в одну закрытую традицию.

Таблица 4. 4. Сопоставление текстов двух произвольно выбранных стихир по спискам *Серб.* и *Шук.* (основные разночтения подчеркнуты)

№ стихиры	<i>Серб.</i>	<i>Шук.</i>
7	много сьгрѣшихъ ѿвѣрьгъ повелѣнзихъ мнѣ бѣ цѣльба воуди ми блгдтелю да прозрю оуноутрънима <u>вчима</u> извѣгноувъ исъ тьмзи и съ страхомъ въпию ти ги...	много сьгрѣшихъ ѿвѣрьгъ повелѣнзихъ мнѣ бѣ цѣльба <u>ми</u> вѣди блгдтлю да прозра <u>вчима</u> <u>взнѣтрънзма</u> извѣгнѣ ис тьмзи и съ страхомъ въпиѣ ти ги...
15	не всьли стретемъ поравотихъсе вставивъ <u>законъ бжи</u> и писание всего ме ицѣли блгдѣтелю иже мене ради помнѣ взи въ блже вбрати ме <u>яко</u> щедръ страстемъ вчистителю ги..	не всели стретемъ поравотихъса вставивъ <u>злихъ нъ спсениа</u> вьсего ма ицѣли блгдѣтелю еже мене ради помнѣ взи въ блже <u>вбрати</u> ма <u>яко</u> щедръ страстемъ вчистителю ги..

Текст стихир Шафариковской триоды может быть условно разбит на две части. В первой (стихиры I – XII) за исключением пропущенной, видимо, по ошибке переписчика, стихиры XI (10), порядок стихир следует за списком *Серб.*, сохраняя славянский акростих. Во второй части (XIII – XXII) наблюдаются перестановки стихир, ведущие к разрушению акростиха, а также из стихиры XVIII (2) удаляется акростишное слово.

Отдельную группу в пределах акростишного типа составляют два сербских списка, в которых стихиры читаются не вместе, но разбиты на несколько частей. Первые семь стихир читаются на вечерне на «Господи воззвах». Это стихиры I – VI Акростишной редакции и завершающая данную часть стихира 22 (XVII в акростишной редакции – буква Р). Данная часть дошла до нас только в списке *НБС 644*. Вторая часть из десяти стихир, сохранившаяся в обоих списках, начинается с повторения уже употребленной в первой части стихиры 8 (**S-Z**). За ней следуют еще 6 стихир в акростишном порядке с частично нарушенным акростихом (см. стихиры 14 и 10) и пропуском стихиры 23 (**И**). Далее в списках идет следующая в акростишной последовательности стихира 13 (**П**). Однако в *НБС 644* она, очевидно, вследствие ошибки переписчика, предваряется первой строкой предыдущей стихиры 4 с изменением только начальной буквы (вместо **О – W**): *ѡбличительъ взыхъ дѣхочу моюмоу призри мл҃срднѣимъ ти ѡкомь*. Наконец, в обоих списках вторая часть завершается двумя последними в греческом оригинале стихирами без акростишных изменений. В *НБС 644* ниже среди стихир на стиховне въ разбоиническѣ поучѣти и въ вѣрнѣ вѣрѣти ѡбълькышесе вставлены еще две из рассматриваемых стихир - стихиры 20 и 21. Данная вставка отсутствует в *F.n.I.92*. Итак, два данных сербских списка отличаются от других списков акростишной редакции, помимо вышеуказанного деления их на части,

практически полным разрушением акростиха и несомненным влиянием другой редакции. Данные списки, несмотря на различия между ними, также можно объединить в группу, которую, вслед за М. Моминой [Момина, 2004, с.133], назовем Евергетидской.

Итак, лишь два списка из пяти списков Акростишной группы с измененным порядком стихир – *Серб.* и *Шук.* – можно условно охарактеризовать как чистую Акростишную редакцию. В прочих списках влияние другого источника очевидно. Для выявления как самого этого источника, так и размеров и характера влияния сопоставим полученные ранее данные с анализом списков второй группы: с порядком стихир, повторяющим порядок греческого оригинала, исключив из него на данном этапе хронологически более поздние списки *F.n.I.55* и *РГБ 25*.

1.4.3. Группа списков с порядком стихир, повторяющим порядок греческого оригинала. Битольская, Гимовская и Хлудовская редакции стихир

Прежде всего, выделим в данной группе список Битольской триоди – наиболее ранний список, глаголическая вставка в тексте которого указывает на то, что он был списан с глаголического протографа. К сожалению, небольшая часть сохранившегося текста не дает возможности делать окончательных выводов относительно его особенностей. Однозначен, однако, тот факт, что в тексте отсутствовал славянский акростих и порядок стихир следовал за порядком греческого оригинала. Архаичный язык текста и существенные отличия от всех прочих списков даже на материале относительно небольшого сохранившегося фрагмента указывают на то, что здесь представлена отдельная – возможно, наиболее древняя – редакция текста стихир. В качестве показательного примера приведем (таблица 4. 5.) сопоставление текста стихир 2 по спискам *Битол.*, *Серб.* и восточнославянскому *Синод.319*.

Таблица 4. 5. Сопоставление текстов стихир 2 по трем славянским спискам

Греч. оригинал	Βάρει συνέχομαι ἀμελείας, τῷ βορβόρῳ ἐγκυλινδούμενος, βέλει κεντούμενος τοῦ Βελίαρ, καὶ μολύνω τὸ κατ' εἰκόνα μου. Ἐπιστροφεῦ ἀμελούντων, καὶ λυτρωτὰ ἐπταισμένων, Κύριε, πρὶν εἰς τέλος ἀπόλωμαι, σῶσόν με
Битол.	БРѢМА ТИШИТЪ МА ГРѢХОВНОЕ В ГЛѢВИНѢ ТИПНѢ ПОГРѢЖАЕМЪ СТРѢЛЕЦЪ СТРѢЛѢТЬ МА ЗЛОДѢИ НВ СКВРЪНЪИХЪ ВБРАЗЪ ТВОИ ВБРАЦЕНИЕМЪ ЛЕНИВОМЪ ИЗБАВИТЕЛЮ СЪГРѢШАЩИМЪ ГИ ДАЖЕ...
Серб.	фарисеѡвою теготою сьнемлемь грѣховною въ глоубинѣ скврньнѣи вьлаю се јако стрѣлами стрѣлаємь ловьчами и wskврньнихъ еже по wбразоу моемоу wбратителю лѣнивзимъ избавителю сьгрѣшающимъ ги даже...
Синод. 319	ТАГОТОЮ ОБЪДЕРЖИМЪ ЕСМЪ И ЛѢНОСТИ НИ ВЪ СКВРЪНАХЪ ВАЛАІАСА СТРѢЛОЮ ОΥΓΑΖΒΑЕМЪ ΖΥΛΟΔѢЮ СКВРЪΝΑΓΑ ВБРАЗЪ ΜΟΙ ΟΒΡΑΤΙΤΕΛЮ ЛѢНИВЗИМЪ И ИЗБАВИТЕЛЮ ПРѢГРѢШЕНИЕМЪ ГИ...

Кроме того, несомненно, что перевод производился с оригинала, имеющего значительные отличия от сохраненного в традиции греческого оригинала стихир, и/или был выполнен с существенными ошибками и неточностями. В качестве показательного примера сопоставим текст стихир 4 *Битол.* и более позднего списка *Орбел.* с греческим оригиналом произведения (таблица 4. 6.).

Таблица 4.6. Сопоставление текста стихир 4 по спискам Битольской и Орбельской триодей

Греческий оригинал	Δήμιος γέγονα τῇ ψυχῇ μου, τῆς σαρκός μου πρόνοιαν ποιησάμενος, δαίμοσι παίγνιον κατεστάθην, ἠδοναῖς δουλεύων καὶ ἀτοπήμασι τῇ εὐσπλαγχνίᾳ σου φεῖσαι, φυγαδευτὰ τῶν δαιμόνων. Κύριε, πρὶν εἰς τέλος ἀπόλωμαι, σῶσόν με.
Битол.	сѣдъ взихъ дши своеи своеи плзти пвсть сѣтворивъ вѣсомъ рѣганъ взихъ сладемъ работаѣ грѣховнзимъ млднем си пощѣди ма разгонителю вѣсомъ ги прѣже даже не погзбноу спси ма
Орбел.	ратнзикъ взихъ дши моеи и плътзи моеи оугодиѣ сѣдѣлавъ вѣсомъ взихъ игралице сладемъ работаю не подобнзимъ млсрдиемъ си пощѣди ме прогонителю вѣсомъ ги даже не погзбноу спси ма

Итак, можно предположить, что перед нами список, отразивший древнюю глаголическую традицию памятника, как мы видим, не содержащую

славянского акростиха. Напротив, список *Серб.*, по всей видимости, отражает существовавшую параллельно и впоследствии возобладавшую кириллическую традицию (на это указывает и кириллический акростих стихир без буквы «гервь» в отличие от азбучных стихир декабрьской и январской Минеи, исследованных Кл. Ивановой, где наличие в акростихе буквы «гервь» указывает на их глаголическое происхождение [Иванова, 1971, с. 346 – 347]). На архаичность списка *Битол.* указывают и вариации в переводе рефрена стихир Κύριε, πρὶν εἰς τέλος ἀπόλωμαι, σῶσόν με. Большинство списков переводит его единообразно: ги даже до конца не погзибнж спси ма. Лишь в двух списках – *Битол.* и *Загреб.*- наблюдается варьирование в переводе данного рефрена. Так, в 9 сохранившихся стихирах *Битол.* рефрен передается следующим образом (см. таблицу 4.7.). Данные о переводе рефрена *Загреб.* будут приведены ниже при рассмотрении соответствующего списка.

Таблица 4. 7. Сопоставление текстов рефренов стихир Битольской триоди

Номер стихир	Рефрен
1, 7, 8, 9	<u>г</u> и пр <u>ѣ</u> жд <u>ѣ</u> <u>к</u> он <u>ц</u> а не пог <u>з</u> ибн <u>ж</u> <u>сп</u> си <u>м</u> а
5	<u>г</u> и пр <u>ѣ</u> жд <u>ѣ</u> <u>д</u> о <u>к</u> он <u>ц</u> а не пог <u>з</u> ибн <u>ж</u> <u>сп</u> си <u>м</u> а
4	<u>г</u> и пр <u>ѣ</u> жд <u>ѣ</u> <u>д</u> аже не пог <u>з</u> ибн <u>ж</u> <u>сп</u> си <u>м</u> а
2, 3	<u>г</u> и <u>д</u> аже <u>д</u> о <u>к</u> он <u>ц</u> а не пог <u>з</u> ибн <u>ж</u> <u>сп</u> си <u>м</u> а

Значительное отличие восточнославянских списков *Синод. 319* и *Пог. 41* от *Битол.* видно уже на основе приведенного в таблице 4.5 сопоставления текста стихир 2. Однако между собой эти списки, несомненно, составляют закрытую традицию. Отличия между ними сводятся к ошибкам переписчиков, в частности, к пропуску стихир 3 и 4 в *Пог. 41* и незначительным текстовым разночтениям. Приведем для сопоставления тексты двух стихир с максимальными текстовыми различиями - стихир 13 и 19 (таблица 4. 8).

Таблица 4.8. Сопоставление текстов двух показательных стихир по спискам *Синод. 319* и *Пог. 41* (разночтения подчеркнуты)

№ стихиры	Синод. 319	Пог. 41
13	призри <u>млсѣрднѣим</u> <u>окѣмь</u> и боуди <u>млстивзи</u> бгъ течение <u>дѣла</u> ицѣленію <u>страстнѣи</u> моєи <u>дѣши</u> отълоучи ма ѿ сквѣрннѣ дѣлъ <u>моихъ</u> да и азъ вѣзъзѣваю ги...	призри <u>млсѣрднѣимь</u> и боуди млстивзи бѣзъ <u>точение</u> <u>дѣрѣи</u> цѣленіа <u>страстнѣи</u> <u>оканнѣи</u> <u>дѣши</u> моєи ѿлоучи ма ѿ <u>сквѣрннѣ</u> <u>дѣлѣ</u> <u>моихъ</u> да и азъ <u>вѣзъзѣваю</u> ги...
19	стѣна и <u>помощь</u> <u>наша</u> боуди <u>иссе</u> <u>сѣпаси</u> ма <u>млстивзи</u> бѣ <u>образѣ</u> бо и <u>дѣлѣ</u> <u>лѣстивзи</u> ми ни <u>зѣпадохомъ</u> нѣ <u>вѣскрѣси</u> <u>сѣзъдание</u> <u>свое</u> <u>ѣако</u> <u>блгодѣтель</u> и <u>прѣмени</u> <u>са</u> <u>ѣако</u> <u>щѣдрѣ</u> ги...	стѣна и <u>помощь</u> <u>наша</u> боуди <u>спсе</u> <u>иссе</u> <u>млстивзи</u> бѣ <u>образѣ</u> бо и <u>дѣлѣ</u> <u>лѣстивзи</u> ми ни <u>зѣпадохъ</u> нѣ <u>вѣскресе</u> <u>сѣзъдание</u> <u>свое</u> <u>ѣако</u> <u>блгодѣтель</u> <u>премена</u> <u>са</u> <u>ѣако</u> <u>щѣдрѣ</u> ги <u>даже</u> ...

Особо коснемся судьбы последней стихиры 24 в данной редакции. В *Пог. 41* она отсутствует. Однако на основании присутствия начала данной стихире в *Синод. 319*, «сращенной» с богородичной стихирой, можно с уверенностью утверждать, что данная стихира существовала в протографе и исчезла позднее вследствие ошибки писца – ошибки, легко объясняемой текстовой близостью начальных слов обеих стихир. Посмотрим на то, как произошло объединение стихир в Синод., сопоставив в таблице 4. 9. чтение данного списка с греческим оригиналом и списком *F.n.I.92*, в котором и стихира 24, и богородичная стихира представлены в полном виде.

Таблица 4.9. Сопоставление текстов стихире 24 и богородичной по спискам *Синод. 319* и *F.n.I.92*

Греч. оригинал	<i>F.n.I.92</i>	<i>Синод. 319</i>
Ὡ τῆς ἀφάτου σου εὐσπλαγχνίας, ὑπεράγαθε ἀνεξίκακε Κύριε! ὦ ἀναμάρτητε καὶ οἰκτίρμον, μή με ἀπορρίψης ἀπὸ τοῦ προσώπου σου, ὅπως καὶ γὰρ εὐχαρίστως, χαίρων καὶ ψάλλων βοῶ σοι Κύριε...	о неизреченнаго ти <u>млсрднѣа</u> <u>прѣвлгзи</u> и незловивее ги w везгрѣшне и неизреченне щѣдрѣ не ѿвръзи мене ѿ лица твоего <u>ѣако</u> да и азъ <u>блгодарьствьно</u> радочисе вьпию ти ги...	о <u>неиздреченнааго</u> ти <u>млсрднѣа</u> о страннааго рожество прѣдивьное о како <u>дѣвица</u> <u>ѣако</u> <u>младенца</u>
Ὡ τῇ ἀρετῇ συγκатаβάσει! ὦ τοῦ ξένου τόκου τὸ	страннаго <u>рождѣства</u> ти прѣдивьнѣе <u>вещи</u> <u>како</u>	<u>носиши</u> на <u>роукоу</u> и <u>творьца</u>

ὑπερθαύμαστον! ὦ πῶς Παρθένος βρέφος σε φέρει, ἐν ἀγκάλαις ταύτης τὸν Ποιητὴν καὶ Θεόν! ὁ ἐξ αὐτῆς σαρκωθῆναι, καταδεξάμενος εὐεργέτα, Κύριε...	ДВЦЦА МЛАДѢНЦЬ НОСИТЬ НА РОУКОУ ТВОРЦА ВСѢХЪ И ГДА ИЖЕ Ѡ НЕНЕ ВПЛЬТИТСЕ ИЗВОЛИВЪ БЛГДТЛЮ ГИ...	ВЪСѢХЪ Ѡ НЕА ВЪПЛЪТИТСА ИЗВОЛИВЪИ БЛГДѢТЕЛЮ ГИ...
--	---	--

С другой стороны, шесть южнославянских (болгарских и сербских) списков: *Орбел*, *Пог. 40*, *Хлуд. 133*, *Хлуд. 138*, *Хлуд. 139* и *БАН 40* также легко объединяются в единую традицию, которую мы назовем Хлудовской. Прежде всего, эти списки имеют сходство в структуре: порядок стихир, следующий за порядком оригинала, отсутствие акростиха, отсутствие стихир 24, которое, вероятно, не восходит к греческому оригиналу, в котором состав и порядок стихир «контролировался» акростихом, но появилось уже на славянской почве вследствие вышеотмеченной близости данной стихир к следующей за ним богородичной. Кроме того, несмотря на определенные различия между данными списками, происходящими от ошибок переписчиков, за незначительными исключениями все они восходят к единому протографу. Убедимся в этом, сравнив в таблице 4. 10. тексты двух произвольно выбранных стихир, сохранившихся во всех списках (стихиры 3 и 5).

Таблица 4. 10. Сопоставление текстов стихир 3 и 5 списков Хлудовской редакции (основные различия подчеркнуты)

<i>Орбел.</i>	ВЪИХЪ ПРѢТЪКАНИЕ <u>ВЕЗАКОНЪИМЪ</u> СЪДѢЛАВЪ ЯКО ЗЕМЕНЬ ЗЕМНАА <u>БРАКОУ</u> ПРИВЪЩИВЪ СА <u>ПОВЕЛѢНИЕМЪ</u> И ПРѢСТѢПИВЪ <u>ВСКВЕРНИХЪ</u> МОЕ ЛОЖЕ Ѡ ЗЕМА СЪЗДАВЪ МА СЪЗДАНИЕ СИ НЕ ПРѢЗРИ ГИ...
<i>Пог. 40</i>	ВЪИХЪ ПРѢТЪКАНИЕ <u>ВЕЗАКОНЪИМЪ</u> СЪДѢЛАВЪ ЯКО ЗЕМЕНЬ ЗЕМНАА <u>БРАКОУ</u> ПРИВЪЩИВЪ СА <u>ПОВЕЛѢНИЕМЪ ТІ</u> И ПРѢСТѢПИВЪ <u>ВСКВЕРНИХЪ</u> ЛОЖЕ МОЕ ЕЖЕ Ѡ ЗЕМА СЪЗДАВЪ МА СЪЗДАНИЕ СИ НЕ ПРѢЗРИ ГИ...
<i>Хлуд. 133</i>	ВЪИХЪ ПРѢТЪКАНИЕ <u>ВЕЗАКОНЪИМЪ</u> СЪДѢЛАВЪ ЯКО ЗЕМЛЕНЬ ЗЕМНАА <u>БРАКОУ</u> ПРИВЪРАЦИ СА <u>ПОВЕЛѢНИЕМЪ</u> ПРѢСТОУПИВЪ <u>ВСКВЕРНИХЪ</u> МОЕ ЛОЖЕ ЕЖЕ Ѡ ЗЕМА СЪЗДАВЪИ МА СЪЗДАНИЕ СИ НЕ ПРѢЗРИ ГИ...
<i>Хлуд. 138</i>	ВЪИХЪ ПРѢТЪКАНИЕ <u>ВЕЗАКОНЪИМЪ</u> СЪДѢЛАВЪ ЯКО ЗЕМЕНЬ ЗЕМНАА <u>БРАКОУ</u> <u>ПРИВЪЩИВЪ</u> СА <u>ПОВЕЛѢНИИ ТВОИХЪ</u> И ПРѢСТѢПИВЪ <u>ЗАКОНЪ</u> <u>ОСКВЕРНИХЪ</u> ЛОЖЕ МОЕ ИЖЕ Ѡ ЗЕМА СЪЗДАВЪИ МА И СЪЗДАНИЕ СИ НЕ ПРѢЗРИ ГИ...
<i>Хлуд. 139</i>	ВЪИХЪ ПРѢТЪКАНИЕ <u>ЧЛКОМЪ</u> СЪДѢЛАВЪ ЯКО И ЗЕМЛЕНЬ ЗЕМЛЕНАА <u>БРАКОУ</u> <u>ПРИВЪЩИВЪ</u> СЕ <u>ПОВЕЛѢНИИ ТВОИХЪ</u> ПРѢСТОУПИВЪ <u>ЗАКОНЪ</u> И <u>ВСКВЕРНИХЪ</u> ЛОЖЕ МОЕ ИЖЕ Ѡ ЗЕМЛЕ СЪЗДАВЪИ МЕНЕ СЪЗДАВЪИ МЕ СЪЗДАНИЕ СИ НЕ ПРѢЗРИ ГИ

БАН 40	взѣхъ прѣтиканіе <u>веззаконнѣимъ</u> сдѣлавъ ꙗко земнѣ земнаѣ <u>бракоу</u> приувѣщисе <u>повелѣніемъ</u> и <u>прѣстоупивъ</u> вскрврънихъ мое ложе неже ѿ земли <u>сздав</u> ме <u>сзданиа</u> си не прѣзри ги...
Орбел.	волею сѣгрѣшихъ паче всѣхъ сего ради <u>вставень</u> взѣхъ имзи сѣперника <u>дши</u> моеи <u>пльтскѣзи</u> <u>помзисли</u> <u>вмрачаѣ</u> са <u>просвѣтителю</u> <u>темнѣимъ</u> и <u>наставѣниче</u> <u>зблѣждѣшимъ</u> ги...
Пог. 40	волеѣ сѣгрѣшихъ паче всѣхъ сего ради <u>вставлень</u> вѣхъ имзи сѣперника <u>дши</u> моеи <u>пльтскѣзи</u> <u>сзмзисль</u> и <u>вмрачѣѣ</u> са <u>просвѣтителю</u> <u>темнѣимъ</u> и <u>наставѣниче</u> <u>зблѣждѣшимъ</u> ги...
Хлуд. 133	волею сѣгрѣшихъ паче всѣхъ сего ради <u>поставлень</u> взѣхъ имзии сапрѣника <u>дши</u> моеи <u>пльтскѣзи</u> <u>мзисль</u> и <u>вмрачѣаса</u> и <u>просвѣтителю</u> <u>темнѣимъ</u> <u>наставѣниче</u> <u>зблѣждѣшимъ</u> ги...
Хлуд. 138	волею сѣгрѣшихъ паче всѣхъ сего ради <u>вставлень</u> взѣхъ имзи сѣперника <u>дши</u> моеи <u>пльтскѣзи</u> <u>сзмзисль</u> и <u>вмрачѣѣ</u> са <u>просвѣтелю</u> <u>темнѣимъ</u> и <u>наставѣниче</u> <u>зблѣждѣшимъ</u> ги...
Хлуд. 139	волею сѣгрѣшихъ паче всѣхъ сего ради <u>вставлень</u> взѣхъ имзии сѣпрѣника <u>дши</u> моеи <u>пльтскѣзи</u> <u>сзмзисль</u> и <u>вмрачаюсе</u> и <u>просвѣтителю</u> <u>тѣмнѣимъ</u> <u>наставѣниче</u> <u>зблѣждѣшимъ</u> ги...
БАН 40	волею сѣгрѣшихъ паче всѣхъ сего ради <u>вставлень</u> взѣхъ ими сѣпрѣника <u>дши</u> моеи <u>пльтскѣзи</u> <u>смзисль</u> и <u>вмрачаюсе</u> <u>просвѣтителю</u> <u>тѣмнѣимъ</u> и <u>наставѣниче</u> <u>зблѣждѣшимъ</u> ги...

Несколько особняком среди списков данной редакции стоит *Орбел.* Так, более внимательное сопоставление списков *Орбел.* и прочих списков Хлудовской редакции показало, что в Орбельской триоди присутствуют немногочисленные вставки из ранних списков Акростишной редакции, в частности, акростишные слова, в чем можно убедиться на основе сопоставления текста стихир 12 (см. таблицу 4.11).

Таблица 4. 11. Сопоставление текста стихир 12 по спискам *Орбел.*, *Серб.* и *Хлуд. 133*

Греч. оригинал	Хлуд. 133	Орбел.	Серб.
Μέλλεις καθέζεσθαι ἐπὶ θρόνου, ὁ ποιήσας λόγῳ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν, μέλλομεν ἅπαντες παραστῆναι, ἐξαγγέλλοντές σοι τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν,	хощеши сѣстѣ на прѣстолѣ створивзи нбо и зема и хощемъ всѣзи прѣдстатѣзи исповѣдаѣще дѣла своа нѣ прѣжде дни	ги егда хощеши сѣсти на прѣстолѣ створивзи нбо и зема и хощемъ вси прѣдстати ти исповѣдаѣши дѣла своа прѣжде дне вного	гне егда хощеши сѣсти на прѣстолѣ створивз небо и землю боудеть всѣмъ прѣдѣстати исповѣдаѣщимъ ти грѣхи наше

πρὸ τῆς ἡμέρας ἐκείνης, ἐν μετανοίᾳ με δέξαί. Κύριε...	многo вь покаание ма прими ги даже...	вь покаание прими ма ги даже...	прѣжде днѣ того вь покаание ме приими ги...
--	---	------------------------------------	---

Компилятивные процессы, ранее отмеченные нами в списке *Орбел.* на примере других текстов, чрезвычайно показательны для рассматриваемой эпохи славянской письменности и свидетельствуют об одновременном присутствии Акростишной и Хлудовской редакций на территории Болгарии в данное время и на наличие соответствующей интенции у писца-компилятора, достаточно свободно относившегося к вопросам аутентичности текста и творящего собственный текст на основе «вкрапления» в один взятый за основу славянский текст вариантов из другого, отличного от первого списка другой редакции или традиции. При этом ни одна из редакций не маркируется однозначно как «правильная», возможно, речь идет о «более правильном» или «менее правильном» тексте, однако, в отличие от последующих этапов славянской письменности, новые редакции не сменяют полностью более архаичные, но сосуществуют и смешиваются с ними по принципу, отразившему «отсутствие кодифицирующего и унифицирующего фактора в истории богослужебной практики» [Йовчева, 2003, с. 65]. Рассмотрим подробнее эти процессы на примере других смешанных типов.

1.4.4. Компилятивные традиции и их роль на начальных этапах рукописной истории алфавитных стихир (по спискам *Шафар.*, *Загреб.*, *Киян.*, *НБС 644*, *Ф.п.1.* 92)

Выше мы уже описали на примере списка *Орбел.* один случай взаимовлияния Акростишной редакции и редакции без акростиха. Рассмотрим теперь, как проходило смешение редакций на примере других ранних южнославянских традиций. Результаты сопоставительного анализа свидетельствуют о том, что Акростишная редакция достаточно рано приходит в соприкосновение с традициями без акростиха. Так, явное влияние славянского текста без акростиха находим в списке *Шафар.*, в котором не

только одна из стихир (стихира 2) теряет акростишное слово (фарисевою) (см. таблицу 4.3), но и тексты двух стихир – стихир 2 и 6 – содержат значительные отличия от аналогичных в *Серб.*, напротив, имея значительное сходство с подобными стихирами восточнославянского списка без акростиха *Киян.* (см. таблицу 4.12).

Таблица 4.12. Сопоставление текстов стихир 2 и 6 списков *Серб.*, *Шафар.* и *Киян.*

<i>Серб.</i>	<i>Шафар.</i>	<i>Киян.</i>
жива боудеть гла дша моя прркъ ги и възсхвалить те възици ввче те погибшаго съчетати ме съ стады твоими даждь ми врѣме покаанія да възпию ти въздыхановъ ги...	жива бѣдетъ дша моя глаше пррокъ ги и въсхвалитъ та въззици ввчѣ те заблѣждьшаго и счетати ма съ стады твоими и даждь ми врѣма покаанія да въздыхнѣ възпиѣ ти ги...	жива боудѣтъ глаше прркъ дша моя ги и въсхвалить та въззици овца те заблѣжешаго и съчетати ма съ стадомъ твоимъ и даждь ми время покаанію да въздыхана и плача възпию ти ги...
фарисевою теготою сънемлемъ грѣховною въ глубинѣ скверннѣи вляю се яко стрѣлами стрѣлаемъ ловьчями и wskверннѣи же по вбразоу моемоу вбратителю лѣнивзимъ избавителю съгрѣшающимъ ги даже...	тагостѣ сънемъ грѣховнѣи в глѣбинѣ скверннѣи влѣчѣ са яко стрѣлами стрѣлѣчимъ стрѣлѣи и wskверннѣи же са по вбразоу вбратителю лѣнивзимъ избавителю сгрѣшающимъ ги даже...	таготѣю съдѣримъ грѣховною в глѣбинѣ сквернѣи стрѣлами състрѣлаемъ стрѣлѣчию по скверна юже по вбразоу моемъ обратителю лѣнивзимъ избавителю съгрѣсееимъ ги...

Сходная ситуация наблюдается и в списках Еввергедитской группы (*НБС* 644 и *F.n.I.92*), с тем лишь отличием, что данные списки в значительно большей мере отличаются от «чистой» акростишной редакции, причем эти различия вновь касаются лишь определенных стихир. Существенные отличия от *Серб.* находим в стихирах 1 (сохраняющей, впрочем, добавочное акростишное слово азъ), 13, 14, 20, 23, 24. Сомнительно, однако, что эти изменения были результатом правки славянского списка по греческому оригиналу. На отсутствие сверки с греческим текстом указывает, прежде всего, порядок

стихир, который, несмотря на разрушенный акростих, не приблизился к греческому. Сопоставление текстов стихир данных списков показало их близость другим восточнославянским спискам без акростиха – в большинстве случаев спискам Гимовской редакции *Синод. 319* и *Пог. 41* (см. таблицу 4.13, где в качестве показательного примера сопоставляются тексты стихир 13 и 14).

Таблица 4.13. Сопоставление текстов стихир 13 и 14 по спискам Серб., НБС 644 и Синод.319

Греч. оригинал	Серб.	НБС 644	Синод. 319
<p>Νεῦσον τῷ ὄμματι τῷ εὐσπλάγχνῳ, καὶ γενοῦ μοι ἰλεως μόνε Σωτήρ, νάματα δώρησαι ἰαμάτων, τῇ ἀθλία μου καὶ ταλαιπώρῳ ψυχῇ, ἀπόσμηξον ἐκ τοῦ ῥύπου, τῶν ἔργων μου ἵνα μέλψω Κύριε...</p>	<p>повели вкомь млсрдномь ицѣление ми боуди блгодѣтелю стрѣтънѣи и вканнѣи ми дши и вчисти ме ѿ скврнь дѣль моихъ ги...</p>	<p>[вблнчитель взихъ дхоу моемоу]¹⁵ призри млсрнѣим си вкомь и боуди ми млстивъ ги течениа дароуи ицѣлению стрѣтънѣи и вканнѣи моеи дши и вчисти ме ѿ скврнь моихъ дель ги...</p>	<p>призъри млсрднѣим окъмь и боуди млстивѣи бгъ течение даа ицѣлению страстънѣи моеи дши отълоучи м- ѿ скврньнѣ дѣль моихъ да и азъ възъиваю ги...</p>
<p>Εἶφη ηὐτρέπισεν ὁ Βελίαρ, ἐκθηρεῦσαι σπεύδων τὴν ταπεινὴν μου ψυχὴν, ξένον ἐποίησέ με Οἰκτίρμον, φωτισμοῦ τῆς γνώσεως τοῦ προσώπου σου. Ὁ κραταῖος ἐν ἰσχύϊ, τούτου σκευῶν ἄρπασόν με·Κύριε...</p>	<p>оуветри оуготови стрѣлецъ пожети хоте вканнѣи ми дше и странна створи ме на земли свѣта разоумна лица твоего крѣпки и всесильнѣи ѿ соудовъ его исхити ме ги...</p>	<p>мъчь оуготова злодѣи пожети тъщесе дшоу мою смѣреноую и вканноую и странна створити на земли нь вѣдзи просвѣтѣние лица твоего притекъ млюсе и въпию крѣпкѣи всесилне ѿ соудѣзи него исхити ме ги ...</p>	<p>меча оуготова ззлодѣи пожати тъщаса сзмѣреноую мою дшоу страна сзтвори идзи просвѣщениемъ дръжавьникъ крѣпккъ сз соуда того исхити ма ги...</p>

Дополнительным свидетельством того, что перед нами компиляция славянских источников, служит вариант стихир 14 *НБС 644* смѣреноую и

¹⁵ О данной вставке из предыдущей стихир – очевидной ошибке переписчика – мы говорили ранее при анализе таблицы 4.3.

ωκααννοу (δшоу мою), соответствующий греческому ταπεινήν (μου ψυχήν) и образованный совмещением варианта *Синод. 319* сѣмѣреноу и варианта *Серб.* ωканзноу, восходящего либо к разночтению списков греческого оригинала (ταπεινήν (μου ψυχήν) – τάλαιναν (μου ψυχήν)), либо к ошибке переводчика.

Лишь одна стихира списков Евергетидской группы – а именно стихира 20 – заимствуется из другого источника. Сопоставительный анализ, представленный в таблице 4.14, показал, что в данном случае вариант *НБС 644* (в списке *F.n.I.92* конкретная стихира не сохранилась) имеет большее сходство с текстом Хлудовской, а не Гимовской редакции.

Таблица 4.14. Сопоставление текстов стихир 20 списка НБС 644 с текстами Акrostишной, Гимовской и Хлудовской редакций

Греч. оригинал	Υἱὸς ὁ ἄσωτος ἐγενόμην, διασκορπίσας τὸν πλοῦτον, λιμῶ νῦν τήκομαι, ὑπὸ τὴν σκέπην σου καταφεύγω, ὡσπερ ἐκεῖνον δέξαι με Πάτερ ἀγαθέ, καὶ μέτοχον τῆς τραπέζης, ἀξιώσον τοῦ βοᾶν σοι. Κύριε...
НБС 644	снь блочднзи азъ взихъ бгтство расточихъ и истаахъ гладемъ подъ кровь твою прибѣгаю яко же и много приме блже и причестника твоее трапезы сподовим се въпиуща ги...
Акrostишная редакция (Серб.)	снъ блочднзи взихъ и разгочивъ блочдомъ и ннѣ оумираю подъ кровь твою прибѣгаю яко того прими ме спсе блже и причестъ на твою и твою трапезъ сподоби въпию к тебѣ ги млюти се ги...
Гимовская редакция (Синод. 319)	снъ блочднзи азъ взихъ и расточихъ бгтство гладзмъ ннѣ гзбноу подъ кровъ твою прибѣгаю яко же и оногю прими мене отче блгзи и причастника твоею трапезы сподоби възпити ти ги...
Хлудовская редакция (Хлуд. 138)	снь блднзи азъ взихъ бгтство расточивъ истаахъ гладемъ подъ кровь твою прибѣгаю яко же и много прими ма блже и причастника твою трапезы сподови ма въпиуща ги...

Таким образом, данная стихира свидетельствует о фактах взаимопроникновения Акrostишной и Хлудовской редакций, обратных тем, которые мы рассмотрели на примере *Орбел*. Если в последнем случае за основу

был взят текст Хлудовской редакции, дополненный незначительным количеством вариантов Акrostишной, то здесь в основе структуры текста лежит Акrostишная редакция, и лишь одна стихира заимствуется из Хлудовской редакции.

Рассмотрим теперь другой южнославянский список *Загреб.*, где последовательность стихир полностью соответствует последовательности греческого оригинала. Сопоставление текстов, однако, показывает, что тексты большей части стихир – конкретно, стихир 1, 2, 4, 5, 7, 10, 11, 12, 13, 17, 18, 19, 20, 21, 23 – заимствовались из акrostишного источника, однако проходили минимальную правку по источнику без акrostиха, включавшую в себя изменение порядка стихир и удаление (в случае их наличия) акrostишных слов. Впрочем, и эта правка производится недостаточно регулярно. Так, стихира 19, перемещаемая с четвертого на положенное ей девятнадцатое место, сохраняет, тем не менее, акrostишное слово *добра* (см. таб. 4.3). Кроме того, в стихире 12, стоящей в акrostишной редакции на IV месте, редактор удалил только первое акrostишное слово *господи*, оставив второе *югда*. Все это свидетельствует о том, что текст правился вновь не по греческому оригиналу, но по славянскому списку редакции без акrostиха. Стихиры *Загреб.*, не заимствованные из акrostишного источника, наиболее близки в текстовом отношении к восточнославянским спискам *Синод. 319* и *Пог. 41*. Итак, список *Загреб.* или протограф данного списка был создан путем компиляции двух славянских источников, происходящих из акrostишной редакции и редакции без акrostиха (Гимовской). За основу расположения стихир был взят их порядок в редакции без акrostиха, однако большинство текстов стихир заимствовалось из акrostишного источника. Для подтверждения компилятивного характера *Загреб.* сопоставим две ее стихиры – 14 и 21 – со списками *Серб.* и *Синод. 319* (см. таблица 4.15). В первом случае отмечаем сходство текста стихир *Загреб.* с *Серб.*, во втором – с *Синод. 319*.

Таблица 4.15. Сопоставление текстов стихир 14 и 21 Загребской Триоди с соответствующими *Синод. 319* и *Серб.*

<i>Серб.</i>	<i>Загреб.</i>	<i>Синод.</i>
извѣстри оуготови стрѣлецъ пожети хоте вкѣнзѣне ми дше и странна створи ме на земли свѣта разумна лица твоего крѣпки и всесильнѣи ѿ соудовъ его исхити ме ги...	мьчь оуготова злодѣи посѣци и пожрѣти хота вкѣаньниа дша моа и странна ма створи на земи свѣта разумна лица твоего крѣпки в силѣ ѿ сѣда его истрыгни ма ги...	меча оуготова зълодѣи пожати тѣшаса сѣмѣреноую мою дшу странна сътвори идзи просвѣщенемь дръжавьникъ крѣпкъ съ соуда того исхити ма ги...
завистию изгна из раѣ прѣжде созданнаго начелникъ злоу гла помени ме на дрѣвѣ развоиникъ приеть раи аз же вѣрою и съ страхомъ помени ме възъиваю ти ги даже до конца...	завѣстиѣ изгнах са изъ раѣ прѣждезданаго началникю злоу гла помани ма ги на дрѣвѣ развоиникъ приатъи раи аз же вѣроѣ страхомъ помани ма ги възиваѣ прѣжде даже до конца..	зависти низвѣрже раѣ първозданааго испърва зълзи гла помани ма на дрѣвѣ развоиникъ приатъ раи азъ же вѣрою и любъвию помани ма възъиваю ги...

Другой особенностью списка *Загреб.* является уже отмеченный выше на материале *Битол.* факт варьирования рефрена. Варианты рефрена списков *Загреб.* представлены в таблице 4.16.

Таблица 4.16. Сопоставление текстов рефренов Загребской Триоди

Номер стихир	Рефрен
1	ги погивнѣ и спси ма
2, 5, 6, 9, 12, 13, 16, 17	ги прѣжде до коньца
3, 7, 8, 14, 21, 22, 23	ги (прѣжде) не до конца не погоуби
4, 10, 20	ги прѣжде даже до конца не погъивноу спси ма
11	ги даже до коньца не погъивнѣ спси ма
15, 18	прѣжде конца не погивнѣ спси ма

Аналогичная *Загреб.* ситуация наблюдается и в восточнославянском списке Триоди Моисея Киянина, с той лишь разницей, что в нем заимствуются другие стихиры из акростишной редакции: это стихиры 2, 3, 4, 5, 7, 9, 11, 12 (с сохранением слова ѿгда, как и в *Загреб.*), 14 – всего 9 из 13. Отметим, что и в

стихирах 4 и 10 также присутствуют варианты из Акrostишной редакции, совмещенные с вариантами Гимовской редакции без акrostиха таким образом, что очевидно, что текст списка или его протографа компилировался на основе двух или более славянских источников без обращения к греческому оригиналу. Именно таким образом может быть объяснен вариант *ѣко не памать ли възлизимъ и оущедри ма* в стихире 10 (см. таблицу 4.17). Возможно, что здесь произошло совмещение вариантов двух славянских списков: Акrostишной редакции *ѣко на памать злизимъ* (вероятно, восходящей к ошибочному переводу греческого варианта *ὅσα μνησίκακος οἰκτεῖρόν με* [Παλαδοπουλου-Κεραμέως, 1910, с. 509] и Гимовской: *ѣко не зловивъ оущедри ма*, восходящей к более распространенному *ὡς ἀνεξίκακος οἰκτεῖρόν με* [Τριώδιον, 1867, с. 256].

Таблица 4.17. Сопоставление перевода стихире 10 по спискам *Киян.*, *Серб.* и *Синод. 319*. Разночтения греческого оригинала приводятся по изданию [Παλαδοπουλου-Κεραμέως, 1910, с. 509]

Греч. оригинал	Серб.	Киян.	Синод. 319
Κρούψας τὸ τάλαντον τὸ δοθέν (δωρηθέν) μοι, ὡς ἀγνώμων δοῦλος τῆ γῆ (τοῦτο ἐν γῆ) κατέχωσα· καὶ γὰρ ὡς ἄχρηστος (ὡσεὶ [τις] Χριστὸς) κατεκρίθην, καὶ οὐ τολμῶ λοιπὸν ἐξαιτῆσαί σοι, ὡς ἀνεξίκακος (ὅσα μνησίκακος) οἰκτεῖρόν με, ἵνα καγῶ ἀνακραῶ· Κύριε...	криѣхъ даньѣи ми талантъ ѣко неразѡумьнь се въ землю погребохъ ибо ѣко не блговсоуждень бзих и не смѣю възирати к тебѣ ѣко на памать злизимъ ги...	скрѣихъ талантъ данъи мнѣ ѣко неразѡумьнѣ се и въ земли погребохъ ибо ѣко не блговсоуждень бзихъ и не смѣю авиѣ възрети къ тѣбе ѣко не памать ли въз злизимъ и оущедри ма ги да и азъ възпию ти ги...	скрѣивъ талантъ данъи ми ѣко неразѡумьнь сзи въ земли бо погребохъ и ѣко неблагосожженъ бзихъ и не дързюу къ томоу испросити оу тебе ѣко незловивъи оущедри ма да и азъ въззѣваю ги...

Отметим, что комбинация редакций-источников в компиляционных списках могла производиться самым различным образом, так что ни порядок стихир, ни наличие или отсутствие акростишных слов не могут служить достаточным показателем принадлежности как всего списка, так и отдельной стихире к той или иной редакции, поскольку все это характеристики достаточно свободно менялись редакторами-компиляторами. В качестве показательного примера сопоставим текст первой стихире в рассматриваемых источниках (см. таблицу 4.18). Нетрудно убедиться, что в Евергедитской группе (*НБС 644*), несмотря на наличие акростишного слова *азъ*, текст следует за редакцией без акростиша (Гимовской), тогда как в Загребской Триоди акростишное слово отсутствует, однако сам текст дословно повторяет Акростишную редакцию.

Таблица 4.18. Сопоставление текста стихире 1 в избранных славянских источниках

<i>Серб.</i>	<i>НБС 644</i>	<i>Загреб.</i>	<i>Синод. 319 Пог. 41</i>
<p>азъ житие съ блѣдникъ и мзитоимъци иждихъ аще и възмогъ на старость покаатиса ѡ них же съгрѣших ти благодателю въсѣчъскъимъ и врачу недѣжнъимъ ги даже до ...</p>	<p>азъ все житие мои съ блѣдникъ и мзитоимъци иждихъ ѿгда бо възмогъ или понѣ въ старости разоумѣти покаати ми се ѡ них же съгрѣшихъ прѣжде исхода моего исправителю съгрѣшшимъ и подателю млсти ги..</p>	<p>все житие мое съ блѣдникъ и с митоимъци иждихъ аще възмогъ на старость покаатиса ѿ нихъ же ти сгрѣшихъ благдтлю всѣхъ врачу недѣжнимъ ги не до конца погибнѣ и спси ма</p>	<p>все житие мое съ мзитар и съ блѣдникъ и жи въистъ ѿгда оубо възмогъ ли понѣ въ старости разоумѣти прѣже исхода моего исправителю съгрѣшшимъ и подателю милости ги даже до коньца не погъбноу спси ме</p>

Итак, насколько мы можем судить по сопоставлению текстов стихир службы Великого покаянного канона, все очевидное многообразие ранних южнославянских и восточнославянских списков триоди постной, за исключением восходящего к ранней глаголической традиции списка

Битольской триоди (ниже редакция Б), не оказавшего существенного влияния на последующую историю текста, может быть сведено к разнообразным комбинациям трех относительно независимых источников, трех редакций, сделанных на основе греческого оригинала. Одна из этих редакций (Акrostишная редакция, ниже редакция А), по всей видимости, восходит к древней кириллической традиции и в чистом своем виде содержит славянский акrostих, состоящий из 24 первых букв славянского алфавита. Другая в полном виде сохранившаяся только в восточнославянских списках Гимовской редакции изначально не имела акrostиха и, вероятно, была составлено позднее. Наличие вариантов из данной редакции в ранних южнославянских списках, однако, исключает ее появление на русской почве и указывает на ее южнославянское происхождение. Возможно, что появление данной редакции (ниже редакции Г) связано с Преславской книжной справой. Наконец, третьей редакцией стала появившаяся в Болгарии после Гимовской редакции сделанная на ее основе Хлудовская редакция (редакция Х).

Интересно, что комбинация стихир рассматриваемых редакций в каждом списке или группе списков уникальна, что указывает на то, что данные компиляции были составлены независимо друг от друга. Отметим, что каждый такой компилированный список мог быть, в свою очередь, источником для новых компиляций (как это было со списком, близким Триоди Моисея Киянина для Шафариковской триоди). Таким образом, перед нами возникает сложная картина, которую еще более усложняет множество не дошедших до нас списков (и листов в сохранившихся списках), о тексте стихир которых можно строить лишь гипотезы. Еще одна сложность анализируемых взаимовлияний состоит в том, что они проявляются как в отношении структуры текста, то есть порядка стихир, рассмотренного нами выше (см. таблицу 4.3), так и в отношении их текстов. Каждый список или группа списков может содержать стихиры, заимствованные из разных источников. Условно покажем это в таблице 4.19, в которой мы попытались определить источник каждой стихире чистых или компилированных списков.

Таблица 4.19. Источник (редакция) текстов стихир проанализированных списков. Условные обозначения: А – Акростишная редакция (редакция А), Б – редакция Битольской триоды (редакция Б), Г – Гимовская редакция, Х – Хлудовская редакция.

Номер стихир ы	<i>Битол</i>	<i>Серб</i>	<i>Синод.31 9 Пог. 41</i>	<i>Шафар</i>	<i>НБС 644 F.n.I.9 2</i>	<i>Киян</i>	<i>Загреб</i>	<i>Орбел</i>
1	Б	А	Г	А	Г	Г	А	Х
2	Б	А	Г	Г		А	А	Х
3	Б	А	Г	А	А	А	Г	Х
4	Б	А	Г	А	А	А	А	Х
5	Б	А	Г	А		А	А	Х
6	Б	А	Г	Г	А	Г	Г	Х
7	Б	А	Г	А	А	А	А	Х
8	Б	А	Г	А	А	Г	Г	Х
9	Б	А	Г	А		А	Г	Х
10	Б	А	Г		А	Г	А	Х
11		А	Г	А	А	А	А	Х
12		А	Г	А		А	А	А-Х
13		А	Г	А	Г		А	Х
14		А	Г	А	Г	А	Г	Х
15		А	Г	А	А		Г	Х
16			Г				Г (?)	Х
17		А	Г	А	А		А	Х
18		А	Г	А			А	Х
19		А	Г	А	А		А	Х
20		А	Г	А	Х		А	Х
21		А	Г	А			А	Х
22		А	Г	А	А		Г	Х
23		А	Г	А	Г		А	Х
24		А		А	(Г)		А (?)	

1.4.5. Стихиры Великого канона в традициях, появившихся после Афонской редакции. Списки *F.n. I. 55* и *РГБ 25*

Как мы уже указывали выше, при Афонской справе рассматриваемые в данной главе стихиры были заменены на другой цикл стихир с инципитом ἄνω τὸ ὄμμα - горь очима мзысленыма. Таким образом, все списки Афонской

редакции не содержат анализируемых стихир. К анализируемым стихирам ранней славянской традиции (Ἄπας ὁ βίος – все житие) возвращаются церковнославянские традиции списков *F.n.I.55* и *РГБ 25*. Выше мы указывали, что в данных традициях при исправлении прочих произведений справщики брали за основу текст Афонской редакции. В конкретном случае, однако, вариант Афонской редакции не мог использоваться при справе в связи с отсутствием в нем данного произведения. Попытаемся решить вопрос как возможной связи, так и славянского источника данных традиций текстологически, сопоставив их варианты с основными разночтениями ранних редакций. Наиболее показательные из таких разночтений для стихир 1 – 23 (напомним, что стихира 24 отсутствовала в Гимовской и Хлудовской редакциях, см. выше) представлены в таблице 4. 20.

Таблица 4.20. Разночтения ранних редакций Алфавитных стихир в сопоставлении с вариантами *F.n.I.55* и *РГБ 25*

№ стихир ы	Греч. оригинал	Акростишн ая редакция	Гимовская редакция	Хлудовс кая редакци я	<i>F.n.I.5</i> 5	<i>РГБ</i> 25
1	τελωνῶν	мзитоюемци	мзитари		мзитари	мзитар ри
	μεταγνῶνα ι	покаіатиса	разоумѣти	покаіатис -	покаіат иса	разоу мѣти
	Δημιουργε τῶν ἀπάντων	блгдателью всѣчьскзѣмз	исправител ю сзгрѣшшим ь	исправите лю падшим ь	сѣдѣте лю всѣхъ	сдѣте лю всѣмъ
	ιατροὲ τῶν νοσούντων	врачу недѣжнзѣмз	подателю млсти		млсти датели	подат елю млсти
2	ἀμελείας	грѣховнѣѣ	лѣности	беззакон иѣ	беззакон иѣ	беззак ониѣ
	κεντούμεν ος	стрѣлѣми	оуѣзвѣемь	оуѣзвенъ	бодомъ	оуѣзв лаемь
	Βελίαρ	стрѣлчи	злѣдѣи	вражинам и	вражиѣ и	злѣдѣ и
3	γεωργήσας ὡς γηγενής	сдѣлавъ іако земенъ	сдѣлавъ іако	сдѣлавъ ь іако	земѣдѣ лателъс	сдѣла въ

			ΖΕΜΨΝΖΙИ	ЗЕМЕΨЬ	ТВОΒΑΧ Ζ ΙΑΚΟ ΖΕΜΝΟΡΟ ΔΕΝΖ	ΙΑΚΟ ΖΕΜΕΝ ΖΙ
	ώμίλησα	πριϗαϗετєνΖ βΖΙϗΖ	ΠΟΔΟΒΗϗΖ СА	πριϗβϗци βЪ СА	οπιϗиϗ СА	οπ.
	τὸ πλάσμα	тβαрь	ΖΖΔΔΑΝИИ	ϗΖΖΔΔΑНИЕ	ϗΖΖΔΔΑΝ ИЕ	ΖΔΔΑΝИ И
4	Δήμιος	ωβλιϗиτєль	--	ρΑΤИΖΙΚΖ	ρΑΤИИИϗ Ζ	
	πρόνοιαν ποιησάμεν ος	βολєѣ ϗΖΔ,ѢИΔВЪ	ουροϗοϗение ϗΖΔ,ЕЛА	ουροϗο,ДИЕ ϗΖΔ,ѢЛАВ Ζ	ΠΟΜΖИШ ЛЕНИЕ ϗΖΔ,ѢЛА ВΖ	
	παίγνιον κατεστάθη ν	иγρАлиϗе ΠΟСТАВИϗΖ	иγρАлиϗе οСТАВИϗΖ	βΖΙϗΖ иγρАлиϗе	иγρАли ϗе ϗΖΔ,ѢЛА ϗΖ СА	
	ήδοναῖς δουλεύων καὶ ἀτοπήμασι	ρΑΒΟТΑЮ НЕ ΠΟΔΒИΖИМΖ	ϗΛΑϗЕМЬ ρΑΒΟТΑИ И βΕΖВЕСТЬИ ИМΖ	ϗΛΑϗЕМЬ ρΑΒΟТΑѢ НЕ ΠΟΔΟΒИΖИ МЬ	ϗΛΑϗЕМ Ь ρΑΒΟТΑ ѢЦИ βЕϗИϗИϗ ΖИΖИМΖ	
5	ἀντίδικον	ϗοуΠΟϗΑΤΑ	πριТИВЬИИИϗ Δ	ϗѢΠЕРИИИϗ Δ	ϗΖΠЕРИИ КА	πριТИ ВИИКА
	τὸ φρόνημα	МѢДРОСТЬ	ΠΟΜΖИϗΛΖΙ	ϗΖΜΖИϗϗЬ	МѢД,РОВА НИЕ	ΠΟΜΖИϗ ΛΖ
	τῶν ἐν σκότει	ϗѢЦИИМΖ ВО ТМѢ	ΤΨΜΝΖИМЬ		ϗѢЦИИМ Ζ ВО ТМѢ	ΤΕΜΝИΖИ МΖ
	ὀδηγός	НАϗΑВНИϗЕ	НАϗΑВИТЕЛ Ю	НАϗΑВНИ ϗЕ	НАϗΑВНИ ИϗЕ	ουρορΑВ ИТЕЛЮ
	πλανωμένων	πρѢЛЫϗЕНΖИМ Ь	ΖΑΒΛѢЖΔЬШИИМΖ		ΖΑΒΛѢЖ ΔЬШИИ МΖ	ΖΑΒΛѢЖ ЬШИИ МΖ
6	πλανηθέν	ΠΟГИΒЬШАΑΓΟ	ΠΟΓΖИΒЬШАА ГО	ΖΑΒΛѢЖΔ, ЬШАΑΓΟ	ΖΑΒΛѢЖ ΔЬШЕЕ	ΖΑΒΛѢ ЖЬШААΓ Ο
	στενάζων	βΖΖΔΔ,ΖΙϗИѢ	βΖΖΔΔ,ϗΑИИЕΜЬ		ϗЕНΑЦИ Е	ϗЕНΑИ БЕМ
7	ίλεως	ЦѢЛЫБА	ΜΛϗИВЬ		ΜΛΤΒΑΜ И	ΜΛϗИ ВΖ
	ἀποφύγω	ИΖΒѢΓИѢ	ТΨΒѢΓИѢ		ТΨΒѢΓИ	ТΨΒѢΓИ

					ⲛ	ⲥ
8	μετὰ πάντων με σῶσον	Ϸ̅ ΒϷ̅ΜΙ ΜΑ Ϸ̅ΠϷ̅	Ϸ̅ΒϷ̅Ζ̅ΜΙ ΜΕΝΕ Ϸ̅ΠΑϷ̅ΕΝΙΕ	ΔΔ Ϸ̅ ΒϷ̅ΜΙ ΑΖ̅ Β̅ΠΙⲛ ΤΙ	Ϸ̅ ΒϷ̅ΜΙ Ι ΜΕΝΕ Ϸ̅ΠϷ̅	Ϸ̅ΠϷ̅ ΜΑ Ϸ̅ ΒϷ̅ΜΙ
9	ἴαμα	ЦЕΛЬΒΑ	ИЦ'Ϸ̅ΛΕΝΙΕ		ИЦ'Ϸ̅ΛΕΝ ИЕ	ЦЕΛЬΒ Δ
	ἀπώση	Ⲱ̅Β̅Ρ̅Ζ̅Ζ̅	Ⲱ̅ΡΙΝΙ	Ⲱ̅Β̅Ρ̅Ζ̅Ζ̅	Ⲱ̅ΡΙΝΙ	Ⲱ̅Β̅ΕΡ̅Ζ̅Ι
	παντοδύνα μος	ВСЕМОЦЕНЬ	ВСЕМОΓΑΙ		СИΛΕΝ̅	ВСЕСИΛΕ Ν̅
10	καὶ γὰρ ὡς ἄχρηστος κατεκρίθην	ИВО ἸΑΚΟ НЕ ΒΛΓΟΥϷ̅ΟΥЖДЕ НЬ Β̅Ζ̅ΙΧ̅	И ἸΑΚΟ НЕ ΒΛΓΟΥϷ̅ΟΥЖЕН̅ Β̅Ζ̅ΙΧ̅	И ἸΑΚΟ НЕΠΟΤΡ̅Ρ̅Β̅ ΕΝ̅ ΝΕ Ϸ̅ΟΥΔΙΧ̅ ̅ΣΑ	ИВО ἸΑΚΟ НЕ НЕΠΟΤΡ̅Ρ̅Β̅ ΒΛΕΝ̅ Ϸ̅ΟϷ̅ЖΔ ΕΝ̅ Β̅Ζ̅ΙΧ̅	ИВО ἸΑΚΟ НЕΠΟΤΡ̅ ΕΒ̅Ν̅Ζ̅Ι ΟϷ̅ЖЕН ̅ Β̅Ζ̅ΙΧ̅
	οὐ τολμῶ	НЕ СМ'Β̅Ю	НЕ ΔΡ̅Β̅Ζ̅Ν̅ⲛ	НЕ СМ'Β̅Ю	НЕ Ϸ̅Ζ̅Μ'Ϸ̅ⲛ	НЕ ΔΕΡ̅Ζ̅Ν̅ⲛ
	ὡς ἀνεξίκακος	ἸΑΚΟ ΝΑ ΠΑΜΑΤ̅ Ζ̅Λ̅Ζ̅ΙΜ̅	ἸΑΚΟ НЕ Ζ̅ΛΟΒΙΒ̅	ἸΑΚΟ ΒΕΖ̅ΛΟΒ̅Ζ̅ΙΒ̅ ̅	ἸΑΚΟ НЕ ΠΑΜΑΤ̅ Ζ̅ΛΟΒΙΒ̅ Ζ̅ΙΝ	ἸΑΚΟ НЕ Ζ̅ΛΟΒΙΒ̅ ̅
11	λίμνην	ezero	ИСТОЧНИК̅	ezero	ezero	ИСТОЧН ИК̅
	κρᾶσπέδου	ВСКРИЛИ҃	РИΖ̅		РИΖ̅	РИΖ̅Ϸ̅
	ἀδιστάκτω	НЕСΟΥ̅Μ̅Ζ̅ΝΕΝΟⲛ ⲛ	НЕСΟΥ̅Μ̅Ζ̅ΝΕΝΟ ⲛ	НЕС̅Ζ̅Μ̅Ζ̅ΙΛ ̅ΝΟⲛ	НЕИ̅ΣΚΟΥ̅ Ϸ̅ΝΟⲛ	НЕСΟΥ̅Μ̅ ΝΟΥ
12	ὁ ποιήσας λόγω	Ϸ̅Τ̅Β̅ΟΡΙΒ̅Ζ̅ΙΝ Ϸ̅ΛΟΒ̅Ζ̅Μ̅	Ϸ̅Τ̅Β̅ΟΡΙΒ̅Ζ̅ΙΝ	Ϸ̅Τ̅Β̅ΟΡΙΒ̅ ̅Ζ̅Ι	Ϸ̅Τ̅Β̅ΟΡΙ Β̅Ζ̅ΙΝ Ϸ̅ΛΟΒ̅ΟΜ̅	Ϸ̅Τ̅Β̅ΟΡΙ ΙΒ̅Ζ̅ΙΝ Ϸ̅ΛΟΒ̅ΟΜ̅ ̅
	μέλλομεν	В̅ⲛΔΕΤ̅	Χ̅ΟЦЕΤ̅	Χ̅ΟЦЕΜ̅	Χ̅ΟЦЕΜ̅	Χ̅ΟЦЕΜ̅ ̅
	τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν	ΓΡ̅Ϸ̅Χ̅Ζ̅Ι ΣΒΟΑ	ΓΡ̅Ϸ̅Χ̅Ζ̅Ι ΝΑША	Δ'Ϸ̅ΛΑ ΣΒΟΑ	ΓΡ̅Ϸ̅Χ̅Ζ̅Ι ΝΑШ̅ⲛ	ΓΡ̅Ϸ̅Χ̅Ι ΝΑША
13	Νεῦσον	ΠΟΒΕΛΙ	ΠΡΙΖ̅ΟΙ		ΠΡΙΖ̅ΟΙ	ΠΡΙΖ̅ΟΙ
	νάματα δώρησαι ιαμάτων	ИЦ'Ϸ̅ΛΕΝΙΕ ΔΑЖ̅Д̅ ΜΙ	Β̅Ζ̅ ΤΕЧΕΝΙΕ ΔΑΡΟΥ̅Ι ИЦ'Ϸ̅ΛΕΝΙ҃	ΔΑΡΟΥ̅Ι ΒΟΔ̅Ζ̅Ι ИЦ'Ϸ̅ΛΕΝΙ ἸΑ	ΒΟΔ̅Ζ̅Ι ΔΑΡΟΥ̅Ι ИЦ'Ϸ̅ΛΕΝ ИЕМ̅	ΤΟЧΕΝ̅ Е ΔΑΡ̅Ϸ̅Ι ΜΙ ИЦ'Ϸ̅ΛΕ

						НИИ
	ταλαιπώρω	WKAANN'БИ	WKAANN'БИ	CM'БpeHH'Б И	WKAANN 'БИ	OKANN 'БИ
	ἀπόσμηξον	WЧИСТИ МА	ЎЛОУЧИ МА	ДА OУМЗИO BCA	OMЗИ МА	ЎЛОУЧ И МА
14	ὁ Βελίαρ	CTP'Блeцз	зЛОД'БИ	Л'ЖКАВЗИИ	ВРАГЗ	зЛОД'Б И
	σπεύδων	XOTА	Т'ЩeCA	XOTА	Т'ЗЦИТe -	Т'ЩAcA
	φωτισμοῦ τῆς γνώσεως	CB'БTA PАЗOУMHA	ПPOCB'БTЛeНИ КeМЬ	ПPOCB'БЦe НИe PАЗOУMА	ПPOCB'Б ЦeНИA PАЗOУM З	ПPOCB'Б TЕНЬA PАЗOУ MА
	Ὁ κραταιὸς ἐν ἰσχύϊ	КP'БПKЗИ BЗ CИЛ'Б	ДP'РЖAВНИК З КP'БПOKЗ	ДP'РЖAВH ЗИ BЪ КP'БПOCТ ЗИ	ДP'РЖAВ ЗHЗИИ BЗ КP'БПOCТ И	ДepЖA BHOЮ КP'БПOC ТЬЮ
τούτου σκευῶν ἄρπασόν με	Ў CП'ДOBЗ EГO ИCTP'ЗГНИ MI	CB'CП'ДA TOГO ИCХ'ЗИТИ МА	CB'CП'Д,ЗИ EГO PACX'ЗИТИB З	CB'CП'ДO BЗ CEГO ИCХ'ЗИТИ МА	CB'БTA TOГO ИCХИТИ МА	
15	ὁ τῶν παθῶν καθαιρέτης	CTPACTEMЗ WЧИCTИTEЛЮ	CTPACTЬMЗ ПOTP'БBИTEЛ Ь	CTPACTЬM З ПOTP'БBИТ EЛЮ	CTPACTE MЗ ПOTP'БB ИTEЛЮ	CTPACT EMЗ ПOTP'Б BИTEЛ Ю
16	τοὺς ἀχράντους τε καὶ τιμίους πόδας σου	---	ПP'БЧ'CTHЗИ Ч'CTHЗИHA HOГЗИ TBOIA	ПP'БЧ'CT'БИ HOЗ'Б TBOИ	ПPЧИCT'Б И И Ч'CT'БИ HOЗ'Б TBOИ	ПPЧ'CT ЗИA И Ч'CT'ЗИA HOГЗИ TBOIA
	λύσιν	---	ПPOЦEНИE	PАЗДP'БШ EНИE	PАЗДP'Б ШEНИE	PАЗP'Б ШEНЬE
	του βοᾶν σοι	---	BЗПИТИ ТИ	И BЪПИЖ ТИ	EЖE BЗПИТИ TEБ'Б	ПPИCHO BOПЬЮ ТИ
17	πτωχεύσας	WBHИЦAВЗ	НИЦЬ B'ЗИBЗ	WBHИЦAВ Ь	WBHИЦ AВЗИИ	НИЦЬ B'ЗИBЗ
	καταπέμψ ας	ИCΠOУCTИBЗ	ΠOC'ЗЛИ		НИCΠOСЛ AВЗ	ΠOCЛИ
	ἰατροῦσον ἀσθενοῦντ	ВPACHЮ BOЛEЦИМЬ	ИЦ'БЛИ BOЛAЦAΓO	OУBPAЧЮИ HEMOЦИHA	OУBPAЧЮ И	OУBPAЧ ЮИ МА

	α				НЕМОЦЬ МОЖ	НЕМОЦ НА
18	σοὶ προστρέχει ν καὶ σοὶ δουλεύειν ἀεὶ	притѣцати и работати присно	творити повѣление ѣако же заповѣдаи	к тебѣ притѣка ти и работати присно	тебѣ притѣк ати и тебѣ работат и присно	к тобѣ притѣ кати и тобѣ работа ти присно
	σκέπη ὑπάρχεις γάρ μου καὶ φύλαξ, καὶ ἀντίληψις καὶ βοήθεια	кровъ бо еси и хранителъ и приѣтель и помощъ	покровъ и хранителъ ъ еси и застѣпление моѣ хе бе	тзи бо есзи покровъ млѣвъ и застѣпле ние привѣга щимъ	кровъ бое си и храните лъ мои и застѣп ление и помощъ	покровъ ъ бое си млѣ и храни тель и застѣп ник и помощ ник
19	τρόποις	повѣдами	образъ	нравъ	нравъ	нравъ
	ἔργοις ἀπατηλοῖς	дѣла нелъстивими	дѣла лъстивъ	дѣлесъ	дѣла прѣлъст ивъ	дѣла лъстив ъ
	συμπεπτώ καμεν	сподобихомъ са	зъпадохомъ	падох	ѡпадох омъ	низъп адохъ
	ἀνάστησον , ὡς εὐεργέτης τὸ πλάσμα	вздвигни своѣ тварь	взскресе сзъдание свое ѣако блгдатель	взставъ свое сзъдание ѣ блгдтлю	взставъ зи свое сзъда ние ѣако блгдтл ь	воскрѣ си ѣако благ датель ь свое создан ье
20	διασκορπίσ ας τὸν πλούτον	изгубихъ блѣдомъ	рсточихъ бгатство	бгатство рсточихъ ъ	рсточ хъ бгатств о	рсточ ихъ бгатств о
	λιμῶ νῦν τήκομαι	ннѣ оумираѣ	гладомъ ннѣ гзбнѣ	истаѣхъ гладемъ	ннѣ оумира ѣ	гибнѣ нзинѣ гладомъ
	ἐκεῖνον	того	ѡного		оного	оного
21	ἐξέβαλε	изгна	изверже	изгна	изведе	изверж

						ε
	ὁ ἀρχέκακος	НАЧАЛНИКЪ ЗЛОУ	СПРВА ЗЛЪХЪ	ЗЛОНАЧАЛ НЪИ ВРАГЪ	НАЧАЛЛОУ ЛОБНЪИИ	ИСКОНИ ЗЛЪИИ ЗМИИ
	πίστει καὶ φόβῳ	ВЪРОѦ СЪ СТРАХОМЪ	ВЪРОѦ И ЛЮБОВИѦ	ВЪРОѦ И ЛЮБОВИѦ	ВЪРОѦ И СЪ СТРАХОМ Ъ	ВЪРОЮ И ЛЮБОВ ЬЮ
	βοῶ	ВЪЗЫВАѦ	ВЪПИѦ		ЗОВЪИИ	ВЪЗЫВА Ю
22	ἀνάγαγε	ВЪЗДВИГНИ	ИЗВЕДИ	ВЪЗВЕДИ	ВЪЗВЕД, И	ИЗВЕД, И
	τῆς παναμώμου ἡ Μητροῦς	ПРЪДТЕЧЕ И НЕПОРОЧНИИЕ ТВОЕ МАТЕРЕЕ	СВАТЪІА ТИ МАТЕРЕЕ	ПРЪНЕПОРО ЧНАА ТИ МТРЕ	ВСЕНЕПОРО ЧНИѦ ТИ МТРЕ	ВСЕНЕПО РОЧНИ ІА МТРЕ
	ἀσπόρως	ВЕЗМѦЖНО	БЕСЪМЕНИ		НЕНКССО МѦЖНО	ВЕЗЪ ИСКВСА МЪЖСК А
23	ὁ αἴρων τὴν ἁμαρτίαν μου	ВЪЗЕМЛЛИ ГРЪХЪИ	ВЪЗЕМЛЛИ ГРЪХИ ВСЕГО МИРА	ВЪЗЕМІА И МОІА ПРЪГРЪШ ЕНИІА	ВЪЗЕМЛ - ГРЪХЪИ	ВЪЗЕМЛ ЛИ ГРЪХИ МОІА
	ὀλοκλήρως	ВЪКОУПЪ	ВЪСЕЦЪЛО	ВСЕ	ѦНѦДЪ	ВСЕНАС ЛЪДІЕ
	χρεωστικῶς ἐκβοῶ	ДЛЪЖЕНСТВОУ Ѧ И ВЪПИѦ	ДЛЪЖНО ВЪПИѦ ТИ	ДЛЪЖНО ВЪПИѦ ТИ	ДЛЪЖНО ТИ ВЪЗЫВА Ѧ	ДОЛЖЬ НО ТИ ЗОВЪ

Анализируя приведенный в таблице 71 случай разночтений, можно прийти к следующим выводам:

- 1) справки *F.n.I.55* и *РГБ 25* проводились независимо одна от другой, число совпадающих между ними и отличных от ранних редакций чтений невелико (4) и может быть объяснено параллельным обращением к одному источнику. В случае, когда редактор *F.n.I.55* не создает принципиально новый вариант (33 случая), он, как правило, следует за вариантом Хлудовской редакции (28 случаев). Присутствуют, однако, и варианты из Гимовской восточнославянской, а также из архаичной Акростишной редакции. Их

сравнительно немного (6 для Гимовской и 5 для Акrostишной редакции), но, тем не менее, достаточно, чтобы исключить возможность случайного совпадения. При этом использование вариантов ранних редакций не всегда можно объяснить исправлением ошибок Хлудовской редакции или стремлением к точности передачи греческого оригинала. Покажем это (таблица 4.21) на примере сопоставления текста отдельной стихирь.

Таблица 4.21. Сопоставление текста стихирь 20 по ранним редакциям и редакции *F.n.I.55* (подчеркнуты текстовые совпадения Акrostишной редакции и *F.n.I.55*)

Греческий оригинал	Υἱὸς ὁ ἄσωτος ἐγενόμεν, διασκορπίσας τὸν πλοῦτον, λιμῶν ὑν τήκομαι, ὑπὸ τὴν σκέπην σου καταφεύγω, ὥσπερ ἐκεῖνον δέξαι με Πάτερ ἀγαθέ, καὶ μέτοχον τῆς τραπέζης, ἀξίωσον τοῦ βοᾶν σοι. Κύριε...
Акrostишная редакция (Серб.)	снѣ влоудѣнзи и взихъ и разгочувивъ влоудомѣ и ннѣ оумираю подъ кровь твою прибѣгаю яко того прими ме спсе блаже и причестъ на твою и твою трапезѣ сподоби выпию к тебѣ ги млюти се ги...
Гимовская редакция (Синод. 319)	снѣ влоудѣнзи азъ взихъ и расточихъ бгатство гладзъмь ннѣ гзбноу подъ кровзъ твою прибѣгаю яко же и оногю прими мене отче блгзи и причастника твоюа трапеззи сподоби взпити ти ги...
Хлудовская редакция (Хлуд. 138)	снь блѣднзи азъ взихъ бгатство расточивъ истадхъ гладемь подъ кровь твою прибѣгаѣ яко же и оногю прими ма блже и причстника твоѣ трапеззи сподоби ма выпижца ги...
<i>F.n.I.55</i>	снь блѣднзи взихъ и расточихъ бгатство и ннѣ оумираѣ нѣ подъ кровь твою прибѣгаѣ яко же оногю прими мене спсе блгзи и причастника твою трапеззи сподоби еже взпити тебе ги...

Отметим, что наличие вышеуказанных различий, восходящих к ранним редакциям, может быть объяснено как использованием справщиком компиляционного списка, уже содержащего данные различия, так и нескольких списков разных редакций для сопоставительного анализа. Последняя гипотеза косвенно подтверждается рассмотренным выше фактом использования Гимовской редакции при правке Акафиста Богоматери. Использование для сверки списков разных редакций и, прежде всего, Гимовской редакции, наводит нас на мысль об Афоне как о возможном месте

составления редакции списка *F.n. I. 55*, поскольку именно там бытовали и «взаимодействовали» между собой списки разного происхождения.

2) созданные редактором *F.n.I.55* новые варианты, как правило, являются отражением систематического редактирования славянского текста и точно отражают греческий оригинал, а также свидетельствуют о стремлении справщика к поморфемному переводу, отмеченном нами ранее на материале других произведений, несколько показательных примеров которого приводится в таблице 4. 22.

Таблица 4. 22. Примеры сложных слов, образованных путем поморфемного перевода греческого оригинала стихир Великого канона, внесенных справщиком *F.n. I. 55*, в сопоставлении с вариантами Хлудовской редакции

№ стихир	Греческий оригинал	Хлудовская редакция	<i>F.n. I. 55</i>
2	συνέχομαι	Дрѣжимъ	сѣдрѣжимъ
3	γεωργήσας	сѣдѣлавъ	земодѣлательствовахъ
	γηγενής	земь	земнороденъ
4, 13	εὐσπλαγχνός	млсрдъ	блгожтробень
10	ἀνεξίκακος	безлобивъ	непаматолюбивъи
19	συμπεπτώκαμεν	падохомъ са	ѡпадохомъ

3) В отличие от редакции *F.n. I. 55*, церковнославянской основой для традиции списка *РГБ 25* (см. таблицу 4.20) является Гимовская редакция (39 вариантов), присутствие вариантов из других редакций: Хлудовской (10 вариантов) и Акrostишной (5 вариантов) - ощутимо, но принципиально менее значительно. Технику совмещения справщиком вариантов разных редакций посмотрим в таблице 4. 23 на примере одной произвольно взятой стихир (стихиры 2).

Таблица 4.23. Сопоставление текста стихир 2 по ранним редакциям и *РГБ 25* (подчеркнуты текстовые совпадения Акrostишной и Хлудовской редакции и *РГБ 25*)

Греческий оригинал	Βάρει συνέχομαι ἀμελείας, τῷ βορβόρῳ ἐγκυλινδούμενος, βέλει κεντούμενος τοῦ Βελίαρ, καὶ μολύνω τὸ κατ' εἰκόνα μου. Ἐπιστροφεῦ ἀμελούντων, καὶ λυτρωτὰ ἐπταισμένων, Κύριε..
Гимовская редакция (Синод. 319)	ТАГОТОЮ ОБЪДЕРЖИМЪ КЕСМЪ И ЛѢНОСТИ НИ ВЪ СКВРЬНАХЪ ВАЛЛѦСА СТРѢЛОЮ ОУІАЗВѦЕМЪ ЗЪЛОДѢЮ СКВРЬНАѦ ВБРАЗЪ МОИ ОБРАТИТЕЛЮ ЛѢНИВЗИИМЪ И ИЗБАВИТЕЛЮ ПРѢГРѢШЕНИЕМЪ ГИ...
Акrostишная редакция (Шафар.)	ТАГОСТѢ СЪНЕМЪ ГРѢХОВНѢѢ В ГЛѢБИНѢ СКВРЪННѢ ВЛАЧѢ СА ІАКО СТРѢЛАМИ СТРѢЛЪЧИ МИ СТРѢЛѢМИ И ВСКВРЪНѢ ЖЕ СА ПО ВБРАЗΟΥ ВБРАТИТЕЛЮ ЛѢНИВЗИМЪ ИЗБАВИТЕЛЮ СГРѢШАЩИМЪ ГИ...
Хлудовская редакция (Орбел.)	ТАГОТОЖЪ ВБАТЬ БЕЗАКОНІА И ВЪ СКВРЬНАХЪ ВАЛѢСА СТРѢЛАМИ ВРАЖІАМИ ОУІАЗВЕН ВСКВРЪНѢѢ ВБРАЗЪ МОИ ВБРАТИТЕЛЮ ЛѢНИВЗИМЪ ИЗБАВИТЕЛЮ ГРѢШНИМЪ ГИ...
РГБ 25	ТАГОТОЮ ОДЕРЖИМЪ БЕЗАКОНІА И ВЪ СКВРЬНАХЪ ВАЛЛѦСА СТРѢЛОЮ ОУІАЗВѦЕМЪ ЗЪЛОДѢЮ СКВРЪННІ ВБРАЗЪ МОИ ОБРАТИТЕЛЮ ЛѢНИВЗИМЪ И ИЗБАВИТЕЛЮ СГРѢШЩИХЪ ГИ...

4) количество уникальных, не сводимых к ранним редакциям, чтений *РГБ 25* относительно невелико (15 вариантов) и в большинстве случаев не приближает текст стихир к греческому оригиналу, но, наоборот, содержит более контаминированный в сравнении с ранними редакциями вариант. Характерный пример подобного чтения в стихире 3 представлен в таблице 4.24, сходные примеры контаминированных чтений *РГБ 25* можно найти в стихирах 14, 16, 21, 22, 23 (см. таблицу 4.20).

Таблица 4.24. Сопоставление текста стихире 3 по ранним редакциям и *РГБ 25*

Греческий оригинал	Γέγονα πρόσκομμα τῶν ἀνθρώπων, γεωργήσας ὡς γηγενής, γεηρά· γάμῳ ὠμίλησα σῆ προστάξει, καὶ παρέβην μιάνας κοίτην ἐμήν, ὁ ἀπὸ γῆς πλαστουργήσας, τὸ πλάσμα σου μὴ παρίδης, Κύριε, πρὶν εἰς τέλος ἀπόλωμαι, σῶσόν με
Акrostишная редакция (Шук.)	ВЪІХЪ ПРѢТЪКАНИЕ ЧЛКОМЪ СДѢАВЪ ІАКО ЗЕМЕНЪ ЗЕМНАѦ И ВРАКОУ ПРИЧАСТЕНЪ ВЪІХЪ ТВОИМЪ ВЕЛѢНИЕМЪ ПРѢСТЪПИХЪ ВСКВРЪННІХЪ ЛОЖІЕ МОЕ ІЖЕ Ѡ ЗЕМЛА СОЗДАВЪ МА ТВАРЬ СВОЖ НЕ ПРѢЗРИ ГИ...
Гимовская редакция (Синод. 319)	ВЪІХЪ ПРѢТЪКАНИЕ ЧЛОВѢЧЕ СЪДѢАВЪ ІАКО ЗЕМЪНЪІИ ЗЕМЛНАѦ ВРАКОУ ПОДОБИХЪ СА ТВОИМЪ ПОВЕЛѢНИЕМЪ И ПРѢСТОУПИХЪ ХРИСТЕ ЗАКОНЪ ОСКВРЪННІХЪ ЛОЖЕ МОЕ Ѡ ЗЕМЛА МА СЪЗДАВЪ ЗЪДАНИѦ СИ НЕ ПРѢЗЪРИ ГИ...
Хлудовская	ВЪІХЪ ПРѢТЪКАНИЕ БЕЗАКОНЪІИМЪ СЪДѢАВЪ ІАКО ЗЕМЕНЪ ЗЕМНАѦ

<p>редакция (Хлуд. 138)</p>	<p>бракоу приѡбцивъ са повелѣнии твоих и прѣстѣпихъ законъ осквернихъ ложе мое иже Ѡ зема създавъ ма и създаение си не прѣзри ги...</p>
<p>РГБ 25</p>	<p>взихъ прѣтѣканіе чловѣчско сдѣлавъ тако земенъи земнаѡ бракъ повелѣнаѡ ти прѣстоупихъ и призрѣвъ осквернихъ си ложе Ѡ зема създавъи зданиѡ своего не презри ги...</p>

Все вышесказанное вместе с нарушениями состава и порядка стихир (пропуском стихир 4 и перестановкой стихир 6 после стихир 8) свидетельствует в пользу составления традиции РГБ 25, в отличие от *F.n. I. 55*, без обращения к греческому оригиналу стихир на основе компилирования списков ранних славянских редакций.

1.4.6. Выводы

1. Сопоставительный текстологический анализ ранних (до Афонской справки) списков славянской триоди постной показал, что анонимный цикл 24 стихир Великого канона был переведен на церковнославянский язык уже на начальных этапах славянской письменности и присутствовал в ней в двух относительно независимых переводах в двух традициях: глаголической (редакция Б, отразившаяся в Битол.) и кириллической (Акростишная редакция А, в наиболее полном виде отразившаяся в *Серб.* и фрагменте *Щук.*). В редакции А перевод воспроизводил алфавитный акrostих оригинала (для первых 24 букв славянского алфавита), что привело к существенным изменениям в структуре и тексте гимна. Данная редакция, переработанная в ходе двух последовательных справ, оказала существенное влияние на всю последующую славянскую традицию. В процессе первой из данных справ, осуществленной в южнославянском регионе, редакторы отказались от передачи акrostиха, и привели перевод в структурное и текстовое соответствие с оригиналом. Результаты данной справки в полном объеме отразились исключительно в восточнославянской традиции (Гимовская редакция), в южнославянской

же (болгарской и сербской) они присутствуют только в составе компиляций. Вторая справа, результаты которой затронули практически исключительно болгарскую традицию, не привела к столь существенным изменениям в структуре гимна, и касалась преимущественно его языковых характеристик. Результатом данной справки стала Хлудовская редакция.

2. Все многообразие ранних южнославянских церковнославянских списков, практически каждый из которых представляет особую традицию (*Шафар., Киян., Загреб., Орбел., НБС 644, F.n.I.92*), может быть объяснено различного вида компиляциями трех вышеуказанных редакций: Акростишной, Гимовской и Хлудовской. При этом комбинация стихир рассматриваемых редакций в каждом списке или группе списков отлична, что указывает на то, что данные компиляции были составлены независимо друг от друга. Сложность анализируемых взаимовлияний состоит еще и в том, что они проявляются как в структуре текста, то есть порядке стихир, так и самих текстах. Следовательно, отношения между различными редакциями, построенными на принципиально разной основе: с акростихом или без него – на данном этапе складываются по кардинально иному принципу, нежели на более поздних стадиях развития церковнославянской письменности. Новое не заменяет старое как правъ изводъ [Попов, 2004, с. 179], но достаточно свободно комбинируется с ним, создавая разнообразные наборы – компиляции, при составлении которых компиляторы не обеспокоены совмещением принципиально различных источников. Взяв за основу либо соответствующий греческому оригиналу, либо отличающийся от него порядок стихир (условно говоря, акростишный, поскольку списки, в частности, Евергедитской группы содержат в значительной степени разрушенный акростих, причем очевидно, что редактор абсолютно не заботился о его сохранении),

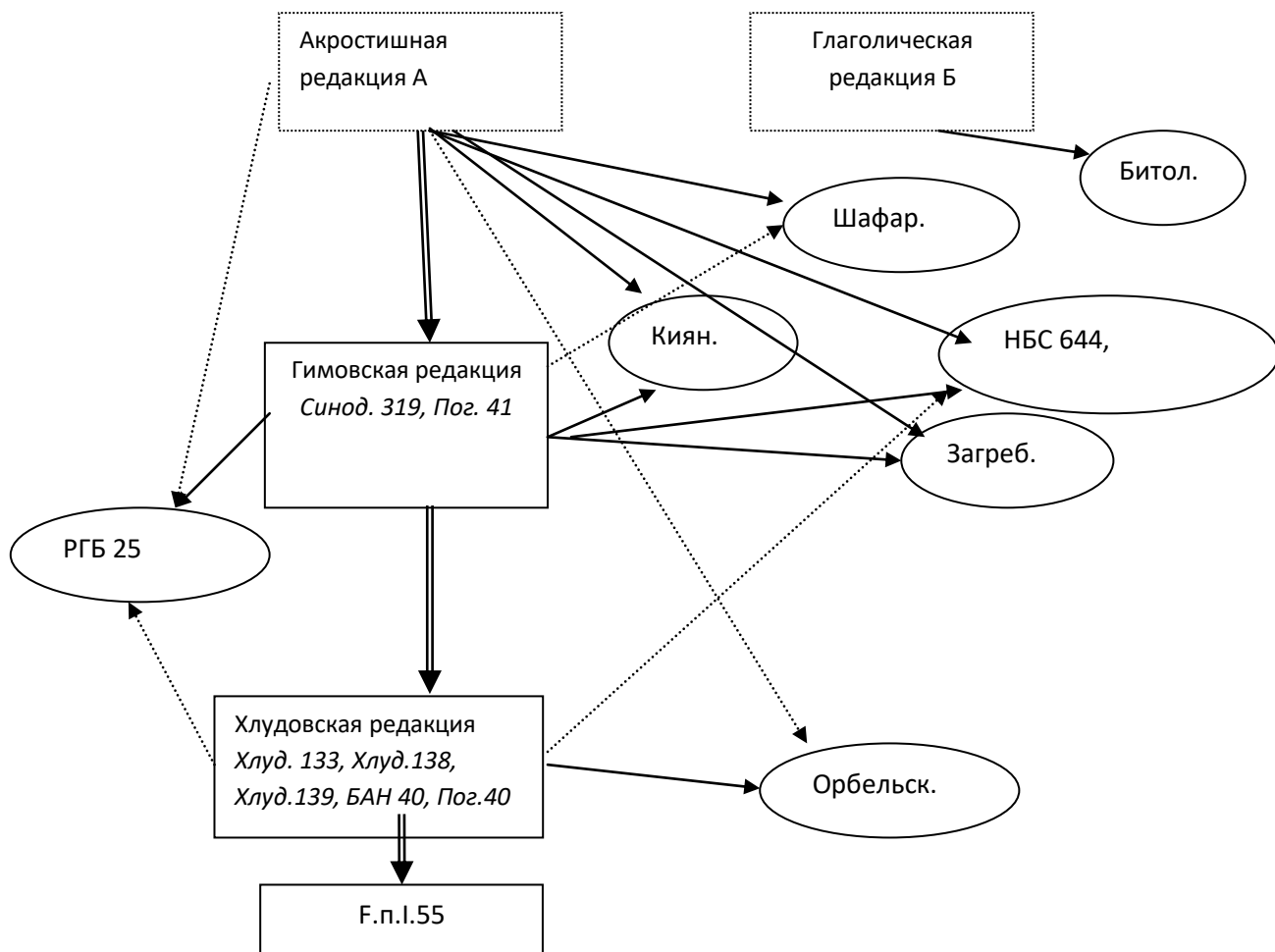
редакторы по непонятным нам причинам активно «наполняют» его стихирами из других источников, будь то чистые редакции или их компиляции. Таким образом, не обращаясь к греческому оригиналу, они создают многочисленные и разнообразные типы текста, варьирующиеся от списка к списку. Все это вызывает определенные трудности при датировке и определении взаимоотношений редакций и списков, так как один и тот же список может совмещать в себе и архаичные, и более поздние черты. Так, триодь Моисея Киянина, относимая М. Моминой к наиболее архаичному типу [Момина, 2004, с. 131], содержит вкрапления из Гимовской редакции; таким образом, датировка создания самой компиляции определенно должна быть относительно поздней. Местом составления как всех редакций, так и большинства компиляций, очевидно, была Болгария. Несомненно, что и протограф Триоди Моисея Киянина также имеет болгарское происхождение. В отличие от России и Сербии, куда попадали единичные списки одной из редакций, становившиеся источниками для закрытых традиций текстов в этих регионах и сохранившие, таким образом, данные редакции в чистом виде, в Болгарии книжники имели доступ к различным редакциям и традициям, которые, следовательно, не сохранились в чистом виде, но многократно перемешались между собой.

3. В процессе Афонской книжной справки анализируемый нами цикл стихир был заменен на другой с инципитом ἄνω τὸ ὄμμα - горѣ очима мѣсленѣма. Таким образом, списки Афонской редакции: как южнославянские, так и восточнославянские - исключаются из данного текстологического исследования. Анализируемые стихиры были вновь включены в состав последования Великого канона составителем редакции *F.n. I.55*, который взял за основу Хлудовскую редакцию и последовательно исправил ее на основе ранее рассмотренных нами на материале Акафиста Богоматери и Великого канона переводческих

принципов. При составлении новой редакции использовались и чтения ранних редакций (Акrostишной и Гимовской).

4. Другим примером появления анализируемого состава стихир в славянской книжности конца XIV - XV вв. является восточнославянский список *РГБ 25*. Представленный в данной рукописи вариант текста основывается на Гимовской редакции с включением вариантов Хлудовской и небольшого числа вариантов Акrostишной редакции. Текст в значительной степени контаминирован и изобилует чтениями, отличными от греческого оригинала, что свидетельствует в пользу его происхождения на основе компиляции различных славянских традиций. Схематически отношения между славянскими редакциями и списками XII – XV вв. показаны на рисунке 3.
5. Сопоставление результатов, представленных на рисунке 3, с результатами, полученными нами в главе 3 на материале Великого покаянного канона Андрея Критского (см. рисунок 2), показывает, что несмотря на очевидное сходство между рукописной историей двух гимнов, входивших в одно последование, между ними существуют и очевидные различия, касающиеся, в частности, традиций, представленных в Загребской триоди, а также списка *РГБ 25*. Итак, вплоть до XV в. в церковнославянской письменности редактирование и компилирование даже составляющих одну службу гимнов могло происходить разными путями и давать разные результаты от списка к списку. Подобная ситуация, по крайней мере, в русской традиции, сохранялась вплоть до систематически проведенных по всему тексту сборника Киевской и Никоновской [Момина, 2004, с. 135 – 137; Борисова, 2006, с. 132 – 208; Бобрик, 1990, с. 61 – 81] книжных справ, созданные в результате которых редакции во всем восточнославянском ареале стали восприниматься как единственно правильные, вытеснив все ранние чтения.

**Рисунок 3. Соотношение между ранними списками стихир службы
Великого покаянного канона в славянской книжности XII – XIV веков**

ГЛАВА 1.5

АНТИФОНЫ ВЕЛИКОЙ ПЯТНИЦЫ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ IX – XV ВЕКОВ

1.5.1. Антифоны Великой Пятницы и основные проблемы их изучения

Последним переводным церковнославянским гимном, текстологическая история которого рассматривается в данном разделе, являются Антифоны Великой Пятницы. Речь идет об одном из общепризнанных шедевров византийской гимнографии – единственном во всем годовом богослужении анонимном цикле из 15 антифонов разных гласов, исполняемых на утрени Великой Пятницы в промежутках между чтением первых шести из Двенадцати Евангелий Святых Страстей. Текстология славянского перевода данного гимна имеет ряд особенностей в сравнении с предыдущими произведениями, а именно:

- 1) в отличие от прочих рассмотренных в данном разделе гимнов, Антифоны Великой Пятницы вместе с другими гимнами Страстной седмицы, после разделения общей триоди на две части: постную и цветную (в греческой литургии называемую Πεντηκοστήριον - Пентикостарион) – в славянской традиции вплоть до Никоновской книжной справки XVII в. входили во вторую из данных частей, то есть в анализируемый нами период являлись частью богослужебного сборника цветной триоди, начинавшегося со службы вечерни пятницы накануне Лазаревой субботы.
- 2) в отличие от прочих рассмотренных в данном разделе гимнов, имевших одного известного или неизвестного автора, текст Антифонов Великой Пятницы, скорее всего, складывался постепенно в процессе формирования и эволюции службы Святых Страстей. Эту текстологическую особенность Антифонов заметил еще И. Карабинов, отмечавший, что «внимательное изучение как антифонов в общем виде,

так и их отдельных тропарей, показывает, что это – произведение не одного лица, что едва ли можно такому предполагаемому лицу приписать даже редакционную работу, и что, всего вероятнее, данные антифоны, так сказать, органически выросли в Иерусалимской Церкви, подвергаясь различным и многообразным переделкам и принимая в свой состав элементы различных эпох и веков» [Карабинов, 1910, с. 87].

Выбор данного текста для текстологического исследования был обусловлен как вышеуказанной разнородностью происхождения антифонов и, как следствие, значительными расхождениями в составе тропарей как в греческой традиции вплоть до XIV в., так и в ранней церковнославянской традиции, так и их непосредственной связью с древнейшей христианской гимнографией, а также несомненным вхождением в число первых переведенных на славянский язык песнопений в составе последований важнейших в церковном году служб. Другим параметром, определившим данный выбор, стали выдающиеся художественные достоинства произведения, являющегося не только высшим выражением религиозного чувства, совмещающим в себе глубокую скорбь с радостным предчувствием грядущего Воскресения, но и одним из главных достижений византийской поэзии.

Несмотря на признаваемые всеми исследователями высокую художественную ценность и древний характер данного гимнографического цикла ни его греческий оригинал, ни, тем более, церковнославянский перевод еще не получили надлежащего текстологического описания. На основании первых описаний данного цикла песнопений, сделанных А. Дмитриевским [Дмитриевский, 1984, с. 124 – 193] на материале иерусалимских типиконов, в научной литературе утвердилась гипотеза о сиро-палестинском происхождении Антифонов и об их первой фиксации в Типиконе Иерусалимского Воскресенского храма [Карабинов, 1910, с. 87; Javier, 2007, с. 211]. По мнению И. Карабинова, в основе Антифонов лежали псалмы, которые пелись между чтением Страстных Евангелий во время процессии, повторявшей путь Христа из Гефсиманского сада на Голгофу во время особого ночного бдения в ночь со

Страстного Четверга на Страстную Пятницу [Карабинов, 1910, с. 85 - 87]. Древнейшие византийские и славянские списки содержат между антифонами стихи псалмов, в современных литургических сборниках они уже не указываются.

Первое и на данный момент единственное научное издание текста Антифонов было предпринято А. Пападопуло-Керамевсом [Παπαδοπούλου-Κεραμέως, 1897, с. 116 – 133] по литургическим книгам Иерусалимского храма Воскресения. Уже это издание показало значительные различия древнего текста от используемого в современной литургической практики, в частности, наличие двух богородичных вместо одного современного в конце каждого антифона. Церковнославянский текст Антифонов в составе древнерусского нотированного Стихираря цветного XII в. из собрания рукописей Хиландарского монастыря (№ 307) был издан факсимильным способом Р. Якобсоном [Якобсон, 1957, с. 15 – 18, 27 v – 48 r], в описании его состава также указывается на ряд неидентифицированных в греческой традиции тропарей. На наличие «шести совершенно неизвестных тропарей и двух особенных седален» [Карабинов, 1910, с. 87] в составе Антифонов в Шафариковской триоди указывает И. Карабинов. Наконец, в ряде относительно недавних богословско-филологических исследований [Janeras, 1988, с. 130 – 133; Javier, 2007, с. 208 – 224] была сделана попытка сопоставительного описания состава стихир Антифонов Великой Пятницы по древнейшим греческим спискам с привлечением и славянского материала исключительно по упомянутому выше изданию Р. Якобсона. Констатируя значительные расхождения между списками в отношении состава тропарей, данные исследования, однако, не дают объяснения этим расхождениям, а также не предпринимают попыток текстологической группировки списков и определения исходного состава текста. Бедность привлекаемого в данных работах славянского материала и недостаточный уровень владения церковнославянским языком их авторами не позволили учесть должным образом славянскую традицию при описании истории греческого текста.

Практически единственной попыткой научного объяснения расхождений в составе стихир Антифонов в мировой филологической науке принадлежит И. Карабинову. Исследователь обращает внимание на значительные расхождения в количестве тропарей между антифонами в современной богослужебной практике (от двух до шести, не считая богородична), на наличие среди них подобен, на регулярно встречающиеся несоответствия содержания тропарей с содержанием читаемого вместе с ними Евангелия, а также псалма, на который они славословились [Карабинов, 1910, с. 88 – 90]. Все это наводит ученого на мысль, что как состав тропарей, так и их распределение между антифонами претерпели значительные изменения по сравнению с исходным текстом, который был значительно проще по структуре, не содержал богородичен и крестобогородичен, а также подобен [Карабинов, 1910, с. 89]. Отмечая повторение ряда тропарей 15 Антифонов Святых Страстей в составе Часов Великой Пятницы, И. Карабинов сопоставляет структуру Антифонов с древним чином Часов Великой Пятницы, содержащим 12 тропарей, разделенных на антифоны [Карабинов, 1910, с. 90]. В греческой традиции данный чин сохранили Ватиканская триодь 771 и Барберинова 339, в славянской - Орбельская триодь. Автор отмечает, что в отличие от Антифонов Святых Страстей данное чинопоследование строго упорядочено, общее число антифонов, каждый из которых состоит из одного тропаря, равно двенадцати, антифоны разделены на четыре трехчленные группы, завершаемые седальными [Карабинов, 1910, с. 91]. Согласно мнению исследователя, изначально такой же вид имели и Антифоны Святых Страстей, однако впоследствии увеличение их объема за счет богородичен, крестобогородичен (в славянской традиции) и подобен привело к утрате стройной композиции. Отмечая разницу в поэтической технике между разными тропарями Антифонов, свидетельствующую об их принадлежности не только разным авторам, но и различным эпохам церковной поэзии, И. Карабинов предположительно атрибутирует некоторые из них Андрею Критскому, пять повторяющихся тропарей Антифонов и Часов Великой Пятницы Софронию Иерусалимскому, в

целом же констатирует, что «песнопения Святых Страстей не могут принадлежать одному лицу и что данный чин подвергался многократным переделкам и дополнениям» [Карабинов, 1910, с. 92].

Источники не сохранили сведений об авторстве и времени первого перевода Антифонов на славянский язык. Однако особая важность содержащей их службы как одного из центральных моментов церковного года позволяет предположить, что это было сделано в начальный период славянской письменности, возможно, даже на Кирилло-мефодиевском ее этапе. Необходимо также отметить, что в отличие от последования Часов Великой Пятницы, сохранившейся в архаических списках в принципиально разном виде, Антифоны Великой Пятницы дошли до нас во всех списках в полном составе (15 антифонов) с разночтениями, касающимися исключительно пропусков или добавлений отдельных тропарей. Все это позволяет предположить, что Антифоны были переведены изначально в полном своем виде в составе конкретной службы – утрени Великой Пятницы. В церковнославянской письменности они бытовали, главным образом, в составе двух гимнографических сборников: триоди общей (или ее второй части триоди цветной) и стихирарей цветных (или постных и цветных). Последние сборники присутствовали исключительно в восточнославянской традиции.

Проведенное нами текстологическое исследование основывается на материале следующих церковнославянских списков:

- Южнославянские списки триоди постной и цветной до Афонской книжной справки: *Серб., Шафар., Загреб., Орбел., Хлуд. 133, НБС 645, F. n. I. 92* (утрачены листы со второго тропаря антифона 2 до предпоследнего тропаря антифона 11).
- Южнославянские и молдововлахийские списки триоди цветной, отразившие результаты Афонской книжной справки: *Син. 24, Хлуд. 134, Хил. 626, F.I.583, F.I.751, F.n. I. 59.*
- Восточнославянские списки:
 - Триодь постная и цветная: *Киян.*

- Триоди цветные: *Воскр.*, *Синод.* 138, *Фек.* 8, *F.n. I.* 31, *F.I.* 137, *Q.I.599*, *Пог.* 486, *Пог.* 488.
- Стихирари постные и цветные: *Усп.* 8, *РГАДА* 147 (отсутствует лист с концом гимна, содержащий антифон 15), *РГАДА* 148, *Соф.* 85, *Соф.* 96, *РГБ* 407, *РГБ* 408, *РГБ* 409.

Кроме того, для текстологического исследования привлекался восточнославянский Стихирарь цветной XII в., из собрания рукописей Хиландарского монастыря, шифр 307, рассмотренный по факсимильному изданию Р. Якобсона [Якобсон, 1957, с. 15 – 18, 27 v – 48 r] (*Хил.*), пропущенный между листами 41 и 42 лист, содержащий текст антифона 10, рассмотрен по рукописному фрагменту, обнаруженному в Библиотеке РАН (Санкт-Петербург), собрание Дмитриевского, 44.

Во всех рассмотренных списках Антифоны входят в состав утрени великой Пятницы, в особую службу, называемую в разных списках по-разному: начатокъ сватаго патка (*Хил.*); чинъ ноцнзи/ ноци великааго патка (*Киян.*, *Шафар.*); чинъ ноци сватаго патка (*РГАДА* 147, 148, *РГБ* 407, 408); чинъ ноцнзи сватзиа страсти христовзи / господеви (*Серб.*, *Орбел.*); чинъ ноцнзи страсть господнѣ (*Хлуд.* 133); служба сватзихъ страстен (господа бога) (*Син.* 24, *Хлуд.* 134, *Хил.* 626); въ сватзи и великзи паток на оутрене (*F. n. I.* 92, *НБС* 645); на оутрене страсти (*РГБ* 409). В ранних южнославянских и восточнославянских списках тропари антифонов перемежаются стихами псалмов, начиная с Афонской справы (XIV век), а также в восточнославянских списках XV в. стихи обычно не указываются. Исключение составляет русский Стихирарь крюковой с прибавлениями 1437 г. *РГБ* 407, где стихи сохранены. Антифоны нумеруются, после каждого третьего антифона в рукописях содержится седален и, как правило, указание на чтение евангельского текста или сам текст.

Греческий оригинал Антифонов приводится по упоминаемому выше изданию А. Пападопулу-Керамевса [Παπαδοπούλου-Κεραμέως, 1897, с. 116 – 133], а также по венецианскому изданию греческой триоди постной [Τριώδιον, 1867, с. 373 – 377].

1.5.2. Состав тропарей каждого антифона как основной параметр первичной классификации церковнославянских списков

Даже беглый взгляд на состав тропарей Антифонов в рассматриваемых церковнославянских списках убеждает исследователя в значительных расхождениях между ними, несомненно, восходящим к различным греческим традициям. Наряду с тропарями, входящими в современный греческий богослужебный текст, а иногда и вместо них, в славянских списках присутствуют также:

- крестобогородичны (далее КБ) на предпоследнем месте каждого антифона перед обычным богородичным. Данные тропари, подробно рассмотренные ниже, не идентифицированы в греческой традиции и встречаются в ряде славянских рукописей, употребляясь в некоторых списках регулярно (на предпоследнем месте каждого антифона), а в некоторых только в некоторых антифонах;
- отличные от современного греческого и славянского текста богородичны (далее Б) (как правило, из часослова или минейных служб) – подробнее см. ниже;
- дополнительные обычные тропари, как неидентифицированные, так и входящие в современной богослужебной практике в состав других служб.

Помимо этого, в ряде списков существуют пропуски отдельных тропарей в составе Антифонов.

Все вышесказанное позволяет рассматривать состав тропарей как основной параметр для первичной текстологической классификации списков. Группируя списки на основе данного параметра, можно заметить, что лишь некоторые из рассматриваемых списков обладают совершенно идентичным составом

тропарей и, соответственно, объединяются в единую традицию. К ним относятся:

- Восточнославянские списки XI – XV вв. (триоды цветные и стихирари): *Воскр.*, *Фек. 8.*, *Усп. 8*, *Хил. 307*, *Соф. 85*, *Соф. 96*, *РГАДА 147*, *РГАДА 148*, *РГБ 407*, *РГБ 408*, которые мы называем ниже *Русской традицией (РТ)*.
- Две сербские рукописи *НБС 645* и *F.n.I.92*, насколько мы можем судить по сохранившемуся фрагменту текста последней. Сохранившаяся в них традиция, вероятно, связана с введением в Сербии в XII – XIII в. Евергетидского устава [Суботин-Голубовић, 1998, с. 337 – 345; Momina, 2004, с. 132 – 133], поэтому будет называться нами в дальнейшем *Евергетидской традицией (ЕТ)*.
- Шесть южнославянских и молдововлахийских рукописей XIV – XV вв.: *Син. 24*, *Хлуд. 134*, *Хил. 626*, *F.I.583*, *F.I.751* и *F.n.I.59* а также три восточнославянских рукописей XV в.: *F.n. I. 31*, *Пог. 486*, *Пог. 488* отразившие результаты Афонской справки, по идентичному составу тропарей объединяются нами в *Афонскую традицию (АТ)*.

Все остальные славянские рукописи имеют уникальный состав тропарей, подробно проанализированный нами ниже. Вместе с Афонской традицией, однако, с особыми указаниями отступлений от нее, будут рассмотрены нами также два списка: молдововлахийская триодь цветная XV в. *F.n.I.59* и восточнославянская триодь постная XV в. *Q.I.599*. В первом списке отсутствует второй тропарь антифона 7, во втором – второй тропарь антифона 3. Отсутствие других списков с подобным составом, а также текстологический анализ, представленный ниже, свидетельствуют о том, что данные пропуски произошли по ошибке переписчиков и не повлияли на последующую традицию.

Наряду с сопоставлением состава тропарей и основанной на этом параметре классификацией церковнославянских рукописей, на данном этапе исследования мы также попытались в тех случаях, когда это было возможно,

определить источники славянских тропарей, не входящих в современный богослужебный текст Антифонов. Результаты данного исследования представлены ниже в отдельной таблице для каждого антифона (таблицы 5.1 – 5.15), греческое соответствие (инципит) для тропаря приводится в таблицах только в том случае, если оно присутствует в современном богослужебном тексте.

Таблица 5.1. Сопоставление порядка тропарей церковнославянских списков в антифоне 1.

Инципит тропаря	Греческое соответствие	Серб	Киян	Загреб	Шафар	РТ	Синод. 138	РГБ 409	ЕТ	Пог. 40	Орбел	Хлуд. 133	АТ	Ф.И. 137
кнези людьци	Ἀρχόντες λαῶν	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+
слово беззаконно	Λόγον παράνομον		+		+	+	+	+	+	+	+		+	+
чувьствина наша	Τὰς αἰσθήσεις ἡμῶν	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
сѣина како агньца (КБ)	---					+	+	+	+		+			
дѣвою родила еси (Б)	Παρθένος ἔτεκες	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Легко заметить, что по составу тропарей в антифоне 1 все списки могут быть разделены на следующие группы:

- *Киян.*, *Шафар.* и *АТ* с составом тропарей, идентичным современному богослужебному тексту Антифонов, к ним примыкает и *Пог. 40*, в котором, однако, пропущен первый тропарь;

- *Серб., Загреб. и Хлуд. 133*, с пропуском второго тропаря (*Λόγος παράνομος*);
- списки, входящие в *РТ* и *ЕТ* с примыкающими к ним *Синод 138*, *РГБ 409* и *Орбел*. Списки данной группы содержат на предпоследней в антифоне позиции (перед обычным богородичным) крестобогородичен с инципитом *сына ѡко агньца* (вариант *ѡна ѡко агньца* в *НБС 645*, очевидно, восходит к ошибке писца), не идентифицируемый в греческой традиции.

Таблица 5.2. Сопоставление порядка тропарей церковнославянских списков в антифоне 2.

Инципит тропаря	Греческое соответствие	Серб	Киян	Загреб	Шафар	РТ	Синод. 138	РГБ 409	ЕТ	Пог.40	Орбел	Хлуд. д. 133	А Т	F.I. 137
тече глаголе июда	Ἐδοξαμε λέγων	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
милости ю богови	Ἐν ἐλλεί τὸν Θεὸν	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ѡко оуцедрити адама (КБ)	---					+	+	+	+		+			
его же роди двво (Б)	Ἐν ἔτεκες, Παρθένε	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

По составу тропарей данного конкретного антифона две первые из выделенных выше групп списков совпадают, третья же группа сохраняет свой отличительный признак – наличие крестобогородична с инципитом *ѡко оуцедрити адама*, не идентифицированного в греческой традиции.

Таблица 5.3. Сопоставление порядка тропарей церковнославянских списков в антифоне 3.

Инципит тропаря	Греческое соответствие	Се рб	Ки ян	Заг реб	Ша фар	Р Т	Син од. 138	Р Г Б 40 9	Е Т	Пог. 40	Орб ел	Хл уд. 133	А Т	F.I.1 37
лазарєва ти ради встанїа	Διὰ Λαζάρου τὴν ἔγερσιν	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
июдѣиско шетанїе	---	+	+		+							+		
на вечерї ти	Ἐν τῷ δείπνῳ σου	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+
иѡанноу вѡпрошь шоу	Ἰωάννη ἐρωτήσῃς αὐτὶ	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
на оумьвени ти	Ἐν τῷ Νιπτῆρι	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
вдїте и млїтєса	Γρηγορε ἴτε καὶ προσεύχεσθε	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
на трєхъдєсєтѣхъ сребрьницѣхъ	Εἰς τριάκοντα ἀργύρια	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+
рїдajúци христе рожьдши я (КБ)	----			+		+	+	+	+		+	+		
спасї ѿ вѣдѣ (Б)	Διάσωσον ἀπὸ κινδύνων	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

В славянских списках данного антифона мы находим два тропаря, не соответствующих современному богослужебному тексту: крестобогородичен

ридаючи христе рожьдшиѣ (PT, Синод. 138, PГБ 409, ET, Загреб., Хлуд. 133 и Орбел.) и тропарь с инципитом июдѣиско шетание (Серб., Киян., Шафар.).

Последний похож, но не полностью идентичен тропарю *Τὸ ἄθροισμα τῶν Ἰουδαίων* из антифона 13. Отсутствие тропаря *Ἐν τῷ δείπνῳ σου* в Хлуд. 133 в греческой традиции соответствует списку *Vindob. Theol. Gr. 181* [Javier, 2007, с. 218]. С другой стороны, в *Пог. 40* отсутствует тропарь *Εἰς τριάκοντα ἀργύρια*. Отметим, кроме того, что в восточнославянском списке *AT Q.I.599* отсутствует тропарь *Ἐν τῷ δείπνῳ σου*, видимо, вследствие ошибки писца.

Таблица 5.4. Сопоставление порядка тропарей церковнославянских списков в антифоне 4

Инципит тропаря	Греческое соответствие	Серб	Киян	Загреб	Шафар	РТ	Синод. 138	РГБ 409	ЕТ	Пог. 40	Орбел	Хлуд. 133	АТ	F.I.1 37
Днесь июда вставлѣеть	Σήμεραν ὁ Ἰούδας, καταλιμ πάνει	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Днесь волеѣ на страсть приходить	---				+									
Днесь июда ѿлочається	Σήμεραν ὁ Ἰούδας, παραποι εἶται	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+
страшна и дивна и велиа (Б)	---				+									
вратолоубие стежимь	Τὴν φιλαδελφίαν κτησώμεθα	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
христе	---			+		+	+	+	+		+			

оубииств о неправе дъноѣ (КБ)														
радѡуѣсе wtz насъ (Б)	---	+	+	+	+	+		+	+		+	+		
прѣслав наа о тевѣ възглаш а са въсѣдѡу (Б)	Δεδοξασ μένα περὶ σοῦ, ἐλαλήθη πανταχο ῦ						+			+			+	+

Из восьми тропарей, обнаруженных в славянских списках для данного антифона, только четыре соответствуют современному богослужебному тексту. Другие четыре тропаря включают в себя:

- крестобогородичен христе оубииство неправедъноѣ, найденный в *PT*, *Синод. 138*, *РГБ 409*, *Загреб.* и *Орбел.*;
- отличный от современного богородичен с инципитом радѡуѣсе wtz насъ сватаѣа богородице дѣво во всех списках, кроме *AT*, примыкающего к нему *F.I.137*, *Пог. 40* и *Синод. 138*, соответствующий апостиху вечерни субботы *Χαίροις παρ' ἡμῶν ἁγία Θεοτόκε Παρθένε.*
- неидентифицированный тропарь, употребленный только в *Шафар.*: днесъ волеѣ на страсть приходить
- второй богородичен, стоящий не на своей обычной позиции в конце, но в середине антифона в *Шафар.* с инципитом страшна и дивна и велиа, соответствующий апостиху из вечерни понедельника страшна и дивна и велиа таина (*Φοβερόν καὶ παράδοξον, καὶ μέγα τὸ μυστήριον*).

Отметим также, что второй тропарь антифона (*Σήμερον ὁ Ιούδας, παραποιεῖται*) пропущен в *AT*, однако присутствует в близком данной традиции восточнославянском списке *F.I.137*.

Таблица 5.5. Сопоставление порядка тропарей церковнославянских списков в антифоне 5.

Инципит тропаря	Греческое соответствие	Серб	Кия н	Загр еб	Шаф ар	PT	Син од. 138	РГБ 409	ЕТ	Пог. 40	Орб ел	Хлу д. 133	AT	F.I. 137
ουченикъ ουчителю	Ὁ μαθητῆς τοῦ Διδασκάλου	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Днесь глаголаше	Σήμερον ἔλεγεν	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Дньсь зрещи (КБ)	---			+		+	+	+	+		+			
неизреченно зачьньши (Б)	Ἡ ἀρρήτως, ἐπ' ἐσχάτων συλλαβοῦσα	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Состав тропарей в данном небольшом антифоне в целом соответствует современному тексту, с единственным отличием – присутствием неидентифицированного крестобогородична с инципитом *дньсь зрещи* в той же группе списков (*PT, Синод. 138, РГБ 409, ЕТ, Загр. и Орбел.*).

Таблица 5.6. Сопоставление порядка тропарей церковнославянских списков в антифоне 6.

Инципит тропаря	Греческое соответствие	Серб	Киян	Загр еб	Шафар	PT	Син од. 138	РГБ 409	ЕТ	Пог. 40	Орб ел	Хлуд. 133	AT	F.I. 37
Днесь вДить	Σήμερον	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

июда	γρηγορ εἰ ὁ Ἰούδας													
Днесъ спасъ и господь	---				+									
Днесъ на крестъ	Σήμερο ν τῷ σταυρῷ	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
господи на страсть / мучкомъ	Κύριε ἐπὶ τὸ πάθος	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
глаголаш е спасъ своимъ ученикомъ	---				+									
господи всѣ доуци рождаши я (КБ)	---			+		+	+	+	+		+			
оумири молитвамъ и (Б)	---	+	+	+	+	+		+	+			+		
радони са (претага) вце ѿже невмѣст имаго (Б)	Χαῖρε Θεοτόκε ἡ τὸν ἀχώρητ ον						+			+	+		+	

Наряду с неидентифицированным в греческой традиции крестобогородичным, присутствующим в *РТ, Синод. 138, РГБ 409, ЕТ, Загреб.* и *Орбел.*, в тексте антифона содержится два различных богородична: соответствующий современному тексту *Χαῖρε Θεοτόκε ἡ τὸν ἀχώρητον*, выявленный только в *Синод. 138, Пог. 40, Орбел.* и *АТ*, а также отмеченный в большинстве списков оумири молитвами, соответствующий апостиху вечерни

вторника *Eἰρήνευσον πρεσβείαις τῆς Θεοτόκου*. Использование последнего богородична в составе данного антифона отмечено и в греческой традиции (*Vindob. Theol. gr 136* (215 г.)) [Javier, 2007, с. 218].

Таблица 5.7. Сопоставление порядка тропарей церковнославянских списков в антифоне 7.

Инципит тропаря	Греческое соответствие	Се рб	Ки ян	Загр еб	Ша фар	Р Т	Син од. 138	РГ Б 40 9	Е Т	Пог. 40	Орб ел	Хл уд. 133	А Т	F.I.1 37
имшимъ тебе беззакони комъ	Τοῖς συλλαβοῦσί σε παρὰ νόμοις	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
страха ради иудейска	---				+									
третице ю Ѡверги петръ	Τρίτον ἀρνησάμενος ὁ Πέτρος	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
иуда прѣдѣлѣтъ владѣицѣ оу	---	+									+	+		
естѣство оуставзи (КБ)	---			+		+	+	+	+					
распинаема зрещи (КБ)	---										+			
кровь / покровъ твои богородице (Б)	---	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+		
чистага двѣа словоу двѣрь										+				

молдововлахийской триоди *F.n.I.59* - пропущен тропарь *Τρίτον ἀρνησάμενος ὁ Πέτρος*, видимо, вследствие ошибки писца.

Таблица 5.8. Сопоставление порядка тропарей церковнославянских списков в антифоне 8.

Инципит тропаря	Греческое соответствие	Се рб	Ки ян	Загр еб	Ша фар	Р Т	Син од. 138	РГ Б 409	Е Т	Пог. 40	Орб ел	Хл уд. 133	А Т	F.I.1 37
ръцѣте беззаконьни	Εἴπατε παράνομοι	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
да распьнетъся / пропрнетъся	Σταυρωθήτω ἔκραζον	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
распинаема зрещи (КБ)	---			+		+	+	+	+					
непроходнага двери (Б)	---	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+		
всё оупованіе мое (Б)	---									+				
яко не имамъ дръзновеніа (Б)	Ὅτι οὐκ ἔχομεν παρρησίαν												+	+

Это единственный антифон, в котором *Орбел.* не содержит крестобогородична. Крестобогородичен *РТ, Синод. 138, РГБ 409, ЕТ* и *Загр. еб.* соответствует греческому *Σταυρούμενον βλέπουσα*, этот же крестобогородичен в *Орбел.* входит в состав антифона 7 (см. таблицу 5.7). Следует также отметить, что во всех славянских списках, за исключением *АТ* и *Пог. 40*, используется другой, в сравнении с современным текстом,

богородичен с инципитом непроходная двери, соответствующий греческому *Ἡ ἀδιόδευτος πύλη* [Javier, 2004, с. 218]. В списке *Пог.40* использован уникальный для славянской традиции всех антифонов богородичен Часослова, соответствующий греческому *Τὴν πᾶσαν ἐλπίδα μου εἰς σέ ἀνατίθημι, Μῆτερ τοῦ Θεοῦ, φύλαξόν με ὑπὸ τὴν σκέπην σου.*

Таблица 5.9. Сопоставление порядка тропарей церковнославянских списков в антифоне 9.

Инципит тропаря	Греческое соответствие	Серб	Киян	Загреб	Шафар	РТ	Синод. 138	РГБ 409	ЕТ	Пог. 40	Орбел	Хлуд. 133	АТ	F.I.1 37
поставише тридесети сребрникъ	Ἔστησαν τὰ τριάκοντα ἀργύρια	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
въдаше / дашѣ възгдѣ / брашно	Ἔδωκαν εἰς τὸ βρωμά	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
оужасашесѣ видѣци (КБ)	---			+		+	+	+	+		+			
тѣ првочистага / свѣтопръво чисто похвало (Б)	---	+	+	+	+	+		+	+			+		
іже ѿ азѣи / славно поемъ бже чстѣ (Б)	Οἱ ἐξ ἔθνῶν ὑμνοῦμένον σε Θεοτόκε ἀγνή						+			+	+		+	+

Выделенная ранее группа списков (РТ, Синод. 138, РГБ 409, ЕТ, Загреб., Орбел.) содержит в данном антифоне неидентифицированный в греческой традиции крестобогородичен ου̇ρασσεα̇ видещи. Богородичен из современного текста использован только в АТ, Пог. 40, Синод. 138 и Орбел., в прочих же славянских списках находим другой богородичен с инципитом тл̇ пр̇вочиста̇л̇/ сватопр̇вочисто похвало, соответствующий апостиху вечерни понедельника *Αγίῳπρωτε σεμνή.*

Таблица 5.10. Сопоставление порядка тропарей церковнославянских списков в антифоне 10.

Инципит тропаря	Греческое соответствие	Се рб	Ки ян	Загр еб	Шаф ар	РТ	Син од. 138	РГ Б 409	Е Т	Пог. 40	Орб ел	Хлу д. 133	А Т	Ф.1.1 37
од̇венса св̇ѣтомъ	Ὁ ἀναβαλλόμενος φῶς	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
оученикъ ѿвержеса	Ὁ μαθητὴς ἠρνήσατο	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
иереи / книжочию распеше / священникъ оударишѣ тл̇	---	+			+				+					
Бес страсти рождьшиѣ тл̇ (КБ)	---			+		+	+	+	+		+			
его же роди д̇ѣво (Б)	---	+	+					+						
радость	---			+		+	+		+		+			

АНГЕЛОМЪ приемшиѧ (Б)														
КОПИЕМЪ ВОДЕ Сѧ (Б)	---				+							+		
ОУМИРИ МИРЪ (Б)	Εἰρήνευ σον τὸν Κόσμον								+				+	+

Помимо крестобогородична, использованного в указанных выше славянских списках, конкретный антифон содержит еще один неидентифицированный тропарь, выявленный в различных славянских переводах с разными инципитами, а именно: иереи / книгочию распеше / священникъ оударишѧ та, обнаруженный в списках *ЕТ*, *Серб.* и *Шафар*. Кроме того, в славянских списках находим большое разнообразие богородичен, лишь один из которых, употребленный в *АТ*, близкой ей *F.I.137* и *Пог. 40*, содержится в современном тексте. Несколько списков (*Серб.*, *Киян.* и *РГБ 409*, впервые отличный по составу тропарей от *РТ*) повторяют в данном антифоне богородичен антифона 2 *Ὁν ἔτεκες, Παρθένε*, данный повтор в греческой рукописной традиции (Собрание Великой Лавры G. 68 (49v), Vindob. Theol. Gr 136 (213v)) [Javier, 2007, с. 219] зафиксирован в антифоне 11. Большинство славянских рукописей используют в качестве богородична тропарь *радость ангеломъ приемшиѧ*, соответствующий греческому *Ἡ τὸ χαῖρε δι' ἀγγέλου δεξαμένη*. Отметим, что в греческой традиции использование данного тропаря в качестве богородична конкретного антифона зафиксировано А. Пападопулу-Керамевсом [Παπαδοπούλου-Κεραμέως, 1897, с. 127].

Таблица 5.11. Сопоставление порядка тропарей церковнославянских списков в антифоне 11.

Инципи т тропаря	Греческо е соответс твие	Се рб	Ки ян	Загр еб	Ша фар	Р Т	Син од. 138	РГ Б 40 9	Е Т	Пог. 40	Орб ел	Хл уд. 133	А Т	F.I.1 37
за благага / взмѣсто благъихъ ѣже сътвори	Ἀντὶ ἀγαθῶν , ὧν ἐποίησα ς	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
о прѣданъ невольнъ	Ἐπὶ τῇ προδοσί α οὐκ ἠρκέσθη σαν	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ни земля егда тресесе	Οὔτε γῆ ὡς ἐσείσθη	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
живота подателю (КБ)	---			+		+	+	+	+		+			
его же роди дѣвою единоча дна и единосоу щина (Б)	---								+		+			
единочед зи единосоу щине / единочѣ дно нераздѣл ение (Б)	---	+		+	+	+		+				+		
(господа) бога ис тебе всплзцъ шася разоумѣх омъ (Б)	---		+				+			+	+		+	+

Помимо неидентифицированного в греческой традиции крестобогородична, данный антифон содержит в разных славянских списках три варианта богородична, ни один из которых не соответствует современному тексту. Лишь последний из них, обнаруженный в *Киян.*, *Орбел.*, *Пог. 40*, *Синод. 138*, *AT* и *F.I.137*, может быть идентифицирован как соответствующий греческому $\Theta\epsilon\acute{o}\nu \acute{\epsilon}\kappa \sigma\omicron\upsilon \sigma\alpha\rho\kappa\omega\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha$ из антифона 15 греческого списка Vat. gr. 771 (177v) [Javier, 2007, с. 220]. Необходимо также отметить, что в конкретном антифоне многие греческие списки (Собрание Великой Лавры G. 67 (49v) и Vindob. Theol. Gr. 136 (213v)) содержат богородичен второго антифона $\text{Ὁν ἔτεκες, Παρθένε}$ [Javier, 2007, с. 219], сходный, но не полностью идентичный славянскому его же роди дѣвою единочадна и единосоушна (*ET*, *Орбел.*). Кроме того, отметим, что список *Орбел.* в данном антифоне содержит три тропаря, посвященных Богоматери: один крестобогородичен и два богородична.

Таблица 5.12. Сопоставление порядка тропарей церковнославянских списков в антифоне 12.

Инципит тропаря	Греческое соответствие	Се рб	Киян	Загреб	Шафар	РТ	Синод. 138	РГБ 409	ЕТ	Пог. 40	Орбел	Хлуд. 133	АТ	F.I. 137
сице глеть господь	Τάδε λέγει Κύριος	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+
днесь церковнага завѣса / ѡпона	Σήμεραν τοῦ Ναοῦ τὸ καταπέτασμα		+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+
законпложьници / законници излиевни	Οἱ νομοθέται τοῦ Ἰσραήλ	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+
беззаконю	---		+	+		+	+	+	+		+			

цимь ѣдина (КБ)														
цѣсарь нѣснзи (Б)	---	+			+							+		
ти еси (богородиц е) ѡрoужие наше (Б)	---			+		+	+		+					
радoуисл двѣри црл славзи (Б)	Χαῖρε ἡ πύλη τοῦ βασιλέω ς τῆς δόξης		+						+			+		
кровь твои богородице (Б)	---									+				
дво родила еси неискоуcwb рачнад (Б)	---												+	+

В данном антифоне крестобогородичен обнаружен еще в одном, в сравнении с предыдущими антифонами, списке, а именно в *Киян*. Это единственный крестобогородичен, зафиксированный в данном списке. Вновь мы наблюдаем большое разнообразие богородичных тропарей в славянских рукописях, причем только три списка (*Киян*., *Синод. 138* и *Орбел*.) содержат тропарь современного текста. В большинстве рукописей в качестве богородична использован тропарь ти еси (богородице) ѡрoужие наше (соответствует греческому *Σὺ εἶ Θεοτόκε, τὰ ὄπλα ἡμῶν¹⁷*), в списках же *Серб.*, *Шафар.* и *Хлуд. 133* на месте богородична находим тропарь цѣсарь нѣснзи,

¹⁷ Полный греческий текст имеет следующий вид: *Σὺ εἶ Θεοτόκε, τὰ ὄπλα ἡμῶν καὶ τεῖχος, σὺ εἶ ἡ ἀντίληψις, τῶν εἰς σέ προστρέχόντων, σὲ καὶ νῦν εἰς πρεσβείαν κινούμεν, ἵνα λυτρωθῶμεν τῶν ἐχθρῶν ἡμῶν.*

вероятно соответствующий греческому *Ὁ βασιλεύς*, отмеченному в антифоне 14 греческого списка из Соборной Великой Лавры G. 72 (25v) [Javier, 2007, с. 220] и воскресному богородичному догматику¹⁸. Наконец, *Ποг.40* употребляет на месте богородична апостих вечерни вторника *Ἡ σκέπη σου Θεοτοκε Παρθένε*, в прочих славянских списках находящийся на той же позиции в антифоне 7, а в РГБ 409 в антифоне 14 (см. таблицы 5.7 и 5.14).

Таблица 5.13. Сопоставление порядка тропарей церковнославянских списков в антифоне 13.

Инципит тропаря	Греческое соответствие	Се рб	Ки ян	Заг реб	Ша фар	Р Т	Син од. 138	Р Г Б 409	Е Т	Ποг .40	Οр бел	Хл уд. 133	А Т	F.I. 137
сворище иудейско	Τὸ ἄθροισμα τῶν Ἰουδαίων	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
его же всачьскаѧ (вожтсѧ)трепещиоуть/трасѧтсѧ	Ὅν πάντα φρίσσει καὶ τρέμει	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ДАВЪИ законь пророки (КБ)	---			+		+	+	+	+		+			
видещи те висецѧ/распинаема (КБ)	---			+		+		+	+					
приемьшаѧ радость англомь / радουисѧ таже радѧсть	---	+	+		+					+		+	+	+

¹⁸ Полный греческий текст имеет следующий вид: *Ὁ Βασιλεὺς τῶν οὐρανῶν, διὰ φιλανθρωπίαν, ἐπὶ τῆς γῆς ᾤφθη, καὶ τοῖς ἀνθρώποις συνανεστράφη· ἐκ Παρθένου γὰρ ἀγνῆς, σάρκα προσλαβόμενος, καὶ ἐκ ταύτης προελθὼν, μετὰ τῆς προσλήψεως, εἷς ἐστὶν Υἱός, διπλοῦς τὴν φύσιν, ἀλλ' οὐ τὴν ὑπόστασιν· διὸ τέλειον αὐτὸν Θεόν, καὶ τέλειον ἄνθρωπον, ἀληθῶς κηρύττοντες, ὁμολογοῦμεν Χριστὸν τὸν Θεὸν ἡμῶν· ὃν ἰκέτευε Μήτηρ ἀνύμφευτε, ἐλεηθῆναι τὰς ψυχὰς ἡμῶν.*

Ⲱ ⲁⲖⲂⲗⲁ ⲡⲣⲓⲉⲙⲏⲥⲉ (Б)														
ⲟⲩⲙⲓⲣⲓ ⲙⲓⲣⲁ (Б)	---						+					+		

Отличительной характеристикой данного антифона является тот факт, что ряд списков (*PT, РГБ 409, Загреб., ET*) содержат в нем два крестобогородична: неидентифицированный в греческой традиции *ⲁⲗⲱⲩⲱⲗⲟⲛ* пророки и стоящий на месте обычного богородична крестобогородичен последнего антифона 15 современного текста (*ⲱⲃⲉⲥⲓⲧⲉⲩⲱⲥⲉⲥⲁ - Ⲑⲣⲱⲥⲁⲥⲉⲕⲣⲉⲙⲁⲙⲉⲛⲟⲛ*). В списках *Орбел.* и *Синод. 138* на этом месте находим тропарь *ⲟⲩⲙⲓⲣⲓⲱⲥⲉⲕⲣⲉⲙⲁⲙⲉⲛⲟⲛ*, соответствующий богородичну антифона 10 современного текста: *Ⲉⲓⲣⲏⲛⲉⲩⲟⲛ ⲧⲟⲛ Ⲙⲟⲥⲙⲟⲛ*. Наконец, в *Серб., Шафар., Киян., Хлуд. 133* и *AT* – иными словами, в списках без крестобогородична – употреблен на месте богородична тропарь *ⲡⲣⲓⲉⲙⲏⲥⲁⲗⲁ ⲣⲁⲃⲟⲩⲥⲧⲁ ⲁⲛⲖⲗⲟⲙⲱ / ⲣⲁⲃⲟⲩⲥⲧⲁ ⲛⲁⲓⲓⲣⲁⲃⲱⲥⲧⲁ ⲰⲁⲗⲂⲗⲁ ⲡⲣⲓⲉⲙⲏⲥⲉ*, соответствующий греческому *ⲛ ⲧⲟⲗⲁⲓⲣⲉ ⲁⲓⲁⲓⲗⲱⲗⲟⲛ ⲁⲃⲉⲗⲁⲙⲉⲛⲏⲁ*, то есть богородичну антифона 10 издания А. Пападопулу-Керамевса [Παπαδοπούλου-Κεραμέως, 1897, с. 127].

Таблица 5.14. Сопоставление порядка тропарей церковнославянских списков в антифоне 14.

Инципит тропаря	Греческое соответствие	Серб	Киян	Загреб	Шафар	PT	Синод. 138	РГБ 409	ET	Пог. 40	Орбел	Хлуд. 133	AT	F.I. 137
господи иже <i>ⲣⲁⲗⲱⲃⲟⲩⲛⲓⲕⲁ ⲥⲱⲡⲟⲩⲱⲛⲓⲕⲁ</i>	<i>Κύριε, ὁ τὸν Ἀηστὴν συνοδοὶ πόρον</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

приемь	λαβών													
малль гласъ	Μικρὰν φωνήν	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
немаложь болѣзнь имѣаше (КБ)	---			+		+	+	+	+		+			
кровь твои богородице (Б)	----	+	+					+						
радужиса присноживо тънзи источьниче (Б)	----			+		+			+					
радужиса агломъ радость мироу приживши (Б)	Χαῖρε ἡ δί Ἀγγέλου , τὴν χαρὰν τοῦ Κόσμου δεξαμέν η						+			+	+	+		
страшна чюда зраце (КБ)	----				+									
чистаа дѣва словоу двери (Б)	----												+	+

В данном антифоне славянская традиция вновь сохранила большое разнообразие богородичен. Помимо крестобогородична, отмеченного в тех же списках, как и в предыдущих антифонах, пять различных богородичен могут быть использованы здесь, при этом только один, отмеченный в *Орбел.*, *Синод. 138*, *Пог. 40*, *РГБ 409* и *Хлуд. 133*, соответствует современному тексту. В

списках *Серб.* и *Киян.* на месте богородична находим тропарь кровь твои богородице, соответствующий апостиху вечерни вторника *Ἡ σκέπη σου Θεοτοκε*, тогда как в *Загреб.*, *PT* и *ET* используют в качестве богородична тропарь радочиса присноживотыныи источниче (греческое соответствие: *Χαῖρε τὸ ἀείζωον, ῥεῖθρον*¹⁹). Наконец, в *Шафар.* вместо богородична употреблен неидентифицированный крестобогородичен (единственный крестобогородичен во всем списке) с инципитом страшна чюда зраце, а в *AT* на последнем месте стоит тропарь чистаа два словоу двери, соответствующий греческому богородичну *Ἀγνή Παρθένε, τοῦ Λόγου πύλη*²⁰.

Таблица 5.15. Сопоставление порядка тропарей церковнославянских списков в антифоне 15.

Инципит тропаря	Греческое соответствие	Серб	Киян	Загреб	Шафар	PT	Синод. 138	PTБ 409	ET	Пог. 40	Орбел	Хлуд. 133	AT	F.I.1 37
днесь виситъ на дрѣвѣ	Σήμερον κρεμαται ἐπὶ ξύλου	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
не тако юдени	Μὴ ὡς Ἰουδαῖοι	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
крестъ твои господи	Ὁ Σταυρός σου Κύριε	+	+	+		+	+	+	+		+	+	+	+
свѣтило си ραζочма	---					+	+	+	+		+			

¹⁹ Полный греческий текст имеет следующий вид: *Χαῖρε τὸ ἀείζωον, ῥεῖθρον τῆς ἀφθαρσίας, χαῖρε ἡ ὀλόφωτος τοῦ ἡλίου νεφέλη· χαῖρε ὄχημα τῆς Θεότητος ὄλης, χαῖρε κιβωτὲ τοῦ ἀγιάσματος.*

²⁰ Полный греческий текст: *Ἀγνή Παρθένε, τοῦ Λόγου πύλη, τοῦ Θεοῦ ἡμῶν Μήτηρ, ἰκέτευε σωθῆναι ἡμᾶς.*

млсрднѣ источник з (Б)	---											+		
богороди це тѣ еси лоза истинна (Б)	---	+	+	+	+					+			+	+
прѣславъ ночю христов оу матерь (Б)	---					+	+	+	+		+			

Интересно отметить, что в то время как антифон 15 является единственным антифоном современного текста, в состав которого входит крестобогородичен, ни один список славянской традиции не содержит крестобогородична в конкретном антифоне. В списках, как правило, содержащих крестобогородичны (*PT, Синод. 138, РГБ 409, ET, Орбел.*) на его месте стоит другой тропарь – неидентифицированный свѣтило си разоумѣ. Из трех встречающихся в славянской рукописной традиции богородична ни один не соответствует современному тексту. Два из них идентифицированы: богородице тѣ еси лоза истинна (*Серб., Загреб., Киян., Пог.40, Шафар., AT, F.I.137*), соответствующий апостиху вечерни четверга Θεοτόκε, σὺ εἶ ἡ ἄμπελος ἡ ἀληθινή; и прѣславьночю христовоу матеръ (*PT, Синод. 138, РГБ 409, ET, Орбел.*), соответствующий богородичну Τὴν ὑπερέδοξον τοῦ Χριστοῦ μητέρα из издания А. Пападопуло-Керамевса [*Παπαδοπούλου-Κεραμέως, 1897, с. 133*]. Интересно также отметить, что по составу тропарей конкретного антифона список *Загреб.* не может быть помещен в одну группу с *PT, РГБ 409, Синод. 138, ET, Орбел.*, как в антифонах 3 – 14, но имеет сходство со списками *Серб.* и *Киян.*

Подводя итог данного сопоставительного анализа еще раз подчеркнем существенные различия в составе тропарей Антифонов Великой Пятницы в рассмотренных 31 славянском списке как между собой, так и с современным богослужебным текстом. Из 100 различных тропарей (включая крестобогородичны и богородичны), зафиксированных в славянской традиции, только 52 соответствуют современному тексту Антифонов. Из прочих тропарей нам удалось идентифицировать в греческой традиции 24 тропаря, которые либо содержатся в описанных греческих списках и изданиях, либо соответствуют тропарям других служб, главным образом, из часослова. Отметим, что больше всего расхождений в составе тропарей наблюдается в богородичных, которые совпадают во всех списках и соответствуют современному тексту только в антифонах 1, 2, 3 и 5.

Сопоставительный анализ состава тропарей позволяет разделить славянские списки на следующие группы (редакции), вероятно, восходящие различным греческим традициям:

- редакция с одним богородичным в конце каждого антифона и составом прочих тропарей (за исключением богородичных), примерно соответствующем современному тексту, с пропуском некоторых тропарей (например, второго тропаря антифона 1 *Λόγον παράνομον*); данная редакция в чистом виде присутствует только в списке *Серб*.
- редакция с одним богородичным в конце каждого антифона и с рядом дополнительных обычных тропарей, не соответствующих современному тексту; отличается от предыдущей редакции и некоторыми богородичными (например, антифонов 10, 14); данная редакция в чистом виде присутствует только в списке *Шафар*.
- редакция, в которой каждый антифон завершается двумя тропарями, посвященными Богоматери: крестобогородичным и обычным богородичным. Интересно, что сходная структура зафиксирована в издании А. Пападопуло-Керамевса, основанного на литургических рукописях Иерусалимского Воскресенского храма [*Παλαδοπούλου*-

Κεραμέως, 1897, с. 116 – 133], однако подавляющее большинство крестобогородичен в данной традиции отличается от славянских списков. Более того, крестобогородичны, использованные в данной редакции, на данный момент не были найдены в греческих изданиях и списках и, вероятно, восходят к утерянной греческой традиции. В наиболее чистом виде данная редакция представлена в списках Русской традиции (*PT*).

- Афонская редакция, отразившаяся в списках Афонской традиции (*AT*), восходящая к греческому оригиналу, близкому к современному тексту, в частности, содержащему те же богородичны во всех антифонах, за исключением 13, 14, 15, и характеризующаяся, помимо этого, отсутствием второго тропаря (*Σήμερον ὁ Ἰούδας, παραποιεῖται*) антифона 4. В данную редакцию может быть включен и восточнославянский список *F.I.137* со сходным составом тропарей и богородичен, однако, с наличием второго тропаря антифона 2, который мог появиться под влиянием другой редакции.
- Редакция списка *Пог. 40*, сходная по составу тропарей с Афонской, но отличающаяся от последней рядом уникальных богородичных тропарей, а также наличием второго тропаря антифона 2.

Все прочие славянские списки или группы списков содержат разнообразные комбинации вышеуказанных четырех редакций, вероятно, возникшие в результате компиляции различных славянских списков и традиций. Более подробно типы и механизм составления данных компиляций будет рассмотрен ниже.

Отметим также, что существенные различия в составе богородичных тропарей между различными греческими и славянскими традициями позволяет предполагать, что изначально гимн не содержал богородичных, и что богородичные тропари были добавлены в его структуру позднее, причем конкретные тропари могли варьироваться от традиции к традиции.

Поскольку одним из основных критериев при классификации списков было наличие или отсутствие крестобогородичен, проанализируем данные тропари более подробно.

1.5.3. Крестобогородичные тропари в составе Антифонов Великой Пятницы в славянских списках

Как мы уже указывали выше, речь идет об уникальных, не идентифицированных на данный момент в греческой гимнографии и не имеющих соответствий в других славянских гимнах тропарях, с большей или меньшей регулярностью встречающихся в большинстве восточнославянских и в некоторых ранних (до Афонской справы) южнославянских списках на предпоследней позиции каждого антифона (на слава), перед обычным богородичным (на и нъинѣ). В восточнославянских списках XV – начала XVII в. (до Никоновской книжной справы) данные тропари сохраняются без существенных изменений в тексте и на тех же позициях, однако уже без указаний на особый богородичный «статус» данного тропаря, таким образом, формально каждый антифон завершается одним обычным богородичным (на слава и нъинѣ).

Учитывая особую роль данных тропарей в славянской традиции, а также низкую степень их изученности, на данном этапе исследования мы предприняли критическое издание их текста по ранним славянским источникам XI – XIV вв. (не учитывая более поздние восточнославянские списки), а также их текстологический анализ для определения их происхождения и истории в славянской письменности.

Основываясь на результатах проведенного выше сопоставительного анализа состава тропарей славянских списков, мы выделили славянские списки XI – XIV вв., содержащие крестобогородичные тропари:

1. На регулярной основе на предпоследнем месте каждого антифона:

- Восточнославянского происхождения: *Воскр.*, *Фек. 8.*, *Усп. 8*, *РГАДА 147*, *РГАДА 148*, *Синод. 138*, *Хил. 307*, *Соф. 85*, *Соф. 96*;
- Южнославянского (сербского) происхождения: *НБС 645*, *Ф. н. I. 92* (на сохранившемся участке текста).

2. Непоследовательно – в составе одного или нескольких (до 14) антифонов:

- *Орбел.* – крестобогородичны присутствуют во всех антифонах, за исключением антифона 8. Крестобогородичен, включенный в остальных списках в антифон 8, перемещен в антифон 7 (см. таблицы 5. 7 и 5. 8) .
- *Загреб.* – крестобогородичны присутствуют в антифонах с 3 до 14.
- *Киян.* – крестобогородичен есть только в антифоне 12 (см. таблицу 5. 12).
- *Хлуд. 133* - крестобогородичен есть только в антифоне 3 (см. таблицу 5. 3).

Поскольку греческих соответствий данным тропарям установить не удалось, основной текст тропарей приводится по списку *147*, в целом, на наш взгляд, наименее контаминированному ошибками переписчиков. Вследствие отсутствия в данном списке листа, содержащего крестобогородичен антифона 15, данный тропарь приводится по списку *Синод. 138*. Основные разночтения между списками приводятся ниже. При описании разночтений не учитывались регулярные графические и фонетические варианты, а также перестановки слов в пределах двух слов, не приводящие к изменениям смысла.

3.1. Крестобогородичен антифона 1

Данный тропарь представлен в рукописной традиции в двух основных вариантах, соответствующих восточнославянской и южнославянской традициям соответственно. Главное различие между ними – пропуск фразы и мало *ѡтъ твоюю очию прѣдана* в южнославянской традиции и последовавшие за этим исправления и добавления текста (см. ниже):

сѣина ꙗко агньца видаци чистаѧ влѣкома и льстию зълою предаѧма оубити за нзи и мало ѡтъ твоєю очию прѣдана нѧта възпѧлаше въ болѣзни зовоуци слово божие иже волею преданъ из мъртвѣзнихъ възкрѣсѣ сѣпаци насѣ

сѣина : нѣина НБС 645] агньца : агница НБС 645] чистаѧ : ти стаѧ Усп. 8] влѣкома : веѧома Орбел.] предаѧма оубити за нзи: прѣданомъ взѣти за нзи и Ф. п. I. 92: прѣномъ взѣти за нзи НБС 645: прѣдаѧма льстию зълимъ нѣта Орбел.] и мало ѡтъ твоєю очию прѣдана нѧта : от. Ф. п. I. 92=НБС 645=Орбел.] прѣдана : ѡлоучена Фек. 8] въ болѣзни : болѣзньо Орбел.] зовоуци слово божие : зовоуци Ф. п. I. 92] преданъ: проданъ взѣсть Ф. п. I. 92 : сѣзанъ взѣсть и проданъ НБС 645] възкрѣсѣ : възкрѣсе Орбел.: от. НБС 645.] сѣпаци : помилви Усп.8

3. 2. Крестобогородичен антифона 2

Средняя часть данного краткого тропаря в южнославянской традиции имеет большое количество разночтений, связанных с контаминацией начального текста:

ꙗко оуцѣдрить ꙗѧма ꙗко безсмъртнъ до смърти сѣине мои приде и не оуцѣдрають вѣщадина моего июдѣи нъ владзико тѣи възставъ насѣ слово оуцѣдри оуцѣдрить : оуцѣдри тѣи Ф. п. I. 92=НБС 645] сѣине : сѣиномъ Фек.8=Соф.85=Соф.96=Орбел.= Ф. п. I. 92=НБС 645] и не оуцѣдрають вѣщадина моего июдѣи : и не оуцѣдрають тебе ищѣдина моего июдѣие Ф. п. I. 92 : и не оударѣють тебе ищѣдина моего иудеи НБС 645 : нѣ оуцѣдри вѣщадина моего отъ иудеи Орбел.] слово : слове Усп.8=Синод. 138=Фек. 8=НБС 645= Ф. п. I. 92 : от. Орбел.

3.3. Крестобогородичен антифона 3

В отличие от предыдущих тропарей исходный вид текста, вероятно, лучше сохранился в южнославянской традиции, в то время как восточнославянская традиция воспроизводит контаминированный вариант с пропуском глагола провъзгласи /прѣждепрорече и ошибочной заменой имени иуда на существительное людие:

рѣдаючи христе рожьшина та и глаголѣ предзвѣдаши иже древле смемнѣ до коньца
вздѣхаше беззаконьнии же людие тебе не възхотѣша разумѣти

предзвѣдаши : прѣди видѣше Загреб.=Орбел.= Хлуд. 133 : прѣдзвѣдоуци Ф. п.
I. 92 =НБС 645] древле : дрѣве Орбел.: преже Фек. 8] до коньца : донца Загреб. :
от. Ф. п. I. 92 = НБС 645] въздѣхаше : въздѣхаше прогла Ф. п. I. 92 : въздѣхаше
провзгласи НБС 645 : прѣждепрорече въздѣхаше Орбел.] людие : иудѣ Загреб.=
Хлуд.133= Ф. п. I. 92= НБС 645 : иудѣи Син.= Орб.

3.4. Крестобогородичен антифона 4

Не исключено, что исходный текст данного тропаря лучше сохранился в сербской традиции, поскольку именно в ней наиболее четко просматривается синтаксический параллелизм (см. ниже):

христоубиство неправдѣноѣ поучаемоѣ на та възпѣаше зѣраци христе богородице
чистоѣ чѣсо ради оубо въз таковзихъ та видѣхъ осужена отъ иудѣи радѣма чюдесъ
и акъи зѣлодѣѣа съ разбоиникома къ крѣстоу пригваждаема

христоубиство : хѣ оубиство Ф. п. I. 92= НБС 645=Орбел.] неправдѣноѣ :
праведноѣ Загреб.] поучаемоѣ : поучаемо са Загреб.] зѣраци христе : зрѣци НБС
645 : от. Ф. п. I. 92 : зѣраци на крѣстѣ Соф.96] богородице : богородица Соф.85]
чѣсо : чѣто Фек. 8] оубо въз таковзихъ : въз таковзих то Ф. п. I. 92 : въз таковзих те
НБС 645: тако Загреб.] видѣхъ осужена : виждоу всоуждаема Ф. п. I. 92= НБС
645: видѣхъ христе боже вожѣдена Орбел.] радѣма чюдесъ и акъи зѣлодѣѣа : от.
Синод. 138 : радѣма чюдесъ тако зѣлодѣѣа Загреб. : чѣсо ради тако зѣлодѣѣа Ф. п. I.
92= НБС 645 : вдарѣема чюдесъ ради тако зѣлодѣѣа Орбел.] съ разбоиникома : съ
разбоиникъи та Хил.307=Соф. 85=Соф. 96=Воскр.= Синод. 138= РГАДА 148=
Фек. 8=Загреб.: съ разбоиникъи Ф. п. I. 92= НБС 645= Орбел.

3.5. Крестобогородичен антифона 5

Наличие ряда лексических вариантов свидетельствует о существовании двух традиций данного тропаря:

дѣньсь зѣраши творьца твари своихъ оученикъ отълоучаема и единого дѣржима отъ
 июдѣи матерьскы кричааше чистага въ тебе свѣдоуци гаже прѣже чьто странное
 чудо о како сзину прѣзърѣ ма иже прѣже чистоу съхранивъ ма
 отълоучаема : лишаема Ф. п. I. 92] и : от. Ф. п. I. 92 =Загреб.] единого : едино
 Синод. 138] июдѣи : жидовь Орбел.] тебе : себе Фек. 8 =РГАДА 148=
 Соф.85=Загреб.=Орбел.= Ф. п. I. 92=НБС 645] свѣдоуци гаже : свѣдоуцига
 Фек. 8] странное : страшное Орбел.= Ф. п. I. 92] прѣзърѣ ма : прѣма Загреб.]
 прѣже чистоу : прѣчистоу Хил. 307] съхранивъ : съхрани Орбел.

3.6. Крестобогородичен антифона 6

Большинство разночтений в тексте данного крестобогородична происходят из-за ошибок переписчиков. Существенные разночтения, возможно, восходящие к различным редакциям или традициям, наблюдаются между сербским списком *НБС 645*, с одной стороны, и всеми остальными списками, с другой:

господи свѣдоуци рожьшига та неиздреченьно рожьство възпиааше къ
 распинальникомъ твоимъ аще и възплзтиса бесплзтънзи не премѣни са еже бѣ чьто
 оубо идосте оубити живота аще на дрѣвѣ възвзисисте животъ подасть аще ли въ
 гробъ отъсзлете мъртвьца възставитъ дзлоготърпе възкръсни покажи свое възкръсение
 възкръсивзи насъ чловѣколюбче слава тебе

неиздреченьно рожьство : неизреченьное рожьство Фек. 8=Загреб.=Орбел. : от. НБС
 645] распинальникомъ : распнителемъ НБС 645 : распинаемзъмь Орбел.] твоимъ :
 от. Фек. 8=Орбел.] и : от. Синод. 138] не премѣни са : не непрѣмѣни се НБС
 645 : неизмѣненъ сзи Орбел.] чьто : како Фек. 8] идосте : придосте Усп. 8=НБС
 645=Орбел. : изидосте Соф.96] аще : аще и НБС 645=Орбел. : аще ли Фек. 8]
 възвзисисте : възвиситъ Орбел.: възвѣстисте Хил.307=Воскр.= РГАДА148=Соф.85
 : възвѣсите Соф.96] подасть : взъ подасть Орбел.] отъсзлете : отъсзлетъ Соф.85:
 вмѣстисте НБС 645] възставитъ : въздвигнетъ НБС 645] покажи : и покажи НБС
 645] възкръсение : милсрдие НБС 645] чловѣколюбче : долготерпе Фек. 8

3.7. Крестобогородичен антифона 7

В *Орбел.* в данном антифоне употреблен крестобогородичен распинаема зраци, в большинстве списков включенный в антифон 8 (см. таблицы 5.7 и 5.8) и рассмотренный ниже. Анализ разночтений остальных списков свидетельствует о существовании двух традиций – списка *НБС 645* и остальных:

естества оставъ прешьдъши распатию образа не разумъ тѣмъ же принесе ти слъзы
любъвънъна боже възкръсени нъинѣ и съпаси ма

прешьдъши : прѣвъшиши въше *НБС 645*] образа : оубо въбраза *НБС 645*] разумъ :
рамъ *Фек. 8*] любъвънъна : показанъна *РГАДА 148*] нъинѣ : и нъинѣ *Синод. 138*:
от.*НБС 645*] съпаси : папаси *Соф.96*] ма : нъи *Хил.307=Синод. 138*: нас *НБС 645*

3.8. Крестобогородичен антифона 8

Приводятся данные и для крестобогородична *Орбел.*, включенного в антифон 7 (см. выше):

распинаема зраци ѿже отъ прѣчистъиухъ ложенъ чистаѿ та рожьши и болѣзнию
приема прошааше радости отъ възкръсениѿ твоего възпиааше къ тебѣ раздрѣши
адъмово роукописание пострадаѿти тѣщаѿ и съпасти насъ ѿко чловѣколюбъць

ѿже отъ : ѿко отъ *Орбел.* : и *Фек. 8*] прѣчистъиухъ : чистъиухъ *Синод. 138=Воскр.= РГАДА 148=Соф.85=Соф.96=Фек. 8=Загреб.=НБС 645=Орбел.*]
чистаѿ : чиста *Загреб.=Соф.96*: ти чистаѿ *Орбел.*] рожьши : породъши *НБС 645*]
болѣзнию приема : болѣзнию приемлема *Хил. 307=Воскр.=Синод. 138=Фек. 8=РГАДА 148= Орбел.* : болѣзнь приемле *Загреб.* : болѣзни неприемлющи *НБС 645*] отъ възкръсениѿ : отъ възкръшениѿ *Фек. 8*: възкръсениѿ *Загреб.= Орбел.*]
въпиааше : възпиааше во *Воскр.=РГАДА 148 =Соф.85=Соф.96=Загреб.* : и
въпиааше *НБС 645*] раздрѣши : раздрѣши во *Соф.96* : раздрѣшаѿ *Фек. 8* :
раздрѣшивъи *Загреб.*] адъмово роукописание : ме *НБС 645*] пострадаѿти :
пострадавъи *Орбел.*] тѣщаѿ : тѣщаѿеса *Фек. 8* : хота и *Синод. 138=НБС 645* :
хота *Орбел.*] чловѣколюбъць : благии чловѣколюбъць *НБС 645*.

3.9. Крестобогородичен антифона 9

За исключением варианта в конце тропаря в *Орбел.*, возникшего по аналогии с другими тропарями антифона, между списками нет значительных разночтений, свидетельствующих о разных редакциях:

оужасааше са видащи чистага твое вольно пригвождение кз дръвоу и възпиааше
христе оущедри твое милостивзи стадо

вольно : вольное Фек. 8=Соф.85=Соф.96=Загреб.=Орбел.=НБС 645] и : от.
Загреб.=НБС 645] възпиааше : вопише Фек. 8] твое милостивзи стадо : выступи
ма и въздамы имь Орбел.] твое : свое Усп. 8=НБС 645 : от. Синод. 138]
милостивзи : милосръдзи Синод. 138=Хил. 307= Усп. 8=НБС 645] стадо : спасе
Синод. 138

3.10. Крестобогородичен антифона 10

В этом кратком тропаре за исключением вставки глагола в *НБС 645* тоже не присутствует существенных разночтений:

встрасти рожшиа та за ны молитъ та помани чловѣколюбче вѣрою поюцаа та

помани : помени и помиоуи НБС 645] поюцаа : пожцихъ Загреб. : поючимъ НБС
645

3.11. Крестобогородичен антифона 11

Контаминация данного тропаря в *Орбел.* и *Ф. п. I. 92* приводит к существенным разночтениям:

животоу подателя и смъртию обладающааго мати зъраци бездоушна мъртва на
дрѣвѣ възпиааше вижь тварь съволѣзнуюють ми сзинуу нъ просвѣти са свѣте
незаходимзи из мъртвзнихъ исосе тако тзи еси отъче сианние

животоу : живота Усп. 8=НБС 645] зъраци : его зраци Орбел. : и зреци НБС 645]
съволѣзнуюють ми сзинуу : соволѣзнуюють сноу мои НБС 645: съволѣзнуюють сзинуу
моли Ф. п. I. 92 : съблазньнѣа нѣ тзи ми сзинуу Орбел.] незаходимзи : незаходми
Синод. 138] тзи : от. Синод. 138] еси: от. Загреб.] сианние : сианние и свѣтъ
мироу Орбел.

3.12. Крестобогородичен антифона 12

Начальная часть данного тропаря существенно контаминирована ошибками писцов, которые, однако, не свидетельствуют однозначно о наличии разных редакций:

беззаконноуциимъ ѿдинако коустодина пагоубо оубиинага дѣва ѿже и мати
въпнеть къ вамъ се богъ плзть въспримзи и се земьнъ оубоживзи забвзвение страсть
приемлетъ и силою движитъ тварь расбдаетьса камение и земля трасетьса църкзи
ризоу раздираеть сълнце оужасають са дерзновѣнина оустзидитеса непокориви и васъ
питѣвшааго разоумѣите

ѿдинако : ѿдина Загреб.] пагоубо оубиинага : пагоубо оубиениъ Загреб. : пагоубо
оубиинаго Ф. п. I. 92: пагоубьнага Синод. 138] ѿже и : же и Киян.= Ф. п. I. 92 : же
Орбел.=НБС 645: от. Загреб.] въспримзи : въсприемзи НБС 645: въсприемъ
Соф. 85=Загреб. : приемзи Орб.] оубоживзи : вбоживзи Соф.85: вбоживъ
Загреб.= Ф. п. I. 92=Орбел. : вбожение приемлет вбоживи НБС 645] забвзвение :
забвзвение Синод. 138=Усп.8= Соф.85=Соф.96=Воскр.= Хил. 307=
РГАДА148=Загреб.=Киян.=

Орбел.: забвзвение Ф. п. I. 92 : забвзвеннио НБС 645] оустзидитеса : постидитесе Ф.
п. I. 92] васъ питѣвшааго : васъ питѣющаго Ф. п. I. 92 : всѣ питѣвшааго Орбел. :
въспѣвшааго НБС 645] разоумѣите : разоума Загреб.: разоумѣите нечестивзи Орбел.

3.13. Крестобогородичен антифона 13

Отметим разночтения, возможно, восходящие к разным редакциям или традициям, между сербскими списками, с одной стороны, и всеми остальными с другой, а также большое число ошибок в списке *Орбел.*:

давзи пророкзи и законъ како подъ законьнимъ соудицьмъ сзинуу и боже
безначальне хота прѣстоиши како же ли та приимочуть адова цьсарьствина всацьскага
гъретию държацааго рече чистага зьраци висаца своєю волею весъмьртнааго

пророкзи и законъ : пророкзи законъ Фек. 8=Загреб.: законъ пророкзи Ф. п. I. 92 :
прркомъ законъ Орбел.] законьнимъ : законьмъ Соф.96 : незаконномъ Ф. п. I.

92=НБС 645] сѣиноу и воже : сѣиноу божеи Загреб.= Ф. п. I. 92 : сѣиноу божеи и НБС 645 : сѣиноу божеи мои Орбел.] хота : како Орбел.] прѣстоиши : прѣдѣстоиши Хил. 307=Фек. 8= Ф. п. I. 92=НБС 645=Орбел.] же ли та : же та Загреб. : ли та Ф. п. I.92=НБС 645] държащаго : сѣдържащаго Воскр.=Фек. 8=Загреб. : ѿдържащааго Усп. 8=Синод. 138 =РГАДА 148=НБС 645] рече : глаголаше Ф. п. I. 92=НБС 645] висаща : та висаща Ф. п. I. 92=НБС 645: висима Фек. 8=Загреб.: сѣина своего висаща Орбел.] своєю волею : волею Орбел.: своеволеж Загреб.] бесзмъртънааго : ѿедине бесмъртъне Ф. п. I. 92=НБС 645

3.14. Крестобогородичен антифона 14

Наличие лексических вариантов указывает на существование различных традиций данного тропаря:

немалоу болѣзнь имааше чистаѧ при крѣстѣ стоѧщи и видащи пагоубо оубииства дерьзновѣные и рѣданьемь нерасоудимѣмь оужасно плачющисѧ възпиааше иже зѣмнзихъ немощь сѣвѣдзиѧ господи слава тебе

и видащи : видащи Загреб.: от. Орбел.] пагоубо : пагоубно НБС 645: пагоубнааго РГАДА 148=Соф.85 : на пагоубж Орбел.] оубииства : оубииство НБС 645: оубииствнаго Ф. п. I. 92] дерьзновѣные : дрьзновениѧ Ф. п. I. 92 : дрьзновленно НБС 645] нерасоудимѣмь : нерадимѣмъ Синод. 138 : немльчнѣмь Ф. п. I. 92=НБС 645] възпиааше : и възпиааше Фек. 8 : възпиа Хил. 307: глаголаше Усп. 8=Загреб.] немощь : немощи НБС 645 : немощеи Орбел.

3.15. Тропарь, находящийся на месте крестобогородична антифона 15

Данный тропарь, завершающий цикл крестобогородичен (см. таблицу 5. 15), не содержит в себе, по крайней мере, в дошедшем до нас виде, упоминаний о Богоматери. Так как в списке 147 лист с данным тропарем отсутствует, текст приводится по *Синод. 138*:

свѣтило сѣи разоума исоче чловѣколюбче прсвѣти са въз людехъ твоихъ иже волею ѿубожавъ хота ѿтвърести ми ѿдемы иже зтвори аама прѣстоуплѣниемь дръвле

сѣ : сѣ Соф.85] твоихъ : от. Хил. 307=Воскр.=РГАДА 148= Орбел.] иже : от. Фек. 8] ѡубожаѡъ : ѡубожаѡъ Фек. 8: ѡубоубожаѡъ Орбел.= Ф. п. I. 92=НБС 645] ѡтѣверети : ѡтѣверети ми Хил. 307=Воскр.=РГАДА 148] ѡдеѡъ : ѡдеѡъ Орбел.= Ф. п. I. 92=НБС 645] ѡдеѡъ : ѡдеѡъ Фек. 8= Орбел.= Ф. п. I. 92=НБС 645

Подведем итог. Текстологический анализ приведенных выше тропарей показал следующее:

1. Несмотря на то, что нам пока не удалось найти соответствий данным тропарям в греческой книжности, как конкретные тропари, так и сама структура антифонов, завершающихся крестобогородичным и богородичным, вероятно, восходит к византийской традиции. Об этом свидетельствует присутствие данного рода тропарей в триодях, наиболее последовательно отражающих византийскую традицию, и наоборот их отсутствие в триодях с значительной оригинальной славянской частью [Попов, 1985, с. 72 – 74], а также наличие собственно лексических вариантов-синонимов [Панин, 1995, с. 153 – 157] в разных славянских списках, вероятно, появившихся при редактировании славянского текста по неизвестному греческому оригиналу (см. провѣзгласи : прѣждепрорече (антифон 4); отълоучаема : лишаема; иудѣи : жидовь (антифон 5); възстави : въздвигнеть (антифон 6); тѣща : хота (антифон 8); рече : глаголаше (антифон 13); възпиааше : глаголаше (антифон 14)).
2. Рассмотренные списки сохранили данные тропари в контаминированном виде со значительным количеством разночтений, в большинстве своем возникших в результате ошибок писцов. Анализ разночтений позволяет говорить о наличии для ряда тропарей двух редакций, восходящих к двум относительно независимым славянским протографам. Первая редакция присутствует во всех восточнославянских списках, за исключением *Киян.*, а также в *Загреб.*; вторая – в сербских списках, *Хлуд. 133* и *Киян.* Текст

Орбельской триоди является компиляцией данных двух редакций. Отсутствие однозначного соответствия между регионом списка и представленной в нем редакцией дает основание предположить, что обе редакции возникли в одном регионе.

3. В отличие от обычных богородичных, сохранившиеся в ранних славянских списках крестобогородичны связаны как тематически, так и мелодически с прочими тропарями антифона. Подобно другим тропарям и читаемым вместе с ними Страстным Евангелиям они последовательно излагают события Святых Страстей, передаваемые от лица страдающей Матери Божией: от ареста Христа (антифоны 1 – 5) до Распятия (антифоны 6 – 11), смерти на Кресте и Схождения в ад (антифоны 12 – 14). Многие крестобогородичны начинаются (см. антифон 5 (дънесь), антифон 8 (да распънетъ са - распинаема)) или заканчиваются (см. антифон 3 (безаконьнии же людие тебе не възхотѣша разумѣти), антифон 6 (слава тебе), антифон 7 (и съпаци ма), антифон 8 (пострада ти тѣща са и съпаци насъ ѣко чловѣколюбець), антифон 14 (господи слава тебе)) теми же словами, как и другие тропари конкретного антифона, что доказывает их изначальное предназначение для данного текста. Особенно интересны паронимии – антитезы в начале крестобогородична и предыдущего тропаря антифонов 12 (законоуположьници - безаконьноупоюциимъ) и 14 (малъ гласъ - немалоу болѣзьнь), свидетельствующие не только о поэтическом таланте их создателя, но и об изначальном включении крестобогородичных в цельную гармоничную поэтическую структуру произведения.
4. Необходимо подчеркнуть выдающиеся поэтические достоинства рассматриваемых тропарей, сочетающих в себе глубину и

непосредственность лирического чувства с изысканностью риторической формы. Поэтическая структура крестобогородичен строится на сочетании:

- синтаксического параллелизма, например: *чесо ради въ таковъх то виждоу
всоуддаема ѿ июдѣи чесо ради яко злодѣа съ разбоиникъи къ крестоу
пригваждаема (антифон 4 по списку *Ф. п. I. 92*), аще и възплътиса
бесплътъни не премѣни са... аще на дрѣвѣ възвъсисе животъ подасть аще ли
въ гробъ отъсзлете мъртвыца възставитъ (антифон 6), се богъ плъть
въсприимъи се земьнъ оубоживъи забъвеное (антифон 12), како подъ
законъимъ соудницъмъ сзиноу и воже безначальне хота прѣстоиши како же ли
та примочуть адова цсарьствина вьсачьскаа гзретию държацаго (антифон
13);*
- однокоренных паронимических повторов находящихся в непосредственной близости слов, например: *яко безъмьртънъ до сьмьрти
(антифон 2), зъраци творьца твари (антифон 5), възкръсни покажи свое
възкръсение възкръсивъи насъ (антифон 6), отъ прѣчистъихъ ложеснъ чистаа
(антифон 8);*
- лексических повторов ключевых для данного тропаря слов, например троекратные повторы глагола *прѣдати* в антифоне 1 и глагола *оуцедрити* в антифоне 2 и т. д.
- центральной для образной системы как крестобогородичен, так и всех антифонов антитезы всеильного Бога и страдающего Человека, которую можно наблюдать и в приведенных выше контекстах.

В целом поэтическая структура крестобогородичен соответствуют поэтике прочих тропарей антифонов [Борисова, 2019а, с. 175 – 180], и может свидетельствовать в пользу общего авторства данных текстов.

1.5.4. Восточнославянские списки с регулярным употреблением крестобогородичных (Русская традиция, Синод. 138 и РГБ 409)

Проанализировав ключевую роль параметра наличия или отсутствия крестобогородичных тропарей при классификации славянских списков, опишем сначала те из них, в которых крестобогородичны употреблены регулярно. Наиболее крупную подгруппу в пределах данной группы образуют восточнославянские списки за исключением *Киян*. В пределах данной подгруппы по составу тропарей мы выделили ранее Русскую традицию с совершенно идентичным составом тропарей (см. таблицы 5. 1 – 5. 15), а также имеющие незначительные различия с ними исключительно в богородичных тропарях списки *Синод. 138* (в 7 антифонах) и *РГБ 409* (в 2 антифонах). Различия данных списков от списков Русской традиции по составу богородичен, а также соответствия для данных богородичен в других славянских списках показаны на таблице 5. 16.

Таблица 5. 16. Отличия в составе богородичен *Синод. 138* и *РГБ 409* от списков Русской традиции

Антифон	Инципит богородична РТ	Инципит отличного от РТ богородична	Инципит греческого богородична (при наличии соответствия в современном тексте триоди)	Южнославянские списки, в которых присутствует отличный богородичен
Синод. 138				
4	радочиса ѿ насъ	преславна о тебѣ	Δεδοξασμένα περὶ σοῦ	--
6	оумири молитвами	радочиса бже невзмѣстимаго	Χαῖρε Θεοτόκε ἡ τὸν ἀχώρητον	<i>Орбел.</i>
9	сватопрвага чиста похвала	странни поем та	Οἱ ἐξ ἔθνῶν ὑμνοῦμέν σε	<i>Орбел.</i>
11	единочаде и единосоушьне	ба ис тебе възплъшьшася	Θεὸν ἐκ σοῦ σαρκωθέντα	<i>Киян., Орбел.</i>
12	ти еси богородице ороужие наше	радочиса двъри цара славъи	Χαῖρε ἡ πύλη τοῦ Βασιλέως	<i>Киян., Орбел.</i>
13	видаци та висаца	оумири всего мира	Εἰρήνευσον τὸν Κόσμον (антифон 10)	<i>Орбел.</i>
14	радочиса	радочиса ѿ	Χαῖρε ἡ δι΄	<i>Орбел., Хлуд. 133</i>

	присноживотънъзи источъниче	англъ радость	Ἀγγέλου, τὴν χαρὰν	
РГБ 409				
10	радость ангеломъ приемшиа	его же роди дѣво	--	Киян., Серб.
14	радѹиса присноживотънъзи источъниче	крѡвь твои богородице	--	Киян., Серб.

Анализ материала, представленного в таблице 5.16, убеждает нас в том, что, во-первых, изменение части богородичных тропарей Антифонов в списках *Синод. 138* и *РГБ 409* проходило независимо одно от другого: изменялись богородичны в разных антифонах и с разным результатом, во-вторых, при данных изменениях использовались различные источники: в *Синод. 138* в большинстве случаев (кроме одного – антифона 4) измененные богородичны совпадают с Орбельской триодью, в *РГБ 409* наблюдаются совпадения с более архаичными источниками – Сербской триодью и Триодью Моисея Киянина. Кроме того, если изменение богородичен в *Синод. 138* приближает данный список к современному тексту, так как во всех случаях богородичны из часослова заменяются на уникальные богородичны Антифонов, то в *РГБ 409* речь идет о замене одних богородичен из часослова на другие без всякой связи как с современным текстом, так и с современной списку Афонской редакцией.

Подчеркнем, однако, что отмеченные выше отличия *Синод. 138* и *РГБ 409* от списков *PT* касается исключительно богородичен и никоим образом не захватывают ни состава, ни текста прочих тропарей, в том числе и крестобогородичен. Разночтения между крестобогородичными были рассмотрены выше, ниже в таблице 5.17 приведены все прочие основные текстовые различия восточнославянских списков с крестобогородичными (за недостатком места мы не смогли включить в нее все списки, ограничившись показательными), которые сводятся либо к ошибкам переписчика, либо к вариативным и синонимичным заменам (ошибочная замена *хота* на *тѣцаса* в антифоне 8; *яко тѣцетънага на та поучиша са на яко не разѹмѣше твоего*

схожѣния в антифоне 11, распятаго на възкрѣшаго в антифоне 15 объясняется наличием сходных слов или фраз в соседних строках или тропарях).

Таблица 5. 17. Основные текстовые различия между списками Гимовской группы

Антифон	Греческое соответствие (при наличии)	Хил. 307	РГАД А 147	РГАД А 148	Воскр.	Син. 138	Усп. 8	РГБ 409	РГБ 408	
1	αὐτοῦ	него				и҃хъ	него			
	κατέθεντο	сѣложиша	вѣзложиша	сѣложиша						
	καὶ ὡς φίλοι	и ꙗко друзи				ꙗко друзи	и ꙗко друзи			
	συμπνιγῶμεν	сѣ оудавимъ са				не оудавимъ са	сооудавимса	сѣоудавимса		
2	παρὰ ὁμοίως	безаконьникомъ	безаконьникомъ				безаконьникомъ		безаконьникомъ	
	δοῦναι	дати			да	дати				
	αὐτὸς	самъ			вамъ	самъ	само	самъ		
	ὡς ὁ Ἰουδαῖος	ꙗко же иудѣ			ꙗко иудѣ					
3	Κύριε	господи		ти господи		господи				
	δόλιον	льстивѣмъ				льстивѣнь	лстивенемъ	льстивѣмъ		
4	δόλον ὑποκρούπτει	льстию таѣ		льстию а та	льстию таѣ			лстию таѣ	льстию таѣ	
	ὡς ἐν Χριστῶ	еже о крѣстѣ	ꙗко о христѣ			о христе	ω христѣ			
	-- (Б)	агньць божи	агньць			агньць христосъ	агнець божи	агньць		
5	τοῖς ἀνόμοις	безаконьникомъ				безаконьникомъ		безаконьникомъ	безаконьникомъ	

	παρὰ οὐς	πρῆδ,δ,βζ		πρ,δ,δ,βζ			πρῆδ,δ,β ζ	πρῆδ,δ,δ,ι		
6	διαγα γόντα	πρ,ο,ε,δ,ζ,σ,δ,δ,γ,ο			πρ,ι,ο,ε,δ,ζ,σ,δ,δ,γ, ο		πρ,ο,ε,δ,ζ σ,δ,δ,γ,ο	πρ,ο,ε,δ,ο ο,σ,δ,δ,γ,ο	πρ,ο,ε,δ,ζ σ,δ,δ,γ,ο	
	τὴν πλευρ ὰν αὐτοῦ	ρεβρα ηεγο		ρεβρα τβοια	ρεβρ δ ηεμ ου	ρεβρα ηεγο				
	τροφῆ ν	πιщου			πιю цим ζ	πιщου				
	με τοῖς παρὰν ὁμοῖς	βεζακον βνικом ζ	βεζακον βнζиим ζ	βεζακονъникомζ				βεζακον еником ζ	βεζακον βником ζ	
7	τὸν ποιμέ να	пастъира				пастου χα	пастъира			
	σῶσον	сѣпаци					помилου и	сѣпаци		
	-- (Б)	Δουχουβ ноε	Δουшев βноε	Δουχουβъноε				Δουχове ноε		
	-- (Б)	Δουшев βнζиихζ	Δουшев βнζиих ζ	Δουχουβ βнζиих ζ	Δουшевънζиихζ			Δουшев енζиихζ		
8	θέλων	χοτα	χοτα	χοτα	χοτα	χοτα	тѣцаса	χοτα		
9	τὸ μὲν πνεῦμ α	плзть же	д плзть	плзть же				плоть же		
10	ὡς ίμάτιο ν	τακο и ριζοю	τακο ριζοю			τακο и ριζοю	τακο ριζοю			
	τὸ καταп έτασμ α	καταпет азма	капета зма	καταπεταзма		и καταп εταзм д	καταπεταзма		и καταпет азма	
	-- (Б)	радость				иже радост ь	радость		иже радость	
11	τὰς κεφαλ ὰς αὐτῶν	главами ихζ	главам и своими	главами ихζ		глава ми своими	главами ихζ			
	οὔτε γῆ	ни зεμλα				земла	ни зεμλα			

	ἡ ἀνάστασις	ВЪСКРЪСЕНИЕ			ВЪСКРЪ се спсе	ВЪСКРЪСЕ НИЕ	Воскресе НИЕ	ВЪСКРЕСЬ НИЕ	
	ὅτι κενά, κατὰ σοῦ ἐμελέτησαν	ἴακο τΐϑετῆνα ἠα τᾶ ποοῦχιша са			ἴακο не ραζοῦμ᾽ ше твоего εἰχοжѣн иἴа	ἴаκο τΐϑετῆνα ἠα τᾶ ποοῦχι ша са	ἴаκο ВЪСОῦε ἠα τᾶ ποοῦχι ша са		
	-- (Б)	иже отъ дѣвзи				отъ дѣвица	што дѣвзи	иже отъ дѣвзи	
	-- (Б)	εἰναβд, -	εἰдѣржа			εἰнаβд, -	содержа и	εἰнаβд, аи	
12	ἐπὶ κλίνης	ἠа одрѣ			ἠа одрѣх з	ἠа одрѣ		ἠа ωдрѣ	
	ῥήγνυται	распаде са			раזורи са	распаде са			
	τῶν παρὰ ὁμῶν	беззаконьникомъ			беззаконьнзимъ		баззаконикомъ		
	κρούπτει	крзиетъ			скрзив аиетъ	крзиетъ	скрзиет ь	крзиетъ	
	ἡ εἰρήνη τοῦ Κόσμου	миръ мирови		миро миро ви	миръ мирови		миро мирови	миръ мирови	
	-- (Б)	притѣк аюциим з	привѣгаюциимъ				притѣк аюциим з	привѣгаемъ	
13	σοφία	прѣмоу дростъ	моудростъ				прѣмоу дростъ	моудрос тъ	
	παθεῖν	прѣстрадати		пострадати					
	-- (Б)	вса всѣхъ животе	всѣхъ животе	вса всѣхъ животе	повѣ шен з всѣ хъ живо тъ		повѣше нъ всѣхъ жизни	повѣше но весеχο животе	повѣше нъ всѣхъ животе
14	ἀνοίξας	отъвѣръзъ взидае		отъвѣ ръзъ	отъвѣръзъ взидае		отверзе вониде	отъвѣръзъ	

	εἰση̃λθ εν			҃си			ВЪНИДЕ	
15	κρεμά σας	обѣшии		повѣш ии	обѣшии		повѣше и	
	ἑαυτο ὑς	сами себе		сами себе братие	сами себе			
	ἀνάστ ασις	застоуп ление		застоупление	застоуп пѣник ъ	застоупление		
	τὸν σταυρ ωθέντ α	распата аго		взскръшааго	распатааго			
	ὑμνοῦ μεν	поѣмъ		славимъ		поѣмъ	поимъ	поѣмъ
	-- (Б)	немзльч но		немзльчно	непрѣмзльчно		немолче но	немолчь но

Анализ разночтений убедительно свидетельствует о том, что за исключением замены богородичен в двух списках, не повлиявшего существенно на основную линию рукописной истории, можно говорить о закрытой традиции данного произведения, существовавшей в восточнославянском регионе с XI по XV век (и впоследствии вплоть до Никоновской sprawy) и практически не испытавшей на себе внешних влияний. Данная традиция восходит к переводу (или редакции) текста Антифонов, в основу которой был положен греческий протограф с крестобогородичными. По аналогии с предыдущими главами назовем эту редакцию Гимовской и попытаемся определить ее происхождение, сопоставив восточнославянскую традицию с крестобогородичными с близкими ей южнославянскими традициями.

1.5.5. Сербские списки Антифонов Великой Пятницы (*Серб., НБС 645, F.n.I.92*)

Выше (см. таблица 5. 1 – 5. 15) было показано, что другой славянской традицией с регулярным употреблением крестобогородичен в конце каждого антифона была Евергетидская традиция, представленная двумя сербскими списками: *НБС 645* и *F.n.I.92*. Рассмотрим подробнее списки данной традиции в сопоставлении с более архаичным по типу текста и отличным по составу тропарей списку *Серб.* также сербского происхождения.

Как уже указывалось выше, в *Серб.* и *НБС 645* сохранился полный текст антифонов, а в *F.n.I.92* утрачены листы, на которых содержались антифоны с шестого (второй тропарь) до одиннадцатого (предпоследний тропарь).

Близость между списками *F.n.I. 92* и *НБС 645*, отмеченная нами выше в составе тропарей, присутствует и в отношении их текста, по крайней мере, во фрагментах, сохранившихся в *F.n.I. 92*, и свидетельствует о принадлежности данных списков к единой традиции и происхождению от одного протографа. Вместе с тем, между данными текстами есть и достаточно значительные разночтения, которые показаны в таблице 5. 18 на примере четырех антифонов, и которые не позволяют говорить о закрытости данной традиции. Приведенные для сопоставления варианты из *Серб.* свидетельствуют о том, что одной из причин возникновения данных разночтений могло быть влияние других традиций, прежде всего традиции списка *Серб.*, присутствовавшей в данную эпоху на сербской территории.

Таблица 5. 18. Основные разночтения между списками *F.n.I. 92* и *НБС 645* в сопоставлении с другим сербским списком в четырех произвольно выбранных антифонах

Греческий оригинал	<i>F.n.I. 92</i>	<i>НБС 645</i>	<i>Серб.</i>
Антифон 3			
τῶν Ἑβραίων	жидовскыѣ	ивреискіе	ивреискыѣ
ἵνα μὴ πειρασθῆτε	да ни вънидете въ искоуѣсь	да не вънидете въ напасть	да не вънидете въ напасть
τοὺς δούλους σου	землю нашоу	градъ твои	градъ твои
Антифон 4			

ἡδύνατο	ПОМЪШЛАШЕ	МОЖАШЕ	МОЖАШЕ
μηδὲν ὠφελήσωμεν	НЕΟΥСПЪЕМЪ НИЧТОЖЕ	НИЧТО ЖЕ ПОЛЪЗОУ ЕМЪ	НИЧЕСО ЖЕ ПОЛЪЗОУ ЕМЪ
---	ПРЪСВЕТАТА	СВЕТАТА	СВЕТАТА
---	ом.	СВЪЦЕ НЕΟΥΓАСИМАТА	СВЪЦЕ НЕΟΥΓАСИМАТА
Антифон 12			
τοὺς λεπρούς σου ἐκαθάρισα	ом.	ПРОКАЖЕННИЕ УЧИСТИХЪ	ПРОКАЖЕНЪЕ УЧИСТИХЪ
τι ἐποίησά σοι	ЧИМЪ УСКРЪБИХЪ	ВЪИ ЧТО ВЪИ СЪТВОРИХЪ ИЛИ ЧИМЪ ВИ УСКРЪБИХЪ	ЧТО ВЪИ СТВОРИХЪ
ἡ ζωὴ	ЖИВОТЪ	ЖИЗНЬ	ЖИВОТЪ
Антифон 13			
τὸν ὑπεύθυνον Βαραββᾶν ἠλευθέρωσαν	ом.	ПОВИННАГО ВАРАВОУ СВОБОДИШЕ	ПОВИННАГО ВАРАВОУ СВОБОДИШЕ
τρέμει	ΟΥЖАСАЕТЪСЕ	ТРЕСОУТЬСЕ	ТРЕПЕЦОУТЬ
σοφίαν	ПРЪМОУДРОСТЬ	МОУДРОСТЬ	МОУДРОСТЬ
παθεῖν κατεδέξατο	ПРЪСТРАДАЕТЪ	ПОСТРАДАТИ ПРЪТРЪПЪ	СТРАДАТИ ПРЪТРЪПЪЛЬ

Значительно большее число текстовых разночтений присутствует в совпадающих тропарях, с одной стороны, списков *F.n.I. 92* и *НБС 645*, а с другой - *Серб.* Основные такие разночтения для участков текста, присутствующих во всех трех списках, представлены в таблице 5. 19. Здесь же даны соответствия (при их наличии) из других восточнославянских или болгарских списков.

Таблица 5. 19. Основные текстовые разночтения между повторяющимися тропарями двух сербских традиций с соответствиями из списков другого происхождения.

Греч. оригинал	<i>Серб.</i>	Соответствия в других раннеславянских списках	<i>F.n.I. 92</i> - <i>НБС 645</i>	Соответствия в других раннеславянских списках
Антифон 1				
ἐν	τοῖς	въ храмѣ	Загреб., Киян.,	въ храмѣхъ
				РТ, Орбел.

ταμείοις ἡμῶν	нашемъ	Шафар., Хлуд. 133	доушь нашихъ	
ἀπὸ τοῦ πονηροῦ	Ѡ непригазни	Загреб., Шафар., Хлуд. 133	Ѡ лоукавого	РТ, Киян., Орбел.
ἀπειρόγαμε	нѣискоуѣсна га бракоу	Киян., Хлуд. 133	бракоу неискоуѣснага	РТ, Загреб., Шафар., Орбел.
Антифон 2				
τῶν συμφωνούντων	свѣцаваше ицоушихъ	Загреб.	свецавающихъ	РТ, Киян., Хлуд. 133, Шафар., Орбел.
τοῦ Θεοῦ	господомъ	----	богомъ	РТ, Киян., Загреб., Хлуд. 133, Шафар., Орбел.
Антифон 3				
φιλόανθρωπε	милосерде	Хлуд. 133, Орбел., Шафар.	от.	Киян.
Ἐν τῷ δείπνῳ	на оумъвение ²¹	---	на вечери	РТ, Загреб., Шафар., Орбел., Киян., Хлуд. 133
προέλεγες	прѣдвѣцав ше	Хлуд. 133	прѣди глаголаше	РТ, Загреб., Киян.
προέτρεπες	велѣше	Киян., Орбел., Шафар.	прѣди глаголаше	РТ, Загреб.
ἐζήτησαν Ἰουδαῖοι ἀποκτεῖναί σε	искахоу оубити те	---	искахоу те жидове на оубиение	---
ἄρρηκτον	нероушимѣи	РТ, Загреб., Киян., Хлуд. 133, Орбел., Шафар.	неразоримѣи	--
προστασίαν	поможению	Киян., Шафар.	застоупление	РТ, Загреб., Хлуд. 133, Орбел.
Антифон 4				
ὁ τὸν φωστῆρα πωλήσας	продавь свѣтило	Киян., Шафар.	иже свѣтило продавзи	РТ, Загреб., Хлуд. 133, Орбел.
ἀφρόνως	съмъзильно	Хлуд. 133	несъмъзильно	РТ, Загреб.,

²¹ Возможно, данные разночтения восходят к разночтениям между греческими списками. См варианты Ἐν τῷ νιπτηρί / Ἐν τῷ δείπνῳ, в издании А.И. Пападопуло-Керамевса. См. Παπαδοπούλου-Κεραμέως, 1897, 118.

				Киян., Орбел.
συνεδρίου	съборицю	РТ, Загреб., Киян., Хлуд. 133, Орбел., Шафар.	съньмицю	---
ὡς ἐν Χριστῷ ἀδελφοί	вси	---	ѣко во христѣ братие	РТ, Загреб., Киян., Хлуд. 133, Орбел., Шафар.
διὰ τὰ δηνάρια	за динаръ	Киян., Хлуд. 133, Шафар.	пѣнезь ради	РТ, Загреб.
Антифон 5				
φιλήματι δολίῳ	ловъизаниемъ льстивомъ	Киян., Хлуд. 133, Орбел., Шафар.	цѣлованиемъ лоукавзимъ	РТ, Загреб.
βλέπων	виде	---	зре	РТ, Загреб., Киян., Орбел.
φιάνθρωπος	милосердъ	Киян., Хлуд. 133, Шафар., Орбел.	богъ	---
Ἦ ἀρόρητως, ἐπ' ἐσχάτων συλλαβοῦσα	нѣизреченно рождъшиѣ въ послѣдъкъ зачъши	--	неизреченно зачъньши въ послѣдънѣа	--
Антифон 11				
κατὰ τὰ ἔργα (в конце тропарей 1- 3)	противоу дѣломъ	Киян., Шафар.	по дѣломъ	РТ, Загреб., Хлуд. 133, Орбел.
ὅτι οὐ συνῆκαν, τὴν σὴν συγκατάβασιν (в конце тропарей 1 - 3)	ѣко безоумънимъ на те поучише се	Киян.	ѣко не разоумѣша твоего схождениа (тропарь 1 - 2) ѣко тъцетнаѣ на те поучише се (тропарь 3)	Загреб., Орбел.
μυκτηρισμὸν καὶ χλεύην	оуничъжение и льсть	Киян., Шафар.	хоулоу и роугание	РТ, Загреб., Орбел.
προσάγοντες	въпинахоу	Киян.	приносеце	РТ, Загреб., Орбел.
καταπέτασμα	впона	Хлуд. 133	катапетазма	РТ, Загреб., Орбел., Киян.

---	єДИНОЧЕДЪИ єДИНОСОУЩЬНЕ	РТ, Загреб., Хлуд. 133	его же роди дѣвою єДИНОЧЕДНА И єДИНОСОУЩНА	---
---	несточно	Хлуд. 133, Шафар.	несъмѣсно	РТ, Загреб.
--	схрани	Хлуд. 133, Шафар.	снабди / сблуди	РТ
Антифон 12				
τί σοι παρηνώχλησα	коую взи пакость створиχъ	Шафар.	чимъ взи стоужиχъ	РТ, Загреб., Киян, Хлуд. 133, Орбел.
τι ἐποίησά σοι	что взи створиχъ	Хлуд. 133, Шафар.	чимъ взи ωскръвиχъ	РТ, Загреб.
ἀντὶ τοῦ ἀγαπᾶν με	въ любовьѣ мѣсто	--	за не любити ми	РТ, Загреб., Киян., Хлуд. 133, Орбел.
ἡ εἰρήνη τοῦ Κόσμου	миръ всего мира	---	миръ мирови	РТ, Загреб., Киян., Хлуд. 133, Орбел.
Антифон 13				
Ἀλλὰ δὸς αὐτοῖς Κύριε, τὸ ἀνταπόδομα αὐτῶν, ὅτι κενά, κατὰ σοῦ ἐμελέτησαν	нъ ѿради господи безоумию ихъ яко не разоумѣше твоего въскресениѣ	Киян., Хлуд. 133, Шафар.	нъ даждь имъ господи по дѣломъ ихъ яко всече на те поучишесе	РТ, Загреб.,
φρίσσει καὶ τρέμει	воетъсе и трепещоутъ	Киян., Хлуд. 133, Орбел.	трепещоутъ и оужасаетъсе / тресоутъсе	---
φιλόανθρωπος	милосердъ	Киян., Хлуд. 133, Орбел. , Шафар.	человеколюбъц ь	РТ, Загреб.
Антифон 14				
ὁ τὸν Ληστὴν συνοδοιπόρον λαβῶν	приемъ развоинника споутъника	Киян., Хлуд. 133, Шафар.	иже развоинника съпоутъника приемъ	РТ, Загреб., Орбел.
Ὁ αὐτοῦ	его	Киян.	иже того	РТ, Загреб., Орбел.
μιᾶ ὥπῃ	от.	--	въ єдинъ часъ	РТ, Орбел., Киян. ,Хлуд

				133, Шафар.
προσδεξάμεν ος	приемѣи	РТ, Киян., Загреб, Хлуд. 133, Орбел.	приемь и насъ прими и спаси	---
Антифон 15				
ὁ ἐν ὕδασι τὴν γῆν κρεμάσας	повѣшеи землю на водахъ	Киян., Хлуд. 133, Орбел., Шафар.	ижи на водахъ землю повѣшеи	РТ, Загреб.
ἐξ ἀκανθῶν	тръновьнь	Киян., Хлуд. 133, Орбел.	Ѡ трънина	РТ, Загреб.
περιτίθεται	носитъ	Киян., Хлуд. 133, Орбел. Шафар.	полагаетъ / възлагаетъ	---
ὁ τῶν Ἀγγέλων Βασιλεύς	цесарь ангельскѣи	Киян., Хлуд. 133, Орбел., Шафар.	иже ангеломъ цесарь	РТ, Загреб.
ἐτύθη	пожренъ взихъ	Хлуд. 133, Шафар.	пожрѣсе	РТ, Загреб., Киян., Орбел.
εἰλικρινῶς	чисти	Загреб., Хлуд. 133, Орбел., Шафар.	въ истиноу	РТ, Киян.
ὡς φιλόανθρωπος	от.	---	ѣко человѣколюбъ ць	РТ, Киян.
ὑμνοῦμεν	славимъ	Загреб., Киян., Хлуд. 133	поемъ	РТ, Орбел.

Итак, Антифоны Великой Пятницы в списках сербского происхождения XIII – начала XIV века имеют значительные различия, позволяющие разделить их на две редакции, различающиеся как составом тропарей, так и текстами и, несомненно, восходящие к различным переводам или правкам текста по греческому оригиналу: *Серб.*, с одной стороны, и *F.n.I. 92 - НБС 645 (ЕТ)*, с другой. Отметим, что каждая из этих традиций имеет сходство с вариантами текста, присутствующими на других славянских территориях, а именно:

- списки *F.n.I. 92 - НБС 645* с Орбельской триодью, с большинством восточнославянских триодей и стихирарей, а также с Загребской триодью на участке текста от антифона 3 до антифона 14,
- список *Серб.* с Шафариковской триодью, с Загребской триодью на участках текста, соответствующих антифонам 1 - 2 и антифону 15, с

восточнославянской Триодью Моисея Киянина во всех антифонах, кроме антифона 12, а также с триодью *Хлуд. 133* в антифоне 12.

Важнейшей отличительной особенностью рассмотренных двух редакций является число богородичных тропарей после каждого антифона. В первом случае их два: крестобогородичен и обычный богородичен, во втором только один. Наличие точных соответствий в сербских, болгарских и восточнославянских списках доказывает, что ни одна из редакций, то есть справ на основе греческого оригинала, не создавалась ни на сербской, ни на восточнославянской почве, но все они имели болгарское происхождение. Однако в отличие от болгарской книжности, где одновременно существовало и взаимодействовало, смешиваясь между собой, несколько типов текстов, сербская и восточнославянская книжность, оставшиеся более изолированными, смогли сохранить относительно чистые древние типы текстов. К таким типам, несомненно, относится и текст Антифонов списка *Серб.*, где на древность легшей в его основу редакции (далее редакция А) указывают допреславльские лексические варианты, такие как *животъ* и *опона* [Славова, 1989, с. 53, 82], моравизм *неприязнь* (калька с древневерхненемецкого *unholda*, использовавшееся для обозначения злого духа (диавола)) вместо более позднего *лужавъи*, характерный для переводов Климента Охридского [Пентковский, 2016, с. 82], а также синтаксические конструкции без относительного местоимения *иже* (см. антифоны 4, 14, 15).

1.5.6. Антифоны Великой Пятницы Шафариковской триоди

Данный список Антифонов имеет ряд существенных отличий от прочих списков, свидетельствующих о его архаичном происхождении. К ним относится уникальный состав тропарей, в том числе и наличие как идентифицированных, так и неидентифицированных тропарей, не

встречающихся в других как славянских, так и греческих списках, а также архаичная система гласов с употреблением термина гласъ искръ для передачи греческого ἤχος πλάγιος (в дальнейшем после изменения системы обозначения гласов выходящий из употребления и характерный только для архаического пласта славянской гимнографии, главным образом, западноболгарского происхождения [Кривко, 2016, с. 38 – 40]). Кроме того, необходимо отметить, что Шафариковская триодь – один из немногих славянских списков, не содержащих ни одного крестобогородична.

Анализ данного списка начнем с содержащихся в нем тропарей, отсутствующих в современном тексте и в большинстве других славянских списков, текст которых приводится ниже полностью:

1. Униальные тропари (помимо богородичен), не отмеченные в других списках:

- Антифон 4, тропарь 2:

днес волеж на страсть приходить и июдеумъ предаеть са и възаниемъ (!) лъстивомъ спсе нашъ и тръпиши длъготръпѣниемъ безгрѣшне иже с волеж ѡбнищавъ да прѣжде истлѣниѣ ѡживиши ѡко мѡсеръд, бесмртенъ и моѣ крѣпостъ възноса пострадавзи за миръ вѣроѣ ти впиемъ пострадавзи милоуѣи члкъзи слава тебѣ

- Антифон 6, тропарь 2:

днес спсѣ и гдѣ беззаконномъ прѣдаеть са

- Антифон 6, тропарь 5:

глаше спсѣ своимъ оученикомъ въздите и молитѣ са и наипаче ѡтаготѣхѣ са пакзи же глеть к нимъ нзинѣ же почиите приближе са часъ прѣданомъ ми възити се июда прѣдатель зрите двоюобразна ѡко незнаема ма лобъзаетъ и внидѣ беззаконници и емше има ѡведошѣ на дворъ канифинъ ї много и хоульше вижце глахѣ

пророцѣствоуи намъ хѣ кто естъ оудариѣ та спсѣ же не ѿвѣщаваше нѣ оудржа са за
нзи тако члоколюбець

- Антифон 7, тропарь 2:

страха ради иудейска другъ твои искръни петръ отвръже са тебе гѣ плачѣ са сице
впиаше слъзь моихъ не прѣмлзчи рѣхъ схранити вѣра щедрее и не схранихъ и наше
покаяние такожде прими и помлоуи ни

2. Тропари, содержащиеся еще в нескольких славянских списках. После текста тропаря по *Шафар*. приводятся разночтения между списками, содержащими данный тропарь, без учета регулярных фонетических и графических вариантов, а также перестановок слов в пределах двух слов, не приводящих к изменениям смысла:

- Антифон 3, тропарь 2:

иудейскы своръ гѣ варавѣ испросишѣ та влѣкѣ же вседишѣ безаконьны же иуда не
взсхотѣ разумѣтѣ

Тот же тропарь мы находим в антифоне 3 на той же второй позиции в *Серб.* и *Хлуд. 133*, и на шестой позиции (непосредственно перед богородичным) в *Киян.*:

иудейскы своръ : иудеко съворице Киян. : иудѣиско шетание Серб. : иудѣиское
безоумие Хлуд. 133] гѣ : от. Хлуд. 133] испросишѣ : испроси Серб. : не просиша
Киян.] та : тебе Серб.=Хлуд. 133] влѣкѣ: влѣкѣ всехъ Хлуд. 133] вседишѣ :
ѿвръже се Серб. : ѿвръгошѣ са Хлуд. 133

- Антифон 10, тропарь 3

сценникъ оударишѣ та тварь въстрасе са развоиникоу впишшоу помани ма влѣко егда
придеши въ црстви си

Данный тропарь с разными инципитами и значительными разночтениями находим на той же позиции в *Серб.* и *НБС 645*:

сценникъ : иереи Серб. : книгочию НБС 645] оударишѣ та : распеше те и НБС 645 : распеше и Серб.] въстрасе са : оужасесе Серб.= НБС 645] влѣко : епсе Серб.= НБС 645] егда придеши въ црѣстви си : въ црѣстви своемъ Серб. : гла НБС 645

3. Богородичны уникальные или зафиксированные в небольшом количестве (не более 3) славянских списков:

- Антифон 4 на четвертой позиции (между тропарями с инципитами *днесь июда вставлѣеть / ѿлоучаетьса и братолюбие ст- жимъ*)

На данном месте находим уникальный для славянских списков Антифонов богородичен, занимающий нехарактерную ему позицию в середине Антифона (помимо данного, в Антифоне содержится и богородичен *радоуи са ѿ насъ бѣце дѣво*, стоящий на характерной для данных тропарей позиции после слава):

страшна и дивна и велиа на (...) мѣстаи са и мати по рождзствѣ дѣвоѣ прѣвзистъ бѣ бо роди изъ неѣ вплазѣша са того възпоимъ емоу пѣние рцѣмъ съ аггѣлы впижше стѣзи еси хѣ бѣ възлочеи са насъ ради слава тебѣ

Данный богородичен соответствует апостиху вечерни понедельника²².

- В антифоне 10 на характерной последней позиции находим неидентифицированный богородичен:

²² Полный греческий текст: *Φοβερόν καὶ παράδοξον, καὶ μέγα τὸ μυστήριον! ὁ ἀχώρητος ἐν γαστρὶ ἐχωρήθη, καὶ ἡ μήτηρ μετὰ τὸν τόκον Παρθένος πάλιν διέμεινε. Θεὸν γὰρ ἐγέννησεν, ἐξ αὐτῆς σαρκωθέντα. Αὐτῷ βοήσωμεν, αὐτῷ τὸν ὕμνον εἶπωμεν, σὺν Ἀγγέλοις ἀναμέλλοντες. Ἅγιος εἶ Χριστὸς ὁ Θεός, ὁ δι' ἡμᾶς ἐνανθρωπήσας δόξα σοι.*

копиемъ боде са мѣкѣ влѣѣ възплъщеномоу ис тебе егда оузрѣ и пропинаема и льщеж
насъ ради прѣчистаа ребра покопаваемъ

За исключением *Шафар.* данный богородичен отмечен в *Хлуд. 133* со следующими разночтениями:

влѣѣ : въ сердце Хлуд. 133] възплъщеномоу : възплъщена Хлуд. 133] оузрѣ и : видѣѣ
Хлуд. 133] пропинаема : распинаема Хлуд. 133] и льщеж : дъщежи чиста Хлуд.
133] покопаваемъ : ископаема

- В антифоне 12 на характерной последней позиции находим богородичен:

цѣрь нѣснѣ за чѣлколюбие на земли яви са и съ члѣкѣи пожилъ есть ѿ дѣвѣи чистѣи плѣтъ
приемъ из неж изышедъ с прѣжтиемъ единъ есть снѣ соугоуба естествомъ а не
сзставомъ тѣм же свршена бѣга и свршена члѣка въ истинѣ проповѣдающе исповѣдаемъ
хѣ бѣ нашего его же мѣли мати безневѣстнаа помѣловати са дѣшамъ нашимъ

Данный богородичен, соответствующий воскресному богородичну догматику²³, помимо *Шафар.*, отмечен в *Серб.* и *Хлуд. 133* со следующими разночтениями:

цѣрь : цѣроу Хлуд. 133] чѣлколюбие : члѣкѣи Хлуд. 133] ѿ дѣвѣи : ѿ дѣвѣи бо Хлуд.
133=Серб.] из неж изышедъ с прѣжтиемъ : от. Хлуд. 133] есть : сѣи Хлуд. 133]
тѣм же : тѣмъ Хлуд. 133] свршена бѣга : свръшенаго бѣга Серб.] исповѣдаемъ : не

²³ Полный греческий текст: Ὁ Βασιλεὺς τῶν οὐρανῶν, διὰ φιλανθρωπίαν, ἐπὶ τῆς γῆς ᾤφθη, καὶ τοῖς ἀνθρώποις συναεστράφη· ἐκ Παρθένου γὰρ ἀγνῆς, σάρκα προσλαβόμενος, καὶ ἐκ ταύτης προελθὼν, μετὰ τῆς προσλήψεως, εἷς ἐστὶν Υἱός, διπλοῦς τὴν φύσιν, ἀλλ' οὐ τὴν ὑπόστασιν· διὸ τέλειον αὐτὸν Θεόν, καὶ τέλειον ἄνθρωπον, ἀληθῶς κηρύττοντες, ὁμολογοῦμεν Χριστὸν τὸν Θεὸν ἡμῶν· ὃν ἰκέτετε Μητέρα ἀνύμφευτε, ἐλεηθῆναι τὰς ψυχὰς ἡμῶν

повѣдаѣмь Серб.] помѣловати са дѣшамъ нашимъ : помиловати дѣше наше Серб. :
 помиловати дѣшѣ нашѣ Хлуд. 133

- В антифоне 14 на характерной для богородична последней позиции находим уникальный неидентифицированный крестобогородичен:

страшна чюда зраше впиаше прѣпѣтаѣ какоже вкомъ движжи възсѣ зема на дрѣво
 въздвизаемъ оуспе спашѣхъ хота ѿ вѣка възвздити кланѣжѣ са спсе длзготръпию
 ти

Отметим, что в большинстве случаев, когда редкие тропари встречаются в нескольких славянских списках, именно в *Шафар.* содержится менее контаминированное чтение.

Как было показано выше (см. таблицу 5. 19), в большинстве случаев лексических разночтений *Шафар.* совпадает с вариантами *Серб.* Тексты большинства тропарей данных рукописей, несомненно, восходят к одной редакции. Однако помимо различного состава тропарей, между данными списками есть и тропари с существенными текстовыми различиями, свидетельствующими об их происхождении из различных редакций, которые мы покажем ниже на нескольких примерах.

Таблица 5. 20. Сопоставление нескольких различающихся тропарей Антифонов Великой Пятницы Шафариковской и Сербской триодей.

Антифон: тропарь	Греческий оригинал	Шафариковская триодь	Сербская триодь
4: 2	Σήμερον ὁ Ἰούδας, παράποיעίται θεοσέβειαν, καὶ ἀλλοτριοῦται τοῦ χαρίσματος, ὑπάρχων μαθητῆς, γίνεται προδοτῆς, ἐν ἧθει φιλικῶ, δόλον ὑποκρύπτει, καὶ προτιμᾶται ἀφρόν	днес июда ѿмѣтаеть са богочестїѣ и лишаеть са блгочестїѣ оученикѣ бзївъ прѣдатель бзїеть виноловзаньнѣхъ есть покзїваеть избїраеть безоумїемъ въ вдзїчнѣхъ мѣсто любве сребролюбїе	днесь июда ѿлоучаетьсе блгочесѣ ї. тоуждѣ бїваеть блдти бзївъ оученикѣ бзїеть прѣдатель въ ѿбзїчнѣхъ любзїзани льстїю тае възлюбї пдче смзїсльно вдзїчне любвзї работати сребролюбїю

	ὡς τῆς τοῦ Δεσπότητος ἀγάπης, τριάκοντα ἀργύρια, ὁδηγὸς γενόμενος, συνεδρίου παρανόμου. Ἡμεῖς δὲ ἔχοντες σωτηρίαν τὸν Χριστόν, αὐτὸν δοξάσωμεν	ВИДЕТЕЛЪ БЪИВЪ СБОРИЦЮУ ЛѢКЪАВОУ МЪИ ЖЕ ИМѢЩЕ СПСА ХА ТОГО СЛАВИМЪ	НАСТАВНИКЪ БЪИВЪ СЪБОРИЦЮУ ЛОУКАВОМОУ МЪИ ЖЕ ИМОУЩЕ СПСЕНИЕ ХА ТОГО ПРОСЛАВИМЪ
9: 2	Ἔδωκαν εἰς τὸ βρῶμά μου χολήν, καὶ εἰς τὴν δίψαν μου ἐπότισάν με ὄξος, σὺ δὲ Κύριε ἀνάστησόν με, καὶ ἀνταποδώσω αὐτοῖς	ВЪДАШѢ НА БРАШНО МОЕ ЖЛЪЧЪ И ВЪ ЖѢЖДѢ МОѢ НАПОИШѢ МА ѠЦТА НѢ ТЪИ ВЪДВИГНИ МА И ВЪДАИ ИМЪ	ВЪДАШЕ ВЪ АДЪ МОЮ ЖЛЪЧЪ И ВЪ ЖЕЖДОУ МОЮ НАПОИШЕ МЕ ѠЦТА ТЪИ ЖЕ ГИ ПОМОУИ МЕ И ВЪСКРѢСИ МЕ И ВЪЗДАМЪ ИМЪ
11:1	Ἀντὶ ἀγαθῶν, ὧν ἐποίησας Χριστέ, τῷ γένει τῶν Ἑβραίων σταυρωθῆναί σε κατεδίκασαν, ὄξος καὶ χολήν σε ποτίσαντες. Ἀλλὰ δὸς αὐτοῖς Κύριε κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν, ὅτι οὐ συνῆκαν, τὴν σὴν συγκατάβασιν	ЗА БЛАГАТА ꙗже ИМЪ створи хе родоу евреискомоу пропати ТА осѢдишѢ ѠЦТА И ЖЛЪЧИ НАПОИШѢ ТА НѢ ДАЖДЪ ИМЪ ГИ ПРОТИВѢ ДѢЛОМЪ ИХЪ ꙗко тѢщЕТНО НА ПОУЧИШѢ СЯ	ЗА БЛАГАТА ꙗже створи хе родꙋ евреискомоу распети те ѠсѢдише ѠЦТА И ЗЪЛЧИ НАПОИВЪШЕ ТѢ НЪ ДАЖДЪ ИМЪ ГИ ПО ДѢЛОМЪ ИХЪ ꙗко БЕЗОУМЪНЪИМЪ НА ТЕ ПОУЧИШЕ СЕ

Отметим, что версия текста *Шафар.* в том случае, если она отлична от *Серб.*, не встречается в других славянских списках.

Все вышесказанное, а также очевидно контаминированный и компиляционный характер списка *Шафар.* (см., например, богородичен в середине антифона 4), позволяют предположить, что данная традиция возникла в результате компиляции редакции А, представленной в более или менее чистом виде списком *Серб.*, с не сохранившейся в полном виде другой архаичной редакцией, возможно, связанной с глаголической традицией, и характеризующейся отличным от прочих составом тропарей и их архаичным переводом (редакцией Б). О структуре и тексте данного архаичного источника, не повлиявшего существенно на прочую церковнославянскую традицию, мы можем строить лишь догадки, однако, вероятно, он содержал по одному

богородичну в конце каждого антифона, на месте которого в антифоне 14 (а не в антифоне 13, как в *Серб.*) находился крестобогородичен.

1.5.7. Компиляционные болгарские и восточнославянские списки Антифонов Великой Пятницы (*Киян., Загреб., Хлуд. 133, Орбел.*)

Итак, проведенный выше сопоставительный анализ списков позволил нам выделить четыре редакции Антифонов Великой Пятницы: ранние редакции Б и А, связанные, вероятно, с глаголической и кириллической традициями соответственно, а также две более поздние редакции с включенными в текст крестобогородичными: Гимовскую и редакцию В.

Анализ прочих доафонских списков показывает, что их текст представляет собой разного рода компиляции вышеназванных четырех редакций, составленные, вероятно, независимо друг от друга, с использованием различных источников и различной структуры. При этом, если в восточнославянской традиции присутствовала только одна редакция, что позволило ей сохраниться в относительно чистом виде, в южнославянском регионе, главным образом, в Болгарии, разные редакции сосуществовали и достаточно свободно смешивались между собой. Таим образом, местом появления большинства смешанных типов можно считать Болгарию, полагая при этом, что и восточнославянская рукопись *Киян.* была списана с болгарского протографа.

Отметим, что данный список на всем протяжении текста следует за редакцией А, за исключением антифонов 11 и 12 (см. таблицы 5. 11 – 5. 12). В антифоне 11 первые два тропаря списка совпадают с *Серб.* (редакция А), а начиная с третьего тропаря тексты и состав тропарей меняется, причем как тексты, так и выбранный богородичен более всего сходен с Орбельской триодью с той лишь разницей, что в *Киян.* пропущен крестобогородичен. В антифоне 12 во всех тропарях *Киян.* имеет существенные различия с *Серб.*, по структуре вновь напоминая *Орбел.* (включая и крестобогородичен – единственный во всем списке *Киян.*), однако с текстовыми различиями в

сопоставлении с данным списком, не сводимыми ни к одной из сохранившихся ранних славянских традиций и свидетельствующих о более позднем варианте перевода (ср. разночтения запона : катапетазма, власть : власть). В антифоне 13 и далее *Киян.* вновь возвращается к редакции А (*Серб.*).

Покажем данный компиляционный «шов» списка на примере трех тропарей рассматриваемых двух антифонов в сопоставлении со списками *Серб.* и *Орбел.*:

Таблица 5. 21. Источники компиляции Триоди Моисея Киянина. Сопоставление тропарей антифонов 11 и 12 списков *Киян.*, *Серб.* и *Орбел.*

Антифон: тропарь	Серб.	Киян.	Орбел.
11: 2	о прѣдани ти невольни бѣше христе родъ евреискѣи нѣ кѣивахоу главами своими оуничъжение и лѣсть взпинахоу нѣ дажь имъ ги противоу дѣломъ ихъ јако безоумьно на те поучише се	о прѣдани ти недоволнии бѣша христе родъ евреискѣи нѣ кѣивахоу главами своими оуничъжении и лѣсть взпнюще нѣ дажь имъ ги противоу дѣломъ ихъ ако безоума на та поучиша са	о прѣдани ти неволнѣ бѣшѣ христе родъ евреискѣи нѣ покѣивахѣ главами своими хоула и рѣгание приносаше нѣ даждь имъ господи по дѣломъ ихъ јако не разоумѣшѣ твоего схождениа
11 : 3	ни землѣ егда тресесе ни камене егда распадесе жидовъ прѣпрѣше ни црковнаѣ ѡпона ни мрътвѣихъ взскрѣсение нѣ даждь имъ ги противоу...	ни земля егда потресеса ни камене егда распадеса жидовъ припрѣша ни црковнаѣ катапетазма ни мрътвѣицѣвъ взскрѣшение нѣ дажь имъ ги противоу ...	ни землѣ егда потресеса ни камене егда распадеса жидови прѣпрѣшѣ ни црковнаѣ катапетазма ни мрътвецъ вѣстание нѣ даждь имъ господи по ...
12: 2	от.	днесъ црковнаѣ катапетазма на обличение разъдра са безаконникомъ и своа лоуча слнце крѣиеть владкѣи зра распинаема	днесъ црковнаѣ запона распаде са на вѣличение безаконнѣихъ своа лоуча слнце скрѣиеть владкѣи зра распинаема
12: 3	законьници излеви иудеи фарисеи ликъ апсльскѣи вѣпниеть къ вамъ се цркѣи юже разористе се агньць его же вѣи распели есте гробоу же и прѣдасте нѣ вѣластию си вѣсталъ	законоположьници излеви иудѣи и фарисѣи ликъ апсльскѣи вѣпниеть къ вамъ се цркѣи юже вѣи разористе се агньць его же вѣи распелите нѣ сѣ вѣластию своею вѣста и с лѣстите	законоположьници излеви иудеи фарисеи ликъ апсльскѣи вѣпниеть къ вамъ се цркѣи юже вѣи разористе се агнець егоже вѣи распелите и гробоу прѣдасте нѣ вѣластьи вѣстаетъ не лѣсте са иудеи тѣ бо несть

есть не льстите, се иудеи ть бо есть спсзи вз мори и вз поустзѣни питавзи тзи бо есть животъ и свѣтъ и миръ всего мира	са иудеи тз, бо есть иже вз мори спсзи и вз поустзѣни питѣвзи тз есть жизнь и свѣтъ и миръ мировзи	иже вз мори спсзъ и вз поустзѣни питѣвзи тзъ есть свѣтъ и жизнь и миръ мировзи
---	--	---

Комбинация *Хлуд. 133* также базируется на редакции А как в структуре и составе тропарей, так и в текстах антифонов, немногочисленные «вкрапления» из других источников включают в себя:

- 1) в антифоне 3 из Гимовской редакции заимствуется конец антифона: отсутствующий в редакции А крестобогородичен (см. таблицу 5. 3) и богородичен (тропарь совпадает в обеих редакциях, однако текстовые разночтения указывают на Гимовский источник (см. таблицу 5. 22):

Таблица 5. 22. Сопоставление богородична антифона 3 редакции А и Гимовской с компиляцией *Хлуд. 133*:

Редакция А (Серб.)	Хлуд. 133	Гимовская редакция (РГАДА 147)
спаси ѿ бѣдъ градъ твои бже ѣко вси съ бгомъ к тебѣ прибѣгаемъ ѣко къ нероушимъ стѣнѣ и <u>поможению</u>	спаси ѿ бѣдъ бже градъ твои ѣко вси съ бмъ къ тебѣ прибѣгаемъ ѣко к нероушимъ стѣнѣ и <u>застѣпленю</u>	спаси отъ бѣдъ градъ твои богородице ѣко вси съ богомъ къ тебе прибѣгаемъ ѣко къ нероушимъ стѣнѣ и <u>застѣпленю</u>

- 2) в антифоне 10 из редакции Б заимствуется неидентифицированный богородичен копиемъ воде са (см. таблицу 5. 10 и часть б);
- 3) в двух последних антифонах изменяются богородичны, при этом как состав, так и язык прочих тропарей повторяет редакцию А. В антифоне 14 находим богородичен радочиса агломъ радость мироу приживши, отмеченный помимо данного списка в Орбельской триоди, однако в другой редакции (см. таблицу 5. 23); в антифоне 15 - уникальный в славянской традиции неидентифицированный богородичен млѣрдѣна источникъ ѿврзѣи намъ дѣвери млѣсти твоѣ и помлоуи.

Таблица 5. 23. Сопоставление богородична антифона 14 Орбельской триоди и *Хлуд. 133*.

Греческий оригинал	Орбел.	Хлуд. 133
Χαῖρε ἡ δι' Ἀγγέλου, τὴν χαρὰν τοῦ κόσμου δεξαμένη, χαῖρε ἡ τεκούσα, τὸν ποιητὴν σου καὶ Κύριον, χαῖρε ἡ ἀξιωθείσα, γενέσθαι Μήτηρ Θεοῦ	радочиса ѿ агела радость приемши всего мира радочиса рождьшина творца радочиса сподобьшина са бзѣти милости бжиа	радочиса агломъ радость мироу приживши радочиса безневѣстна зъиждзительѣ прижившина радочиса чиста взистинѣ боу мѣти

Третьей компиляцией ранних и поздних славянских редакций является список Загреб. Источниками данной компиляции является редакция А (Серб.), использованная в антифонах 1 – 2 и 15, и Гимовская редакция, использованная в середине текста (антифоны 3 – 14). Причины такого «мозаичного» построения текста компиляции неизвестны. Отметим, что несмотря на западноболгарское происхождение и в целом архаичную природу, список *Загреб.* на данном срединном участке текста полностью повторяет структуру Русской традиции (включая богородичны) и лишь с незначительными разночтениями повторяет тексты ее тропарей, что исключает восточнославянское происхождение последней. Подтвердим компиляционный характер данного списка сопоставлением тропарей из разных участков компиляционной структуры (таблица 5. 24):

Таблица 5. 24. Сопоставление произвольно взятых тропарей *Серб., Загреб.* и Русской традиции (по РГАДА 147):

Антифон: тропарь	<i>Серб.</i>	<i>Загреб.</i>	<i>РГАДА 147</i>
1 : 3	чюувѣствиѣ наша чиста хрѣви прѣдъставимъ и ѣко дроузи его дроуше наше положимъ ѣго ради а не печальми житинскими съ оудавимъ се ѣко же июда нъ въ храмѣ нашемъ възъпинемъ уче нашъ иже неси на нбсехъ ѿ неприазни избави	чюувѣствиѣ наша чиетаа христови прѣдъставимъ ѣко дрочзи его дроуша наша положимъ ѣго ради а не печальними житинскими да не оудавимъ са ѣко июда нъ въ храмѣхъ нашихъ възпинемъ утьче нашъ иже неси на нбсехъ ѿ неприазни избави насъ	чюувѣствиѣ наша чиста христови прѣдъставимъ и ѣко дрочзи ѣго дроуша наша положимъ ѣго ради а не печальми житинсками счюудавимъ са ѣко июда нъ въ храмѣхъ доушь нашихъ възъпинемъ отъче нашъ иже на невесѣхъ отъ лоукавааго избави нас
3: 1	днесъ бдитъ июда прѣдати хоте га	днесъ бздитъ июда прѣдати га прѣвѣчнаго	дньньсь бздитъ июда прѣдати господа

	<p>ПРЪВЪЧНАГО СПАСИТЕЛЬ МИРОУ ИЖЕ ПЕТИЮ ХЛЪБЪ НАСЪТИ НАРОДЪ ДНЕСЬ БЕЗЗАКОННЫ <u>УМЪТАЕТЪ</u> <u>СЕ</u> ОУЧИТЕЛЪ И ОУЧЕНИКЪ БЪВЪ ВЛАДКОУ ПРОДАСТЬ НА СРЕБРЪ ПРОДАСТЬ НАСЪЦЬШАГО МАНЪИ ЧЛВКЪИ</p>	<p><u>СЪПАСА</u> МИРОУ Ѡ Е ХЛЪБЪ НАСИЦЬШАГО <u>МНОЖЕСТВО</u> ДЪНЕСЬ БЕЗАКОННИ <u>УМЕЩЕТЬСА</u> ОУЧИТЕЛЪ ОУЧЕНИКЪ БИВЪ ВЛАДЪКОУ ПРОДАСТЬ НА СРЕБРЪ МАНЪИ НАСИЦЬШАГО ЧЛОВКЪИ</p>	<p>ПЪРОВОЧНААГО <u>СЪПАСА</u> МИРОУ ОТЪ ПАТИ ХЛЪБЪ НАСЪЦЬШАГО <u>МНОЖЕСТВО</u> ДЪНЕСЬ БЕЗАКОНЪИИ <u>ОТЪМЕЩЕТЬСА</u> ОУЧИТЕЛА ОУЧЕНИКЪ БЪВЪ ВЛАДЪКОУ ПРОДАСТЬ НА СРЕБРЪ ПРОДАСТЬ МАНЪИ НАСЪЦЬШАГО ЧЛОВЪКЪИ</p>
11: 3	<p>НИ ЗЕМЛЪ ЙЕГДА ТРЕСЕ НИ КАМЕНИЕ ЙЕГДА РАСПАДЕСЕ ЖИДОВЪ ПРЪПРЪШЕ НИ ЦРКОВНАА <u>УПОНА</u> НИ <u>МЪРТВЪЦЪ</u> ВЪСКРСЕНИЕ НЪ ДАЖДЪ ИМЪ ГИ ПРОТИВОУ..</p>	<p>НИ ЗЕМЛА <u>ПОТРАСЕСА</u> НИ КАМЕНИЕ ЙЕГДА РАСПАДЕСА ЖИДОВИ ПРЪПРЪША НИ ЦРКОВНА <u>КАТАПЕТАЗМА</u> НИ <u>МЪРТВЪЦИ</u> ВСКРСЕНИЕ НЪ ДАЖДЪ ИМЪ ГОСПОДИ ПО..</p>	<p>НИ ЗЕМЛА ЙЕГДА <u>ПОТРАСЕСА</u> НИ КАМЕНИЕ ЙЕГДА РАСПАДЕСА ЖИДОВЪ ПРЪПРЪША НИ ЦРКЪВНАА <u>КАПЕТАЗМА</u> НИ <u>МЪРТВЪЦЪ</u> ВЪСКРСЕНИЕ НЪ ДАЖДЪ ИМЪ ГОСПОДИ ПО..</p>

Компиляция Орбельской триоди составлена по другому принципу, в сравнении с предыдущими. Прежде всего, за основу состава тропарей и структуры антифонов здесь берется Гимовская редакция с крестобогородичными. В списке *Орбел.* наблюдаются следующие отступления от данной структуры:

- 1) Крестобогородичен, включенный в Гимовской редакции в антифон 8, перемещен в антифон 7. В антифоне 8 крестобогородичен отсутствует (см. таблицы 5. 7 и 5. 8).
- 2) В антифоне 9 присутствует уникальный в ранней (доафонской) славянской традиции богородичен, соответствующий богородичну современного текста: славно поем та бѣче чѣста яко хѣ ба намь родила еси ѿ клатвзи члѣцкзиж товож свободыше са (Οἱ ἐξ ἔθνων ὑμνοῦμέν σε Θεοτόκε ἀγνή, ὅτι Χριστὸν τὸν Θεὸν ἡμῶν ἔτεκες, τὸν ἐκ τῆς κατάρας τοὺς ἀνθρώπους, διὰ σοῦ ἐλευθερώσαντα);
- 3) В антифоне 13 также присутствует уникальный в ранней (доафонской) славянской традиции богородичен, соответствующий богородичну

антифона 10 современного текста: оумири всего мира изволивъѣ ѿ дѣѣжъ гѣ
 пльть понести за рабъѣ своѣ да съгласно та славословимъ чловѣколюбче

(Εἰρήνευσον τὸν Κόσμον, ὁὲκ Παρθένου καταδεξάμενος Κύριε, σάρκα φορέσαι ὑπὲρ δούλων, ἵνα συμφώνως, σὲ δοξολογοῦμεν φιλόανθρωπε);

4) В антифонах 11 и 12 присутствуют богородичны, из прочих славянских списков соответствующие только *Киян*. бѣ ис тебе выпльцьшаса разоумѣхомъ и радочиса двѣри црѣ славъѣ (см. таблицу 5. 21);

5) В антифоне 14 богородичен радочиса ѿ агела радость приемши из других славянских списков присутствует только в *Хлуд. 133*, но в другой редакции (см. таблицу 5. 23).

Что касается текстов тропарей, то они в *Орбел*. представляют собой компиляцию из вариантов редакции А и Гимовской редакции с незначительными вкраплениями из другого, вероятно, более позднего источника. Покажем это на примере нескольких произвольно взятых тропарей в таблице 5. 25.

Таблица 5. 25. Тексты произвольно взятых тропарей Орбельской триоди в сопоставлении с редакцией А и Гимовской редакцией:

Антифон: тропарь	Редакция А (<i>Серб.</i>)	<i>Орбел.</i>	Гимовская редакция (<i>РГАДА 147</i>)
4:3	братолюбие стежимъ вси и не немлстивно къ ближнимъ нашимъ да не тако рабъ всоудимъ се за <u>диндрь</u> и не тако июда раскатавше се ничесоже пользоу емь	братолюбие ꙗко ѿ хсѣ братие ниѣ млстивно къ искрънзимъ нашимъ да не тако ꙗ раби всѣдим са немлстивно <u>пѣназа диндрь</u> ꙗко июда раскатавше са ничтоже ползъ емь	братолюбие сътажимъ ꙗко о христѣ братие и не немилостивно къ ближнимъ нашимъ да не тако рабъ осоудимъ са <u>не милостивъѣ пѣназь</u> ради и тако июда раскатавше са ничесоже пользоу имъ
6:1	днесъ бдитъ июда <u>прѣдати хоте</u> га прѣвѣчнаго спаситель мироу иже петию хлѣбъ насъѣтити <u>народъ</u> днесъ беззаконнъѣ	днесъ бдитъ юда <u>прѣдати</u> га прѣвѣчнаго бга свѣтильника мироу ѿ патъѣхъ хлѣбъ насъѣшьшаго <u>народъѣ</u>	дньсь вѣдитъ июда <u>прѣдати</u> господа прѣвовѣчнааго съпаса мироу отъ пати хлѣбъ насъѣшьшааго <u>мъножество</u> дньсь

	<u>Ѡмѣтаеть се</u> оучителѣ и оученикѣ <u>бзѣвъ</u> владкоу <u>продасть</u> на сребрѣ <u>продасть</u> <u>нѣсѣицьшаго</u> <u>маньнѣ</u> <u>члвкѣ</u>	Днесь <u>безаконнѣ</u> <u>Ѡмѣтаетса</u> оучителѣ оученикѣ <u>бзѣвъ</u> владкѣ <u>прѣдѣлѣ</u> <u>есть</u> на сребрѣ <u>продасть</u> <u>нѣсѣицьшаго</u> <u>маннѣ</u> <u>чловѣкѣ</u>	<u>безаконьнѣ</u> <u>отѣмѣетьса</u> оучителя оученикѣ <u>бзѣвъ</u> владзикоу <u>продасть</u> на сребрѣ <u>продасть</u> <u>манѣ</u> <u>нѣсѣицьшааго</u> <u>чловѣкѣ</u>
6:2	Днесь на крстѣ <u>пригвоздише</u> <u>иудеи</u> <u>га</u> <u>раздѣльшаго</u> <u>море</u> <u>жѣзломѣ</u> и <u>проведшаго</u> <u>въ</u> <u>поустѣни</u> <u>ихѣ</u> <u>днесь</u> <u>копиемѣ</u> <u>ребра</u> <u>его</u> <u>прободоше</u> <u>ранами</u> <u>бывшаго</u> <u>за</u> <u>нихѣ</u> <u>егѣпта</u> и <u>жльчи</u> <u>его</u> <u>напоише</u> <u>манноу</u> на <u>пищю</u> <u>имѣ</u> <u>вдѣждивша</u>	Днес на крстѣ <u>пригвоздишѣ</u> <u>иудеие</u> <u>га</u> <u>раздѣльшаго</u> <u>море</u> <u>жезломѣ</u> и <u>проведѣшаго</u> <u>люди</u> <u>въ</u> <u>поустѣни</u> <u>днесь</u> <u>безаконнѣ</u> <u>копиемѣ</u> <u>прободошѣ</u> <u>ребра</u> <u>его</u> <u>ранами</u> <u>казнившаго</u> <u>ихѣ</u> <u>ради</u> <u>егѣпта</u> и <u>жльчи</u> <u>напоишѣ</u> и <u>маннѣ</u> на <u>пищѣ</u> <u>имѣ</u> <u>вдѣждившаго</u>	Дньсь на крстѣ <u>пригвоздиша</u> <u>иудѣи</u> <u>господа</u> <u>раздѣльшааго</u> <u>море</u> <u>жѣзломѣ</u> и <u>проведѣшааго</u> <u>ихѣ</u> <u>въ</u> <u>поустѣнию</u> <u>дньсь</u> <u>безаконьнии</u> <u>копиемѣ</u> <u>ребра</u> <u>его</u> <u>прободоша</u> <u>ранами</u> <u>казнивѣшааго</u> <u>ихѣ</u> <u>ради</u> <u>егѣпта</u> и <u>зѣлчи</u> <u>напоиша</u> <u>маноу</u> <u>пищю</u> <u>имѣ</u> <u>вдѣжѣшааго</u>
10:1	<u>одѣеисе</u> <u>свѣтомѣ</u> <u>яко</u> <u>ризою</u> <u>нагѣ</u> на <u>соудѣ</u> <u>стоитѣ</u> и <u>за</u> <u>ланитоу</u> <u>оударение</u> <u>приетѣ</u> <u>ручкою</u> <u>иже</u> <u>сѣзда</u> <u>безаконьни</u> <u>же</u> <u>людие</u> на <u>крстѣ</u> <u>те</u> <u>пригвоздише</u> <u>га</u> <u>соудѣ</u> <u>славѣ</u> <u>тогда</u> <u>оубо</u> <u>Ѡпона</u> <u>црковьнаѣ</u> <u>раздрасе</u> <u>слнце</u> <u>Ѡмрачисе</u> <u>не</u> <u>трѣпе</u> <u>зрѣти</u> <u>боу</u> <u>досаждаемоу</u> <u>его</u> <u>же</u> <u>боетьсе</u> и <u>тресочѣ</u> <u>се</u> <u>томоу</u> <u>поклонимьсе</u>	<u>одѣиса</u> <u>свѣтомѣ</u> <u>яко</u> и <u>ризоѣ</u> <u>нагѣ</u> на <u>сѣудѣ</u> <u>стоитѣ</u> и <u>за</u> <u>ланитѣ</u> <u>оударение</u> <u>приемлетѣ</u> <u>Ѡ</u> <u>рѣкѣ</u> <u>еѣже</u> <u>сѣзда</u> <u>безаконнѣ</u> <u>же</u> <u>людие</u> на <u>крстѣ</u> <u>пригвоздишѣ</u> <u>га</u> <u>сѣща</u> <u>славѣ</u> <u>его</u> <u>же</u> <u>ради</u> <u>ѣбо</u> <u>тѣгда</u> <u>запона</u> <u>црковьнаѣ</u> <u>раздраса</u> и <u>слнце</u> <u>Ѡмрачи</u> <u>са</u> <u>не</u> <u>могѣ</u> <u>трѣпѣти</u> <u>боу</u> <u>досаждаемоу</u> <u>его</u> <u>же</u> <u>всѣ</u> <u>трасѣтѣ</u> <u>са</u> <u>томоу</u> <u>поклоним</u> <u>са</u>	<u>одѣиаса</u> <u>свѣтѣмѣ</u> <u>яко</u> <u>ризою</u> <u>нагѣ</u> на <u>соудѣ</u> <u>стоитѣ</u> и <u>въ</u> <u>ланитоу</u> <u>оударение</u> <u>приатѣ</u> <u>отѣ</u> <u>ручкоу</u> <u>иже</u> <u>сѣзда</u> <u>безаконьни</u> <u>иже</u> <u>людие</u> на <u>крстѣ</u> <u>пригвоздиша</u> <u>господа</u> <u>славѣ</u> <u>тѣгда</u> <u>капетазма</u> <u>цркъвьнаѣ</u> <u>распадеса</u> <u>сѣлньце</u> <u>помьрче</u> <u>не</u> <u>тѣрпа</u> <u>зрѣти</u> <u>богоу</u> <u>досаждаемоу</u> <u>его</u> <u>же</u> <u>трѣпещоутѣ</u> <u>всѣчѣскаѣ</u> <u>томоу</u> <u>поклонимѣса</u>
11:3	ни <u>землѣ</u> <u>егда</u> <u>тресесе</u> ни <u>камение</u> <u>егда</u> <u>распадесе</u> <u>жидовѣ</u> <u>прѣпрѣше</u> ни <u>црковьнаѣ</u> <u>Ѡпона</u> ни <u>мрьтвѣихѣ</u> <u>вѣскрсение</u> <u>нѣ</u> <u>даждѣ</u> <u>имѣ</u> <u>ги</u> <u>противоу</u> ...	ни <u>землѣ</u> <u>егда</u> <u>потрасеса</u> ни <u>камение</u> <u>егда</u> <u>распадеса</u> <u>жидови</u> <u>прѣпрѣшѣ</u> ни <u>цркъвна</u> <u>катапетазма</u> ни <u>мрьтвѣцѣ</u> <u>вѣстание</u> <u>нѣ</u> <u>даждѣ</u> <u>имѣ</u> <u>господи</u> <u>по</u> ...	ни <u>земла</u> <u>егда</u> <u>потрасеса</u> ни <u>камение</u> <u>егда</u> <u>распадеса</u> <u>жидовѣ</u> <u>препрѣша</u> ни <u>цркъвьнаѣ</u> <u>капетазма</u> ни <u>мрьтвѣцѣ</u> <u>вѣскрсение</u> <u>нѣ</u> <u>даждѣ</u> <u>имѣ</u> <u>господи</u> <u>по</u> ...

Нетрудно заметить, что совмещение текстовых вариантов обеих редакций (см. подчеркнутые фрагменты в таблице 5. 25) происходит не только в пределах одного антифона (ср. тропари 1 и 2 антифона 6 в таблице 5.25), но и в пределах одного тропаря с характерным примером «дублирования» славянских переводов греческого τὰ θηνάγια разных редакций пѣназѣ и

динарь в тропаре 4:3 (пѣнаѣа динарь). Наличие подобных вариантов доказывает, что перед нами компилятивная традиция, составленная без обращения к греческому оригиналу гимна.

1.5.8. Афонская редакция Антифонов Великой Пятницы – южнославянские списки

Последним значительным этапом в истории церковнославянского перевода Антифонов Великой Пятницы в анализируемый период стала вызванная переходом на Иерусалимский церковный устав Афонская книжная справа, в ходе которой было проведено систематическое исправление триоди цветной на основе находившихся в распоряжении славянских книжников на Святой Горе греческих списков. Систематичный характер и сходные переводческие и редакторские приемы, отмеченные в Афонской редакции Антифонов Великой Пятницы в сравнении с рассмотренными ранее текстами из Триоди постной, позволяют датировать его концом XIII - началом XIV в.

Подобно триоди постной, цветная триодь в Афонской редакции полностью заменила собой все старые редакции в южнославянском регионе к концу XIV века. В восточнославянском же регионе к началу XV века она используется наряду со старой Гимовской редакцией, продолжавшей использоваться вплоть до Никоновской справа, преимущественно, в стихирарях. Таким образом, данная редакция встречается в южнославянских и молдововлахийских триодях цветных XIV – XV вв., а также в восточнославянских триодях цветных XV в. В нашей работе южнославянская традиция данной редакции рассмотрена по шести болгарским, сербским и молдововлахийским спискам: *Син. 24, Хлуд. 134, Хил. 626, F.I.583, F.I.751 и F.n.I.59*. Пять первых из данных списков тождественны по составу тропарей, последний же отличается от них только пропуском второго тропаря антифона 7. Все вышеуказанные списки близки в текстологическом плане, что позволило нам объединить их выше в одну закрытую Афонскую традицию. Для

дальнейшего анализа мы будем использовать список *Син. 24*, дающий наименее контаминированную версию данной редакции.

На данном этапе исследования невозможно установить, какая именно церковнославянская традиция послужила основой для Афонской sprawy, однако, несомненно, что это был один из южнославянских компиляционных типов на основе Гимовской редакции. Данный славянский текст был систематически исправлен по греческому списку, в котором:

- 1) отсутствовали крестобогородичны на предпоследней позиции каждого антифона, которые систематически удаляются из славянского перевода гимна,
- 2) в отличие от современного текста, не было крестобогородична даже на последней позиции антифона 15, вместо него употреблен обычный богородичен из часослова богородице тѣзи еси лоза истиннаа, ранее присутствовавший в южнославянской традиции в редакции А (списки *Серб., Шафар., Загреб. и Киян.*), соответствующий апостиху вечерни четверга Θεοτόκε, σὺ εἶ ἡ ἄμπελος ἡ ἀληθινή (см. таблицу 5. 15);
- 3) в прочих антифонах, за исключением антифонов 11 - 14, богородичны соответствовали современному тексту; в антифоне 13 употреблен богородичен радѹиса ѿже радѹеть ѿ аг҃ла приѣмше (Ἡ τὸ χαῖρε δι' ἀγγέλου δεξαμένη), отмеченный нами ранее в редакции А (списки *Серб., Шафар., Киян., Хлуд. 133*), в антифоне 11 бѣ ис тебе възплъцъшася радѹмъхомъ (Θεὸν ἐκ σου σαρκωθέντα из антифона 15 греческого списка Vat. gr. 771 (177v)²⁴), уже встречавшийся в списках *Киян.* и *Орбел.*, в антифонах 12 и 14 употреблены не встречавшиеся ранее в славянской

²⁴ F. Javier, F. 2007, С. 220.

традиции богородичны дѣво родила еси неискоуѣснѣваема и чистаа дѣва словоу
двери (Αυγή Παρθένε, τοῦ Λόγου πύλη);

4) пропущен тропарь 2 антифона 4 Σήμερον ὁ Ἰούδας, παραποιεῖται.

Для анализа изменений, внесенных редактором в текст антифонов, рассмотрим несколько произвольно взятых тропарей Афонской редакции в сопоставлении с Гимовской (лексические различия подчеркнуты):

Таблица 5. 26. Анализ текстов произвольно взятых тропарей Афонской редакции Антифонов Великой пятницы в сопоставлении с Гимовской редакцией

Антифон: тропарь	Греческий оригинал	Гимовская редакция	Афонская редакция
2: 1	Ἔδραμε λέγων ὁ Ἰούδας, τοῖς παρανόμοις γραμματεῦσι. Τί μοι θέλετε δοῦναι, κἀγὼ ὑμῖν παραδώσω αὐτόν; ἐν μέσῳ δὲ τῶν συμφωνούντων, αὐτὸς εἰστήκεις ἀοράτως συμφωνούμενος. Καρδιογνώστα, φεῖσαι τῶν ψυχῶν ἡμῶν	тече глагола иуда кз беззаконьнзимз кз книгъчинамз что ми хочете дати и азъ вамз предамъ его средѣ же сзвѣщавающиихъ самз стоааше невидимо сзвѣщаваемзи сзрдыце вѣдыче пощади доуша наша	тече гл- иуда беззаконзимз книжникомз что ми хочете дати и азъ вамз прѣдамз его посрѣдѣ же продажцихъ самз стоааше невидимо проддемзи срздовѣдче прци- ди дшѣ ншѣ
4: 3	Τὴν φιλαδελφίαν κτησώμεθα, ὡς ἐν Χριστῷ ἀδελφοί, καὶ μὴ τὸ ἀσυμπαθὲς πρὸς τοὺς πλησίον ἡμῶν, ἵνα μὴ ὡς ὁ δοῦλος κατακριθῶμεν, ὁ ἀνελεήμων, διὰ τὰ δηνάρια, καὶ ὡς ὁ Ἰούδας μεταμεληθέντες, μηδὲν ὠφελήσωμεν	братолюбие сзтажимз яко о христѣ братие и не немилоствивно кз близньнимз нашимз да не яко рабз осоздимз са немилоствизи пѣназъ ради и яко иуда раскадавше са ничьсоже пользоу имз	братолюбие w хѣ стажима братие и не бѣдѣмъ не млстви кз искрзнимз нашимз да не яко рабъ всждим са не милоствивнихъ сребрзникз ради и яко изда раскадавше са ничтоже оуспѣимз

11: 2	Ἐπὶ τῇ προδοσίᾳ οὐκ ἠρκέσθησαν Χριστὲ τὰ γένη τῶν Ἑβραίων, ἀλλ' ἐκίνουν τὰς κεφαλὰς αὐτῶν, μυκτηρισμὸν καὶ χλεύην προσάγοντες. Ἀλλὰ δὸς αὐτοῖς Κύριε, κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν, ὅτι κενά, κατὰ σοῦ ἐμελέτησαν	о прѣдани и недовольни бѣша христе родѣ евреискѣи нѣ покѣвахоу главами своими хоулоу и роугание приносаше нѣ дажѣ имѣ господи по дѣломѣ ихѣ яко не разоумѣша твоего сѣхоженна	ω прѣдани не довольни бѣшѣ родѣ еврейскѣи нѣ покѣвахѣ главами своими поуѓание и оуничїжение приносѣше нѣ даждѣ имѣ ги по дѣломѣ ихѣ яко не разоумѣшѣ твое смотрїение
12: 3	Οἱ νομοθέται τοῦ Ἰσραήλ, Ἰουδαῖοι καὶ Φαρισαῖοι, ὁ χορὸς τῶν Ἀποστόλων βοᾷ πρὸς ὑμᾶς. Ἴδε ναός, ὃν ὑμεῖς ἐλύσατε, ἴδε ἄμνός, ὃν ὑμεῖς ἐσταυρώσατ ε, τάφω παρεδώκατε, ἀλλ' ἐξουσία ἑαυτοῦ ἀνέστη. Μὴ πλανᾶσθε Ἰουδαῖοι, αὐτὸς γάρ ἐστιν ὁ ἐν θαλάσῃ σώσας, καὶ ἐν ἐρήμῳ θρέψας, αὐτὸς ἐστιν ἡ ζωὴ καὶ τὸ φῶ ς, καὶ ἡ εἰρήνη τοῦ Κόσμου	законоположнїци израилеви иудѣи и фарисѣи ликѣ апостольскѣ възпїеть кѣ вамѣ се църкѣ юже въз разористе се агнець его же въз распасте гробоу предасте нѣ областїю своею възста не льстите са иудѣи тѣ бо кестѣ иже въз мори сѣпасѣи ни въ поустѣзїи питѣвзїи тѣ кестѣ жизнь и свѣтѣ и мирѣ мирови	законьнїци ислевзї издее и фарисее ликѣ апсльскѣи възпїетѣ кѣ вамѣ се църкѣ еѣ же въз разористе се агнець его же въз распасте гробоу прѣдасте нѣ властїа своеѣ въста не льстите са издее тѣ ибо естѣ иже въз мори спсѣзїи и въ поустѣзїи питавзїи тѣи естѣ животѣ и свѣтѣ и сѣмирїение мирови

В целом, необходимо отметить, что число исправлений, внесенных в текст Антифонов Великой Пятницы при Афонской справе уступает числу исправлений в рассмотренных выше гимнах триоди постной, что, возможно, связано с лучшим качеством исправляемого раннего славянского перевода.

1.5.9. Афонская редакция Антифонов Великой Пятницы – восточнославянские списки

Как уже отмечалось, на восточнославянских территориях Афонская редакция в XV веке существовала наряду с ранней Гимовской, продолжавшей воспроизводиться преимущественно в стихирарях. Сосуществование двух редакций на одной территории неминуемо приводит к их смешению в компиляции. В конкретном случае влияние Гимовской редакции в большинстве случаев не отразилось на составе тропарей (четыре списка из пяти), и лишь в одном списке (*F.I.137*) привело к «восстановлению» пропущенного в Афонской редакции второго тропаря антифона 4. Текстологический анализ (см. таблицу 5.27) свидетельствует о том, что данный тропарь был заимствован писцом-компилятором из Гимовской редакции. Ни в одном из рассмотренных списков не используется – ни в регулярном, ни в нерегулярном порядке – крестобогородичные тропари.

Таблица 5.27. Сопоставление тропаря 2 антифона 4 Гимовской редакции и списка *F.I.137*

Гимовская редакция (<i>РГАДА 147</i>)	<i>F.I.137</i>
<p>ДНЬСЬ ЮДА ОТЪЛОУЧАЕТЬ С- БЛАГОЧЪСТИА И ТОУЖЬ БЪЗВАЕТЬ БЛАГОДЪТИ БЪЗВЪ ОУЧЕНИКЪ БЪЗІТЬ ПРЪДАТЕЛЬ ВЪ ОБЪЧЪНЪ ЛОВЪЗАНІИ ЛЪСТИЮ ТАІА И ВЪЗЛЮБИ ПАЧЕ НЕСЪМЪЗІСЛЪНО ВЛАДЪЧНА ЛЮБВЕ РАБОТАТИ СРЕБРОЛЮБИЮ НАСТАВНИКЪ БЪЗВЪ ЗЪБОРИЩОУ ЛОУКАВОМУ МЪЗІ ЖЕ ИМОУЩЕ СЪПАСЕНІЕ ХРИСТА ТОГО ПРОСЛАВИМЪ</p>	<p>ДНЬСЬ ЮДА ВЛАЧДЪЕТСА БЛГОЧЪСТИА И ЧЮЖЬ БЪЗВАЕТЬ БЛДТИ БЪЗВЪ ОУЧЕНИКЪ БЪЗІТЬ ПРЪДАТЕЛЬ ВО ВЪЗЪЧЪНЪМ ЛОВЪЗАНІИ ЛЕСТЬЮ ТАІА И ВОЗЛЮБИ ПАЧ НЕСЪМЪЗІСЛЕНЪ ВЛАДЪЧНА ЛЮБВЕ РАБОТАТИ СРЕБРОЛЮБИЮ НАСТАВНИКЪ БЪЗВЪ ЗЪБОРИЩОУ ЛОУКАВОМУ МЪЗІ ЖЕ ИМЪЩЕ СПАСЕНІЕ ХА ТОГО ПРОСЛАВИМЪ</p>

В прочих четырех восточнославянских списках (*F.n. I. 31, Пог. 486, Пог. 488, Q.I.599*) состав и порядок тропарей точно следует за Афонской редакцией, за исключением упомянутого выше пропуска второго тропаря антифона 3 в *Q.I.599*, однако в их текстах в большей или меньшей степени появляются разночтения, соответствующие вариантам Гимовской редакции, основные из которых представлены в таблице 5.28.

Таблица 5. 28. Варианты восточнославянских списков Афонской редакции, соответствующие Гимовской редакции

Αντιφ ον:τροπ αρή	Греческое соответствие	Афонская редакция	Гимовская редакция	F.I.13 7	F.п. I. 31	Q.I.59 9	Ποг. 486	Ποг. 488
1:2	παράνομον	ζαконопрѣтъпно		+	+	+		+
			βεζακονηνο				+	
1:3	ἐν τοῖς ταμείοις ἡμῶν	вз храмѣхъ наших		+	+			
			вз храмѣхъ доушь нашихъ			+	+	+
2:2	ἐπὶ τοῦ δείπνου	на вечери		+	+	+		+
			при вечери				+	
2:Б	ἀνεομηνεύτως	несказанно		+	+	+		+
			нѣвиздреченью				+	
3:2	προέλεγες	прѣдѣѣцавааше		+	+			+
			прѣдъ глаголааше				+	
3:Б	προστασίαν	прѣдстателници			+	+	+	+
			застоуплению	+				
4:3	τὰ δηνάρια	сребръникъ		+	+	+		+
			пѣн- зъ				+	
5:Б	ἐπ' ἐσχάτων	послѣдъниѣѣ		+	+	+		+
			послѣже				+	
7:1	ἀνεχόμενος	τρѣп-		+	+	+		+

			πρετρπββαα				+	
9:1	διὰ τοῦτο γοηγορεῖτε	сего ради видите					+	
			от.	+	+	+		+
9:2	εἰς τὸ βρωμά	вз снѣдь		+	+	+		+
			вз їады				+	
10:1	τὸ καταπέτασμα	завѣса		+	+	+		+
			καταπετασμα				+	
11:1,3	συγκατάβασιν	сзмотрениа		+	+	+		+
			сзхождениа				+	
11:2	μυκτηρισμὸν καὶ χλεύην	порѣгание и оуничжение		+	+	+		+
			χουλουγ и ροуѓгание				+	
11:3	Ἑβραίους ἔπεισαν	евреѣ не оуѣбришѣ		+	+	+		+
			жидовз прѣпърѣша				+	
11:3	ἡ ἀνάστασις	взстание		+	+	+		+
			воскрѣсѣние				+	
12:1	παρηνώχλησα	сμουγтихз		+	+		+	
			сзтоуғжихз				+	
12:1	ἠνωρθωσάμην	исправихз		+	+	+		+
			взставиҳз				+	
12:1	ἀντὶ τοῦ ἀγαπᾶν	за еже вѣ любити		+	+	+		+

	με	МА						
			ЗА НЕ ЛЮБИТИ МА				+	
12:1	καὶ τῷ πνεύματι	сѣ прѣтѣимъ Дѣхомъ		+	+	+		+
			и доухомъ				+	
12:2	ῥήγνυται	рѣзѣра са		+	+	+		+
			распаде са				+	
12:3	ἡ εἰρήνη τοῦ Κόσμου	смирение мироу				+		+
			миръ мирови	+	+			
15:1	ἐξ ἀκανθῶν	трѣновѣмъ					+	
			Ѡ трѣнниѧ	+	+	+		+
15:2	ἐκκαθάρωμεν ἑα υτοῦς	очистимъ себе		+	+	+		+
			очистимъ сами себе				+	

Проведенный сопоставительный анализ доказывает, что включение вариантов из Гимовской редакции происходило в каждом из рассмотренных восточнославянских списков независимо и в разной степени. В большей степени влиянию Гимовской редакции подвергся список *Пог.486*, в меньшей *F.n. I. 31* и *Пог. 488*. Варианты Гимовской редакции нередко (см., например, славянские соответствия греческим *Ἐβραίους ἔπεισαν* (11:3) и *ἀντὶ τοῦ ἀγαπᾶν με* (13:1)) не приближают, но, наоборот, отдаляют церковнославянский текст от правильного греческого, что доказывает, что исправления вносились без привлечения греческого оригинала. Наконец, разные антифоны в разной степени подвергаются воздействию Гимовской редакции, по неизвестным

причинам большее всего ее влияние проявляется в антифоне 12, в ряде антифонов (8, 6, 13, 14) его вообще не заметно.

1.5.10. Редакция Антифонов Великой Пятницы по списку *Пог. 40*

Уникальный как по составу, так и по текстам тропарей список *Пог. 40* рассмотрим в сопоставлении с Афонской редакцией, которой он ближе всего по составу тропарей (см. таблицы 5.1 – 5.15). Напротив, от ранних древнеболгарских триодей: Орбельской, объединяемой в одну группу с *Пог. 40* согласно классификации М.Моминой [Момина, 1983b, с. 32], Загребской, Шафариковской, Хлудовской 133, - данный список отличается полным отсутствием крестобогородичных тропарей, иным составом богородичных тропарей и отсутствием стихов в антифонах 1 – 3. Несмотря на различный состав тропарей, существуют и данные, объединяющие рассматриваемый список со списками Русской традиции, в частности, пропущенный в Афонской редакции второй тропарь антифона 4 употреблен в нем в той же текстологической традиции. Нерегулярное употребление стихов также указывает на компилятивный характер данного списка, который мог быть составлен с привлечением и доафонской, и афонской традиции. Данные, полученные нами ранее при исследовании других триодных текстов (Акафист Богоматери в данном списке отмечен в Афонской редакции, Великий канон – в Хлудовской), косвенно подтверждают возможность составления такого рода компиляции.

Однако внимательный типологический и текстологический анализ текста Антифонов по данному списку в сопоставлении с другими славянскими традициями убеждает нас в том, что в нем присутствуют уникальные тропари и уникальные чтения, не сводимые к прочим церковнославянским редакциям. Уникальные богородичные тропари списка были охарактеризованы выше в параграфе 2 данной главы. В рамках данного параграфа рассмотрим основные

текстологические различия списка *Пог. 40* от Афонской редакции в сопоставлении с другими редакциями и традициями (см. таблицу 5. 29).

Таблица 5.29. Текстовые различия списка *Пог. 40* от Афонской редакции в сопоставлении с ранними церковнославянскими редакциями.

Анти фон: тропарь	Греческое соответствие	Афонская редакция	Пог. 40	Славянские редакции и списки с вариантом <i>Пог. 40</i>
1: 2	παράνομον	законпрѣстѣпно	беззаконьно	РТ, Киян., ЕТ, Шафар., Орбельск.
1:3	συμπνιγῶμεν	оудавимъ себе	сьоудавимъ са	Серб., Киян, ЕТ
	ἐν τοῖς ταμείοις	въ храмѣхъ	въ скровицихъ	---
2:1	γραμματεῦσι	книжникомъ	кнѣзгочичиамъ	РТ, Серб., Киян., Орбел., Шафар., ЕТ
	συμφωνούντων	продажцихъ	сзглашажцихъ	--
2:Б	μὴ διαλίπης	не прѣстаи	не wskѣди	--
3:1	ἐκράυγαζον	въпиахъ	зовѣхъ	--
	τῶν Ἑβραίων	евреискѣа	жидовьскѣа	ЕТ, Орбел.
3:2	προέλεγες	прѣдвѣщавадше	прѣдгласше	РТ, Загреб., ЕТ
3:6	ἵνα μὴ πειρασθῆτε	да не възнидете въ напасть	да не въ искушении вѣдете	РТ, Загреб.
3:Б	προστασίαν	прѣдстателници	застѣплениж	РТ, Загреб., Хлуд. 133, ЕТ, Орбел.
4:1	βλέπειν	видѣти	зрѣти	РТ, Загреб., Хлуд. 133, ЕТ,

				Ορβελ., Шафар.
	ἀλλ' ἡμῖν ἀνέτ εἶλεν ὁ παθῶν ὑπὲρ τοῦ Κόσμου, πρὸς ὃν βοήσωμεν. Ὁ π αθῶν, καὶ συμπαθῶν ἀνθρώποις	НѢ НАМЪ ВЪСИА СТРАДАВЪИИ ЗА МИРЪ КЪ НЕМЪ ЖЕ ВЪЗЪПИЕМЪ ПОСТРАДАВЪИИ МИЛЪѢ ЧЛВКЪИ ГИ	W KAKO HE PACEDECE AZBIKЪ EFO HЪ BЪCA TPЪПЛAIИ ЗА МИРЪ BEZГРЪШИЕ БЪ	--
4:3	ἀσυμπαθές	HE MΛCTBI	HE ΠPOCTITELHOE	--
	τὰ δηνάρια	CPEBPЪHIKЪ	ΠENEZA	PT, Загреб.
	ὠφελήσωμεν	OYCPЪHEMЪ	ΠOЛЪE EMЪ	PT, Загреб., Хлуд. 133, ET, Ορβελ., Шафар.
4:Б	πανύμνητε	ΠPЪΠЪTAA	BЪCEΠЪTAA	--
5:1	συνεφώνει	CPBЪЩABAAШE	CPГЛAШAШE	--
5:Б	ἐπ' ἐσχάτων	BЪ ΠOCLЪДHЪBA	BЪ ΠOCLЪДOKЪ	Ορβελ., Хлуд. 133, Серб.
6:1	πλήθη	MHOЖЪCTBO	MHOЖЪCTBO HAPOДЪИ	-- (cp. HAPOДЪ Хлуд. 133, Ορβελ.)
6:3	οὐκ ἰσχύσατε	HE BЪЗMOΓWCTE	HE BKPЪΠICTE	--
6:Б	τὸ κήρυγμα	ΠPOΠOΒЪДAHIIE	ΠPOΠOBEДЪ	--
7:1	πλείους	BOЛEE	MHOЖEE	--
	ἄεδήλωσα	CKAZAXЪ	ГЛAXЪ	Серб., Киян., ET
	ἄδηλα	BEЗBЪCTHAA	HECKAZAHHA	--
8:1	ἐξέθετο	ΠOЛOЖИ	HIЗЛOЖИ	--
	ἐλογίσασθε	ΠOМЪCЛИCTE	BЪMЕНИCTE	--
8:2	τὴν προπέτειαν	COBPOBCTBO	BEЗOЧИE	--
9:Б	ἐλευθερώσαντ α	CBOBOЖДЪШАΓO	ИЗБАВЛAШАAΓO	--
10:1	ἐν σιαγόνι	ЗА ЛAНИТЪ	HA ЛAНИTE	--
	δὲ παράνομος	BEЗАКOHHИИ	ΠPЪBEЗАKOHHЪИ	--
10:2	ἤρνήσατο	ЪBРЪЖECA	ЪPЧECA	--
11:1	συγκατάβασιν	CPMOTPEHIHA	CPXOЖДEHIHA	PT,

				Загреб., ΕΤ, Ορβελ.
11:2	ἐκίνουν	ΠΟΚΖΙΒΑΔΑΧῚ	ΚΟΛΕΒΑΧῚ	--
	μυκτηρισμὸν καὶ χλεύην	ΠΟΡῚΓΓΑΝΙΕ ΟΥΝΙΧΙΖΗΝΙΕ	ΠΟΝΟШЕНИЕ ΠΟΡῚΓΓΑΝΙΕ	--
11:3	ἐξῥάγησαν	ΡΑΣΠΑΔΕСА	ΡΑΣῚΒΔΕСА	--
	Ἑβραίους	ΕΒΡΕῚ	ЖИДОВИ	ΡΤ, Загреб., Серб., Κиян., Хлуд.133, ΕΤ.,Ορβελ.
	ἔπεισαν	ΟΥῚΒῚРИШῚ	ΠΟΚΟРИША	--
	ἀνάστασις	ΒῚСТАΝΙΕ	ΒῚСКРЕСЕНИЕ	ΡΤ, Загреб., Серб.
12:1	παρηνώχλησα	СМῚΤΙΧῚ	СПАКОСТИХῚ	--
	τοῦ ἀγαπᾶν με	ЕЖЕ БῚ ЛЮБИТИ МА	НЕ ЖЕ ЛЮБИТИ МА	ΡΤ, Κиян., Хлуд. 133, Ορβελ.
	οὐκέτι	ΠΡΟСΕΕ	ΟΥЖЕ	--
	δωρήσομαι	ΔΑΡΟΥῚ	ДАῚ	--
12:2	κρύπτει	СῚКРῚВАЕΤЬ	КРИЕТЬ	ΡΤ, Загреб., Κиян.
12:3	νομοθέται	ΖΑΚΟΝΝΙЦИ	ЗАΚΟΝΟΠΟΛΟЖЬНИЦИ	ΡΤ, Загреб., Κиян., Хлуд. 133, Ορβελ.
	ἀνέστη	ΒῚСТА	ΒῚСКРЕСЕ	--
	ἡ εἰρήνη τοῦ Κόσμου	СМИРЕНИЕ МИРОУ	МИРЬ МИРОВЗИ	ΡΤ, Загреб., Κиян., Хлуд. 133, Ορβελ.
13:1	τῶν Ἰουδαίων	ИΟΥΔΕИΣΚΟΕ	ЖИДОВЬСКОΕ	--
	κενά, κατὰ σοῦ ἐμελέτησαν	СОУЕТНАА НА ТА ΠΟΟΥЧИШῚСА	ТῚЦЕТНῚМῚ ΠΟΟΥЧИШῚСА	Ορβελ.
13:2	οἱ Ἱερεῖς ἐξῥάπισαν	СЦЕННИЦИ ΖΑ ΛΑΝΙТῚ ΟΥΔΑРИШῚ	ВРАЗИ ТЕ ΖΑВШИШῚ	--
14:1	ἐν αἵματι	ΚΡῚВИῚ	ВῚ ΚΡῚВῚ	--
14:2	μιᾶ ῥοπῆ	ИЕДИНῚВМῚ ЧАСОМῚ	МῚГНОВῚВНИЕМῚ	--

15:1	περιτίθεται	УБЛАГАЕТ СЯ	НОСИТЬ	Серб., Киян., Хлуд. 133
	περιβάλλεται	ОБЛАЧИТ СЯ	УДЕВАЕТ СЯ	--
15:2	Μὴ ὡς	НЕ ТАКО ЖЕ	ДА НЕ ТАКО	--
15:3	σταυρωθέντα	РАСПАТАГО	РАСПЕНШАГО	--

Подведем итог. Несмотря на ряд данных, прямо или косвенно указывающий на компилятивную и контаминированную традицию списка *Пог.40*, в числе которых нерегулярное (с антифона 4 и ниже) употребление стихов между тропарями, наличие «дублетных» переводов, заимствованных из разных редакций (см., в частности, вариант множество народъѣ в 6:1, образованный совмещением перевода греческого πλήθη как множество в АТ и как народъ в *Орбел.* и *Хлуд. 133*), контаминированные варианты перевода (см. варианты 4:1 и 13:2 в таблице 5.29), несомненно, что одним из источников данного списка стала не присутствующая в других рассмотренных ранних славянских списках и, видимо, не сохранившаяся в чистом виде церковнославянская редакция. На этот факт указывает не только наличие уникального состава тропарей, прежде всего, богородичных, один из которых не был отмечен в прочих славянских списках Антифонов, но и большое количество уникальных чтений (34 из 55 разночтений с Афонской редакцией не могут быть сведены к влиянию других славянских редакций или традиций (см. таблицу 5.29)), указывающих на иной, в некоторых случаях более точный в сравнении с традиционными редакциями, перевод греческого оригинала. Ряд лексических вариантов (см. пеназь вместо сребръникъ (4:3), жидъ вместо євреи или иудєи (3:1; 11:3; 13:1)) говорят в пользу раннего происхождения данной редакции, с другой стороны, состав тропарей с регулярным отсутствием крестобогородичных, а также богородичными тропарями близкими современному тексту, скорее, напоминает редакции XIII – XIV вв. Вероятнее всего, ранняя и не сохранившаяся в полном виде церковнославянская редакция

была «исправлена» на основе списка Афонской редакции, что привело к появлению новой компилятивной традиции. Это еще раз указывает на сложность и неоднозначность процессов, определявших церковнославянскую переводную книжность на ранних этапах.

1.5.11. Выводы.

1. Сопоставительный анализ текста Антифонов Виликой Пятницы по 31 церковнославянской рукописи XII – XV вв. выявил значительные различия в составе тропарей всех пятнадцати антифонов, что позволило определить данный параметр в качестве основного при классификации славянских списков. Основная часть различий касается завершающих каждый антифон богородичных тропарей. Значительные колебания в составе и количестве богородичных тропарей, а также использование в ряде списков на месте оригинальных богородичен богородичных тропарей часослова подтверждает гипотезу о позднейшем включении данных тропарей в греческий текст произведения. Славянские памятники воспроизводят две различные греческие традиции текста Антифонов: с одним богородичным в конце каждого антифона и с двумя (крестобогородичным и обычным богородичным). Несмотря на видимое сходство структуры последней традиции с версией греческого текста, опубликованной А. Пападопулу-Керамевсом [*Παπαδοπούλου-Κεραμέως*, 1897, с. 116 – 133], различный состав богородичных тропарей исключает их общее происхождение.
2. Дошедший до нас рукописный материал дает основание предполагать о существовании трех ранних традиции славянского перевода Антифонов Виликой Пятницы. Первая из них, связанная, вероятно, с кириллической традицией, дошла до нас в более или менее полном виде в составе Сербской триоди (*Серб.*). Выше мы условно назвали ее редакцией А. Вторая, возможно, связанная с церковнославянской глаголической

традицией, в полном виде не сохранилась и восстанавливается лишь аналитически в составе компиляции с редакцией А, представленной в Шафариковской триоди (*Шафар.*). К данному глаголическому переводу, условно названному нами редакцией Б, восходят уникальные не соответствующие современному греческому и славянскому тексту тропари Антифонов, отмеченные И. Карабиновым [Карабинов, 1910, с. 85 - 87]. Итак, редакция Б, хронологически сосуществовавшая с редакцией А, была сделана с греческого оригинала с принципиально отличным в сопоставлении с современным составом тропарей, о котором мы можем строить лишь гипотезы. На компиляционный характер списка *Шафар.* указывает контаминированный характер его структуры, в частности, присутствие богородична в середине антифона 4. Наконец, третья ранняя церковнославянская редакция также выделяется лишь аналитически в составе компиляции относительно позднего списка *Пог. 40*. Состав тропарей данной редакции на данном этапе исследования восстановить невозможно, поскольку в компиляции он был приведен в соответствие с поздней Афонской традицией, однако, и на основании имеющихся текстовых свидетельств очевидно, что он отличался от прочих ранних и поздних редакций, прежде всего, составом богородичных тропарей, где сохранился ряд уникальных чтений. Помимо констатации южнославянского происхождения данной редакции и ее раннего характера мы не располагаем данными, позволяющими нам строить гипотезы относительно более точного времени, места и обстоятельств ее появления. Необходимо также отметить, что греческие оригиналы всех трех архаичных славянских редакций (А, Б и Е) не имели крестобогородичен.

3. Характерной особенностью редакций, появившихся в ходе Преславской sprawy, является присутствие крестобогородичен на предпоследней позиции каждого антифона. Такая структура текста последовательно сохраняется во всех списках Гимовской редакции (восточнославянские

списки XI – XIV вв. за исключением Триоди Моисея Киянина), а также в ряде более поздних восточнославянских списков XV в., на основании текстологических данных объединенных в закрытую традицию. Единственным свидетельством внешних влияний на данную традицию являются измененные богородичны в нескольких антифонах в списках *Синод. 138* и *РГБ 409*. Данная редакция, которая ниже будет названа редакцией Г, практически в чистом виде присутствует также на участке текста с антифона 3 до 14 в Загребской триоди (*Загреб.*), что исключает ее восточнославянское происхождение.

4. Косвенные текстологические данные, в частности, наличие лексических разночтений в текстах крестобогородичен, свидетельствуют о существовании и второй Преславской редакции, не дошедшей до нас в чистом виде. В отличие от предыдущей, данная редакция, которую мы условно назовем редакцией Д, дошла до нас только в составе южнославянских компиляций, появившихся на ее основе, и не оказала существенного влияния на церковнославянскую книжность. В наиболее полном виде она присутствует в сербских списках XIII – XIV в. Евергитидской традиции (*НБС 645* и *F. n. I. 92*), где компилируется с ранней редакцией А, сосуществовавшей с ней на сербской территории в рассматриваемый период (*Серб.*), и, возможно, с редакцией Г. Помимо этого, влияние данной редакции просматривается также в Орбельской триоди, однако там оно незначительно. В данном компиляционном списке за снову берется текст редакции Г, достаточно равномерно по тексту дополняемый вариантами из ранней редакции А, а также незначительным количеством вариантов редакции Д.
5. В отличие от рассмотренных выше компиляций Орбельской триоди и Евергитидской традиции, все прочие компиляционные типы строятся на механическом совмещении фрагментов текста из одной и другой редакции. В Загребской триоди (*Загреб.*) начало и конец текста (антифоны 1- 2 и 15) заимствуются из редакции А, середина текста

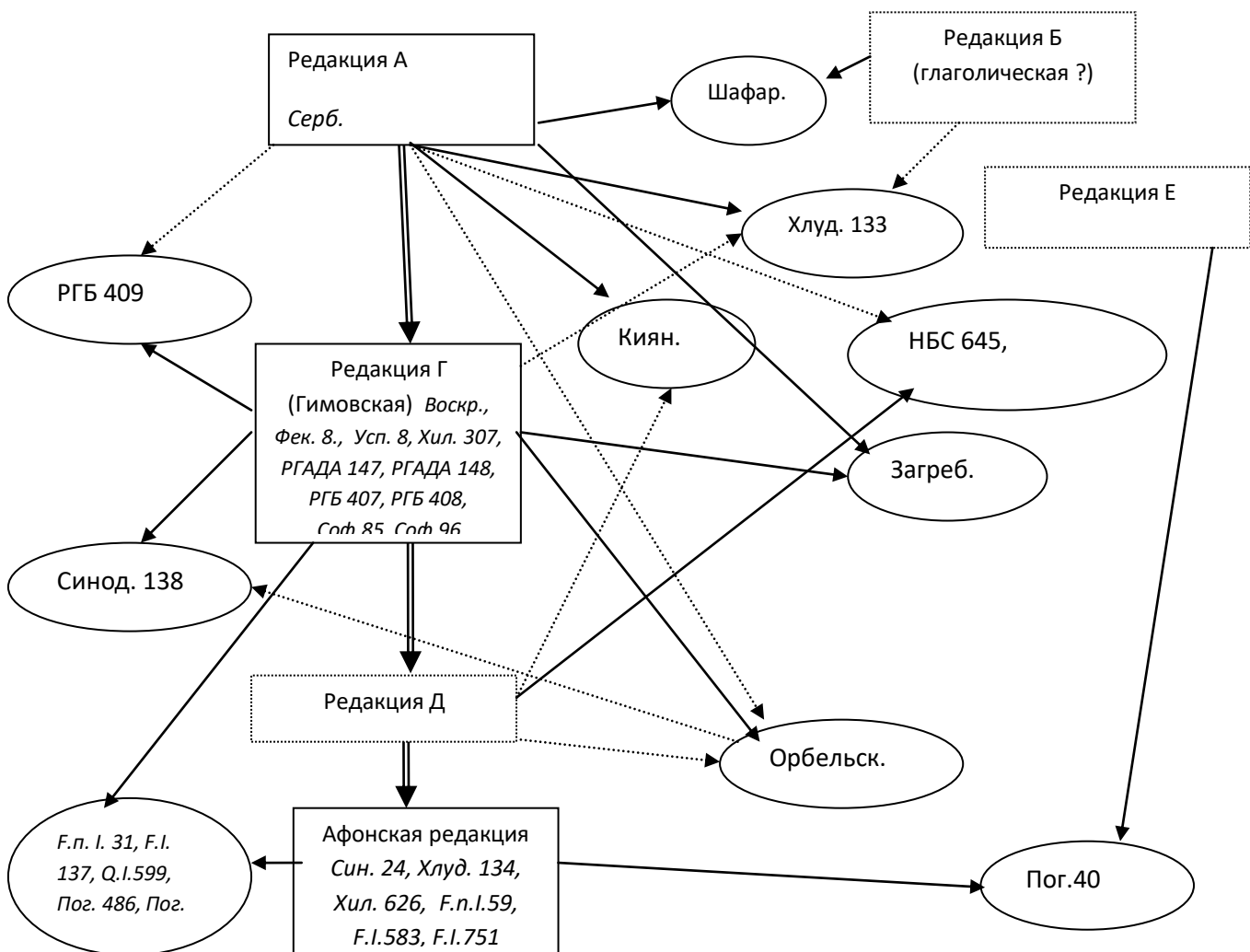
(антифоны 3 – 14) – из редакции Г. В Триоди Моисея Киянина (*Киян.*) за основу взят текст редакции А и лишь фрагмент текста, начиная с тропаря 3 антифона 11 до конца антифона 12 заимствуется из другого источника, наиболее близкого Орбельской триоди, однако отличного от последней (возможно, перед нами чистый вид редакции Д). В *Хлуд. 133* также основу составляет редакция А, из редакций Б и Г заимствуются только отдельные тропари (богородичны и крестобогородичны).

6. Наконец, последней систематической справой текста в рассматриваемый период стала Афонская справа, повлиявшая как на южнославянскую, так и на восточнославянскую традицию. В ходе данной справки из текста Антифонов были исключены все крестобогородичны, состав богородичен был приближен к современному богослужебному тексту, отличаясь от последнего только в антифонах 11 - 14. Изменения, внесенные в тексты тропарей, в целом соответствуют духу Афонской книжной справки, однако их число сравнительно с другими проанализированными ранее текстами было невелико. На основе данной редакции с привлечением несохранившейся в чистом виде ранней редакции Е была составлена компиляция списка *Пог. 40*.
7. В отличие от южнославянских территорий, где Афонская редакция полностью заменила собой существовавшие до нее ранние редакции, в восточнославянском ареале вплоть до Никоновской справки XVII в. она сосуществовала с Гимовской редакцией, воспроизводившейся преимущественно в стихирарях, и смешивалась с ней в компиляционных типах в триодях. В данных типах, однако, за основу как по составу тропарей, так и по их текстам, принималась Афонская редакция, Гимовская же в большей или меньшей степени «вкраплялась» в нее равномерно по тексту в виде отдельных лексических или лексико-грамматических вариантов.

Схематически соотношение между славянскими редакциями и списками Антифонов Великой Пятницы может быть представлено на следующей диаграмме (рисунок 4):

Рисунок 4.

Соотношение между ранними списками Антифонов Великой Пятницы в славянской книжности XII – XV веков

7. Подводя общий итог текстологическому анализу гимнографических текстов, входивших в состав церковнославянской триоды, необходимо отметить, что каждый из рассмотренных нами в данной части работы гимнов имел свою собственную историю, не сводимую к типологической истории самого сборника. Рассмотренные различия касаются начального (доафонского) периода в южнославянской книжности, где с XIV века возобладала единая Афонская редакция, основанная на одновременной

систематической справе всех триодных текстов, и покрывают весь анализируемый период в восточнославянской книжности, где вплоть до Никоновской справы XVII века триодь строилась по принципу «мозаичности» с включением в один сборник текстов из различных редакций и традиций. Если в Акафисте Богоматери в восточнославянской книжности XV века сосуществовали Афонская редакция и известная только в восточнославянском ареале Русская редакция, составленная на основе южнославянской редакции *F.n. I. 55*, в Великом каноне и его стихирах за исключением периферийного списка *РГБ 25* практически исключительно господствовала Афонская редакция, то текстология Антифонов Великой Пятницы показала, что Афонская редакция сосуществовала здесь с ранними редакциями, возникшими в результате Преславской справы, воспроизводившимися как в чистом виде, так и в компиляциях с Афонской.

ЧАСТЬ II

ЯЗЫК ПЕРЕВОДНЫХ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ПО СПИСКАМ XII – XV ВЕКОВ

ГЛАВА 2.1

ЗАДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКИМ МЕТОДОМ

Текстология, зародившаяся и развивавшаяся в рамках литературоведения [Лихачев, 2001, с.14 – 29], долгое время использовала язык произведений исключительно в качестве вспомогательного инструмента при датировке и локализации списков, а также при их разделении на редакции. Таким образом, текстология и историческая лингвистика существовали независимо друг от друга, занимаясь, первая – историей текста как, прежде всего, литературного произведения, вторая – историей языка как системы. Такой подход, который не учитывал диахронной составляющей средневековых текстов, бытовавших в рукописной форме и обладавших возможностью изменяться от списка к списку, и существенно ограничивал возможности развития и той, и другой научной дисциплины, был частично преодолен благодаря появлению лингвотекстологического метода, связавшего «изучение языка по отдельным рукописям и текстологическое изучение групп рукописей» [Жуковская, 1976, с. 15]. Данный метод, основные положения которого были сформулированы Л.П. Жуковской [Жуковская, 1963, 1964, 1976], может быть определен как «система научно-исследовательских приемов, используемых при изучении списков одного памятника с целью восстановления картины истории языка, получившей свое преломление (отражение) в развитии языка памятника» [Панин, 1995, с. 101]. Изучение в качестве лингвистического источника не просто отдельной рукописи, но совокупности рукописных списков одного памятника [Жуковская, 1976, с. 17; Камчатнов, 1984, с. 121] помогает выявить закономерности, обуславливающие развитие языка памятника [Панин, 1995, с.100]. Диахронное

описание языка памятника как «последовательности явлений, связанных между собой непосредственной связью» [Панин, 1995, с. 101], позволяет результативно обработать большое количество языковых фактов и системно представить их, определив как экстралингвистические, так и лингвистические факторы, повлиявшие на их изменения, а также помочь в локализации и датировке языковых явлений.

Исследователями было замечено, что особую роль лингвотекстологический метод приобретает при изучении лексического уровня языка. Действительно, если высокая частотность и регулярность фонетических и морфологических фактов позволяет системно представить их даже на материале отдельного списка, лексические данные по одному списку не могут быть выявлены. «Хотя список текста и является материальным носителем лексики, сам по себе он еще не может служить лексическим источником... Лексическим источником отдельный список становится тогда, когда он может быть осмыслен в качестве звена в рукописной истории текста. Соответственно, полноценную лексическую информацию можно извлечь лишь из таких изданий памятников, которые базируются на текстологическом исследовании всех списков текста, в результате которого в идеальном случае каждое слово, встречающееся в каждом списке памятника, получает хронологическую и географическую “привязку”. Без сведений о текстологических взаимоотношениях списков наблюдения над их лексическими вариантами остаются умозрительными предположениями» [Молдован, 1997, с. 64]. Вышесказанное можно отнести, помимо лексических, к лексико-словообразовательным и стилистическим элементам языка, которые могут быть всесторонне исследованы как в структурном, так и в функциональном аспектах, а также в своей исторической перспективе, лишь путем выявления диахронной составляющей их бытования в тексте на основе лингвотекстологического анализа различных его списков. Именно на этих уровнях лингвотекстологический метод приобретает особую важность в структурном

аспекте, а анализ языка памятника помогает описать характер системных изменений языка в целом.

Объектом лингвотекстологического анализа может являться любой текст, представленный рядом списков. Уже с самого начала данный метод был, в первую очередь, ориентирован на церковнославянскую письменную культуру, поскольку именно в ней возможно существование многих списков одного памятника. Теоретические основания для классификации данных списков с определением соответствующих терминов *редакции* и *извода* были предложены Л.П. Жуковской [Жуковская, 1976, с. 17]. Ею же были описаны и необходимые предварительные стадии лингвотекстологического исследования, только опираясь на которые на его основе можно получить научно обоснованные результаты. Данные стадии включают в себя, во-первых, типологическое исследование памятника, то есть анализ его состава и структуры, выяснение причин типологических разночтений и, во-вторых, текстологическое исследование памятника с целью выделения литературных или идеологических редакций [Жуковская, 1976, с. 19 – 20; Панин, 1995, с. 102]. Помимо содержательных различий, между редакциями и списками в границах одной редакции существуют и чисто количественные различия, касающиеся интенсивности лексических замен. По наблюдениям А. Алексеева «при переписке текстов лишь 5% текстовых перестроек приходится на замену одного синонима другим, при редактировании на это уже приходится не менее 10% от общего числа перестроек в тексте» [Алексеев, 1996, с. 288].

Лишь проведя данное предварительное исследование, мы получаем возможность сгруппировать списки в редакции, установить их хронологическую последовательность, выявить наиболее показательные списки для каждой редакции, в дальнейшем используемые для лингвотекстологического анализа, дающего «лингвистическую интерпретацию выявленных различий в списках памятников» [Панин, 1995, с. 102]. Данные различия могут быть как текстологически, так и лингвистически значимыми, при этом «среди языковых явлений большую текстологическую значимость

имеют те различия, которые относятся к содержанию, к значению, чем различия, отражающие закономерные исторические изменения в языке (или хотя бы в отдельных территориальных диалектах)» [Жуковская, 1969, с. 25].

Предметом собственно лингвотекстологического анализа является различение, которое может быть графическим, фонетическим (фонематическим), морфологическим, лексико-словообразовательным, собственно лексическим, синтаксическим и т. д. [Панин, 1995, с.104, 127 – 157]. Иными словами, используя данный метод, исследователь, прежде всего, имеет дело с варьирующейся составляющей анализируемых им памятников, то есть с рядами различений, стремясь «дать адекватное описание этих данных, определив, на основе каких связей (исторических, диалектных, культурно-языковых, структурных) “организованы” выявленные данные и как соотносится варьирующаяся часть языковых явлений с постоянной» [Панин, Л. 1995. С. 102]. Задача исследователя на основе анализа различений установить следующее: «1) время проникновения в текст той или иной лингвистической единицы, 2) место, где это произошло, 3) нормативный образец, определивший появление этой единицы, 4) какой лингвистический элемент был заменен при введении этой единицы, 5) какая лингвистическая единица и в каких условиях вошла в текст ей на смену» [Кузьминова, 2010].

Изначально основной сферой применения лингвотекстологии являлись памятники традиционного содержания, то есть любые «древние памятники, представленные большим числом списков» [Жуковская, 1976, с. 11]. Особая роль среди последних принадлежит богословским и богослужебным памятникам, число списков которых особенно велико и позволяет получить наиболее обоснованные результаты. «Вследствие многократной переписки и редактирования последние отличаются именно традиционным, а не буквально одним и тем же содержанием, выраженным одними и теми же языковыми средствами. В условиях бытования в той или иной среде в рукописных текстах одного и того же, а тем более традиционного, содержания появлялись языковые особенности, которые в определенной степени отражали вновь возникавшие

или существовавшие издавна отличия в языке последнего писца... от языка и диалектов, отразившихся в предшествовавших списках памятника... Именно поэтому многочисленные памятники традиционного содержания представляют собой своеобразный и очень важный источник для исследования истории славянских языков в древнейшую эпоху и в средневековье» [Жуковская, 1976, с. 12].

Несмотря на активное развитие лингвотекстологии в последнее 50-летие, актуальными остаются слова Л.Г.Панина о существовании «значительного разрыва между внутренними возможностями метода и его реальным использованием» [Панин, 1995, с. 99]. Среди памятников традиционного содержания, подвергнутых в отечественной филологии лингвотекстологическому анализу, значительную часть составляют библейские [Алексеев, 1980; Жуковская, 1976; Пичхадзе, 1991; Темчин, 1998; Пентковская, 2008; 2009а], догматические и канонические [Пентковская, 2006; Пентковский, 2001], а также агиографические, учительные и гомилетические [Жуковская, 1983; Камчатнов, 1983, 1984; Панин, 1988, 1995; Молдован, 1994, 2000; Крутова, 1997, 2003; Злыгостьева (Щеглова), 1995; Щеглова, 2011, 2013] тексты. Гимнографические переводные тексты используются в качестве источника лингвотекстологического исследования значительно реже, исключением является анализ списков Литургий (Преждеосвященных Даров, Василия Великого и Иоанна Златоуста) в работах Т. И. Афанасьевой [Афанасьева, 2000, 2004, 2015] и отдельных минейных гимнов в работах Р. Н. Кривко [Кривко, 2016].

Вместе с тем, переводная славянская гимнография является исключительно важным источником, способным в результате использования лингвотекстологического метода предоставить исследователю ценнейшую информацию по истории церковнославянского языка, по следующим причинам:

- 1) по количеству списков основные гимнографические сборники, входящие в корпус необходимых для православного культа произведений, уступают только Евангельским книгам;

- 2) основные гимнографические произведения были переведены на славянский язык уже на начальных этапах славянской письменности, таким образом, лингвотекстологический анализ данных текстов способен охватить максимально широкий временной диапазон истории церковнославянского языка;
- 3) сакральная ипостась данных текстов побуждала славянских книжников с особой тщательностью подходить к поиску максимально точных в пространстве различных языков соответствий основным понятиям византийской православной культуры – точность перевода в данной системе становится гарантом духовного единства православных народов;
- 4) как гимнографические сборники в целом, так и отдельные гимнографические тексты в процессе своего бытования в церковнославянской письменности неоднократно исправлялись по греческому оригиналу, таким образом, сопоставление данных греческого и церковнославянского текста позволяет, с одной стороны, использовать греческий язык как метаязык для определения семантики и функций церковнославянских языковых элементов, а с другой, выявить основные закономерности системного влияния греческого языка на церковнославянский – вопроса, до сих пор не получившего в исследовательской литературе достаточного освещения;
- 5) наконец, являясь поэтическими произведениями, гимнографические тексты предоставляют исследователю богатый материал для изучения не только языка в узком смысле этого слова, но и поэтики и стилистики церковнославянских текстов; исследование данных аспектов славянской книжности лингвотекстологическим методом также представляется чрезвычайно перспективным.

В задачи данной части диссертационного исследования не входит проведение полного и всестороннего лингвотекстологического анализа

исследуемых триодных текстов: на данном этапе исследования выполнение подобной задачи представляется неосуществимым. Поэтому мы ограничимся введением на основе сопоставительного лингвотекстологического анализа славянских списков XI – XV вв. нового материала по ряду проблем исторической лингвистики (лексикологии, словообразования, стилистики), одновременно доказав значимость и перспективность использования гимнографического материала для лингвотекстологического и сопоставительного лингвистического исследования.

Отметим, что гимнографические произведения триодного цикла в научной литературе еще не рассматривались в лингвотекстологическом аспекте. Фундаментальные, базирующиеся на обширном рукописном материале работы М. Моминой [Момина, 1976, 1982, 1983а, 1983б, 1985, 1992, 2004, 2010], в основном, посвящены типологической классификации церковнославянской триоди, в меньшей степени затрагивают текстологическую характеристику сборника или его отдельных текстов и практически совсем оставляют без внимания лингвотекстологический аспект. С другой стороны, в лингвистических работах Э. Црвенковской и Л. Маријоской [Црвенковска, 1999, 2002, 2006; Макаријоска, Црвенковска, 2012] в качестве источников привлекается ограниченное количество списков (от одного до четырех), сходной датировки и локализации (западно-болгарский ареал), что также не позволяет восстановить ряды разночтений и получить более или менее цельную картину истории языка сборника. С другой стороны, необоснованной представляется и сама постановка задачи лингвотекстологического исследования триоди как текстового источника. Выше мы показали, что вплоть до XVII века триодь была сборником мозаичного состава, в котором каждый составляющий его гимнографический текст имел собственную текстологическую историю. Таким образом, разные тексты в составе одного сборника могли происходить из различных редакций и традиций, и если мы не будем учитывать при анализе данного фактора, исследуя сборник как единый текст, мы неминуемо придем к неточным результатам.

Исследование проводилось на материале рассмотренных выше в текстологическом аспекте гимнографических произведений триодного цикла (Акафиста Богоматери, Великого покаянного канона Андрея Критского, стихир из последования Великого канона, Антифонов Великой Пятницы). Для контекстов, приводимых ниже, мы использовали следующую систему условных обозначений:

- Акафист Богоматери – далее *Ак* (номер икоса в принятой в греческой традиции сквозной нумерации от 1 до 24 (Π – проимий, ΠΙ – первый проимий *Τὸ πρῶταχθὲν μυστικῶς*),
- Великий покаянный канон Андрея Критского – далее *ВК* (номер песни: номер ирмоса (только для песен 2 и 3 с двумя ирмосами): номер тропаря (не считая ирмоса), Т – троичен, Б - богородичен),
- Алфавитные стихирь Великого канона – далее *АС* (номер стихирь),
- Антифоны Великой Пятницы – далее *Ан* (номер антифона: номер тропаря (Б – богородичен)).

При проведении лингвотекстологического анализа мы опирались на результаты типологического и текстологического анализа рассмотренных произведений, то есть двух предварительных стадий лингвотекстологического исследования, согласно Л.П. Жуковской [Жуковская, 1976, с. 19 – 20]. В частности, в процессе типологического анализа были выявлены неустойчивые элементы текста рассмотренных произведений (крестобогородичные тропари Антифонов Великой Пятницы в восточнославянских и ряде южнославянских списков, дополнительные атрибутируемые Феодору Студиту или неатрибутируемые тропари Великого канона в ранних южнославянских и Афонской редакции и т. д.), отсутствующие в большинстве его традиций и не принимаемые далее во внимание при лингвотекстологическом анализе.

В процессе текстологического анализа был сделан вывод о несводимости текстологической истории каждого из рассматриваемых произведений к истории всего сборника, что показало необходимость проведения отдельного

текстологического подготовительного этапа для лингвотекстологического анализа конкретного гимна. Данному этапу исследования был посвящен первый раздел настоящей работы. В результате были выявлены основные редакции каждого из четырех произведений, относительно чистые и компиляционные традиции в пределах редакций, а также показательные списки, которые были взяты за основу последующего лингвотекстологического исследования. В частности, были выделены следующие редакции и традиции:

1. Акафист Богоматери:

- 1) Акrostишная кириллическая редакция (редакция А) – показательный список *Серб.*,
- 2) Глаголическая редакция без акrostиха (редакция Б) – показательный список *Битол.*,
- 3) Гимовская редакция (редакция Г) – в чистом виде в Русской традиции (далее РТ) - показательный список *F.I.680*, в компиляциях с Акrostишной редакцией в списках *Шафар.*, *Загреб.* и списках Евергетидской традиции (далее ЕТ) – показательный список *НБС 644*,
- 4) Хлудовская редакция (редакция Д) – в чистом виде с показательным списком *Хлуд. 138*, в компиляции с Акrostишной редакцией в *Орбел.*,
- 5) Афонская редакция – показательный список *Син. 23*,
- 6) Редакция Ф.п. I. 55 – показательный список *F.n. I. 55*,
- 7) Русская редакция (далее РР) – показательный список *Сол. 781*.

2. Великий покаянный канон Андрея Критского:

- 1) Кириллическая редакция (редакция А) – показательный список *Серб.*,
- 2) Глаголическая редакция (редакция Б) – показательный список *Битол.*,
- 3) Древняя редакция неизвестного происхождения (редакция З) – показательный список *Загреб.* (с конца песни 2 до конца текста),
- 4) Гимовская редакция (редакция Г) – в чистом виде в Русской традиции (далее РТ) - показательный список *F.I.680*, в компиляциях с Акrostишной редакцией в списках *Шафар.* и списках Евергетидской традиции (далее ЕТ) – показательный список *НБС 644*,

- 5) Хлудовская редакция (редакция Д) – в чистом виде с показательным списком *Хлуд. 138*, в компиляции с Акростишной редакцией в *Орбел.*,
- 6) Афонская редакция – показательный список *Син. 23*,
- 7) Редакция РГБ 25 – показательный список *РГБ 25*,
- 8) Редакция Ф.п. I. 55 - показательный список *Ф.п. I. 55*.

3. Стихиры из последования Великого покаянного канона:

- 1) Акростишная кириллическая редакция (редакция А) – показательный список *Серб.*,
- 2) Глаголическая редакция без акростиха (редакция Б) – показательный список *Битол.*,
- 3) Гимовская редакция (редакция Г) – в чистом виде в Русской традиции (далее РТ) – показательный список *Синод. 138*, в компиляциях с Акростишной редакцией в списках *Шафар.*, *Киян.*, *Загреб.*, *РГБ 25* и списках Евергетидской традиции (далее ЕТ) – показательный список *НБС 644*,
- 4) Хлудовская редакция (редакция Д) – в чистом виде с показательным списком *Хлуд. 133*, в компиляции с Акростишной редакцией в *Орбел.*
- 5) Редакция Ф.п. I. 55 - показательный список *Ф.п. I. 55*.

4. Антифоны Великой Пятницы:

- 1) Кириллическая редакция (редакция А) – показательный список *Серб.*,
- 2) Глаголическая редакция (редакция Б) – показательный список *Шафар.*,
- 3) Гимовская редакция (редакция Г) – в чистом виде в Русской традиции (далее РТ) – показательный список *РГАДА 147*, в компиляциях с редакцией А в списках *Загреб.*, *РГБ 409*, *Синод. 138*, *Орбел.* и списках Евергетидской традиции (далее ЕТ) – показательный список *НБС 645*,
- 4) Афонская редакция – показательный список *Син. 24*.

Как видно из сделанного выше краткого обзора редакций, лишь некоторые из них совпадают для всех четырех произведений, входящих в состав одного

сборника, а именно ранняя кириллическая редакция А (Акростишная), ранняя глаголическая редакция Б и Гимовская редакция (редакция Г). При этом, ранняя глаголическая редакция Б сохранилась только в небольших фрагментах в составе Битольской триоди либо компиляции Шафариковской триоди. Хлудовская редакция (редакция Д) не дошла до нас в чистом виде для Антифонов Великой Пятницы и может быть выделена для данного произведения лишь гипотетически, Афонская редакция, использовавшая другой текст стихир, не затронула Стихиры Великого канона, наконец, редакция

F.n. I. 55 не затронула цветную триодь (либо не сохранилась для данного сборника), следовательно, не отразилась на Антифонах Великой Пятницы. Кроме того, в каждом конкретном из данных произведений могут быть и уникальные, касающиеся только данного текста, редакции, такие как Русская редакция Акафиста Богоматери, ранняя редакция З и поздняя восточнославянская редакция *РГБ 25* Великого канона и т. д.

Все это еще раз доказывает, что лингвотекстологическое изучение языка триоди как целого сборника, в особенности в области лексической вариантности, в большей степени зависящей от редакций, а не от изводов, невозможно, поскольку в один и тот же сборник могли входить тексты, происходящие из различных редакций или традиций. Последнее касается как ранних, так и более поздних списков. Так, в восточнославянских триодях постных и цветных XV века Акафист Богоматери в большинстве списков дается в составленной на основе *F.n. I. 55* Русской редакции, Великий канон преимущественно в Афонской редакции, а Антифоны Великой Пятницы – либо в Афонской, либо в доафонской Гимовской редакции. Один и тот же восточнославянский список *РГБ 25* сохранил Акафист Богоматери в Афонской редакции, Алфавитные стихиры Великого канона в Гимовской редакции, а сам Великий канон в дошедшей до нас только в этом списке новой редакции, составленной на основе Афонской.

При проведенном ниже исследовании мы попытались учесть все указанные выше параметры и результаты текстологического анализа.

Поскольку мы ограничили данное исследование лексическим, лексико-словообразовательным и стилистическим аспектами, предметом нашего исследования были лексические варианты, под которыми, вслед за Л.Г. Паниным, мы понимаем «лексические соответствия, отношения между которыми строятся на базе регулярных с точки зрения лексико-семантической системы языка связей» [Панин, 1995, с. 127]. Классификация лексических разночтений церковнославянских списков, используемая нами в данном исследовании, была разработана Л.Г. Паниным [Панин, 1995, с. 128 – 162] на основе классификаций диалектных лексических различий [Жуковская, 1957, с. 102 – 111; Аванесов, Жуковская, 1962, с. 147 – 174; Блинова 1966, с. 9 – 15]. Среди лексических разночтений исследователь предлагает выделять лексико-фонетические, лексико-морфологические, лексико-словообразовательные, лексико-семантические и собственно лексические варианты, а также функциональные варианты, контекстуальные синонимы и содержательные лексические различия [Панин, 1995, с. 128 – 162]. В соответствии с поставленными нами в данной части целями особое внимание среди данных категорий уделялось собственно лексическим и лексико-словообразовательным вариантам. Под первыми понимаются синонимические замены слов с тождественной семантикой при отсутствии общности в звуковой оболочке слова [Панин, 1995, с. 153 – 154; Блинова, 1966, с. 10]. В случаях, когда мы имеем дело с переводным текстом, лексические варианты, как правило, возникают в процессе редактирования текста перевода по оригиналу и происходят от различного (и разнокорневого) славянского перевода одних и тех же либо синонимичных лексем греческого текста. С другой стороны, к лексико-словообразовательным вариантам мы относим слова, образованные от одного и того же корня разными способами словопроизводства [Панин, 1995, с. 138], либо с использованием различных словообразовательных аффиксов. К собственно словообразовательным вариантам примыкают варианты, представляющие «противопоставление сложного слова и словосочетания с тем же значением» [Панин, 1995, с. 139], которые тоже будут рассматриваться в

соответствующих разделах [Блинова, 1966, с. 11]. Лексико-словообразовательные варианты также, как правило, возникают в процессе редактирования текста перевода по оригиналу в результате переосмысления редакторами структурно-семантических соответствий греческого и славянского текста. Наконец, стилистическими вариантами мы будем считать такие лексические и лексико-словообразовательные варианты, введение в текст которых связано со стилистическими задачами, которые ставил перед собой переводчик или редактор, стремившийся воспроизвести в переводе поэтическую структуру оригинала.

Выводы:

1. Лингвотекстологический метод, основные принципы которого были разработаны на основе исследования других памятников традиционного содержания, может быть с успехом применен и к анализу гимнографического материала, однако при условии, что объектом исследования будут не гимнографические сборники, но конкретные гимнографические тексты. Последнее обусловлено тем, что в состав одного сборника могли входить тексты с разной текстологической историей, а конкретный его список мог содержать отдельные тексты разных редакций.
2. Важность проведения предварительных этапов лингвостилистического анализа, включающих в себя типологическое и текстологическое исследование конкретного гимнографического текста, на основе которого выделяются его основные редакции и традиции, особенно велика при изучении исторических изменений, происходящих на словообразовательном и лексическом уровнях языка, поскольку появление собственно лексических и лексико-словообразовательных разночтений, как правило, связано с сознательным редактированием текста.

3. Перспективным представляется применение лингвостилистического метода в области исторической стилистики, до настоящего времени основывавшей свои выводы на наблюдениях за синхронными срезами языка. Изучение диахронных изменений, происходящих в стилистической и поэтической структуре одного переводного произведения от редакции к редакции и от списка к списку может выявить особенности рецепции художественно-изобразительных средств передающего языка в принимающем и механизмов формирования в нем собственной стилистической системы на основе творческого межъязыкового переосмысления иноязычного наследия. Переводные гимнографические тексты представляют уникальный материал для данного исследования благодаря своей поэтической природе и существованию многочисленных редакций, позволяющих проследить за «жизнью» текста перевода на широком временном срезе.

ГЛАВА 2.2.

ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

2.2.1. Лексическое заимствование или славянское соответствие: лингвотекстологический анализ особенностей использования в принимающем языке лексем исходного языка

Текст любого перевода может быть рассмотрен как пограничное явление в области пересечения двух языковых систем и как пространство диалога между исходным и принимающим языком. С одной стороны, исходный текст как овеществленная форма определенного языка и культуры накладывает свой отпечаток на перевод, который всегда стремится к максимально возможной в различных языковых системах идентичности с ним. С другой стороны, перенос текста в пространство другого языка предполагает его перекодировку и интерпретацию в языковых категориях принимающего языка, становясь одним из основных способов расширения данного языка путем языковой и культурной адаптации привнесенной извне информации.

На лексическом уровне указанная диалогичность перевода и совмещение в нем элементов и характеристик исходного и принимающего языка и культуры проявляется, в частности, в использовании для обозначения слов исходного языка как неперевоенных заимствованных лексем, так и максимально семантически близких к ним в принимающем языке лексических соответствий. Известно, что на начальных этапах развития славянской книжности, когда параллельно с переводом культуруобразующих византийских текстов происходило и формирование церковнославянского языка как языка культурного и языкового переноса, использовались оба указанных способа [Верещагин, 1982а, с. 31 – 39]. Анализ соотношения между ними, а также факторов, влиявших на их выбор, позволяет не только глубже понять технику

первых славянских переводчиков, но и яснее представить процессы образования и развития лексики церковнославянского языка.

Существование лексических вариантов разноязычного происхождения в переводных церковнославянских текстах неоднократно отмечалось специалистами по палеославистике и исследовалось в различных аспектах: как средство хронологизации и локализации различных переводов и редакций [Славова, 1989, с. 117 – 119; Пентковская, 2009b; Пичхадзе, 1998; Црвенковска, 2018], как имманентная характеристика переводческой техники первоучителей славян и их последователей [Верещагин, 1972b, с. 6 – 15; Шьоберг, 1980, с. 37 – 42; Чернышева, 1994, с. 101 – 103], с точки зрения различий способа номинации и функционально-семантических особенностей заимствованной лексики [Крутова, 2009, с. 106 – 109; Ефимова, 2012, с. 139 – 140] и роли заимствований в формировании лексики церковнославянского и русского языка [Фасмер, 1909, с. 2 – 4]. В работах последних лет было убедительно показано, что так называемые «двуязычные дублеты» сознательно вносились в текст многими славянскими переводчиками в качестве способа этимологизации слов [Чернышева, 1994, с. 106]. Однако изучение грецизмов и прочих слов иноязычного происхождения, пришедших в славянский язык через греческий, как правило, проводилось на материале Евангельских [Славова, 1989, с. 23 – 25; Верещагин, 1972b, с. 7 – 10], богословско-исторических [Чернышева, 1994, с. 97 – 107] либо гомилетических текстов [Долгушина, 2015, с. 694 – 701], гимнографические же источники для систематических исследований по данному вопросу не привлеклись либо исследовались только по отдельным спискам [Црвенковска, 2006, с. 72 – 74; Црвенковска, 2010a, с. 51 – 55]. Вместе с тем, как мы уже указывали выше, переводная славянская гимнография, регулярно исправлявшаяся по греческим спискам, дает нам богатый материал для лингвотекстологического исследования с целью выявления как времени и места внесения тех или иных лексических вариантов, так и факторов, повлиявших на их появление. Помимо этого, особое внимание, которое уделяли церковнославянские книжники достижению максимальной

идентичности в плане как содержания, так и формы переводов гимнографических текстов их оригиналам вследствие их двойственной – сакральной и поэтической – природы, позволяет исключить фактор случайности при выборе тех или иных лексем при переводе или исправлении текста.

Предметом данного исследования были лексические варианты разноязычного происхождения в списках XII – XV в. анализируемых в работе произведений. Появление подобных вариантов связано с разной степенью влияния исходного языка на язык принимающий. Таким образом, для исследования привлекались только те заимствованные слова из языка-источника (грецизмы и гебраизмы), на месте которых, по крайней мере, в одной из редакций использовались славянские соответствия. Под славянскими соответствиями мы понимаем как исконно славянскую лексику, так и адаптированные в славянском языке в рассматриваемый период лексемы иноязычного происхождения, воспринимаемые книжниками как неотъемлемый компонент системы принимающего языка в противовес неадаптированным иноязычным элементам из языка-источника.

Из четырех анализируемых произведений триодного цикла отмеченные варианты были выявлены только в трех: в Акафисте Богоматери, в Великом каноне и в Антифонах Великой Пятницы.

В целом в рассмотренных трех произведениях было выявлено 17 двухчленных или трехчленных групп двуязычных вариантов, список которых с указанием отдельных рукописей, а также традиций или редакций, рассмотренных по показательным спискам (см. глава 1 данной части) и характерных контекстов приводится ниже.

1. ἀλάβαστρον: алавастръ - стъкланица

ВК (8: 17): алавастръ Серб.; Загреб.; Шафар.

стъкланица РТ; Орбел.; ЕТ; АТ; РГБ 25, Ф.п. I. 55

слъзѣ спасе алавастръ акѣ миро разливаю тебѣ на главоу (Серб.)

слъзною спасе стькланицю акѣ миро изливаю тебе (Синод. 319)

ВК (9: 18): алавастръ Битол.; Серб.; Загреб.; Шафар.; РТ.

стьклѣница Орбел.; Еверг.; АТ; РГБ 25; Ф.п. I. 55

ѣже тѣ възать алавастръ мира со слъзами мажаше нозъ гѣи (Битол.)

ѣже приемъше мира стькланицѣ со слъзами помаза нозѣ спасовѣ (Син. 23)

ѣже възать мира стькланицю съ слезами мажаше нозѣ х̄с̄ (РГБ 25)

Первые славянские переводчики оставили данное слово (алавастръ - “узкогорлый металлический сосуд, употреблявшийся для хранения ароматов” [Срезневский, 1958, т. 1, с. 14]), обозначавшее неизвестную для славян реалию, без перевода. В последующих редакциях грецизм изменяется на неточное славянское соответствие стьклѣница - славянский дериват от заимствования из готского языка на праславянском этапе [Фасмер, 1987, т. 3, с. 752 – 753], согласно словарю И. Срезневского “стеклянный сосуд, вообще сосуд” [Срезневский, 1958, т. 3, с. 585]. Начало данного процесса, по-видимому, связано с Преславской справой, что соответствует наблюдениям, сделанным Т. Славовой на основе Евангельского текста [Славова, 1989, с. 25], однако в гимнографии он проводится непоследовательно и завершается только после проведения Афонской справы.

2. δηνάριον: динарь - пѣназь - серебряникъ

Ан (4: 3): динарь Серб.; Киян.; Шафар.

пѣназь РТ; Загреб. ; ЕТ

серебряникъ АТ

да не тако рабъ все҃димъ са немилостивно за динарь (Шафар.)

да не тако рабъ все҃дим се немлстивзи пѣнезь ради (Ф.п.І.92)

да не тако рабъ все҃дим са не милостивзних сребръникъ ради (Синод. 138)

Данное слово, не переведенное в первых редакциях, в процессе Преславской sprawy заменяется на славянское соответствие, которое использовалось не только для обозначения конкретной римской денежной единицы, но и денег вообще [Срезневский, 1958, т. 2, с. 1785]. Интересен контекст Орбельской триоды с совмещением обоих разноязычных вариантов, видимо, возникший при компилировании текста: да не тако раби все҃дим са немлстивно пѣназа динарь.

Неточный перевод сребръникъ (ἀργύριον – “серебряная монета” Афонской редакции [Срезневский, 1958, т. 3, с. 480]), вероятно, связан с развитием у слова устойчивых отрицательных коннотаций.

3. δραχμή: драгъма (драхъма) – мѣра

ВК (2:1:21): мѣра Серб.; Шафар.; РТ.; ЕТ

драгъма Загреб.; Орбел.; АТ; Ф.п. І. 55; РГБ 25

нь тако древле мѣръ спасе вбрати ме (Серб.)

е҃же тако древнаѣ драгмѣ и поискавъ вбратиши (Орбел.)

е҃же тако иногда драгмѣ възыскавъ вбратиши (Ф.п. І. 55)

ВК (6:15): мѣра Серб.; РТ.; ЕТ

драгъма Шафар.; Загреб.; Орбел.; АТ; Ф.п. І. 55; РГБ 25

азъ есмь юже христе погоуби прѣже цсарьскою мѣроу (Синод. 319)

азъ есмъ спасе ꙗже погꙋбилъ еси црѣская драхмѣ (Син. 23)

Неточное славянское соответствие, предложенное в качестве перевода первыми славянскими книжниками (ср. значения “размер, мера, мерка”, выделяемые И. Срезневским [Срезневский, 1958, т. 2, с. 242]), по-видимому, осталось непонятным в данном контексте для читателя, о чем свидетельствуют многочисленные ошибки писцов (например, нь ꙗко дреꙋле спасе мироꙋ възыскавъ вбрецише ме (НБС 644)). Замена данного слова на заимствование, отмеченное в части южнославянских списков, завершается на этапе Афонской справки. В рассмотренных источниках не зафиксирован вариант мѣдъница, отмеченный Т. Славовой в Евангелие [Славова, 1989, с. 45].

4. Ἑβραῖος: евреи – жидъ

Ан (3:1) (τῶν Ἑβραίων) еврейскыѣ Серб.; Киян.; Шафар.; РТ; Загреб.; АТ

жидовскыѣ ЕТ; Орбел.

осана ти възпиахоꙋ дѣти еврейскыѣ (Киян.)

осанна ти възпиахѣ дѣти жидовскыѣ (Орбел.)

Ан (11:3) жидъ Серб.; Киян.; Шафар.; РТ; Загреб.; ЕТ; Орбел.

евреи АТ

ни каменеі ꙗгда распадеса жидови прѣтрьпѣша (Загреб.)

ни каменеі ꙗко распадеса евреѣ не звѣршѣ (Син. 24)

Несмотря на то, что лексема жидъ также была иноязычного происхождения (согласно М. Фасмеру, итальянское заимствование через балканороманское посредничество), в рассматриваемую эпоху она уже воспринималась как факт

славянского языка [Фасмер, 1987, т. 2, с. 53]. Наличие сходных вариантов зафиксировано и на гомилетическом материале [Долгушина, 2015, с. 698].

5. Ἐδὲμ: едемъ – рди

ВК (1:6) рди Серб.; Загреб.; РТ; ЕТ

едемъ Орбел.; АТ; Ф.п. I. 55; РГБ 25

Достоино из рана изгнанъ възхъ (Загреб.)

Достоино изъ едема изгнанъ възхъ (Орбел.)

по достоанию съ едема прѣдизврженъ възхъ (Ф.п. I. 55).

Замена славянского варианта ранних редакций на заимствование, закрепленное Афонской справой, вероятно, была вызвана необходимостью разделения на лексическом уровне славянских соответствий греческим лексемам Ἐδὲμ и παράδεισος. Отметим, что лексема παράδεισος в греческом языке имела более широкую семантику и лишь в одном из своих значений “сад, в который Бог поселил прародителей человеческого рода” [Lampe, 1961, с. 1010 – 1013] была синонимична имени собственному Ἐδὲμ. В отличие от Ἐδὲμ, греческая лексема παράδεισος во всех рассмотренных редакциях переводится как рди (см., например, ВК (9:12): μετ’ ἐμοῦ ἔσθῃ ἐν τῷ παραδείσῳ - со мноѡ вѣдѣши въ рди (Орбел.)).

6. εἰδωλον: идолъ – коумиръ

Ак (11) идолъ Серб.; Шафар.; Орбел.; Загреб.; АТ; Ф.п. I. 55; РР

коумиръ РТ ; ЕТ,

идолзи соущее спасъ ни въ чтоже възити крѣпость ихъ створи (Серб.)

коумири бо его спасе не терпацие твоеѣ крѣпости падоша (Соф. 84)

идоли бо его спсе не тръпаще твоеа крѣпости падоша (Сол. 781)

Замена заимствования на славянское соответствие, произошедшее на этапе Преславской sprawy, не закрепилось затем в данной традиции.

7. ἱερέυς: ієреи – священникъ – сватитель

Ак (23) ієреи РТ.; ЕТ²⁵; РР

священникъ АТ; Ф.п. I. 55

радзиса похвало чьстнаа иєрѣвомъ бл҃гобоюзнивзимъ (Соф. 84)

радзиса похвало чьстнаа сцѣнікомъ бл҃гоговѣиннзимъ (Син. 23)

радзиса чьстнаа похвало ієрѣвомъ бл҃гоговѣиннзимъ (Сол. 781)

ВК (1:15) ієреи Серб.; Шафар.; Орбел.; РТ.; ЕТ; РГБ 25

священникъ АТ; Ф.п. I. 55

иєрѣи ма прѣже видѣвъз мимо иде (Синод. 319)

сцѣникъ ма прѣдвидѣвъз мимо идее (Син. 23)

иєрѣи ма прѣже видѣ мимо иде (РГБ 25)

ВК (3:2:13)

сватитель (сватъ) Серб.; Шафар.; Загреб.; ЕТ; РГБ 25

ієреи Орбел.

священникъ АТ ; Ф.п. I. 55

ститль бжїиа и цр҃а єдино҃го х҃во подобие соуща҃го въ мироу (Серб.)

²⁵ В остальных ранних списках данная лексема пропущена.

иерѣа божиа црѣъ вѣзвѣша хѣво подобие въ мирѣъ (Орбел.)

сцѣеника и црѣъ хѣво подобие иже въ мирѣъ (Син. 23)

сцѣеника оудѣинена бжѣиа црѣа хѣво подобие еже в мирѣъ (Ф.п. I. 55)

ѣтла бѣа и единого хѣво подобье в мирѣъ (РГБ 25)

В ранних редакциях и РГБ 25 переводчики стремятся разделить на лексическом уровне обычных священнослужителей (грецизм иерѣи) от «священника Бога Всевышнего» (Евр. 7:1) царя Мелхиседека (святитель). На этапе Афонской sprawy оба варианта объединяются в славянском священникъ. Эта же замена ранее на этапе Преславской sprawy проходит в Евангельских текстах [Славова, 1989, с. 57].

8. Ἰουδαῖος: иудеи – жидъ

Ан (3:7) иудеи Шафар.; Киян.; Загреб.; РТ; Орбел.; АТ

жидъ ЕТ

искаахъ иудеи оубити тл (Киян.)

искахоу те жидове на оубиение (Ф.п. I. 92)

Потребность к различению в церковнославянском языке соответствий двум разным лексемам греческого языка Ἰουδαῖος и Ἑβραῖος (см. № 4) привело к закреплению в церковнославянском языке грецизма иудеи [Фасмер, 1987, т. 2, с. 145] в противовес варианту (адаптированному заимствованию) жидъ, регулярное употребление которого в Евангельских текстах Т. Славова связывает с Преславской справой [Славова, 1989, с. 59 – 62].

9. καταπέτασμα: катапетазма – шпона (запона) – завѣса

Ан (10:1): *шпона* (*запона*) Серб.; Киян.; Шафар.; Орбел.

катапетазма РТ; Загреб.; ЕТ

завѣса АТ

тогда *запона* црковнаа раздра са (Орбел.)

тзгда катапетазма црковнаа распадеса (Воскр.)

тогда завѣса црковна раздра са (Син. 24)

Ан (11:3): *шпона* (*запона*) Серб.; Шафар.

катапетазма РТ; Загреб.; Киян.; Орбел.; ЕТ

завѣса АТ

ни каменеие негда распадеесе жидовъ прѣпрѣше ни црковнаа *шпона* (Серб.)

ни каменеие негда распадееса жидови прѣтрѣпѣша ни церковна катапетазма (Загреб.)

ни каменеие тако распадееса евреѣ не звѣршѣ ни црковнаа завѣса (Син. 24)

Ан (12:2): *шпона* (*запона*) Шафар.; Орбел.

катапетазма Киян.

завѣса РТ; Загреб.; ЕТ; АТ

днес црковна *запона* распаде са на обличение безаконьныхъ (Орбел.)

днесь црковнаа катапетазма на обличение раздра са безаконникомъ (Киян.)

дньсь црковнаа завѣса на обличение распаде са безаконникомъ (Воскр.)

Выбор между данными тремя синонимами [Срезневский, 1958, т. 1, с. 938] на ранних этапах был сделан в пользу славянского соответствия *шпона* (*запона*)

(“*занавес*” [Фасмер, 1987, т. 2, с. 79]), в Преславской редакции – в пользу

грецизма катапетазма, Афонская же редакция отдает предпочтение другому славянскому слову *завѣса*. Интересно, что евангельский материал дает нам противоположную картину – там заимствование катапетазма в Преславских редакциях исправляется на *запона/ завѣса* [Славова, 1989, с. 62].

10. *κρατήρ*: чаша – кратиръ

чаша Серб.; Шафар.; Орбел.; РТ; ЕТ; АТ

кратиръ РГБ 25

чашоу сию намъ црѣски оустави изъ ребръ твоихъ жизнѣдавнѣихъ (Шафар.)

чашоу црѣквь стажавше ребра твоа живоноснѣа (Син. 23)

кратироу црѣкѣ стажа ребръ твоихъ жизнѣноснѣихъ (РГБ 25)

Заимствование на месте славянского соответствия появляется только в относительно поздней «периферийной» редакции РГБ 25. Возможно, данная лексическая замена связана с терминологизацией грецизма *кратиръ*, изначально имевшего общее значение “*бокал, кружка, чаша*” [Срезневский, 1958, т. 1, с. 1319] в значении церковного сосуда для Святого Причастия [Дьяченко, 1993, с. 268].

11. *μύρον*: *μυρο* / миро – масло

Великий Канон (9:18): *масло Загреб.*

μυρο / миро Битол.; Серб.; Шафар.; Орбел.; РТ; ЕТ; АТ; Ф.п. I.

55; РГБ 25

ѣже въземши масло алавастрѣно со слъзми помаза нозѣ (Загреб.)

ѣже възьмѣтъ *μυρο* въ алавастрѣ слъзми мажаше нозѣ хрѣ (Шафар.)

см. также примеры к ἀλάβαστρον (№1).

Для перевода греческой лексемы μύρον “ароматические вещества на основе оливкового масла” [Lampe, 1961, с. 889] большинство как ранних, так и более поздних редакций отдают предпочтение грецизму и точному семантическому эквиваленту μύρο [Срезневский, 1958, т. 2, с. 145] перед неточным славянским соответствием “масло деревянное, оливковое, елей, коровье масло” [Срезневский, 1958, т. 2, с. 113 – 114].

12. ὁμοούσιος: ѿмоисии – единосвѣцьнзи - прѣсвѣцьнзи - трипостаснзи

ВК (7: Т): ѿмоисии Загреб.

единосвѣцьнзи Серб.; Киян.; Шафар.; РТ; ЕТ; Орбел.; АТ

прѣсвѣцьнзи Ф.п. I. 55

трипостаснзи РГБ 25

трѣце проста и нераздѣчима ѿмоиси трѣстага (Загреб.)

трѣце проста и нераздѣльна единосоуцьна (Шафар.)

трѣце проста и нераздѣлима прѣсвѣца (Ф.п. I. 55)

трѣца проста нераздѣльна трипостасна (РГБ 25)

Заимствованный гапакс Загребской триоди, вероятно, восходящий к одной из ранних редакций перевода гимна (редакция 3), в прочих ранних списках заменяется на закрепившуюся в традиции славянскую кальку-комполит данного основополагающего для христианского богословия понятия. Однако в более поздних списках (Ф.п. I. 55 и РГБ 25) наблюдается тенденция неточного перевода данного термина, возможно, связанная с ошибками славянских писцов или разночтениями греческих списков.

13. Παράκλητος – параклитъ – оутѣшитель

ВК (8: Т): параклитъ Загреб.

оутѣшитель Серб.; Киян.; Шафар.; РТ; ЕТ; Орбел.; АТ; Ф.п. I. 55;

РГБ 25

Как и в предыдущем случае, грецизм встречается исключительно в Загребской триоди, на данном участке текста (Великий Канон, песни 2 – 9), как мы уже указывали выше, сохранившей не отраженную в других списках славянскую редакцию (редакция З), восходящую к начальным этапам славянской письменности [Борисова, 2016, с. 104 – 109]. Во всех прочих списках на его месте использовано славянское соответствие.

14. πορφύρα: порфира – багрѣница

Ан (15:1): порфира Серб.; Киян.; Шафар.; Загреб.; РТ; ЕТ; Орбел.

багрѣница АТ

въ лъжюѣ порфѣрѣ облачитъ сѧ облачѧ нѣса облакѣи (Киян.)

лъжноѣ багрѣницѣѣ облачит сѧ одѣваѣ и небо облакѣи (Син. 24)

В К (4:15): порфира Серб.; Орбел.; РТ.; ЕТ ; РГБ 25

багрѣница Загреб.; АТ

цѣрскимъ сѧномъ и вѣнцемъ и порфироѣѣ облѣченъ (Орбел.)

въ цѣрствѣ сѧ и вѣнци багрѣнициѣѣ облѣченъ сѣи (Загреб.)

цѣрскимъ сѧномъ помъ почтенъ и порфирою одѣвнъ (РГБ 25)

Только в Загребской триоди и Афонской редакции предлагается славянское соответствие для непереводаемого ранее грецизма со значением “пурпурная царская одежда” [Срезневский, 1958, т. 2, с. 1223].

15. σκηνή: скиния – сѣнь

ВК (2:1:19) скинина Серб.; Шафар.; Загреб.; РТ.; ЕТ; РГБ 25

сѣнь АТ; Ф.п. I. 55

оу҃трѣнее прѣзрѣвъ бл҃гообразноую скинину (Серб.)

взнѣтрѣнаѣ прѣзрѣвъ бл҃гообразнаѣ сѣнь (Син. 23)

внѣтрѣнюю прѣзрѣвъ бл҃гообразнѣю скинину (РГБ 25)

Вплоть до Афонской справки, а также в РГБ 25, славянские тексты сохраняют непереуведенный грецизм за единственнѣм исключеніем Орбелѣской триоди, где уникальное чтение: внѣтрѣнаѣ прѣзрѣхъ бл҃гообразнаѣ красотаѣ может быть объяснено как ошибкой переписчика, так и попыткой переводчика осмыслить и «ментализировать» символический смысл греческого текста.

16. τελωνης: телонь (фелонь) - мзитарь (митарь)

ВК (9:16): телонь (фелонь) Серб.; Шафар.; Битол.

мзитарь (митарь) Загреб.; РТ; Орбел.; ЕТ; АТ; РГБ 25

телонь спасаше са и блѣдѣница мѣдрѣше са (Битол.)

митара спѣши и блѣдѣники мѣдрѣше (Загреб.)

мзитарь спасеса блѣдѣница оуцѣломѣдриса (РГБ 25)

ВК (9:17): телонь (фелонь) Серб.; Шафар.; Битол.

мзитарь (митарь) Загреб.; РТ; Орбел.; ЕТ; АТ; РГБ 25

закъхеи фелонь бѣ нѣ вбаче спѣсе (Серб.)

закъхеи мзитарь бѣ нѣ вбаче спѣсе (Син. 23)

Вновь в истории церковнославянского языка славянскому соответствию мзитарь (адаптированному заимствованию либо славянскому деривату от

древневерхненемецкого *mîta* “пошлина” [Фасмер, 1987, т. 3, с. 25 – 26]) отдается предпочтение перед непереуведенным грецизмом *телонь* [Црвенковска, 2018, с. 46].

17. φιλόσοφος: философъ - прѣмѣдръзи - любупрѣмѣдръзи - любуомѣдрьць

Ак (17): прѣмѣдръзи Серб.; Шафар.

философъ РТ; Орбел.; ЕТ; АТ

любупрѣмѣдръзи Ф.п. I. 55

любуомѣдрьць РР

радзиса прѣмѣдрана прѣмѣдръзи показуюци (Серб.)

радзиса философъзи немѣдръзи являюци (Соф. 84)

радзиса любупрѣмѣдръзихъ непрѣмѣдръзихъ показуѣци (Ф.п. I. 55)

радзиса любуомѣдрьца немѣдръзи являюци (Сол. 781)

Неточное славянское соответствие, вероятно, было выбрано в ранних переводах с целью сохранения корневой паронимии-антитезы оригинала: χαῖρε, φιλοσόφους ἀσόφους δεικνύουσα. Восстановленный первый славянский перевод, вероятно, выглядел так: *радзиса прѣмѣдръзи непрѣмѣдръзи показуѣца. Справщики Преславской и Афонской редакции возвращаются к греческому слову как терминологически более точному. Наконец, в более поздних южнославянской и восточнославянской редакции предпочтение отдается кальке-неологизму, составленному из славянских корней, что позволяет восстановить паронимию-антитезу.

Подведем итог. Анализ лексических вариантов разноязычного происхождения показал осознанный подход славянских книжников к вопросу включения в текст переводов лексики иноязычного происхождения. В целом, ее

количество достаточно ограничено, обусловлено отсутствием в принимающем языке обозначений для неизвестных ранее славянам культурных реалий и сокращается от редакции к редакции (в десяти из семнадцати рассмотренных случаев вариантности справщики изменяют грецизмы первых переводов на исконно славянские лексемы). Однако в четырех случаях, напротив, славянское соответствие было заменено справщиками более поздних редакций на непереуведенное слово оригинала. Причинами данной замены могли быть излишняя широта семантики славянского слова, его неточное соответствие лексеме исходного языка, «детализация понятия признака посредством разграничения смысловых и функционально-стилистических оттенков» [Крутова, 2009, с. 107] (δραχμή – мѣра, φιλόσοφος – прѣмѣдръзи), а также необходимость разделения на лексическом уровне церковнославянских соответствий словам и понятиям греческого языка (Ἑδὲμ: едѣмъ / παράδεισος: рай; Ἰουδαῖος: иудеи / Ἑβραῖος: евреи (в отличие от употребленного в ранних редакциях для перевода обеих греческих лексем также заимствованного, но уже адаптированного в рассматриваемый период в языке слова жидъ)), вызванная стремлением к достижению пословной корреляции языка оригинала и перевода [Чернышева, 1994, с. 100 – 101].

В целом, результаты нашего исследования не свидетельствуют о сознательном стремлении славянских книжников к вариативности перевода. Различные переводы одних и тех же греческих лексем мы встречаем, как правило, в контаминированных традициях, где они, вероятно, восходят к разным источникам. Вместе с тем, встречаются случаи использования для одной лексемы исходного языка различных соответствий в системе языка принимающего в зависимости от контекста (ἱερέυς: иереи – сватитель). Лишь на этапе Афонской справки мы можем говорить об однозначном стремлении редакторов к пословному (*verbum de verbo*) соответствию обоих языков, то

есть к закреплению за каждой лексемой греческого языка постоянного славянского эквивалента. Таким образом, несмотря на сокращение числа лексических заимствований в текстах, греческий язык продолжал оказывать влияние на лексику церковнославянского языка, но уже на другом – системном – уровне.

2.2.2. Лексический аспект переноса в церковнославянский язык абстрактных понятийных категорий византийской православной культуры: лингвотекстологический анализ особенностей перевода на церковнославянский язык лексем тематического поля «красота» (на материале списков Великого покаянного канона Андрея Критского)

Византийско-славянский культурный и языковой перенос привел к созданию не только целых групп новой лексики, но и новых понятийных категорий, новых пластов культуры. Анализируя историю перевода византийских текстов на церковнославянский язык, мы наблюдаем за постоянными поисками поколений славянских книжников точных соответствий для сложных понятий византийской мысли и культуры. С другой стороны, каждый перевод – это одновременно и интерпретация с точки зрения принимающей культуры и принимающего языка. Лексические изменения, происходящие в переводе от редакции к редакции, могут быть рассмотрены как новые интерпретации, предложенные церковнославянским языком и культурой для основных понятий общего византийского православного наследия, и одновременно как показатели обогащения и развития лексики церковнославянского и русского литературного языка.

Данные процессы мы попытались проследить на примере изменений, происходящих с абстрактной лексикой, связанной с понятием красоты – одного из основных понятий духовного мира не только каждого человека, но и каждой культуры, переосмысляющей его с точки зрения своих ценностей и выражающей это отношение в соответствующих словах. Греческая культура предлагает для этого понятийного пласта термины κάλλος, το ωραίον и

εὐκοσμία, причем на разных этапах греческой культуры меняются как коннотации значений данных слов, так и соотношение между ними.

В христианской культуре понятие κάλλος обозначает вневременную совершенную красоту [Τριαντάρη-Μαρά, 2002; Σταμούλης, 2004, с. 135-159], свойство и одно из имен Бога, которой человек обладал до грехопадения²⁶. В системе эстетических ценностей это однозначно положительный полюс, отдаление от которого означает удаление от Бога²⁷ [Σταμούλης, 1993, с. 142; Σταμούλης, 2004, с. 160 – 165]. Понятие το ωραίον описывают состояние человека после грехопадения - это временная, земная красота, которая может приобретать как положительные, так и отрицательные коннотации: с одной стороны, в иерархической христианской гносеологической системе она символизирует Божественную красоту и может стать способом приближения к ней, с другой стороны, абсолютизируясь, может, напротив, отвратить человека от Божественной красоты и приковать его к чувственному миру. Византийская книжность балансирует между принятием и неприятием и отвержением земной красоты, и соответствующие слова могут использоваться либо как синонимы, либо как антонимы в зависимости от личности писателя и его художественных целей. Говоря о сложностях в восприятии красоты в византийской культуре, В.В. Бычков указывал, что «византийским книжникам были свойственны постоянные колебания от принятия земной красоты (прекрасного) к отказу от нее и обратно, доходящие на уровне культуры в целом до своеобразной антиномии красоты – ее одновременного восхваления и порицания, принятия и неприятия» [Бычков, 1999, т. 1, с. 293].

Одним из гимнографических произведений, наиболее показательным отразившим эти семасиологические отношения, был Великий покаянный канон

²⁶ См. определение понятия κάλλος, данное Дионисием Ареопагитом: «Τὸ δὲ ὑπερούσιον καλὸν κάλλος μὲν λέγεται διὰ τὴν ἀπ' αὐτοῦ πᾶσι τοῖς οὖσι μεταδιδόμενον οἰκείως ἐκάστῳ καλλονήν, καὶ ὡς τῆς πάντων εὐαρμοστίας καὶ ἀγλαΐας αἴτιον...», *Περὶ Θεῶν Ὀνομάτων* 4, 7. G. Migne. *Patrologiae Cursus Graecae*, 3.701C.

²⁷ Ср. высказывание по этому поводу св. Кирилла Александрийского: «Ἀλλὰ ἠφάνισεν τῆς θεοειδοῦς εἰκόνας τὸ κάλλος ἢ ἁμαρτία, καὶ ῥύπου μεστὸν τὸ λαμπρὸν τῆς ἀνθρωπότητος πρόσωπον ἀπέφηνεν ὁ Σατανᾶς»..

Андрея Критского, точнее, его вторая песнь, описывающая тоску человеческой души по утраченной первозданной красоте и ее попытку разорвать узы, связующие ее с чувственной красотой и земным миром.

В греческом оригинале данной песни лексема κάλλος встречается в двух местах в следующих контекстах для обозначения высшей красоты, источника жизни и спасения, потеря которой означает разрыв связи человеческой души со своим Создателем:

1a – ВК (2:1:11)

Ἀπόλεσα τὸ πρωτόκτιστον κάλλος
καὶ τὴν εὐπρέπειάν μου·
καὶ ἄρτι κεῖμαι γυμνός,
καὶ καταισχύνομαι.

1б – ВК (2:1:21)

Κατέχρωσα τῆς πρὶν εἰκόνοσ τὸ κάλλος,
Σῶτερ, τοῖς πάθεσιν·
ἀλλ' ὡς ποτε τὴν δραχμὴν
ἀναζητήσας εὐρέ.

Однокоренные и близкие по значению лексемы ὠραῖον - ὠραιότητα встречаются в каноне три раза в следующих контекстах:

2a – ВК (2:1:6)

Ἡμαύρωσα τῆς ψυχῆσ τὸ ὠραῖον
ταῖс τῶν παθῶν ἡδοναῖс,
καὶ ὅλωс ὅλον τὸν νοῦν
χοῦн ἀπετέλεσα.

2б – ВК (2:1:9)

Προσέβλεψα τοῦ φυτοῦ τὸ ὠραῖον,
καὶ ἠπατήθην τὸν νοῦн·
καὶ ἔνθεν κεῖμαι γυμνός,
καὶ καταισχύνομαι.

2в – ВК (2:1:20)

Μορφώсασ_μου τὴν τῶν παθῶν ἀμορφίαν,
ταῖс φιληδόνοис ὄρμαῖс
ἐλυμηνάμην τοῦ νοῦ

τὴν ὠραϊότητα.

Из приведенных выше контекстов очевидно, что данные лексемы обозначают красоту души или ума человека и занимают в иерархии эстетических понятий более низкое место в сравнении со словом κάλλος. На это указывает и употребление данного слова с отрицательными коннотациями в контексте 2б для обозначения греховной красоты дерева. Одновременно отметим в контексте 2в два родственных слова с противоположным значением из той же тематической группы: μορφῶ και ἀμορφία. Оба слова в данном контексте употреблены с отрицательными коннотациями.

Наконец, исключительно с отрицательными коннотациями употребляются в тексте слова εὐκοσμία (1 раз) и родственный глагол κοσμῶ (1 раз) для обозначения внешней греховной красоты человеческого тела. Данные слова в поэтической системе гимна становятся антонимами слова κάλλος.

3а – ВК (2:1:18)

Ἐκόσμησα τὸν τῆς σαρκὸς ἀνδριάντα
τῆ τῶν αἰσχυρῶν λογισμῶν
ποικίλη περιβολῆ
καὶ κατακρίνομαι.

3б – ВК (2:1:19)

Τῆς ἔξωθεν ἐπιμελῶς εὐκοσμίας
μόνης ἐφρόντισα,
τῆς ἔνδον ὑπεριδῶν
θεοτυπώτου σκηνηῆς.

Теперь сопоставим церковнославянские переводы вышеуказанных лексем в списках XII – XV вв. Поскольку вторая песнь Великого канона из наиболее раннего, в соответствии с проведенным выше текстологическим анализом, славянского перевода из *Битол.* не сохранилась, начнем лингвотекстологический анализ с редакции А, рассматриваемой по показательному списку *Серб.* Приведем здесь соответствующие

рассмотренным выше греческим церковнославянские контексты данной редакции:

1а.

погоуѣихъ прьвозданноую красоту и добротѣние свое
и тѣмъ лежоу нагъ и срамынъ бѣихъ

1б.

посѣпахъ прьвзѣе въбразу иконѣ доброту спсе стѣтми
нъ тако древле мѣрѣ спсе въреци ме

2а.

омрачихъ дешевноую красоту въ страстехъ плътнѣихъ
и въсь оумъ wskврънави хъ зѣло

2б.

оузрѣхъ садовноую красоту и прѣльстихъси оумъ
и тѣмъ лежоу нагъ и срамынъ бѣихъ

2в.

въвъбразивъ страстнѣимъ нелѣпиемъ сластнолюбивѣими красотами
изискахъ си оумѣ красотѣнѣи видѣ

3а.

образъ си оу красихъ плътнѣи въ нечистѣихъ страстехъ
и разоумноуѣ wсоудихъ се

3б.

прилѣжно вънѣшнее красотѣи единъ възискахъ
внотрѣнее прѣзрѣвъ бговъбразноую скиннию

Нетрудно убедиться, что для перевода трех различных греческих лексем в абсолютном большинстве случаев в данной редакции используется слово красота либо словосочетание с однокоренным прилагательным красотѣнѣи видѣ, а также родственный глагол оуукрасити. Один раз (1б) греческая лексема κάλλος переводится церковнославянским словом доброта. Выбор в другом случае (1а) для перевода того же слова лексемы красота, вероятно, объясняется наличием

уточняющего прилагательного *πρῶζδαννάα*, а также присутствием в пределах ограниченного контекста слова *δωβροῦπνε* для перевода греческого *εὐπρέπεια*.

Интерес представляет и перевод при помощи той же лексемы (красота) греческого слова с отрицательными коннотациями *ὀρμη* в контексте 2в. Родственные слова *μορφῶ* и *ἀμορφία* переводятся церковнославянскими словами без этимологической близости. Недостаток лексических средств для передачи сложных понятий греческого текста, связанных с небесной и земной красотой, частично покрывается за счет использования поясняющих прилагательных, придающих существительному положительную (*пръвозданноую, дѣшевнуюю*) либо отрицательную (*вънѣшнее, плѣтънѣ, сластнолюбивѣзми, садовноую*) коннотацию.

Посмотрим теперь, как отразились исправления текста Великого канона, произошедшие в процессе редактирования славянской триоди постной в последующие пять веков, на переводе слов интересующей нас тематической группы. В таблице 6.1. даны славянские соответствия греческим лексемам из приведенных выше контекстов по показательным спискам.

Таблица 6.1. Перевод анализируемых лексем в ранних (до XIV века) церковнославянских редакциях Великого канона по показательным спискам.

Номер контекста	Греческий оригинал	Редакция А (Серб.)	Редакция З (Загреб.)	Гимовская редакция (Синод. 319)	Хлудовская редакция (Хлуд. 133)
1а	κάλλος	красота		красота	красота
1б	κάλλος	доброта	доброта	доброта	доброта
2а	ὠραῖον	красота		красота	
2б	ὠραῖον	красота		красота	красота
2в	ὠραιότητα	красотѣнѣ видѣ	(оумь) красенѣ	красота	красота
	ὀρμη	красота	похоти	красота	стрѣмление
	μορφῶ	въвѣразити	доброта	оуокрасити	оуокрасити

	ἀμορφία	нелѣпие	недобро	нелѣпие	безъобразие
3а	κοσμῶ	оуѣрасити	оуѣрасити	оуѣрасити	оуѣрасити
3б	εὐκοσμία	красота	красотѣ	красота	красота

К сожалению, мы не располагаем полными сведениями относительно редакции 3, сохранившейся в одном списке *Загреб.* с лакунами, касающимися данного отрезка текста. С другой стороны, ни в одном из списков Хлудовской редакции не сохранился тропарь с контекстом 2а. Отметим также, что в данной редакции в переводе контекста 3б появляется еще одно слово *красота* для передачи греческого σκηνή. Таким образом, в данном тропаре слово *красота* употреблено два раза:

вѣнѣшнаѣ красотѣ прилежаниемъ нинѣ не попекохъса

вѣнѣтрнѣа прѣвзрѣхъ вобразнѣѣ красотѣ

Проанализированные выше данные однозначно свидетельствуют о том, что вплоть до XIV века церковнославянский язык не обладал разделением на лексическом уровне понятий земной и небесной красоты, используя для перевода обоих греческих слов одно славянское слово *красота*. Кроме того, то же слово или родственные ему использовались и для перевода других греческих лексем, в частности: εὐκοσμία (κοσμῶ), μορφῶ, ὄριή и σκηνή. Очевидно, что отсутствие в церковнославянском языке терминологического аппарата для передачи сложных понятий греческой эстетической мысли в значительной степени разрушало образную структуру гимна. Церковнославянское слово *доброта* используется без терминологической четкости для перевода греческих слов κάλλος (наряду с *красота*) и слов с корнем μορφ-. Приведем, в частности, перевод контекста 2в (ВК (2:1:20)) из *Загреб.*:

добротами страстнаго та недобра бзистъ похотми писана

и погибаетъ ми оумъ красень

Итак, в рассматриваемый период лексема доброта в церковнославянской гимнографии не имеет четкого терминологического значения и используется как синоним слов красота и вбразъ.

Ситуация резко меняется в конце XIII – начале XIV века, когда на Афоне осуществляется масштабное и систематическое исправление всех богослужебных книг в связи с переходом на Иерусалимский устав. Одной из основных задач Афонской sprawy было объединение – точнее воссоединение – славянской и греческой духовных традиций, рассматриваемое в том числе и в языковом аспекте – как максимальное сближение понятийных аппаратов языков [Picchio, 1975, с. 161 – 171]. Наконец, нельзя забывать, что Афон в то время – это центр исихазма, уделявшего особое значение эстетическим – точнее, филокалийным, вопросам [Σταμούλης, 2004, с. 201 – 209; Бычков, 1999, т. 1, с. 304 – 314]. Таким образом, неудивительно, что именно Афонская справа привела к коренному пересмотру перевода рассматриваемых лексем. В связи с большим количеством внесенных изменений приведем рассматриваемые контексты из Афонской редакции полностью по показательному списку *Син.* 23:

1а.

погвбихъ пръвозданиѣѣ добротѣ и блгоуѣние мое
и ниѣ лежѣ нагъ и срамлѣѣса

1б.

погребохъ пръваго вбразѣ добротѣ спсе страстми
еже ѣко иногда драхмоу въззискавѣ вбрази

2а.

омрачихъ дешевнѣѣ красотѣ страстьнзими сластьми
и весь оумъ калъ сътвори

2б.

възрѣхъ на садовнѣѣ красотѣ и прѣльстихса оумомъ
и тѣмъ лежѣ нагъ и срамлѣѣса

2в.

ВЪВБРАЗИВЪ МИ СТРАСТНОЕ БЕЗЪВБРАЗНЕ ЛЮБОСЛАСТНЫМИ СТРЪМЛЕННИ
ПОГЪБИХЪ ВМНѢЖЪ КРАСОТѢ

3а.

ОУКРАСИХЪ ПЛЪТЪСКЪИ ВБРАЗЪ СКВЪРННЫМИ ПОМЪСЛЪИ
РАЗЛИЧНЫМЪ ВДѢЯНИЕМЪ И УСОУЖДАѢСА

3б.

ВЪНѢШНИМЪ ПРИЛЕЖНО БЛГОВКРАШЕНИЕМЪ ЕДИНѢМЪ ПОПЕКОУѢСА
ВЪНѢТРЪННѢ ПРѢЗРѢВЪ БЛГОВБРАЗИѢ СѢНЬ

Отметим, что впервые в церковнославянском языке формируется система эстетических понятий, точно отображающая систему понятий греческого гимна. В частности, наблюдаются следующие соответствия (таблица 6. 2):

Таблица 6. 2. Лексические соответствия исследуемых лексем в Афонской редакции

Греческий оригинал	Церковнославянский перевод Афонской редакции
κάλλος	ДОБРОТА
ὡραῖον/ὡραιότητα	КРАСОТА
κοσμῶ	ОУКРАСИТИ
εὐκοσμία	БЛАГОВКРАШЕНИЕ
μορφῶ	ВЪВБРАЗИТИ
ἀμορφία	БЕЗЪВБРАЗИЕ
ὄρμη	СТРЪМЛЕНИЕ
σκηνή	СѢНЬ

Совершенно справедливо исключив из данной тематической группы слова ὄρμη и σκηνή, афонский редактор находит для всех прочих греческих лексем тематического поля «красота» терминологические лексические соответствия, которые, начиная с этого момента, определяют всю дальнейшую церковнославянскую традицию. Особый интерес представляет лексическое разделение греческих понятий κάλλος и ὡραιότητα, которые со времени появления Афонской редакции переводятся различными славянскими лексемами доброта и красота соответственно. Отметим, однако, что в отличие от

греческого языка для слов $\acute{\omega}\rho\alpha\acute{\iota}\omicron\tau\eta\tau\alpha$ и $\epsilon\upsilon\kappa\omicron\sigma\mu\acute{\iota}\alpha$ были найдены пусть разные, но однокоренные церковнославянские соответствия *красота* и *благоукрашение*. Использование родственных слов отчасти меняет образную структуру текста. Если в греческом языке слово $\acute{\omega}\rho\alpha\acute{\iota}\omicron\tau\eta\tau\alpha$ занимает нейтральное место между словами $\kappa\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\varsigma$ и $\epsilon\upsilon\kappa\omicron\sigma\mu\acute{\iota}\alpha$, находящимися на положительном и отрицательном полюсе соответственно, в переводе общность корней слов *красота* и *благоукрашение* невольно сближает первое из них с отрицательным полюсом.

Именно этими терминами, вошедшими в церковнославянский язык с начала XIV века благодаря лингвистическим поискам афонских монахов, данный язык продолжает пользоваться до настоящего дня. Последующие две редакции, внося свои изменения в слова анализируемой тематической группы, не оказали существенного влияния на последующую церковнославянскую традицию. Так, в редакции РНБ 25, как видно из приводимых ниже анализируемых контекстов:

1а.

погъвихъ перевозданю добротъ и блгоуѣние мое
и оуже лежу нагъ и стъзжюа

1б.

погревохъ перваго образа добротъ спсе страстьми
нако древле драгмоу възискавъ обраци

2а.

омрачихъ дешевню красотъ стръстьми похотнъими
и весь оумъ переть створихъ

2б.

и оузрѣхъ садовню красотъ и прельстихса оумомъ
и тѣмъ лежу нагъ и срамленъ бзихъ

2в.

оу красивъ стръстнъимъ безъобразъем и сластолюбивами красотами
погасихъ оумню красотъ

3а.

оу красихъ плотнѣи образъ срамнѣими помѣслѣи
различою одежею и осоудихъса

3б.

внѣшная прилѣжно красотѣ единою вѣискахъ
внѣреннюю презрѣвъ бгообразнѣю скинию

сохраняется антитеза κάλλος – добротѣ / ὡραιότητα – красота, однако

теряется лексическое разделение понятий ὡραιότητα и εὐκοσμία,
сливающихся в славянском красота (см. контекст 3б), а также лексемы ὀρμη

(см. контекст 2в), по семантическим критериям в принципе не входящей в
данную семантическую группу. Другой особенностью редакции РГБ 25
является неразличение на лексическом уровне славянских соответствий
глаголам μορφῶ и κοσμῶ, сливающихся в один оукрасити, что приводит к

утрате паронимии-антитезы оригинала (μορφώσας – ἄμορφίαν) в контексте
2в. В целом, редакция РГБ 25, созданная, как мы уже указывали выше, под
сильным влиянием ранней восточнославянской традиции (Гимовской
редакции), не смогла достичь терминологической четкости при передаче слов
данной тематической группы.

С другой стороны, южнославянская редакция F. п. I. 55 не только сохраняет,
но и усиливает лексико-морфологическую дифференциацию славянских
соответствий лексемам рассматриваемой группы, как видно из приводимых
ниже контекстов:

1а.

изгвѣихъ прѣвосъзданѣ добротѣ и блгоуѣние мое
и нѣ лежѣ нагъ и стѣждѣ са

1б.

погревоухъ прѣваго вѣраза добротѣ спсе стрѣтми
еже яко иногда драгмѣ вѣзѣскавъ вѣрашеши

2а.

очрьнихъ дѣши красное стрѣсти и сластми

и весь оумъ пръстъ сътворихъ

2б.

погладахъ садъ краномъ и прѣльстихъса оумомъ

и ѿтѣдъ лежѣ нагъ и стъждѣса

2в.

въобразихъ мое стръстнеи бѣзъобразие любосластными
стръмленими

погъвихъ смъ красотѣ

3а.

оукрашихъ плътѣскаго идола гнѣсныхъ помъислъ

различноѣ ѿдеждеѣ и ѿсѣждахъ са

3б.

вънѣшнимъ прилежно блгъимъ оукрашеніемъ единъимъ попекохъса

вънѣтръннѣ прѣзрѣвъ блгообразованнѣ сѣнь

К уже существовавшей в Афонской редакции лексической дифференциации славянских соответствий греческим лексемам данной тематической группы добавляется еще одно соответствие: лексема ὠραιῶν (контексты 2а и 2б) переводится как красное для достижения морфологического соответствия и разделения лексемы с родственной и близкой по значению ὠραιότηα – красота (контекст 2в). С другой стороны, греческая лексема εὐκοσμία переводится славянским описательным оборотом благое оукрашеніе (контекст 3б). Однако и эти изменения, не отразившиеся, впрочем, на основной антитезе κάλλος – доброта / ὠραιότηα – красота, не повлияли на последующую традицию текста. Не только в южнославянском, но и в восточнославянском регионе все последующие редакции текста Великого канона (Киевская, Никоновская, современная церковнославянская) используют для передачи слов данной группы лексические варианты, предложенные афонскими справщиками.

Итак, при помощи лингвотекстологического метода нам удалось установить, что система эстетических терминов церковнославянского языка сформировалась к XIV веку. Именно в этой системе понятий с ее четким разделением – а иногда и противопоставлением – красоты земной и небесной и получает свое дальнейшее развитие славянская церковная эстетическая мысль [Дьяченко, 1993, с. 147, 268]. Однако необходимо отметить, что данная понятийная система не соответствовала лексической системе русского языка и так и не смогла полностью ассимилироваться в ней. Русский язык не принял данного противопоставления и продолжал использовать слово *доброта* в значении “отзывчивости, душевного расположения к людям”, оставляя за лексемой *красота* все значения, связанные с божественной, душевной и телесной красотой и соответствующие коннотации. Отметим, что во всех переводах Великого канона на русский язык слово *κάλλος* переводится как *красота*²⁸. Этот семантический сдвиг между языками иной раз приводит к неправильным истолкованиям церковнославянских слов. В качестве показательного примера приведем слова отца Павла Флоренского относительно перевода названия греческого сборника «Филокалия» как «Добротолюбие»: «Сборники аскетических творений, издавна называемые «Филокалиями», вовсе не суть Добротолюбие в нашем, современном, смысле слова. «Доброта» тут берется в древнем, общем значении, означающем, скорее, красоту, нежели моральное совершенство, и филокалия значит «красотолубие». Да и в самом деле, аскетика создает не «добротолюбивого» человека, а «прекрасного», и отличительная особенность святых подвижников – вовсе не их «доброта», которая бывает и у плотских людей, даже у весьма грешных, а красота духовная, ослепительная красота лучезарной, светоносной личности, дебелиму и плотскому человеку никак недоступная» [Флоренский, 1914, с. 98 – 99]. Одновременно, однако, эти различия, происходящие от отождествления, с одной стороны, и от дифференциации, с другой, от византийской культуры

²⁸ Ср. русский перевод Великого канона, выполненный митрополитом Никодимом Ротовым на сайте: www.pravmir.ru/velikij-pokayannyi-kanon-prepodobnogo-andreya-kritskogo-v-perevode-mitropolita-nikodima-rotova.

породили уникальный феномен понятия красоты и его сотерологической роли в русской литературе и религиозной философии XIX – XX вв.

2.2.3. Лингвотекстологический анализ влияния греческого языка на формирование системных связей лексики церковнославянского языка (на материале лексического варьирования в лексико-семантических группах глаголов с семантикой зрения и с семантикой речи в редакциях Акафиста Богоматери)

Проблемы лексической синонимии, восходящие к более широкому кругу вопросов о варьировании средств выражения, во многом определяют как парадигматику, так и синтагматику лексического уровня любого языка. Особенно перспективным представляется рассмотрение данных проблем в историческом аспекте, причем не только на уровне теоретического осмысления изменения системных связей в лексике языка, но и на уровне сопоставительного анализа фактического языкового материала, относящегося к различным этапам истории языка, рассмотренного на основе сопоставления разновременных списков конкретных текстов. «...Привлечение нескольких языковых списков к изучению языка памятника дает возможность открывать новые слова и новые значения известных слов, изучать синонимические средства выражения, стилистические функции синонимов, более обоснованно подходить к выделению лексики определенного ареала и т.д.» [Камчатнов, 1983, с. 121]. При изучении истории русского литературного языка, важнейшим источником обогащения которого была церковнославянская языковая традиция [Панин, 2015, с. 34 – 35], привлечение церковнославянского материала позволяет прояснить многие вопросы, связанные с формированием системных отношений в лексике. Благодаря своей специфической функции языка-посредника, созданного для перевода основополагающих текстов христианства с греческого языка, церковнославянский язык изначально «балансирует» между двумя языковыми стихиями: стихией передающего – греческого языка, языка с древнейшими письменными и литературными традициями и

богатейшей лексикой, и стихией принимающего – славянского – языка, письменная культура которого формировалась постепенно. Процессы взаимовлияния данных языковых стихий, а также славянской языковой интерпретации и адаптации элементов византийской культуры нагляднее всего можно проследить на основе сопоставительного анализа церковнославянских переводов византийских текстов. Исследование лексической вариативности в переводных церковнославянских текстах, главным образом, составляющих кирилло-мефодиевское наследие, было начато в отечественной палеославистике Е.М. Верещагиным [Верещагин, 1972]. Важным методологическим постулатом исследователя было «принципиальное отождествление лексического варианта как текстологического понятия с синонимом как лингвистическим понятием: и варианты, и синонимы – это... разные способы выражения одного и того же содержания» [Верещагин, 1972, с. 64 – 65]. При описании понятия лексического варианта Е.М. Верещагин опирался на определение Л.П. Жуковской, согласно которой к данной категории относились «слова, тождественные или близкие по значению и поэтому взаимно заменявшиеся в разных списках одного и того же памятника в параллельных местах текста» [Жуковская, 1973, с. 89]. Однако, принимая во внимание специфику исследуемого им переводного материала, Е. М. Верещагин существенно расширил данное понятие, предложив относить его «не только к замене одного славянского слова другим славянским, но и к разным славянским переводам одной и той же греческой лексемы (в одинаковых или сходных контекстах)» [Верещагин, 1972, с. 61]. Подробная классификация типов вариантов на материале церковнославянских текстов была разработана в работах Л.Г. Панина, считавшего необходимым условием лексической вариантности существование «регулярных с точки зрения лексико-семантической системы русского литературного языка связей» [Панин, 1991, с. 24].

Исследования лексического варьирования церковнославянских текстов в отечественной палеославистике шли по одному из данных двух намеченных

направлений. Выявление лексических вариантов проводилось либо на основе сопоставления параллельных чтений различных редакций и списков славянского текста (см., в частности, исследование лексической вариантности по 16 спискам Изборника Святослава 1073 г. [Камчатнов, 1983, с. 121 - 129], исследование вариантности и синонимии на материале древнерусских произведений XV в. в составе Стишного Пролога по спискам XV – XVII вв. [Щеглова, 2003, с. 72 – 76]), либо путем сопоставления славянского перевода с греческим оригиналом и поиска различных вариантов перевода одной греческой лексемы. Классическим примером исследования второго рода, вслед за вышеуказанной монографией Е.М. Верещагина, может быть сделанная на материале славянского перевода «Жития Епифания Кипрского» работа С.А. Авериной [Аверина, 1976, с. 70 – 82], в которой проводится анализ различных славянских переводов одной греческой лексемы в сходных контекстах в различных местах текста по одному списку (редакции). При этом автор «не касается вопросов текстологического плана, связанных с выявлением первоначальных чтений и характером позднейших замен» [Аверина, 1976, с. 80], рассматривая славянский текст исключительно в синхронном, а не в диахронном аспекте.

В настоящем исследовании мы попытались объединить вышеуказанные подходы, рассмотрев варианты славянского переводного текста, с одной стороны, с точки зрения их соотношения с идентичными, синонимичными или близкими по семантике лексемами греческого оригинала, а с другой – на основе анализа текстологической истории славянского текста Акафиста Богоматери, сопоставляя разночтения различных редакций, выделенных нами ранее на основе текстологического исследования церковнославянских списков XI – XV вв. (см. главу 2 части 1 и главу 1 части 2 настоящей работы). Отметим, что в качестве сопоставительного материала для исследования привлекалась и выходящая за хронологические рамки данной работы *Никоновская редакция*, возникшая в результате справки богослужебных книг патриарха Никона (середина XVII в.) [Момина, 1985, с. 148; Момина, 2004, с. 133]. Для указания

других редакций мы используем условные обозначения, описанные в первой главе данной части.

В рамках данного исследования мы ограничимся рассмотрением лексических вариантов, относящихся к двум лексико-семантическим группам, а именно: глаголов с семантикой зрения и глаголов с семантикой речи. Отметим, что обе группы важны для богословской и образной структуры текста, играя особую роль в формулировке основной темы произведения – свидетельстве о чуде воплощения Богочеловека от земной женщины, передаваемом очевидцами в вербальной форме. Прежде чем перейти к анализу конкретного текстологического материала, сделаем несколько важных, на наш взгляд, методологических оговорок:

1. При анализе лексической вариативности церковнославянского текста, исходя из поставленных целей исследования, мы ограничивались вариантами, появившимися в результате сознательной правки текста славянскими редакторами на основе греческого оригинала, не привлекая для исследования ни ошибок, ни сознательных изменений, вносимых писцами без привлечения греческого текста.

2. Поскольку предметом нашего исследования являются разнокорневые варианты, однокорневые варианты, присутствующие в редакциях славянского текста, приводятся нами в таблицах для полноты материала, однако не учитываются при дальнейшем анализе.

3. Для исследования привлекались греческие разнокорневые и однокорневые синонимы и варианты, при условии, что они переводились на церковнославянский язык разнокорневыми лексемами.

Рассмотрим сначала лексико-семантическую группу глаголов со значением зрения. Анализ греческого оригинала показал, что автор использует в тексте три близких по семантике глагола данной группы: βλέπω, θεωρῶ и ὁρῶ. На основе анализа лексикографических источников [Lampe, 1969; Дворецкий, 1958] было выявлено, что в древнегреческом языке византийского периода данные слова не были, однако, полными синонимами, а сопоставление

контекстов их употребления в тексте гимна (см. таблицу 6.3.) показало, что в них не происходила нейтрализация семантических различий между лексемами. Так, глагол βλέπω употребляется в гимне в значении “*смотрю, наблюдаю*”, глагол θεωρῶ в значении “*воспринимаю, понимаю*”, наконец, глагол ὀρῶ – непосредственно в значении “*видеть, воспринимать зрением*”.

Таблица 6. 3. Контексты употребления глаголов со значением зрения в греческом оригинале Акафиста Богоматери

Лексема	Икос	Контекст
βλέπω	Π1	Ὅν καὶ βλέπων ἐν μήτρᾳ σου...κραυγάζων σοι...
	2	Βλέπουσα ἡ Ἁγία, ἑαυτὴν ἐν ἀγνείᾳ...
	13	...ἵνα τὸ θαῦμα βλέποντες, ὑμνήσωμεν αὐτὴν βοῶντες...
θεωρῶ	1	Ἄγγελος πρωτοστάτης... σωματούμενόν σε θεωρῶν, Κύριε...
	6	...ὁ σώφρων Ἰωσήφ... πρὸς τὴν ἄγαμόν σὲ θεωρῶν...
	7	...οἱ ποιμένες... θεωροῦσι τοῦτον ὡς ἄμνον ἄμωμον...
	8	Θεοδόμον ἀστέρα, θεωρήσαντες μάγοι...
	16	Πᾶσα φύσις Ἀγγέλων... τὸν ἀπρόσιτον γὰρ ὡς Θεόν, ἐθεώρει πᾶσι προσιτὸν ἄνθρωπον...
ὀρῶ	9	Ἴδον παῖδες Χαλδαίων... τὸν πλάσαντα χειρὶ τοῦ ἀνθρώπου...
	14	Ἐένον τόκον ἰδόντες, ξενωθῶμεν τοῦ κόσμου...
	17	Ῥήτορας πολυφθόγγους, ὡς ἰχθύας ἀφώνους, ὀρῶμεν ἐπὶ σοὶ Θεοτόκε...
	21	Φωτοδόχον λαμπάδα, τοῖς ἐν σκότει φανεῖσαν, ὀρῶμεν τὴν ἁγίαν Παρθένον...

Сопоставим теперь варианты перевода вышеуказанных лексем в пронумерованных и описанных выше шести редакциях славянского перевода гимна, начиная с его первого перевода (таблица 6. 4.).

Таблица 6. 4. Варианты перевода греческих лексем с семантикой зрения в редакциях церковнославянского перевода Акафиста Богоматери

Лексе ма	Икос	Словофор ма	Церковнославянский перевод по редакциям						
			Акрости шная	Гимо вская	Хлуд овска я	Афон ская	Ф.п. I.55	Русск ая	Никон овская
βλέπω	Π1	βλέπων	ви,д,а	*** ²⁹		ви,д,а			
	2	βλέπουσα	ви,д,ели						
	13	βλέποντες	ви,д,аще						
θεωρῶ	1	θεωρῶν	ви,ж,д,а	ви,ж,д,ю		зр,а			
	6	θεωρῶν	зр,а	ви,д,ѣвз		зр,а			
	7	θεωροῦσι	ви,д,ѣввьше	ви,д,ѣша			ви,д,аѣ ѣ		
	8	θεωρήσαντες	ви,д,ѣвзше	ви,д,ѣвзше		зр,аще		ви,д,ѣ взше	оу,зр,ѣв ше
	16	ἐθεώρει	ви,д,има	ви,д, аше	ви,д,ѣ взше	зр,ѣхѣ			зр,аше
ὄρω	9	ἶδον	ви,д,ѣввьше	ви,д,ѣша					
	14	ἰδόντες	ви,д,ѣввь	ви,д,ѣвзше					
	17	ὄρωμεν	ви,д,имь	ви,д,имъ					
	21	ὄρωμεν	ви,д,имь	ви,д,имъ			зримъ		

Для сопоставления могут быть привлечены лексемы, однокоренные вышеприведенным:

- δυσθεώρητον (икос 1), в первых трех редакциях переводимая как дзвовидимаа, а начиная с Афонской редакции как неου,добъзримаа,
- ἀοράτων (икос 7) во всех редакциях сохраняется чтение первого перевода: невидимъѣхъ.

Итак, анализ вариантов перевода глаголов лексико-семантической группы зрения показывает, что в первых редакциях церковнославянского перевода Акафиста три близких, но не идентичных по семантике греческих глагола

²⁹ Символом *** обозначается отсутствие либо данного тропаря, либо данной словоформы в рассматриваемой редакции.

βλέπω, θεωρῶ и ὀρῶ практически во всех случаях переводятся глаголом видѣти. При помощи того же корня передаются и однокоренные указанным выше лексемы. Таким образом, на начальных этапах истории церковнославянский язык лексически не дифференцирует семантику зрительного восприятия (см. в словаре Срезневского [Срезневский, 1893, т. 1, с. 256] у глагола видѣти выделяется три значения: “видеть”, “смотреть” и “размыслить”). Глагол зърѣти употребляется один раз в первой редакции для перевода греческого θεωρῶ (икос 6), начиная со второй редакции он исправляется на унифицированный вариант видѣти. С XIV в., то есть с Афонской редакции, начинается процесс последовательной замены славянских переводов как глагола θεωρῶ, так и родственных ему слов, на слова с корнем зърѣ-. Таким образом, именно за этим глаголом в означенный период закрепляется семантика, связанная не только со зрительным восприятием, но и с пониманием, разумением. Что касается глагола видѣти, то он продолжает использоваться для передачи греческих глаголов βλέπω и ὀρῶ, на лексическом уровне не дифференцируя их семантических различий. Данную систему церковнославянский язык сохраняет вплоть до настоящего времени.

Рассмотрим теперь лексико-семантическую группу глаголов речи (таблица 6. 5). Данная группа состоит из 7 следующих глаголов, которые можно условно разделить на несколько подгрупп:

1. Лексемы λέγω и φημί, сходные и по семантике (общее значение “говорить”), и по контекстам употребления в гимне;
2. Лексемы ψάλλω и ὑμνῶ (ἄνυμνέω), также обладающие близкой семантикой “петь, славить песнями, воспевать”, однако не нейтрализующие свои различия в контекстах (см. их употребление в

пределах одной фразы в икосе 23: *Ψάλλοντές σου τὸν τόκον, ἀνυμνοῦμέν σε πάντες*);

3. Лексемы *κράζω*, *κραυγάζω* и *βοῶ*. Первые две лексемы практически полностью совпадают по семантике, имея значение “*кричать, вопить*”. Относительно глагола *κράζω* лексикографические источники уточняют, что речь может идти о криках в процессе религиозных ритуалов. Отметим, что во всех трех контекстах данный глагол в гимне характеризует речь ангела, тогда как глагол *κραυγάζω* имеет более широкое употребление. Наконец, глагол *βοῶ* с семантикой “*кричать, громко звать, призывать, воспевать*” является самым частотным глаголом данной лексико-семантической группы в гимне (употреблен в тексте 11 раз), как правило, вводя хайретизмы либо припевы, и характеризуя как саму Богородицу, так и всех других смертных – от библейских персонажей до верующих, исполняющих гимн и взывающих к ней. Особенностью функционирования глаголов данной подгруппы в тексте гимна является их частое сочетание с глаголами двух других подгрупп в единую синтаксическую конструкцию «субъект + глагол + причастие» или «субъект + глагол + глагол» (см., в частности, нижеприведенные контексты из икосов 2, 3, 7).

Таблица 6. 5. Контексты употребления глаголов с семантикой речи в греческом оригинале Акафиста Богородицы

Лексема	Икос	Контекст
λέγω	Π1	...ὁ ἀσώματος λέγων τῇ Ἀπειρογάμῳ...
	1	Ἄγγελος πρωτοστάτης... εἰπεῖν τῇ Θεοτόκῳ τὸ Χαῖρε
	2	...ἀσπόρου γὰρ συλλήψεως, τὴν κύησιν πῶς λέγεις κράζων...
	3	...ἐκ λαγόνων ἀγνῶν, υἱὸν πῶς ἔσται τεχθῆναι δυνατόν; λέξον μοι...
	7	...οἱ ποιμένες... ἦν ὑμνοῦντες εἶπον
	17	...ἀποροῦσι γὰρ λέγειν, τὸ πῶς καὶ Παρθένος μένεις, καὶ τεκεῖν ἰσχυσας...
φημί	2	...ἡ Ἁγία... φησὶ τῷ Γαβριὴλ θαρσαλέως...

	3	Πρὸς ἦν ἐκεῖνος (Ἄγγελος) ἔφησεν ἐν φόβῳ, πλήν κραυγάζων οὕτω...
	6	...ὁ σώφρων Ἰωσήφ... ἔφη· Ἀλληλούια.
κραυγάζω	Π1	...ὁ ἀσώματος... ἐξίσταμαι κραυγάζων σοι χαῖρε Νύμφη ἀνύμφευτε.
	1	Ἄγγελος πρωτοστάτης... κραυγάζων πρὸς Αὐτὴν τοιαῦτα...
	3	Πρὸς ἦν ἐκεῖνος (Ἄγγελος) ἔφησεν ἐν φόβῳ, πλήν κραυγάζων οὕτω...
κράζω	Π	...ἵνα κράζω σοί· χαῖρε Νύμφη ἀνύμφευτε.
	2	...ἀσπόρου γὰρ συλλήψεως, τὴν κύησιν πῶς λέγεις κράζων...
	12	Μέλλοντος Συμεῶνος... κράζων Ἀλληλούια.
βοῶ	3	...ἡ Παρθένος... ἐβόησε πρὸς τὸν λειτουργοῦντα...
	5	Τὸ δὲ βρέφος... ἐβόα πρὸς τὴν Θεοτόκον...
	8	Μάγοι... φθάσαντες τὸν ἄφθαστον, ἐχάρησαν αὐτῷ βοῶντες·
	9	...παῖδες Χαλδαίων...βοῆσαι τῇ Εὐλογημένῃ...
	11	...οἱ τούτων δὲ ρυσθέντες, ἐβόων πρὸς τὴν Θεοτόκον....
	13	...ἵνα τὸ θαῦμα βλέποντες, ὑμνήσωμεν αὐτὴν βοῶντες...
	14	...βουλόμενος ἐλκύσαι πρὸς τὸ ὕψος, τοὺς αὐτῷ βοῶντας· Ἀλληλούια.
	17	...ἡμεῖς δὲ τὸ μυστήριον θαυμάζοντες, πιστῶς βοῶμεν...
	20	οὐδὲν τελοῦμεν ἄξιον, ὧν δέδωκας ἡμῖν τοῖς σοῖ βοῶσιν· Ἀλληλούια.
	23	...ὁ... Κύριος, ἡγίασεν, ἐδόξασεν, ἐδίδαξε βοᾶν σοὶ πάντας...
	24	Ὡ πανύμνητε Μητὴρ... τῆς μελλούσης λύτρωσαι κολάσεως, τοὺς σοὶ βοῶντας· Ἀλληλούια.
ψάλλω	4	...ἐν τῷ ψάλλειν οὕτως· Ἀλληλούια.
	10	...ἀφέντες τὸν Ἡρώδη ὡς ληρώδη, μὴ εἰδότα ψάλλειν· Ἀλληλούια.
	23	Ψάλλοντές σου τὸν τόκον, ἀνυμνοῦμέν σε πάντες...
ὕμνω	7	Ἦκουσαν οἱ ποιμένες, τῶν Ἀγγέλων ὑμνούντων...
	7	...οἱ ποιμένες... ἦν ὑμνοῦντες εἶπον...
	13	...ἵνα τὸ θαῦμα βλέποντες, ὑμνήσωμεν αὐτὴν βοῶντες...
	23	Ψάλλοντές σου τὸν τόκον, ἀνυμνοῦμέν σε πάντες...

Вновь приведем для сопоставления материал церковнославянских редакций (таблица 6. 6).

Таблица 6. 6. Варианты перевода греческих лексем со значением речи в редакциях церковнославянского перевода Акафиста Богоматери

Лексе- ма	И ко с	Слово- форма	Церковнославянский перевод по редакциям						
			Акрост ишная	Гимов ская	Хлудо вская	Афон ская	Ф.п.І. 55	Русс кая	Никоно вская
λέγ ω	Π 1	λέγων	взпиѡѧ	***			ГЛАГОЛА		
	1	εἶπεῖν	речи						
	2	λέγεις	глаголе ши		прѣдзглаголеши				ГЛАГОЛЕ ШИ
	3	λέξον	рци						
	7	εἶπον	вѡпиѧх ѧ		рѣша				
	17	λέγειν	изречи		ГЛАГОЛАТИ				
φημί	2	φησὶ	рече						ГЛАГОЛЕТ Ъ
	3	ἔφησε ν	рече						
	6	ἔφη	вѡзѡпии	рече					
κοαυ γάζω	Π 1	κοαυγ άζων	взпиѡѧ	***			звати		
	1	κοαυγ άζων	вѡпиа	вѡпиаѧ			зоба	вѡпиаѧ	зовѡ и
	3	κοαυγ άζων	вѡпию	вѡпиаѧ			зовѡи		
κράζ ω	Π	κράζω	зовѧ						зовем Ъ
	2	κράζω ν	зовѧ	***		зовѡи			зовѡи и
	12	κράζω ν	вѡпиаше	вѡпиа			зовѡи		зовѡи и
βοῶ	3	ἐβόησ ε	вѡззѡпи						

	5	ἐβόα	ВЗПИѦШ ѐ	ВЗПИѦ	ВЗПИѦШѐ	
	8	βοῶντ ες	ВЪПИѦХ Ѡ	ВЗПИЮЩѐ		
	9	βοῆσα ι	ВЪПИѦХ Ѡ	ВЗЪЗПИТИ		
	11	ἐβόων	ВЪПИѦХѠ			
	13	βοῶντ ες	ГЛАГОЛЮ Щѐ	ВЗПИЮЩѐ		
	14	βοῶντ ας	ВЪПИЮЩ ѐ	ВЗПИЮЩЪІѦ		
	17	βοῶμε ν	ВЗПИЕМЪ			
	20	βοῶσι ν	ВЪПИТИ/ ВЗСПѢВА ѠЦИМЪ	ВЗПИЮЩИХЪ	ПОѦЩИ МЪ	ВЗПИѠЦИМЪ
	23	βοᾶν	ВЗПИТИ			
	24	βοῶντ ας	ВЗПИЮЩИХЪ			
ψάλλ ω	4	ψάλλε ιν	ПѢТИ/ ВЗПИТИ	ПѢТИ		
	10	ψάλλε ιν	ГЛАГОЛАТИ	ПѢТИ		
	23	ψάλλο ντε	поющее	поющее		
ὕμνῳ	7	ὕμνού ντων	хвалеще	поюща	поющемъ	поющихъ
	7	ὕμνοῦ ντες	нахвалеще	поющее		
	13	ὕμνήσ ωμεν	ВЪСПОЕМЪІ	ВЪСПОЕМЪ	ПОЕМЪ	ВЪСПОЕМЪ
	23	ἄνυμν οὔμἐν	ВЪСХВАЛѢМЪ	ХВАЛИМЪ	ВЪСХВАЛ ѢМЪ	ПОХВАЛѢ ЕМЪ

Для сопоставления приведем здесь также следующие лексемы, однокоренные рассмотренным выше:

- κραυγή̄ (икос 21), в первой редакции переведенная как **взъклицие**, а в последующих как **зъвание**;
- ὕμνος (икос 20), с вариантами перевода **хвала** (первая редакция) и **пѣние** (все последующие редакции).

Анализ вариантов перевода рассматриваемых греческих лексем показывает, что в редакциях IX – XIII вв. глаголы первой и третьей групп (λέγω, φημί, κραυγάζω, κράζω и βοῶ) переводятся недифференцированно с использованием вариантов глаголати, рещи, възпнати, звати. Глаголы глаголати и възпнати используются и для перевода глагола ψάλλω второй группы. В большинстве своем глаголы второй группы также переводятся при помощи недифференцированного использования вариантов пѣти и хвалити, а также производных им глаголов. Начиная с Афонской редакции, вводится дифференцированное использование тех же церковнославянских вариантов для групп глаголов, а также отдельных глаголов внутри групп, а именно:

- Глаголы первой группы λέγω и φημί переводятся при помощи синонимичных глаголов глаголати и рещи. Предпочтение того или иного глагола связано со сформировавшейся к этому времени в церковнославянском языке категорией глагольного вида, в связи с чем данные глаголы начинают использоваться как видовые дублиеты: глагол глаголати используется для перевода имперфектных форм, а глагол рещи – аористных.

- Глаголы второй группы ψάλλω и ὑμνῶ дифференцируются на лексическом уровне от глаголов двух других групп, и переводятся при помощи одной лексемы пѣти, со значениями, согласно словарю Срезневского [Срезневский, 1893, т. 2, с. 1790], “*петь, воспевать, прославлять*”, а также однокоренного дублета для совершенного вида възпѣти. При помощи глагола хвалити, а также однокоренных приставочных глаголов переводится только приставочное образование ἀνυμνῶ (“*петь гимны, прославлять в гимнах*”).
- Наконец, в третьей группе редакторы-переводчики последовательно разделяют на лексическом уровне, с одной стороны, глаголы κρᾶνυάζω и κρᾶζω, переводимые церковнославянским глаголом зъвати (“*звать, называть, призывать*”), и глагол βοῶ с переводом възпнати (“*восклицать, кричать, петь*”).

Итак, проведенное нами лингвотекстологическое исследование церковнославянских лексических вариантов, появившихся в результате различного перевода двух лексико-семантических групп греческих глаголов, показало постепенное обогащение лексики церковнославянского языка, происходившее путем дифференциации значений близких лексем под непосредственным влиянием системы греческого языка. Процесс этот завершается к концу XIII века, таким образом, Афонская редакция отражает уже состояние языка, способного найти практически для каждой лексемы греческого текста точное славянское соответствие и создать на принимающем языке текст перевода, точно отображающий на лексическом уровне семантическое богатство и тончайшие «нюансы» смысла оригинала не только в сферах, напрямую связанных с православной христианской мыслью и культурой, но и в таких в целом нейтральных, непосредственно не отражающих мировоззренческие или культурные системы, пластах лексики как глаголы

зрения и речи. Все это свидетельствует о глубинном системном влиянии греческого языка на церковнославянский и опосредованно на русский язык, без изучения которого наши знания о закономерностях исторического развития данных языков будут односторонними.

2.2.4. Выводы

Подводя итоги проведенного исследования лексических вариантов церковнославянских переводов греческих гимнографических текстов в лексикологическом аспекте, можно сделать следующие выводы:

- 1) Прежде всего, необходимо отметить эффективность используемого нами лингвотекстологического метода, основанного на анализе лексических различий в разновременных редакциях церковнославянского перевода конкретных (одного или нескольких) греческих текстов для изучения изменений в лексической системе церковнославянского языка и хронологизации данных изменений. Использование этого метода позволяет проанализировать лексические процессы церковнославянского языка в их исторической перспективе и избежать неточностей и субъективных факторов, связанных с языковыми предпочтениями конкретных редакторов и писцов, неизбежно возникающих при работе с отдельными списками, «увидеть в вариации явление языка (а не текста), со всеми вытекающими отсюда последствиями для исторической лексикологии и лексикографии» [Камчатнов, 1983, с. 129]. Особенно интересные результаты данный подход дает на материале переводных гимнографических текстов, с одной стороны, достаточно регулярно исправлявшихся по греческому оригиналу, а с другой, отразивших осознанный лексический поиск славянских переводчиков и редакторов максимального в двух различных языковых системах лексического соответствия перевода оригиналу.

- 2) Проанализированный нами материал, прежде всего, иллюстрирует процесс развития лексической системы церковнославянского языка, шедший особенно активно на начальных этапах его истории (IX – XIV вв.) в связи с формированием самого языка и его письменной традиции. Решающую роль в этом процессе сыграл греческий язык. Данная роль определялась особым характером церковнославянского языка, созданного и использовавшегося на ранних стадиях практически исключительно для перевода с греческого языка христианских текстов. Однако в эту эпоху церковнославянский язык еще не мог в полной мере отобразить лексическое богатство греческого языка как в области абстрактных понятий, связанных с христианской культурой, так и в нейтральной лексике. Отсутствие лексической дифференциации при переводе греческой близкой по значению, но не полностью синонимичной лексики было следствием как в целом более низкой ступени развития славянского языка, только начавшего свою письменную историю, в сопоставлении с опиравшимся на многовековые письменные традиции греческим языком, так и иных переводческих техник, не ставивших своей задачей пословную корреляцию.
- 3) Формирование лексической системы церковнославянского языка и далее проходило под непосредственным влиянием греческого языка, осуществлявшимся посредством книжных справ. Исправления, сделанные в конкретном переводном тексте в процессе его последовательного редактирования, показывают постепенное обогащение лексической системы церковнославянского языка и приближение её к аналогичной греческого языка. Процесс этот осуществлялся путем, с одной стороны, дифференциации семантики уже существовавших в языке лексических вариантов, а с другой – обогащения языка синонимичной лексикой. В данном процессе межъязыковой коммуникации греческий язык был стабильным компонентом, тогда как церковнославянский вплоть до XIV в. –

мобильным, формирующимся, сознательно обогащаемым с целью адекватного воспроизведения греческих текстов в иной языковой системе.

- 4) Обогащение лексики церковнославянского языка шло в большей степени за счет использования собственных языковых ресурсов, чем за счет лексического заимствования из языка-источника. Анализ особенностей лексического заимствования из греческого языка показало достаточно редкое применение данного способа языкового расширения славянскими книжниками, сознательно ограниченное случаями отсутствия в принимающей культуре конкретного понятия или реалии. По мере развития церковнославянского языка частота использования заимствований из греческого языка сокращается, в ряде случаев редакторы заменяют заимствование на уже существовавший в языке славянский эквивалент либо создают методом калькирования новое слово из славянских корней. В тех случаях, когда редакторы, наоборот, исправляют славянское соответствие на лексическое заимствование, это связано с внутренними потребностями системы принимающего языка: необходимостью дифференцировать на лексическом уровне близкие, но не тождественные понятия либо терминологически точно определить новые культурные реалии. Сознательный отказ славянских книжников от широкого введения в язык заимствованной лексики уже с ранних этапов истории церковнославянского языка определил основной вектор его развития, нацеленный, прежде всего, на использование внутренних ресурсов и на системное, а не механическое внешнее влияние.
- 5) Помимо этого, языковой материал показывает, что «калькирование» лексической системы греческого языка [Панин, 2015, с. 38] не приводило к ее механическому «дублированию» в иных языковых реалиях. Принимающая языковая система создает иные системные отношения между элементами, переосмысляя не только данные отношения, но и характеристики самих элементов. В частности,

развитие в церковнославянском и древнерусском языках новой лексико-грамматической категории глагольного вида создает из бывших синонимов супплетивные видовые пары. Кроме того, закрепившаяся в церковнославянской традиции практика перевода греческих синонимичных либо близких по значению лексем одной славянской меняет синтагматику переводного текста, его образную систему, приводит к иному языковому переосмыслению общего православного наследия. Даже в том случае, когда славянским редакторам удается достичь пословного соответствия греческого и церковнославянского языков, то есть закрепления за каждой лексемой греческого языка постоянного славянского эквивалента, как это было, в частности, с эстетической терминологией, внутренние закономерности развития каждой языковой системы, различия во внутренней форме лексических корреляций порождают различные коннотации и создают «ассиметрию» в восприятии данных элементов носителями обоих языков. Именно поэтому уникальная природа как всего церковнославянского языка как системы, так и каждого из составляющих его элементов должна быть рассмотрена, с одной стороны, в исторической перспективе, с учетом тех изменений, которые происходили в данном языке, прежде всего, на начальных этапах его истории, а с другой, – с опорой на язык-источник, адаптация элементов которого способствовала быстрому обогащению языка, основанному на языковом переосмыслении богатейшего православного наследия.

ГЛАВА 2.3.

ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

2.3.1. Об особенностях перевода греческих сложных слов на начальных этапах церковнославянской книжности: опыт лингвотекстологической реконструкции ранних переводов *composita* византийских гимнов

Известно, что процессы межъязыкового греко-славянского влияния, осуществленные не только и не столько путем заимствования отдельных лексем, сколько на уровне словообразовательных, семантических и синтаксических моделей, позволили как существенно обогатить принимающие языки, так и заложить основы для их дальнейшего развития. Особая роль церковнославянского языка как «языка-кальки с греческого» [Панин, 2006, с. 151] и языка-посредника при переносе греческих языковых и культурных структур на славянскую почву [Верещагин, 1971, с. 189–201] способствовала исследовательскому интересу к таким языковым явлениям, как заимствование словообразовательных моделей, проявившееся, в частности, при калькировании сложных слов или префиксальных дериватов.

Задача данной главы – показать перспективность лингвотекстологического метода для описания данных процессов на материале славянских соответствий греческим *composita* и словам с приставкой *συν-* в церковнославянских переводах рассматриваемых четырех гимнографических произведений триодного цикла. В рамках данного параграфа будут рассмотрены способы перевода греческих сложных слов на начальных этапах церковнославянского языка.

Отметим, что для греческого языка сложные слова были не просто украшением речи, но средством языкового отражения «сочленений» греческой

философской мысли. Языковая и культурная адаптация этого иноязычного наследия потребовала создания соответствующих структур и целых пластов новой лексики в принимающем языке. По словам С.С. Аверинцева, «православные книжники... исключительно широко перенимали словообразовательные модели – хитроумие характерных для греческого языка двукорневых и многокорневых образований... Красота целой грозди слов, сцепляющихся в единое слово, – очень греческая вещь; и она-то была принята к сердцу русским народом, и при том на века» [Аверинцев, 1988, с. 83]. Несмотря на то, что сама модель образования слов путем сложения двух или более корней, вероятно, существовала в праславянском языке еще до принятия христианства [Новак, 1997, с. 175] (на это, в частности, указывают и некалькированные славянские композиты, такие как *благодать*, *прѣлюбодѣвание* и другие), ее активизация, несомненно, была связана с потребностями языковой адаптации сложных понятий византийской богословской мысли и культуры при переводе с греческого на церковнославянский соответствующих текстов.

Церковнославянские словообразовательные кальки-композиты привлекали внимание исследователей давно, литература по ним весьма обширна [Цейтлин, 1977, с. 186 – 272; Новак, 1997, с. 170 – 178; Чернышева, 2008, с. 540 – 553; Соломоновская, 2012, с. 114 – 123]. Несмотря на это, многие вопросы, связанные с их появлением и функционированием в языке, до сих пор остаются без ответа. В частности, не установлено, насколько копирование не только семантики, но и формы слова входило в задачи славянских книжников или это было лишь вынужденное действие при отсутствии славянских семантических эквивалентов. Кроме того, необходимо выяснить, насколько сам церковнославянский язык исторически менял свое отношение к калькированию, или это была особенность, заложенная в него изначально. Надо сказать, что поскольку начальные этапы процессе переноса на славянскую почву греческой словообразовательной модели основосложения продолжают оставаться малоизученными, языковые характеристики «зрелого»

церковнославянского языка XIII –XIV веков нередко автоматически переносятся и на его архаичные стадии и воспринимаются как имманентные свойства данного языка.

Отметим также, что для исследований по историческому словообразованию ранее практически не привлекался гимнографический материал, несмотря на его богатство словами сложной структуры. Поэтическая природа гимнографии и особая эстетическая составляющая ее языка делают данный материал особенно интересным для лексико-словообразовательного исследования. Поэтика византийских гимнов, в значительной степени построенная на морфемных повторах [Црвенковска, 2006, с. 138 – 148], требовала и от переводчика, стремящегося передать не только содержательную, но и поэтическую составляющую текста, особого внимания к морфемной структуре слова.

В данном параграфе мы используем лингвотекстологический метод (конкретно, анализ лексических и лексико-словообразовательных вариантов, используемых для передачи сложных греческих слов) для реконструкции начальных этапов переноса на славянскую почву греческих *composita*, а также соответствующих словообразовательных моделей. Опираясь на сопоставительное исследование ранних церковнославянских списков гимнографических произведений, мы попытались выявить основные способы перевода сложных слов греческого языка в ранних (допреславских) переводах.

Отметим, что первые славянские переводы, сохранившиеся в рукописях, отстоявших на несколько веков от времени их создания, дошли до нас в сильно контаминированном виде, в большинстве случаев в компиляциях с более поздними преславскими редакциями. Восстановление текста перевода в его исходном виде является более или менее гипотетическим, в связи с этим полученные нами данные имеют исключительно статистическое значение, не исключаящее неточностей в воспроизведении каждого конкретного языкового факта, неизменно сопровождающих реконструкции. Необходимо, помимо этого, принимать во внимание и отмечавшийся ранее (см. главу 1 данной

части) факт существования, по крайней мере, двух допреславских переводов (редакций) гимнографических текстов, связанных, по-видимому, с глаголической и кириллической традициями соответственно. Данные переводы, дошедшие до нас в разном объеме, могли в дальнейшем компилироваться как в пределах одного сборника, так и конкретного гимнографического текста. Существованием различных ранних редакций отчасти связано отмеченное ниже наличие вариантов перевода одной и той же лексемы в одном контексте в списках, относящихся к древнейшим традициям. Для исследования привлекались следующие церковнославянские списки XII – XIII вв.: *Битол.*, *Шафар.*, *Серб.*, *Загреб.*, *Синод. 137*, *Шук.*

Указанные ранее гимны рассматривались в данных списках полностью или частично в зависимости от наличия и степени сохранности текста, а также от текстологических пластов конкретного списка, выявленных при предшествующем текстологическом анализе. Для сопоставительного анализа привлекались только те фрагменты списков, которые соответствуют ранним (допреславским) редакциям. Целью исследования было восстановление системы славянских соответствий греческим сложным словам в синхронном срезе на начальных этапах истории славянской письменности (конец IX – начало X вв.). Диахронный лингвотекстологический анализ развития данной системы по более поздним редакциям будет темой следующего параграфа.

В отличие от большинства предшествующих исследований, анализировавших композиты славянских текстов и уже затем выявлявших их греческие соответствия [Цейтлин, 1977, с. 186 – 272; Чернышева, 2008, с. 540 – 553; Соломоновская, 2012, с. 114 – 123], исходной точкой для сопоставительного анализа стал не церковнославянский, но греческий языковой материал – сложные слова, употребленные в рассмотренных греческих текстах. Иными словами, нашей задачей было выявить основные способы перевода греческих слов сложной структуры в ранних славянских переводах и уже на основе этого определить, какое место среди них занимает словообразовательное калькирование.

Анализ греческих оригиналов рассматриваемых гимнов выявил в их текстах 147 лексических единиц, которые мы квалифицируем как сложные слова. Отметим, что граница между приставочно-суффиксальными дериватами и сложными словами в греческом словообразовании неоднозначна и исторически изменчива: если в системе новогреческого языка слова с первой частью не только такой как *ευ-*, *παν-*, но даже *αρχη-* и *θεο-* относятся многими исследователями к приставочным дериватам либо «псевдокомпозирам» [Ralli, 2010, с. 57 – 74; Αναστασιάδη- Συμεωνίδη, 2008, с. 99 – 113], то для древнегреческого языка, когда данные морфемы еще не десемантизировались и не потеряли независимого употребления, они могут квалифицироваться как корни в составе сложных слов. При выборе подхода к определению границ сложных слов в греческом языке мы также исходили из соображений целесообразности при рассмотрении судьбы переводов этих слов в церковнославянском языке: иными словами, фактор стабильного перевода определенной греческой морфемы корневой церковнославянской морфемой принимался во внимание для определения статуса данной морфемы в древнегреческом языке.

Рассмотренные греческие композиты отличаются по своей структуре: они могли состоять из двух (например, *χειρόγραφον*) или трех корней (например, *εὐσκίόφυλλος*, *πολυεὐσπλαγχνος*), могли осложняться словообразовательными суффиксами (например, *πανύμνητος*), а также префиксами, распространявшими как первый (например, *ἀπειρόγαμος*), так и второй корень (например, *αὐτεπάγγελτος*).

Анализируя способы передачи данных композитов на ранних этапах славянской письменности и принимая во внимание как структурный, так и семантический фактор, мы можем разделить их на следующие категории:

- 1) Использование непереуведенного грецизма;
- 2) Перевод греческого сложного слова церковнославянским словосочетанием [Цейтлин, 1977, с. 187];

- 3) Перевод греческого сложного слова церковнославянским однокорневым семантическим соответствием [Цейтлин, 1977, с. 187];
- 4) Перевод греческого сложного слова церковнославянским некалькированным композитом;
- 5) Перевод греческого сложного слова церковнославянской калькой.

Поскольку объектом данного исследования были сложные слова греческого языка, мы специально не рассматривали случаи передачи однокорневой греческой лексемы церковнославянским композитом [Цейтлин, 1977, с. 188], достаточно часто встречающиеся в рассмотренном материале (например, χάρις – благодать ВК (7:10), μοιχεία – прѣлюбоудѣяние ВК (7:4)).

Выделяемые также Р.М. Цейтлин случаи передачи греческих несложных слов славянскими словосочетаниями, а также греческих словосочетаний славянскими композитами [Цейтлин, 1977, с. 188] в рассмотренном материале отмечены не были.

Отметим также, что одна и та же греческая лексема даже на рассматриваемых ранних этапах церковнославянской письменности могла иметь разные варианты церковнославянского перевода и, следовательно, рассматриваться ниже в разных категориях. В частности, греческий композит φιλόανθρωπος мог переводиться либо калькой человеколубец, некалькированным композитом милосръдъ либо однокорневым дериватом милостивъ. Данная вариантность могла происходить как из разных переводов, выполненных разными людьми в различных индивидуальных техниках, так и из одного источника, являясь проявлением несимметричности языковых систем, когда для одной и той же лексемы переводчик должен был в различных контекстах подбирать разные славянские соответствия. Заметим, кстати, что помимо случаев перевода одной греческой лексемы разными славянскими в рассмотренном материале нередки и противоположные случаи, когда для различных греческих лексем славянский книжник находит один и тот же

славянский перевод. В частности, два различных слова с первой частью εὐ- (εὐφροσύνη – εὐκοσμία) переводились славянским красота, три различных греческих композита – наименования Богородицы (Θεοτόκος – Θεογεννήτορ – Θεοκυῆτορ) переводились одинаково – богородица.

Кроме того, необходимо отметить, что для девяти из 147 греческих композитов не удалось на основе рассмотренного материала установить славянские соответствия. Для шести из них (αὐθάδεια, βρεφουργῶ, δοξολογῶ, εὐμένεια, θεόνυμφος, ὀρθοδόξως, πάνσεμνος) это связано с отсутствием в древнейшем славянском переводе определенных фрагментов (тропарей или стихов) греческих гимнов. В трех остальных случаях церковнославянский перевод либо был сделан с ошибкой, либо с незафиксированного в литературе варианта греческого оригинала, не являющегося композитом: ἰσάριθμος Ак (20) неичтєньнѣ (вероятно, восходит к греческому ἀναρίθμητος); πανάριστος Ак (15) неиздрєченно (вероятно, восходит к греческому ἀρρήτως); πολύρροτος Ак (21) неизгланнѣ (вероятно, восходит к греческому ἄρρητος). Случаи ошибочного перевода одного из корней греческого композита анализируются ниже.

Рассмотрим подробнее каждую из вышеперечисленных категорий. Ссылки на рукописи приводятся ниже только в случаях наличия вариантов в переводе анализируемых лексем в ранних славянских списках.

1. Использование непереуведенного грецизма (2 лексемь):

Данный способ передачи греческого композита использовался крайне редко и был отмечен нами только в двух случаях: πατριάρχης ВК (4:6), (4:7), (4:9), (4:10) патриархъ и ὁμοούσιος ВК (7:Т) ѿмоисии. Относительно второго случая, отмеченного только в *Загреб.* в одном из двух контекстов, необходимо сказать, что даже на начальных этапах заимствование уже вытеснялось из языка

синонимичной калькой единосщнзи. Кроме того, в рассмотренном материале встретился церковнославянский композит, один из корней которого является греческим заимствованием: τριουπόστατος - тринпостаснзи, который будет рассмотрен ниже в соответствующей категории.

2. Перевод греческого сложного слова церковнославянским словосочетанием. Всего в рассмотренных текстах был отмечен 31 случай такого перевода со следующими структурными подгруппами:

2а. Перевод описательной фразой без сохранения главным словом части речи переводимого композита (10 единиц):

ἀνεξίκακος AC (10) не память зълымь; ἀρχέκακος AC (21) начальникъ зълочъ; θεοδρόμος Ак (8) божии пжть; μεγαλέμπορος ВК (4:9) вельми имовитъ (Загреб.); ὁμοβασίλειος ВК (4:Т) едино царство (Серб.); πολύφθογγος Ак (17) великое вѣщание; πολύφωτος Ак (21) мзногъ свѣтъ; τεχνολόγος Ак (17) оучение слова; φιλήδονος ВК (2:14) (2:20) похотьми писана (Загреб.); φιλόυλος ВК (2:17) ваще любезно.

2б. Перевод с сохранением главным словом части речи переводимого композита и его распространением зависимым прилагательным, местоимением-прилагательным либо наречием (8 единиц):

ἀείζωος ВК (3:2:6) присно живъ; αὐτείδωλον ВК (4:26) самое капище; δικαιοκρίτης ВК (4:1) (4:24) (8:13) праведнзи сѣднн; κακουργία ВК (2:2:2) зъло дѣло; Μητροπάρθενος ВК (5:Б) дѣвственнаѧ мати; πατρόθεος ВК (7:4) отъць божии (Загреб.); πολυαμάρτητος ВК (2:2:2) зъло грешнзи; πρωτόπλαστος AC (21) прѣжде създаннзи.

2в. Перевод с сохранением главным словом части речи переводимого композита и его распространением зависимым существительным или местоимением-существительным (13 единиц):

ἀπειρόγαμος Ан (1:Б) неискоуьънзи бракоу; αὐτεπάγγελτος Ак (17) благовѣстити вьса (ошибка переводчика); ἡδυπαθεία ВК (7:11) наслаждение страстен (Загреб.); θεολογῶ ВК (9:22) бога т- нарицати; θηλυμανία ВК (4:12) жензи неистовство; κλεψίγαμος Ак (6) оукрадьшии бракъ; κοσμογένεσις ВК (9:2) рождение мира; λιθοκτονῶ ВК (2:2:2) камениемъ побити (Загреб.); νυμφοστόλος Ак (19) женихомъ удѣвание; ὀπισθοφανῶς ВК (3:2:4) вспать лицемъ; παιδοποιῶ ВК (4:10) детотворецъ взыть (Загреб.); πατραλοίας ВК (3:2:4) оубице отца; πατρόθεος ВК (7:4) богоу отць (Битол.).

3. Перевод греческого сложного слова церковнославянским однокорневым семантическим соответствием (53 лексемы).

3а. Перевод с передачей значения одного из греческих корней словообразовательным аффиксом церковнославянского языка (11 лексем):

ἀπειράνδρος ВК (3:2:Б) везмѣжьне; ἑκατοντάρχης ВК (9:13) сътъникъ; νομοθέτης Ан (12:3) законьникъ; πανσόφως ВК (4:10) прѣмѣдрѣ; πανύμνητος Ак (24) прѣпѣтъзи; πλαстуργός ВК (1:17) (2:7) (3:7) творць; πολυεύσπλαγχνος ВК (9:22) прѣмилостивъ; πολукτήμων ВК (4:15) прѣвогатзи; πρωτοστάτης Ак (1) прѣдъстатель; φιλόσοφος Ак (17) прѣмѣдрзи; υπεράγαθος АС (21) прѣблажензи.

3б. Перевод однокорневой церковнославянской лексемой, приблизительно передающей семантику греческого композита и не сводимой к семантике ни одного из корней (20 лексем):

ἀντίδικος AC (5) сопостатъ; αὐθάδεια ΒΚ (3:2:11) прѣзрьство; αὐθαίρετος ΒΚ (2:2:8) дѣшевьнзи; εὐδοκία Ακ (5) нетлѣние; εὐθηνία Ακ (5) изовильно; εὐκοσμία ΒΚ (2:19) красота; εὐλαβῶς Ακ (23) говѣщии; εὐφορία Ακ (5) говѣззи; εὐφροσύνη Ακ (9) красота; εὐωχία Ακ (21) веселие; ζωγραφῶ Ακ (21) взвбращати; θηλυμανία ΒΚ (4:12) влѣдъ (Серб.); μεγαλέμπορος ΒΚ (4:9) разоумьнъ; νεουργῶ Ακ (1) вбнавлати (Серб.); παιδοποιῶ ΒΚ (4:10) породити (Серб.); προζωγραφῶ ΒΚ (9:13) провбразити (Битол.); φιλόανθρωπος ΒΚ (1:12) (1:13) Αη (2:Б) милостивъ; φιλήδονος ΒΚ (2:2:6) скврнзи; φιλήδονος ΒΚ (6:6) похотнзи (Загреб.); φιλήδονος ΒΚ (7:8) скотъскзи.

3в. Перевод однокорневой лексемой, передающей семантику только одной из составляющих греческого композита (23 лексемы).

αὐτεξούσιος ΒΚ (2:13) вольнзи; γεωργέω AC (3) дѣлати; γηγενής AC (3) земьнъ; εὐκαρπος Ακ (4) плодовитъ; εὐσεβής ΒΚ (1:21) влгъ; εὐσεβής Ακ (23) вѣрнзи (Серб.); ζωοπλάσσω ΒΚ (1:10) сзъдати; ἡδυπαθεία ΒΚ (7:11) сласть (Битол.); κουροτρόφος Ακ (19) крзмо; κυοφορέω Ακ (13) носити; λιθοκτονῶ ΒΚ (2:2:2) оубити (Серб.); νουθετῶ Ακ (19) наставити; πλαστουργέω AC (3) – сзъдати; πανάγιος Ακ (15) сватзи; πανάμωμος AC (22) непорочнзи; προζωγραφῶ ΒΚ (9:13) прописати (Загреб.);

πρωτοτόκια ΒΚ (4:11) прѣвѣньство; σωφρονέω ΒΚ (9:16) мѣдрити сѧ;
σωφροσύνη ΒΚ (5:8) Ак (9) мѣдрость; σώφρων ΒΚ (5:5) Ак (6) мѣдрѣ;
φιλέρημος ΒΚ (9:10) пољетѣньнѣи (Серб.); φυτουργός Ак (5) дѣлатель;
χρεωλύτης Ак (22) рѣшитель.

4. Перевод греческого сложного слова церковнославянским некалькированным композитом (8 лексем). В группу включены и лексемы, отличие которых от греческого соответствия касается только одной части. Несмотря на незначительные размеры данной группы в количественном плане, в нее входят лексемы, передающие такие важнейшие для православного мировоззрения понятия как *миласердие* [Чернышева, 2008, с. 543 – 544; Аверинцев, 1974, с. 161 – 17].

ἀθλοφόρος Ак (7) страсотръпыць; δώδεκα Αν (7:1) дванадесѧте / дванадесѧте; εὐσπλαγχνία ΒΚ (2:5) (8:10) АС (4) (24) милосръдѣе;
εὐσπλαγχνός ΒΚ (1:1) (1:16) (1:17) (1:18) (1:22) (1:Т) (2:4) (3:4) (7:1) (7:2) (8:18) (8:20) (9:21) АС (13) милосръдѣ; θεολογῶ ΒΚ (4:Т) славословити;
τριάκοντα Αν (3:4) тридесѧте; φιλόανθρωπος Αν (3:1) (5:2) (8:2) (13:2) (15:1) ΒΚ (2:27) (4:1) милосръдѣ; φιλαργυρία ΒΚ (8:6) златолюбие.

5. Перевод греческого сложного слова церковнославянской калькой (58 лексических единиц).

5а. Перевод с сохранением порядка частей греческого композита (50 лексем):

ἀγλαόκαρπος Ак (13) свѣтоплодѣнѣи; αἰμόρρους ΒΚ (9:14) АС (11) крѣвоточивѣи; δυσανάβατος Ак (1) дѣвовходѣнѣи (ошибка переводчика);
δυσθεώρητος Ак (1) дѣвовидѣнѣи (ошибка переводчика);
δυσπαραδεκτόν Ак (2) неоудобѣприятно; εὐαγγελίζω ΒΚ (9:15)

ΒΛΑΓΟΒΉΣΤΒΟΒΑΤΙ; εὐεργέτης ΑC (7) (9) (15) ΑΗ (8:2) ВЛАГОДѢТЕЛЬ;
 εὐλογημένος Ακ (9) ВЛАГОСЛОВЕНЗИИ; εὐλογία ΒΚ (3:2:5) ВЛАГОСЛОВѢНИЕ;
 εὐλογῶ ΒΚ (7:Б) ВЛАГОСЛОВИТИ; εὐνομία ΒΚ (6:10) ДОБРОЗАКОНИЕ; εὐπρέπεια
 ΒΚ (2:11) ДОБРОЛѢПИЕ; εὐσέβεια ΒΚ (3:2:12) ВЛАГОВѢРИЕ; εὐσεβής Ακ (23)
 ВЛАГОВѢРНИИ (*Битол.*); εὐσκιόφυλλος Ακ (13) ДОБРОЛИСТВЕННИИ;
 εὐχαριστῶ ΒΚ (9:16) ВЛАГОДАРИТИ; εὐχαριστήριον Ακ (Π) ВЛАГОДАРИЕНИЕ;
 εὐωδία Ακ (21) ВЛАГОУΧАНИЕ; ζωηφόρος ΒΚ (4:22) ЖИЗНОДАВЕННИИ; ζωοποιός
 ΒΚ (6:9) ЖИВОТВОРАЩИИ; Θεογεννήτορ ΒΚ (2:2:Б) (7:Б) (9:Б) БОГОРОДИЦА;
 Θεοδόχος ΒΚ (3:1:Б) Ακ (5) БОГОПРИАТНИИ; Θεοκυῆτορ ΒΚ (3:2:Б)
 БОГОРОДИЦА; Θεόληπτος Ακ (15) БОГОЗАЧЕЛНЪ; Θεολογία ΒΚ (6:8) БОГОСЛОВИЕ;
 Θεοσέβεια ΑΗ (4:2) ВЛАГОЧЕСТИЕ; Θεοτόκος ΒΚ (1:Б) (2:1:Б) Ακ (Π)
 БОГОРОДИЦА; Θεοτύπωτος ΒΚ (2:19) ВЛАГОНВРАЖНИИ; Θεοῦφαντος ΒΚ (2:12)
 БОГОТКАНЬНИИ; Θεοφανεία ΒΚ (5:10) БОГОВИДѢНИЕ; Θεοφόρος Ακ (10)
 БОГОНОСЕНЪ; κακοῦργος ΑΗ (8:2) ЗЛОДѢИ; καρδιογνώστης ΑΗ (2:1)
 СРЪДЦЕВѢДЬЦЪ; μακρόθυμος ΑΗ (6:3) ДЛЪГОТРЪПѢЛИВЪ; μακροθυμῶ ΑΗ
 (7:1) ДЛЪГОТРЪПЕТИ; νομοθέτης ΒΚ (4:27) ЗАКОНΟДАВЬЦЪ; ὁμοβασίλειος ΒΚ
 (4:Τ) КОУПНОЦАРЬСТВОУЖИИ (*Загреб.*); ὁμοούσιος ΒΚ (9:Τ) ЕДИНОСЖИЦЬНИИ;
 παντοδύναμος ΑC (9) ВСЕМОЩЕНЪ; πολυθρῦλητος Ακ (3) ΜΝΗΝΟСЛОВΟΥЩИИ;
 πολυθρήνητος Ακ (3) ΜΝΗΝΟΠΛΑЧЬНИИ; πολύπρονος ΒΚ (4:8)
 ΜΝΗΝΟΡΑΖΟΥΜЬНЪ; πολύτεκνος ΒΚ (4:8) ΜΝΗΝΟУЧ-ДЪНЪ; πρῶτόκτιστος ΒΚ

(2:11) прѣвоздании; τρισπόστατος ВК (9:Т) тринпостаснии; ύμνολογῶ
ВК (4:Т) славословити; ύψηγορος ВК (4:24) вѣсокорѣчивь (Загреб.) /
велеѣчивь (Серб.); φιλοκτήμων ВК (2:17) лювоимѣннии; φωτοδόχος Ак
(21) свѣтоприемнии; χειρόγραφον ВК (9:18) Ак (22) рѣкописание.

5б. Перевод без сохранения порядка частей греческого композита (8 лексем):

ἀπειρόγαμος Ак (Π) бракоуниенскоуѣнии; φιλαδελφία Αν (4:3) братолюбие;
φιλαμαρτήμονος ВК (4:12) (4:16) грѣхлюбьць (Загреб.) / грѣхлюбивзи
(Серб.); φιλόανθρωπος Αν (14:1) чловѣколюбьць; φιλαργυρία Αν (2:2)
(4:1) сребролюбие; φιλέρημος ВК (9:12) поустыинелюбьнь (Битол.)/
поустыинолюбьць (Загреб.); φιλήδονος ВК (2:14) (2:20) (6:6) сластолюбьнии
(Серб.); φιλόθεος (8:12) боголюбьць; φιλοξενῶ ВК (3:2:8) страньнолюбити
(Загреб.) / гостелюбити (Серб.).

Итак, проанализированный лексический материал показал, что даже на начальных этапах церковнославянской книжности для передачи сложных и в семантическом, и в структурном плане греческих композитов славянские переводчики определенно отдают предпочтение не лексическому заимствованию, но поиску славянского соответствия или словотворчеству (калькированию). В большинстве своем созданные ими сложные слова вошли в дальнейшем не только в церковнославянский, но и в русский язык, существенно обогатив его. Однако сравнительно низкий (в сопоставлении с последующими редакциями) процент калькирования при передаче греческих композитов (менее 50 %) указывает на стремление книжников воспроизвести при переводе не структуру, но семантику греческого слова – копирование структуры в таком случае вызвано также исключительно семантическими

основаниями. Рассмотренный материал свидетельствует о том, что в задачи переводчика не входил поиск однозначных славяно-греческих как лексических, так и морфемных эквивалентов. В частности, один и тот же греческий композит в зависимости от контекста мог переводиться как словосочетанием, так и словом (ἀπειρόγαμος – неискоуьсыныи бракоу, бракоунеискоуьсыныи), как однокорневым славянским соответствием, так и калькой. В частности, греческое φιλήδονος передается четырьмя славянскими вариантами – сквьрыныи, похотыныи, скотыскыни, сластолюбыныи – лишь один из которых воспроизводит структуру греческого слова, однако, с изменением порядка корней. Один и тот же греческий корень мог переводиться отдельным словом, деривативной морфемой либо заимствоваться (см. варианты перевода слов с корнем ἄρχ-: πατριάρχης – патриархъ, ἑκατοντάρχης – сътъникъ, ἀρχέκακος – начальникъ зълоу), отдельным словом, корнем либо префиксом (см. варианты перевода слов с корнем πρωτο-: слово пръжде, корень пръв-, приставка пръд-,; πολυ-: слова мзыногъ и великыни, корень мзыного-, приставка пръв-;), словом или корнем (θεο-: слова богъ и вожи, приставка бого-, -λογ-: слова слово и нарицати, корень слов-), корнем или префиксом (παν-: корень все-, приставка пръв-), корнем либо суффиксом (ἔργ-: корень дъл-, суффикс -ыц-), а также различными корнями (εὖ: благо- и добро-, ὅμο-: един- и коупын-).

Таким образом, на ранних этапах истории церковнославянского языка калькирование структуры греческого сложного слова являлось не целью перевода, но лишь одним – наряду с другими – способом передачи семантики греческих композитов славянскими языковыми средствами, а переводчик не стремился установить однозначные лексические, морфологические и

структурные соответствия между двумя языками, не избегая вариантности в передаче как определенных языковых единиц, так и языковых моделей (структур) исходного языка в языке принимающем. Осознанное стремление книжников к структурной эквивалентности перевода, проявившееся на более поздних этапах развития церковнославянского языка, является предметом нашего следующего исследования переводов греческих композитов в диахронном аспекте.

2.3.2. История словообразовательного калькирования при переводе греческих композитов: опыт диахронного лингвотекстологического анализа по спискам XI – XV веков

В отличие от предыдущего параграфа, в котором была произведена попытка реконструкции корпуса церковнославянских переводов греческих сложных слов на начальных этапах славянской письменности в синхронном аспекте, на данном этапе в задачи исследования входит диахронное изучение изменений в данной системе с X по XV века по церковнославянским рукописям XII – XV вв. Иными словами, предметом исследования были только лексические разночтения (лексико-словообразовательные и собственно лексические варианты [Панин, 1995, с. 138 – 157]), соответствующие греческим композитам, возникшие в ходе последовательных исправлений славянского текста по греческому оригиналу.

Поскольку, как мы уже указывали выше, текстологическая история каждого из четырех рассмотренных нами произведений различалась, редакции, которые мы приводим для каждого из анализируемых контекстов, могут отличаться в зависимости от произведения. Однако это не влияет на основные выявляемые закономерности, которые будут обсуждены ниже. При указании контекстов и редакций мы используем условные сокращения, указанные в главе 1 данной части. Однако материал ранних допреславских редакций, подробно рассмотренный нами в предыдущем параграфе, а в рамках настоящего

исследования используемый в качестве «отправной точки» для лингвотекстологического анализа, унифицировано обозначается нами как *редакция А*.

С точки зрения степени передачи греческих словообразовательных моделей слов сложной структуры выявленные между редакциями собственно лексические и лексико-словообразовательные варианты были разделены на следующие группы:

1. Вариантность, связанная с использованием разноязычных элементов (слов и корней). Как уже указывалось выше, использование заимствованных лексических и словообразовательных элементов было достаточно редким явлением в церковнославянской письменности. В исследованном материале нами было выделено только три случая вариантности с использованием слов либо корней греческого происхождения:

ὁμοούσιος ВК (7:Т) (9:Т): ѿмоисии (редакция А) – єдиносѣщънъзи (редакции Г, Д, Афонская, РГБ 25) – прѣсѣщънъзи (Ф.п. I. 55)

φιλόσοφος Ак (17): прѣмѣдръзи (редакция А) – философъ (редакции Г, Д, Афонская) – лювопрѣмѣдръзи (Ф.п. I. 55) - лювоѿмѣдръцъ (РР)

τριπρόστατος ВК (9:Т): - трипрѣстаснъзи (редакция А) – трисѣставънъзи (редакции Г, Д, Афонская).

Следовательно, можно констатировать, что по мере развития церковнославянского языка наблюдается вытеснение и ранее немногочисленных слов и морфем языка-источника исконно славянскими элементами.

2. Вариантность, связанная с заменой описательного словосочетания:

2а. на двукорневую лексику-кальку:

ἀείζωος ВК (3:2:6): присно живъ (редакции А, Г) – присножизнии (редакция Д) – присноживотънъзи (Афонская, Ф.п. I. 55, РГБ 25)

ἀνεξίκακος АС (10): не память зълъимъ (редакция А) – незловивъ (редакции Г, РГБ 25) – безловзивъ (редакция Д) – непамятозловивъзи (Ф.п. I. 55)

ἀρχέκακος АС (21): начальникъ зълѡу (редакция А) – спърва зълъихъ (редакция Г) – искони зълъзи (РГБ 25) – зълѡначальникъ (редакция Д) – началозловнъзи (Ф.п. I. 55)

αὐτεπάγγελτος Ак (17): благовѣстити вса (редакция А) – самообещанно (редакции Г, Д, Афонская) – самовѣтованъ (Ф.п. I. 55, РР)

ἡδυπαθεία ВК (7:11): наслаждение страсти (редакция А) – сладсть (редакции Г, Д, РГБ 25) – страсть (Ф.п. I. 55) – сладострасть (Афонская)

θεοδόμος Ак (8): вожи пѣть (редакция А) – боготочънъзи / боготечнъзи (редакции Г, Д, Афонская, РР)

θεολογῶ ВК (9:22): бога т- нарицати (редакция А) – благословити (редакция Г) – благовѣстити (редакция Д) – богословити (Афонская, Ф.п. I. 55, РГБ 25)

θηλυμανία ВК (4:12): женъи неистовство (редакция А) – влѣдъ (редакции Г, РГБ 25) – тиннолюбие (редакция Д) – женонеистовство (Афонская)

κακουργία ВК (2:2:2): зълѡ дѣло (редакции А, Г, Д, РГБ 25) – зълѡдѣиство (Афонская, Ф.п. I. 55)

κλεψίγαμος Ак (6): оукрадыши бракъ (редакция А) – бракоокрадованънъзи (редакции Г, Д, Афонская, Ф.п. I. 55, РР)

ὁμοβασίλειος ВК (4: Т): едино царство (редакции А, Г, Д) –
единоцарственнзи (Афонская, РГБ 25)

πατραλοίας ВК (3:2:4): оубице отца (редакция А) – отца оубица (редакция
Г) – отцоу ругатель (Афонская) – отцоувица (Ф.п. I. 55) – отчепосмѣшникъ
(РГБ 25)

πατρόθεος ВК (7:4): богоу отець (редакция А) – богоотць (редакции Г, Д,
Афонская, Ф.п. I. 55, РГБ 25)

πολύφθογγος Ак (17): великое вѣщание (редакция А) – мзногогласьнзи
(редакции Г, Д) – мзноговѣщаннзи (Афонская, Ф.п. I. 55, РР)

πολύφωτος Ак (21): мзногъ свѣтъ (редакция А) – мзногосвѣтълзи (редакции Г,
Д, Афонская, Ф.п. I. 55, РР)

πρωτόπλαστος АС (21): прѣжде създаннзи (редакции А, Г, Д) –
првоззданнзи (Ф.п. I. 55, РГБ 25)

τεχνολόγος Ак (17): оучение слова (редакция А) – хѣтрословесьникъ (редакции
Г, Д, Афонская, РР) (в Ф.п. I. 55 данный хайретизм пропущен).

2б. на однокорневую лексему:

λιθοκτονῶ ВК (2:2:2): камениемъ побити (редакции А, Афонская) – камениемъ
оубити (Ф.п. I. 55) – оубити (редакция Д) – оуморити (редакции Г, РГБ 25)

νυμφοστόλος Ак (19): женихомъ вѣщание (редакция А) – чрьтогъ (редакции
Г, Д, Афонская) – невѣстокраситель (Ф.п. I. 55) – чрьтожьница (РР)

παῖδοποιῶ ВК (4:10): детотворецъ възьть (редакция А) – породити (редакции Г, Д, РГБ 25) – родити (Афонская).

Итак, большинство (20 из 31) описательных сочетаний, использованных в ранних редакциях для перевода греческих композитов, уже на этапе Преславской sprawy были заменены на кальки-новообразования либо на славянские эквиваленты, что свидетельствует о стремлении книжников к пословному соответствию перевода и оригинала. Данный процесс продолжается последовательно вплоть до Афонской книжной sprawy. При этом калькирование, очевидно, предпочитается книжниками использованию однокорневых семантических соответствий (число случаев в 4 раза больше).

3. Замена однокорневой славянской лексемы, передающей семантику всего композита и не сводимой к значению ни одной из его частей, либо некалькированного композита на славянскую кальку-композит:

αὐθαίρετος ВК (2:2:8): джшевьнзи (редакции А, Г) – самовольнзи (редакции Д, Афонская) – самоизволензи (Ф.п. I. 55)

εὐκοσμία ВК (2:1:19): красота (редакции А, Г, Д, РГБ 25) – благое оукрашение (Ф.п. I. 55) – благооукрашение (Афонская)

εὐλαβής Ак (23): говѣжции (редакция А) – благовоаънзи (редакция Г) – благоговѣинзи (Афонская, Ф.п. I. 55, РР)

εὐωχία Ак (21): веселие (редакции А, Г, Д, РР) – благое наслаждение (Афонская) - благожханіе (Ф.п. I. 55)

φιλάνθρωπος ВК (1:12) (1:13) Ан (2:Б): милостивъ (редакции А, Г) – человеколубьцъ (редакции Д, Афонская, Ф.п. I. 55, РГБ 25)

φιλάνθρωπος Ан (3:1) (5:2) (8:2) (13:2) (15:1) ВК (2:27) (4:1): милосръдъ
(редакции А, Д) – чловѣколюбьць (редакции Г, Афонская, Ф.п. I. 55, РГБ 25).

Относительно небольшое число изменений данного типа свидетельствует о том, что само по себе копирование структуры греческого слова, как правило, не входило в задачи славянских книжников – в случае, если греческому композиту был найден точный славянский семантический эквивалент (однокорневая лексема или некалькированный композит), он обычно сохраняется в традиции.

4. Замена однокорневой лексемы – семантического соответствия одной из частей греческого композита на славянское словосочетание:

μεγαλέμπορος ВК (4:9): обильнъ (редакция Г) – великъи коупьць (редакции Д, Афонская, РГБ 25)

χρεωλύτης Ак (22): рѣшитель (редакция А, Д) – длъгоу раздрѣшитель (редакции Г, Афонская) – дългорѣшитель (Ф.п. I. 55) – длъговъ рѣшитель (РР).

Наличие даже небольшого количества изменений данного рода свидетельствует о приоритете семантического критерия перед структурным при выборе славянских соответствий для греческих композитов.

5. Замена однокорневой лексемы – семантического соответствия одной из частей греческого композита – на славянскую кальку-комполит:

αὐτεξούσιος ВК (2:13): вольнъи (редакции А, Г, РГБ 25) – самовольнъи (редакции Д, Афонская) – самовластьнъи (Ф.п. I. 55)

εὐσεβής ВК (1:21): благъ (редакции А, Г) – благочьствнъи (редакции Д, Афонская, Ф.п. I. 55, РГБ 25)

εὐσεβής Ак (23): вѣрнъи (редакция А) – благовѣрнъи (редакция Г) – благочьствнъи (Афонская, Ф.п. I. 55, РР)

ζωγραφῶ Ак (21): възбрати (редакция А) – просиати (редакция Г) – прописати (редакция Д) – живописати (Афонская, Ф.п. I. 55, РР)

ζωπλάσσω ВК (1:10): създаати (редакции А, Г, Д) – жизнь дати (Ф.п. I. 55) – живосздаати (Афонская, РГБ 25)

κουροτρόφος Ак (19): крзмо (редакция А) – младопитательница (редакции Г, Д, Афонская, Ф.п. I. 55, РР)

πανάμωμος АС (22): непорочьнзи (редакция А) – всенепорочьнзи (редакции Г, Ф.п. I. 55, РГБ 25)

προζωγραφῶ ВК (9:13): прописати (редакция А) – предъживописати (Афонская, Ф.п. I. 55, РГБ 25)

σωφρονέω ВК (9:16): мѣдрити сѧ (редакции А, Г) – цѣломѣдрити сѧ (редакции Д, Афонская, РГБ 25) – оуцѣломѣдрити сѧ (Ф.п. I. 55)

σωφροσύνη ВК (5:8) Ак (9): мѣдрость(редакция А) – цѣломѣдрие (редакции Г, Д, Афонская, Ф.п. I. 55, РР, РГБ 25)

σώφρων ВК (5:5) Ак (6): мѣдръ (редакция А) – цѣломѣдрьнзи (редакции Г, Д, Афонская, Ф.п. I. 55, РР, РГБ 25).

Последовательное исправление таких переводов (исправлено более половины начальных вариантов) свидетельствует о сознательном стремлении славянских книжников полностью воспроизвести при переносе в другую языковую систему семантику греческого композита.

6. Лексико-словообразовательные варианты, связанные с заменой деривационного аффикса на корень для достижения семантической точности перевода и структурного соответствия с лексемой языка-источника:

ἀπειράνδρως ВК (3:2:Б): vezmъжъне (редакция А) – vezъ mъжа (редакция Г) –
неискоуѣсомъжъне (Афонская, РГБ 25, Ф.п. I. 55)

νομοθέτης Аη (12:3): законъникъ (редакция А) – законоположьникъ (редакции Г,
Д, Афонская)

πανύμνητος Ак (24): прѣпѣтъзи (редакции А, Г, Д) – всепѣтъзи (Афонская,
Ф.п. I. 55, РР)

πολυεύσπλαγχνος ВК (9:22): прѣмилостивъ (редакции А, Г) –
многомилостивзи (редакции Д, Афонская, Ф.п. I. 55) – многомилосръдънзи (РГБ
25)

πολυκτήμων ВК (4:15): прѣвогатзи (редакции А, Г) – многобогатзи
(редакции Д, Афонская, РГБ 25)

πρωτοστάτης Ак (1): прѣдъстатель (редакции А, Г, Д, РР) – прѣвостатель
(Афонская, Ф.п. I. 55).

7. Лексико-словообразовательные варианты, связанные с изменением одного из
корней славянского сложного слова. Причинами их могли быть:

7а. исправление ошибок и неточностей предшествующих переводов:

ἀγλαόκαρπος Ак (13) свѣтоплодънзи (редакции А, Г, Д) – свѣтлоплодовитнзи
(Ф.п. I. 55) – благоплодънзи (Афонская) – благоплодовитнзи (РР)

δυσανάβατος Ак (1): дъвовходънзи (редакции А, Г, Д) – неодоувъвъсходимзи
(Афонская, Ф.п. I. 55, РР)

δυσθεώρητος Ак (1): дъвовидимзи (редакции А, Г, Д) – неодоувъзримзи
(Афонская, Ф.п. I. 55, РР)

θεοφανεία ВК (5:10): боговидѣние (редакция А) – богоявление (редакции Г, Д,
Афонская, РГБ 25);

76. унификация способов перевода одного корня в составе различных лексем – поиск «универсального эквивалента» его перевода вне зависимости от морфемного окружения:

εὐνομία ВК (6:10): доброзаконие (редакции А, Г) – благозаконие (редакции Д, Афонская, Ф.п. I. 55, РГБ 25)

εὐπρέπεια ВК (2:11): добротѣпие (редакции А, Г) – благолѣпие (редакции Д, Афонская, Ф.п. I. 55, РГБ 25)

εὐσέβεια ВК (3:2:12): благовърие (редакции А, Г) – благочестие (редакции Д, Афонская, Ф.п. I. 55, РГБ 25) (ср. θεοσέβεια АН (4:2) благочестие)

εὐσκίόφυλλος Ак (13): добролиствьнзи (редакция А) – благосѣньнолиствьнзи (редакции Г, Д, Афонская, Ф.п. I. 55, РР)

εὐσπλαγχνία ВК (2:5) (8:10) АС (4) (24): милосръдие (редакции А, Г, Д, Афонская) – благосръдие (РГБ 25) - благожтровіе (Ф.п. I. 55)

εὐσπλαγχνός ВК (1:1) (1:16) (1:17) (1:18) (1:22) (1:Т) (2:4) (3:4) (7:1) (7:2) (8:18) (8:20) (9:21) АС (13): милосръдъ (редакции А, Г, Д, Афонская) – благосръдъ (РГБ 25) - благожтровенъ (Ф.п. I. 55)

θεολογῶ ВК (4:Т): словословити (редакции А, Г, Д, РГБ 25) – богословити (Афонская)

θεοτύπωτος ВК (2:1:19): благообразнзи (редакция А, Д) – богообразнзи (редакции Г, Афонская, РГБ 25) – благообразованнзи (возможность варьирования славянских компонентов благо- и бого- на ранних этапах славянской письменности отмечено в литературе [Чернышева, 2008, с. 550])

ζωηφόρος ВК (4:22): жиѡнодавьнзи (редакции А, Г, Д) – живоносьнзи
(Афонская, РГБ 25) (ср. θεοφόρος Ак (10) богоносьнзи)

ύμνολογῶ ВК (4:Г): славословити (редакции А, Г, РГБ 25) – пѣснесловити
(редакции Д, Афонская) (ср. πανύμνητος Ак (24) прѣпѣтъзи / всепѣтъзи)

ύψηγορος ВК (4:24): велерѣчивь (редакции А, Г, Д) – вѣсокослѣвѣ (Афонская) –
вѣсокоглаголивѣ (РГБ 25) (ср. ύψηλός Ак (14) вѣсокзи).

Нетрудно заметить, что исправление одной славянской кальки на другую, более точную (причем не только в семантическом, но и в структурном аспекте), как правило, происходит на этапе Афонской справки.

8. Вариантность, связанная с изменением порядка частей в славянском композите с целью приближения его к структуре греческого слова

ἀπειρογάμος Ак (4): браконейскоуьнзи (редакции А, Г, Д) – неискоуьсобрачьнзи
(Афонская, Ф.п. I. 55, РР)

φιλήδονος ВК (2:1:14) (2:1:20) (6:6): сластолюбьнзи (редакции А, Г, Д, РГБ 25)
– любосластьнзи (Афонская, Ф.п. I. 55)

φιλοξενῶ ВК (3:2:8) страньнолюбити / гостелюбити (редакция А) – гостиприати
(редакции Г, Д) – оучредити (Ф.п. I. 55, РГБ 25) – любостраньствовати
(Афонская)

φιλόυλος ВК (2:17) вѣцелюбезно (редакции А, Д) – тѣлолюбовно (редакции Г,
РГБ 25) – любовецное (Афонская, Ф.п. I. 55).

Данные структурные изменения также происходят, как правило, на этапе Афонской справки.

9. Вариантность, связанная со стремлением книжников разделить на лексическом уровне синонимичные или близкие семантически лексемы греческого языка:

Θεογεννήτορ ВК (2:2:Б) (7:Б) (9:Б): богородица (редакции А, Г, Д) – богородительнице (Афонская, Ф.п. I. 55, РГБ 25) (ср. Θεοτόκος ВК (1:Б) (2:1:Б) Ак (Π) богородица)

В эту же группу могут быть отнесены и рассмотренные ранее в третьей группе варианты εὐκοσμία: красота / благоуукрашение (необходимость разделения на лексическом уровне славянских соответствий данного греческого понятия с семантически близкими κάλλος – доброта и το ωραίον – красота (см. главу 2 данной части)), а также φιλόανθρωπος: милосрдыз / человеколюбьцз (необходимость разделения на лексическом уровне данного греческого понятия с близким ему εὐσπλαγχνός, на начальных этапах славянской письменности передававшихся одним словом милосрдыз [Чернышева, 2008, с. 543 – 544]).

Итак, проведенное нами лингвотекстологическое исследование позволило выявить основные тенденции развития техники перевода в период с X до XV вв. в отношении греческих композитов. Результаты исследования свидетельствуют о том, что:

- 1) в качестве основной своей задачи в данный период славянские книжники видели воспроизведение не структуры, но семантики греческих сложных слов, калькирование в данной системе являлось для них лишь средством наиболее адекватной передачи сложных семантических отношений между корнями греческих композитов;
- 2) стремление к семантической точности заставляет славянских редакторов уже на этапе Преславской sprawy отказываться как от описательных переводов-парафразов, так и от переводов, передающих значение только

одного из составляющих греческого композита; эти тенденции сохраняются в церковнославянской книжности вплоть до XV века;

- 3) активное словотворчество путем калькирования сложных слов в рассматриваемый период (к XV веку число калек, соответствующих греческим композитам, в проанализированном материале увеличивается практически вдвое по сравнению с начальным периодом) привело к существенному обогащению лексического состава церковнославянского языка, позволив передать сложные оттенки смысла, присущие греческим композитам, а также разделить на лексическом уровне славянские соответствия близким, но не тождественным понятиям православной богословской и эстетической мысли (см. группу 9);
- 4) к концу XIII века (период Афонских редакций) формируется новый подход к технике перевода, основанный на нахождении (или создании) в принимающем языке постоянного эквивалента как лексемам, так и корневым морфемам исходного языка; усиленное влияние греческого языка на церковнославянский на структурном уровне в указанный период проявляется, в частности, в стремлении к единообразию в переводе корней греческого языка (см. группу 7б) и вытеснении из языка корней, не имеющих точных греческих эквивалентов (в частности, корня добр-, систематически заменяемого на благ- для передачи греческого εὖ- [Соломоновская, 2012, с. 117]), а также в изменении порядка корней славянских композитов для достижения структурного соответствия со словами исходного языка (см. группу 8).

Кроме того, проанализированный материал позволяет рассмотреть процесс калькирования в аспекте структурного и системно-семантического влияния исходного (греческого) языка на принимающий (церковнославянский), далеко не ограниченного периодом создания последнего (IX – X вв.), но продолжавшегося на протяжении веков трудами переводчиков и редакторов, стремящихся достичь максимально возможной в различных языковых системах

точности передачи смысла, причем не путем лексического заимствования, но путем создания в принимающей системе аналогичных структур. Калькирование как один из основных способов обогащения лексики принимающего языка «балансирует» между двумя языковыми системами и по сути своей является попыткой перенесения в принимающий язык системных отношений исходного языка. Именно исходя из логики греческой словообразовательной и семантической системы славянский книжник заменяет в конце XIV века первую часть славянского некалькированного композита милосръдїе на благосръдїе по аналогии с другими славянскими соответствиями словам с первой частью εὐ- [Чернышева, 2008, с. 543], повинуясь этой же логике он переставляет корень люб со второго места, где он должен находиться согласно словообразовательным моделям языка церковнославянского, на первое, как предписывает его греческий аналог φιλ-. Не всегда такой межъязыковой перенос оказывается продуктивным, многие созданные в процессе переводов кальки-композиты остались в языке «чужеродными телами» и в дальнейшем были отвергнуты им (так, в церковнославянском и русском языке закрепились не калька Афонской редакции любостраньствовати (φιλοξενῶ), но некалькированный композит Преславской редакции гостиприати (ср. *гостеприимный*)), однако в целом данный процесс не только позволил создать в принимающем языке целые пласты новой лексики, но и ввел в язык продуктивные словообразовательные модели, продолжив процесс греко-славянского интенсивного культурного и языкового взаимодействия, лишь начавшегося в период создания славянской письменности.

2.3.3. К вопросу об эволюции церковнославянской префиксальной деривации: опыт лингвотекстологического анализа славянских переводов греческих слов с приставкой $\sigma\upsilon\upsilon$ -

В рамках данного параграфа мы проведем диахронный лингвотекстологический анализ славянских соответствий глагольным и именным дериватам с префиксом $\sigma\upsilon\upsilon$ - с целью описания истории префиксальной деривации в церковнославянском языке, а также роли в данных процессах греческого языка.

Известно, что глагольная и именная префиксальная деривация оказали существенное влияние на развитие всех индоевропейских языков. Согласно данным сравнительно-исторического языкознания предпосылки для этого процесса сложились уже в праиндоевропейском языке в связи с формированием особой категории неизменяемых реляционных элементов-адвербов и перемещением их в препозицию по отношению к глаголу [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 355 – 358]. Агглютинативный характер данных реляционных элементов и связанная с ним их семантическая и структурная автономность сохраняется не только в праиндоевропейском языке, но и после его распада [Табаченко, 2011, с. 19 – 20], когда в каждом из формирующихся самостоятельных языков возникают собственные деривационные процессы, развивающиеся согласно логике данного языка в тесной связи с его остальными морфологическими, лексическими и синтаксическими компонентами и закономерностями. В русском и – шире – в славянских языках такими закономерностями были формирование грамматической категории глагольного вида и связанное с этим развитие у определенных типов глаголов семантики предельности и результативности, а также постепенная экспансия предлогов и вытеснение беспредложных форм имен существительных предложными [Маслова, 1972; Табаченко, 2011, с. 4].

Несмотря на относительно независимую эволюцию деривационных процессов в каждом из индоевропейских языков, в истории языка происходили и случаи их взаимовлияния, связанные с процессами культурного и языкового переноса. Классическим примером такого процесса является византийско-славянский культурный диалог, выразившийся, в частности, в создании церковнославянского языка как языка-посредника для переноса греческого культурного и языкового наследия на славянскую почву. Практически этот процесс осуществлялся путем перевода и последующего редактирования основных для византийской христианской культуры текстов и их адаптации в среде принимающего языка. В число таких текстов входила и гимнография, составлявшая значительную часть текстовых ассоциатов средневекового человека и регулировавшая речевой узус в сфере религиозной книжности. Именно поэтому мы, как и в предыдущих главах и параграфах данной части, использовали для лингвотекстологического анализа гимнографический материал. На данном этапе мы рассмотрели способы переводов греческих глагольных и именных дериватов с приставкой $\sigma\upsilon\nu$ - в южно- и восточнославянских редакциях славянских переводов отмеченных выше произведений по спискам XI – XV века, иллюстрирующим историю языка, начиная с создания славянской письменности и первых переводов, то есть с конца IX века.

Предметом проведенного лингвотекстологического исследования был греческий префикс $\sigma\upsilon\nu$ -, который, в зависимости от следующего за ним звука, мог принимать одну из следующих форм: $\sigma\upsilon\mu$ -/ $\sigma\upsilon\gamma$ -/ $\sigma\upsilon\lambda$ -/ $\sigma\upsilon\rho$ -/ $\sigma\upsilon\sigma$ -/ $\sigma\upsilon$ -. Данный префикс происходит от наречия $\sigma\upsilon\nu$ (*вместе*), используемого также и в функции предлога со сходным значением в сочетании с дательным падежом. Имевший комитативную семантику (*совместное действие с более, чем одним субъектом или объектом*) префикс $\sigma\upsilon\nu$ - входил в число продуктивных морфем греческого языка, активно используемых в глагольном и именном словообразовании [Σταματάκης, 1972, с. 940 – 941]. В языке Нового Завета и

последующей христианской литературе данный префикс приобретает дополнительную семантическую нагрузку, выражая «богословскую семантику “сопричастности” (2 Петр. 1: 4), соединения с Богом или обожения» [Чевела, 2010а, с. 77]. В рассматриваемой семантике ему соответствовал славянский префикс *съ/ *съп/ *со, вероятно, не имевшего этимологической общности с греческой морфемой (согласно М. Фасмеру, данный славянский префикс в этимологическом плане соответствует греческому наречию ὁμοῦ [Фасмер, 1987, т. 3, с. 540]). Необходимо отметить, что в славянском языке существовал и другой омонимичный префикс съ- с пространственным значением удаления или снижения [Маслова, 1972; Табаченко, 2011, с. 270 – 272]. Данная морфема в этимологическом и семантическом плане соответствует греческому префиксу κατὰ-, происходящему от индоевропейского *k^oφom [Фасмер, 1987, т. 3, с. 540].

Всего в анализируемых текстах было выделено 46 лексем с рассматриваемым префиксом в 58 различных контекстах, в том числе: 28 глаголов (включая причастия), 11 существительных, 5 прилагательных и 2 наречия. Отметим также, что в 8 случаях из общего числа лексем префикс συν- используется вместе с другим префиксом на первой (например, συνάναρχος) или второй (например, ἀσύγχυτος) позиции.

Результаты нашего исследования представлены ниже в четырех группах, лексическое значение греческих слов указано в соответствии с лексикографическими источниками по древнему и византийскому греческому языку [Lampe, 1961; Σταματάκης, 1972].

1. Существительные, прилагательные и наречия с префиксом συν- в комитативном значении:

1.1. συζητητής (*совместно вопрошающий, противник в споре*) Ак (17) :
взискатель (редакции А, Г, Д, Афонская, РР) – съвъпроситель (Ф.п.Ι.55).

- 1.2. σύγγονος (*рожденный вместе*) ВК (5:4) : братъ (редакции Г, Д) – сзродьникъ (Афонская, РГБ 24), см. также : ὑπὸ τῶν συγγόνων - ѿ рождения своего ѿ брата (редакция З (Загреб.)).
- 1.3. συμβουλή (*совет, совещание*) ВК (2:1:8) : сзвѣтъ (все редакции).
- 1.4. συμφώνως (*единым гласом, согласно*) Ан (10:Б) : сзгласьно (редакция Д).
- 1.5. συνάναρχος (*также не имеющий начала, сходный в том, что не имеет источника*) ВК (8:Т) : сзначальнзи (редакция А) – и безначальнзи (редакция З (Загреб.)) – сзвезначальнзи (редакция Г и далее).
- 1.6. συνέδριον (*ассамблея, народное собрание*) Ан (4:2) : сзборице (все редакции).
- 1.7. συνείδησις (*сознание, совесть*) ВК (1:7) : сзвѣсть (редакция Г и далее); ВК (4:4) : сзвѣсть (все редакции); Ак (21) : сзвѣсть (все редакции).
- 1.8. σύνθρονος (*делящий престол, царствующий совместно*) ВК (4:Т) : сзстольнъ (редакции А, Г) – сзпрѣстольнъ (редакция З (Загреб.), редакции Д, Афонская, РГБ 25).
- 1.9. συνοδοιπόρος (*совместно путешествующий, спутник в пути*) Ан (14:1) : сзпѣтъникъ (все редакции).

Перевод слов данной категории, главным образом, осуществлялся при помощи словообразовательного калькирования [Чевела, 2010а, с. 89 – 94] с использованием соответствующего славянского префикса сз. Только в одном из случаев (1.1) комитативная семантика префикса συν- не была передана при переводе (попытка достичь и в этом случае точного поморфемного соответствия, предпринятая редактором Ф.п.І.55, не сохранилась в

последующей традиции из-за неясной этимологической формы гапакса *σὺνζῦγος* (связьпроситель). Следует также отметить, что ранний неточный перевод *σὺγγονος* (*рожденный вместе*) – *братъ* (уместный, однако, в данном контексте, относящемся к братьям Моисея) позднее был заменен на кальку с греческого. В редакции З в данном месте был использован описательный перевод, совмещающий передачу как семантики, так и внутренней формы греческого слова: *рожденина своего братъ*. Кроме того, подчеркнем, что в ранних (до X века) редакциях переводчики и редакторы предпочитали не использовать двух префиксов в одном слове (1.5.; 1.8.).

2. Глаголы, обозначающие человеческие чувства и их производные (комитативная семантика префикса *συν-* конкретизируется в значении неединичности гомиических субъектов):

2.1. *ἀσὺμπαθής* (*не чувствующий симпатию*) *Ан* (4:3) : *немилоствивъ* (все редакции).

2.2. *συγχώρησις* (*соглашение, прощение*) *Ак* (13) : *прощение* (все редакции).

2.3. *συγχωρέω* (*принимать, прощать*) *ГС* (1:19) : *оцѣстити* (редакция А) – *простити* (редакция Г и далее).

2.4. *συμπαθέω* (*испытывать симпатию, жалеть*) *Ан* (4:1) : *миловати* (все редакции).

2.5. *συμπαθῶς* (*с чувством жалости или симпатии*) *ВК* (1:12) : *милость* (редакция А) – *милостивно* (редакция Г и далее).

2.6. συνίημι (*воспринимать, понимать*) *Ан* (3: 1-7) : ραζοῦμῆτι (редакции А - Афонская); *Ан* (7:2) : ραζοῦμῆτι (редакции А - Афонская); *Ан* (11:1): ραζοῦμῆτι (редакции А - Афонская).

Для перевода слов данной группы, в отличие от предыдущей, используются славянские соответствия, передающие семантику, но не форму греческих лексем. Словообразовательной калькирование практически не употребляется, в особенности для передачи греческих слов, где префикс уже был десемантизирован.

3. Непереходные позиционные глаголы или глаголы движения с префиксом συν- в значении комитативности или совместного расположения и их производные (греческие медиопассивные глаголы рассматриваются отдельно только в том случае, если они меняют свою лексическую семантику с изменением залога и анализируются отдельно в словарях):

3. 1. συκατάβασις (*спуск, сходжение с целью приближения*) *ВК* (9:6) : съмърение (редакции А, Г) – пришествие (редакция З (*Загреб.*)) – съхождение (редакции Д, Ф.п.1.55) - величества (Афонская) - почъстие (РГБ 25), ср. также сънизъхождение (Никоновская редакция и современный церковнославянский перевод); *Ак* (15) : сънिति (редакция А) – съхождение (редакции Г и далее), ср. также сънизъхождение (Никоновская редакция и современный церковнославянский перевод); *Ан* (11:1) : съхождение (редакции Г, Д) – съмотрение (Афонская).

- 3.2. συγκατακαίωμαi (*гореть вместе*) ВК (2:2:9) (συγκατακαίεσθαι) :
 съжьжена възити (редакции А, З (Загреб.) Г, Д, Афонская) – съгорѣти
 (Ф.п.І.55).
- 3.3. συκρѣμαi (*быть повешенным (распятым) вместе*) ВК 9:22
 (συνεκρѣμαντο) : повисѣста с- (редакция А) – повѣшена (редакции З
 (Загреб.), Г) – висаща (редакция Д) - висѣста (Афонская) - съповѣшена (РГБ
 25).
- 3.4. συγκύπτω (*сгибаться вдвое*) (συγκύπτουσα) ВК (5:19) : гръбавѣбивша
 (редакция З (Загреб.)) - долоу погребенаа (редакции А, Г, Д, РГБ 25) - низоу
 съничащаа (Афонская); ВК (9:14) : приклоньша са (редакция А) - гръбави-
 (редакция З (Загреб.)) – нищаа (Афонская) - поникъшаа (РГБ 25) - съничащаа
 низъ (Ф.п.І.55), ср. также нищаа (современный церковнославянский
 перевод).
- 3.5. συχορεύω (*танцевать вместе*) Ак 7: съликъствовати (редакция А) -
 ликовати (редакции Г, Д, Афонская) – съликовъствовати (Ф.п.І.55, РР), см.,
 например: χαῖρε, ὅτι τὰ ἐπίγεια συχορεύει οὐρανοῖς : радочи са ѿко
 землянаа съликъствують вѣрнзимъ (редакция А) - радочи са ѿко землянаа
 ликоуѣть съ небесънзими (Афонская) - радочи са ѿко земнаа съликъствуюѣть съ
 вѣрнзими (РР).
- 3.6. συμπίπτω (*падать вместе, сталкиваться при падении*) АС (19) :
 съподвити са (редакция А) – падати (редакция З (Загреб.)) – падати са

- (редакция Д) – зъпадати (редакция Г) - ѿпадати (Ф.п.Ι.55) – низъпадати (РГБ 25).
- 3.7. συμπνίγομαι (*задушить себя вместе с кем-либо*) *Ан* (1:3) : сѣоудавити с- (редакции А, Г) - оудавити с- (редакция Д) - оудавити себе (Афонская).
- 3.8. συμφωνέω (*звучать вместе, быть в гармонии, достигать согласия*) *Ан* (2:1) : (συμφωνούντων - συμφωνούμενος) : сѣвѣцати (редакции А, Г, Д) – продавати (Афонская), ср. также сѣвѣцевати (современный церковнославянский перевод). См., например: ἐν μέσῳ δὲ τῶν συμφωνούντων, αὐτὸς εἰστήκε ἰς ἀοράτως συμφωνούμενος : сръдѣ же свѣцаваше ищощи хъ самъ стоиши невидимо свѣцаемъи (редакция А) - сръдѣ же сѣвѣцавающии хъ самъ стоиаше невидимо сѣвѣцаваемъи (редакция Г) - посръдѣ же продажци хъ самъ стоаше невидимо продаемъи (Афонская); *Ан* (5:1) (συνεφώνει) : сѣвѣцати (редакции А, Г, Д, Афонская).
- 3.9. συναγάλλομαι (*радоваться вместе*) *Ак* (7) : сѣрадовати сѧ (редакция А) – радовати сѧ (редакции Г и далее), см., например: χαῖρε, ὅτι τὰ οὐράνια συναγάλλεται τῇ γῆ : радощи сѧ ꙗко земьнага сѣ невесьнъими сѣрадоують сѧ (редакция А) - радощи сѧ ꙗко невесьнага радощѣтъ сѧ сѣ зѣмьнъими (Афонская), см. также: радощи сѧ ꙗко невесьнага сѣрадоуѣтъ сѧ зѣмьнъимъ (Никоновская редакция).
- 3.10. συνάγομαι (*собираться*) *Ан* (1:1) : сѣвратисѧ възкоупе (редакции А, Д) - сѣвратисѧ (редакции Г, Афонская).

- 3.11. συνδιάγω (*проходить вместе*) Ак (16) : съчетати сА (редакция А) - приближати сА (редакция Г) – прѣвзивати (редакции Г, Афонская) – съпрѣвзивати (Ф.п.І.55, РР), см., например: ἡμῖν μὲν συνδιάγοντα : съчетающе сА съ нами (редакция А) - кз намз приближающа сА (редакция Г) - съ нами прѣвзивающа (редакции Д, Афонская) - съ нами съпрѣвзивающа (Ф.п.І.55) - намз съпрѣвзивающа (РР).
- 3.12. συνεκτείνομαι (*расширяться вместе или до размеров чего-то*) Ак (20) : распростърети (редакция Г) – простърети сА (редакции Д, Афонская, Ф.п.І.55) - съпротазати сА (РР), см., например: συνεκτείνεσθαι σπεύδων, τῷ πλήθει τῶν πολλῶν οἰκτιρισμῶν σου : распростърети тзцаши сА мзножество мзногзихз щедротз твоихз (редакция Г) – простърѣти сА тзцѣша сА кз мзножествоу щедротз твоихз (редакция Д) - съпротазати сА тзцѣша сА мзножествоу щедротз твоихз (Ф.п.І.55), см. также съпростърети сА тцашееса ко мзножествоу щедротз твоихз (Никоновская редакция).
3. 13. συνέρχομαι (*собираться, совещаться*) ВК (7:9) : повинѣти (редакция Б (*Битол.*)), присътати (редакция З (*Загреб.*)), повинѣти сА (редакции А, Г, Ф.п.І.55), приложити сА (редакция Д), послушати (Афонская), сънити (РГБ 25), см. например συνῆλθες ταῖς τούτου βουλαῖς : повинѣ того клеветами (*Битол.*) - присътала еси съвѣтомз (*Загреб.*) - повинѣса того клеветамз (редакции А, Г, Ф.п.І.55) - того съвѣтомз приложи сА (редакция Д) - послушала

еси сего совѣти (Афонская) - сѣнишла еси его сѣвѣтомъ (РГБ 25), см. также сѣнигъшла еси сего совѣтомъ (современный церковнославянский перевод).

3. 14. συντέμνω (*обрезать, укорачивать*) ВК (4:2) : сѣкратити (редакции А, Г, Д, Ф.п.І.55) - сѣкращати (Афонская).

3. 15. συσκοτίζω (*темнеть*) ВК (9:23): умрачати сѧ (редакции А, Г) - помъркнѣти (Афонская, РГБ 25) – сѣмръчети сѧ (Ф.п.І.55).

Большинство слов данной группы имеют различные переводы в разных редакциях, что свидетельствует о трудностях, с которыми сталкивались славянские книжники в поисках точного эквивалента. Калькирование используется на различных этапах истории текстов (см., например, συμπνίγομαι - сѣоудавити с- (редакции А, Г), συγχορεύω - сѣликъствовати (редакции А, Ф.п.І.55, РР), συνέρχομαι - сѣниити (Ф.п.І.55), συγκατάβασις - сѣнигъхождение (Никоновская редакция и современный церковнославянский перевод)), однако не является основным способом перевода. Более подробный анализ слов данной группы будет дан ниже вместе со следующей и последней группой.

4. Переходные позиционные глаголы или глаголы движения с префиксом συν- в значении “осуществлять действие совместно над несколькими объектами” и их производные:

4.1. ἀσύγχυτος (*без смешения, сохраняющий различия*) ВК (4:7) : неизмѣщенъ (редакция А) – неразгоримъ (редакция З (Загреб.)) – несѣмѣсьнъ (редакции Г, Д, РГБ 25) - несѣлितънъ (Афонская).

- 4.2. συγγράφω (*писать вместе*) ВК (7:6) : писати (редакции А, Д, Ф.п.Ι.55) – написати (редакции Б (*Битол.*), Г, РГБ 25) – совокоуπити (редакция З (*Загреб.*)) – съписати (Афонская).
- 4.3. συγκαλύπτω (*покрывать вместе, полностью*) ВК 6:2 : покрьзѣти (редакции З (*Загреб.*)), А, Г, Афонская, РГБ 25) – постигати (редакция Д).
- 4.4. συγκαταδικάζω (*осуждать вместе*) ВК 4:24 : ѡсѣдити (редакции З (*Загреб.*), А, Г, Д, Афонская, РГБ 25), см., например: μὴ τῶ Φαρισαίῳ συγκαταδικάσης με : не съ фарисеѡмъ ѡсѣди мене (редакция З (*Загреб.*)) - не съ фарисеѡмъ ѡсѣденъ бѣдѣ (Афонская).
- 4.5. συγχέω (*лить вместе, смешивать*) ВК (2:2:7) : съмѣрити (редакция А) - съмѣсити (редакция Г) – съдръжати (редакция З (*Загреб.*)) – оудръжати (редакция Д, Афонская) – съльти (Ф.п.Ι.55) – съмѣрити (РГБ 25), современный церковнославянский перевод возвращается к варианту оудръжати.
- 4.6. συλλαμβάνω (*брать вместе, арестовывать, зачинать ребенка*) Αν (5:Б) (συλλαβοῦσα) : зчати (заченьше) (редакции А, Г, Д, Афонская); Ак (19) (συλληφθέντας): истлѣвъзшии (редакция А) – зчатъзи (Афонская, Ф.п.Ι.55, РР); Αν (7:1) (συλλαβοῦσί) : имати (имъшимъ / емшимъ) (редакции А, Г, Д, Афонская).
- 4.7. σύλληψις (*захват вместе, арест, зачатие*) Ак (2: 4: 6) : зчатѣе (все редакции).

- 4.8. συμφορά (объединение, беда) Ак (24) : злѡба (редация А) - напасть (редакции Г, Д, Ф.п.І.55, РР) – скръзь (Афонская).
- 4.9. συμφύρω (смешивать) ВК (5:14) : сѡгрѣзити (редакция А) – сѡмѣсити (редакции Г, Д) - примѣсити (Афонская) – сѡмѣсити (РГБ 25), см., например: τῷ πηλῶ συμπέφυρμαι ὁ τάλας τὸν νοῦν : вѣ калѣ сѡгрѣзи вѣси свои оумѣ (редация А) - вѣ калѣ сѡмѣсихѣ свои оумѣ (редакция Г) – сѣ каломѣ сѡмѣсихѣ вкандзи оумѣ свои (редакция Д) – каломѣ примѣсихѣ сѣ вкандзи оумомѣ (Афонская) – тернемѣ сѡмѣсихѣ вкандзи оумѣ (РГБ 25).
- 4.10. συνάπτω (соединять, смешивать) ВК (7:5) : сѣчетати (редакция А, Г, РГБ 25) – сѣвѣкоупити (редакции В (Битол.), З (Загреб.), Афонская, Ф.п.І.55) - приложити (редакция Д), см., например: συνῆψε μὲν ὁ Δαυῖδ ποτε ἀνομίᾳτι τὴν ἀνομίαν : сѣчѣта оубѡ давидѣ инѣгда беззаконие сѣ беззакониемѣ (редакция А) - совокоупи давидѣ инѣгда беззаконие на беззаконие (редакция З (Загреб.)) - сѣчѣта оубѡ давидѣ инѣгда кѣ беззаконию беззаконие (редакция Г) - сѣвѣкоупи оубѡ давидѣ инѣгда беззаконие кѣ беззаконию (Ф.п.І.55).
- 4.11. συναριθμέω (помещать в одну категорию, включать) ВК (4:24) : причѣтати (редакции А, Г, Д, З (Загреб.)) - причѣти (Афонская) – сочѣтати (РГБ 25), см. также сѣчислити (современный церковнославянский вариант), см., например: καὶ τοῦτω συναρίθμησον : томоу причѣти (Загреб.) – кѣ

томуꙋ причитати (редакция А) - съ симъ причѣти (Афонская) – томуꙋ сочетати (РГБ 25).

4.12. συνέχω (*держатъ вместе, предохранять от распада*) ВК (9:23) : колѣвати (редакция А) – одръжати (редакция Г) – съдрогати (Афонская) - съмоуцати (РГБ 25); Ак (23) : съдържати (редакции А, Г, Д, Ф.п.І.55, РР) – държати (Афонская); АС (2) : тишити (редакция Б (*Битол.*)) – сънимати (редакция З (*Загреб.*)) - сънимати / съдържати (редакция А) – обздържати (редакция Г) - обати (редакция Д) – съдържати (Ф.п.І.55).

4.13. συντριβω (*тереть друг об друга, разбивать, поражать*) ВК (9:24) : съкроушити (редакции А, Афонская, РГБ 25) – съвършити (редакция Г).

4.14. συσσείω (*трясти вместе*) ВК (9:23) : трасѣти (редакции А, Г, Афонская, Ф.п.І.55, РГБ 25), см. также современный церковнославянский перевод сътрасѣти.

Вновь, как и в случае с предыдущей группой, церковнославянские редакции донесли до нас большое число вариантов перевода одной греческой лексемы. Калькирование применяется не очень часто и, как правило, в более поздних редакциях (см., например, συναριθμέω - съчислити и συσσείω сътрасѣти в современном церковнославянском переводе, συγχεύω – съльти (Ф.п.І.55), συσκοτίζω – съмръзчети сѧ (Ф.п.І.55), συγγράφω – съписать (Афонская)). Очевидно, однако, что славянские книжники пытались передать в переводе – естественно, в том случае, если это было возможно – не только лексическую семантику, но и внутреннюю форму слова. Например, для перевода греческой лексемы συμφορά был выбран славянский вариант напастъ,

передающий если не значение префикса, по крайней мере семантику движения, заложенную в корне.

Суммируя результаты проведенного выше сопоставительного анализа греческих и славянских вариантов, необходимо отметить разнообразие способов передачи в церковнославянском языке семантики греческого префикса $\sigma\upsilon\nu$ -, включающих в себя:

1. словообразовательное калькирование – копирование структуры греческого слова (характерные примеры приведены выше);
2. использование славянских семантических эквивалентов без структурных соответствий с греческими словами: славянские лексемы без префикса или с префиксом с другой семантикой (см., например, $\sigma\upsilon\lambda\lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\omega$ – зачати; $\sigma\upsilon\gamma\kappa\alpha\lambda\acute{\upsilon}\pi\tau\omega$ – покрыти; $\sigma\upsilon\nu\delta\iota\acute{\alpha}\gamma\omega$ – прѣвзывать; $\sigma\upsilon\nu\acute{\epsilon}\chi\omega$ – тишити; $\sigma\upsilon\gamma\kappa\acute{\upsilon}\pi\tau\omega$ – поникънжти / гръвати с-);
3. использование другого префикса (не сѣ-), более или менее соответствующего по семантике греческому $\sigma\upsilon\nu$ - в конкретных словах (и контекстах), наиболее часто в качестве таких соответствий выступает префикс о(в)- для позиционных глаголов и при- для глаголов движения (см., например, $\sigma\upsilon\nu\acute{\epsilon}\chi\omega$ – обздръжати / одръжати / овати, $\sigma\upsilon\nu\alpha\rho\iota\theta\mu\acute{\epsilon}\omega$ - причьтати, $\sigma\upsilon\mu\phi\acute{\upsilon}\rho\omega$ – примѣсити, $\sigma\upsilon\nu\acute{\alpha}\pi\tau\omega$ - приложити, $\sigma\upsilon\nu\delta\iota\acute{\alpha}\gamma\omega$ - приближати сѧ, $\sigma\upsilon\nu\acute{\epsilon}\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota$ – присътати/ приложити сѧ, $\sigma\upsilon\gamma\kappa\acute{\upsilon}\pi\tau\omega$ – приклонити сѧ, $\sigma\upsilon\gamma\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\beta\alpha\sigma\iota\varsigma$ – пришествие);
4. описательный перевод - использование отдельного слова (наречия), соответствующего по семантике значению греческого префикса в

конкретных словах (и контекстах) и используемого либо вместо приставки главного слова *εξ-* (см., например, *συγκύπτουσα* - долоч погребенаа), либо наряду с ней, по сути дублируя ее значение (см., например, *συγκύπτουσα* - низоч *εξ*ничащаа; *συνάγομαι* - *εξ*вратиса *εξ*зкоупе);

5. использование предложно-падежных конструкций для зависимых существительных на месте греческих беспредложных конструкций [Табаченко, 2011, с. 283 – 300]. Комитативное значение греческого префикса в данном случае передается славянским предлогом *εξ* в сочетании с творительным падежом существительного. Как и в предыдущем случае, подобные конструкции могли использоваться как вместо префикса *εξ-*, так и наряду с ним, дублируя значение последнего (см., например, *μη τῶ Φαρισαίῳ συγκαταδικάσης με* – не *εξ* фарисеимъ *εξ*сѣди мене; *χαίρει, ὅτι τὰ ἐπίγεια συγχορεύει οὐρανοῖς* : *εξ*радоуи сѧ *εξ*ако зємьнаа ликоуѣть *εξ* небєсьнъими / *εξ*радоуи сѧ *εξ*ако зємна *εξ*ликъствоуѣть *εξ* вѣрнъими). Отметим, что с глаголами движения с префиксом *при-* вместо *εξ-* (см. пункт 3) используется предлог *κτ* в сочетании с дательным падежом: *ἡμῖν μὲν συνδιάγοντα* - *εξ*четающе сѧ *εξ* нами / *κτ* намъ приближающа сѧ; *καὶ τούτῳ συναρίθμησον* – *κτ* томоу причитаи / *εξ* симъ *εξ*чѣти;
6. в отдельных случаях переводчик, стремясь передать, в первую очередь, семантику греческого префикса, употребляет в славянском тексте слова с корнем, не точно соответствующим по семантике

греческому корню (см., например, συνέχω - съдрогати / съмощати; συχέω - съмѣрити; συκατάβασις - съмѣрение), либо в принципе передающие значение не греческого корня, но только префикса (см., например, συγγράφω – совокоупити; συνάπτω – съвзкоупити);

7. на месте двух греческих префиксов συν- и κατα- в дупрефиксальных глаголах и их дериватах (см., например, συκατάβασις – съхождение), в славянских соответствиях используется только один префикс съ-. Существование омонимичных славянских префиксов не позволяет нам однозначно определить, какой именно из двух греческих префиксов был передан славянским переводчиком; в церковнославянском переводе данные префиксы были разделены только после Никоновской sprawy, когда была создана калька сънизъхождение;
8. наконец, в достаточно большом количестве глаголов семантика рассматриваемой приставки в принципе не передается (см., например, συλλαμβάνω – имати; συμπνίγομαι - оудавити с-; συκρέμαμαι – висѣти).

Рассматривая соотношение вышеуказанных способов в исторической перспективе при помощи лингвотекстологического анализа, мы приходим к выводу, что калькирование словообразовательной структуры греческих слов с префиксом συν- проходило более продуктивно и имело более стабильные результаты (то есть успешнее воспринималось принимающим языком) в именной деривации в сравнении с глагольной. Понять причину данного несоответствия можно, сопоставив историю приставочной деривации в обоих языках. В то время как в греческом языке приставочная деривация продолжала

использоваться исключительно как средство как именного, так и глагольного словообразования для передачи новой лексической семантики (в данном случае, комитативной), в церковнославянском и русском языке глагольная и именная приставочная деривация стали развиваться различными путями. В отличие от именного приставочного образования, использовавшегося для передачи новой лексической семантики, глагольная приставочная деривация наряду со словообразовательной стала выполнять и важную морфологическую функцию в качестве одного из основных средств для выражения активно формирующейся в рассматриваемую эпоху грамматической категории вида. Использование глагольных префиксов как средства перфективации привело к реструктуризации системы глагольных приставок церковнославянского языка, в центре которой оказались приставки с высоким аспектным потенциалом, имеющие семантику временного либо пространственного предела. Комитативный префикс *съ-*, не обозначающий ни характера протекания действия во времени, ни пространственного предела и, следовательно, имеющий крайне низкий аспектный потенциал [Панова, 2014, с. 97 – 98], переместился на периферию системы глагольных приставок. В языке сформировались другие способы передачи комитативной семантики, а именно, предложно-падежные конструкции. Отметим, что усиление роли предлогов в формировании падежной семантики и перенос на них ряда семантических и синтаксических функций глагольных префиксов, получившее в исторической лингвистике название «предложной экспансии» [Табаченко, 2011, с. 283 – 300] на основании наших данных можно хронологически локализовать серединой X века. Именно в этот период, начиная с редакции Д (см. примеры 3.5; 3.12; 4.11), на месте греческих и ранних славянских беспредложных конструкций появляются новые предложно-падежные. Возврат к беспредложным комитативным конструкциям в Никоновской редакции и современном церковнославянском тексте [Чевела, 2010а, с. 83] произошел как результат

взаимного отдаления русского и церковнославянского языка и сознательной ориентации последнего на греческие образцы (см. примеры 3.9; 3.12).

Итак, в связи с аспектуализацией и общей перестройкой системы глагольных префиксов церковнославянского языка, связанной с развитием категории глагольного вида, комитативная семантика стала передаваться преимущественно не префиксами, но предложно-падежными конструкциями. Это и послужило основной причиной того, что в отличие от именных калек, глагольные кальки с комитативным префиксом *съ-* в большинстве своем не прижились в церковнославянском и русском языках либо изменили свое значение. Последнее произошло благодаря росту продуктивности омонимичного пространственного префикса *съ-* с существенно более высоким аспектным потенциалом [Панова, 2014, с. 96]. В результате в ряде глаголов, созданных калькированием греческих лексем с комитативным префиксом *συν-*, славянский комитативный префикс *съ-* был позднее переосмыслен под влиянием префиксальной системы русского языка как пространственный либо десемантизированный аспектообразующий префикс (см. примеры 3.1, 3.2, 3.10, 3.12, 3.13, 3.14, 4.2, 4.9, 4.13, 4.14).

Другой тенденцией, характеризующей эволюцию системы церковнославянского и русского глагола, стало доминирование глаголов движения над позиционными глаголами вследствие неспособности последних образовывать перфектные дериваты, находящиеся в противоречии с их общей имперфектной семантикой. В данном контексте комитативная семантика была переосмыслена в пространственных категориях как *“перемещение в одно место”*, *“приближение друг к другу”*, *“соединение с помощью действия”* (см. примеры 3.4, 3.10, 3.11, 3.12, 3.13, 4.11) и выражена, наряду с префиксом *съ-*, и префиксом *при-* (см., например, перевод ἡμῖν μὲν συνδιάγοντα - *съчитающе съ нами / къ намъ приближающа съ*). Именно таким образом, в результате

взаимовлияния двух омонимичных славянских префиксов *съ-*, а также влияния греческого языка, вступающего в противоречие с внутренней логикой русского языка, возможно, и сформировалось новое перфектное пространственное значение префикса *съ-* как *“доставление из разных мест в одно”* [Русская грамматика, 1980, с. 378] (см., например, *συνάγουμαι* - *съзвратисѧ*).

2.3.4. Выводы

1. Подводя итог проведенного нами в данной главе исследования, еще раз подчеркнем результативность использования лингвотекстологического метода на переводном гимнографическом материале, на этот раз для изучения проблем, связанных с историческим или диахронным словообразованием, предметом которого является «исследование того, как возникают словообразовательные отношения и как они изменяются в ходе исторического развития, какие типы отношений существуют в языке» [Камчатнов, 2016, с. 71]. Проведенное исследование, выполненное на основе церковнославянских редакций IX – XV вв. четырех гимнографических текстов триодного цикла, показало множественность собственно лексических и лексико-словообразовательных вариантов, возникших в результате различной передачи греческих слов сложной структуры (композитов и приставочных дериватов), связанную как с различным состоянием языковой системы принимающего языка, так и с различными переводческими техниками. Лингвотекстологический анализ данных вариантов позволил нам получить результаты, важные для теории перевода, истории церковнославянского языка, греко-славянских языковых связей и компаративной лингвистики.
2. Проведенное исследование показало, что славянские книжники использовали разные способы для перевода греческих слов анализируемых групп на церковнославянский язык (в частности, нами было выделено 5

способов перевода греческих сложных слов на церковнославянский язык и 8 способов перевода дериватов с префиксом συν-), соотношение между которыми на разных этапах истории языка отличалось. На ранних этапах калькирование структуры греческого сложного слова или префиксального деривата являлось не целью перевода, но лишь одним – наряду с другими – способом передачи семантики греческих слов славянскими языковыми средствами, а переводчик не стремился установить однозначные лексические, морфологические и структурные соответствия между двумя языками, не избегая вариантности в передаче как определенных языковых единиц, так и языковых моделей (структур) исходного языка в языке принимающем. В связи с этим в ранних церковнославянских переводах мы наблюдаем значительное разнообразие вариантов перевода одной морфемы в зависимости от контекста и морфемного окружения (так, например, один и тот же греческий корень в составе композита мог заимствоваться, переводиться отдельным славянским словом, различными славянскими корневыми соответствиями либо деривативной морфемой (префиксом или суффиксом)). Осознанное стремление книжников не только к семантической, но и к структурной эквивалентности перевода оригиналу проявляется на более поздних этапах развития церковнославянского языка и характеризует его состояние в период проведения Афонской книжной sprawy (конец XIII – начало XIV века). К этому моменту количество калек в анализируемых группах слов возрастает практически вдвое, достигая наибольшего количества в редакции F.п.I.55 (в трех из четырех анализируемых произведениях, отмеченных в данной редакции). Одной из причин, вызвавших интенсификацию процесса калькирования на данных этапах развития церковнославянского языка, стало стремление книжников к однозначному соответствию не только на лексическом, но и на морфологическом уровне между исходным и принимающим языком. Попытка найти для каждой морфемы (корня или словообразовательного аффикса) греческого языка церковнославянский эквивалент вне

зависимости как от морфемного окружения, так и, тем более, от контекста слова привела к необходимости создания большого числа новых слов, лишь часть из которых в дальнейшем закрепились в языке.

3. Данные лингвотекстологического исследования позволяют прояснить многие проблемы исторического славянского языкознания, а возможность на основе предварительного текстологического исследования приблизительно датировать время составления большинства церковнославянских редакций позволяет, в свою очередь, хронологически локализовать происходящие в языке исторические изменения. В частности, процесс, получивший в историческом языкознании название «экспансии предлогов» на основании наших данных может быть приблизительно датирован серединой X века, так как его результаты (замена беспредложных именных конструкций на предложно-падежные при переводе греческих беспредложных комитативных) отразились на втором этапе Преславской sprawy в редакции Д и более поздних редакциях.
4. Перевод греческих слов сложной структуры (композитов и префиксальных дериватов) в церковнославянском языке может быть рассмотрен как пример успешной межъязыковой коммуникации, осуществляемой не на механическом, а на системном уровне. Как показали результаты нашего исследования, обогащение церковнославянского языка путем механического переноса в него элементов языковой системы исходного языка (слов, корней и аффиксов) в крайне ограниченной степени использовалось славянскими книжниками, предпочтение явно отдавалось ими либо поиску славянского соответствия, либо созданию новых слов из морфем принимающего языка путем копирования словообразовательных структур исходного языка (калькирование). В результате данного процесса церковнославянский язык, а позднее и национальные языки православных славянских народов, обогатились столь важными для их семантической системы лексемами как *Богородица*, *благословить*, *благодарить*, *злодей*, *богословие*, *благочестие*, *благоухание*, *человеколюбие*, *сладострастие* и

многие другие (сложные слова), с одной стороны, и *совет, совесть, согласно, снисхождение* (приставочные дериваты), с другой. Лингвотекстологический анализ, результаты которого представлены выше, позволяет приблизительно определить время появления каждой из этих лексем в церковнославянском языке и связать одни из них с ранними переводами (эпоха Кирилла и Мефодия и их учеников), другие с Преславскими редакциями (конец X века), третьи с Афонскими редакциями конца XIII – начала XIV века, наконец, последние с периодом Никоновских справ (XVII век). Помимо этого, калькирование привело к созданию новых либо к активизации уже имевшихся словообразовательных моделей в принимающем языке, заложив основы для его дальнейшего обогащения.

5. Наконец, наблюдения над процессом поисков славянскими книжниками соответствий в системе принимающего языка сложным понятиям греческой мысли, особенно в том случае, если принимающий язык не располагал точным эквивалентом, и переводчикам приходилось прибегать либо к описательному переводу-парафразу, либо к созданию новых лексем, дает богатый материал для сопоставительной лингвистики, а наблюдения над данными явлениями в диахронном аспекте, возможные на основе использования лингвотекстологического метода, позволяют понять, как исторически менялись отношения между передающим и принимающим языком. Если принять греческий язык за стабильный, неизменный фактор в данной системе, то различная передача его языковых явлений на разных этапах славянской письменности свидетельствует об изменениях системы принимающего языка. Отметим при этом, что даже при калькировании, то есть при перенесении в церковнославянский язык словообразовательных структур исходного языка, система принимающего языка, несомненно, влияет на данные структуры, адаптируя их к новому языковому пространству. Так вплоть до Афонских редакции в церковнославянском языке кальки греческих слов с корнем *φιλ-* образовывались с изменением

порядка корней с целью поместить его славянский аналог -люб на соответствующую ему согласно словообразовательной системе церковнославянского языка вторую позицию. С другой стороны, на процесс калькирования приставочных дериватов в области глагольного словообразования оказала существенное влияние активно развивавшаяся в церковнославянском языке категория глагольного вида, использовавшая префиксальную деривацию в качестве одного из основных средств перфективации. Часть традиционно префиксальных значений, не связанных с временным либо пространственным пределом и обладающих низким аспектным потенциалом, в число которых попала и комитативная семантика совместного действия, в церковнославянском языке сохраняется в полной мере только в именной деривации, глагол же в значительной степени теряет способность выражать данные значения, передавая их предложно-падежным конструкциям зависимых именных частей речи. Это приводит к потере продуктивности комитативной приставки съ- в глагольном словообразовании, к замене или переосмыслению части калек, созданных на ее основе и, в целом, к неустойчивости данных новообразований в системе принимающего языка. Более полную картину роли греко-славянского языкового взаимодействия в эволюции префиксальной системы церковнославянского и русского языков можно получить на основе изучения переводов слов с другими греческими приставками в ранней церковнославянской традиции.

ГЛАВА 2.4.

ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗНОЧТЕНИЙ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ

2.4.1. Лингвотекстологический метод и историческая стилистика

Как мы уже указывали выше, лингвотекстологический метод используется в отечественной палеославистике, главным образом, для изучения проблем исторической лексикологии и словообразования, в меньшей степени – исторической морфологии и синтаксиса. Однако возможности метода значительно превосходят его реальное применение. Цель данной главы – показать возможности и перспективность использования лингвотекстологического метода в сфере исторической стилистики – одной из наименее изученных областей исторического языкознания. Действительно, изучая изменения, вносимые средневековыми славянскими книжниками в переводные греческие тексты от редакции к редакции, и анализируя их с точки зрения степени передачи в них поэтической структуры текста, мы получаем уникальную возможность посмотреть на данный текст не сквозь призму современных нам поэтических категорий, но с позиций его современника, оценить различные его элементы – в нашем случае поэтические – на основании его оценочной шкалы, с точки зрения того, что сам создатель или читатель данного текста понимали под поэтичностью. Важность данных сведений особенно велика для средневековой церковнославянской книжности, от которой до нас практически не дошло теоретических трудов по поэтике и риторике.

Общеизвестно, что церковнославянская поэтика основывалась на византийских поэтических принципах, заимствованных вместе с новыми религиозными идеями и формами, а также богослужебными текстами. Данное межъязыковое расширение православной культуры было осуществлено

практическим способом: путем перевода и последующей адаптации греческих текстов в церковнославянской литературе. Особую роль в этом процессе, несомненно, играли гимнографические тексты, византийские оригиналы которых были поэтическими произведениями и изобиловали различными художественно-изобразительными средствами. Возникает вопрос, в какой мере данные художественно-изобразительные средства удалось передать в церковнославянском переводе. Проблема еще более осложняется особым статусом вышеуказанных текстов в православном богослужении, требующим от переводчика особой точности в передаче значения каждого слова оригинала. Именно по этой причине при переводе гимнографических текстов еще в большей степени, чем при переводе Святого Писания, использовался так называемый «пословный» принцип [Верещагин, 1971, с. 27; Filonov Gove, 1988, с. XIII]. В данном контексте не очевидно, насколько успешно удавалось переводчику передать не только семантику, но и поэтическую структуру текста, и, более того, ставил ли он вообще перед собой задачу ее воспроизведения. Многие аспекты этой проблемы, связанные со стихотворным размером и параллелизмом церковнославянских переводов византийской гимнографии, активно обсуждались в научной литературе [Jakobson, 1961; Тарановский, 1968; Filonov Gove, 1978; Кривко, 2011]. В рамках данной главы мы остановимся на других поэтических средствах византийской гимнографии, связанных с первичными (этимологически немотивированными) и вторичными (этимологически мотивированными) звуковыми повторами, синтаксическим параллелизмом, а также акростихом.

2.4.2. К вопросу о восприятии алфавитного акростиха на начальных этапах славянской книжности: лингвотекстологическое исследование акростишных переводов Акафиста Богоматери и Стихир Великого покаянного канона.

Пожалуй, ни одному из всего многочисленного арсенала художественно-изобразительных средств византийской поэтики, перенесенных на славянскую почву, в палеославистике не было уделено столь большого внимания как акrostиху [Попов, 2003, с. 30 – 55; Турилов, 2008b]. И действительно, перед нами одно из важнейших и в философском, и в формально-структурном плане риторических средств византийской поэзии, дающее тексту еще одно измерение – текст с акrostихом читался не только по горизонтали, но и по вертикали, становясь в семиотическом плане эквивалентным всему миру [Martí, 2010, с. 30 – 47]. Помимо глубокого философского смысла, у акrostиха, как это часто бывает в византийской книжности, была и число утилитарная функция – акrostих «следил» за сохранностью текста, препятствуя выпадению из него начальных слов, строк и строф – явления нередкого для рукописной письменной традиции. Лучше всего с данной ролью мог справиться акrostих алфавитный – в отличие от текстовых акrostихов, которые всегда в большей или меньшей степени были тайнописью, открытой только посвященным, здесь все было просто, прозрачно и зримо – наглядно на средневековом свитке или листе кодекса, а для прочтения не нужна была книжная ученость, достаточно было знания азбуки и минимальной интенции этот акrostих увидеть. И такая интенция, несомненно, у греческого читателя была. Свидетельство тому – рукописная история византийских гимнов с алфавитным акrostихом. Отметим, что все гигантское разнообразие редакций и чтений этих произведений, в частности Акафиста Богоматери, накопившееся за их многовековую рукописную историю, касается любого элемента текста, за исключением акrostиха, сохраняемого на протяжении веков в неизменности. Интересный пример – это история последования Великого канона Андрея Критского, в которое входили стихирь с алфавитным акrostихом. В византийских триодях было обнаружено всего 3 различных набора данных стихирь – два из них с инципитами Ἄπας ὁ βίος (все житие мое) и Ἄνω τὸ ὄμμα (горе очима) имели алфавитный акrostих и отразились в славянской традиции [Александрова,

2014, с. 45]. Речь идет о совершенно различных стихирах, написанных в разное время разными авторами, и единственное, что позволяет им функционировать в качестве взаимозаменяемых в рамках одного последования – это алфавитный акrostих. Итак, акrostих, несомненно, является самым стабильным элементом греческого гимнографического текста.

Свидетельством того, какое значение в византийской культуре придавалось акrostиху, может быть и чрезвычайно интересная в историческом и типологическом плане попытка его переноса в церковнославянский язык, предпринятая учениками Кирилла и Мефодия, являвшимися адептами и носителями византийской культуры. В данной связи необходимо отметить, что акrostих – это один из наиболее трудных для перевода на другой язык поэтических приемов, который даже при переводе современной поэзии далеко не всегда удается сохранить – вопрос о том, передавать или не передавать акrostих при переводе каждый раз решается индивидуально. Что же касается древней и средневековой книжности, то здесь случаи переноса акrostиха в пространство другого языка уникальны. Алфавитный акrostих ветхозаветных псалмов или Плача Иеремии [Freedman, 1972, с. 367 – 392] не сохраняются в Септуагинте, и величайший авторитет данного перевода в Средние века автоматически «легализовал» всех последующих переводчиков уже с греческого языка, терявших акrostих в переводе. Здесь можно привести многочисленные примеры средневековых переводов, в частности, Акафиста Богоматери, начиная с его первого латинского перевода VIII века [Huglo, 1953; Peters, 1940; Salaville, 1953; Drost-Abgarian, Goltz, 2000], в которых алфавитный акrostих отсутствует.

Уникальным и еще недостаточно осмысленным в типологическом плане явлением на этом фоне является литературная деятельность учеников Кирилла и Мефодия, в которой не только создавались оригинальные произведения с акrostихом, но и – а это была задача существенно более сложная – переносился на славянский язык акrostих переводных гимнов. И это свидетельство огромного значения, которое придавали книжники этого круга акrostиху как

риторическому средству, ведь перевод – это всегда сравнительная оценка разных характеристик переводимого текста: так как все передать в переводе невозможно, мы вынуждены пожертвовать менее значимым для нас для передачи того, что мы считаем наиболее важным. В переводе же книжников Кирилло-Мефодиевского круга наиболее важным оказался именно акростих, и для его передачи было пожертвовано действительно очень многим как в содержании, так и в формальной структуре текста. Попытка восстановления исходной формы данного поэтического перевода – поэтического в буквальном современном смысле этого слова, ведь переводчик сознательно жертвует буквальной точностью – точностью содержания – ради точности поэтической, была предпринята нами во второй и четвертой главах первого раздела на материале двух византийских гимнов с алфавитным акростихом: Акафиста Богоматери и Стихир службы Великого покаянного канона Андрея Критского. В рамках данного параграфа мы попытаемся проследить, что с данным переводом произошло дальше, иными словами, какую судьбу уготовили этому тексту его адепты – среда церковнославянских книжников на историческом промежутке с XI до XIII век, в том виде, в каком мы сможем восстановить эту судьбу по дошедшим до нас рукописям доафонской традиции.

Прежде всего, как уже отмечалось ранее, ни один из славянских списков, сохранивших данную редакцию, не донес до нас полной версии акростиха. Во всех списках акростих был в той или иной степени разрушен. Среди причин этих разрушений могли быть как влияние параллельно существовавшего перевода без акростиха, сохранившегося в ряде архаичных источников, в частности, в *Битол.*, так и обычные ошибки переводчика. Еще раз подчеркнем, что речь идет не о сложных для вычленения и прочтения текстовых акростихах, но о «прозрачных» алфавитных акростихах, для чтения которых достаточно было знания азбуки. И тем не менее, даже в *Серб.* – в списке, в наилучшей форме этот акростих сохранившем, мы видим, в частности, в Стихирах Великого канона, два отступления от алфавитной последовательности строф [Александрова, 2014, с. 51]: с одной стороны, пропуск стихир, стоявшей на

третьем месте и соответствующей букве В – поскольку общее число стихир в данном списке не 24, как в оригинале, а 23, мы можем предположить, что здесь находилась отсутствующая стихира 16: *Πόρνη τοῖς δάκρυσι καταβρέχει*. С другой стороны, меняется взаимная последовательность славянских букв И и І: І стоит раньше И. Эта ошибка, несущественная во всех иных отношениях, тем не менее, нарушает акростих.

На сохранившемся листе из болгарской триоди *Щук.* с началом алфавитных стихир находим еще более существенные нарушения. Помимо замены **С** на **З** (таким образом, буква **З** удваивается) здесь совсем исчезает буква **І**. Связано это с исчезновением союза, вставленного переводчиком для

создания акростиха: (і) пощѣ възнѣ прѣми ма агньче въземѣжи грѣхѣи.

Текстологическое изучение текста однозначно показывает, что пропуск союза не был результатом ни сверки текста по греческому оригиналу, ни влияния других славянских редакций. Это обычная ошибка, но ошибка чрезвычайно знаковая. Действительно, данный союз был вставлен переводчиком несколько искусственно и не играет в тексте никакой роли, помимо создания акростиха. Тот факт, что он столь легко пропускается переписчиком, указывает на то, что именно акростиху данный переписчик не придавал никакого значения.

Другой архаичный болгарский список *Шафар.* дает нам акростих в еще более разрушенном виде. Здесь уже однозначно имела место открытая традиция – на текст повлиял другой славянский перевод без акростиха. Однако в результате порядок стихир совсем не приблизился к греческому оригиналу. В частности, стихира 14, стоящая на 9-ом месте, начинается с **И** вместо **Ї**, стихира 15 (**Н**) стоит на 19-ом месте вместо 14-го, стихира 10 (**К**) пропущена, стихира 24 (**Т**) стоит не на правильном месте (перед 8), но перемещена в конец

текста. Наконец, стихира 2 хоть и стоит на правильном месте, теряет добавочное акростишное слово *φαρισεωвою* и начинается теперь с несоответствующей акростиху буквы *Τ*. Какими именно художественными или прочими целями руководствовался книжник, производивший данные изменения, на данном этапе понять невозможно, очевидно одно – в эти цели не входило сохранение акростиха.

Следующий этап разрушения акростиха находим в сербских триодях Евергетидского типа: *НБС 644* и *Ф.п.1.92*. Здесь в соответствии с новым типиконом [Суботин-Голубовић, 1998, с. 337 – 345; Пентковский, 2001а, с. 69 – 80; Александрова, 2014, с. 49] стихирь были разделены на 2 части: первая читалась на вечерне на «Господи воззвах», а вторая на утрени на «Хвалитех». В *НБС 644* еще две стихирь вставлены затем в стихирь на стиховне (подробнее см. главу 4 первой части). Число перемещений стихирь и удалений акростишных слов настолько велико, что акростих уже практически не просматривается. При этом порядок стихирь не приближается к греческому, таким образом, приведение текста в соответствие с оригиналом не входило в задачи редактора. Можно полагать, что разбиение текста на две части побудило редактора переместить одну стихирю из конца, где обычно более интенсивен молитвенный призыв, а именно стихирю 22, соответствующую букве *Ρ*, в конец первой части, кроме того, пять стихирь, а именно стихирь 14, 20, 21, 23 и 24 заимствуются из другого – неакростишного – перевода. Наконец, два случая нарушения акростиха связано с ошибками писцов. В стихире 13 по ошибке в начало вставляется фраза из предыдущей стихирь, таким образом, начальная буква *Ω* удваивается. В стихире же 10 начальная буква *Κ* меняется на *Π* вследствие ошибочного прочтения слова *κριαхъ* (соответствует греческому *κρούψας*) как *приахъ*. Писец, сделавший эту ошибку и не узнавший действительно достаточно редко встречавшегося в славянской письменности

варианта (обычно греческое слово κρούψας переводится церковнославянским вариантом сокръхъ), выбранного в конкретном случае исключительно с поэтической целью, очевидно, не обратил внимания на акrostих гимна.

Еще более сложную ситуацию находим в церковнославянском переводе Акафиста Богоматери – здесь даже в списке *Серб.* акrostих сохранился в весьма поврежденной форме, причем большинство повреждений касается конца гимна (подробнее см. главу 2 первой части). Разрушение акrostиха, начинающееся с икоса 18, на наш взгляд, связано с позднейшей редакторской правкой, имевшей своей целью сокращение числа икосов, в славянском протографе соответствовавшее числу букв славянского алфавита, до 24 – как в греческом гимне. Однако «под нож» редактора не всегда попадали нужные икосы – в результате икосы 2 и 3 в тексте списка повторяются дважды, а икосы 16 и 12 отсутствуют в принципе. Независимо от редактора *Серб.*, однако, преследуя ту же цель, действует и редактор Шафариковской триоди, однако он работает более последовательно – в *Шафар.* все икосы встречаются по одному разу. Акrostих однако предстает в еще более разрушенном виде, причем нарушения на этот раз касаются и первой части, где два икоса – икосы 2 и 3 – теряют добавочные акrostишные слова. Все остальные славянские списки триоди постной XII – XIV веков, если исключить фрагмент *Шук.*, состоящий из трех первых икосов, на основе которого, в связи с его малыми размерами, трудно делать какие-либо выводы, сохраняют разве что отдельные «реликты» – фрагменты акrostишного перевода, механически соединенные с переводом без акrostиха без всякого внимания к его особой художественной структуре, к самому акrostиху. Фрагменты эти по размерам варьируются от трех первых икосов в акrostишной последовательности в *Загреб.* до отдельных добавочных акrostишных слов, которые время от времени то тут, то там, продолжают хаотично появляться в южнославянских списках, в частности, в *Обрел.* или *НБС 644*. Вот лишь один показательный пример. При переводе третьего икоса Акафиста, начинающегося со слов Γνωστὸν ἄγνωστον γυνῶναι, переводчик

Акrostишной редакции добавил в начало слово *землѣнѣхъ* с целью поставить данный икос на седьмую позицию (буква *З*). Акrostишный перевод начала данного икоса имел следующий вид: *землѣнѣхъ разумь разумьнь разумѣти двѣа ищющи възъпи къ слоужещоумоу изъ бокоу чистню сна како естъ мощьно родити сна како естъ мощьно родити рци ми*. В переводе без акrostиха слово *землѣнѣхъ*, естественно, отсутствовало: *разумъ неразумьнь разумѣти двѣа иштѣшти възъпи къ слажштѣмъ изъ бока чистѣ сына како естѣ родити мощтѣно рци ми*. Наконец, писец-компилятор *Орбел.*, обнаружив слово *землѣнѣхъ* в одной из старых редакций гимна, вставляет его в середину текста: *разумь разумьни землѣнѣхъ разумѣти имѣщи двѣа възъпи къ слоужѣщомоу изъ бокоу чстоую сна како естъ мощно родити рци ми*.

Излишне говорить, что эти слова в новом контексте полностью теряют свою поэтическую роль – а это, в свою очередь, свидетельство того, что и в исходном контексте эта роль не понималась переписчиком.

В списках время от времени продолжают появляться вводящие гимнографические произведения указания по главамъ азбуоукъвы (как, например, в *Синод. 319*), предваряющие, однако, уже славянские тексты без акrostиха и являющиеся механическим переводом соответствующей греческой пометы – еще одно косвенное указание на то, что само «краегранесие» как принцип художественной организации текста на тот момент в церковнославянской литературе было утрачено.

В качестве сопоставительного приведем материал, касающийся оригинальных славянских произведений с алфавитным акrostихом, которые постигла практически та же судьба. Ограничимся одним показательным

примером: первым циклом из 36 алфавитных стихир на «Хвалитех» на предпразднество Рождества Христова с инципитом *аггльские предидите силзы*, впервые изданных К. Ивановой [Иванова-Константинова, 1971, с. 341 – 365] и в дальнейшем подробно изученных Г. Поповым [Попов, 2003, с. 33 – 37; Попов, 2013, с. 23 – 63]. Интересно, что в отличие от вышерассмотренных переводных произведений, создание данного гимна связано с глаголической традицией, на что указывает присутствие в абецедарии стихир, соответствующей букве «гервь» [Иванова-Константинова, 1971, с. 346]. Рассмотрим состояние акrostиха в данном произведении по списку праздничной минеи *Slavonic 25* из собрания Синайского монастыря. Отметим, что проведший скрупулезное текстологическое исследование данного произведения Г. Попов именно этот список приводит как показательный и в лучшей форме сохранивший акrostих [Попов, 2003, с. 34 – 35].

Действительно, текст стихир, предваряющийся названием *азьбуковьникы* (л. 132 об.), достаточно последовательно выдерживает акrostих. Однако в нем также имеются существенные отклонения от акrostиха, несомненно, связанные с более поздними сознательными или бессознательными вмешательствами в текст переписчиками и редакторами. Не говоря уже о двойной *Z*, в которую «сливаются» *S* и *Z*, двойной *I*, в которую «сливаются» *I* и *I*, после буквы *П* вместо *P* вновь появляется буква *I*, с которой начинается первое слово стихир *истиньствоуеть*. Сопоставление этих данных с текстом, опубликованным К. Ивановой [Иванова-Константинова, 1971, с. 354], показывает, что в других списках на этом месте была «правильная» с точки зрения акrostиха буква *P* (*рьцзы* в Скопской минее и *рече* в Хлудовской минее). Нарушения, которые мы здесь видим, пусть в сравнении с рассмотренными выше и не столь

существенны, все равно очевидны и значимы. Акrostих для того, чтобы существовать в принципе, должен быть полным. Итак, писец, поместивший перед стихирами заглавие азбукѡвъникы, потом как будто забывает о нем, и, не смущаясь, передает нам азбуку в несколько видоизмененном виде, вероятно, просто механически переписывая текст, не обращая на акrostишную последовательность начальных букв внимания.

Итак, мы приходим к утверждению, что акrostих, являвшийся в византийской гимнографии наиболее стабильным элементом произведения, гарантом его целостности, в книжности церковнославянской превращается в самый быстро разрушаемый элемент, ибо, как справедливо заметил А. Турилов, «редактура славянских гимнов отражалась в первую очередь именно на акrostихе» [Турилов, 2008, с. 406]. Как мы убедились, и механические бессознательные изменения также существенно разрушили акrostих, даже акrostих алфавитный, для прочтения которого достаточно было просто знать азбуку, а также иметь соответствующую интенцию этот акrostих заметить. По-видимому, как раз этой второй составляющей и не хватало славянским книжникам. Они не видели акrostих из-за того, что не хотели его видеть. Перед нами действительно парадоксальная ситуация. В конце IX – начале X века переводчики византийской гимнографии из круга учеников Кирилла и Мефодия предпринимают поистине гигантские усилия во имя сохранения акrostиха, сознательно осуществляя ради этого столь значительные изменения в передаче буквального содержания, какие невозможны даже при художественном переводе современной поэзии. Однако примерно столетие спустя вся эта работа оказывается никому не нужной. То, что было создано сознательно, разрушается бессознательно. Уже готовые акrostихи совершенно не воспринимаются читающей публикой, в том числе писцами и редакторами, и постепенно, но неумолимо разрушаются. Фрагменты и обрывки акrostишных переводов еще долго – вплоть до XIV века – продолжают хаотично существовать в славянской книжности, однако, очевидно, без всякой связи в

сознании читателей с их особой поэтической ролью. Итак, приходится признать, что первая попытка переноса акростиха в пространство церковнославянского языка, предпринятая книжниками круга Кирилла и Мефодия – адептами и носителями византийской культуры, закончилась неудачно. По тем или иным причинам акростих изначально не прижился на славянской почве и был отторгнут принимающей аудиторией. Неприятие акростиха славянами, скорее всего, имело чисто языковые причины: акростих как образное средство связан исключительно с письменной формой речи, он не воспринимается на слух, его надо видеть, а письменный язык славян был еще чересчур молод для рецепции столь изысканных художественных форм, выработанных в культурах с многовековой письменной традицией. И потому несколько столетий спустя, начиная с XIV – XV века, когда церковнославянский язык поднимается на новый уровень, акростих здесь не только вновь появляется как в оригинальных, так и в некоторых переводных произведениях (не включающих, впрочем, произведения, анализируемые нами в рамках данной работы) [Смирнова, 2005; Смирнова-Косицкая, 2008], но и на этот раз не просто адекватно, но даже творчески воспринимается славянской аудиторией.

2.4.3. Лингвотекстологическое изучение особенностей воспроизведения первичных и вторичных звуковых повторов в церковнославянских редакциях Акафиста Богоматери и Стихир Великого покаянного канона

В рамках данного параграфа рассмотрим динамику адаптации в новой церковнославянской языковой среде поэтических средств византийской гимнографии, связанных с первичными (этимологически немотивированными) и вторичными (этимологически мотивированными) звуковыми повторами. Конкретнее, проанализируем процент воспроизведения паронимии (использования двух или более этимологически неродственных слов сходного звучания, но различного значения [Filonov Gove, 1988, с. 26 – 27]) и паронимии

(поэтического повтора двух или более различных слов с одинаковыми морфемами [Filonov Gove, 1988, с. 26]) в церковнославянских переводах двух византийских песнопений: Акафиста Богородицы и Стихиры из последования Великого покаянного канона. Первый из анализируемых текстов выделяется даже на фоне византийской гимнографии своей сложной, «изошренной» и насыщенной поэтической структурой, отмеченной издателем текста С. Трипаниса: «Акафист по праву считается высочайшим достижением византийской религиозной поэзии... В нем есть и поразительная ясность уподоблений, и сюжет, искусно сочетающий великую и непостижимую тайну Воплощения Слова Божия с более мягкими нотами культа Богородицы, и разнообразные и непривычные рифмы, усиленные музыкальностью слов» [Трипанис, 1968, с. 25]. Количество же поэтических средств, использованных в Стихирах, значительно уступает Акафисту, что связано с отсутствием в них параллельных синтаксических структур, так называемых «хайретизмов» – призывов к Богородице, начинающихся со слова «хайре» – *радуйся*. Таким образом, сопоставительное изучение данных текстов может показать, в том числе, и как «плотность» художественно-образительных средств оригинального текста влияет на степень их передачи в переводе. С другой стороны, наличие в раннем переводе и того, и другого гимна славянского алфавитного акростиха свидетельствует в пользу того, что их первый перевод на церковнославянский язык был осуществлен одним и тем же лицом.

Подробное скрупулезное исследование, посвященное поэтической структуре Акафиста, а также передаче его поэтических средств в церковнославянском переводе, было предпринято А. Филонов-Гове [Filonov Gove, 1988]. Согласно подсчетам исследовательницы, первичные звуковые повторы (парономазия) передаются в переводе лишь в 18.6 % от общего числа случаев использования парономазии в оригинале, тогда как вторичные звуковые повторы в 55.4 % случаев (в частности, паронимия передается в 50 % случаев) [Filonov Gove, 1988, с. 173–174]. В своем исследовании А. Филонов-Гове, прежде всего, основывалась на версии славянского текста из

Типографского кондакаря XI века, рассмотренной ею по изданию архимандрита Амфилохия [Filonov Gove, 1988, с. 2]. Особенностью настоящей работы, в отличие от предшествующих исследований, в частности, от работы А. Филонов-Гове, является то, что славянский текст был рассмотрен не синхронно и статично, но диахронно и в динамике. Целью данного исследования было понять, в какой степени изменения, сознательно вносимые в текст славянскими справщиками и редакторами, затрагивали поэтическую структуру текста – в частности, параномазию и паронимию – и насколько данные поэтические средства принимались во внимание переводчиками во время работы над текстом.

Сопоставительный анализ производился на материале икосов 1 – 8 Акафиста и первых восьми стихир. В обоих случаях анализируемый отрывок равен одной третьей части полного текста.

В Таблице 6.7 представлены данные относительно отражения в переводе параномазии оригинала. Необходимо подчеркнуть, что даже случаи повтора слов с одинаковым аффиксом (как, например, ἐκλάμψει - ἐκλείψει) мы относим к параномазии, если повторяющийся аффикс сочетается со звуковым повтором морфем (в данном случае, корней) без этимологической близости.

Таблица 6.7. Перевод лексических единиц с параномазией в исследуемых гимнографических текстах

Номер икоса (тропаря) – номер стиха	Греческий оригинал	Акростишная редакция (А)	Гимовская редакция
1. Акафист Богоматери			
1: 6 – 7	ἡ χαρὰ - ἡ ἀρὰ	радость – клатва	
1: 6 – 7	ἐκλάμψει - ἐκλείψει	взсияет – ищезнет	
1: 14 – 15	ἀστὴρ - γαστήρ	звѣздо – оутробо	
2: 1	ἡ Ἁγία - ἐν ἀγνείᾳ	свѣтаѧ – въ чистотѣ	
2: 3 – 4	τὸ παράδοξόν – δυσπαράδεκτόν	прѣславьно – неοудовьприатъно	
3:4	λαγόνων ἀγνῶν	бокоч чистѣ	
3: 6 – 7	μύστις – πίστις	таино – вѣрьно	

3: 13 – 14	πολυθρύλητον πολυθρήνητον	–	ΜΝΟΓΟΣΛΟΒΟΥΨΕΕ – ΜΝΟΓΟΠΛΑΧΨΗΝΖΙ
3: 13 – 14	θαῦμα - τραῦμα		чудо – строфпе
3: 15 – 16	φῶς - πῶς		свѣтъ – никакoже
4: 3 – 4	νηδύν - ἥδυν		(въпльщение) – ВИДѢТИ
4: 5	θέλουσι - θερίζειν		силою - от. ХОТАЩИМЪ – спасение
5: 4 – 5	ἀσπασμόν ἄλμασιν - ἄσμασιν	–	цѣлованиемъ – от. – от. ЦѢЛОВАНИЕ– ИГΡΑΝΙΕΜЪ- ΠΞΝΙИ
5: 6 – 7	κλήμα - κτήμα		λοзѣи – от. розга – стажанига
5: 10 – 11	βλαστάνουσα βαστάζουσα	–	възрастившиа – носецииа προζαβαδουца – носаџи
5: 12 – 13	λειμῶνα – λιμένα	–	от.(стих) пристанице ЦВѢТЪ –ТИШИИΨ
7: 4	ἀμνὸν - ἄμωμον		агньца – непорочьна
7: 8 – 9	θηρῶν - θυρῶν		врагъ – от.(стих) зѣврии – дѣврии
7: 8 – 9	ἀμυντήριον ἀνοικτήριον	–	прѣтѣикание – от.(стих) мзчение – Ѡверзение
8: 1	θεοδρόμον θεωρήσαντες	–	ѡжи пѣтъ – ВИДѢВЪШЕ ѡготеchnю – ВИДѢВШЕ
2. Стихиры			
1: 1,3,5	ἀδύς - δυνήσομαι - δημιουργέ	–	все – възмомъ – блгодѣтелю
1: 4 – 5	ἐξήμαρτον- ἀπάντων		сѣгрѣшихъ – сѣѣчѣскѣимъ сѣѣхъ
2: 1 – 2	βάρει - βορβόρω		тлгостѣ – в глѣвинѣ сквръннѣ
2: 3	βέλει - Βελίαρ		стрѣлами – стрѣлѣчи стрѣлами – Ѡ злoдѣѣ
2: 4 – 5	μολύνω ἀμελούντων	–	ωскврънѣѣ – лѣнивѣимъ
3: 1, 3	πρόσκομμα προστάξει	–	прѣтѣикание – велѣниемъ
4: 1, 3	δήμιος - δαίμοσι		ωбличитель – бѣсомъ
4: 5 – 6	φεῖσαι - φυγαδευτὰ		попoѣсти – прогонителю
6: 1, 3	ζήσεται- ζήτησον		жива – възѣици
6: 1, 3	προφήτης- πρόβατον		прѣрокъ – ωвча
7: 5, 7	ἀποφύγω- ἀπόλλομαι		изѣвѣнѣ – погѣбнѣ изѣбѣдѣ – от.
7: 3	γενοῦ- εὐεργέτα		воуди – блгодѣтелю

Вышеприведенная таблица показывает, что паронимазия греческого оригинала крайне редко сохраняется в славянском тексте. Сходство славянских слов *многословущее* и *многоплачьны*, употребленных в церковнославянском переводе греческих слов *πολυθρύλητον* и *πολυθρήνητον* соответственно из икоса 3 (стихи 13 – 14) объясняется употреблением одинаковой основы – *много*, тогда как первичный звуковой повтор греческих частей *-θρύλητον* и *-θρήνητον*, по сути, образующий паронимазия оригинала, в переводе не сохранен. Единственный случай попытки передачи паронимазии в церковнославянском переводе мы обнаруживаем в первой акростишной редакции в Стихирах (тропарь 2, стих 3). Переводчик использует два славянских родственные слова *стрѣлами* и *стрѣльчи* (с общим корнем *стрѣл*) для перевода сходно звучащих, но этимологически неродственных греческих слов *βέλει* и *Βελίαρ*. Этот единичный случай, резко отличающийся от общей практики, вероятно, может быть рассмотрен как пример так называемой «народной этимологии» еврейского имени собственного *Βελίαρ*. Отметим, что появившаяся в результате такого перевода славянская паронимия исчезла уже в следующей редакции, после того, как справщик заменил слово *стрѣльчи* на слово *злудѣи*. Подчеркнем, что практически полное отсутствие передачи паронимазии в первом церковнославянском переводе представляется достаточно неожиданным фактом, учитывая, что, как мы указывали ранее, переводчик этих текстов не боялся вносить в текст существенные изменения для воспроизведения его поэтической структуры, в частности, полностью изменил порядок икосов и стихир для передачи в переводе акростиха греческого оригинала.

Отметим также, что разнообразные – по большей части незначительные – изменения, внесенные справщиками последующих редакций в исследуемые и представленные в таблице 6.7 лексические единицы (конкретно, в Акафисте в

Афонской редакции в 3:7 вариант *върож* вместо *върно*, в 3:14 *многочачьнъ* изменяется на *многочачевнънъ*, в 4:4 *оутрвоу* изменяется на *лужесна*, в 5:4 *пѣнии* изменяется на *пѣсньми*, в 5:10 *прозвбающа* изменяется на *рождъши*, в 5:10 *тишинъ* изменяется на *пристанице*, в Афонской редакции Стихир: 1:5 *влодѣтелю* изменяется на *исправителю*, 2:3 *ѿ злодѣа* изменяется на *вражинами*, 3:3 *велѣниемъ* изменяется на *повелѣниемъ*, 4:1. *вбличитель* изменяется на *ратникъ*, 4:5 *попучети* изменяется на *пощеди*, 6:3 *ввча* изменяется на *ввчете*) никак не связаны с стремлением воспроизвести звуковые повторы и вызваны другими (морфологическими или семантическими) причинами. Ни в одном из вышеназванных случаев параномазия оригинального греческого текста в результате не передается, что, по-видимому, совершенно не «беспокоит» ни переводчиков, ни последующих редакторов гимнов. Итак, воспроизведение в переводе параномазии (первичных звуковых повторов), очевидно, не входило в художественные задачи, которые ставил перед собой славянский переводчик.

Ситуация коренным образом меняется, когда мы переходим к рассмотрению другого поэтического средства, а именно паронимии, которая может быть разделена на три подтипа:

- 1) Повторы корневой морфемы.
- 2) Повторы деривационного префикса, в некоторых случаях усиленные также повторами суффикса и/ или флексии.
- 3) Повторы только суффикса и/ или флексии (гомеоптон или гомеотелевт) [Аверинцев, 1977, с. 234 – 240].

В следующих таблицах 6.8 – 6.10 представлены два первых славянских перевода лексем в тех же гимнографических произведениях с паронимией греческого оригинала, разделенные на группы в соответствии с вышеназванными подтипами (описанные выше случаи, сочетающие

паронимию с парономазией, для краткости опускаются). Ниже приводится расшифровка символов правого столбца: ++ паронимия передана в обеих редакциях, -- паронимия не передана ни в одной из редакций, + - паронимия передана в первой (акростишной) редакции и исчезает в Гимовской, - + паронимия не передана в первой (акростишной) редакции, но появляется в Гимовской, ? одна из лексем отсутствует в славянском тексте. Таблица 6.9 не содержит данных для Стихир, поскольку данный подтип паронимии в анализируемых 8 тропарях в принципе отсутствует.

Таблица 6.8. Перевод фрагментов с корневой паронимией в исследуемых гимнографических текстах

Номер икоса (тропаря) – номер стиха	Греческий оригинал	Акростишная редакция (Α)	Гимновская редакция	Воспроизведена/не воспроизведена
1. Акафист Богоматери				
1: 3 – 4	ἄσωμάτῳ σωματούμενόν	веспльтънъимъ взпльщышасе		++
1: 5	ἐξίστατο καὶ ἴστατο	дивлашеса и стоѣаше		--
1: 18 и ниже	νύμφη ἀνύμφευτε	невѣсто безневѣстнаѧ	невѣсто неневѣстнаѧ	++
3:1	γνώσιν ἄγνωστον γνώναι	разоумъ разоумѣти	(не)разоумьнь	++
5:8	γεωργόν γεωργοῦσα	от. стих	дѣлательѧ дѣлающи	? +
5:9	φυτουργόν – φύουσα	дѣло – от.	насаждителѧ вззрацающи	? -
6:3 – 4	ἄγαμόν – κλεψίγαμον	безмоужьнъин – оукрадышоуѳо бракъ	двою – бракъвкрадованѧ	--
8:3 – 4	κρατοῦντες – κραταῖον	от. – дръжецаго	держаше крѣпкаго	? -
8:5	φθάσαντες τὸν ἄφθαστον	постигъше непостижаемаго	постигшее непостижимаго	++
2. Стихиры				
3:1 – 2	γέγονα – γηγενῆς	взичъ – земльнаѧ		-
3:2, 5	γεωργήσας – γηγενῆς - γῆς	земльнъ – земльна – земле		+
3:5 – 6	πλαστοουργήσας – πλάσμα	создавъ – твари	созда – тварь	--
5:4 – 5	σκοτίζει – ἐν σκότει	умрачаеть – во тмѣ		-
8: 3, 6	σωθῆναι – σῶσον	спасению – спаси	спасению – от.	+ ?
8: 5, 6	πάντας – πάντων	всѣмъ – всѣми		++

Таблица 6.9. Перевод фрагментов с префиксальной паронимией в исследованных гимнографических текстах

Номер икоса (тропаря) – номер стиха	Греческий оригинал	Акростишная редакция (А)	Гимовская редакция	Воспроизведена/ не воспроизведена
1:10 – 11	δυσανάβατον δυσθεώρητον	ДВОВХОДЬНАГА – ДВОВИДИМАГА		++
5:6 – 7	ἀμάραντου – ἀκήρατου	НЕΟΥВЕДАЕМЪІЕ – ВЕСМРТНЪІ	НЕΟΥΒΑΔΟΜΑІА ВЕСМРТНАГО	--
5:10 – 11	εὐφορίαν – εὐθηνίαν	ГОБЪЪЪІ – ИЗОВИЛЬНО	ГОБЪЪЗАВАНИЕ ОБИЛЬЕ	--
7:10 – 11	συναλλάσσεται –συγχορεύει	СЪРАДОУЮТСА – СЪЛИКЪСТВОУЮТЬ	РАДОУЮТСА – ЛИКОУЮТЬ	+ –
7:12 – 13	ἀσίγητον – ἀνίκητον	НЕМЛЪЧНАГА – НЕПОВЪДИМАГА	НЕМОЛЪЧНАГА НЕПОВЪДИМАГА	++

Таблица 6.10. Перевод фрагментов с гомеоптоном в исследованных гимнографических текстах

Номер икоса (тропаря) – номер стиха	Греческий оригинал	Акростишная редакция (А)	Гимовская редакция	Воспроизведена/ не воспроизведена
1. Акафист Богородицы				
1:8 – 9	ἀνάκλησις – λύτρωσις	ВЪСТАНИЕ – ИЗБАВЛЕНИЕ		++
1:10 – 11	ὑψος – βάθος	ВЪСОТО – ГЛОУБИНО		++
1:10 – 11	λογισμοῖς ὀφθαλμοῖς	ПОМЪІСЛОМЪ – УЧИМА		--
3:2, 5	γεωργήσας – πλαστουργήσας	ЗЕМЛЪНЪ – СОЪДАВЪ	ЗЕМЛЪНЪ – СОЪДА	--
3:8 – 9	τῶν θαυμάτων Χριστοῦ τὸ προοίμιον, – τῶν δογμάτων αὐτοῦ τὸ κεφάλαιον	ЧЮДЕСЬ ХЪВЪ НАЧЕЛО ВЕЛЪНИИ ЕГО ГЛАВА		--
3:12 – 13	τῶν ἀγγέλων- τῶν δαιμόνων	АНГЛЪСКОЕ – ВЪСОМЪ	АНГЕЛОМЪ – ВЪСОМЪ	-- +
3:14 – 15	γεννήσασα –	РОЖДЪШИ –		++

	διδάξασα		μαουχъши		
3:16 – 17	σοφῶν ὑπερβαίνουσα – πιστῶν καταυγάζουσα		μου,δρѣихъ прѣχο,деци вѣрнѣихъ ѡзδариуци	-	++
5:6 – 7	βλαστοῦ καρποῦ	-	лѣторасли пло,де	-	προζαβение – пло,де
5:8 – 9	γεωργοῦσα φύουσα	-	от. стих дѣло	-	дѣлаюци – вззрацаюци
5:10 – 11	οἰκτιρῶν – ἰλασῶν		щедрителю ѡцѣщение	-	щедротъ – очищение
5:12 – 13	ἀναθάλλεις ἐτοιμάζεις	-	от. стих οὐροготовльши	-	растиши готовиши
5:16 – 17	εὐδοκία παρηρησία	-	нетлѣние дръзновение	-	блговоление– дерзновение
6:3 – 4	θεωρῶν ὑπονοῶν	-	зре – рече		видѣ – помѣшлала
7:10 – 11	τὰ οὐράνια – τὰ ἐπίγεια		съ небесънъими – земльнага		нбнага – земнии
7:12 – 13	ἀποστόλων ἀθλοφόρων	-	апстоломъ –		страстотръпцемъ
7:14 – 15	στερρόν λαμπρόν	-	тврѣдъине от. стих	-	тврѣдое – свѣтлоε
7:14 – 15	ἔρεισμα γνώρισμα	-	от. стих познание	-	οὐтвержение – сказание
2. Стихиры					
1:1 – 2	πορνῶν τελώνων	-	влѣдникъи –		мзитоимъци
1:5 – 6	δημιουργέ χορηγέ	-	благодѣтелю –		врачу
2:1, 3	βάρει – βέλει		тагость стрѣлами	-	тагость – стрѣлоѡ
2:5, 6	ἀμελούντων ἐπταισμένων	-	лѣнивъимъ –		сгрѣшаѡшимъ
6:3 – 4	ζήτησον ἀρίθμησόν	-	взъзици счетаи	-	взици – причти

Анализ таблиц показывает, что, по крайней мере, в 50% случаев паронимия оригинального текста воспроизводится в славянском переводе. Особое внимание было уделено передаче первого типа паронимии (корневого повтора) при переводе Акафиста Богоматери в отличие от перевода Стихир, где процент воспроизведения данного подтипа достаточно низок. Гомеоптон по большей части передается в случаях, когда он сочетается с синтаксическим параллелизмом, опять же преимущественно в Акафисте Богоматери [Аверинцев, 1977, с. 242, 248]. Принимая во внимание, что во многих случаях паронимия воспроизводилась в переводе «автоматически» благодаря пословному переводу слов с одинаковыми морфемами, достаточно сложно определить, насколько сознательно пытались переводчики и редакторы передать это поэтическое средство. Сопоставление текстов различных редакций, однако, убедительно показывает растущий процент воспроизведения паронимии. В частности, в Хлудовской и в Афонской редакциях все случаи воспроизведения первого подтипа паронимии были сохранены, и к ним добавился и еще один: в 6:3–4 греческие лексемы ἄγαμόν – κλεψίγαμον переведены неврачнѣ - вкрадши бракъ (Хлудовская редакция) и неврачнѣи – браковкрад, доваиннѣа (Афонская редакция). Однако в Хлудовской редакции в одном случае корневая паронимия, не исчезая совсем, становится менее явной: паронимы оригинала φθάσαντες τὸν ἄφθαστον (8:5) вместо постигше непостижимаго теперь переводятся как достигше непостижимаго. Новый вариант, несомненно, является семантически более точным переводом оригинала. Несмотря на это, следующая Афонская редакция возвращается к исходному варианту постигше непостижимаго. Афонская редакция Стихир также сохраняет все случаи передачи паронимии прежних редакций, прибавляя к ним еще один:

лексемы πλαστουργήσας – πλάσμα в 3:5–6 переводятся теперь как *создавь* – *создания* вместо *создавь* – *твари*.

Сходные процессы происходят и во втором подтипе паронимии. Лексемы, участвующие в формировании этого вида звуковых повторов, не были изменены в Хлудовской редакции. В Афонской редакции в 1:10-11 исправление очевидной ошибки исходного перевода, связанной со смешением двух похожих греческих префиксов δισ- и δυσ-, не привело к исчезновению паронимии, просто изменилась повторяющаяся приставка: *нездобвьзсхвдима* – *нездобвзима*. Один дополнительный случай воспроизведения паронимии возникает в 5:6–7 (греческие лексемы ἀμάραντου – ἀκήρατου) в церковнославянских словах *нездадемзиѣ* – *нетлѣннагѡ*.

Наконец, третий тип паронимии претерпел следующие изменения в рукописной истории Акафиста Богоматери: изменения, произведенные в двух случаях в Хлудовской редакции, сохраняют гомеоптон (бл̑говѣщение (вместо бл̑говоление) – дръзновение (5:16 – 17), и ѡснование (вместо оутвержение) – познание (7: 14-15)). Отметим, что во втором случае риторическое воздействие паронимии даже усиливается, так как в новом варианте вместо трех букв совпадает пять. Помимо этого, в данной редакции появляется два новых гомеоптона, а именно в 3:8–9 чюдесемъ – велѣниемъ вместо чюдесь – велѣнии и в 7:10–11 нѣснаа – земнаа вместо нѣснаа – земнии. Новые варианты Афонской редакции (възваніе вместо въстание в 1:8 и прѣмѣдръзиѣ вместо мѡдръзиѣ в 3:16) также не разрушают звуковых повторов. Что же касается Стихир, то основные изменения здесь, внесенные в первый тропарь Афонской редакции (πορνῶν – τελώνων (1:1–2) – мзитарі – блѣдникзи вместо блѣдникзи – мзитоимъци,

δημιουργὲ - χορηγὲ (1:5–6) – исправителю – поддателью вместо благодѣтелю – врачу), не только сохраняют гомеоптон, но и значительно усиливают его.

Итак, в рамках данного исследования нам удалось показать, что славянские переводчики не ставили своей целью передать в своем переводе первичные звуковые повторы (парономазию) греческого оригинала и, напротив, уделяли большое внимание воспроизведению вторичных звуковых повторов (паронимии), связанной со сходством как корней, так и аффиксов. Процент воспроизведения в переводе повторов суффиксов и/или флексий особенно высок, когда эти повторы сочетаются с синтаксическим параллелизмом, в частности, в хайретизмах Акафиста Богоматери. Несмотря на то, что целью редакторов, вносящих изменения в славянский текст, несомненно, была более точная передача смысла оригинала, они ни разу в своих исправлениях не нарушили уже существовавшей в церковнославянском тексте паронимии, и напротив, пытались передать ее в тех случаях, когда она отсутствовала в начальных редакциях. Из вышеизложенного легко сделать вывод, что для славянского книжника представляли значимость лишь те поэтические средства греческого текста, которые были связаны либо с семантикой, либо с синтаксисом, чисто фонетические же образные средства, с его точки зрения, не играли существенной роли в передаче общего художественного сообщения текста. Не случайно, что редактору Преславской (Гимовской) редакции Акафиста Богоматери удалось создать и собственную паронимию, которая, несмотря на то, что не была непосредственно перенесена с греческого оригинала, основываясь на этимологии славянского слова, соответствовала в целом его поэтической структуре и внесла свой вклад в создание церковнославянского текста значительной художественной ценности. Речь идет о совмещенном с корневой паронимией (повтором корня) повтором префикса знаменитого рефрена Акафиста Богоматери *радъвѣса невѣсто неневѣстьнаѣ*.

2.4.4. Лингвотекстологическое изучение особенностей воспроизведения поэтических средств греческого оригинала в церковнославянском переводе Антифонов Великой Пятницы

Воспользуемся разобранным выше методом диахронного сопоставления редакций для анализа особенностей передачи поэтических средств Антифонов Великой Пятницы. Как и в предшествующих разделах и главах, лингвотекстологический анализ будет проведен на основании результатов текстологического исследования, представленных в главе 5 первой части. Фрагменты текста для сопоставительного анализа выбирались по следующим параметрам:

1. Наличие данного фрагмента текста (точнее, тропаря, его содержащего) во всех указанных выше редакциях. Выше уже указывалось на значительные различия в составе тропарей греческих списков Антифонов, отразившиеся в церковнославянской книжности всего рассматриваемого периода. Больше всего различий присутствует в богородичных тропарях, завершавших каждый антифон. Поэтому богородичны, а также другие тропари, отсутствующие в одной или нескольких редакциях, не включались в анализируемый материал.
2. Наличие в греческом оригинале рассматриваемого фрагмента различных поэтических средств. На данном этапе исследования мы анализировали следующие фонетические, морфологические, лексические и синтаксические образные средства:
 - а. парономазию – использование двух или более этимологически неродственных слов сходного звучания, но различного значения;
 - б. паронимию – поэтический повтор двух или более различных слов с одинаковыми морфемами; в рамках данного образного средства далее выделяются:
 - повторы корневой морфемы;
 - повторы деривационного префикса;
 - повторы суффикса и/ или флексии (гомеоπτотон или гомеοτελεвт);

в. лексический повтор – намеренное повторение в образных целях одного и того же слова в одной или различных грамматических формах;

г. синтаксический параллелизм – повторение сходных синтаксических конструкций [Filonov Gove, 1988, с. 29 – 41].

Всего было проанализировано 11 фрагментов из 10 антифонов. Результаты сопоставительного анализа представлены ниже.

1. Антифон 1, тропарь 3.

Греческий оригинал: Τὰς αἰσθήσεις ἡμῶν, καθαρὰς τῷ Χριστῷ παραστήσωμεν, καὶ ὡς φίλοι αὐτοῦ, τὰς ψυχὰς ἡμῶν θύσωμεν δι' αὐτόν, καὶ μὴ ταῖς μερίμναις τοῦ βίου, συμπνιγῶμεν ὡς ὁ Ἰούδας, ἀλλ' ἐν τοῖς ταμείοις ἡμῶν κρᾶξωμεν... – синтаксический параллелизм, усиленный гомеоптоном (παραστήσωμεν - θύσωμεν - συμπνιγῶμεν - κρᾶξωμεν) и троекратным лексическим повтором местоимения ἡμῶν. Редакция А:

чувствия наша чиста хрѣви прѣдзставимъ и тако друзи его дше наше положимъ его ради а не печальми житийскими съ оудавимъ се тако же иуда нъ въ храмѣ нашемъ

възъпиемъ... – сохранение синтаксического параллелизма и гомеоптотона,

ослабленного наличием возвратной формы (оудавимъ се), лексический повтор

местоимения ослаблен употреблением различных грамматических форм. Кроме

того, буквально неточный перевод множественного числа единственным (ἐν

τοῖς ταμείοις ἡμῶν - въ храмѣ нашемъ) создает новую паронوماзию-

гомеоптотон, основанный на повторе различных, однако сходно звучащих

флексий (нашемъ - възъпиемъ). В Гимовской редакции данная неточность

исправляется, за исключением этого текст не претерпевает существенных

изменений. В Афонской редакции замена возвратного глагола на возвратное

местоимение (οὐδ' αὖτις σε - οὐδ' αὖτις σεβέ) усиливает параллелизм и гомеоптотон, приближая поэтическую структуру перевода к оригиналу.

2. Антифон 2, тропарь 1.

Греческий оригинал: Ἐδραμε λέγων ὁ Ἰούδας, τοῖς παρὰ νόμοις γραμματεῦσι. Τί μοι θέλετε δοῦναι, καὶ γὰρ ὑμῖν παραδώσω αὐτόν; ἐν μέσῳ δὲ τῶν συμφωνούντων, αὐτὸς εἰστήκεις ἀοράτως συμφωνούμενος. Καρδιογνώστα, φεῖσαι τῶν ψυχῶν ἡμῶν – сочетание двух паронимий: повтора префикса (παρὰ νόμοις - παραδώσω) и корня (δοῦναι - παραδώσω) - с лексическим повтором форм одного слова (συμφωνούντων - συμφωνούμενος). Редакция А: тече глѣ иудѣ кѣ беззаконьнѣмъ книгочинамъ чѣто ми хощете дати и азъ вамъ прѣдамъ его срѣдѣ же свѣщаваше ищющихъ самъ стоиши невидимо свѣщамъ срѣдѣ чевѣдѣче гѣ помѣлюи нас – лексический повтор сохранен (свѣщаваше – свѣщамъ), однако из двух паронимий оригинала сохраняется только одна – корневая дати – прѣдамъ. Взамен утраченной создается новая корневая паронимия средѣ – срѣдѣ чевѣдѣче. В Гимновской редакции данные образные средства не меняются. В Афонской редакции справщиком вносятся лексические изменения (взамен пары свѣщаваше – свѣщамъ употребляется продажчихъ – продаемъ), которые не только сохраняют лексический повтор, но и делают более явными звуковые повторы славянского текста (прѣдамъ – посрѣдѣ – продажчихъ – продаемъ).

3. Антифон 4, тропарь 1.

Греческий оригинал: Σήμερον ὁ Ἰούδας, καταλιμπάνει τὸν Διδάσκαλον, καὶ παραλαμβάνει τὸν διάβολον, τυφλοῦται τῷ πάθει τῆς φιλαργυρίας, ἐκπίπτει τοῦ φωτός, ὁ ἐσκοτισμένος, πῶς γὰρ ἠδύνατο

βλέπειν, ὁ τὸν φωστῆρα πωλήσας, τριάκοντα ἀργυρίων, ἀλλ' ἡμῖν ἀνέτειλεν ὁ παθὼν ὑπὲρ τοῦ Κόσμου, πρὸς ὃν βοήσωμεν. Ὁ παθὼν, καὶ συμπαθῶν ἀνθρώποις, δόξα σοι – синтаксический параллелизм первой фразы усиливается гомеоптоном (καταλιμπάνει - παραλαμβάνει) и паронимазией (Διδάσκαλον - διάβολον). Образная система остального текста тропаря, в основе которой лежит метафорическое противопоставление света и тьмы, строится на четырехкратном (πάθει - ὁ παθὼν - ὁ παθὼν - συμπαθῶν) и двукратном (τοῦ φωτός - τὸν φωστῆρα) повторе корневых морфем. Редакция А: днесъ иудѣ вставлѣть оучителѣ и приемлѣть днавола вельпе похотию сребролюбига ниспадѣ ѿ свѣта вмрачензи како во можаше зрѣти продавъ свѣтило на трехдесетѣхъ сребръницѣхъ нь намъ всигаль страдавзи за мирь к нему же възпиемъ страдавзи за мирь и млоуѣ члѣки слава тебѣ – славянский перевод сохраняет только синтаксический параллелизм и гомеоптотон (вставлѣть – приемлѣть), а также паронимию свѣта – свѣтило. Греческая 4-членная паронимия с корнем πάθ- превращается в двухчленный лексический повтор слова страдавзи. Однако, начиная с Гимовской редакции вплоть до Афонской, происходит замена лексемы похотию на синонимичную страстиж, что усиливает данную паронимию еще одним третьим членом, существенно улучшая общую поэтическую структуру тропаря.

4. Антифон 5, тропарь 2.

Греческий оригинал: πάσχω γὰρ ὡς ἄνθρωπος, καὶ σώζω ὡς φιλόανθρωπος – синтаксический параллелизм, усиленный корневой паронимией.

Редакция А: страждоу бо яко члѣкъ и спасаю же яко млсрдѣ – параллелизм сохраняется, однако паронимия теряется. Исправления, сделанные в Гимовской

и Афонской редакциях, восстанавливают паронимию оригинала. Ср. вариант Афонской редакции: страждѣ бѣ яко члвкъ и спасаѣ яко чловѣколовець.

5. Антифон 6, тропарь 2.

Греческий оригинал: Σήμερον τῷ σταυρῷ προσήλωσαν, Ἰουδαῖοι τὸν Κύριον, τὸν διατεμόντα τὴν θάλασσαν ῥάβδῳ, καὶ διαγαγόντα αὐτοὺς ἐν ἐρήμῳ. Σήμερον τῇ λόγχῃ τὴν πλευρὰν αὐτοῦ ἐκέντησαν ... – лексический повтор (σήμερον) и паронимия префикса δια (διατεμόντα - διαγαγόντα). В славянском тексте, не имеющем разночтений между редакциями, данная паронимия не сохраняется, однако взамен ее предлагается другая с префиксом про- (проведшаго – провдоше). Ср. вариант редакции А: днесь на крѣстѣ пригвоздише иудеи г҃а раздѣльшаго море жьзломь и проведшаго въ поустыни ихъ днесь копиемь ребра его провдоше.

6. Антифон 7, тропарь 1.

Греческий оригинал: ...ἀέδήλωσα ὑμῖν διὰ τῶν Προφητῶν μου, ἀδηλα καὶ κρύφια – корневая паронимия-антитеза (ἀέδήλωσα - ἀδηλα) передается в славянских переводах только в Гимовской редакции: яже явихъ вамъ прѣрѣки моими не явимая тайна. Ср. редакция А: яже г҃лахъ прѣрѣки своими не ввленая тайна, Афонская редакция: яже сказахъ вамъ прѣрѣки моими безвѣстная тайна.

7. Антифон 8, тропарь 2.

Греческий оригинал: ...καὶ κακοῦργον ἀντ' εὐεργέτου ... - корневая паронимия-антитеза (κακοῦργον - εὐεργέτου) передается всеми славянскими редакциями. Ср. редакция А: и злодѣя въ бл҃годѣтелѣ мѣсто.

8. Антифон 9, тропарь 1.

Греческий оригинал : ...τὴν τιμὴν τοῦ τετιμημένου, ὃν ἐτιμήσαντο ἀπὸ υἱῶν Ἰσραήλ... - дословно повторяет соответствующие евангельские слова (Матф. 27: 9), содержащие трехчленную корневую паронимию с корнем -τιμ-, которая передается всеми славянскими редакциями. Ср. редакция А: цѣнѹ цѣненаго него же цѣнише ѿ снѡвъ изълвъ.

9. Антифон 10, тропарь 1.

Греческий оригинал: μὴ φέρων θεάσασθαι, Θεὸν ὑβρίζομενον – парономазия, которую не удастся передать ни одной из славянских редакций. Ср. вариант Гимновской редакции: не терпа зрѣти бѣгоу досажаемоу.

10. Антифон 10, тропарь 2.

Греческий оригинал: Ὁ μαθητῆς ἠρνήσατο, ὁ Ληστῆς ἐβόησε. Μνήσθητί μου Κύριε, ἐν τῇ Βασιλείᾳ σου... – парономазия (μαθητῆς - μνήσθητί) не передается ни одной из славянских редакций, дословный перевод соответствующих словоформ (ученикъ - помани) не имеет фонетического созвучия.

11. Антифон 15, тропарь 1.

Греческий оригинал: Σήμερον κρεμάται ἐπὶ ξύλου, ὁ ἐν ὕδασι τὴν γῆν κρεμάσας. Στέφανον ἐξ ἀκανθῶν περιτίθεται, ὁ τῶν Ἀγγέλων Βασιλεύς. Ψευδῆ πορφύραν περιβάλλεται, ὁ περιβάλλων τὸν οὐρανὸν ἐν νεφέλαις...- поэтическая структура данного фрагмента, который по праву может быть причислен к вершинам византийской поэзии, строится на сочетании синтаксического параллелизма и гомеоптотона (κρεμάται - περιτίθεται -περιβάλλεται) и двух лексических повторов (κρεμάται - κρεμάσας и περιβάλλεται - περιβάλλων), противопоставленных по категории залога. Последний повтор усиливается паронимией префикса

(περιτίθεται - περιβάλλεται). Сочетанием гомеоптотона и паронимии можно считать повторяющиеся окончания -ων/ -ον. Редакция А: днесь висить на дрѣвѣ повѣшеи землю на водахъ вѣнцъ тръновънь носитъ црѣ англъскыи ложною порфирую вблачить се вблачеи небеса вблаки – сохранение параллелизма и гомеоптотона (висить – носитъ – вблачить), первый лексический повтор заменяется на паронимию (висить – повѣшеи), второй сохраняется (вблачить се - вблачеи). Теряется паронимия последнего повтора с предшествующим глаголом (носитъ), однако появляется новая паронимия с последующим существительным (вблачить се вблачеи.. вблаки). В Гимовской редакции образная структура отрывка не претерпела существенных изменений, за исключением замены глагола носитъ на възскадають сѧ. Однако в Афонской редакции этот же глагол меняется на облагает сѧ, что восстанавливает утраченную паронимию оригинала и делает поэтические повторы фрагмента еще более яркими (облагает сѧ... вблачить сѧ одѣважи нбо облакы).

Итак, сопоставительный анализ степени передачи поэтических средств (паронимии, паронимии, синтаксического параллелизма) греческого оригинала в десяти текстовых фрагментах из Антифонов Великой Пятницы по церковнославянским спискам XI – XV веков, отражающим три редакции славянского перевода, показал следующее:

1. При переводе греческого гимнографического текста на церковнославянский язык, а также при редактировании славянского текста с использованием греческого оригинала переводчики и справщики, несомненно, обращали внимание не только на точную передачу содержания византийского текста, но и на перенесение в пространство

другого языка его образно-поэтической структуры. Прежде всего, переводчики и справщики следили за сохранением в переводе паронимии (фрагменты 1 – 4, 6 – 8, 11), лексических повторов (фрагменты 1, 2, 3, 5, 11) и синтаксического параллелизма (фрагменты 1, 2, 3, 4, 11) оригинала, в то время как первичные (не основанные на сходстве морфем) фонетические повторы (фрагменты 2, 3, 9, 10, 11) в абсолютном большинстве случаев передать в переводе им не удастся.

2. Творчески подходя к процессу перевода, переводчики и справщики не только механически переносили в перевод поэтические средства оригинала, но и создавали на их основе собственные тропы и фигуры в духе поэтики византийского текста (фрагменты 1, 2, 5, 11), обогащая его образную структуру. Как перенесенные, так и вновь созданные образные средства рассмотренных категорий сохраняются при последующих справках, что свидетельствует о соответствующем их восприятии книжниками и читателями средневековых текстов.

2.4.5. Выводы

1. Подводя итог исследования, описанного в данной главе, необходимо подчеркнуть важность сравнительного лингвотекстологического изучения всех редакций церковнославянских текстов, на основе которого можно получить более точную и достоверную информацию по такой сложной проблеме палеославистики, как рецепция поэтических средств византийской литературы в славянской гимнографии. Лишь на основе этого метода можно составить диахронную картину не просто отдельных случаев воспроизведения или невоспроизведения в переводе конкретных языковых фактов исходного текста, но и всего явления в его целостности и исторической перспективе, а также его восприятия средневековыми славянскими книжниками.

2. Результаты исследования свидетельствуют о различиях в рецепции в церковнославянской книжности художественно-изобразительных средств византийской литературы. Если параномазия, то есть первичные (этимологически немотивированные) звуковые повторы, при переводе в абсолютном большинстве случаев не переносятся на славянскую почву, алфавитный акростих в первых переводах переносится, но впоследствии не воспринимается славянской аудиторией и постепенно исчезает, то этимологически мотивированные звуковые повторы (паронимия), лексические повторы и синтаксический параллелизм, как правило, не только воспроизводятся славянскими книжниками, но и сохраняются последующими писцами и редакторами, что свидетельствует о их важной роли в создании славянского гимнографического текста. В целом, славянские книжники отдают предпочтение поэтическим средствам, связанным с семантикой, и игнорируют в своем переводе чисто формальные поэтические приемы (параномазию и акростих), что свидетельствует о том, что данные средства не были восприняты принимающей культурой, по крайней мере, на начальных этапах церковнославянской книжности, а также об ином, в сопоставлении с византийской культурой, понимании поэтики художественного текста в целом.
3. Постепенное исчезновение из ранней церковнославянской книжности акростиха, являвшегося излюбленным поэтическим приемом не только византийской книжности, но и учеников Кирилла и Мефодия, свидетельствует о неспособности принимающей культуры, не опиравшейся на собственные письменные традиции, адекватно воспринять данное образное средство. Алфавитный акростих, воспроизведенный в первых славянских переводах, разрушается как редакторской правкой, так и бессознательными ошибками писцов, что свидетельствует об игнорировании данного приема и его поэтических возможностей у славянской аудитории X – XIV вв.

4. Творческий подход славянских книжников к переводу поэтического текста проявляется не только в перенесении в иную языковую среду образных средств исходного текста, но и в создании собственной языковой образности в духе византийского оригинала на основе активного использования возможностей принимающего языка. Появление новой, отсутствующей в оригинале, паронимии усиливает художественно-изобразительную структуру текста и способствует созданию его многоплановой образности и поэтичности. Бережное отношение последующих писцов, справщиков и редакторов как к перенесенным, так и к заново созданным образным средствам проявляется в их сохранении на протяжении многовековой рукописной истории славянских гимнов, несмотря на все сознательные и бессознательные изменения, вносимые в текст. Так, редакторские правки, преследовавшие различные цели и существенно изменившие вид церковнославянских переводных гимнов, как правило, не затрагивали участков или элементов текста, в которых ранним переводчикам удавалось достичь не только содержательно точного, но и художественно адекватного перевода. Напротив, от редакции к редакции степень воспроизведения образных средств византийского оригинала растет. Все это указывает на сознательное стремление книжников передать в переводе не только смысловую, но и художественно-изобразительную составляющую греческого гимна.
5. Результаты сопоставительного анализа показали различия в подходе разных поколений славянских книжников к воспроизведению в переводе поэтической структуры оригинала. Особой поэтической чуткостью и талантом обладали создатели первого славянского перевода (редакция А) и Афонской редакции. Однако славянский текст отразил их разное отношение к переводимому оригиналу. Если создатель редакции А относится к византийскому тексту достаточно свободно, стремясь не к копированию, но скорее к сотворчеству во всем, что касается его образной структуры, нередко прибегая к методу парафразы [Кривко, 2011, с. 738 – 739], то справщик

Афонской редакции пытается совместить буквальную точность с точностью поэтической. Это во многом ему удастся благодаря качественно новому состоянию церковнославянского языка, существенно обогатившему за прошедшие века свой лексический запас и образность. Именно по этому пути и пойдет в дальнейшем развитие церковнославянской поэтики, всегда опиравшейся на творческое переосмысление византийских образцов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уникальный феномен распространения византийской культуры на славянскую почву и формирование на ее основе славянской православной культуры, несмотря на многочисленные работы по данному вопросу, продолжает находиться в центре исследовательского интереса. Важнейшим средством такого переноса является язык – основная составляющая любой культуры, формирующая ее и одновременно формируемая ею.

Уникальность византийско-славянских культурных связей, помимо всего прочего, проявилась в создании языка-посредника – церковнославянского языка, ставшего своеобразным мостом для переноса византийской культуры на славянскую почву. Этот процесс, начатый просветителями славян Кириллом и Мефодием и продолженный поколениями известных и неизвестных славянских книжников – авторов, переводчиков, переписчиков, привел к созданию не только целых групп новой лексики, но и новых понятийных категорий, новых пластов культуры. В основе этого процесса лежал перевод византийских «образцовых» текстов, формировавших как стилистический узус средневекового человека, так и его представление о литературной и языковой норме. Однако неоспоримый авторитет этих текстов в пространстве византийской культуры на ранних этапах не распространялся на их церковнославянские переводы. Каждый перевод становится объектом критического анализа последующих редакторов, исправлявших его по греческим спискам, стремясь максимально приблизить к оригиналу. Прослеживая историю перевода византийских текстов на церковнославянский язык, мы наблюдаем за постоянными поисками поколений славянских книжников точных соответствий для сложных понятий византийской мысли и культуры. Особенно важна была максимальная точность в передаче оригинала в сакральных текстах: в Святом Писании, в гимнографии – верность перевода здесь становится гарантом духовного единства православных народов. С другой стороны, перенос в систему другого языка формирует другую систему

слов и ключевых понятий культуры, балансирующей между общей православной византийской и оригинальной славянской составляющей и ищущей таким образом свое лицо и свое уникальное место в мировой культуре. Каждый перевод – это одновременно и интерпретация, интерпретация с точки зрения принимающей культуры и принимающего языка. Наблюдая за изменениями в переводе, мы получаем средство для изучения того, как, меняясь с течением времени, славянский язык и культура предлагают новые интерпретации основным понятиям общего византийского православного наследия.

Гимнографические переводные церковнославянские тексты дают нам уникальный материал для того, чтобы проследить за вышеуказанными изменениями, поскольку эти тексты за время своего бытования на славянской почве неоднократно исправлялись по греческому оригиналу с целью максимально возможного в пространстве двух различных языковых систем сближения двух культурных традиций. Анализ лексических изменений, сознательно вносимых в славянских текст справщиками-редакторами, позволяет получить достоверную картину развития не только лексики и грамматики церковнославянского языка, но и основных мировоззренческих, философских, эстетических категорий славянской культуры. Особый интерес представляет воспроизведение и интерпретация поэтической структуры рассматриваемых текстов, многие из которых по праву считаются вершинами византийской религиозной поэзии. Соотношение поэтической и буквальной точности, повышенное внимание или, наоборот, практически полное игнорирование славянскими книжниками определенных художественно-изобразительных средств из арсенала византийской поэтики – это важнейшие факторы, определявшие на каждом этапе развития церковнославянской переводной книжности литературу оригинальную, создаваемую по модели и на основании эстетических и лингвистических прототипов переводных текстов. Не случайно в рамках данного исследования мы рассмотрели гимнографические тексты, не только пользовавшиеся особой популярностью у

славян, но и во многом определившие развитие оригинальной славянской гимнографии, тексты, ставшие образцами для подражания, породившие целые традиции оригинальных славянских текстов. В данном контексте особенно возрастает роль перевода, не только выводящего текст за рамки создавшей его культуры, но и лежащего в основе традиции принимающей культуры.

Перевод византийских гимнографических текстов на церковнославянский язык изначально был вызван необходимостью совершения богослужения на церковнославянском языке. Поэтому очевидно, что большинство из них переводилось в составе соответствующих литургических сборников. Четыре рассмотренных нами текста: Акафист Богоматери, Великий покаянный канон Андрея Критского, Алфавитные стихиры службы Великого канона и Антифоны Великой Пятницы – входили в состав одного богослужебного сборника – триоди, позднее разделенной на две части: триодь постную и цветную. Относительно первого перевода данного сборника на церковнославянский язык и начальных этапов его истории на славянской почве до нас не дошло свидетельств источников – древнейшие из сохранившихся списков триодей датируются уже концом XII века. На основе косвенных данных в современной палеославистике первый перевод триоди предположительно датируется концом IX – началом X вв. Текстологические данные свидетельствуют о том, что триодь переводилась частями, возможно, комбинировалась из песнопений, входящих в составы других богослужебных сборников (в частности, кондакарей), что отчасти объясняет пестроту ее состава, а также свидетельствует о компиляционном методе составления сборника, в дальнейшем с успехом используемом книжниками. Сопоставление результатов текстологического анализа относительно ранних (до Афонской sprawy XIV века) этапов рукописной истории четырех рассмотренных гимнов показало, что каждый текст в составе триоди мог иметь свою собственную судьбу, во многом отличную от судьбы других текстов. Вышеизложенное касается и текстов, составлявших одно последование, в частности, текста Великого канона и Алфавитных стихир из его службы. Тем не менее, основные этапы данной

истории, которыми являются книжные справы славянского текста на основе греческого оригинала, ведущие к появлению новых редакций, остаются более или менее неизменными от текста к тексту. Таковыми являлись:

- Существование двух относительно независимых редакций на самых первых (до середины X века) этапах, возможно, восходящих к глаголической и кириллической традициям бытования сборника. В одной из данных редакций переводчик последовательно стремился воспроизвести в переводах алфавитные акrostихи гимнов оригинала, что свидетельствовало о его «вольном» отношении к «букве» оригинала и приводило к «парафразированию» греческого текста, иными словами, к существенным изменениям, вносимым переводчиком как в структуру, так и в тексты гимнов. Тексты акrostихных переводов в большей или меньшей степени сохранности продолжают переписываться в южнославянской (болгарской и сербской) традиции вплоть до XIV века. Однако в целом история славянской гимнографии на этом этапе идет по другому пути, следуя за второй параллельно существовавшей славянской традицией – переводов (а не парафразов) без акrostиха, точно воспроизводивших структуру греческого текста.
- Две последовательно проведенные справы гимнов триоди постной и цветной по греческим спискам, вызванные изменениями литургической практики (введением новых богослужебных уставов) и стремлением сблизить греческую и славянскую традиции. Результаты первой из этих справ в чистом виде попали на Русь, сформировав там закрытую традицию (Гимовская редакция). Результаты второй справы в чистом виде сохранились только в Болгарской книжности, на Руси же в принципе известны не были.
- Две последовательные справы, произошедшие в конце XIII – XIV веке. Первая из них, проведенная на Афоне в самом начале века, затронула триодь постную и цветную, оказала определяющее влияние

на всю дальнейшую славянскую письменность – в первую очередь на южнославянскую, а позднее, опосредованно, на восточнославянскую, и легла в основу всех последующих версий церковнославянского текста вплоть до современных. Вторая, предположительно тоже составленная на Афоне в середине или конце XIV века, сохранилась в чистом виде только в одном болгарском списке XV века исключительно триоди постной F.п.I.55 и для большинства произведений (за исключением Акафиста Богоматери) осталась «тупиковой ветвью» в славянской книжности, не повлияв существенно на последующую традицию. Тем не менее, особенности данной редакции чрезвычайно показательны для состояния церковнославянского языка и книжности рассматриваемой эпохи.

Все многообразие славянских типов триоди XII – XIV вв. (до Афонской справки) объясняется явлением, названным нами компиляцией, то есть взаимодействием и взаимовлиянием различных славянских редакций или традиций без обращения к греческому оригиналу. Наличие компиляций свидетельствует об одновременном существовании различных редакций и традиций в определенный период на определенной территории. Такие условия присутствовали, прежде всего, в Болгарии и Сербии в X – XIII веках, где, как правило, компилировались архаичные (Акростишные) редакции и более поздние Преславские (Гимовский и Хлудовский тип). Компиляции могли производиться двумя способами. Первый способ состоял в том, что начало текста из одного источника достаточно механически присоединялось – «сшивалось» – с концом из другого. Примерами подобных компиляций были Акафист Богоматери Загребской триоди (первые три икоса из Акростишной редакции (А), конец – из Гимовской редакции), Великий канон Шафариковской триоди (песнь первая из Гимовской редакции, песни 2 – 9 – из редакции А) или Антифоны Великой Пятницы из Триоди Моисея Киянина (фрагмент текста, начиная со второго тропаря антифона 11 до конца антифона 12 из редакции Д,

оставшийся текст – из редакции А). Второй способ компиляции состоял в относительно равномерном «наполнении» текста одной редакции или традиции вариантами из другой, при этом нередко в новом тексте совместно употребляются «дублетные» переводы одной греческой словоформы. Компиляции данного типа мы находим во всех четырех текстах сербских списков Евергетидского типа, однако в каждом конкретном тексте выбор основного источника для компиляции может быть различен: в Акафисте Богоматери это Гимовская редакция, в Великом каноне и Алфавитных стихирах – Акростишная редакция (А), наконец, в Анифонах Великой Пятницы – не сохранившаяся в чистом виде редакция Д. Другим примером такой компиляции является список Орбельской триоди, где в трех текстах триоди постной основной источник – Хлудовская редакция – в различной степени дополняется вариантами из архаичной Акростишной редакции (А), а в Антифонах Великой Пятницы за основу берется Гимовская редакция, в качестве дополнительных же используются редакции А и Д. Частным случаем компиляции на основе второго способа является компиляция Алфавитных стихир Загребской триоди: за основу берется порядок стихир без акростиха (Гимовская редакция), однако большинство текстов стихир заимствуется из акростишного источника (редакция А). Отметим, что присутствие как отдельных вариантов, так и целых крупных фрагментов текста Гимовской редакции в ранних болгарских и сербских списках исключает восточнославянское происхождение данной редакции и свидетельствует о ее составлении в Болгарии в рамках Преславской sprawy. При этом не случайно, что Болгария – родина всех трех основных редакций – сохранила ранние Акростишную и Гимовскую редакции не в чистом виде, но лишь в сочетании либо между собой, либо с более поздними типами. Напротив, сербская и русская письменность, своеобразные литературные «периферии» того времени, получали в готовом виде лишь одну из созданных в Болгарии редакций и могли сохранить ее изолированно. Таким образом, данные книжности оказались «литературами-хранительницами» для Акростишной и Гимовской редакций соответственно, донеся до нас чистые типы данных

редакций. Компиляционные же типы присутствуют в рассмотренный период (XIII – XIV вв.) на всей славянской территории: в восточнославянской триоди Моисея Киянина, списанной с болгарского протографа, в болгарских Шафариковской, Пловдивской, Орбельской и Погодинской (*Пог. 40*) триодях, в Загребской триоди и в сербских триодях *НБС 644* и *НБС 645*. Интересно, что если редакция возникала в результате систематичной справки всего текста триоди, то компиляция могла по-разному проходить от текста к тексту. В частности, в Загребской триоди Акафист Богоматери компилируется на основе двух механически соединенных фрагментов Акростишной (А) и Гимовской редакций, Великий канон – также путем соединения двух фрагментов, но уже из Гимовской и архаичной редакции З, тогда как текст стихир Великого канона формируется путем последовательного систематического компилирования на основе Гимовской редакции с элементами Акростишной (А). В Шафариковской триоди лишь в тексте Великого канона появляется цельный фрагмент (песнь 1) из Гимовской редакцией, в прочих же текстах влияние данной редакции ограничивается отдельными вариантами и частичным разрушением акростиха, напротив, в Антифонах Великой Пятницы, влияние Гимовской редакции в принципе отсутствует, а вторым (наряду с редакцией А) источником компиляции становится несохранившаяся в чистом виде и, вероятно, связанная с глаголической традицией редакция Б. Наконец, в триодях Евергетидского типа, как уже указывалось выше, выбор источников от текста к тексту не меняется, однако меняется их соотношение.

Наличие компиляционных типов, помимо всего прочего, – это свидетельство относительной «равноправности» существующих на славянской почве редакций, ни одна из которых не маркируется как правильная и не получает ощутимых преимуществ перед другими. Ситуация меняется после появления Афонской редакции, вытеснившей из южнославянской книжности более старые редакции на правах «правого извода». Дальнейшая история славянской письменности в данном ареале развивается на основе оппозиции «правильное (исправленное, новое) – неправильное (неисправленное, старое)»,

отсутствующей на ранних этапах, когда новое успешно сосуществовало со старым.

В восточнославянской книжности ситуация была несколько иной. Здесь относительное «равноправие» и сосуществование старых и новых редакций сохранилось до конца рассматриваемого периода, а, вероятно, и позднее – вплоть до Никоновской sprawy XVII в. Таким образом, восточнославянская книжность XV века представлена разнообразными компилятивными типами, в особенности, для Акафиста Богоматери, где смешиваются Афонская редакция и новая, составленная на основе Ф.п.I.55, Русская редакция, и Антифонов Великой Пятницы, где наблюдается сосуществование и взаимовлияние Афонской и более ранней Гимовской редакции.

Сложность рукописной истории рассмотренных текстов свидетельствует о необходимости предварения их лингвистического анализа текстологическим. Лишь на его основе может быть выявлена хронологическая последовательность вариантов текста: редакций и традиций – а также определены время и место внесения в текст каждого конкретного языкового факта и его замены на другой вариант. Сделанный на основе текстологической классификации лингвотекстологический анализ способен дать объективную картину истории языка переводного текста на рассматриваемом временном срезе и является перспективным способом изучения истории языка в целом, а также процессов взаимовлияния языков, проявляющихся при переводе.

Наконец, проведенное нами исследование показало не только разницу переводческих техник, но и принципиально разный подход к переводу священного и одновременно поэтического текста на разных этапах развития славянской письменности. На архаических стадиях мы встречаемся с относительно вольными переводами, переводами-парафразами, вносящими существенные изменения в структуру и текст переводимого гимна во имя выполнения определенных художественных задач, в частности, воспроизведения в переводе акростиха оригинала. Не стремясь к пословной точности, славянский книжник нередко прибегает к описательным переводам,

достаточно ограниченно используя словообразовательное калькирование. Перенос текст в пространство другого языка и другой культуры, переводчик выступает как его со-творец, пытаясь создать не просто перевод, но текст равного художественного достоинства на принимающем языке, в основе которого, однако, лежали принципы эстетики и поэтики языка исходного. Данные принципы в большинстве своем оказались не воспринятыми славянской культурой того времени. Славянские писцы равнодушно отнеслись к алфавитному акростиху ранних славянских переводов, всего за два века практически полностью разрушив его в результате как сознательных, так и бессознательных изменений. История акростишных переводов как нельзя более показательна для славянской письменности последующего (Преславского) периода, где от перевода требуется прежде всего буквальная, а не художественная точность. Редакции славянских гимнов того времени – это пословное воспроизведение текста оригиналов с незначительными неточностями и ошибками. Стремление к пословной точности не приводит к увеличению числа лексических заимствований, напротив, на этом этапе значительно возрастает число словообразовательных калек. Однако относительная бедность – понятийная, лексическая, художественная – принимающего языка рассматриваемой эпохи не позволяет книжникам найти точных соответствий для чрезвычайно сложной и многоуровневой понятийной и поэтической структуры текста оригинала. Значительное обеднение лексики гимнов при их переводе неминуемо приводит к потере части его философских идей и смыслов, а также к значительному видоизменению, а иногда и полному разрушению поэтической системы текста.

Новые концепции перевода формируются в кругах афонского монашества в конце XIII – начале XIV вв. Стремление к дословной верности совмещается в них с новым филологическим подходом, с поисками глубинной – морфологической – точности, к сознательному и планомерному обогащению языка и формированию в принимающем языке системы соответствий для каждой лексемы (а иногда и морфемы) исходного языка. Количество

словообразовательных калек в данный период возрастает приблизительно вдвое в сравнении с ранними редакциями, однако в приставочной глагольной деривации калькирование проходит не столь успешно, что связано с принципиальными различиями в данной области передающего и принимающего языка – различиями, увеличивающимися со временем в связи с активным развитием в церковнославянском и древнерусском языке категории глагольного вида. В целом, глубокий и скрупулезный филологический анализ текста позволил переводчику с высокой степенью точности передать не только содержание, но и поэтическую структуру гимнов, что достигается не в ущерб, а параллельно с пословной точностью перевода. Логическим завершением этого процесса становится создание менее чем через сто лет новой редакции триоди постной, вероятно, тоже на Афоне, в которой впервые причиной большинства исправлений стало стремление к достижению максимальной поэтической точности.

Итак, церковнославянский перевод греческого гимна под пером афонских монахов-справщиков и их последователей зазвучал по-новому – гармонично, многогранно, точно и поэтично. Именно с их помощью славянский текст обрел тот стройный и величественный вид, который после ряда исправлений последующих редакторов трогает сердца слушателей и по сей день. Именно афонским справщикам наконец удалось создать в полном смысле этого слова образцовые – нормативные – тексты, способные активно функционировать в принимающей культуре и воспроизводиться ею. Неудивительно, что именно с XIV века, именно с момента появления афонских редакций, византийские гимны приобретают особую популярность в славянском мире. В особенности это касается Акафиста Богоматери, который с этого момента становится не просто одним из самых почитаемых византийских произведений, но и эталоном, на основе которого создается целый жанр новых гимнов.

Так постепенно – от справки к справе, от редакции к редакции – церковнославянский перевод обретает свой современный вид. И одновременно и столь же постепенно усилиями поколений именитых и безвестных

справщиков и редакторов формируются церковнославянский и русский литературный языки, поэтика церковнославянской и русской литературы, в конечном счете, вся православная славянская культура.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов, Р. И., Жуковская Л. П. Лексические диалектные различия и их картографирование /Р. И. Аванесов, Л. П. Жуковская // Вопросы теории лингвистической географии. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. –С. 147 – 174.
2. Аверинцев, С. С. Рецензия на издание Акафиста / С. С. Аверинцев // Византийский временник. – 1968. – Вып. 28. – С. 304 – 306.
3. Аверинцев, С. С. Перевод отрывков из Акафиста Богоматери / С. С. Аверинцев // Памятники византийской литературы IV – IX вв. – М.: Наука, 1968. – С. 239 – 241.
4. Аверинцев, С. С. ΕΥΣΠΛΑΧΝΙΑ / С.С. Аверинцев // Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти акад. Н.И. Конрада. – М., 1974. – С. 161 – 170.
5. Аверинцев, С. С. Поэтика ранневизантийской литературы / С.С. Аверинцев. – М.: Наука, 1977. –320 с.
6. Аверинцев, С.С. Крещение Руси и путь русской культуры / С.С. Аверинцев // Символ. – 1988. – № 20. – С. 81 – 91.
7. Аверинцев, С. С. Между «изъяснением» и «прикровением»: ситуация образа в поэзии Ефрема Сирина / С.С. Аверинцев // Поэты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 43 – 95.
8. Александрова, Т. И. Стихиры службы Великого покаянного канона Андрея Критского и становление славянской Триоди / Т. И. Александрова // ТОДРЛ. – СПб, 2014. – Т. 62. – С. 43 – 52.
9. Алексеев, А. А. «Песнь Песней» в древней славяно-русской письменности. Часть 2. Исследования / А. А. Алексеев. – М., 1980. – 240 с.
10. Алексеев, А. А. Цели и методы текстологического исследования лингвистических источников XI – XVII вв / А. А. Алексеев // Русистика

- сегодня. Язык: система и ее функционирование. – М.: Наука, 1988. – С. 188 – 209.
11. Алексеев, А. А. К истории русской переводческой школы XII в / А. А. Алексеев // ТОДРЛ. – Л., 1988. – Т. 41. – С. 154 – 196.
 12. Алексеев, А. А. Кое-что о переводах в Древней Руси (по поводу статьи Фр. Дж. Томпсона «Made in Russia») / А. А. Алексеев // ТОДРЛ.– СПб., 1996. – Т. 49. – С. 278 – 296.
 13. Алексеев, А. А. По поводу статьи Г. Г. Ланта «Еще раз о мнимых переводах в Древней Руси» / А. А. Алексеев // ТОДРЛ. – СПб., 1999. – Т. 51. – С. 442 - 445.
 14. Амфилохий, арх. О греческом кондакаре XII – XIII века Московской синодальной библиотеки сравнительно с древним славянским переводом / Амфилохий. – СПб., 1869. – 34 с.
 15. Амфилохий, арх. Кондакарий в греческом подлиннике XII – XIII века по рукописи Московской Синодальной библиотеки № 437 с древним славянским переводом кондаков и икосов, какие есть в переводе. / Амфилохий. – М., 1879.
 16. Афанасьева, Т. И. Литургия преждеосвященных даров в славянской рукописной традиции XII – XV вв. (лингвотекстологический анализ): автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Афанасьева Татьяна Ивановна. – СПб., 2000.
 17. Афанасьева, Т. И. Славянская литургия преждеосвященных даров XII – XV вв / Т. И. Афанасьева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – 216 с.
 18. Афанасьева, Т. И. Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI – XV вв.) / Т. И. Афанасьева. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. – 448 с.
 19. Бархударов, Л. С. Процесс перевода с лингвистической точки зрения / Л. С. Бархударов // Лингвистика и методика в высшей школе. – М., 1967. – Вып. 4. – С. 23 – 32.

20. Блинова, О. И. К вопросу о типах лексических различий в системе диалектного языка / О. И. Блинова // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Томск, 1966. – Вып. 1. – С. 9 – 18.
21. Бобрик, М. А. Представления о правильности текста и языка в истории книжной справы в России (от XI до XVIII в.) / М. А. Бобрик // Вопросы языкознания. – № 4. – 1990. – С. 61 – 81.
22. Борисова, Т. С. Формирование системы символов церковнославянского языка / Т. С. Борисова // Язык памятников церковнославянской письменности. – Новосибирск, 1995. – С. 38 – 57.
23. Борисова, Т. С. К теории символа в церковнославянском языке / Т. С. Борисова // История языка. – Новосибирск, 1999. – С. 20 – 27.
24. Борисова, Т. С. Символы Богоматери в церковнославянском языке / Т. С. Борисова. – Новосибирск, 2001. – 146 с.
25. Борисова, Т. С. Символ в православной культуре / Т. С. Борисова // Филолог. – Новосибирск, 2002. – № 3. – С. 8 – 12.
26. Борисова, Т. С. К истории ранних редакций церковнославянского перевода Акафиста Богоматери / Т. С. Борисова // Τέχνη γραμματική. – Новосибирск, 2004. – Вып. 1. – С. 40 – 57.
27. Борисова, Т. С. К определению понятия текстологической компиляции (на материале рукописной истории церковнославянского перевода Акафиста Богоматери) / Т. С. Борисова // Τέχνη γραμματική. – Новосибирск, 2008. – Вып. 3. – С. 80 – 99.
28. Борисова, Т. С. Акафист Пресвятой Богородице и его история / Т. С. Борисова // Новосибирская Епархия РПЦ. Богословский сборник. – Новосибирск, 2008. – Вып. 4. – С. 37 – 60.
29. Борисова, Т. С. Акафист Богоматери в книжности Великого Княжества Литовского / Т. С. Борисова // LDK Kalbos, Kultūros ir Rastijos Tradicijos. – Vilnius, 2009. – С. 126 – 136.

30. Борисова, Т. С. О влиянии византийской церковной поэзии на русскую культуру (на материале церковнославянского перевода Акафиста Богоматери) / Т. С. Борисова // Материалы I междунар. науч.-практ. конф. «Эллинизм: культура, традиции и язык в российской государственности и в социуме Сибири» (г. Томск, 30 – 31 октября 2009 г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 153 – 160.
31. Борисова, Т. С. К вопросу о рукописном прототипе старопечатной «Триоди Постной» 1491 года / Т. С. Борисова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, Филология. – Новосибирск, 2010. – Вып. 2 (9). – С. 105 – 115.
32. Борисова, Т. С. К истории ранних редакций церковнославянского перевода Великого Покаянного Канона Андрея Критского / Т. С. Борисова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, Филология. – Новосибирск, 2011. – Вып. 2 (10). – С. 52 – 61.
33. Борисова, Т. С. Редакция Акафиста Богоматери «Битольской Триоди»: к восстановлению ранних этапов истории церковнославянского текста / Т. С. Борисова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, Филология. – Новосибирск, 2011. – Вып. 9 (10). – С. 111 – 118.
34. Борисова, Т. С. Ранние редакции древнейшего славянского перевода Акафиста Богоматери как пример славянского акростиха / Т. С. Борисова // *Palaeobulgarica*. – София, 2012. – № 1 (36). – С. 66 – 79.
35. Борисова, Т. С. К проблеме возникновения славянской церковной поэзии: воспроизведение поэтических средств в раннеславянских переводах византийской гимнографии / Т. С. Борисова // *Universum Humanitarium*. – № 1. – Новосибирск, 2015. – С. 40 – 57.
36. Борисова, Т. С. К истории ранних редакций церковнославянского перевода Великого покаянного канона Андрея Критского: Песнь первая в древнесербской традиции / Т. С. Борисова // *Црквене Студије*. – Вып. 12. – Ниш, 2015. – С. 475 – 488.

37. Борисова, Т. С. К вопросу о ранних этапах истории славянской Триоди постной (на материале алфавитных стихир из службы Великого покаянного канона Андрея Критского) / Т. С. Борисова // *Paleobulgarica*. – София, 2016. – № 2 (40). – С. 74 – 92.
38. Борисова, Т. С. Текстологический анализ ранних (до Афонской sprawy XIV века) редакций стихир из послендования Великого покаянного канона Андрея Критского / Т. С. Борисова // *Сибирский филологический журнал*. – Новосибирск, 2017. – № 2. – С. 249 – 270.
39. Борисова, Т. С. Древнеболгарские источники Загребской триоди. / Т. С. Борисова // 100 години Кирилометодиевистика в България. Идентифициране на Еврейски и Християнски Модели в Литературата. – София, 2016. – С. 307 – 319.
40. Борисова, Т. С. Афонская редакция церковнославянского перевода Великого покаянного канона св. Андрея Критского в славянской литургической традиции / Т. С. Борисова // *Афон и славянский мир. Сборник 3. Материалы III междунар. конф. «Афон и славянский мир. К 1000-летию присутствия русских на Афоне»* (Киев, 21 – 23 мая 2015 г.). – Афон, 2017. – С. 247 – 257.
41. Борисова, Т. С. Текстология церковнославянских переводов византийских гимнографических текстов по спискам Триоди постной XII – XV веков / Т. С. Борисова. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2016. – 280 с.
42. Борисова, Т. С. Акафист Богоматери в ранней сербской традиции: о влиянии Акrostишной редакции на Триоди Евергетидского типа / Т. С. Борисова // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, Филология*. – Новосибирск, 2017. – Вып. 2 (16). – С. 110 – 124.
43. Борисова, Т. С. Алфавитный акrostих на ранних этапах славянской книжности: о судьбе акrostишных переводов византийских гимнографических текстов / Т. С. Борисова // *Византия – Балканы – Русь: Перекрестки культурных путей. Материалы междунар. науч. конф. XI*

- Загребинские чтения (Санкт-Петербург, 4 – 5 октября 2016 г.). – СПб., 2017, – С. 9 – 17.
44. Борисова, Т. С. Красота земная и небесная в церковнославянских переводах византийской гимнографии (на материале Великого покаянного канона Андрея Критского) / Т. С. Борисова // Материалы междунар. науч. конф. «Русский язык в современной культуре в контексте Slavia Orthodoxa и Slavia Latina» (Москва, 30 ноября 2016 г.) – М., 2016, – С. 35 – 48.
45. Борисова, Т. С. Греческое искусство слова в русской культуре: об особенностях передачи поэтической структуры текста в церковнославянских переводах византийской гимнографии / Т. С. Борисова // Влияние эллинизма на науку, культуру и образование современности. – Томск, 2016. – С. 280 – 293.
46. Борисова, Т. С. Великий покаянный канон Андрея Критского и каноны Кирилла Туровского: о роли византийской традиции в формировании оригинальной восточнославянской гимнографии / Т. С. Борисова // Материалы науч. конф. с междунар. участ. «Русистика сегодня: традиции и перспективы» (София, 23 – 25 ноября 2016 г.). – София, 2017. – С. 598 – 607.
47. Борисова, Т. С. О соотношении характеристик передающего и принимающего языка при переводе художественных текстов (на материале церковнославянской гимнографии) / Т. С. Борисова // Материалы междунар. науч. конф. «Язык и культура: международная антропология», посвящ. 50-летию каф. русского языка для иностранных учащихся ЮФУ (Ростов н/Д, 22 – 25 марта 2017 года). – Ростов н/Д, 2017, – С. 11 – 17.
48. Борисова, Т. С., Табаченко Л. В. Методические принципы семантизации пространственных приставок при преподавании русского языка греческим студентам / Т. С. Борисова, Л. В. Табаченко // Известия Южн.

- Федерал. ун-та. Сер.: Филологические науки. – Ростов н/Д, 2017. – № 3. – С. 215 – 227.
49. Борисова, Т. С. Об истории формирования системы поэтических средств русского языка (на материале церковнославянского перевода византийского «Алфавитаря» Григория Богослова) / Т. С. Борисова // Язык как система и деятельность. Материалы всероссийской научной конференции. – Ростов н/Д, 2017. – С. 51 – 55.
50. Борисова, Т. С. О влиянии греческого языка на формирование системных связей лексики церковнославянского языка (на материале лексического варьирования в редакциях перевода Акафиста Богоматери) / Т. С. Борисова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, Филология. – Новосибирск, 2017. – № 9 (16). – С. 94 – 105.
51. Борисова, Т. С. Греческий и церковнославянский язык в системе православного образования / Т. С. Борисова // Христианство и педагогика: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. – Пенза, 2017 – Т. 2. – С. 90 – 100.
52. Борисова, Т. С. Антифоны Великой Пятницы в древнесербской традиции / Т. С. Борисова // Црквене Студије. – Ниш, 2019. – Вып. 16 (2). – С. 593 – 608.
53. Борисова, Т. С. Церковнославянский канон и его переосмысление в эпоху барокко: на материале книги «Руно орошенное» Димитрия Ростовского / Т. С. Борисова // Известия Южн. Федерал. ун-та. Сер.: Филологические науки. – Ростов н/Д, 2019. – № 1. – С. 58 – 66.
54. Борисова, Т. С. Диахронный аспект в изучении поэтики церковнославянских переводных гимнографических текстов / Т. С. Борисова // Ученые записки Петрозавод. гос. ун-та. – Петрозаводск, 2019. – № 3 (180). – С. 75 – 80.
55. Борисова, Т. С. Крестобогородичные тропари Антифонов Великой Пятницы (опыт текстологического анализа по спискам XI – XIV веков) / Т. С. Борисова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и

- межкультурная коммуникация. – Новосибирск, 2019. – № 2 (17). – С. 14 – 26.
56. Борисова, Т. С. К вопросу о существовании древнерусской редакции славянских богослужебных книг (на материале восточнославянских списков Антифонов Великой Пятницы XI – XIV веков) / Т. С. Борисова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – Новосибирск, 2019. – № 2 (18). – С. 15 – 30.
57. Борисова, Т. С. К вопросу о цельности и вариативности средневекового текста: на материале переводной церковнославянской гимнографии триодного цикла / Т. С. Борисова // Текст. Книга. Книгоиздание. – Томск, 2019. – Вып. 19. – С. 5 – 22.
58. Борисова, Т. С. Лексическое заимствование или славянское соответствие: опыт лингвотекстологического анализа лексических вариантов на начальных этапах славянской гимнографии / Т. С. Борисова // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер.: Филология. – Томск, 2019. – Вып. 60. – С. 5 – 18.
59. Борисова, Т. С. Славообразовательное калькирование и его роль при переводе греческих композитов: опыт лингвотекстологического анализа по спискам XI – XV веков / Т. С. Борисова // Вестник Томск. пед. ун-та. – Томск, 2019. – Вып. 7 (204). – С. 40 – 47.
60. Борисова, Т. С. Книжная справа XVII века в истории церковнославянского перевода Акафиста Богородицы / Т. С. Борисова // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2020. – № 1.
61. Бурилина, Е. Л. О соотношении текста и напева в древнерусских песнопениях XVI – XVII вв / Е. Л. Бурилина // Источниковедение литературы Древней Руси. – Л.: Наука, 1980. – С. 204 – 215.
62. Былинин, В. К. Русские акrostихи старшей поры (до XVII в.) / В. К. Былинин // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. – М.: Наука, 1985. – С. 209 – 243.

63. Былинин, В. К. К проблеме стиха славянской гимнографии (X – XIII вв.) / В. К. Былинин // Славянские литературы. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. – М.: Наука, 1988. – С. 33 – 49.
64. Былинин, В. К. Поэтика русских тропарей XI в / В. К. Былинин // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. – Кемерово, 1988. – С. 40 – 48.
65. Бычков, В. В. Из истории византийской эстетики / В. В. Бычков // Византийский временник. – М., 1976. – Вып. 37. – С. 160 – 191.
66. Бычков, В. В. 2000 лет христианской культуры *sub specie aethetica*: в 2 т. / В. В. Бычков. – М.–СПб.: Университетская книга, 1999.
67. Василик, В. В., Желтов, М. С. Алфавитные стихирь / В. В. Василик, М. С. Желтов // Православная энциклопедия. – Т.2. – М., 2008. – С. 64 – 65.
68. Верещагин, Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия / Е. М. Верещагин. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 255 с.
69. Верещагин, Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия / Е. М. Верещагин. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 203 с.
70. Верещагин, Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. К проблеме греческо – славянских лексических и грамматических вариантов в древнейших славянских переводах. Доклад на VII международном съезде славистов / Е. М. Верещагин. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 50 с.
71. Верещагин, Е. М. Прием параллелизма в Псалтыри и выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян / Е. М. Верещагин. // Советское славяноведение. – М.: Наука, 1975. – № 2. – С. 60 – 72.

72. Верещагин, Е. М. К дальнейшему изучению переводческого искусства Кирилла и Мефодия и их последователей. Доклад на IX международном съезде славистов / Е. М. Верещагин. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 86 с.
73. Верещагин, Е. М. У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминовтвoрчества / Е. М. Верещагин // Вопросы языкознания. – М., 1982. – № 6. – С. 105 – 114.
74. Верещагин, Е. М. К проблеме краесогласия слов в византийской гимнографии (в связи с анализом рифмы в древнеславянских переводах) / Е. М. Верещагин // Вопросы языкознания. – М., 1984. – № 4. – С. 33 – 44.
75. Верещагин, Е. М. Великоморавский этап развития первого литературного языка славян: становление терминологической лексики / Е. М. Верещагин // Великая Моравия. Ее историческое и культурное значение. – М.: Наука, 1985. – С. 217 – 238.
76. Верещагин, Е. М. Две линии в языкотворчестве Кирилла и Мефодия и их последователей: формирование терминологии, создание поэтической традиции / Е. М. Верещагин // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. – М.: Наука, 1988. – С. 78 – 90.
77. Верещагин, Е. М. Терминовтвoрчество Кирилла и Мефодия / Е. М. Верещагин // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1988. – № 2. – С. 91 – 100.
78. Верещагин, Е. М. Мир как кольцо: итеративность клише в славяно-русской гимнографии / Е. М. Верещагин // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 240 – 249.
79. Верещагин, Е. М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания / Е. М. Верещагин. – М.: Индрик, 2001. – 608 с.
80. Верещагин, Е. М. Наблюдения над языком и текстом архаичного источника – Ильиной книги: анализ тропарей IX песни канона Дмитрию

- Солунскому / Е. М. Верещагин // Вопросы языкознания. – М., 2003. – № 1. – С. 119 – 147.
81. Верещагин, Е. М. Новые наблюдения над древнейшим текстом богослужебного последования св. Георгию Победоносцу / Е. М. Верещагин // ПЪНИЕ МАЛО ГЕГЪРГИЮ: Сборник в чест на 65-годишнината на проф. д-рн. Георги Попов. – София, 2010. – С. 87 – 100.
82. Верещагин, Е. М. Две малоизвестные переводческие практики в гимнографическом творчестве Климента Охридского / Е. М. Верещагин // ПОЛУИСТЪР: Scripta Slavica Mario Capaldo dicata. – М. – Рим: Индрик, 2015. – С. 365 – 377.
83. Вздорнов, Г. И. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV – XV вв / Г. И. Вздорнов // ТОДРЛ. – Л., 1968. – Т. 23. – С. 171 – 198.
84. Вялкина, Л. В. Сложные слова в древнерусском языке в их отношении к языку греческого оригинала / Л. В. Вялкина // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1964. – С. 94 – 118.
85. Гамкрелидзе, Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. – Т. 1. – 482 с.
86. Гарднер, И. А. Богослужебное пение в русской православной церкви. Сущность. Система. История / И. А. Гарднер. – М.: Изд-во Прав. Свят. Тих. гум. ун-та, 2004. – Т. 1. – 498 с.
87. Гаспаров, М. М. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М. М. Гаспаров. – М.: Наука, 1984. – 351 с.
88. Горский, А., Невоструев, П. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки / А. Горский, П. Невоструев. – М., 1859. – 339 с.

89. Грибов, Ю. А. Акафисты Сергию Радонежскому в русской книжности XVII – XVIII вв. / Ю. А. Грибов // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы науч. конф. 1995 г. – М., 1998. – С. 227 – 237.
90. Григорьев, А. В. К вопросу о семантической адекватности славяно-русских текстов Евангелий их греческим оригиналам / А. В. Григорьев // Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян. – М., 1999. – С. 16 – 19.
91. Грузинцева, Н. В. Стихиры-самогласны триодного стихираря в древнерусской рукописной традиции XII – XVII вв.: автореферат дисс. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Грузинцева Наталья Викторовна . – Л., 1990.
92. Давыдов, И. П. Православный акафист русским святым как особый жанр церковной проповеди / И. П. Давыдов // Вестн. Московск. ун-та. Сер.: Философия. – М., 1996. – № 5. – С. 71 – 72.
93. Давыдов, И. П. Философские аспекты изучения русского акафистографического наследия / И. П. Давыдов // Вестн. Московск. ун-та. Сер.: Философия. – М., 1999. – № 1. – С. 94 – 96.
94. Дергачева, И. В. Типология синодиков в русской письменности XV –XVII вв. / И. В. Дергачева // Методические рекомендации по описанию славяно-русских книг. – М., 1990. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 246 – 270.
95. Дергачева, И. В. Литературная история Синодика на русской почве в XV –XVII вв. / И. В. Дергачева // Памятники культуры. Новые открытия. – М., 1997. – С. 7 – 16.
96. Дергачева, И. В. Древнерусский синодик: исследования и тексты / И. В. Дергачева. – М.: Кругъ, 2011. – 404 с.
97. Десницкий, А. С. Семитские истоки византийской литургической поэзии / А. С. Десницкий // Традиции и наследие христианского Востока. Материалы междунар. конф. – М.: Индрик, 1996. – С. 209 – 220.

98. Джиджора, Е. В. Исследования по средневековой литературе XI – XV вв. / Е. В. Джиджора. – Одесса, 2012. – 312 с.
99. Дмитриевский, А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока / А. Дмитриевский. – Киев, 1890. – Т. 1. – 1093 с.
100. Дмитриевский, А. Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц во святом Иерусалиме IX-X вв. / А. Дмитриевский. – Казань, 1894. – 458 с.
101. Добродомов, И. Г., Камчатнов, А. М. Дериватологические признаки / И. Г. Добродомов, А. М. Камчатнов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – М., 2014. – № 3 (57). – С. 13 – 20.
102. Добронравов, М. Опыт исправления церковно-славянского текста в Акафисте Пресвятой Богородице / М. Добронравов // Вера и разум. – Харьков, 1907. – № 9. – С. 285 – 295.
103. Дубровина, В. Ф. О привлечении греческих параллелей для прочтения переводных славяно-русских текстов / В. Ф. Дубровина // Исследования по лингвистическому источниковедению. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 36 – 44.
104. Долгушина, Л. В. Об особенностях лексики древнейших славянских памятников X – XI вв. / Л. В. Долгушина // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, Филология. – Новосибирск, 2011. – Вып. 9 (10). – С. 126 – 132.
105. Долгушина, Л. В. Грецизмы в сборнике «XIII Слов Григория Богослова» по рукописи XI века / Л. В. Долгушина // Διεθνές Επιστημονικό Συνέδριο «Κύριλλος και Μεθόδιος: Το Βυζάντιο και ο κόσμος των Σλάβων», Θεσσαλονίκη, 28-30 Νοεμβρίου 2013. – Θεσσαλονίκη, 2015. – С. 694 – 701.
106. Досева, Ц. Из лексиката на ранната славянска химнография (названия за облекло) / Ц. Досева // ПЪНИЕ МАЛО ГЕОΡΓИЮ: Сборник в чест на 65-годишнината на проф. дфн. Георги Попов. – София, 2010. – С. 250 - 267.

107. Досева, Ц. Имена со значением лиц в древнерусских списках миней (компози́ты с суффиксом –тель) / Ц. Досева // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: слово и текст. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2012. – С. 79 – 100.
108. Дубровина, В. Ф. Из наблюдений над употреблением грецизмов в переводном тексте русской рукописи XI в. / В. Ф. Дубровина // Источниковедение и история русского языка. – М.: Наука, 1964. – С. 44 – 58.
109. Дубровина, В. Ф. О синтаксических явлениях в переводном тексте / В. Ф. Дубровина // Источники по истории русского языка XI – XVII вв. – М.: Наука, 1991. – С. 14 – 49.
110. Дуйчев, И. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества / И. Дуйчев // ТОДРЛ. – М. – Л., 1963. – Т. 19. – С. 107 – 129.
111. Дурново, Н. Н. Русские рукописи XI и XII веков как памятники старославянского языка / Н. Н. Дурново // Южнославянский филолог. – Белград, 1924. – № 4. – С. 72 – 94.
112. Дьяченко, Г. Полный церковнославянский словарь / Г. Дьяченко. – М.: Изд-во Моск. Патриархата, 1993. – 1120 с.
113. Ермолай (Чежия). Каталог рукописей, печатных книг и архивных материалов русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне / Ермолай (Чежия). – Афон, 2013. – 829 с.
114. Ефимова, В. С. К проблеме выявления факторов, влиявших на выбор способа номинации в древнейших славянских переводах / В. С. Ефимова // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2012. – С. 139 – 151.
115. Ефимова, В. С. Лексикология старославянского языка: проблемы и методы исследования / В. С. Ефимова // Лексикология и лексикография

- славянских языков. Международный коллективный труд / М.И. Чернышева (ред.). – Москва: ЛЕКСРУС, 2017. – С. 199 – 233.
116. Жуковская, Л. П. Типы лексических различий в диалектах русского языка / Л. П. Жуковская // Вопросы языкознания. – М., 1957. – № 3. – С. 102 – 111.
117. Жуковская, Л. П. Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник (их значение и методика исследования) / Л. П. Жуковская // Исследования по лингвистическому источниковедению. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 20 – 35.
118. Жуковская, Л. П. Лексические варианты в древнейших славянских рукописях / Л. П. Жуковская // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1964. – С. 5 – 17.
119. Жуковская, Л. П. Лингвистические данные в текстологических исследованиях / Л. П. Жуковская // Изучение русского языка и источниковедение. – М., 1969. – С. 3 – 26.
120. Жуковская, Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников / Л. П. Жуковская. – М.: Наука, 1976. – 369 с.
121. Жуковская, Л. П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога // Л. П. Жуковская / Славянское языкознание. IX Междунар. съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады сов. делегации. – М., 1983. – С. 110 – 120.
122. Заворина, Т. И. Символика растений и животных в проповедях Иоанникия Гилятовского: новые тенденции в интерпретации символа / Т. И. Заворина // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, Филология. – Новосибирск, 2011. – Вып. 9 (10). – С. 95 – 104.
123. Загребин, В. Заупокойные стихирьы азъвоуквнѣ в сербском требнике XIII века / В. Загребин // Археографски прилози. – Белград, 1981. – № 3. – С. 65 – 69.

124. Злыгостьева, О. Г. Лексическое варьирование в списках Стишного Пролога / О.Г. Злыгостьева // Язык памятников церковнославянской письменности. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – С. 131 – 164.
125. Иванов, С. А., Турилов, А. А. Переводная литература у южных и восточных славян в эпоху раннего средневековья / С. А. Иванов, А.А. Турилов // Очерки истории культуры славян. – М.: Индрик, 1996. – 490 с.
126. Иванова-Константинова, К. Два неизвестни азбучни акростиха с глаголическа подредба на буквите в среднобългарски празничен миней /К. Иванова-Константинова // Константин-Кирил Философ. Доклади от симпозиума, посветен на 1100-годишнината от смъртта му. – София, 1971. – С. 341 – 365.
127. Иванова, Т. А. О морфологической адаптации заимствованной лексики в Синайском патерике / Т. А. Иванова // Русская историческая лексикология и лексикография. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – Вып. 2. – С. 3 – 12.
128. Иванова-Мирчева, Д. Евтимий Търновски, писател-творец на литературния български език от късното средновековие. / Д. Иванова-Мирчева // Търновска книжовна школа. 1371 – 1971. Материалы междунар. симпозиума. Велико Търново. 11-14 октомври 1971. – Велико Търново, 1971. – С. 197 – 210.
129. Ильинский, Г. Копитарова Триодь XIII века. / Г Ильинский // Русский филологический вестник. – Варшава, 1906. – № 1 – 2. – С. 199 – 215.
130. Йовчева, М. Новооткрити химнографски произведения на Климент Охридски в Октоиха / М. Йовчева // Paleobulgaria. – София, 1999. – № 3 (23). – С. 3 – 30.
131. Йовчева, М. Гимнографическое наследие Кирилло-Мефодиевских учеников в русской книжности / М. Йовчева // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – М., 2002. – № 2. – С. 100 – 112.

132. Йовчева, М. Проблемы текстологического изучения древнейших памятников оригинальной славянской гимнографии / М. Йовчева // *La poesia liturgica slava antica. XIII congresso Internazionale degli Slavisti. Blocco tematico 14. Relazioni.* – Roma – Sofia, 2003. – С. 56 – 78.
133. Йовчева, М. Традиция и новое в богословской терминологии афонских редакторов XIV века (на основе текста Октоиха) / М. Йовчева // *Церковнославянский язык: история, исследование, преподавание.* – М., 2005. – С. 35 – 54.
134. Йовчева, М. Древнеславянский Октоих: реконструкция его состава и структуры / М. Йовчева // *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in alterster Zeit.* – Paderborn, 2007. – С. 50 – 73.
135. Йовчева, М. Тасева, Л. Атонската книжовна реформа / М. Йовчева, Л. Тасева // *История на българската средновековна литература.* – София, 2008. – С. 508 – 519.
136. Йовчева, М. Южнославянската литургическа книжнина през XIII век / М. Йовчева // *Зборник радова Византолошког института.* – Белград, 2009. – Вып. 46. – С. 351 – 364.
137. Йовчева, М. Службите за празника на св. Георги на 26 ноември и южнославянските минеи / М. Йовчева // *ПЪНИЕ МАЛО ГЕОЪРГИЮ.* Сборник в чест на 65-годишнината на проф. дфн. Георги Попов. – София, 2010. – С. 101 – 116.
138. Йовчева, М. Късните гръцки заемки в преводите на преславските книжовници. / М. Йовчева // *Международ. науч. конф. «Културният диалог между Изтока и Запада».* – София, 2013. – С. 259 – 273.
139. Йовчева, М. Старобългарският служебен миней / М. Йовчева. – София, 2014. – 388 с.
140. Исаченко, Т. А. Переводная московская книжность. Митрополичий и патриарший скрипторий XV – XVII вв. / Т. А. Исаченко. – М.: Пашков дом, 2009. – 366 с.

141. Казачков, Ю. А. Акафист Богородице. Композиционное и метрическое построение. Историко-догматическое содержание. Вопрос о датировке и атрибуции / Ю. А. Казачков // Православная энциклопедия. – М., 2000. – Т. 1. – С. 372 – 374.
142. Калужняцки, Е. Съчинения на Български Патриарх Евтимий (1375 – 1393) / Е. Калужняцки. – Велико Търново, 2011. – 463 с.
143. Камчатнов, А. М. Лексическая вариантность и лексические значения / А. М. Камчатнов // Вопросы языкознания. – М., 1983. – № 4. – С. 121 – 219.
144. Камчатнов, А. М. Текстологический анализ списков Изборника Святослава 1073 г. / А. М. Камчатнов // Древнерусская литература. Источниковедение. – Л.: Наука, 1984. – С. 5 – 19.
145. Камчатнов, А. М. Понятие словообразовательного отношения в историческом освещении / А. М. Камчатнов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – М., 2016. – № 1 (62). – С. 71 – 80.
146. Карабинов, И. Постная Триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов / И. Карабинов. – СПб, 1910. – 292 с.
147. Кенанов, Д. Книгата «Богородичник» и атонският старец Йоан / Д. Кенанов // Търновска книжовна школа. – Велико Търново, 2015. – Вып. 10. – С. 40 – 63.
148. Киприан (Керн), архим. Литургика. Гимнография и эортология / Киприан (Керн). – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999.
149. Кириллин, В. М. Великий покаянный канон» св. Андрея Критского по древнерусской рукописи 1-й пол. XIV в. / В. М. Кириллин // Ежегодн. богословская конф. ПСТБИ: Материалы, 1998. – М., 1998. – С. 79 – 94.
150. Кириллин, В. М. Триодь Постная и Цветная по рукописи первой половины XIV в. из Вологодского собрания (Ф. 354, № 241) / В. М. Кириллин // Рукописные собрания церковного происхождения в библиотеках и музеях России. – М., 1999. – С. 144 – 151.

151. Кодов, Х. Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българската Академия на науките / Х. Кодов. – София, 1969.
152. Кожухаров, С. Търновската книжовна школа и развитието на химничната поезия в старата българска литература / С. Кожухаров // Търновска книжовна школа. – София, 1974. – Вып. 1. – С. 277 – 309.
153. Кожухаров, С. Проблеми на старобългарската поезия / С. Кожухаров. – София, 2004. – 352 с.
154. Козлов, М. Из истории Акафиста. Часть 1 / М. Козлов // Журнал Московской Патриархии. – М., 1992. – № 3. – С. 43 – 49.
155. Козлов, М. Из истории Акафиста. Часть 2 / М. Козлов // Журнал Московской Патриархии. – М., 1992. – № 4. – С. 37 – 43.
156. Койчева, Р. Символият ред на гласовете в триодните цикли канони / Р. Койчева // ПЪНИЕ МАЛО ГЕГЪРГИЮ. Сборник в чест на 65-годишнината на проф. дфн. Георги Попов. – София, 2010. – С. 75 – 86.
157. Колесов, В. В. Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. – Л., 1989. – 296 с.
158. Копыленко, М. М. О греческом влиянии на язык древнерусской письменности / М. М. Копыленко // Русская речь. – М.: Наука, 1969. – № 5. – С. 96 – 103.
159. Копыленко, М. М. Кальки греческого происхождения в языке древнерусской письменности / М. М. Копыленко // Византийский временник. – М., 1973. – Т. 34. – С. 141 – 150.
160. Крашенникова, О. А. Рукописные Октоихи XIII – XIV вв. и проблема ранних славянских переводов гимнографических текстов / О. А. Крашенникова // Филологические науки. – М., 1993. – № 4. – С. 3 – 9.
161. Крашенникова, О. А. Три канона из Октоиха Климента Охридского. Неизвестные страницы древнеславянской гимнографии / О. А. Крашенникова // Славяноведение. – М., 2000. – № 2. – С. 29 – 41.

162. Крашенникова, О. А. Древнеславянский Октоих св. Климента епископа Охридского. / О. А. Крашенникова. – М.: Языка славянских культур, 2006. – 384 с.
163. Кривко, Р. Н. Славянская гимнография IX – XII вв. в исследованиях и изданиях 1985 – 2004 гг. / Р. Н. Кривко // *Weiner Slavistisches Jahrbuch.* – Вена, 2004. – № 51. – С. 203 – 233.
164. Кривко, Р. Н. Синайско-славянские гимнографические параллели / Р. Н. Кривко // *Вестн. Православн. Св.-Тих. Гуманит. ун-та. Сер.: Филология.* – М. 2008. – № 4. – С. 56 – 102.
165. Кривко, Р. Н. Перевод, парафраз и метр в древних славянских кондаках: Метрика древней церковнославянской поэзии в исследованиях XIX–XXI вв. / Р. Н. Кривко // *Revue des études slaves.* – Париж, 2011. – № 2 (82). – С. 169 – 202.
166. Кривко, Р. Н. Текстология и язык церковнославянских служебных миней XI – XIV века: дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.03 / Роман Николаевич Кривко. – М., 2016. – 747 с.
167. Кристианс, Д. От подражания форме к дословному переводу: принципы параллельной адаптации мелодии и текста византийских песнопений в славянской традиции / Д. Кристианс // *Вестн. Православн. Св.-Тих. Гуманит. ун-та. Сер.: Филология.* – М., 2008. – № 1 (11). – С. 26 – 55.
168. Крысько, В. Б. О греческих источниках и реконструкции древнейшей службы Кириллу Философу / В. Б. Крысько // *Paleobulgarica.* – София, 2005. – № 4. – С. 30 – 63.
169. Крутова, М.С. Святитель Николай в древнерусской письменности / М. С. Крутова. – М.: Мартис, 1997. – 233 с.
170. Крутова, М.С. Златая цепь (по Троицкому списку): тексты, исследования, комментарии / М. С. Крутова. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. – 219 с.

171. Крутова, М.С. Метафоры и символы в названиях русских рукописных книг XI – XIX веков / М. С. Крутова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – Москва, 2007. – № 3. – С. 54 – 56.
172. Крутова, М.С. Семантические особенности заимствованных слов в названиях русских рукописных книг XI – XIX веков / М. С. Крутова // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2009. – № 4. – С. 106 – 109.
173. Крысько, В. Б. Новые греческие источники канона Кириллу Философу / В. Б. Крысько // *Paleobulgarica*. София, 2007. – № 2. – С. 21 – 48.
174. Куев, К. Азбучната молитва в славянските литератури / К. Куев. – София, 1974. – 361 с.
175. Кузьминова, Е. А. Лингвистическая текстология [Электронный ресурс] / Е. А. Кузьминова. – М., 2010. – Режим доступа: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01192:article>; 9.11.2011.
176. Лант, Г. Г. Еще раз о мнимых переводах в Древней Руси / Г. Г. Лант // ТОДРЛ. СПб, 1999. – Т. 51. – С. 435 – 441.
177. Левшун, Л. В. История восточнославянского книжного слова XI – XVII века / Л. В. Левшун. – Минск: Экономпресс, 2001. – 352 с.
178. Литаврин, Г. Г. Русско-византийские связи в середине X в. / Г. Г. Литаврин // Вопросы языкознания. – М., 1986. – № 6. – С. 41 – 52.
179. Лихачев, Д. С. Текстология (на материале русской литературы X – XVII вв.) / Д. С. Лихачев. – СПб.: Алетейя, 2001. – 759 с.
180. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы и другие работы. / Д. С. Лихачев. – СПб: Алетейя, 2001. – 566 с.
181. Лотман, Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении / Ю. М. Лотман // Византия и Русь: Сборник памяти В. Д. Лихачевой. – М.: Наука, 1989. – С. 227 – 235.

182. Лощакова, О. В. Формирование болгарской церкви во второй половине IX в. /О. В. Лощакова // Tabularium. Труды по антиковедению и медиевистике. – М.: Инфомедия, 2003. – Т. 1. – С. 40 – 53.
183. Лукашевич, А. А. Великий канон / А. А. Лукашевич // Православная энциклопедия. – М., 2009. – Т. 7. – С. 453 – 454.
184. Лукашевич, А.А. Годовой подвижный богослужебный круг / А. А. Лукашевич // Православная энциклопедия. – М., 2006. – Т. 11. – С. 669 – 672.
185. Людоговский, Ф. Б. Церковнославянский акафист как современный гимнографический жанр: структура, адресация, функционирование / Ф. Б. Людоговский // Славяноведение. – М., 2004. – № 2. – С. 56 – 67.
186. Людоговский, Ф. Б. Церковнославянские акафисты как лингвистический источник: методологический аспект / Ф. Б. Людоговский // Славянский мир: общность и многообразие. Материалы междун. науч.-практ. конф. (Коломна, 22–24 мая 2007 г.). – Коломна, 2007. – С. 30 – 33.
187. Макаријоска, Л. Кон лексиката на македонските химнографски текстови / Л. Макаријоска // ПЪНИЕ МАЛО ГЕГЪРГИЮ: Сборник в чест на 65-годишнината на проф. дфн. Георги Попов. – София, 2010. – С. 226 – 237.
188. Макаријоска, Л., Црвенковска, Э. Шафариков триод. Лингвистичка анализа / Л. Макаријоска, Э. Црвенковска. – Скопье, 2012. – 244 с.
189. Макаријоска, Л. Фонетико-правописните особености на Шафариковиот триод / Л. Макаријоска // Slovo. – Загреб, 2012. – Вып. 62. – С. 1 – 38.
190. Макаријоска, Л. Осврт на историската лексикологија на македоскиот јазик / Л. Макаријоска // Лексикологија и лексикографија славянских языков. Международный коллективный труд / М.И. Чернышева (ред.). – Москва: ЛЕКСРУС, 2017. – С. 257 – 277.

191. Маслова, В. А. Функции глагольной пристави с- в русском языке (по памятникам XI – XVII вв.): автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01/ Маслова Валентина Анатольевна. – Куйбышев, 1972. – 20 с.
192. Мещерский, Н. А. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарный состав древнерусского литературного языка (по материалам переводных произведений Киевского периода) / Н. А. Мещерский // Византийский временник. – М., 1958. – Т. 13. – С. 246 – 261.
193. Мещерский, Н. А. Искусство перевода Киевской Руси / Н. А. Мещерский // ТОДРЛ. – М.–Л.: Наука, 1958. – Т.15. – С. 54 – 72.
194. Мещерский, Н. А. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI – XV вв. / Н. А. Мещерский // ТОДРЛ. – М.–Л.: Наука, 1964. – Т. 20. – С. 180 – 231.
195. Мещерский, Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX – XV веков / Н. А. Мещерский. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 130 с.
196. Михайловская, Н. Г. Устойчивые сравнительные обороты с союзами ако (акы, аки – яко (же)) и их варианты в древнерусском литературном языке / Н. Г. Михайловская // Древнерусский язык. Лексикология и словообразование. – М.: Наука, 1975. – С. 150 – 166.
197. Молдован, А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона / А. М. Молдован. – Киев: Наукова думка, 1984. – 240 с.
198. Молдован, А. М. Критерии локализации древнеславянских переводов / А. М. Молдован // Славяноведение. – М., 1994. – № 2. – С. 69 – 80.
199. Молдован, А. М. Лексический аспект в истории церковнославянского языка / А. М. Молдован // Вопросы языкознания. – М., 1997. – № 3. – С. 63 – 75.
200. Молдован, А.М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности / А. М. Молдован. – М.: Азбуковник, 2000. – 760 с.

201. Момина, М. А. Постная и Цветная Триоди. Содержание Триоди (состав служб) / М. А. Момина // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1976. – Ч. 2. – Вып. 2. – С. 389 – 419.
202. Момина, М. А. Типы славянской Триоди / М. А. Момина // Язык и письменность среднеболгарского периода. – М.: Наука, 1982. – С. 102 – 122.
203. Момина, М. А. Греческие разночтения в славянских гимнографических текстах / М. А. Момина // Византийский временник. – М.: Наука, 1983. – Т. 44. – С. 126 – 134.
204. Момина, М. А. Вопросы классификации славянской Триоди / М. А. Момина // ТОДРЛ. – Л.: Наука, 1983. – Т.37. – С. 25 – 38.
205. Момина, М. А., Шварц, Е. М. Рукописный прототип старопечатных московских Триодей XVI в. / М. А. Момина, Е. М. Шварц // Древнерусская литература. Источниковедение. – Л.: Наука, 1984. – С. 188 – 194.
206. Момина, М. А. Славянский перевод «Υμνος Ακάθιστος» / М. А. Момина // ПОЛАТА КЪНИГОПИСЬНАЯ. – Nijmegen, 1985. – № 14 – 15. – С. 132 – 160.
207. Момина, М. А. Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в. / М. А. Момина // ТОДРЛ. – СПб: Наука, 1992.– Т. 45. – С. 200 – 219.
208. Момина, М.А. Triodion und Pentekostarion: Nach slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts / М. А. Momina, N.Trunte. – München, 2004. – Т. 1. (Сер.: Patristica Slavica. Т.11).
209. Момина, М. А. Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.-14. Jahrhunderts, Teil II: 1. bis 4 / М.А. Momina, N. Trunte. – Paderborn, 2010. – Т. 2. (Сер.: Patristica Slavica. Т.20).

210. Мошин, В. А. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X – XV вв. / В. А. Мошин // ТОДРЛ. – М.–Л., 1963. – Т. 19. – С. 28 – 106.
211. Мошкова, Л. В. Гимнографические произведения Климента Охридского (структурно-содержательные особенности) / Л. В. Мошкова // Славяноведение. – М., 1999. – № 1. – С. 5 – 21.
212. Мошкова, Л. В., Турилов, А. А. Неизвестный памятник древнейшей славянской гимнографии (канон Климента Охридского на Успение Богородицы) / Л. В. Мошкова, А. А. Турилов // Славяноведение. – Москва, 1999. – № 2. – С. 24 – 36.
213. Мурьянов, М. Ф. Гимнография Киевской Руси /М. Ф. Мурьянов. – М.: Наука, 2003. – 451 с.
214. Николова, С. Распространение и значение литературного творчества Климента Охридского в эпоху средневековья / С. Николова // Литература и искусство в системе культуры. – М.: Наука, 1988. – С. 135 – 143.
215. Нихоритис, К. Из атонската книжовна балканска традиция /К. Нихоритис // ПЪТИ ДОСТОИТЬ: сборник в памет на Стефан Кожухаров. – София, 2003. – С. 36 – 45.
216. Новак, М. О. О славяно-греческих параллелях composita в тексте Апостола / М. О. Новак // История русского языка: словообразование и формообразование. – Казань: Унипресс, 1997. – С. 170 – 178.
217. Панин, Л. Г. Лингвотекстологическое исследование минейного Торжественника. Рукописи XIV – XVI века / Л. Г. Панин. – Новосибирск: Наука, 1988. – 264 с.
218. Панин, Л. Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология / Л. Г. Панин. – Новосибирск: Изд-во Новос. гос. ун-та, 1995. – 217 с.

219. Панин, Л. Г. Грамматика церковнославянского языка: принципы составления / Л. Г. Панин // Τέχνη γραμματικῆ. – Новосибирск: Изд-во Новос. гос. ун-та, 2004. – Вып. 1. – С. 344 – 355.
220. Панин, Л.Г. Греческий язык в истории русского языка / Л. Г. Панин // Человек в культуре Античности, Средних веков и Возрождения: сборник научных трудов в честь юбилея Н. В. Ревякиной. – Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2006. – С. 143 – 155.
221. Панин, Л. Г. Лексические разночтения в повторяющихся чтениях в Друцком Евангелии XIV века (на материале отрывков из Евангелия от Матфея) / Л. Г. Панин // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, Филология. – Новосибирск, 2011. – Вып.9 (10). – С. 84 – 94.
222. Панин, Л.Г. Церковнославянский как язык-консервант / Л. Г. Панин // Universum Humanitarium. – Новосибирск, 2015. – № 1. – С. 29 – 39.
223. Пентковская, Т. В. Ранние южнославянские переводы Иерусалимского Типикона: особенности лексико-грамматической нормы / Т. В. Пентковская // Многократните преводи в Южнославянското средновековие. – София, 2006. – С. 397- 419.
224. Пентковская, Т. В. Чудовская редакция Нового Завета среди русских богослужебных текстов XIV столетии / Т. В. Пентковская // Филологические науки. – М., 2008. – № 5. – С. 60 – 69.
225. Пентковская, Т. В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. / Т. В. Пентковская. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 296 с.
226. Пентковская, Т. В. Локализация перевода как лингвотекстологическая проблема / Т. В. Пентковская // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер.: Филология. – М., 2009 – № 6. – С.51-64.
227. Пентковский, А. М. Проблемы изучения памятников славянской письменности и культуры и межславянских культурных связей / А. М.

- Пентковский // Советское славяноведение. – М., 1988. – № 6. . – С. 39 – 43.
228. Пентковский, А. М. Лекционарии и четвероевангелия в византийской и славянской литургической традициях / А. М. Пентковский // Евангелие от Иоанна в славянской традиции. – Спб., 1998. – С. 3 – 54.
229. Пентковский, А. М. Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси / А. М. Пентковский. – М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2001. – 432 с.
230. Пентковский, А. М. Студийский устав и уставы Студийской традиции / А. М. Пентковский // Журнал Московской патриархии. – М., 2001. – № 5. – С. 69 – 80.
231. Пентковский, А. М. Евергетидский монастырь и императорские монастыри в Константинополе в конце XI – начале XII века / А. М. Пентковский // Византийский временник. – М., 2006. – Т. 63. – 2006. – С.77 – 87.
232. Пентковский, А. М. Славянское богослужение византийского обряда и корпус славянских богослужебных книг в конце IX – первой половине X веков / А. М. Пентковский // Slověne. – М.,2016. – № 2. – С. 54 – 120.
233. Пиккио, Р. Slavia Orthodoxa. Литература и язык / Р. Пиккио. – М.: Знак, 2003. – 704 с.
234. Пичхадзе, А. А. К истории славянского Паримейника (паримейные чтения книги Исход) /А. А. Пичхадзе // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. – М.: Наука, 1991. – С. 147 – 173.
235. Пичхадзе, А. А. Языковые особенности древнерусских переводов с греческого /А. А. Пичхадзе // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. – М.: Наука, 1998. – С. 475 – 488.

236. Пичхадзе, А. А. Рецензия на изд.: *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.—14. Jahrhunderts. Teil I: Vorfastenzeit. Mit einer Einführung zur Geschichte des slavischen Triodions* von M. A. Momina. Hrsg. von M. A. Momina und N. Trunte. Verlag Ferdinand Schöningh. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2004. (= *Patristica Slavica*. Hrsg. von H. Rothe. Bd. 11) / А. А. Пичхадзе // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2006 – 2009)*. – М.: Древнехранилище, 2010. – С. 549 – 553.
237. Пожидаева, Г. Музыкально-речевые структуры древнеславянской гимнографии XI – XVII веков / Г. Пожидаева // *La poesia liturgica slava antica. XIII congresso Internazionale degli Slavisti. Blocco tematico 14. Relazioni*. – София, 2003. – С. 79 – 108.
238. Полякова, С. Русская Триодь: на перекрестке традиций / С. Полякова // *Старобългарска литература*. – София, 2015. – Вып. 51. – С. 39 – 53.
239. Понырко, Н. В. Покаянные каноны Кирилла Туровского (вопросы атрибуции) / Н. В. Понырко // *ТОДРЛ*. – СПб., 2004. – Т. 55. – С. 240 – 263.
240. Понырко, Н. В. Покаянные каноны Кирилла Туровского (вопросы текстологии) / Н. В. Понырко // *ТОДРЛ*. – СПб., 2008. – Т. 58. – СПб., 2008. – С. 254 – 281.
241. Попов, А. Православные русские акафисты / А. Попов. – Казань, 1903. – 656 с.
242. Попов, Г. Новооткрита оригинална старобългарска част в текста на Триода / Г. Попов // *Български език*. – София, 1978 – № 6 (28). – С. 497 – 507.
243. Попов, Г. О наличии древнеболгарской гимнографической части в «Триоди» / Г. Попов // *Язык и письменность среднеболгарского периода*. – М.: Наука, 1982. – С. 122 – 131.

244. Попов, Г. Триодни произведения на Константин Преславски (Сер.: Кирило-Методиевски студии. Книга 2) / Г. Попов. – София: Изд-во Болг. Акад. наук, 1985. – 722 с.
245. Попов, Г. Новооткрит канон на Константин Преславски с тайнописно поетическо послание / Г. Попов // *Paleobulgarica*. – София, 1997. – № 4 (21). – С. 3 – 17.
246. Попов, Г. Акrostих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия / Г. Попов // *La poesia liturgica antica. XIII Congresso Internazionale degli Slavisti. Blocco tematico n.14. Relazioni*. – Roma–Sofia, 2003. – С. 30 – 56.
247. Попов, Г. Среднебългарският светогорски превод на Триода от първата половина на XIV век / Г. Попов // *Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция. София 26-28 юни 2003 г.* – София, 2004. – С. 173 – 184.
248. Попов, Г. Старобългарска църковна поезия за Рождество Христово и Богоявление. Книга първа. Климента песни / Г. Попов. – София: Изкуство, 2013. – 532 с.
249. Правдолюбов, С. Великий канон св. Андрея Критского. История. Поэтика. Богословие. Магистерская диссертация / С. Правдолюбов. – Т. 1 – 5. – М., 1987.
250. Просвирин, А. Афон и русская церковь. Библиография / А. Просвирин // *Богословские труды*. – М., 1976. – Т. 15. – С. 185 – 255.
251. Прохоров, Г. М. К истории литургической поэзии. Гимны и молитвы Филофея Коккина / Г. М. Прохоров // *ТОДРЛ*. – Л.: Наука, 1972. – Т. 27. – С. 120 – 149.
252. Прохоров, Г. М. Иллюминированный греческий Акафист Богородице / Г. М. Прохоров // *Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции*. – М.: Наука, 1977. – С. 153 – 174.

253. Прохоров, Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV – XV веков. /Г. М. Прохоров. – Л.: Наука, 1987. – 290 с.
254. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – М.: Изд-во АН СССР, 1964.
255. Рамазанова, Н. В. Кондак в древнерусской рукописной традиции XI – XVII вв./ Н. В. Рамазанова // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. – Л.: Изд-во ГПБ, 1990. – С. 12 – 25.
256. Рогачевская, Е. Б. Некоторые художественные особенности оригинальной славянской гимнографии IX – XII вв. / Е. Б. Рогачевская // Герменевтика древнерусской литературы. – М., 1998. – Вып. 9. – С. 101 – 112.
257. Русев, П., Гълъбов, И., Давидов, А., Данчев, Г. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак / П. Русев, И. Гълъбов, А. Давидов, Г. Данчев. – София, 1971. – 447 с.
258. Рыков, Ю. Д., Турилов, А. А. Неизвестный эпизод болгаро-византийско-русских связей XI в. (Киевский писатель Григорий Философ) / Ю. Д. Рыков, А. А. Турилов // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. – М.: Наука, 1984. – С. 170 – 176.
259. Серегина, Н. С. Стихотворения А. С. Пушкина 1836 г. в свете христианской поэзии из богослужебной книги «Триодь» / Н. С. Серегина // Христианство и русская литература. – СПб: Наука, 1993. – Вып. 3. – С. 113 – 127.
260. Славева, Л. За старословенскиот Триод / Л. Славева // Slovo. – Скопье, 1972. – Вып. 22. – С. 93 – 116.
261. Славова, Т. Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод. (Сер.: Кирило-Методиевски студии. Кн. 6.) / Т. Славова. – София, 1989. – 129 с.
262. Славова, Т. Глаголическата традиция и преславската книжнина / Т. Славова // Paleobulgarica. – София, 1999. – № 1. – С. 35 – 40.

263. Словарь русского языка XI – XVII вв.: вып. 1 – 30 / Рос. акад. Наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Наука, Азбуковник, Нестор-История, 1975 – 2015.
264. Смирнова, А. Е Творчество гимнографа XVI в. Маркелло Безбородого: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01/ Смирнова Анна Евгеньевна. – СПб, 2005. – 25 с.
265. Смирнова-Косицкая, А. Е. Азбучные каноны русским святым / А. Е. Смирнова-Косицкая // ТОДРЛ. – СПб., 2008. – Т. 58. – С. 174 – 253.
266. Соболевский, А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода / А. И. Соболевский // Сборник отделения русского языка и словесности. – СПб, 1910. – Т. 88. – С. 162 – 177.
267. Соломоновская, А. Л. Некоторые наблюдения над лексическими и другими особенностями разных переводов одного памятника / А. Л. Соломоновская // Язык памятников церковнославянской письменности. – Новосибирск: Изд-во Новос. гос. ун-та, 1995. – С. 58 – 86.
268. Соломоновская, А. Л. Перевод инока Исая: традиции и индивидуальность / А. Л. Соломоновская // Τέχνη γραμματικῆ. – Новосибирск: Изд-во Новос. гос. ун-та, 2004. – Вып. 1. – С. 446 – 456.
269. Соломоновская, А. Л. Composita в церковнославянском переводе трактата Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии» / А. Л. Соломоновская // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2012. – № 4. – С. 114 – 123.
270. Спасова, М. Сложни думи в съчиненията на Григорий Цамблак / М. Спасова. Велико Търново: Св. св. Кирил и Методий, 1999. – 167 с.
271. Спасова, М. За значението на вѣтии в историята на българския език / М. Спасова // Палеобалканистика и старобългаристика. Втори есенни международни четения «Профессор Иван Гълъбов». – Велико Търново, 2001. – С. 79 – 85.

272. Спасова, М. Приписката за стареца Йоан и проблемът за атонската редакция на старобългарските книги / М. Спасова // Търновска книжовна школа. – Велико Търново, 2007. – Т. 8. – С. 211 – 229.
273. Спасова, М. Български препис на беседа 2 от Учителното Евангелие на Константин Преславски / М. Спасова // ПОЛУИСТОР: Scripta Slavica Mario Caraldo dicata. – Москва – Рим: Индрик, 2015. – С. 266 – 280.
274. Спасова, М. Атонската света гора и дейността на българските книжовници през XIII век / М. Спасова // Търновска книжовна школа. – Велико Търново. 2015. – Т. 10. – С. 420 – 445.
275. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам: в 3 т./ И. И. Срезневский. – М., 1958.
276. Станчев, К. Ритмични основи на старобългарската поезия /К. Станчев // Славистични изследвания. – София, 1973. – С. 264 – 270.
277. Станчев, К. Поетика на старобългарската литература (Основни принципи и проблеми) / К. Станчев. – София, 1982. – 200 с.
278. Станчев, К. 1986: Станчев К. Ритмичната структура на Кириловия Проглас към Евангелието и на произведенията от Преславския стихотворен цикъл (Старобългарският изосилабизъм) /К. Станчев // *Studia Slavica Mediaevalia et Humanistica Riccardo Piccio Dicata*. – Roma, 1986. – Т. 2. – С. 645 – 652.
279. Станчев, К. Литургическая поэзия в древнеславянском литературном пространстве (История вопроса и некоторые проблемы изучения) /К. Станчев // *La poesia liturgica antica. XIII Congresso Internazionale degli Slavisti. Blocco tematico n.14. Relazioni*. – Rome – Sofia, 2003. – С. 5 – 22.
280. Станчев, К. Исследования в области средневековой литературы православного славянства. (Сер.: *Krakowsko-Wilenskie Studia Slawistyczne*. Т. 7) /К. Станчев. – Краков, 2012. – 323 с.
281. Суботин-Голубовић, Т. О рукописима који садрже службе светоми Сави / Т. Суботин-Голубовић // Зборник радова са међународног научног скупа

- «Свети Сава у српској историји и традицији». – Белград, 1998. – С. 337 – 345.
282. Табаченко, Л. В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка: полиаспектный анализ: диссертация ...доктора филол. наук:10.02.01/ Табаченко Людмила Владимировна. – Ростов н/Д, 2011. – 454 с.
283. Тарановский, К. Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI – XIII вв. / К. Тарановский // *American Contribution to the VIth International Congress of Slavists*. – Monton, 1968. – Т. 1. – С. 377 – 394.
284. Тахиаос, А. Славянские рукописи Свято-Пантелеимонова монастыря (Руссик) на горе Афон. – СПб:Изд-во русско-балт. инф. центра «Блиц», 2012. – 200 с.
285. Темчин, С. Ю. Текстологическая семья Мстиславова Евангелия: новые данные о группировке древних списков полного апракоса / С. Ю. Темчин // *Slavistica Vilnensis: XII Международный съезд славистов. Доклады литовской делегации*. – Vilnius, 1998. – С. 133 – 233.
286. Темчин, С. Ю. Что представляла собой первая славянская книга, переведенная с греческого Кириллом и Мефодием / С. Ю. Темчин // *Byzantinoslavica*. – Прага, 1999. – № 1 (60). – С. 114 – 154.
287. Темчин, С. Ю. Типы православного славянского богослужения в XI – XIII веках в связи со структурными разновидностями служебного Евангелия и иных литургических книг / С. Ю. Темчин // *Paleoslovenica: in honorem Zoe Hauptova*. – Прага, 1999. – С. 191 – 211.
288. Темчин, С. Ю. Этапы становления славянской гимнографии (863 – около 1097 г.). Часть первая / С. Ю. Темчин // *Славяноведение*. – М.: 2004 – № 2. – С. 18 – 55.

289. Темчин, С. Ю. Этапы становления славянской гимнографии (863 – около 1097 г.). Часть вторая / С. Ю. Темчин // Славянский мир между Римом и Константинополем. – М., 2004. – С. 53 – 94.
290. Темчин, С. Ю. Исследования по кирилло-мефодиевистике и палеославистике (Сер.: Krakowsko-Wilenskie Studia Slawistyczne. Т. 5) / С. Ю. Темчин. – Краков, 2010. – 305 с.
291. Толстой, Н. И. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI – XVII вв.) / Н. И. Толстой // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. – М., 1963. – С. 259 – 261.
292. Топоров, В. Н. “Проглас” Константина Философа как образец старославянской поэзии / В. Н. Топоров // Славянское и балканское языкознание. История литературного языка и письменность. – М.: Наука, 1979. – С. 26 – 46.
293. Тотоманова, А., Христов, И. Речник-индекс на словоформите в Борилевия Синодик и придружаващите го текстове в ръкопис НБКМ 289 / А. Тотоманова, И. Христов. – София, 2015. – 211 с.
294. Туницкий, Н. О тексте болгарской рукописи публичной библиотеки Ф. п. I № 74 / Н. Туницкий // Сборник ОРЯС АН СССР. – Л., 1928. – № 3 (51). – С. 394 – 397.
295. Турилов, А. А. Роль сербской традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы / А. А. Турилов // Славянский альманах 1998. – М., 1999. – С. 12 – 30.
296. Турилов, А. А. Древнерусская культура в контексте средневековых славянских (на материале книжности) / А. А. Турилов // Древнерусская культура в мировом контексте. Археология и междисциплинарные исследования. – М., 1999. – С. 96 – 105.

297. Турилов, А. А., Мошкова, Л. В. Славянские рукописи Афонских обителей / А. А. Турилов, Л. В. Мошкова. – Фессалоники: SS Cyril and Methodius Center for Cultural Studies, 1999. – 490 с.
298. Турилов, А. А. Акафист Богородице. Источники / А. А. Турилов // Православная энциклопедия. – М., 2000. – Т. 1. – С. 372.
299. Турилов, А. А. Славянские азбучные стихиры / А. А. Турилов // Православная энциклопедия. – М., 2008. – Т.2. – С. 64 – 65.
300. Турилов, А. А. Акrostих / А. А. Турилов // Православная энциклопедия. – М., 2000. – Т. 1. – С. 403 – 407.
301. Турилов, А. А. Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики / А. А. Турилов. – М.: Знак, 2012. – 806 с.
302. Тутолмина, С. Н. Русские певческие Триоди древнейшей традиции: автореферат дисс. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Тутолмина Светлана Николаевна. – Спб., 2004. – 19 с.
303. Тутолмина, С. Н. Пасхальные песнопения в древнейших триодях / С. Н. Тутолмина // Вестник Прав. Свято-Тих. гум. ун-та. Сер.: Музыкальное искусство христианского мира. – М., 2007. – Вып. 1(1). – С. 8 – 16.
304. Улуханов, И. С. Некоторые вопросы техники переводов с греческого, сделанных на Руси / И. С. Улуханов // Древнерусский язык. Лексикология и словообразование. – М.: Наука, 1975. – С. 167 – 183.
305. Улуханова, Е. В. Особенности богослужения русской церкви IX – XIV вв. / Е. В. Улуханова // Вестник Российск. гум. научн. Фонда. – М., 2000. – № 3. – С. 83 – 93.
306. Успенский, Б. А. История русского литературного языка (XI – XVII вв.) / Б. А. Успенский. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 558 с.
307. Фасмер, М. Р. Греко-славянские этюды. Книга 3: Греческие заимствования в русском языке / М. Р. Фасмер. – Спб., 1909. – 236 с.

308. Фасмер, М. Р. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Р. Фасмер. – М.: Прогресс, 1987.
309. Федотов, А. И. О ритмическом строе памятников древнерусской гимнографии Киевского периода / А. И. Федотов // Литература Древней Руси. – М., 1986. – С. 19 – 34.
310. Флоренский, П. Столп и утверждение истины / П. Флоренский. – Москва, 1914. – 814 с.
311. Флоря, Б. Н. Литература великой Моравии / Б. Н. Флоря // Очерки истории культуры славян. – М.: Индрик., 1996. – С. 322 – 327.
312. Фонкич, Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV – XVII вв. (Греческие рукописи в России)/ Б. Л. Фонкич. – М.: Наука, 1977. – 247 с.
313. Христова-Шомова, И. Славянската химнография – постижения и проблеми на нейното изследване / И. Христова-Шомова // Paleobulgarica. – София, 2008. – № 1(32). – С. 82 – 100.
314. Христова-Шомова, И. Акатистът на Пресвета Богородица и Службата за Благовещение // Старобългарска литература. – София, 2015. – Вып. 51. – С. 54 – 74.
315. Цейтлин, Р.М. Лексика старославянского языка / Р. М. Цейтлин. – М.: Наука, 1977. – 336 с.
316. Црвенковска, Э. Загрепски Триод. (Сер.: Стари текстови VII) / Э. Црвенковска. – Скопья, 1999. – 496 с.
317. Црвенковска, Э. Вокалниот систем на Орбелскиот триод / Э. Црвенковска // Литературен збор. – Скопье, 2002. – Вып.1 – 2. – С. 21 – 28.
318. Црвенковска, Э. Макаријоска, Л. Деривацијата на придавките во Орбелскиот триод / Э. Црвенковска, Л. Макаријоска // Литературен збор. – Скопье, 2005. – Вып.3. – С. 3 – 14.

319. Црвенковска, Э. Јазикот и стилот на Триодот / Э. Црвенковска. – Скопје, 2006. – 304 с.
320. Црвенковска, Э., Макаријоска, Л. Орбелски Триод. (Сер.: Стари текстови X) / Э. Црвенковска, Л. Макаријоска. – Скопје, 2010. – 392 с.
321. Црвенковска, Э. Влогот на триодот во збогатувањето на црковнословенската лексика / Э. Црвенковска // ПЪНИЕ МАЛО ГЕОРГИЮ: Сборник в чест на 65-годишнината на проф. д-р. Георги Попов. – София, 2010. – С. 238 – 248.
322. Црвенковска, Э. Нови, ретки и словинизирани грцизми и нивната улога во локализацијата на црковнословенските текстове / Э. Црвенковска // *Poznanskie Studia Slawistyczne*. – Познань, 2018. – № 14. – С. 37 – 51.
323. Цубалевска, М., Макаријоска, Л. Лексичките и зборообразувачките особености на Шафариковиот триод / М. Цубалевска, Л. Макаријоска // Св. Наум Охридски и словенската духовна, културна и писмена традиција. – Скопје, 2011. – С. 285 – 294.
324. Чевела, О. В. Церковно-гречески текст и него славјански превод (типови однокорневог повтора во славјанском преводу Цветној Триоди) / О. В. Чевела // *Русская и сопоставительная филология: Взгляд молодых*. – Казань: ДАС, 2001. – С. 305 – 311.
325. Чевела, О. В. К вопросу о втором южнославянском влиянии: Евфимиевская редакция Цветной Триоди / О. В. Чевела // *Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество*. – Киев, 2005. – С. 168 – 173.
326. Чевела, О. В. К проблеме интерпретации церковно-греческого текста: варьирование в разновременных переводах Цветной Триоди / О. В. Чевела // *Исследования по русскому и славянскому языкознанию: сб. статей к 70-летию проф. Г. А. Николаева*. – Казань, 2005. – С. 178 – 185.
327. Чевела, О. В. *Dativus sociativus* в разновременных переводах Цветной Триоди / О. В. Чевела // *Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В.И.*

- Вернадского. Сер.: Филология. – Симферополь, 2008. – Т. 21 (60). – № 5. – С. 135 – 141.
328. Чевела, О. В. К вопросу о варьировании синтаксических конструкций в разновременных редакциях славянской Триоди / О. В. Чевела // Вестник Челябинск. гос. ун-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2009. – №17 (155). – Вып. 32. – С. 102 – 108.
329. Чевела, О. В. Герменевтика литургической поэзии: историко-историко-лингвистическое исследование. Диссертация ... доктора филол. наук:10.02.01/ Чевела Ольга Всеволодовна. – Казань, 2010. – 540 с.
330. Чевела, О. В. Герменевтика литургической поэзии: лингвистическое исследование / О. В. Чевела. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2010. – 346 с.
331. Чекова, И. Първите староруски князе светци (образи, символика, типология) / И. Чекова. – София, 2013. – 264 с.
332. Чернышева, М. И. Типы калек в древнейших переводах с греческого языка / М. И. Чернышева // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка: тезисы докладов и сообщений. – Вологда, 1983. – С. 183 – 184.
333. Чернышева, М. И. К характеристике славянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы (Роль иноязычных вкраплений) / М. И. Чернышева // Византийский временник. – Москва, 1983. – Т. 44. – С. 221 – 226.
334. Чернышева, М. И. О соотношении славянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы и ее греческого текста / М. И. Чернышева // ТОДРЛ. – Т. 37. – Л.: Наука, 1983. – С. 222 – 228.
335. Чернышева, М. И. Эквиваленты, заимствования и кальки в первых славяно-русских переводах с греческого языка / М. И. Чернышева // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1984. – № 2. – С. 122 – 129.

336. Чернышева, М. И. Византизмы в языке «Хроники» Иоанна Малалы: автореферат Дис..... канд. филол. наук: 10.02.01/ Чернышева Маргарита Ивановна. – М., 1987. – 22 с.
337. Чернышева, М. И. К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка. Переводческий прием «двуязычные дублиеты» / М. И. Чернышева // Вопросы языкознания. – М., 1994. – № 2. – С. 97 – 107.
338. Чернышева, М. И. Семантика словообразовательных моделей с начальными БЛАГО- и БОГО- (новые данные) / М. И. Чернышева // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. – М.: Индрик, 2008. – С. 540 – 553.
339. Чернышева, М. И. Этимологические опыты в древнерусской книжности / М. И. Чернышева // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: слово и текст. – М.: Институт славяноведения РАН, 2012. – С. 118 – 138.
340. Чернышева, М. И. Византийская и древнеславянская идея света и славы / М. И. Чернышева // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ: сборник статей памяти проф. И.С.Чичурова. – М.: Изд-во Прав. Св.-Тих. гум. ун-та, 2012. – С. 345 – 360.
341. Шьоберг, А. Некоторые замечания о лексическом варьировании в переводах первоучителей Кирилла и Мефодия / А. Шьоберг // *Paleobulgarica*. – София, 1980. – № 2. – С. 37 – 42.
342. Щеглова, О. Г. «Руно Орошенное» св. Дмитрия Ростовского как лингвистический источник / О. Г. Щеглова // *Τέχνη γραμματικῆ*. – Новосибирск, 2004. – Вып. 1. – С. 598 – 606.
343. Щеглова, О. Г. О Стишном Прологе и задачах его изучения / О. Г. Щеглова // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, Филология*. — Новосибирск, 2011. – Вып. 9 (10). – С. 105 – 110.

344. Щеглова, О. Г. О лингвотекстологическом изучении памятников древнерусской письменности на материале списков Стишного Пролога / О. Г. Щеглова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, Филология. – Новосибирск, 2013. – № 1 (12). – С. 111–116.
345. Ягич, И. В. Служебные Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095 – 1097 гг. (Сер.: Памятники древнерусского языка. Т. 1) / И. В. Ягич. – СПб, 1886. – 608 с.
346. Яцимирский, А. И. Описание южно-славянских и русских рукописей заграничных библиотек. Т. 1: Вена, Берлин, Лейпциг, Мюнхен, Прага, Любляна / А. И. Яцимирский. Петроград: Рос. гос. акад. тип, 1921. – 912 с.
347. Якобсон, Р. О. Похвала Константина Философа Григорию Богослову / Р. О. Якобсон // *Slavia*. – Прага, 1970. – № 3 (39). – С. 334 – 361.
348. Addison, M. Akathistos. Byzantine Hymn to the Mother of God / M. Addison. – Rome, 1983. – 63 p.
349. Borisova, T. To the Problem of the Reconstruction of the Early Stages of the History of the Church Slavonic Translation of the Akathistos Hymn / T. Borisova // *Scrinium. Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclesiastique*. – СПб., 2009. – Vol. 5. – P. 300 – 316.
350. Borisova, T. Old Church Slavonic Translation of the Great Canon of Repentance by St. Andrew of Crete: the Earliest Stages of History / T. Borisova // *Cyrrillomethodianum*. – Thessaloniki, 2014. – Vol. XIX. С. 53 – 66.
351. Borisova, T. On the Problem of the Transmission and the Ensuing Adoption of Byzantine Acrostic in the Early Ecclesiastical Slavonic Translation of the Hymnography / T. Borisova // *Fragmenta Hellenoslavica*. – Vol. 2. – Thessaloniki, 2016. – P. 113 – 136.

352. Borisova, T. The place and the functions of text incorporations on the multifaceted icons in the Cretan and Russian baroque tradition / T. Borisova // ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics. – Tomsk, 2017. – № 3 (13). – P. 71 – 85.
353. Borisova, T. The Role of the Aesthetic Factor of the Text in the Byzantine Mission and in the Early Slavonic Literature: On the Material of the Church Slavonic Translation of the Poetic Abecedarium by Saint Gregory the Theologian / T. Borisova // Fragmenta Hellenoslavica. – Thessaloniki, 2017. – Vol. 4. – P. 27 – 46.
354. Borisova, T. On the History of the Early Slavonic Acrostic Translations of the Byzantine Hymnography: the Alphabetic Stichera from the Service of the Great Canon of Repentance / T. Borisova // Св. Климент Охридски в културата на Европа. – София, 2018. – P. 643 – 653.
355. Borisova, T. The Great and Holy Friday Antiphons in the Early Ecclesiastical Slavonic Tradition: Comparative Analysis of the Troparia Composition / T. Borisova // Fragmenta Hellenoslavica. – Thessaloniki, 2018. – V. 5. – P. 57 – 82.
356. Brock, S. Aspects of Translation Technique in Antiquity / S. Brock // Greek, Roman and Byzantine Studies. – Durham, 1989. – V. 20. – P. 69 – 87.
357. Christ, W., Paranikas, M. Anthologia Graeca Carminum Christianorum / W. Christ, M. Paranikas. – Leipzig, 1871. – 269 p.
358. Condacarium Paleoslavicum Mosquense (Ser.: Monumenta Musicae Byzantinae. Serie Principale. V. 6) / ed. A. Bugge. – Copenhagen, 1960. – 214 p.
359. Dostal, A. The Origins of the Slavonic Liturgy / A. Dostal // Dumbarton Oaks Papers. – Washington, 1965. – V. 19. – C. 68 – 87.
360. Dostal, A. Romanos le Melode en Traduction Slavonne / A. Dostal // Byzantina. – Thessaloniki, 1973. – Vol. 5. C. – 87 – 98.

361. Dostal, A. Rothe, H. Der altrussische Kondakar. V. 1 – 4 / A. Dostal, H. Rothe. – Wien. 1979.
362. Drost-Abgarian A., Goltz H. Eine armenische Übersetzung des Hymnos Akathistos / A. Drost-Abgarian, H. Goltz // Crossroads of Cultures. Studies in Liturgy and Patristics in Honor of Gabriele Winkler. – Rome, 2000. – P. 193 – 249.
363. Dujcev, I. The Slavic Response to Byzantine Poetry (Review on R. Jakobson Presentation)/ I. Dujcev // Actes du 12 Congres International D'Etudes Byzantines. Ochride 10-16 Septembre, 1961. – Beograd, 1961. – V. 1. – P. 411 – 429.
364. Emereau, C. Hymnographi Byzantini. Quorum nomina in litteras digessit notulisque adornavit / C. Emereau // Echos D'Orient. Revue trimestrielle d'Histoire de Geographie et de Liturgie orientales. – Paris, 1925. – Vol. 24. – P. 166 – 179
365. Filonov – Gove A. Literalism and Poetic Equivalence in the Old Church Slavonic Translation of the Akathistos Hymn / A. Filonov – Gove // International Journal of Slavic Linguistics and poetics. – Lisse, 1976V. – Vol. 22. – P. 61 – 80.
366. Filonov – Gove, A. The Evidence for Metrical Adaptation in Early Slavic Translated Hymns / A. Filonov – Gove // Fundamental Problems of Early Slavic Music and Poetry. Monumenta Musicae Byzantinae. – Copenhagen, 1978. – P. 211 – 246.
367. Filonov – Gove, A. Slavic Liturgical Hymns as a Repository of Byzantine Poetics: the Case of the Akathistos Hymn / A. Filonov – Gove // Folia Slavica. – Ohio, 1980. – V. 2. – № 1 – 3. P. 130 – 140.
368. Filonov-Gove, A. The Slavic Akathistos Hymn. Poetic Elements of the Byzantine Text and its Old Church Slavonic Translation / A. Filonov – Gove. – Munchen, 1988. – 290 p.

369. Filonov-Gove, A. Древнеславянский перевод византийских литургических гимнов и соотношение церковных песнопений с русской поэзией XX в. / A. Filonov – Gove // Славянский стих. Стихovedение, лингвистика и поэтика. Материалы международной конференции 19-23 июня 1995 г. – М., 1996. – P. 116 – 121.
370. Fletcher, R. Three Early Byzantine Hymns and their Place in the Liturgy of the Church of Constantinople/ R. Fletcher // Byzantinische Zeitschrift. – Munich, 1958. – V. 51. – P. 53 – 65.
371. Franklin, S. The Reception of Byzantine Culture by the Slavs/ S. Franklin // The XVIIth International Byzantine Congress. Major Papers. – New York, 1986. – P. 383 – 397.
372. Freedman, D.N. Acrostic and Metrics in Hebrew Poetry/ D. N. Freedman // The Harvard Theological Review. – Harvard, 1972 – Vol. 65. – № 3. – P. 367 – 392.
373. Henning, J. The “Megas Kanon” of Andrew of Crete and the “Felire” of Oengus the Guldee / J. Henning // Medieval Studies. – Toronto, 1963. – V. 25. – P. 280 – 293.
374. Huglo, D. M. L’ancienne Version Latine de L’Hymne Acathiste/ D. M. Huglo // Le Museum. – 1953V. – Vol. 64. – P. 1 – 61.
375. Goltz, H. Der Hymnos Akathistos – eine Keimzelle russischer orthodoxer Spiritualitat /H. Goltz // Tausend Jahre Christentum in Rußland – Zum Millenium der Taufe der Kiever Rus. – Gottingen 1988. – P. 773 – 800.
376. Goltz, H. Akathistos. Hymnen der Ostkirche /H. Goltz. – Leipzig, 1988. – 238 p.
377. Goltz, H., Peltomaa, M. L.. The image of the Virgin Mary in the Akathistos Hymn /H. Goltz, M. L. Peltomaa // Byzantinische Zeitschrift. – Munich, 2004. – V. 97. – P. 615 – 621.
378. Grosdidier de Matons, J. Romanos le Melode et les Origines de la Poesie Religieuse a Byzance / J. Grosdidier de Matons. – Paris, 1977. – 360 p.

379. Grosdidier de Matons, J. Liturgie et Hymnographie: Kondakion et Canon / J. Grosdidier de Matons // *Dumbarton Oaks Papers*. – Washigton, 1980 – 1981. – V. 34 – 35. – P. 30 – 43.
380. Jakobson, R. *Fragmenta Chiliandarica Paleoslavica. A. Sticherarium. Ser.: Monumenta Musicae Byzantinae, 5* / R. Jakobson. – Copenhagen, 1957. – 110 p.
381. Jakobson, R. *The Slavic Response to Byzantine Poetry* / R. Jakobson // *Actes du 12 Congres International D'Etudes Byzantines. Ochride 10-16 Septembre, 1961*. – Beograd, 1961. – V. 1. – P. 1 – 19.
382. Janeras, S. *Le Vendredi Saint dans la tradition liturgique byzantine* / S. Janeras. – Rome, 1988. – 443 p.
383. Javier, F. Πάθος και Ανάστασις: Ιστορική εξέλιξη της Βυζαντινής υμνογραφίας της Μεγάλης Βδομάδας και της Εβδομάδας της Διακαινησίμου. Διδακτορική διατριβή / F. Javier. – Θεσσαλονίκη, 2007. – 540 p.
384. Keller, F. *Die russisch-kirchenslavische Fassung des Weihnachtskontakions und seiner Prosomoia. Ser.: Slavica Helvetica, 9* / F. Keller. – Bern, 1977. – 243 p.
385. Krumbacher, K. *Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527-1453)* / K. Krumbacher. – Munich, 1897. – 494 p.
386. Krypiakiewicz, P. F. *De Hymni Acathisti auctore/ P. F. Krypiakiewicz // Byzantinische Zeitschrift*. – Munich, 1909. – V. 18. – P. 357 – 382.
387. Lampe, G. *A Patristic Greek Lexicon* / G. A. Lampe. – Oxford: Oxford University Press, 1961. – 1568 p.
388. Levy, K. *The Earliest Slavic Melismatic Chants/ K. Levy // Fundamental Problems of Early Slavic Music and Poetry. Monumenta Musicae Byzantinae*. – Copenhagen, 1978. – P. 197 – 210.

389. Limberis, V. *Divine Heiress: The Virgin Mary and the Creation of Christian Constantinople*/ V. Limberis. – London – New York, 1994. – 212 p.
390. Lucini, L. *L’Inno Acatisto, una devozione Mariana dell oriente bizantino*/ L. Lucini // *Rivista Cisterciana*. – 1987. – V. 4. – P. 21 – 27.
391. Lunt, H. *The Language of Rus’ in the XIth. century. Some Observations about Facts and Theories* / H. Lunt // *Harvard Ukrainian Studies*. – Harvard, 1988/1989 – Vol. 12/13. – P. 276 – 313.
392. Maas, P. *Placido de Meester. L’inno Acathisto (review)*/ P. Maas // *Byzantinische Zeitschrift*. – Munich, 1905. – V. 14.– P. 643 – 647.
393. Maisano, R. *Cantici di Romano il Melodo* / R. Maisano. – Torino, 2002. – 1314 p.
394. Marti, R. *Horizontal and Vertical: Acrostichus in Der Frühzeit Des Slavischen Schrifttums*/ R. Marti // *ПЪНИЕ МАЛО ГЕГЪРГИЮ: Сборник в чест на 65-годишнината на проф. дфн. Георги Попов – София, 2010. – С. 30 – 47.*
395. Manutius, Aldus. *Poetae Christiani Veteres* / A. Manitius. – Venice, 1501.
396. Meersseman, G. *The Akathistos Hymn: Hymn of Praise to the Mother of God* / G. Meersseman. – Freiburg, 1958. – 77 p.
397. Meersseman G. *Der Hymnos Akathistos im Abendland. In 2 vol.* / G. Meersseman. – Freiburg, 1958.
398. Migne, G. P. *Patrologiae Cursus Graecae. Vol. 92* / G. P. Migne. – Paris, 1860.
399. Mitsakis, K. *A Linguistic Analysis of the “Akathistos Hymn”*/ K. Mitsakis // *Κληρονομιά. – Θεσσαλονίκη, 1979. – Vol. 11. – P. 253 – 262.*
400. Panin, L.G., Borisova, T.S. *Comparative linguistic textological analysis as a means of research into the evolution of the derivation system (on the early church slavonic translations of Greek words with the prefix συν-)* / L. G. Panin,

- T. S. Borisova // *Journal Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.* – Krasnoyarsk, 2019. – Vol. 12(10). – P. 1887–1903.
401. Patzold, A. *Der Akathistos-Hymnos. Die Bilderzyklen in der byzantinistischen Wandmalerei des 14. Jahrhunderts/ A. Patzold.* – Stuttgart, 1989. – 168 p.
402. Peltomaa, L. *The Image of the Virgin Mary in the Akathistos Hymn / L. Peltomaa.* – Boston, 2001. – 242 p.
403. Peters, C. *Eine arabische Übersetzung des Akathistos-Hymnus/ C. Peters // Le Museon.* – 1940. – V. 53. – P. 89 – 104.
404. Picchio, R. *On Russian Humanism: the Philological Revival / R. Picchio // Slavia.* – Praha, 1975. – Vol. 44/2. – P. 161 – 171.
405. Pitra, J. B. *Analecta Sacra Spicilegio Solesmensi Parata / J. B. Pitra.* – Paris, 1876. – V. 1.
406. Ralli, A. *Compounding versus Derivation / A. Ralli // Cross-Disciplinary Issues in Compounding.* – John Benjamins Publishing Company, 2010. – P. 57 – 74.
407. Salaville, S. *Un Acathiste Turc avec Acrostiche Alphabetique Grec / S. Salaville // Επετηρίς Εταιρείας Βυζαντινών Σπουδών.* – Athens, 1953. – P. 484 – 490.
408. Szoverffy, J. *A Guide to Byzantine Hymnography / J. Szoverffy.* – Brookline, 1978. – 183 p.
409. Sofroniou, S. *Lexicostatistical Contribution to the Authorship of the Akathistos Hymnos / S. Sofroniou // Επετηρίς Εταιρείας Βυζαντινών Σπουδών.* – Athens, 1966 – 1967. – Vol. 35. – P. 117 – 127.
410. Schiro, G. *Caratteristiche dei canoni di Andrea Cretese. Studio su alcune composizioni inedite del melode / G. Schiro // Πρακτικά Α' Διεθνούς Κρητολογικού Συνεδρίου. Κρητικά Χρονικά.* – Ηράκλειο, 1963. – Vol. 15 – 16 (II). – P. 113 – 139.

411. Tachiaos, A. The Greek Metropolitans of Kievan Rus'. An Evaluation of their Spiritual and Cultural Activity / A. Tachiaos // Harvard Ukrainian Studies. – Harvard, 1988/1989. – Vol. 12/13. – P. 430 – 445.
412. Thomson, Fr. J. The Reception of Byzantine Culture in the Medieval Russia / Fr. Thomson. – Ashgate, 1999. – 416 p.
413. Toniolo, E. M. Numeri e simboli nell'Inno Akathistos alla Madre de Dio/ E. Toniolo // Ephemerides Liturgicae. – Rome, 1987. – V. 101. – P. 267 – 288.
414. Toniolo, E. M. Akathistos. Saggi di critica e di teologia/ E. Toniolo. – Rome, 2000. – 265 p.
415. Trypanis, C. An Anonymous Early Byzantine Kondakion on the Virgin Mary / C. Trypanis // Byzantinische Zeitschrift. – Munich, 1965. – V. 58. – P. 327 – 332.
416. Trypanis, C. A. Fourteen Early Byzantine Cantica / C. Trypanis. – Vienna, 1968. – 171 p.
417. Vereeecken, J. L'Hymne Acatiste: Icone chantee et mystere de l'incarnation en nombres / J. Vereeecken // Byzantion. – Leuven, 1993 – V. 63. – P. 357 – 387.
418. Vincenz de, A. West Slavic Elements in the Literary Language of Kievan Rus / A. de Vincenz // Harvard Ukrainian Studies. – Harvard, 1988/1989. – Vol. 12/13. – P. 262 – 275.
419. Vodoff, V. Quelques questions sur la langue liturgique a Kiev av Xe et au debut du Xie siècle / V. Vodoff // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Proceedings of the International Congress on the Millenium of the Conversion of Rus' to Christianity. – Thessaloniki, 1992.
420. Wellesz, E. The "Akathistos". A Study in Byzantine Hymnography/ E. Wellesz // Dumbarton Oaks Papers. – Washington, 1956. – V. 9 – 10. – P. 142 – 174.
421. Wellesz, E. The Akathistos Hymn. Ser.: Monymenta Musicae Byzantinae. Transcripta. V. 9 / E. Wellesz. – Copenhagen, 1957. – 108 p.

422. Wellesz, E. A History of Byzantine Music and Hymnography/ E. Wellesz. – Oxford, 1961. – 461 p.
423. Αναστασιάδη- Συμεωνίδη, Α. Το μόρφωμα θεο- στην ελληνική / Α. Αναστασιάδη- Συμεωνίδη // Γλώσσης χάριν. Τιμητικός τόμος Γ. Μπαμπινιώτη. – Αθήνα: Ελληνικά Γράμματα, 2008. – P. 99 – 113.
424. Δεδούσης Β. Ο ποιητής και το μέτρον του κοντάκιου των χαιρετισμών της Παναγίας / Β. Δεδούσης // Γρηγόριος Παλαμάς. – Θεσσαλονίκη, 1952. – Vol. 35. – P. 147 – 155.
425. Δετοράκης, Θ. Οι άγιοι της πρώτης βυζαντινής περιόδου της Κρήτης και σχετική προς αυτούς φιλολογία / Θ. Δετοράκης. – Αθήναι, 1970. – 258 p.
426. Δετοράκης, Θ. Κοσμάς ο Μελοδός. Βίος και έργο / Θ. Δετοράκης. – Θεσσαλονίκη, 1979. – 257 p.
427. Δετοράκης, Θ. Ο «Ακάθιστος Ύμνος» και τα προβλήματά του / Θ. Δετοράκης. – Αθήνα, 1993. – 45 p.
428. Δετοράκης, Θ. Μέγας Κανών – Εισαγωγικά / Θ. Δετοράκης // Καθημερινή. 7 ημέρες. – Αθήνα, 4 Μαρτίου 2001. – P. 28–29.
429. Δετοράκης, Θ. Βυζαντινή φιλολογία. Τα πρόσωπα και τα κείμενα. Τόμος Β / Θ. Δετοράκης. – Ηράκλειο, 2003. – 603 p.
430. Δετοράκης, Θ. Άγνωστοι ύμνοι Λέοντος Ζ' του Σοφού / Θ. Δετοράκης // Myriobiblos: Essays on Byzantine Literature and Culture. – Berlin: De Gruyter, 2015. – P. 131 – 142.
431. Ευστρατιάδης, Σ. Κατάλογος των εν τη ιερά μονή Βατοπεδίου αποκειμένων κωδίκων υπό μητροπολίτου πρώην Λεοντοπόλεως Σωφρονίου Ευστρατιάδου και γέροντος Αρκαδίου Βατοπεδινού. Vol.1 / Σ. Ευστρατιάδης. – Παρίσι: Αγιορειτική βιβλιοθήκη, 1924. – 276 p.
432. Ευστρατιάδης, Σ. Κατάλογος των κωδίκων της Μεγίστης Λαύρας (της εν τῷ Ἁγίῳ Ὄρει) συνταχθεῖς υπό Σπυρίδωνος μοναχοῦ Λαυριώτου, ιατροῦ,

- επεξεργασθείς δε και διασκευασθείς υπό Σωφρονίου Ευστρατιάδου / Σ. Ευστρατιάδης. – Παρίσι: Αγιορειτική Βιβλιοθήκη, 1925. – 515 p.
433. Ευστρατιάδης, Σ. Ιωακείμ Ιβηρίτου. Ο Ακάθιστος Ύμνος / Σ. Ευστρατιάδης // Θεολογία. – Αθήνα, 1928. – Vol. 7. – P. 257 – 287.
434. Ευστρατιάδης, Σ. Συμεών Λογοθέτης ο Μεταφραστής / Σ. Ευστρατιάδης // Επετηρίς Εταιρείας Βυζαντινών Σπουδών. – Αθήνα, 1931. – Vol. 8. – P. 47–65.
435. Θεοδώρου, Α. Χαίρε, νύμφε ανύμφε / Α. Θεοδώρου. – Αθήνα, 1993. – 297 p.
436. Κούτσα, Συμεών Π. (αρχ.). Αδαμιαίος Θρήνος. Ο Μέγας Κανών Ανδρέου του Κρήτης. Εισαγωγή – κείμενο – μετάφραση – σχόλια/ Συμεών Κούτσα. – Αθήνα, 1981. – 312 p.
437. Κρητικού, Φ. Ο Ακάθιστος Ύμνος στην βυζαντινή και μεταβυζαντινή μελοποιία / Φ. Κρητικού. – Αθήνα, 2004.
438. Λιάνας, Ζ. Οι χαιρετισμοί της Θεοτόκου και η Ακάθιστου Εορτή/ Ζ. Λιάνας // Επετηρίς Εταιρείας Βυζαντινών Σπουδών. – Αθήνα, 1925. – Vol. 2. – P. 348 – 349.
439. Μαρτήνος, Ι. Ερμηνεία εις του Ακαθίστου Ύμνου / Ι. Μαρτήνος. – Αθήνα, 1989.
440. Μητσάκης, Κ. Ένας λαϊκός κρητικός «Ακάθιστος» του ΙΕ΄ αιώνα / Κ. Μητσάκης // Βυζαντινά. Θεσσαλονίκη, 1969. – Vol. 1. – P. 23 – 38.
441. Μητσάκης, Κ. Βυζαντινή υμνογραφία. Από την Καινή Διαθήκη ως την Εικονομαχία. / Κ. Μητσάκης. – Αθήνα, 1986. – 592 p.
442. Μπορίσοβα Τ. Ο Ακάθιστος Ύμνος και η μεταφρασή του στην Εκκλησιαστική Σλαβική γλώσσα. Διδακτωρική διατριβή. / Τ. Μπορίσοβα. – Ρέθυμνο, 2006. – 300 p. – Режим доступа: <http://thesis.ekt.gr/thesisBookReader/id/15766#page/1/mode/2up>
443. Μπορίσοβα, Τ. Ο Μέγας Κανών του Ανδρέου Κρήτης και η μετάγγισή του στον κόσμο των Σλάβων: αρχικά στάδια της ιστορίας του παλαιοσλαβικού

- κειμένου / Τ. Μπορίσοβα // Σλάβοι και Ελληνικός Κόσμος. Πρακτικά Α' Επιστημονικής Ημερίδας Τμήματος Σλαβικών Σπουδών. – Αθήνα: Library of Pelekanos, 2014. – P. 73 – 88.
444. Μπορίσοβα, Τ. Η Βυζαντινή τέχνη του Λόγου στον κόσμο των Σλάβων. Δύο αποδόσεις της αλφαβητικής ακροστιχίδας στις παλαιότερες σλαβικές μεταφράσεις των βυζαντινών ύμνων / Τ. Μπορίσοβα // Κύριλλος και Μεθόδιος: το Βυζάντιο και ο Κόσμος των Σλάβων. – Θεσσαλονίκη, 2015. – P. 512 – 524.
445. Μπορίσοβα, Τ. Το κάλλος και η ωραιότητα στις σλαβικές μεταφράσεις της βυζαντινής υμνογραφίας βάσει των Εκκλησιαστικών Σλαβονικών εκδοχών του Μεγάλου Κανόνα του Άγιου Ανδρέου Κρήτης / Τ. Μπορίσοβα // Από καρδιάς. Μνήμη Δημητρίου Χ. Πάντου. – Αθήνα, 2016. – P. 31 – 45.
446. Μπορίσοβα, Τ. Η Ελληνική παράδοση στην Εκκλησιαστική Σλαβονική υμνογραφία του 18^{ου}- 20^{ου} αι / Τ. Μπορίσοβα // ΦΩΤΙΩΙ. Τόμος για τα 40χρονα διδασκαλίας του Ομότιμου Καθηγητή του Τμήματος Φιλολογίας Πανεπιστημίου Αθηνών Φωτίου Αρ. Δημητρακόπουλου. – Αθήνα: Επικαιρότητα, 2018. – P. 222 – 237.
447. Νέλλα, Π. Ζώνον θεούμενον / Π. Νέλλα. – Αθήνα, 1979. – 320 p.
448. Νιχωρίτης, Κ. Η επίδραση του Άγιου Όρους στον πνευματικό βίο των Σλάβων / Κ. Νιχωρίτης. – Θεσσαλονίκη, 2004. – 272 p.
449. Νιχωρίτης, Κ. Οι Άγιοι Κύριλλος και Μεθόδιος. Ο πνευματικός βίος και ο πολιτισμός των Σλάβων / Κ. Νιχωρίτης. – Θεσσαλονίκη, 2013. – 736 p.
450. Ξύδη, Θ. Ο Ακάθιστος Ύμνος ως ποιητικό κείμενο / Θ. Ξύδη. – Αθήνα, 1947. – 23 p.
451. Ξύδη, Θ. Βυζαντινή Υμνογραφία / Θ. Ξύδη. – Αθήνα, 1978. – 572 p.
452. Παπαγιάννης, Γ. Ακάθιστος Ύμνος. Άγνωστες πτυχές ενός πολύ γνωστού κειμένου. Κριτικές κι μετρικές παρατηρήσεις, σχολιασμένη βιβλιογραφία / Γ. Παπαγιάννης. – Θεσσαλονίκη, 2006. – 306 p.

453. Παπαδοπούλου-Κεραμέως, Α. Ανάλεκτα Ιεροσολυμιτικής σταχυολογίας. Τ. Β' / Α. Παπαδοπούλου-Κεραμέως. – Εν Πετρούπολει, 1897. – 541 p.
454. Παπαδοπούλου –Κεραμέως, Α. Ο Ακάθιστος Ύμνος, οι Ρως και ο πατριάρχης Φώτιος / Α. Παπαδοπούλου-Κεραμέως. – Αθήνα, 1903. – 87 p.
455. Παπαδοπούλου-Κεραμέως, Α. Ο Μέγας Κανών του Ανδρέου της Κρήτης / Α. Παπαδοπούλου-Κεραμέως // Εκκλησιαστικός Φάρος. – Αλεξάνδρεια, 1910. – Vol. 5. – P. 501–518.
456. Πάσχος, Π. Ο Μέγας Κανών του Αγίου Ανδρέου Κρήτης. Μικρή εισαγωγή στην κατανυκτική ποίησή του/ Π. Πάσχος // Ριζάρειος Εκκλησιαστική Παιδεία. – Αθήνα, 1988. – Vol. 4. – P. 315 – 326.
457. Πολίτης, Ν. Γ. Εκστασις και ανάστασις κατά του «Μέγαν Κανόνα». Φιλοσοφική προσέγγισις/ Ν. Γ. Πολίτης // Επετηρίς Εταιρείας Βυζαντινών Σπουδών. – Αθήνα, 1987. – Vol. 27. – P. 149 – 200.
458. Σταματάκης, Ι. Λεχικόν Αρχαίας Ελληνικής Γλώσσας/ Ι. Σταματάκης. – Αθήνα: Φοίνιξ, 1972. – 1261 p.
459. Σταμούλης, Χ. Κυρίλλου Αλεξανδρείας Κατά Ανθρωπομορφιτών / Χ. Σταμούλης. – Θεσσαλονίκη, 1993. – 256 p.
460. Σταμούλης, Χ. Κάλλος το άγιον. / Χ. Σταμούλης. – Νέα Σμύρνη, 2004. – 358 p.
461. Ταχιαός, Α. Επίδρασης του ησυχασμού εις την εκκλησιαστικήν πολιτικήν εν Ρωσία 1328 – 1406 / Α. Ταχιάος. – Θεσσαλονίκη, 1962.
462. Ταχιαός, Α. Κύριλλος και Μεθόδιος. Οι θεμελιωτές της αρχαίας σλαβικής γραμματείας/ Α. Ταχιάος. – Θεσσαλονίκη, 1992. – 264 p.
463. Τομαδάκης, Ν. Μικρόν Αγιορειτικόν Θεοτοκάριον της Ακάθιστου Εορτής / Ν. Τομαδάκης // Επετηρίς Εταιρείας Βυζαντινών Σπουδών. – Αθήνα, 1963. – Vol. 32. – P. 1 – 25.
464. Τομαδάκης, Ν. Η βυζαντινή υμνογραφία και ποίησις, ήτοι εισαγωγή εις την βυζαντινήν φιλολογίαν. Vol. 2 / Ν. Τομαδάκης. – Αθήνα, 1965.

465. Τομαδάκης, Ν. Ο Ρωμανός ο Μελωδός δεν είναι ο συγγραφέας του Ακαθίστου. / Ν. Τομαδάκης. – Αθήνα, 1971. – 24 p.
466. Τομαδάκης, Ν. Εισαγωγή εις την βυζαντινήν φιλολογίαν. Vol. 2 / Ν. Τομαδάκης. – Θεσσαλονίκη, 1993. – 304 p.
467. Τριαντάρη-Μαρά, Σ. Η έννοια του κάλλους στο Διονύσιο Αρεοπαγίτη. Θεωρητική προσέγγιση της βυζαντινής τέχνης / Σ. Τριαντάρη-Μαρά. – Θεσσαλονίκη, 2002. – 193 p.
468. Τριώδιον κατανυκτικόν. – Έν Βενετία, 1867. – 455 p.
469. Τριώδιον κατανυκτικόν. – Έν Ρώμη. 1879. – 830 p.
470. Τριώδιον κατανυκτικόν. – Αθήνα, 1992. – 1094 p.
471. Υμνολόγιον το Χαρμοσύνον. Ήγουν χαιρετιστήριοι οίκοι εις αγίους και εορτάς της εκκλησίας. – Κύπρος: Ιερά Μονή Σταυροβούνιο, 1995. – 655 p.
472. Χρήστος, Π. Ο Μέγας Κανών του Ανδρέα Κρήτης/ Π. Χρήστος // Θεολογικά Μελετήματα. – Θεσσαλονίκη, 1981. – P. 231 – 275.
473. Χριστοφιλοπούλου, Α. Ενδείξεις δια την Χρονολόγησιν του Ακαθίστου Ύμνου / Α. Χριστοφιλοπούλου // Επετηρίς Εταιρείας Βυζαντινών Σπουδών. – Αθήνα, 1966 – 1967. – Vol. 35. – P. 47 – 67.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ РУКОПИСЕЙ И УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. Триодъ постная и цветная, сербская, XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр F.n.I. 68 – *Серб.*
2. Триодъ постная и цветная (*Шафариковская*), болгарская, конец XII – начало XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр F.n.I.74 – *Шафар.*
3. Триодъ постная и цветная (*Загребская*), македонская, XIII в., Загребский Архив, Скопия, IV d 107 (рассмотрена по микрофильму, хранящемуся в Российской национальной библиотеке)³⁰ – *Загреб.*
4. Триодъ постная и цветная, сербская, XIV в., Национальная библиотека Сербии, Белград, шифр 644 – *НБС 644.*
5. Триодъ постная и цветная, сербская, 1328, Национальная библиотека Сербии, Белград, шифр 645 – *НБС 645.*
6. Триодъ постная и цветная, сербская, XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр F. п. I. 92 – *F.n.I.92.*
7. Триодъ постная и цветная (*Триодъ Моисея Киянина*), конец XII – начало XIII в., Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Москва, фонд 381, № 137 – *Киян.*
8. Триодъ постная и цветная, болгарская, XIV в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, собрание Погодина, шифр 40 – *Пог. 40.*
9. Триодъ постная и цветная (*Орбельская*), болгарская, XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр F.n.I.102 – *Орбел.*
10. Триодъ постная и цветная (*Пловдивская*), болгарская, XIII в., Научная библиотека им. Ивана Вазова, Пловдив, Болгария, шифр НБИВ 57 – *Пловд.*

³⁰ См. также издание в Цервенковска, Э. 1999.

11. Триодь постная и цветная, болгарская, XIII в., Государственный исторический музей (ГИМ), Москва, собрание Хлудова, шифр 133 – *Хлуд. 133.*
12. Триодь постная и цветная, болгарская, XIII – XIV в., Государственный исторический музей (ГИМ), Москва, собрание Хлудова, шифр 138 – *Хлуд. 138.*
13. Триодь постная и цветная, болгарская, XIII – XIV в., Государственный исторический музей (ГИМ), Москва, собрание Хлудова, шифр 139 – *Хлуд. 139.*
14. Триодь постная и цветная (Вологодская), русская, XIV в., Российская государственная библиотека, Москва, Вологодское собрание, № 241 – *Волог.*
15. Триодь постная (*Битольская*), болгарская, XII в., архив Болгарской Академии наук (БАН), София, шифр 38 – *Битол.*
16. Триодь постная, болгарская, XIII в., Государственный исторический музей (ГИМ), Москва, собрание Щукина, шифр 338 – *Щук.*
17. Триодь постная (нотированная), русская, XII в., Государственный исторический музей (ГИМ), Москва, Синодальное собрание, шифр 319 – *Синод. 319.*
18. Триодь постная, русская, XIV в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, собрание Погодина, шифр 41 – *Пог. 41.*
19. Триодь постная, русская, XIV в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Софийское собрание, шифр 84 – *Соф. 84.*
20. Триодь постная, русская, XIV в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр F.I.680 – *F.I.680.*
21. Триодь постная, болгарская, начало XIV в., архив Болгарской Академии наук (БАН), София, шифр 40 – *БАН 40.*
22. Триодь постная, XIV в., болгарская, рукописное собрание Синайского монастыря, шифр Slavonicus 23 (рассмотрена по микрофильму, хранящемуся в Российской национальной библиотеке) – *Син. 23.*

23. Триодъ постная, 1359 г., сербская, рукописное собрание афонского Свято-Пантелеимонова монастыря, шифр 29 (рассмотрена по цифровым снимкам, любезно предоставленным библиотекарем монастыря о. Ермолаем (Чежия)) – *Пант. 29*.
24. Триодъ постная, XIV в., болгарская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, собрание Титова, шифр 1983 – *Тит. 1983*.
25. Триодъ постная, XIV в., русская, Российская государственная библиотека, Москва, шифр 25 – *РГБ 25*.
26. Триодъ постная, XIV в., македонская, Загребский Архив, Скопия, шифр М-П-Л (рассмотрена по микрофильму, хранящемуся в Российской национальной библиотеке) – *М-П-Л*.
27. Триодъ постная, вторая половина XIV в., сербская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, шифр Ф. п. I.103 – *F.n.I.103*.
28. Триодъ постная, XIV в., русская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, шифр Ф. п. I.30 – *F.n.I.30*.
29. Триодъ постная, XIV в., сербская, Национальная библиотека свв. Кирилла и Мефодия, София, шифр 204 – *НБКМ 204*.
30. Триодъ постная, болгарская, 1350, собрание Хиландарского монастыря, № 259 (рассмотрена по микрофильму, хранящемуся в Хиландарском исследовательском центре Университета штата Огайо) – *Хил. 259*.
31. Триодъ постная, сербская, 1360, собрание Хиландарского монастыря, № 256 (рассмотрена по микрофильму, хранящемуся в Хиландарском исследовательском центре Университета штата Огайо) – *Хил. 256*.
32. Триодъ постная, сербская, 1390, собрание Хиландарского монастыря, № 255 (рассмотрена по микрофильму, хранящемуся в Хиландарском исследовательском центре Университета штата Огайо) – *Хил. 255*.
33. Триодъ постная, сербская, начало XV в., собрание Хиландарского монастыря, № 261 (рассмотрена по микрофильму, хранящемуся в

- Хиландарском исследовательском центре Университета штата Огайо) – *Хил. 261.*
34. Триодъ постная, сербская, середина XV в., собрание Хиландарского монастыря, № 262 (рассмотрена по микрофильму, хранящемуся в Хиландарском исследовательском центре Университета штата Огайо) – *Хил. 262.*
35. Триодъ постная, XV в., болгарская, рукописное собрание афонского Зографского монастыря, шифр 77 (рассмотрена по микрофильму, хранящемуся в Патриаршем фонде святоотеческих исследований (г. Фессалоники, монастырь Влатадон)) – *Зогр. 77.*
36. Триодъ постная, XV в., сербская, рукописное собрание афонского Зографского монастыря, шифр 79 (рассмотрена по микрофильму, хранящемуся в Патриаршем фонде святоотеческих исследований (г. Фессалоники, монастырь Влатадон)) – *Зогр. 79.*
37. Триодъ постная, XV в., сербская, Национальная библиотека свв. Кирилла и Мефодия, София, шифр 1158 – *НБКМ 1158.*
38. Триодъ постная, XV в., болгарская, Национальная библиотека свв. Кирилла и Мефодия, София, шифр 582 – *НБКМ 582.*
39. Триодъ постная, XV в., болгарская, Национальная библиотека свв. Кирилла и Мефодия, София, шифр 943 – *НБКМ 943.*
40. Триодъ постная, XV – XVI вв., болгарская, рукописное собрание афонского Зографского монастыря, шифр 79 (рассмотрена по микрофильму, хранящемуся в Патриаршем фонде святоотеческих исследований (г. Фессалоники, монастырь Влатадон)) – *Зогр. 79.*
41. Триодъ постная, XV в., болгарская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, шифр Ф.п. I. 55 – *F.n.I.55.*
42. Триодъ постная, середина XV в., болгарская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, шифр F. I. 124 – *F.I.124.*
43. Триодъ постная, 1466, болгарская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, шифр F. I. 125 – *F.I.125.*

44. Триодь постная, XV в., сербская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, шифр F. I. 750 – *F.I.750*.
45. Триодь постная, XV в., русская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, шифр Q.I.99 - *Q.I.99*.
46. Триодь постная, конец XV в., русская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, шифр Q.I.1319 - *Q.I.1319*.
47. Триодь постная, русская, XV в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, собрание Погодина, шифр 42 – *Пог. 42*.
48. Триодь постная, болгарская, XV в., архив Болгарской Академии наук (БАН), София, шифр 41 – *БАН 41*.
49. Триодь постная, XV в., русская, Российская государственная библиотека, Москва, шифр 385 – *РГБ 385*.
50. Триодь постная, XV в., русская, Российская государственная библиотека, Москва, шифр 386 – *РГБ 386*.
51. Триодь постная, XV в., русская, Российская государственная библиотека, Москва, шифр 1169 (собрание Ундольского № 75) – *РГБ 1169*.
52. Триодь цветная (нотированная), последняя треть XII в., Государственный исторический музей (ГИМ), Москва, собрание Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, № 27 – далее *Воскр.*
53. Триодь цветная (Синодальная), XII в., Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Москва, фонд 381, № 138 – далее *Синод. 138*.
54. Триодь цветная, русская, XIV век, собрание П. Фекулы, № 8 (рассмотрена по микрофильму, хранящемуся в Хиландарском исследовательском центре Университета штата Огайо) – *Фек.8*.
55. Триодь цветная, XIV в., болгарская, рукописное собрание Синайского монастыря, шифр Slavonicus 23 (рассмотрена по цифровой копии) – *Син. 24*.
56. Триодь цветная, болгарская, 1392, Государственный исторический музей (ГИМ), Москва, собрание Хлудова, № 134, - *Хлуд. 134*.

57. Триодь цветная, 1483 г., русская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, шифр F. I. 137 – *F.I.137*.
58. Триодь цветная, 1408 г., сербская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, шифр F. I. 583 – *F.I.583*.
59. Триодь цветная, XV в., сербская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, шифр F. I. 751 – *F.I.751*.
60. Триодь цветная, сербская, середина XV в., собрание Хиландарского монастыря, № 626 (рассмотрена по микрофильму, хранящемуся в Хиландарском исследовательском центре Университета штата Огайо) – *Хил. 626*.
61. Триодь цветная, XV в., молдововлахийская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, шифр F.п. I. 59 – *F.n.I.59*.
62. Триодь цветная, XV в., русская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, шифр F.п. I. 31 – *F.n.I.31*.
63. Триодь цветная, XV в., русская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, шифр Q.I.599 - *Q.I.599*.
64. Триодь цветная, русская, XV в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, собрание Погодина, шифр 486 – *Пог. 486*.
65. Триодь цветная, русская, XV в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, собрание Погодина, шифр 488 – *Пог. 488*.
66. Фрагмент стихираря цветного, XII в., русский, Библиотека РАН (Санкт-Петербург), собрание Дмитриевского, шифр 44 – *Хил. 307*.
67. Стихирарь постный и цветной, XII в., русский, Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Москва, фонд 381, № 147 – *РГАДА 147*.
68. Стихирарь постный и цветной, XII - XIII в., Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Москва, фонд 381, № 148 – *РГАДА 148*.
69. Стихирарь постный и цветной, XIII в., Государственный исторический музей (ГИМ), Москва, собрание Успенского, 8 – далее *Усп.8*.

70. Стихирарь триодный, XIII в., русский, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Софийское собрание, шифр 85 – *Соф. 85*.
71. Стихирарь триодный, XIII в., русский, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Софийское собрание, шифр 96 – *Соф. 96*.
72. Стихирарь крюковой с прибавлениями, 1437, русский, Российская государственная библиотека, Москва, шифр 407 – *РГБ 407*.
73. Стихирарь крюковой с прибавлениями, вторая половина XV в., русский, Российская государственная библиотека, Москва, шифр 408 – *РГБ 408*.
74. Стихирарь крюковой, конец XV в., русский, Российская государственная библиотека, Москва, шифр 409 – *РГБ 409*.
75. Псалтирь с воследованием, русская, XV в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр F. п. I. 28 - *F. п. I. 28*.
76. Псалтирь с воследованием, русская, XV в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Соловецкое собрание, шифр 754 – *Сол. 754*.
77. Псалтирь с воследованием, русская, XV в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Соловецкое собрание, шифр 781 – *Сол. 781*.
78. Часослов с воследованием, русский, XV в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, собрание Титова, шифр 1467 – *Тит. 1467*.

II

ИЗДАНИЯ И РУКОПИСНЫЕ СПИСКИ ГРЕЧЕСКОГО ТЕКСТА АКАФИСТА БОГОМАТЕРИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В РАБОТЕ, СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И СИНГЛОВ ПО ИЗДАНИЮ С. ТРИПАНИСА

1. Aldus Manutius. *Poetae Christiani Veteres*. Venice, 1501. – *Ald.*
2. Christ W. and Paranikas M. *Anthologia Graeca Carminum Christianorum*. Leipzig, 1871. P. 140 – 147. – *Ch.*
3. Migne G. P. *Patrologiae Cursus Graecae*. v. 92. Paris, 1860. – *Mign.*

4. Pitra J. B. *Analecta Sacra Spicilegio Solesmensi Parata*. V. 1. Paris, 1876. P. 250 – 262. – **Pitr.**
5. Wellesz E. The Akathistos Hymn.// *Monumenta Musicae Byzantinae. Transcripta*. V. 9. Copenhagen, 1957. – **Wel.**
6. Trypanis C. A. *Fourteen Early Byzantine Cantica*. Vienna, 1968. С. 29 – 39.

A Athous Batopediou 1041 (X – XI вв.)

B Athous Laurae Γ' 27 (X – XI вв.).

D Athous Laurae Γ' 28 (XI в.).

G Sinaiticus 925 (X в.).

H Sinaiticus 926 (XI в.).

J Sinaiticus 927 (XIII в.).

M Mosquensis Synod. gr. 437 (XII в.).

N Neapolitanus II C. 13 (XIII в.).

P Patmiacus 212 (XI в.), Patmiacus 213 (XI в.).

T Taurinensis B iv. 34 (XI в.).

C Corsinianus 366 (X - XI в.).

V Vindobonensis, suppl. gr. 96 (XII в.).

7. Триодь греческая. XII в. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург. шифр. GR 230 - **GR 230**.
8. Триодь греческая. XI в. – Библиотека Ватикана. Codices Barberiniani 339 – **Barb 339**.
9. Триодь греческая. XIII в. - Национальная библиотека Греции, Афины, шифр 642 – **EB642**.